

Рамаяна

Сказание о Раме

Оглавление

О Рамаяне

Книга I. Детство Бала Канда

1. Шри Нарада рассказывает Вальмики историю Рамы
2. Вальмики создает стихотворный размер «Рамаяны»
3. Деяния Рамы, описанные в священной поэме
4. Сыновья Рамы поют эпическую поэму
5. Царство и столица царя Дашаратхи
6. Город Айодхья
7. При дворе царя Дашаратхи
8. Царь Дашаратха желает провести жертвоприношение ради рождения сына
9. Сумантра рассказывает о традиции рождения сына при помощи мудреца Ришьяшринги
10. Которая описывает, как Ришьяшринга попал во дворец царя Ромапады
11. Царь Дашаратха посещает царя Ромападу с просьбой отпустить Ришьяшрингу в Айодхью
12. Царь Дашаратха готовится к жертвоприношению Ашвамедха
13. Приготовления к жертвоприношению
14. Описание жертвоприношения Ашвамедха
15. Боги взывают к Вишну, чтобы Он убил Равану

16. Шри Вишну воплощается в облике четырех сынов царя Дашаратхи
17. Нисхождение девов, которые примут участие в играх Вишну
18. Рождение сынов царя Дашаратхи. Приход Вишвамитры
19. Просьба Вишвамитры
20. Отказ царя Дашаратхи
21. Совет Васиштхи и неохотное согласие Дашаратхи
22. Рамачандра и Лакшмана отправляются с Вишвамитрой
23. Они достигают хижины Камы
24. Лес Татака
25. Вишвамитра пытается убедить Раму в том, что он должен убить Татаку
26. Смерть якшини Татаки
27. Рама получает божественное оружие
28. Рама обучается владению оружием
29. Вишвамитра рассказывает историю хижины и начинает жертвоприношение
30. Марича и Субаху мешают жертвоприношению и погибают от руки Рамачандры
31. Вишвамитра и двое царевичей отправляются посетить жертвоприношение царя Джанаки
32. Вишвамитра повествует о своем происхождении и династии царя Куши
33. Сто царевен выходят замуж за мудреца Брахмадатту
34. Рождение Гадхи, отца Вишвамитры
35. Легенда о священной реке Ганге
36. История Умы
37. Рождение Карттикеи
38. История царя Сагары
39. Сыновья царя Сагары вспахивают землю
40. Смерть сынов Сагары
41. Аншуман возвращает коня
42. История Бхагиратхи
43. Нисхождение Ганги
44. Царь Бхагиратха совершает погребальные обряды по своим предкам
45. Пахтание океана молока
46. Дити испытывает свою плоть ради рождения сына
47. Происхождение Марутов. Святой мудрец и царевичи достигают Вишалы
48. Гаутама проклинает Индру
49. Индра и Ахалья освобождаются от проклятья
50. Рама прибывает ко двору царя Джанаки
51. История Вишвамитры
52. Васиштха принимает Вишвамитру в своей хижине
53. Васиштха отказывается отдать Шабалу Вишвамитре
54. Царь Вишвамитра пытается увести Шабалу
55. Вишвамитра подвергает себя суровой аскезе
56. Васиштха побеждает Вишвамитру своей духовной силой
57. История Тришанку
58. Сыновья Васиштхи проклинают Тришанку
59. Вишвамитра проклинает сыновей мудреца Васиштхи
60. Тришанку отправляется на небеса
61. Похищение жертвенного коня царя Амбариши и поиск человеческой жертвы
62. Вишвамитра помогает Шунашепхе
63. Менака испытывает Вишвамитру
64. Вишвамитра проклинает Рамбху
65. Вишвамитра обретает брахманическую силу
66. История Ситы

67. Рама натягивает лук
68. Царь Джанака приглашает царя Дашаратху
69. Царь Дашаратха едет ко двору царя Джанаки
70. Династия Икшваку
71. Царь Джанака повествует о своей династии
72. Приготовления к свадьбе четырех сыновей Дашаратхи
73. Свадебные церемонии
74. Появление Парашурамы
75. Парашурама вызывает Раму на битву
76. Парашурама терпит поражение и утрачивает свою силу
77. Царь Дашаратха возвращается в Айодхью. Отъезд Бхараты к деду

Книга II. Айодхья Айодхья Канда

1. Описание добродетелей Рамы
2. Советники и старейшины охотно принимают Раму царем
3. Приготовления к коронации
4. Рама посещает мать, царицу Каушалю
5. Мудрец Васиштха посещает Раму
6. Радость жителей Айодхьи
7. Горбунья Мантхара сообщает царице Кайкейе о приготовлениях к коронации Рамы
8. Мантхара убеждает царицу в том, что Бхарата должен стать царем, а Рама – изгнанником
9. Царица Кайкейи входит в залу гнева
10. Царь Дашаратха разыскивает царицу Кайкейи
11. Кайкейи требует благословений, обещанных царем
12. Плач царя Дашаратхи
13. Кайкейи пренебрегает безграничным горем царя
14. Царица Кайкейи остается непреклонной и вызывает Раму к себе
15. Сумантра разыскивает Раму
16. Послушный царской воле, Рама отправляется во дворец
17. Люди шумно приветствуют Раму
18. Царица Кайкейи сообщает Раме, что он изгнан в лес
19. Рама безмятежно готовится к изгнанию
20. Плач царицы Каушалы
21. Решительные возражения Лакшманы. Рама утешает свою мать
22. Рама пытается успокоить Лакшману
23. Лакшмана собирается сразить всех, кто препятствует коронации Рамы
24. Рама наставляет свою мать
25. Царица благословляет Раму
26. Рама сообщает Сите о своем решении
27. Сита умоляет Раму позволить ей сопровождать его
28. Рама пытается отговорить Ситу
29. Сита продолжает умолять Раму, но царевич не позволяет ей идти
30. Рама позволяет Сите сопровождать его
31. Рама позволяет Лакшмане сопровождать его
32. Рама раздает свое имущество брахманам, друзьям и слугам
33. Скорбь людей
34. Рама пытается утешить отца
35. Сумантра упрекает Кайкейи
36. Министр Суддхартха вразумляет Кайкейи

37. Рама, Лакшмана и Сита надевают одежды из древесной коры. Васиштха пытается отговорить Ситу от ее намерения
38. Рама просит отца покровительствовать Каушалье
39. Они готовятся уйти в лес
40. Отъезд Рамы
41. Вся природа оплакивает уход Рамы
42. Плач царя Дашаратхи
43. Плач Каушальи
44. Сумитра утешает мать Рамы
45. Брахманы умоляют Раму не покидать их
46. Рама проводит ночь на берегах реки Тамаса
47. Толпа обнаруживает, что Рама покинул их
48. Скорбь женщин Айодхьи
49. Рама входит в лес
50. Рама встречается с Гухой
51. Печальное бдение Лакшманы
52. Рама пересекает Гангу
53. Рама беседует с Лакшманой
54. Они достигают хижины Бхарадваджи
55. Рама пересекает Ямуну
56. Лакшмана строит хижину
57. Возвращение Сумантры
58. Сумантра передает царю послание Рамы
59. Горе царя Дашаратхи
60. Сумантра пытается утешить Каушалью
61. Каушалья упрекает царя Дашаратху
62. Царь Дашаратха молит Каушалью о прощении
63. Царь Дашаратха повествует историю юного аскета
64. Царь Дашаратха умирает от горя
65. Горе цариц
66. Царицы упрекают Кайкейи
67. Старейшины советуют, чтобы члены рода Икшваку избрали царя
68. Гонцы отправляются за Бхаратой
69. Сон Бхараты
70. Бхарата покидает Раджагриху
71. Бхарата достигает Айодхьи
72. Царица Кайкейи рассказывает Бхарате, что произошло в его отсутствие
73. Бхарата упрекает мать
74. Он продолжает осуждать Кайкейи
75. Бхарата пытается утешить Каушалью
76. Погребальные церемонии царя Дашаратхи
77. Горе Бхараты и Шатругхны
78. Шатругхна наказывает Мантхару
79. Бхарта отрекается от трона
80. Строительство дороги
81. Васиштха созывает царское собрание
82. Бхарата готовится к поискам Рамы
83. Бхарата достигает берегов Ганги
84. Гуха разыскивает Бхарату
85. Бхарата развеивает подозрения Гухи
86. Гуха рассказывает Бхарате о преданности Лакшманы
87. Горе Бхараты

88. Скорбь Бхараты
89. Бхарата и его спутники переправляются через Гангу
90. Встреча Бхараты и Бхарадваджи
91. Чудесное угощение, предложенное Бхарадваджей Бхарате
92. Бхарата направляется к Читракуте
93. Бхарата восторгается красотой Читракуты
94. Рама описывает Сите красоту Читракуты
95. Рама прославляет реку Мандакини
96. Лакшмана видит приближающуюся армию Бхараты
97. Рама успокаивает Лакшману

Книга III. Лесная Аранья Канда

1. Мудрецы леса Дандака приветствуют Раму
2. Демон Вирадха уносит Ситу
3. Битва двух братьев с Вирадхой
4. Рама и Лакшмана убивают демона Вирадху
5. Встреча с мудрецом Шарабхангой и его восхождение на Брахмалоку
6. Мудрецы ищут покровительства Рамы
7. Встреча Рамы и Сутикшны
8. Рама покидает Сутикшну
9. Сита умоляет Раму не сражаться с великанами
10. Рама напоминает Сите о своем обещании аскетам
11. Рама посещает различные обители и слушает Агастью
12. Агастья принимает Раму в своей хижине
13. По совету Агастьи Рама отправляется в Панчавати
14. Джатаю рассказывает Раме свою родословную
15. Рама ставит хижину в Панчавати
16. Лакшмана описывает зиму
17. Появление Шурпанакхи
18. Наказание Шурпанакхи
19. Рассказ Шурпанакхи
20. Рама убивает демонов, посланных Кхарой
21. Шурпанакха понуждает Кхару убить Раму
22. Кхара и его четырнадцать тысяч демонов выступают в поход против Рамы
23. Армия великанов встречает недобрые предзнаменования
24. Битва Рамы с великанами
25. Продолжение битвы
26. Рама повергает великанов и Душану
27. Битва Рамы и Тришираса. Гибель Тришираса
28. Битва Рамы и Кхары
29. Язвительная беседа Рамы и Кхары
30. Смерть Кхары
31. Равана узнает о смерти Кхары и решается убить Раму
32. Шурпанакха бранит Равану, понуждая его убить Раму
33. Речи Шурпанакхи, обращенные к Раване
34. Шурпанакха понуждает Равану убить Раму и жениться на Сите
35. Равана вновь посещает демона Маричи
36. Равана раскрывает демону Мариче свой замысел
37. Марича пытается отговорить Равану
38. Марича рассказывает о своей первой встрече с Рамой

39. Марича вновь пытается отговорить Равану от его замысла
40. Гнев Раваны
41. Марича продолжает увещевать Равану
42. Марича принимает облик оленя и отправляется к хижине
43. Сита влюбляется в лань
44. Рама убивает Маричу
45. Сита отсылает Лакшману на помощь Раме
46. Появление Раваны
47. Беседа Раваны и Ситы
48. Сита отвергает Равану
49. Равана похищает Ситу
50. Джатаю нападает на Равану
51. Битва Джатаю и Раваны
52. Равана возобновляет свой полет
53. Сита осуждает Равану
54. Равана вместе с Ситой достигает Ланки
55. Равана умоляет Ситу стать его женой
56. Сита под стражей демониц
57. Рама видит ужасные предзнаменования
58. Скорбь Рамы
59. Рама упрекает Лакшману
60. Поиски Ситы
61. Плач Рамы
62. Рама в отчаянье
63. Рама продолжает сокрушаться
64. Гнев Рамы
65. Лакшмана пытается успокоить Раму
66. Лакшмана взывает к мужеству Рамы
68. Смерть Джатаю
69. Рама и Лакшмана встречают Айомукхи и Кабандху
70. Рама и Лакшмана отрубают Кабандхе руки
71. Кабандха рассказывает свою историю
72. Кабандха рассказывает Раме, как найти Ситу
73. Кабандха описывает путь к горе Ришьямука
74. Рама встречается с Шабари
75. Рама на озере Пампа

Книга IV. Кишкиндха Кишкиндха Канда

1. Рама описывает весну и чувства, пробудившиеся в его сердце
2. Сугрива посылает Ханумана познакомиться с Рамой
3. Хануман встречается с Рамой
4. Хануман приводит Раму и Лакшмана к Сугриве
5. Союз Рамы и Сугривы
6. Сугрива показывает Раме накидку и драгоценности Ситы
7. Сугрива утешает Раму
8. Сугрива умоляет Раму помочь ему в битве с Бали
9. История Бали и Маяви
10. Истоки ненависти Бали к Сугриве
11. Сугрива рассказывает Раме о подвигах Бали
12. Битва Сугривы и Бали

13. Обитель Шаптаджанов
14. Сугрива вновь вызывает брата на бой
15. Тара дает Бали совет
16. Рама наносит смертельную рану Бали
17. Бали упрекает Раму
18. Рама отвечает Бали
19. Горе Тары
20. Плач Тары
21. Речь Ханумана
22. Последние слова Бали
23. Тара оплакивает тело Бали
24. Печаль Сугривы
25. Погребальные обряды по Бали
26. Сугрива становится царем
27. Рама описывает Прасравану
28. Рама описывает период дождей
29. Хануман побуждает Сугриву исполнить свое слово
30. Описание осени
31. Лакшмана отправляется в Кишкиндху
32. Речь Ханумана
33. Тара успокаивает Лакшману
34. Лакшмана упрекает Сугриву
35. Тара защищает Сугриву
36. Лакшмана мирится с Сугривой
37. Сугрива собирает свою армию
38. Сугрива отправляется на встречу с Рамой
39. Прибытие сил Сугривы
40. Сугрива посылает обезьян на восток на поиски Ситы
41. Сугрива отсылает других обезьян на юг
42. Обезьяны отправляются на запад
43. Искатели отправляются на север
44. Рама отдает Хануману свое кольцо
45. Обезьяны отправляются в путь
46. Сугрива рассказывает о своих странствиях по миру
47. Возвращение обезьян
48. Ангада убивает асуру
49. Обезьяны тщетно осматривают юг
50. Хануман и его спутники входят в пещеру Рикшабила
51. Рассказ йогини
52. Свампрабха освобождает обезьян из пещеры
53. Ангада и его спутники размышляют, что делать дальше
54. Хануман пытается отговорить Ангаду
55. Обезьяны решают умереть от голода
56. Нападение Сампати
57. Рассказ Ангады
58. Сампати рассказывает обезьянам, где скрывается Сита
59. Сампати вдохновляет их продолжать поиски
60. История аскета Нишакары
61. Сампати рассказывает свою историю мудрецу Нишакаре
62. Мудрец Нишакара раскрывает Сампати, где находится Сита
63. У Сампати вновь вырастают крылья
64. Обезьяны смущены величиим океана

65. Вожаки обезьян являют свою доблесть
66. Джамбаван взывает к Хануману пожертвовать собой ради всеобщего блага
67. Хануман готовится к полету на Ланку

Книга V. Прекрасная Сундара Канда

1. Полет Ханумана
2. Хануман прибывает на Ланку
3. Хануман входит в город
4. Хануман осматривает город и его жителей
5. Хануман бродит по городу, не находя Ситы
6. Хануман исследует дворец Раваны
7. Описание небесной колесницы Пушпака
8. Дальнейшее описание небесной колесницы Пушпака
9. Хануман разыскивает гарем
10. Хануман видит Равану, окруженного женами
11. Описание зала пиршеств
12. Унынье Ханумана
13. Затруднительное положение Ханумана
14. Ашоковая роща
15. Хануман видит Ситу
17. Размышления Ханумана
17. Демоницы, охранявшие Ситу
18. Равана посещает ашоковую рощу
19. Горе Ситы
20. Равана предлагает Сите стать его женой
21. Сита с презрением отвергает Равану
22. Угрозы Раваны
23. Демоницы уговаривают Ситу уступить Раване
24. Их угрозы
25. Горе Ситы
26. Сита предрекает гибель демонов
27. Сон Триджаты
28. Скорбь Ситы
29. Сита видит благоприятные предзнаменования
30. Размышления Ханумана
31. Хануман прославляет Раму
32. Сита видит Ханумана
33. Хануман беседует с царевной Ситой
34. Сомнения Ситы
35. Хануман раскрывает себя Сите
36. Сита спрашивает Ханумана
37. Сита отказывается идти с Хануманом
38. Сита отдает Хануману свой драгоценный камень
39. Хануман рассеивает страхи Ситы
40. Хануман покидает Ситу
41. Хануман разрушает ашоковую рощу
42. Смерть Кинкаров
43. Хануман сжигает храм
44. Гибель Джамбумалина
45. Хануман убивает сыновей царских министров

46. Гибель пяти генералов вражеской армии
47. Смерть Акши
48. Хануман позволяет демонам пленить себя
49. Изумление Ханумана при виде Раваны
50. Демоны допрашивают Ханумана
51. Речь Ханумана
52. Вибхишана просит за Ханумана
53. Хануман сжигает город
54. Ланка в огне
55. Хануман беспокоится о Сите
56. Хануман прощается с Ситой
57. Возвращение Ханумана
58. Рассказ Ханумана
59. Хануман призывает обезьян спасти Ситу
60. Джамбаван отвергает план Ангады
61. Разорение Мадхувана
62. Битва Дадхимукхи и самозванцев
63. Дадхимукха рассказывает об опустошении Мадхувана
64. Сугрива утешает Раму
65. Хануман рассказывает Раме о встрече с Ситой
66. Горе Рамы
67. Хануман описывает свой разговор с Ситой
68. Он повторяет слова утешения, сказанные Сите

О Рамаэне

Рамаэна («Сказание о Раме») – часть индуистского канона смрити, получившая свое окончательное оформление между IV в. до н. э. – II в. н. э. Индийские поэтики называют автора Рамаэны – Вальмики – «первым поэтом» (адикави), а саму Рамаэну – первым художественным эпосом (кавья).

Эпическая поэма состоит из 24 тысяч стихов (шлок), объединённых в 7 книг (канд):

1. «*Бала Канда*» – книга о детстве Рамаы.
2. «*Айодхья Канда*» – книга о царском дворе в Айодхье.
3. «*Аранья Канда*» – книга о жизни Рамаы в лесной пустыне.
4. «*Кишkindха Канда*» – книга о союзе Рамаы с обезьяньим царем в Кишkindхе.
5. «*Сундара Канда*» – «Прекрасная книга» об острове Ланка – царстве демона Равааны, похитителя супруги Рамаы – Ситы.
6. «*Юддха Канда*» – книга о битве обезьяньего войска Рамаы с войском демонов Равааны.
7. «*Уттара Канда*» – «Заключительная книга».

Популярность Рамаэны огромна, об этом свидетельствует обилие ее версий (важнейшие – так называемые бомбейская, западная и бенгальская); ее влияние на позднейшие литературы Индии ни с чем не сравнимо; в драматической и в метрической формах, на санскрите и на новоиндийских языках бесконечно разрабатывались эпизоды Рамаэны, развертывались отдельные образы – образы Рамаы, его преданного брата Лакшманаы, отважного и ловкого обезьяньего витязя Ханумана и в особенности кроткой Ситы, ставшей символом супружеской верности и чистой женственности.

Рисунок 1 Рама, Сита, Лакшмана и Хануман

Действие Рамаэны происходит в эпоху Трета-Юги; некоторые интерпретируют это как III тысячелетие до н. э.

Книга I. Детство

Бала Канда

Глава 1

Шри Нарада рассказывает Вальмики историю Рамы

Мудрец Вальмики, лучший среди Муни, обладавший необычайным даром красноречия, всегда занятый йогой и подчинивший себе чувства, глубоко сведущий в Ведах, обратился к Шри Нараде с вопросом:

– Кто в этом мире обладает исключительным героизмом, идеально исполняет свои обязанности, благодарный, правдивый и твердый в своих обетах? Выступающий во многих ролях, кто является благожелателем для всего живого, образованный, поэтичный, красивый, терпеливый? Свободный от гнева и не ведающий зависти, кто воистину велик? Чей гнев вселяет ужас в сердца небожителей? О мудрец, я жажду услышать о такой личности. Никто кроме тебя не опишет его. Нарада, перед которым открыто прошлое, настоящее и будущее, был доволен словами мудреца Вальмики и сказал:

– Редко в этом мире встретишь человека, который обладал бы всеми достоинствами, названными тобой, но я поведаю тебе о столь возвышенной личности. Потомок Икшваку, он носит имя Рама. Он – храбрый, уравновешенный, доблестный и знаменитый. Он – Господь всего творения. Мудрый, сведущий в этике, красноречивый, удачливый, повергающий своих врагов, он прекрасен. У него широкие плечи, длинные руки, шея, напоминающая раковину и выступающий подбородок. Он искусен в стрельбе из лука, у него сильное тело, руки до колен, благородная форма головы и линия бровей, огромная доблесть. Он идеально сложен, тело его имеет голубоватый оттенок (сноска, с.3).

Защищающий свое достоинство, с большими глазами, могучей грудью, отмеченной благоприятными знаками, он покровительствует тем, кто ищет у него прибежища, и заботится о тех, кто зависит от него. Верный своим обетам, благожелательный к подданным, всеведущий, знаменитый своими подвигами, чистый и набожный, он всегда медитирует на свое истинное «я».

Равный Брахме, защитник людей, приятной наружности, он поддерживает Вселенную, повергает тех, кто пограл законы морали, вдохновляет на подвиги доблести, оказывает особую милость своим преданным, а также тем, кто строг в исполнении жертвенных ритуалов и раздаче милостыни. Он постиг суть ведической философии и военное искусство, сведущ в духовной науке, обладает исключительной памятью, любим всеми и чужд малодушию. Он познал законы этого мира и всех других миров. Как реки несут свои воды к океану, так и добродетельные люди всегда жаждут приблизиться к нему.

Доблестный как Вишну и прекрасный как полная луна, в гневе он напоминает всепожирающую смерть; он терпелив, как Земля и щедр как Кувера; он является воплощением правдивости. Таков Рама, возлюбленный сын царя Дашаратхи. Исполненный самых возвышенных достоинств, он является благожелателем и защитником всего живого.

Отец его, царь Дашаратха, мечтал передать ему трон и уже назначил день коронации, но царица Кайкейи, воспользовавшись обещанными ей благословениями, потребовала изгнать Раму и отдать трон ее сыну Бхарате. Связанный своим словом и чувством чести, царь изгнал Раму, которого любил больше жизни. Послушный царской воле и в удовольствии Кайкейи, Рама ушел в лес. Царевич Лакшмана, сын Сумитры, движимый любовью и смирением, последовал за ним. Дочь царя Джанаки, воплощение Лакшми, наделенная исключительными женскими добродетелями, видя, что Лакшмана сопровождает Раму, покорно последовала за своим Господом, как Вену неотступно следует за луной. (?)

Воины царя Дашаратхи и слуги проводили Раму до города Шрингавера на берегах Ганги, где Рама простился с ними, отослав обратно в Айодхью. В Шрингавере великодушный Царевич повстречал своего друга Гуху, царя Нишады, который вместе с Лакшманой, Ситой и Рамой прошел много лесов и переправился через много глубоких рек, пока все вместе они не преодолели длинный путь до горы Читтракута, как это велел мудрец Бхарадваджа. Здесь Рама, Лакшмана и Сита соорудили простую хижину и счастливо зажили в лесу, словно Девы и Гандхарвы.

Пока Рама уединенно жил на горе Читтракута, царь, страдая от боли разлуки с сыновьями, покинул этот бренный мир.

Святые мудрецы во главе с Васиштхой передали трон, опустевший со смертью царя Дашаратхи, царевичу Бхарате. Но Бхарата не желал царства, вместо этого он поспешил в лес, где жил Рама, чтобы уговорить его вернуться. Он приблизился к этому герою истины и, отметив важность исполнения обязанностей, в которых Рама был столь сведущ, смиренно попросил его принять царство.

Великодушный, прекрасный и знаменитый Рама отказался от трона, предпочтя исполнить волю отца. Он отдал Бхарате свои сандалии, как символ власти, и снова настоятельно попросил возвращаться в столицу. Бхарата, покорно коснувшись стоп Рамы, покинул его и стал править царством, поселившись в городе Нандиграм и всем сердцем ожидая возвращения старшего брата.

Бхарата ушел, а знаменитый Рама, верный своему долгу, властелин чувств, понимая, что жители Айодхьи будут все время искать встречи с ним в этом лесу, решительно направился в чащу леса Дандака. Здесь лотосокий Рама сразил демона Вирадху и повстречался с Шарабхангой, Сутикшаной, Агастьей и братьями Агастьи. Обучившись у Агастьи, он с радостью принял его подарок – лук Индры, меч и два колчана, которые всегда полны стрел.

Пока Рамачандра уединенно жил в лесу, все мудрецы и аскеты, обитавшие там и измученные асурами, взмолились о защите. Рама согласился убить завистливых асуров и спасти мудрецов, искавших его помощи. От этих святых, чье появление подобно вспышке света, Рама узнал о силе и хитрости ракшасов и о секретах их смерти.

Рама и Лакшмана обезобразили демоницу Шурпанакху, которая по желанию могла принимать любой облик. По ее зову сбежались все злобные демоны под предводительством Кхары, Душаны и Триширасы сразиться с Рамой, и все приняли смерть от его руки. Рама убил четырнадцать тысяч ракшасов, обитавших в этом лесу. Услышав об этом, царь ракшасов Равана, охваченный гневом, обратился за помощью к своему другу демону Марича. Марича знал о необыкновенной силе Рамы и попытался отговорить Равану от битвы с ним, но Равана, влекомый судьбой, отверг добрый совет и вместе с Маричей направился к хижине Рамы. Марича заманил Раму и Лакшману в чащу, а Равана, сразив коршуна Джатаю, унес тем временем Ситу.

Узнав от умирающего Джатаю о похищении дочери Митхилы, Рама преисполнился горя и заплакал. Похоронив коршуна, он отправился на поиски Ситы и повстречал ужасного облика асуру по имени Кабандха.

Рама убил Кабандху, предал огню его тело. Отправляясь на небеса, Кабандха рассказал Раме о Шабари, женщине-аскете, и попросил посетить ее. Рама, блистательно повергающий своих врагов, пришел к жилищу Шабари и поклонился ей. На берегах озера Пампа Рама встретил обезьяну Ханумана, который познакомил его с Сугривой. Могучий Рама поведал им историю своего изгнания и похищения Ситы. Сугрива, выслушав Раму, дал клятву дружбы и верности, призвав в свидетели Агни. Раскрывая Раме сердце, Сугрива рассказал о страданиях, которые причинила ему вражда с Бали и о его огромной отваге. Рама пообещал убить Бали, но Сугрива, не ведая о могуществе Рамы, пожелал проверить его и показал на гору костей Дундубхи. Рама пнул эту гору ногой, и кости разлетелись в разные стороны на десять йоджан.

Выпущенная им стрела пронзила семь деревьев пальмира, расколола гору и достигла центра земли. Подвиг этот заставил Сугриву окончательно поверить в Раму. Вместе они отправились в город Кишкинда через глубокую долину. Здесь желтоглазый Сугрива издал рев, подобный грому. Успокоив жену Тару, на этот ужасный зов вышел могущественный и доблестный царь обезьян Бали, чтобы сразиться с Сугривой. Верный своему слову Рама одной стрелой убил Бали и передал Сугриве трон Кишкинды. Став царем обезьяньего племени, Сугрива отправил слуг во все стороны света на поиски Ситы.

Царь коршунов мужественный Сампати сообщил Хануману, где находится Сита, и Хануман одним прыжком достиг острова Ланка посреди океана, преодолев пятьсот миль. В этом городе Раваны он увидел, как Сита в саду Ашока медитирует на Раму. Он передал ей кольцо Рамы и поведал о благополучии ее господина. Ободрив Ситу, он разрушил ворота сада, убил семь сыновей советников Раваны и пять великих военачальников, а также втоптал в пыль Акшьякумара, сына Раваны, после чего дал себя пленить.

Хануман знал, что оружие Брахмы, которым владел Равана, бессильно перед ним, но все же, понимая могущество этого благословения (сноска с.7), позволил себя связать и стерпел все оскорбления. Впоследствии он сжег всю Ланку, кроме того места, где находилась Сита.

Вернувшись с хорошим известием, Хануман почтительно обошел вокруг могучего Рамы, а потом во всех подробностях рассказал о том, где и как нашел Ситу. Вместе с Сугривой и другими обезьянами Рама достиг океана. Своими сияющими стрелами он вызвал бурю, и Самудра, бог воды, предстал перед ним. По его совету Нала перекинул мост через океан, и Рама достиг Ланки. Убив Равану в сражении, он освободил Ситу, но обратился к ней с жестокими словами в присутствии всех воинов. Не в силах стерпеть клеветы, Сита вошла в огонь. Бог огня подтвердил невинность Ситы, и Рама, прославляемый богами, необычайно обрадовался. Все живое и неживое в трех мирах радовалось смерти Раваны. Рама благословил Бибхишану править асурами, и, исключительно довольный, оживил всех обезьян и героев, павших в битве.

Вместе с Сугривой на небесной колеснице Пушпака Рама, преданный истине, достиг хижины Бхарадваджи, а потом послал Ханумана к царевичу Бхарате. Поговорив с Сугривой, он снова взошел на небесную колесницу и скоро достиг Нандиграма. Покорный отцу, безгрешный Рама, срезал свои спутанные волосы и вместе с братом и освобожденной Ситой вернулся в свое царство.

Жители Айодхьи счастливы были увидеть Раму на троне. Болезни, печали, голод и страх покинули их. Никто не ведал несчастья смерти сына, ни одна женщина не становилась вдовой, все были преданы своим мужьям; бури больше не грозили им, ни вода, ни огонь не несли собой гибели; болезни и бедствия были неведомы им; никто не знал нужды и не боялся воров; города и деревни процветали – все жили счастливо, как в Сатья-югу.

Знаменитый Рама совершал бесчисленные ведические жертвоприношения и щедро раздавал золото и сотни тысяч коров, обеспечив тем самым себе небеса. Рама бесконечно преумножил богатства своей династии и наградил несметными богатствами брахманов. Он занимал своих подданных согласно их наклонностям и правил одиннадцать тысяч лет. По истечении этого срока Рама вернулся в свою духовную обитель, на Вайкунтху.

Тот, кто читает историю о Раме, исполненном достоинств и чистоты, освободится от всех грехов. Внимая этой истории с верой и преданностью, человек станет достоин поклонения своих сынов, внуков и слуг до самой смерти.

Брахман, читающий «Рамайну», станет знатоком Вед и философии, кшатрия станет царем, вайшья достигнет процветания в своем ремесле, а шудра – возвысится.

Глава 2 Вальмики создает стихотворный размер «Рамайна»

Мудрый и просвещенный Вальмики вместе со своим учеником Бхарадваджей слушал слова Нарады, преисполнившись восторга и благоговения перед Рамой. Он почтительно поклонился Шри Нараде, который, испросив у мудрецов позволения, вознесся на небеса. Нарада отправился на Девалоку, а великий муни Вальмики – к берегам реки Тамасы близ Ганги. Достигнув желанного места и увидев прозрачные воды реки, Вальмики сказал своему ученику:

– О Бхарадваджа, посмотри, как чисты воды святой реки. Они приятны и ясны, словно ум добродетельного человека! О дитя, наполни кувшин и принеси из хижины мою кору, я хочу омыться в священном потоке, поспеши же!

Послушный воле Гуру, ученик бросился в хижину и, как ветер, вернулся обратно с корой в руках. Мудрец, полностью владевший своими чувствами, опоясался древесной корой, которая служила ему одеждой, и вошел в воду. Омываясь, он повторял традиционные молитвы и в ладонях предлагал воду предкам и богам. Потом он вышел погулять по лесу, наслаждаясь красотой природы.

Вдруг благородный Вальмики заметил пару мягкоголосых птиц Краунча, доверчиво предававшихся супружеским играм и не ведавших об охотнике, который в присутствии аскета намеревался убить супругу Краунча по своей порочной и злой привычке. Краунч лишился своей подруги с желтым хохолком в тот самый момент, когда уже расправил крылья, чтобы осчастливить ее своей любовью, но вместо этого был обогрен кровью и, плача от горя, стал жалобно стенать.

Сердце мудреца преисполнилось сострадания, когда он увидел птицу, пораженную охотником. Тронутый плачем Краунча и разгневанный излишней жестокостью, святой мудрец изрек такие слова:

– О охотник, убив эту птицу в момент ее супружеского счастья, ты никогда и нигде не найдешь покоя! (сноска с10. /процветания/)

Размышляя над смыслом сказанного, Муни подумал: «Что за стих я произнес, вдохновленный состраданием к убитой птице?» Продолжая размышлять, сведущий мудрец обратился к своему ученику:

– Сокрушаясь о смерти птицы, я произнес этот четырехстопный стих из одинаковых слогов, который можно петь под вино! Пусть же он будет известен как шлока, родившаяся из моего горя. Пусть она принесет мне славу и я не услышу дурного слова о ней!

С величайшим восторгом ученик тут же запомнил стих, составленный его духовным учителем, чем доставил ему немалое удовольствие. Омывшись в священных водах согласно предписанному ритуалу, мудрец вернулся в хижину, погруженный в свои мысли. Смирный и знающий ученик Бхарадваджа последовал за великим мудрецом, неся его лоту, полную воды.

Войдя в хижину, мудрец поклонился Господу и совершил другие ритуалы, а затем, наставив ученика в традиции и священной истории, погрузился в глубокую медитацию. В этот момент Брахма, создатель мира, четырехглавый бог совершенной славы, саморожденный, появился среди мудрецов. Вальмики, увидев его, немедленно поднялся в безмолвном изумлении и с величайшим смирением поклонился. С глубоким почтением предложив ему сесть, он по традиции побрызгал перед ним водой и спросил о благополучии. Благословенный Господь, прародитель мира, с трудом поднявшись на свой великолепный трон, жестом указал мудрецу сесть рядом, и аскет повиновался. Собравшись духом, он погрузился в свои мысли, вспоминая греховный поступок злобного и жестокосердного охотника, который без нужды убил сладкоголосого Краунча. Это напомнило мудрецу плач второй птицы, и он прочитал в присутствии Брахмы стих, явившийся из его сострадательного сердца. Затем он замолчал, предаваясь своим печальным мыслям, и тогда Брахма с улыбкой обратился к этому туру среди аскетов:

– О великий мудрец, из произнесенной тобой ритмической фразы родится поэма! Она не является плодом твоих размышлений – благодаря моей воле ты выразился столь красноречиво, о брахман. Ты должен поведать всю историю Рамы, олицетворения добродете-

ли, исполненного высочайших достоинств, такой, как вкратце услышал ее от Шри Наряды. Ты опишешь все известные и неизвестные деяния Рамы, Ситы и ракшасов. По моему благословию тебе откроется все, еще неведомое тебе; ни одного слова лжи не сойдет с твоих уст. В стихах ты опишешь священные и вызывающие восхищение деяния Рамы. О мудрец, история Рамы будет жить на земле, пока стоят горы и текут реки. И пока люди будут помнить историю Рамы, ты не покинешь небес.

Сказав так, Брахма погрузился в раздумья и исчез. Великий мудрец и его ученики стояли, застыв от изумления. Придя в себя, ученики стали повторять четырехстопный стих, состоящий из равных слогов с растущим воодушевлением. Чистосердечный аскет неоднократно читал стих, когда к нему пришла мысль: «Этим размером я и поведаю всю историю Рамы». На благо всего мира знаменитый и святой мудрец, слагая мелодичные ритмические фразы, отвечающие всем правилам гармонии, стал рассказывать историю великодушного и очаровательного Рамы, достойного вселенской славы. Услышьте же о Раме, а также о его победе над десятиглавым демоном Раваной.

Глава 3

Деяния Рамы, описанные в священной поэме

Услышав о жизни прозорливого Рамы из уст Наряды, который, рассказывая, даровал совершенство праведности своему слушателю, святой мудрец пожелал узнать подробности этой сокровенной истории. Омыв руки и стопы и испив немного чистой воды, сидя на траве куша с лицом, обращенным на восток и сложенными ладонями, он предался глубокой медитации, и перед его внутренним взором развернулась вся история Рамы. По милости Брахмы святой мудрец увидел все, что испытали, видели и свершили Рама, Сита и Лакшмана. Он стал свидетелем жизни Рамы, воплощения истины, и всех его подвигов в лесу и всюду, где ступала его нога.

Силой духовной медитации и йоги просвещенный мудрец Вальмики увидел прошлое столь же ясно, как плод пальмы на ладони, и стал в стихах описывать жизнь Рамы. История Рамы, дарующая праведность, процветание и наслаждение читателю, история, которая возвышает ум и избавляет от печали, чарует сердце и, подобно морю, полна чудесных игр, была поведена Вальмики так, как рассказал ему ее Нараяда.

Поэма Вальмики описывает рождение Рамы, его доблесть, благожелательное отношение ко всем людям, его вселенскую доброжелательность, милосердие, красоту, сладостное расположение, его любовь к истине, смирение, помощь мудрецу Вишвамирте, наставления мудреца Вишвамитры и его терпеливое внимание к ним, то, как он сломал великий лук и женился на царевне Сите, его спор с Парашурамой, приготовления к коронации, его замечательные достоинства, возражения царицы Кайкеи против его коронации, его уход в лес, плач и смерть царя Дашаратхи, горе жителей Айодхьи, речь Рамы, обращенная к перевозчику, прощание с Сумантрой, его переправа через Гангу, посещение святого мудреца Бхарадваджа, его путь к горе Читтракута по совету мудреца, жизнь в соломенной хижине на горе Читтракута, страдания царя по возвращении Сумантры и уход монарха на небеса, попытка Бхараты уговорить Раму вернуться и принять свое царство, их беседа, погребальные обряды по отцу, отказ Рамы возвращаться в Айодхью, Бхарата получает сандалины Рамы как символ власти и правит Айодхьей из Нандиграма, Рама в лесу Дандака, его победа над злобным Вирадхой, встреча с мудрецом Шарабхангой, посещение хижины Сутикшны, встреча Ситы и Анасуйи и наставления ей, посещение мудреца Агастьи, жизнь Рамы в Панчавати, встреча с Джатаю, появление Шурпанакхи, беседа Рамы и Лакшманы с нею, увечье Шурпанакхи, убийство Кхары, Душаны и Триширов, появление Раваны, убийство Маричи, похищение Ситы, страдания Рамы в разлуке с Ситой, смерть Джатаю от руки Раваны, встреча с Кабандхой, посещение озера Пампа, беседа с Шабари, Рама достигает горы Ришьямукха и встречается с Хануманом, клятва дружбы и Сугривой, обещание Рамы убить Бали, битва между Бали и Сугривой, убийство Бали, плач Тары, воцарение

Сугривы на троне Кишкинды, пребывание Рамы на горе в период сезона дождей, Сугрива затягивает время исполнения своего обещания, гнев Рамы, Лакшмана доставляет послание Сугриве, Сугрива посещает Раму, его предложение Раме, приготовления армии обезьян к поискам Ситы, данное им описание земли, Рама отдает Хануману свое кольца, обезьяны в темной пещере, их пост на берегу океана в ожидании смерти, встреча с Сампати, царем коршунов, его слова относительно Ланки, прыжок Ханумана и полет над океаном, появление из океана горы Майнака, убийство злобной демоницы Сингхики, пленяющей своих жертв тенью, ночная Ланка, Хануман на Ланке и его долгие размышления, Хануман видит злобного Равану и летающую колесницу Пушпаку, входит в зал для пиршеств и разглядывает внутренние покои, Хануман ищет Ситу и видит царевну в саду Ашока, появление Ханумана в саду и приветствие Ситы, ее упреки, демоницы угрожают Сите, сон Триджаты о том, как Хануман передал Сите кольца Рамы, беседа на эту тему, Сита передает Хануману драгоценный камень, Хануман разрушает ашоковый сад, битва с демоницами, убийство воинов Раваны, пленение Ханумана, пожар на Ланке полет через океан, Хануман наслаждается фруктами в лесу Мадху, Хануман утешает Раму и отдает ему драгоценности Ситы, Рама прибывает на берег океана и строит мост через океан с помощью Налы и Нилы, осада Ланки, Бибхишана, брат Раваны переходит на сторону Рамы и предлагает план победы над Раваной, убийство Кумбхакарны и Мегхананды, убийство Раваны, встреча с Ситой, коронация Бибхишаны на трон Ланки, Бибхишана дарит Рама летающую колесницу Пушпаку, возвращение Рамы в Айодхью, встреча с царевичем Бхаратой, коронация Рамы на трон Айодхьи, прощание с армией обезьян, жители Айодхьи праздную коронацию Рамы, репутация Ситы – эти и многие другие деяния Рамы на земле описал в своей священной поэме благословенный Вальмики.

Глава 4

Сыновья Рамы поют эпическую поэму

Знаменитый риши Вальмики поведал всю историю Рамы, правившего своим царством, и удивительная эпическая поэма была исполнена духовной мудрости. Святой мудрец составил двадцать четыре тысячи стихов и разделил их на пятьсот глав и шесть книг. Великий Муни, завершая эпос эпилогом «Уттараканда», думал: «Кого мне обучить этому классическому произведению?»

Пока мудрец размышлял, два царевича Куша и Лава, сыновья Рамы и Ситы, приблизились к нему и почтительно коснулись его стоп. И тогда аскет обучил этих добродетельных юношей, живших у него в хижине, сладкозвучной поэме, а также мудрости и полной вере в учение Вед. Знаменитый мудрец, выразивший суть этих писаний в своих стихах, обучил Лаву и Кушу. Вальмики в эпической форме поведал им о деяниях Рамы и Ситы и обо всем, что предшествовало убийству Раваны, назвав эту часть своего повествования «Убийство внука Поуласты». Эта историческая поэма, которую приятно петь и которая доступна трем музыкальным темпам¹, вмещается в семь нот и поется в сопровождении вины. Она выражает различные настроения: печаль, сострадание, развлечение, ужас, ярость, мужество и безмятежность, и Лава с Кушей пели ее. Оба владели музыкальным искусством, мелодией и высоким тоном, у обоих были прекрасные голоса, как у гандхарвов. Наделенные божественной красотой, два певца, вспоминая образ Рамы, все время на память повторяли великий эпос. Эти два восхитительные и очаровательные царевича искусно читали священный эпос «Рамайну», прославляющий добродетель, перед мудрецами и обучали этому брахманов и аскетов так же, как в свое время учились у Вальмики.

Волею Провидения два царевича, великие души, удачливые и наделенные всеми добродетелями, пропели эпос среди большого собрания в городе Рамы. Все мудрецы, слышавшие их, были тронуты, слезы текли из их глаз. В восторге и изумлении они кричали: «Превосходно! Превосходно!» и хвалили певцов. Добродетельные мудрецы испытывали величайшую радость. Изливая на Кушу и Лаву свою радость, они кричали: «Как мелодич-

но вы поете! Какая изысканная, божественная поэма – история Рамы!» События минувших лет, казалось, предстали их взору – с таким чувством певцы описывали их. Они пели гармонично, сладкими, проникновенными, мелодичными и гибкими голосами и получили одобрение риши, известных своей суровостью.

Благословленные собравшимися аскетами, они пели особенно сладко и удивительно гармонично, и один муни подарил им кувшин, другой от удовольствия отдал им одежду из древесной коры, третий – шкуру черной антилопы, а еще один – священный шнур. Кто-то дал камандалу², другой великий мудрец – пояс из травы мунджа³, кто-то циновку⁴, а кто-то – одежду из хлопка⁵. От радости один аскет подарил им топор, другой – шафрановые одежды, а третий – кусок материи; один дал ленту завязывать волосы, а другой – веревку, чтобы вязать хворост в лесу, выражая свой восторг; один отдал священный сосуд, другой – дрова, а третий – подушку и четки – все одали их своими благословениями и пожелали долгой жизни⁶.

– Этот размер станет основой для будущих поэм, – сказали мудрецы. – Он сложен согласо особым правилам; два царевича пропели эту удивительную поэму с великим искусством; она одарит мудростью тех, кто слушает ее, продлит жизнь и принесет здоровье. Поэма эта, воистину, покоряет сердце!

Пока мудрецы прославляли двух царевичей, Рамачандра, проходивший этой дорогой, пригласил певцов в царский дворец. Заняв золотой трон, Рама, повергающий врагов, оказал гостеприимство и уважение тем двум достойным юношам. Окруженный министрами и братьями, Рама благосклонно смотрел на красивых образованных юношей, а потом обратился к Лакшмане, Шатругне и Бхарате:

– Послушайте историческую поэму, которую поют эти небесные сияющие певцы, поэму, которая описывает события, имеющие глубокий смысл!

Рамачандра повелел музыкантам петь, и мальчики, повинувшись его воле, настроили свои вины и запели «Рамаяну», как учил их этому мудрец Вальмики, сладко и ясно, а высокое собрание внимало их пению, дарующему удовлетворение сердцу и уму.

– Я восхищен музыкой и чтением этих двух певцов, наделенных царскими достоинствами! – воскликнул Рама.

Прославляемые и одобряемые Рамачандрой, два брата явили свое искусство в музыке и пении, и, слушая их в царском собрании, Рамачандра был глубоко взволнован.

Глава 5

Царство и столица царя Дашаратхи

Правителями земли в те времена были прославленные цари, потомки праджапати и их сыновей, среди которых был Сарага, иссушивший океан и никогда не преступавший границ своего царства без своих шестидесяти тысяч сынов. Великая «Рамаяна» восходит к этой семье могущественных монархов, берущей свое начало от Икшваку, сына Солнца. Рассказ этот будет поведен от начала до конца, слушайте же его с верой.

На берегах реки Сараю раскинулась великая и процветающая страна Кошала, населенная счастливыми жителями. Ее столицей была Айодхья, прославленная в трех мирах и основанная знаменитым Ману, повелителем людей. Главная улица города простиралась на шестьдесят миль; продуманно проложенные, превосходные улицы, самые широкие из которых всегда были политы водой и усыпаны цветами, украшали его.

Царь Дашаратха покровительствовал Айодхье, как Магхаван – Амаравати, и жил здесь с пышностью, словно Индра на небесах. В город вели красивые тяжелые ворота, было много базаров; защитные сооружения были сделаны опытными и умелыми инженерами и архитекторами. Там было много бардов, сказителей баллад и уличных музыкантов, жители были богаты и жили в просторных домах с высокими крытыми сводчатыми галереями, украшенных флагами и знаменами. В столице было много величественных строений и прекрасных садов, ее окружали манговые рощи, среди высоких деревьев, украшав-

ших окрестности, нередко можно было встретить прекрасных дев, подпоясанных кушаком из ветвей и стеблей травы. Город окружали мощные крепостные стены и глубокий ров, которые не мог преодолеть ни один враг, на какие бы ухищрения ни пускался. Бесчисленные слоны, кони, быки и буйволы, верблюды и мулы бродили по городу, послушно служа своим хозяевам, множество послов проживали там, а чужеземцы мирно торговали, защищенные его крепкими стенами.

Айодхья, словно Амаравати Индры, была полна великолепными золотыми дворцами, стены которых сияли драгоценными камнями, а купола напоминали вершины гор. Этот удивительный город, изобилующий золотом, где прекрасные женщины прогуливались парами или группами, словно небесные птицы, был богат всеми видами драгоценными камнями и украшен сверкающими дворцами и пышными домами. Жилища ремесленников стояли так тесно друг к другу, что между ними совсем не было места, а земля, на которой они стояли, была идеально ровной; все были богаты рисом (сноска 1, с18 – говорят, жители ели только «шали рис», который растет в прохладное время года и считается самым лучшим) и вместо воды утоляли жажду соком сахарного тростника.

Со всех сторон раздавались звуки труб, горнов, лютней и гонгов; казалось, этому городу нет равных на земле, он напоминал обитель богов, которую можно достичь лишь ценой суровых аскез. Все его пышные строения были совершенством архитектуры и населяли их благороднейшие люди, шадящие бегущего врага и беззащитного, искусные в стрельбе из лука, способные пронзить врага на звук⁷, острыми стрелами, пущенными их сильными руками, они могли в одиночку сразить львов, тигров и диких кабанов в лесу. Такие герои тысячами населяли город царя Дашаратхи. Множество знаменитых брахманов совершали огненные жертвоприношения. Они обладали всеми достоинствами своего сословия, были сведущи в Ведах и шести отраслях знания и безмерно увеличивали подношения богам. Великодушные мудрецы, они черпали удовлетворение в благополучии других и напоминали божественных риши.

Глава 6 Город Айодхья

В этом славном городе жил царь Дашаратха, продолжающий традицию знаменитого царя Ману. Он был сведущ в толковании Вед, его основным богатством была исключительная правдивость и добродетель; он никогда не нарушал своего слова, был необыкновенно благоразумен, прозорлив и любим своими подданными; великий воин на колеснице, могущественный потомок династии Икшваку, совершивший много жертвоприношений, он всегда был справедлив и пользовался абсолютным влиянием среди людей; подобный великому мудрецу, он был царственной особой; знаменитый на все три мира, блестяще повергающий своих врагов, друг всем, в совершенстве владеющий чувствами и желаниями, в процветании он равен был Индре, а в богатстве – Кувере. Защитник истины, этот монарх стремился достичь совершенства в знании, всемирном процветании и счастье и правил Айодхьей, словно небесный царь Индра – Амаравати.

Люди в столице Дашаратхи были счастливы, добродетельны, образованны, опытные, довольны, трудились согласно своему призванию, не ведали жадности и лжи. Никто не нуждался и не имел порочных привычек, все жили своими семьями, были богаты, владели зерном, скотом и конями. В Айодхье не было скупцов и обманщиков, ее жители не ведали дурного настроения, гордыни, не поступали необдуманно, бессмысленно или безбожно. Мужчины и женщины были праведниками, целиком владели своими чувствами, в чистоте и целомудрии они не уступали великим мудрецам. У них не было недостатка в серьгах, диадемах и ожерельях; они ежедневно омывались и растирались маслами, используя розовое масло и сандаловую пасту. Никто не ел нечистую пищу, не позволял своим соседям страдать от голода и жажды; все имели украшения и золото и умели контролировать свой

ум. Среди них не было подлых, нечестивых людей, не исполняющих своих обязанностей; не было воров, как и не было браков между людьми разных сословий.

Брахманы с преданностью исполняли возложенные на них обязанности, твердо управляли своими чувствами и были достойны принимать дары. Никто не отрицал существования Бога, никто не произносил лжи и не был привязан к мирским удовольствиям или клеветал на других. Все брахманы были сведущими в шести философских системах и не избегали поститься на полную луну или другие назначенные дни. В этом городе никто не страдал умственными или физическими недугами и не чувствовал себя несчастным.

Среди жителей Айодхьи не было мужчин или женщин, лишенных красоты и богатства, как не было среди них людей, непреданных царю и государству. Все поклонялись богам и неожиданным гостям, все были великодушны и милосердны. Люди среднего возраста отличались добродетелью и правдолюбием, дома их были полны детей, внуков и добродетельных женщин. Воины подчинялись ученым брахманам, а торговцы – сословию воинов; люди служили брахманам, воинам и торговцам согласно сословию.

В управлении государством царь Дашаратха следовал примеру первого царя Ману, правителя непревзойденной мудрости, бога среди людей.

В Айодхье было много воинов, непобедимых в битве, бесстрашных и искусно владеющих оружием. Они напоминали львов, охраняющих свои горные пещеры. Город изобилдовал превосходными конями, не уступающими скакунам Индры, которые были потомками Ваная, рожденные в Камбхоже и Бахлике, или с берегов реки Синдху; а также слонами необыкновенной силы, огромными, как холмы, в чьих висках стучала кровь богов, обитателей гор Виндхья и Химават, и чьими предками были Айравата, Махападма, Аджна и Вамана. Даже богатый слонами, подобными горам, опьяненными соком Мада, породы Бхадра, Мандра или Мрига, или скрещенных пород, этот город, сиявший на четыре мили, был достоин называться Айодхья.

Управляемый знаменитым и могущественным царем Дашаратхой, неизменно повергающим врагов, напоминающий луну среди звезд, этот город имел добрую славу. Удачливая Айодхья, со своими воротами и прочными запорами, была украшена зданиями всех видов, населена тысячами людей и имела достойного монарха, равного Индре.

Глава 7

При дворе царя Дашаратхи

Министры великодушного потомка Икшваку обладали исключительной добродетелью; мудрые советники, по лицу распознающие характер человека, они с удовольствием делали все, что было полезно и приятно. Знаменитый герой имел восемь министров безупречного нрава, целиком преданных интересам царя – это Дхиришти, Джаянта, Виджая, Сураштха, Раштравардхана, Акопа, Мантрапала (сноска 2 с 21) и ученый Сумантра.

Повсюду известные и превосходные риши Васиштха и Вамадева сопровождали царя вместе с другими советниками – Суйагьей, Джавали, Кашьяпой, Гаутамой, Маркандеей, Диргхаюсом и дваждырожденным Катьяной. Он всегда совещался с этими брахмариши, которые были пожилыми священнослужителями и обладали совершенством благоразумия, были почтенны, опытни, владели своими чувствами, были удачливы, великодушны, искусны во владении оружием, непоколебимы, необычайно знамениты, верны и покорны царским указам. Обладая властью и славой, они были дружелюбны в общении и не произносили несправедливых слов даже в гневе или из соображений целесообразности; сведущие во всем, что касалось их друзей и остальных подданных, они знали, что делают их враги или намереваются сделать.

Воздержанного нрава, верные в дружбе, они непоколебимо вынесли бы свой приговор даже собственным сыновьям, если бы те попрали закон. Опытные в экономике и ведении войны, эти советники никогда не наказывали врага незаслуженно, были храбры и нечестолюбивы. Обсуждая все стороны политической жизни, они покровительствовали всем

жителям государства и умножали царские сокровища, не обременяя ученых и воинов; они присуждали виновным наказания, которые те могли вынести.

Эти министры были чисты сердцем и целомудренны. Никто не общался с женой соседа, не был зол, все жили в мире и согласии. Развивая добродетельные качества и упражняясь в различных искусствах, они славились своей отвагой, их благородные имена были известны за пределами государства, а поступки всегда имели глубокие основания. Сведущие в государственных законах и благословенные богатством, они давали мудрые советы и развивали ум в философских дискуссиях.

Знакомые с законами морали, министры царя Дашаратхи с любовью обращались друг к другу; оповещенные своими посланниками о нуждах людей, они удовлетворяли их и правили с осторожностью.

Дашаратха никогда не позволял в своем царстве возникать распрям несправедности и на весь мир прославился как океан правдивости. Лев среди людей, царь Дашаратха правил всей землей, не было никого выше или равного ему. Почитаемый всеми подвластными ему правителями, окруженный друзьями, он пользовался дружеским расположением соседей. Своими усилиями он искоренил тернии из своего царства и правил миром, подобно Индре на небесах. Окруженный опытными министрами, сведущими в законе и исполнении долга, преданными, разумными и талантливыми, этот монарх сиял славой, подобно солнцу в ореоле лучей.

Глава 8

Царь Дашаратха желает провести жертвоприношение ради рождения сына

Царь Дашаратха был могущественным, справедливым и великодушным, и тем не менее он испытывал великие страдания, не имея наследника престола. Это побудило мудрого и великого монарха принять такое решение:

– Я совершу великое жертвоприношение коня, ашвамедха-ягью, чтобы боги даровали мне сына! (сноска 1 с23)

С таким намерением исключительно прозорливый монарх созвал в собрание советников и, обращаясь к главному министру Сумантре, выразил свою волю:

– Безотлагательно пошли за духовными учителями и священнослужителями. Сумантра тут же созвал всех ученых и святых людей, а также пригласил на собрание Суягью, Вамадеву, Джавали, Кашьяпу и Васиштху вместе с другими выдающимися брахманами, обладающими безграничной добродетелью.

Поприветствовав этих святых людей, царь Дашаратха милостиво обратился к ним со словами, исполненными истины и долга:

– О мудрецы, я следую пути добродетели, и тем не менее удача не благосклонна ко мне, у меня нет сына; поэтому я задумал провести жертвоприношение коня. Я хочу сделать все согласно писаниям, и вы, о святые люди, подумайте и наставьте меня, чтобы я достиг успеха!

Ученые брахманы, возглавляемые Шри Васиштхой, одобрили желание царя:

– Твое решение верно, о царь! (сноска 2, с23) Довольные, они распорядились собрать все необходимое для ягьи и привести коня.

– О царь, – сказали они, – жертвоприношение будет проходить на берегу реки Сараю! (сноска 1 с 24) Святое решение, которое ты принял во имя потомков, несомненно, принесет желанные плоды!

Слова брахманов обрадовали царя, и он повелел своим министрам безупречно исполнять все требования мудрецов и пустить коня в сопровождении воинов. Затем на берегу реки Сараю устроили жертвенную арену, предприняв все меры предосторожности, чтобы жертвоприношение прошло без помех, потому что даже царям совершить его непросто.

– Помните все! – сказал монарх. – В это время никто не должен страдать, а иначе какой-нибудь нерадивый и хитрый брахман (сноска 2 с24) нарушит нашу ягью. Ритуал, не

отвечающий правилам священных писаний, ни к чему не приведет, поэтому сделайте все, как нужно. Я завишу от вас и надеюсь, вы достойно проведете и победоносно завершите это великое жертвоприношение!

– Пусть будет так, о царь! – отвечали советники. Благословенный царь и ученые брахманы удалились. Уходя, царь сказал своими министрам:

– Приготовьтесь, как тому обучали вас сведущие священнослужители. Вы ответственные за то, чтобы наша ягья успешно завершилась!

С этими словами Дашаратха покинул собрание и направился во внутренние покои к своим царицам, которые любили царя до глубины сердца.

– Я намереваюсь совершить жертвоприношение, чтобы боги даровали мне сына, и вы должны исполнить все необходимое, – обратился он к ним.

Царицы счастливы были услышать эти слова из уст их господина. Их подобные лотосам лица засияли, словно цветы в конце сезона дождей.

Глава 9

Сумантра рассказывает о традиции рождения сына при помощи мудреца Ришьяшринги

Услышав о приготовлениях к жертвоприношению, Сумантра в личной беседе с государем сказал:

– Послушай древнюю историю, которую я слышал от священников! Благословенный Санат-кумара поведал ее в собрании мудрецов, это касается твоего потомства. История эта гласит, что сын Кашьяпы по имени Вибхандака имел сыном знаменитого Ришьяшринги, который уединенно живет в лесу вместе со святым отцом, даже не зная о существовании других мужчин и женщин. Он соблюдает двойной обет брахмачари, известен на все три мира и неизменно почитаем всеми аскетами. Уже в течение долгого времени он поклоняется Богу, совершая огненные жертвоприношения, во всем послушный отцу.

В то же время в стране Анга правящий царь по имени Ромапада (сноска 1 с 25), притеснял своих подданных, ведя злобный и недостойный образ жизни и став причиной ужасной засухи. Этот монарх страдал от невыносимой болезни и, созвав брахманов, спросил:

– О брахманы! Вы сведущи в моральных и общественных традициях, скажите, какие религиозные обряды я должен провести, чтобы избавиться от страданий? Услышав эти слова, брахманы, познавшие Веда, ответили:

– О царь, сделай все, чтобы сюда пришел сын мудреца Вибхандаки! Преисполнившись почтения, приведи его во дворец и жени на своей дочери Шанте! (сноска 2, с25) Царь стал размышлять, как ему исполнить это указание, и призвал всех своих министров и священнослужителей на помощь, но они объявили, что не желают брать на себя такую миссию, потому что Риши необычайно могуществен. Однако чтобы избавить монарха от печали, они обсудили и предложили ему следующее:

– Мудреца можно заманить в царский дворец только с помощью блудниц, и тогда боги снова пошлют дожди и избавят вас от болезни! О царь, ты должен отдать мудрецу в жены свою дочь. Выливая масло в жертвенный огонь, знаменитый мудрец Ришьяшринга по своей милости дарует царю Дашаратхе желанного сына.

Сумантра продолжал:

– О царь! Все, что я сказал тебе, было поведено великим Санат-кумаром в собрании мудрецов. Царь Дашаратха слушал эти слова с радостным сердцем и попросил своего министра поведать, как царь Ромапада привел мудреца во дворец.

Глава 10

Которая описывает, как Ришьяшринга попал во дворец царя Ромапады

По просьбе царя Сумантра продолжал:

– Во всех подробностях я расскажу тебе, как блудницы царя Анги отыскивали юного мудреца Ришьяшрингу и привели во дворец. Слушай же меня внимательно вместе со своими министрами.

Советники царя Ромапады сказали:

– У нас есть план, который принесет тебе успех. Мудрец живет в лесу, с преданностью постигая духовное знание, предаваясь суровым аскезам и совершенно не ведая о женщинах или чувственных утехах. Благодаря этому мы и хотим привести мудреца во дворец. Нарядно одетые, прекрасные блудницы должны отправиться в лес, где он живет, обольстить, очаровать его и привести сюда. Царь одобрил план и повелел министрам без промедления исполнить его. Повинуясь царской воле, блудницы удалились в лес и устроили себе жилище недалеко от хижины аскета, чтобы предаваться своим веселым забавам у него на глазах. Хотя сын риши привык жить в уединении со своим отцом, появление красавиц не вызвало у него желания покинуть эти места. Житель лесов, он никогда прежде не видел женщин или горожан и не ведал их жизни. Как-то волею судьбы юноша вышел из хижины и увидел изящных прекрасных девушек, облаченных в красивые разноцветные одежды и поющих сладкие песни. Вдруг эти прекрасные создания приблизились к сыну риши Вибхандаки и обратились с такими словами:

– Кто ты? Чей сын? Как тебя зовут? Почему ты живешь в темном лесу?

Никогда прежде не ведавший женской красоты и обаяния, Ришьяшринга был очарован и ответил:

– Мой отец – великий мудрец Вибхандака из семьи Кашьяпы. Мое имя – Ришьяшринга. О прекрасные создания с чарующими лицами, вот моя хижина, пожалуйста, входите и позвольте оказать вам гостеприимство.

Девушки приняли приглашение и вошли в хижину, где сын аскета по традиции предложил им воду, чтобы омыть стопы, и вкусные коренья и лесные фрукты утолить голод и жажду. Боясь возвращения его отца, блудницы торопливо подали юному мудрецу сладости, которые были у них с собой, и сказали:

– Пожалуйста, прими лакомства, которые мы принесли для тебя, они очень вкусные!

С этими словами они обласкали юношу и накормили его изысканного вкуса сладостями. Знаменитый мудрец вкусил их, приняв за фрукты, потому что никогда прежде не пробовал иной пищи, и подумал: «О, такие фрукты неизвестны тем, кто живет в лесу!»

Опасаясь появления отца, девушки удалились. Как только они ушли, дваждырожденный потомок Кашьяпы почувствовал тоску и беспокойство (сноска 1 с 27). На следующий день, поглощенный своими мыслями, он снова пришел на то место, где накануне видел этих необыкновенно очаровательных женщин, одетых в роскошные платья. Заметив аскета, они подошли к нему и сказали:

– О друг, пойдем с нами, у нас есть много фруктов и самых разных кореньев. Мы угоstim тебя лучшим из того, что имеем, о благословенный!

Речи эти тронули сердце мун, и он согласился посетить столицу царя Ромапады. Как только его святые стопы коснулись этой истомившейся жаждой земли, Индра наслал на нее потоки дождя. Увидев долгожданный дождь, царь понял, что мудрец в городе, и вышел его встречать, по традиции предлагая воду и пищу и моля о благословении, чтобы отец его Вибхандака не пролил своего гнева на это царство и его государя.

Затем царь провел юношу во внутренние покои и со спокойным сердцем соединил его руку с рукой своей дочери Шанты, испытывая величайшее счастье. Глубоко почитаемый монархом, Ришьяшринга счастливо жил в его столице вместе со своей супругой, царевной Шантой (сноска 1 с28).

Глава 11

Царь Дашаратха посещает царя Ромападу с просьбой отпустить Ришьяшрингу в Айодхью

Сумантра сказал:

– О великий царь, услышь следующие слова знаменитого мудреца Санат-кумара: «В династии Икшваку родится справедливый и верный истине монарх по имени Дашаратха, который вступит в союз с царем Ромападой, властителем Анги. Царь Дашаратха посетит своего друга Ромападу и попросит о помощи Ришьяшринги, мужа царевны Шанты, в проведении жертвоприношения, которое он хочет совершить, чтобы получить сына. Взвесив все, царь Ромапада позволит Ришьяшринге, господину Шанты, сопровождать царя Дашаратху. Довольный монарх вместе с мудрецом вернется в свою столицу и попросит его провести жертвоприношение, обещающее даровать ему сына и небесную обитель. В результате этой великой яги царь Дашаратха станет отцом четырех сынов безграничной доблести. Сыновья его будут известны всему миру и преумножат славу своей династии».

Сумантра продолжал:

– Таковую историю поведал мудрец Санат-кумара в самом начале Сатья-юги. О великий царь, ты должен поехать за Ришьяшрингой на достойной колеснице в окружении свиты и привезти его на церемонию в свою столицу!

Вняв доброму совету министра, царь также спросил мнения гуру Васишты, и мудрец одобрил его решение. Затем царь, окруженный неизменным вниманием и любовью своих жен, советников и священнослужителей, стал готовиться посетить город, где жил Ришьяшринга. Путь царя Дашаратхи лежал через густые леса и широкие реки, и преодолев его, он прибыл в столицу Ромапады, где рядом с царем увидел блистательного мудреца в ореоле, подобном пламени огня.

В порыве дружеских чувств великий монарх Ромапада с почтением приветствовал царя Дашаратху и поведал Ришьяшринге о своем союзе с ним. Мудрец словами похвалы выразил одобрение. В течение семи дней царь Дашаратха наслаждался гостеприимством царя Ромапады, а потом обратился к нему с просьбой:

– О царь, я собираюсь провести очень важное жертвоприношение. Будь же милостив, позволь своей дочери Шанте и ее господину отправиться со мной в Айодхью и помочь мне в этом.

– Быть по сему! – тут же ответил царь Ромапада и, обращаясь к мудрецу, сказал:

– Будь добр, вместе со своей женой посети столицу царя Дашаратхи!

Юный мудрец повиновался воле царя Ромапады и вместе с супругой поехал в Айодхью. Простившись с другом, царь Дашаратха послал вперед гонцов предупредить своих министров об их скором прибытии.

Люди Айодхьи, покорные царю, обрадовались его возвращению и исполнили желание, которое он передал с гонцами. Все были счастливы, что их город посетит юный мудрец, которого царь почитал, подобно Индре, отдающему дань Кашьяпе.

Проводив мудреца и его супругу во внутренние покои, царь оказал гостям радушный прием по традиции, установленной писаниями.

Царские жены также приветствовали большеглазую Шанту и ее господина, посетив отведенные им покои. Все выражали свою радость и удовольствие. Царицы почитали и поклонялись им так же, как самому царю Дашаратхе, и царевна Шанта вместе со своим супругом-мудрецом жили во дворце, подобно Брихаспати в городе Махендра.

Глава 12

Царь Дашаратха готовится к жертвоприношению Ашвамедха

Прошло немало времени, все счастливо жили в Айодхье. Снова наступила весна, когда царь решил начать жертвоприношение. Приблизившись к Ришьяшринге и низко по-

клонившись, царь поприветствовал его и пригласил богоподобного мудреца принять участие в ягье, целью которой было сохранить династию.

Мудрец согласился, сказав:

– Приготовьте все необходимое и пустите коня! И позаботьтесь, чтобы жертвенную арену расположили на берегу реки Сараю!

Царь обратился к Сумантре:

– Сейчас же собери брахманов (сноска 1 с 36), сведущих в Ведах и философии Веданты, а также мудрецов Суягью, Вамадеву, Джавали и Кашьяпу, верховного священнослужителя Васиштху и других возвышенных и просвещенных брахманов.

Сумантра поспешил увидеться с каждым из мудрецов и вежливо пригласил их к царю. Добродетельный монарх, отдав дань почтения, смиренно обратился к ним со словами, полными искренности и правдивости:

– О мудрецы, несмотря на мое горячее желание иметь наследника, я бездетен, поэтому я решил совершить жертвоприношение Ашвамедха. Я хочу, чтобы оно прошло по всем законам писаний. По милости мудреца Ришьяшринги я надеюсь достичь цели. Мудрецы, возглавляемые Ришьяшрингой, посоветовали царю собрать все необходимое для церемонии и пустить коня.

– Твое желание обрести в благословение сына – праведно! – сказали они. – О царь, нет сомнений, что ты станешь отцом четырех сынов безграничной доблести!

Слова брахманов вселили в сердце царя веру в появление наследников, и он поделился своей радостью с министрами:

– Советники, созовите четырех верховных священнослужителей и пустите на волю коня в сопровождении четырех сотен воинов! Жертвенную арену устройте на берегу реки Сараю, соблюдая необходимые защитные ритуалы, чтобы жертвоприношение не встретило препятствий! Царь также предупредил, что в это время ни священнослужители, ни какой иной человек не должны испытывать страданий:

– В течение столь великих ритуалов нередко возникают препятствия со стороны более низких живых существ, которые уничтожают все плоды жертвоприношения. Но вы должны сделать все, чтобы оно прошло успешно.

Выслушав волю царя, министры, очень довольные, приступили к ее исполнению. Брахманы заверили монарха, что ягья пройдет без помех и, выразив почтение, разошлись по домам. Как только брахманы удалились, царь простился с министрами и направился во внутренние покои.

Глава 13

Приготовления к жертвоприношению

Прошел еще год, снова наступила весна, когда царь, мечтая о наследниках, жаждал провести жертвоприношение и, выразив почтение Шри Васиштхе, смиренно поприветствовал его согласно этикету, а потом обратился к великому брахману с просьбой:

– О знаменитый мудрец, пусть ритуал пройдет согласно традиции, совершите его без препятствий. Ты исполнен сострадания, твое сердце благосклонно ко мне, ты мой гуру, поэтому все бремя ответственности за жертвоприношение ляжет на тебя.

– Хорошо, – отвечал великий мудрец, – я сделаю все, что ты хочешь. Васиштха созвал брахманов, почтенных и опытных в священных ритуалах, искусных архитекторов, плотников, землекопов, астрологов, механиков, математиков, искусных певцов и танцоров, познавших писания, и обратился к ним с такими словами:

– По воле царя мы начинаем великое жертвоприношение! Возведите множество каменных домов, благоустроенных, снабженных пищей и удобных для царственных особ и аристократов. Приготовьте сотни прекрасных домов с пищей и всем необходимым для брахманов, а также чужеземцев и монархов, которые приедут на церемонию. Заполните амбары пищей и предметами комфорта, соорудите стойла для коней и слонов с навесом, а

также казармы для солдат, которые пребудут издалека. Все эти жилища должны быть удобными и полными продуктов. Позаботьтесь, чтобы изысканные блюда и закуски подавались гостям вежливо и с добротой, чтобы слуги были гостеприимны. Служить гостям на жертвоприношении нужно с неизменным уважением и вниманием, отдавая дань почтения каждому согласно их сословию. Никто не должен почувствовать себя оскорбленным нашей жадностью, гневом или похотью. Ко всем ремесленникам и слугам относитесь так, чтобы они с готовностью в сердце приняли возлагаемые на них обязанности и не вели себя разрушительно.

Собравшиеся ответили Васиштхе:

– Мы исполним все твои наставления, о мудрец, ничего не упустим. После этого Васиштха позвал главного министра Сумантру и сказал:

– Разошли приглашения царям и праведникам всей земли, брахманам, воинам, торговцам и тысячам людей низших сословий. Удачливого и блистательного монарха, властителя Митхилы, знатока Вед, величайшего воина царя Джанаку, давнего союзника царя Дашаратхи, вы должны пригласить лично. Затем пригласите добродушного, изящных манер, безупречного нрава и равного Богу царя Каши, а также почтенного и добродетельного властителя Кайкеи, тестя нашего царя.

Пригласите Ромападу, властителя Анги, обладателя великого лука, близкого друга Дашаратхи; с огромным почтением встретьте великого царя Кошалы и царя Магадхи, сведущего в писаниях, удачливого во всех делах, достойного всеобщего уважения, буйвола среди людей. Покорные царским указам, пригласите главных царей с востока – монархов Синдху, Саувира и Саураштра, а также царей с юга вместе с их союзниками; вы должны созвать всех великих правителей земли с их свитами и семьями. Поскорее разошлите гонцов с дарами от имени царя!

Сумантра тут же приступил к исполнению приказов Васиштхи, разослав гонцов к монархам разных земель, и лично пригласил и сопроводил самых значительных из них. Закончив свою работу, плотники и другие ремесленники сообщили великому риши Васиштхе, что все готово для жертвоприношения. Исключительно довольный, лучший среди дваждырожденных ответил:

– Пусть никого не обойдут почтением даже в шутку, ибо тень презрения к кому бы то ни было разрушительна. Через несколько дней начали прибывать высокие гости, и Дашаратха всех встречал подарками. Преисполненный радости Васиштха обратился к нему:

– О царь, на твое приглашение отозвались все цари, и мы оказали им все знаки гостеприимства. Приготовления к жертвоприношению завершены. Будь же милостив, взойди на жертвенную арену и осмотри все необходимое для ритуала, собранное по твоей воле; ты сам должен распорядиться.

По совету Васиштхи и Ришьяшринги царь Дашаратха вступил на жертвенную арену, когда звезды сулили удачу. В этот момент знаменитый дваждырожденный под предводительством Васиштхи и в сопровождении Ришьяшринги начал жертвоприношение. Вослед вошли все остальные согласно традициям и закону, пока почтенный монарх и его супруги были заняты предварительными приготовлениями.

Глава 14

Описание жертвоприношения Ашвамедха

Через год конь вернулся, царское жертвоприношение на северном берегу реки Сараю продолжалось. Главные священнослужители, возглавляемые Ришьяшрингой, помогали царю в проведении обрядов. Великие ученые, сведущие в ведической науке, они исполняли свои обязанности согласно закону и традиции и в соответствии с наставлениями Калпасутры. Сначала должным образом провели церемонии Праваргья и Упасада (сноски 1-2, с 34), две части жертвоприношения, которые проводят прежде, чем начать жать сок сома; потом брахманы с радостью совершили поклонение Богу и провели первоначальный ри-

туал с утренним извлечением сока сома. По традиции приготовленная часть предназначена была для Индры, после чего получили безупречный (сноска 1 с 35) напиток сома; в полдень снова давили сок согласно существующему порядку. Когда настало время снова давить сок, это делали выдающиеся и бдительные брахманы, строго следуя шастрам. После этого Ришьяшринга и его помощники священными мантрами призвали Шакру и других полубогов; священнослужители призывали небожителей мелодичным пением и торжественными мантрами, предлагая каждому подношения согласно его положению. Не было пропущено ни одного воззвания, молитвы звучали без перерыва и безошибочно. В те дни никто не испытывал усталости или голода, среди брахманов не было невежд, каждый имел не менее сотни учеников. Ежедневно священнослужители и ученики, жившие с ними, наслаждались пиром, так же как и монахи, аскеты, нищие, старики, немощные, женщины и дети; все ели досыта, во время раздачи только и слышались возгласы «Давай! Давай еще!» Повсюду видны были горы риса, сырых фруктов и овощей, каждый подходил и брал, сколько душе было угодно. Чужеземные гости всех сословий беспрепятственно и с удовольствием ели и утоляли жажду. Дваждырожденные нахваливали чистые и изысканные блюда:

– Ах! Мы счастливы! Пусть процветание сопутствует царю! Сын Рагху повсюду слышал подобные одобрительные отзывы. В распоряжении брахманов были бесчисленные слуги и стражники в пышных одеждах, золотых серьгах и драгоценных камнях. В перерывах между церемониями прозорливые и красноречивые мудрецы вели философские диспуты с аскетами.

День за днем сведущие и святые брахманы-жрецы исполняли жертвенные ритуалы с пылом и абсолютной точностью. Среди них не было неосведомленных в какой-либо области знания, лишенных веры в свои обеты и не обладающих широтой познаний. На жертвоприношении было восемнадцать столбов из деревьев билва, кхадира, парни и слешма-така, а также из деревьев парадис, каждый из которых двадцати одного фута в высоту усилиями умелых скульпторов имел восьмигранную форму и был изрезан двадцатью одним символом; каждый столб был увенчан коньком и гладко отполирован; крепко врытые в землю, столбы были покрыты расшитыми тканями. Кроме того, их украшали сандал и цветы, столбы эти казались прекрасными, как семь небесных мудрецов (сноска 1 с 36). Жертвенная яма была сооружена руками умелых каменщиков, а огонь разведен брахманами; яма, в которой горел огонь льва среди царей, имела форму огромного золотого орла с крыльями из драгоценных камней; рядом были привязаны жертвенные животные.

После богов по традиции призвали великих змеев и птиц; затем главный жрец на жертвенной арене связал коня и водоплавающих животных, таких как черепаха. Привязанные к столбам, триста жертв ждали своей участи вместе жертвенным конем из царской конюшни, который был подобен драгоценному камню. (сноска 2, с. 36).

Царица Каушалья, обойдя коня, разрубила его с великой радостью тремя ударами кривой сабли. Каушалья, преданная долгу и твердая в своей решимости, провела ночь, карауля тело коня, а потом жрецы позволили махиши, вавати и париврити (сноска 3, 36) приблизиться к нему.

Царь, всегда владевший собой, с помощью главных священников снял жир с коня, приготовил его согласно традиции и закону и в назначенный момент вдохнул аромат, исходящий от него, избавившись от всех грехов. После чего шестнадцать просвещенных брахманов по традиции бросили останки коня в огонь. Масло, оставшееся в ложках от жертвенных обрядов, слили в чаши из дерева плакша (сноска 4 с 36), а кости жертвенного коня положили на подстилку из камыша малачча.

Три дня Ашвамедха-яги прошли в особых ритуалах, совершаемых брахманами согласно Калпа-сутре (сноска 1, с 37). В первый день совершили обряд чатуштома, во второй-уктхья, а в третий – атиратра. В строгом соответствии с писаниями провели бесконечное множество церемоний: джйотиштома, айуштома, две атиратры, абхиджит и вишваджит и две апторьямы – все они были частью великого жертвоприношения.

Царь, продолжатель своей династии, стал одаривать священнослужителей, свершивших различные части ритуала: восточные земли он отдал Хотару, западные – Адхварью, южные – Брахмину, а северные – Удгару (сноска 2, 37). Традиционно завершая жертвоприношение, этот монарх, тур среди людей, защитник рода, наделил землей исполнявших ритуалы священнослужителей и брахманов. Удачливый потомок Икшваку, он чувствовал великую радость. И тогда священнослужители обратились к монарху, избавившемуся от грехов:

– О господин людей, лишь ты достоин править землей; нам нечего с нею делать, мы не способны защитить ее, поскольку постоянно поглощены изучением Вед! О царь, дай нам какую-то другую милостыню – драгоценные камни, украшения, золото или коров, или что-нибудь еще, но только не землю, о монарх!

Как только брахманы, сведущие в Ведах сказали так, царь наградил их тысячами коров, огромным количеством золота и в четыре раза больше серебра. Священнослужители собрали сокровища и передали их мудрецам Ришьяшринге и Васиштхе, которые с радостным сердцем тут же поровну распределили их. Затем, превосходно помня всех, царь щедро наградил золотом всех прасапаков (сноска 3, 37), помощников священнослужителей, и других брахманов, а также редкий и драгоценный браслет нищему, который просил его. Таким образом, все, кто ждал милости от царя, были полностью удовлетворены. Дваждырожденные были исключительно довольны, их благодетель Дашаратха в безграничной радости смиренно поклонился им. Брахманы одарили его своими благословениями, а благородный царь пал ниц перед ними. Государь Дашаратха, с радостным сердцем свершивший величайшее жертвоприношение, избавляющее от грехов, трудное даже для монархов, дарующее небеса, обратился к Ришьяшринге:

– О верный своим обетам! Лишь от тебя зависит продолжение моего рода!

И тогда знаменитый дваждырожденный ответил:

– О царь, у тебя родятся четыре благородных сына, которые продолжат твой род! От этих слов аскета, сладостных для слуха, святой монарх преисполнился великой радости и пал ниц перед ним, а поднявшись, продолжил беседу с мудрецом Ришьяшрингой.

Глава 15

Боги взывают к Вишну, чтобы Он убил Равану

Погрузившись на время в медитацию, посвященный мудрец, сведущий в Ведах, сказал царю:

– О царь, я проведу церемонию путгатрешти, (сноска 1, 38) описанную в Атхарва-Веде, которая дарует тебе желанного сына.

После этого муни начал жертвоприношение, проливая масло в священный огонь и повторяя ведические мантры. По традиции небожители, гандхарвы, сиддхи и мудрецы пришли получить свою долю жертвенных подношений. Собравшись где обычно, боги со сложенными ладонями обратились к Брахме, господину миров:

– О благословенный Господь, под твоим покровительством ракшас Равана постоянно беспокоит нас, поскольку ты даровал ему благословение. Мы беспомощны и вынуждены терпеть его страшные притеснения! Господин ракшасов, он беспрепятственно преследует жителей всех трех миров, низвергнув покровителей земли, он починил себе даже Индру. Нападая на мудрецов, якшей, гандхарвов, брахманов и другие живые существа, он попирает их ногой, твое покровительство сделало его нестерпимо горделивым. При его появлении солнце перестает светить в небе, ветер теряет свою силу, а океан, всегда украшенный гирляндами волн, затихает. О дарующий благословения, мы живем, мучимые этим несомненным ракшасом. О благословенный, придумай, как победить его!

В ответ на эти слова Брахма, подумав немного, сказал:

– Есть путь положить конец этому нечестивцу! Равана просил меня: «Ни гандхарва, ни якши, ни боги, ни ракшасы не будут иметь силы убить меня», – но он не попросил защиты от людей, считая их незначительными; поэтому никто иной как человек убьет его.

Эти слова Брахмы наполнили радостью сердца небожителей. В этот момент бессмертный Вишну, Господь мира, облаченный в желтые одежды и держащий в Своих руках раковину, диск и булаву, появился, возвышаясь на Вайнатее, подобно солнцу на облаках. Украшенный золотыми браслетами, обожаемый богами, Он занял свое место рядом с Брахмой, и все небожители почтительно распростерлись у Его лотосных стоп, читая ведические гимны.

– О Мадхусудана, – сказали они, – ради блага всего живого во Вселенной мы обращаем к Тебе свои молитвы! Монарх Дашаратха, правитель Айодхьи, добродетельный и щедрый, сияющий, как риши, имеет три жены, славные своим целомудрием и добродетелью. О Вишну, прояви себя в четырех обликах и воплотись их сыновьями! Сыграй роль смертного и в сражении победи Равану, могущественного мучителя миров, перед которым боги бессильны. Опьяненный своей безмерной силой, ракшас Равана поработил богов, гандхарвов, сиддхов и великих риши. Это чудовище изгнало из леса Нандана развлекавшихся там гандхарвов и апсар. Мы вместе с аскетами просим о его смерти. Сиддхи, гандхарвы и якши молят о защите, о Господь, всегда повергающий врагов, Ты – наше высшее прибежище! Чтобы убить этого врага богов, низойди в мир людей!

Всегда принимающий поклонение Господь богов, Вишну, ответил богам, возглавляемым праведным Брахмой:

– Вам нечего бояться, отныне преисполнитесь счастья; Я убью жестокого и нестерпимого Равану, чудовище, преследующее богов и риши, вместе с его сыновьями и внуками, министрами, родственниками и союзниками ради всеобщего блага, и в течение одиннадцати тысяч лет Я буду жить в мире людей, защищая землю.

С этими словами Вишну, Бог богов, самодостаточный и независимый, подумал, где Он родится на земле в облике человека. Затем лотосокий Господь предстал в четырех обликах, приняв царя Дашаратху Своим отцом.

И в то же мгновенье девы, риши, гандхарвы и рудры вместе с многочисленными апсарами прославили Покорителя демона Мадху гимнами небесной красоты, а потом сказали:

– О Главный среди богов, поскорее повергни горделивого Равану, обладающего непомерной силой и высокомерием, врага богов, колючку для аскетов, чей рев наводит ужас. А потом, освободившись от лихорадки (тревог) бытия, возвращайся в небесную обитель, где царят чистота и совершенство.

Глава 16

Шри Вишну воплощается в облике четырех сынов царя Дашаратхи

Всеведущий Господь Нараяна, слушая прославления богов, знал, как убить Равану, и все же обратился к ним с такими словами, исполненными нежности(?):

– О девы, что означает «убей царя исполинов»? Что за колючка мучает святых людей? Со слезами на глазах боги как один ответили невозмутимому Господу:

– Низойди в облике человека и убей его в сражении! О Победитель врагов, Равана долгое время совершал суровые аскезы и завоевал милость Брахмы, почитаемого во всем мире. Брахма даровал ему благословение, согласно которому его не сможет убить никто, кроме человека. Людей он считает слишком незначительными и не боится их. Благословение Брахмы сделало его таким надменным, что он стал источником беспокойства для трех миров, мучая даже женщин; только человек, о Покоритель врагов, сразит его!

Выслушав богов, Вишну решил избрать своим отцом царя Дашаратху. В это время знаменитый монарх, вызывающий трепет у врагов, проводил жертвоприношение, чтобы

обрести сына. Вишну, твердый в Своем намерении явиться в облике человека, выразил почтение Брахме и исчез.

В то же мгновение из жертвенного огня царя Дашаратхи раздался звук, напоминающий удар барабана. Безгранично сияющее, великое Существо с горящим ликом и в красных одеждах, с глубоким голосом, блестящей кожей и волосами, подобными львиной гриве, ослепляющее небесными драгоценностями, украшавшими его, высокое, как вершина горы, свирепое, как разъяренный тигр, подобное солнцу или жару в жаровне, Существо это держало в двух руках, словно возлюбленную супругу, золотой сосуд, покрытый серебром и наполненный паяши (сноска 1, 41).

Затем великое Существо обратилось к Дашаратхе:

– О царь, я пришел от праджапати! Царь поклонился со сложенными ладонями и ответил:

– Приветствую тебя, о господин, какая твоя воля?

– Прими плод своего жертвоприношения, о владыка людей, прими эту паяшу, приготовленную богами; она принесет тебе сынов и увеличит твое могущество. Пусть супруги твои съедят ее и подарят тебе детей, ради которых ты совершал это великое жертвоприношение.

Царь благоговейно принял золотой сосуд с пищей богов и почтительно приложил его ко лбу (сноска 2, 41). Он был счастлив, подобно нищему, обретшему вдруг несметные богатства.

Передав царю сокровенную пищу, удивительное сияющее Существо исчезло. Необыкновенное событие вселило безграничную радость в сердца жен Дашаратхи, они появились, сияя, подобно луне, озарившей осенний небосвод.

Войдя в личные покои, государь обратился к царице Каушалье:

– Возьми эту пищу богов и съешь, и тогда у тебя родится сын. Половину содержимого священного сосуда он отдал царице Каушалье, третью часть – царице Сумитре, а восьмую часть паяши – царице Кайкейи. Подумав немного, оставшееся Дашаратха отдал царице Сумитре. Таким образом царь разделил божественную паяши, и его прекрасные супруги с благоговейным трепетом вкусили ее, чувствуя себя самыми счастливыми и исключительно удачливыми.

Вскоре три царицы Дашаратхи понесли, и их чрева сияли, подобно солнцу. Царь понимал, что его целомудренные жены носят под сердцем необыкновенных младенцев, и мужество знаменитого монарха возросло, он испытывал удовлетворение, подобное радости Хари на небесах, когда царь богов со множеством сиддхов и риши отдали ему дань почтения.

Глава 17

Нисхождение девов, которые примут участие в играх Вишну

Вишну принял облик сынов великодушного монарха, и тогда благословенный Сваямбху обратился к богам с такими словами:

– Знаменитый герой Вишну, океан истины, хочет свершить праведное деяние на всеобщее благо, и вы должны поддержать его, воплотившись на земле его спутниками, храбрыми, красивыми, познавшими мистические совершенства, быстрыми, как ветер, находчивыми, разумными, искусными во владении оружием, подобно богам, живущим амритой. Примите же рождение из лон главных апсар, гандхарви, дочерей якшей и паннагов, ракшасов и видьядхаров, а также среди киннаров и ванари, примите облик обезьян и дайте рождение сыновьям, не уступающим вам в доблести. Прежде я создал Джамбавана, царя медведей: я зевнул, и он неожиданно изошел из моего рта.

Благословенный Брахма изрек эту мудрость, и боги последовали его воле, дав рождение сыновьям в облике обезьян. Риши, Сиддхи, видьядхары, змеи и чараны стали их стойкими сыновьями, выросшими в лесу. Индра создал Бали, царя обезьян, равного само-

му Махендре, а Солнце, первая среди планет, породило Сугриву. Брихаспати дал рождение Таре, великой обезьяне, не имеющей соперниц и лишенной высокого разума. Сыном Дханады стал Гандхамадана, а Вишвакарма родил великую обезьяну Налу. Агни родил Нилу, сияющего, как огонь, доблестью превосходящего своего отца; близнецы Ашвины одинакового облика, наделенные красотой и богатством, породили Маинду и Двивиду, а Варуна дал жизнь Сушене. Шарабха стал сыном могущественно Парджаньи, тогда как любимым потомком Паваны стал Хануман, с телом твердым, как алмаз, способный летать столь же быстро, как и Гаруда. Среди бесчисленных обитателей лесов он отличался мудростью и отвагой. Родились миллионы воинов, чтобы убить Дашагриву, героя непомерной силы, храброго и красивого, равного слонам и горам, удивительного могущества. Медведи и обезьяны явились очень быстро, каждый из них был прекрасен и обладал достоинствами бога, породившего его. Девы, великие риши, змеи и знаменитые якши вместе с другими небесными существами с радостью создали многочисленное потомство. Бесстрашные, как львы и тигры, своими зубами и ногтями они могли сокрушить горы и скалы в сражении. Владая всеми видами оружия, они с корнем могли вырвать могучие деревья, а быстрота их решений (?) приводила в смущение бога морей. Готовые разорвать землю, своей силой заставляющие океан выйти из берегов, они могли летать по небу и хватать облака. Обезьянье племя странствовало по бескрайнему лесу, пленяя слонов, опьяненных кровью, и криками заставляя летящих птиц упасть на землю. Родились миллионы обезьян, способных по своей воле принимать любой облик, среди них были сотни, тысячи обезьян-вожаков. Они в свою очередь дали жизнь другим отважным и могущественным существам, одни из которых обитали в горах, а другие – в долинах и лесах.

Вожаки всех племен поселились во владениях Сугривы, сына Сурьи, и Бали, сына Индры, а также Налы, Нилы, Ханумана и других царевичей. Силой равные Таркшье, все они были опытными воинами, и своими набегами разоряли львов, тигров и великих змеев. Бали, обладавший огромной силой, сильными руками и безграничной отвагой, был способен покорить медведей, гопучей и обезьян.

Горы, леса и моря Земли были полны великих воинов всех обликов, которые обитали в разных жилищах. Подобно череде облаков или горной гряде, наделенные непомерной силой вожаки обезьяньего племени, заселившего землю, пришли служить Рама в роли его союзников.

Глава 18

Рождение сынов царя Дашаратхи. Приход Вишвамитры

Великое жертвоприношение царя Дашаратхи с успехом завершилось, и боги, получив свою долю жертвенных даров, вернулись каждый в свою обитель. Царь также, исполнив возложенные на него обязанности, вернулся в столицу вместе с женами, армией и колесницами.

Приглашенные на жертвоприношение цари, довольные гостеприимным приемом, поклонились мудрецу Васиштхе и разъехались по своим царствам. Как только они отбыли, прибывшим с ними подданным раздали украшения, одежды и подарки, чтобы возвращение их было радостным.

Царь Дашаратха со вниманием и заботой проводил гостей и, в сопровождении процессии вернувшись в столицу, сразу направился к святым брахманам. Ришьяшринга вместе с супругой Шантой простились с монархом и отправились в свой город. Царь Дашаратха также провожал его некоторое время. Счастливый, он жил в Айодхье, ожидая рождения своих благословенных наследников.

Через шесть времен года после жертвоприношения, в девятый день луны двенадцатого месяца Чаитра в небе взошла звезда Пурнаvasу, а планеты Солнца, Марса, Сатурна, Юпитера и Вenu заняли самое высокое положение, зодиакальные знаки Овна, Рыбы и Весов были в самом благоприятном виде, а Луна и Юпитер соединились в периоде Карка.

Всеми почитаемый Господь Вселенной, наделенный божественными атрибутами, Шри Рамачандра родился из чрева Каушалы. Преумножающий славу династии Икшваку, отмеченный божественными знаками, часть благословенного Господа Вишну, с красноватыми глазами, длинными руками, алыми устами, с голосом звонким, как гонг, безмерной славы, своим сиянием он сделал Каушалью еще краше, как это сделал тысячеглазый бог, увеличив красоту Адити.

Бхарата, наделенный совершенством героизма, родился из чрева Кайкеи, само милосердие, он воплощал собой четвертую часть Вишну.

Сумитра дала жизнь Лакшмане и Шатругне, искусным во владении оружием; они разделили последнюю четверть славы Вишну.

Благодетельный Бхарата родился под звездой Пушья, когда Солнце вошло в знак Рыбы, а два сына Сумитры – под созвездием Змеи, когда Солнце было в Раке.

Благополучно рожденные четыре сына царя, добродетельные и красивые, сияли, как звезды Парва, Уттара и Бхадрипада. В это время гандхарвы играли божественные мелодии, нимбы танцевали, звучали небесные гонги, а боги сыпали с небес цветы. Повсюду в городе пели радостные песни; улицы были полны танцоров, актеров и музыкантов, которые пели и играли на различных музыкальных инструментах.

Царь раздал дары священнослужителям, бардам и певцам, а брахманов почтил тысячами коров и серебром. На одиннадцатый день детей нарекли именами; старшего, возвышенной души, назвали Рамой; сына Кайкеи назвали Бхаратой, а сыновей царицы Сумитры – Лакшмана и Шатругна. Церемонию провел святой мудрец Васиштха, чувствуя великую радость. Как только ритуал завершился, брахманов города и всей страны угостили пиром, почтили подарками и драгоценными камнями. Все обряды, связанные с рождением сынов царя Дашаратхи были исполнены с величайшей тщательностью. Старший сын Рамы, радость своего отца, напоминал знаменосца, главу всех живых существ, равного самому Сваямбху. Знатоки Вед, а также те, кто черпал удовлетворение, служа другим, кто был искушен в знании и наделен добродетелью, признавали знаменитого Раму, отмеченного героизмом, дорогого всем, сияющего как луна, своим идеалом. Ловко управляющий слонном, конем или колесницей, он был умелым и преданным слугой своего отца.

Удачливый Лакшмана всегда искал случая доставить удовольствие Раме, радости мира, и любил его, как саму жизнь. Казалось, он был вторым Рамой; этот великий герой не гулял и не ложился спать без него; когда его угощали лущеным рисом, он не прикасался к нему без брата; если Рагхава отправлялся верхом на охоту, Лакшмана сопровождал его с луком в руках, с восторгом наблюдая за ним.

Бхарата любил Шатругну, младшего брата Лакшманы, больше жизни, и тот отвечал ему такой же любовью. Четыре одаренные и нежные сына Дашаратхи дарили ему бесконечное счастье, подобно богам, радующим Брахму, праотца этого мира.

Скромные и известные, познавшие все и благоразумные – такими были те царевичи несравненной славы, и отец их Дашаратха, видя в них свою отраду, напоминал Брахму, бога миров. Тигры среди людей, юноши с наслаждением изучали Веды и, послушные отцу, упражнялись в искусстве стрельбы из лука.

Знаменитый монарх тем временем стал думать о женитьбе своих славных сынов и, добродетельный, совещался со священниками и родственниками. Пока великодушный монарх обсуждал будущее царевичей, в столице появился знаменитый мудрец Вишвамитра. Желая увидеться с государем, он обратился к стражникам:

– Поспешите сообщить царю, что к нему пришел сын Гадхи из рода Каушика!

Услышав это, перепуганные стражники бросились в царские покои оповестить Дашаратху, который вместе с гуру Васиштхой вышел к воротам приветствовать мудреца и пригласить во дворец. Они встречали мундиков подобно Брахме, встречающему Индру. Завидев блистательного и могущественного аскета, исполняющего великие обеты, монарх с радостью на лице по традиции предложил ему Аргхью.

Добродетельный Вишвамित्रа осведомился у царя о благополучии его государства, процветании подданных, родственников и друзей, а о неистощимости его казны. Затем Вишвамित्रа спросил:

– Послушны ли тебе слуги? Проводятся ли должным образом в твоих владениях ведические жертвоприношения? Принимаешь ли ты чужеземных гостей с положенным гостеприимством?

Узнав, как поживают Васиштха и другие мудрецы, Вишвамित्रа вошел во дворец. Здесь царь снова выразил ему почтение и радостно сказал:

– О благородный мудрец, твое появление подобно обретению пищи богов или дождю, напоившему истомленную засухой землю! О муни, твой приход благословен так же, как рождение сына у бездетного человека или обретение богатства, когда человек думал, что безвозвратно его лишился (?). О могущественный мудрец, от всего сердца я приглашаю тебя; поведай, что привело тебя ко мне? Благодаря одному твоему взгляду, обращенному на меня, о мудрец, я обретаю праведность и достоинство; сегодня жизнь моя обрела смысл, цель моего появления на земле достигнута, поскольку ты посетил меня. О Благословенный, прежде ты был воинствующим мудрецом, славным своими священными обетами, но сейчас ты стал брахманом (сноска 1,47) и достоин самого высокого поклонения с моей стороны! Твое появление принесло мне чистоту и благословение, твоим святым присутствием я и мое царство освободились от тяжести оскорблений. Будь же милостив, поведай нам о цели своего прихода, я жажду выразить тебе свою благодарность, оказав служение. О Каушика, не колеблясь, поведай свою волю, я готов исполнить все, что ты скажешь; в моих глазах ты подобен Богу, о лучший из брахманов; увидев тебя, я обрел великие плоды паломничества по святым местам.

Превосходный риши, обитель величайших достоинств, был очень доволен словами царя Дашаратхи, приятными для слуха, смиренными и изреченными человеком, владевшим собой.

Глава 19 Просьба Вишвамитры

Выслушав восхитительные хвалебные речи льва среди людей, царя Дашаратхи, мудрец Вишвамित्रа отвечал:

– О великий царь, единственный в мире потомок Икшваку, наставляемый Васиштхой, позволь изречь слова мудрости. О знаменитый монарх, сейчас я изложу цель моего прихода, исполни же ее, доказав правдивость своих слов.

О правитель людей, я провожу жертвоприношение ради духовного совершенства, и два ракшаса, по желанию меняющие свой облик, чинят мне величайшие препятствия. Когда после многих усилий жертвоприношение близилось к завершению, эти ракшасы, Марича и Субаху, могущественные и хитрые, помешали мне и осквернили алтарь кровью и плотью. Мои попытки оказались тщетными, утомленный и растерянный я покинул это место. О царь, во время жертвоприношения я не могу проявить гнев, и поэтому воздерживаюсь проклинать их. Отпусти со мной своего сына, доблестного Раму, чьи кудри спадают на щеки (сноска 1, 48); своей божественной силой и при моей поддержке он одержит победу над этими злыми демонами. Несомненно, я награжу его величайшими благословениями. Я обучу его многим наукам, и он прославится на весь мир. Ракшасы будут бессильны перед Рамой, им не хватит разума противостоять ему.

С другой стороны, только Рагхава способен победить этих двух чудовищ, и несмотря на силу, которой так гордятся, они окажутся в петле судьбы. О тигр среди людей, ты не можешь сказать, что явление Рамы – лишь твоя заслуга, и поэтому ты должен понимать, что он не принадлежит только тебе. Уверяю тебя, два ракшаса погибнут, знай это! Я целиком осознаю величайшие достоинства Рамы, так же как знаменитый Васиштха и брахманы, с твердостью посвятившие себя аскезам. О царь, если ты хочешь обрести вечной сла-

вы в этом мире, позволь Раме пойти со мной. Посоветуйся со своими министрами, и прежде всего с Васиштхой, и позволь Рамачандре сопровождать меня. Препоручи лотосоокого Раму, своего старшего сына, моим заботам на десять дней жертвоприношения; не позволяй предначертанному мгновению пройти напрасно; будь счастлив и не огорчайся!

Такие слова произнес добродетельный и блистательный мудрец Вишвамित्रа и замолчал. Индра среди монархов, чье сердце благословенные речи Вишвамитры разбили безграничным горем, не в силах произнести ни слова, потерял сознание.

Придя в себя, он поднялся и, преисполненный беспокойства, сел. Слова аскета пронзали ему душу, но, великодушный покровитель людей, он хорошо понимал их смысл, и это заставляло его в беспокойстве трепетать, восседая на своем троне.

Глава 20 Отказ царя Дашаратхи

Через некоторое время царь, оглушенный словами Вишвамитры, пришел в себя и сказал:

– Мой лотосоокий Рама еще пятнадцатилетний юноша, я не могу поверить, чтобы он способен был сразиться с ракшасами. У меня огромная и обученная армия, я сам возглавляю ее в походе против демонов! Мои закаленные в сражениях воины, отважные и опытные в ношении оружия, достойно вознагражденные мною, убьют этих ракшасов в битве, но не проси о Рама. Я сам, вооружившись своим луком и стрелами, поведу армию и буду биться до последнего вздоха. Под такой защитой твое жертвоприношение увенчается успехом. Я сам пойду, не забирай Рамачандру. Рама еще ребенок, не имеющий опыта войны, он не может оценить силу или слабость врага.

О всезнающий мудрец, тебе известно, как хитры и коварны ракшасы в битве; Рамачандра не в силах успешно противостоять им. Я не могу допустить и мысли о том, что Рамачандра вступит с ними в сражение. О мудрец, я не проживу и мгновенья в разлуке с Рамой, я умоляю тебя, не проси о том, чтобы он сопровождал тебя. Но если ты настаиваешь, то возьми и мои силы. О благородный Вишвамित्रа, вспомни, я молю тебя, мне сейчас девять тысяч лет, с каким трудом я обрел своих сынов. Среди четырех царевичей Рамачандра – моя величайшая радость, отмеченный исключительной добродетелью, он старший; не забирай его у меня!

О великий мунд, насколько могущественны эти ракшасы? Кто покровительствует им и как поможешь ты Рама их убить? О благословенный, не думаешь ли ты, что я и моя армия сможем с успехом противостоять этим ракшасами, искусным в магии?

Вишвамित्रа ответил на эти слова:

– О царь, Равана, рожденный в знаменитой династии Поуластья, чинит беспокойства всем трем мирам. Он необычайно могуществен и пользуется поддержкой многих исполинов. Говорят, этот великий воин, является царем исполинов; это брат Куверы и сын мудреца Вишравы. Сам он не чинит препятствий нашим жертвоприношениям, но два могущественных ракшаса по имени Марича и Субаху, покровительствуемые Раваной оскорбляют наши жертвенные алтари.

Монарх выслушал мудреца и ответил:

– Я не в силах противостоять этому злобному демону! О познавший законы справедливости, я несчастный человек, а ты достоин поклонения; воистину, ты – мой духовный учитель. Если боги, данавы, гандхарвы, якши, птицы и великие змеи не в силах сразить Равану, то кто сделает это? В битве Равана может повергнуть самых могучих воинов; поэтому, конечно, ни я, ни моя армия не вступим в битву с ним. Как же я пошлю моего сына, прекрасного как Бог, и неопытного в войне, еще ребенка? Как я отдам его тебе, о брахман? Кроме того, сыновья Сунды и Упасунды на поле боя подобны смерти, искусные и крепкие воины, они помешают жертвоприношению. Я не пошлю мое возлюбленное дитя против них. Марича и Субаху очень могущественны и опыты. Я готов сразиться с каж-

дым из них в отдельности, но если это невозможно, то вместе со своими родственниками взываю к тебе о пощаде!

От этих слов неистовый гнев охватил Индру среди аскетов, сына Каушики, и этот тур среди риши вспыхнул подобно жертвенному огню, в которое подлили очищенное масло.

Глава 21

Совет Васиштхи и неохотное согласие Дашаратхи

Выслушав слова царя Дашаратхи, вызванные заботой о своем сыне, великий мудрец недовольно ответил:

– Ты предлагал мне свои услуги, а теперь не желаешь сдержать слова! Это недостойно рода Рагхавы! Если хочешь, о царь, я вернусь туда, откуда пришел. Но ты не исполнил своего обещания, о Какутстха; будь счастлив среди своих друзей!

Гнев благородного мудреца потряс Землю, и боги затрепетали. Видя, как дрожит мир, великий мудрец Васиштха, верный своим обетам и долгу, обратился к царю:

– Рожденный в семье Икшваку, воистину, ты праведная личность; мудрый, благочестивый и почтенный, ты не должен пренебрегать долгом! Три мира почитают тебя как «сына Рагху, олицетворение дхармы», поэтому ты должен исполнить обещание. Сдержи данное слово! Ты сказал: «Я сделаю это». Если теперь ты откажешься, ты утратишь плоды своего жертвоприношения. Отпусти же Раму! Независимо от того, умеет он пользоваться оружием или нет, ракшасы по милости Каушики не причинят ему зла, Вишвамित्रа защитит его подобно богу огня, хранящему нектар бессмертия. Вишвамित्रа – воплощение праведности, первый среди героев и лучший из мудрецов; на земле он является высшим прибежищем аскетизма. В мире людей, среди движущихся и неподвижных живых существ ему нет равных во владении оружием, никто не может превзойти его – ни девы, ни риши, ни мудрецы, ни ракшасы, ни царь гандхарвов, ни якши, ни киннары, ни великие змеи.

Добродетельные сыновья Кришашвы прежде передали сыну Каушики все виды оружия в поддержку его могущества. Сыновья Кришашвы, внуки Праджапати, различных обликов, обладают необычайной силой и исполнены славы, это предвестники победы. Джая и Супрабха, дочери Дакши с тонким станом, создали сотни видов блистательного оружия. Силой благословения Джая дала жизнь пяти сотням превосходных сынов (сноска 1, 52), рожденных, чтобы сокрушить полчища асуров; они не ограничены в размерах и могут по желанию менять облик. Супрабха также дала рождение пяти сотням сынов по имени Самхары (сноска 2, 52), которым невозможно противостоять и чей натиск неотразимым. Все эти виды оружия хорошо известны сыну Каушики, обладающему могуществом создать много другого оружия; в прошлом, настоящем и будущем нет ничего неизвестного ему, о Рагхава. Так могуществен, славен и знаменит мудрец Вишвамित्रа; не колеблясь, отпусти с ним своего сына, тебе незачем беспокоиться о его безопасности. Сын Каушики достаточно силен, чтобы самому разделаться с ракшасами, он пришел к тебе с этой просьбой, желая блага твоему сыну.

Слова мудреца Васиштхи успокоили монарха, тура в роду Рагхавы. Доверив Раму заботам сына Каушики, он отпустил потомка Рагху.

Глава 22

Рамачандра и Лакшмана отправляются с Вишвамитрой

Такие слова произнес мудрец Васиштха, и царь с радостью послал за Рамачандрой и Лакшманой. Перед уходом Рама испросил благословений у своей матери, отца Дашаратхи и гуру Васиштхи. Монарх со спокойным сердцем поцеловал сына в лоб и передал его заботам сына Каушики.

Лотосоокий Рама и Лакшмана покинули дворец, и Ваю, бог ветра, ниспослал прохладный и мягкий ветерок, напоенный ароматами цветов, а небожители, стуча в барабаны и гудя в раковины, пролили на Землю цветочный дождь.

Вишвамित्रа вел знаменитого Рамачандру, крепко держащего свой лук, чьи локоны спадали на виски, напоминая крылья ворона, а вслед за ним шел Сумитри. С колчанами, полными стрел и луками в руках, освящая десять сторон света, они следовали за Вишвамитрой, подобно паре трехглавых змеев. (сноска 1, 53) Храбрые воины шли за Вишвамитрой, словно Ашвини-кумары, следующие за Брахмой; сопровождаемые Шри (сноска 2, 53), они сияли лучезарным, безупречным сиянием, озаряя Вишвамитру. С луками в руках, в драгоценностях, великолепные, защищенные оленьими шкурами и вооруженные мечом, эти юноши с изящными манерами, два брата Рама и Лакшмана, следовали за мудрецом, освещая его своим сиянием, подобно двум Кумарам или сыновьям Паваки, следовавшим за Стхану, богом, недостижимым мыслью. Выйдя на берег реки Сараю в девяти милях к югу от столицы, мудрец Вишвамित्रа мягко обратился к Рама:

– О дитя, очисти тело водой; когда ты сделаешь это, я научу тебя науке Балы и Атибалы (сноска 1, 54), и усталость, жар или старость никогда не коснутся тебя. Даже если ты приляжешь отдохнуть, не совершив очистительной церемонии, ни один демон не обеспокоит тебя; никто в мире не сможет соперничать с тобой в силе. В трех мирах, о Рама, тебе не будет равных благодаря повторению мантр Балы и Атибалы, о мой дорогой Рагхав. Никто не сравнится с тобой в красоте, ловкости, знании, широте разума и красноречии, о безупречный герой. Овладев этими двумя науками, ты станешь бесподобным, потому что Бала и Атибала являются матерями знания. Благодаря повторению священных мантр, о знаменитый Рама, возлюбленный потомок Рагху, голод и жажда станут неведомы тебе, ты обретешь нетленную славу на весь мир; Брахма является отцом могущественных мантр Балы и Атибалы, которые я хочу передать тебе, о Какутстха, достойному, потому что ты, без сомнения, уже обладаешь плодами этого знания. Это знание, которое я кратко поведаю тебе, поддерживаемое аскетизмом, станет твоим. Чистый, с сияющим ликом Рама зачерпнул воды и получил от великой возвышенной души две науки. Овладев этим знанием, Рама проявил верховную силу и напоминал осеннее солнце, сияющее тысячами лучей. После этого братья растерли стопы святому мудрецу и с наслаждением провели ночь на берегах святой Сараю. Звездное небо служило покрывалом двум сыновьям Дашаратхи, лежавшим на траве, к которой они не привыкли, и мягкие слова Вишвамитры обнимали их.

Глава 23

Они достигают хижины Камы

Перед рассветом великий мунни Вишвамित्रа обратился к двум Какутстхам, которые отдыхали на своих подстилках из травы:

– О могущественный сын Каушалы, Рама, близится рассвет, поднимись и соверши утренние ритуалы!

Два царевича, услышав слова знаменитого мудреца, поднялись, совершили омовение, по традиции предложили воду восходящему солнцу, поклонились предкам и начали повторять священную Гаятри-мантру (сноска 1, 55). Завершив утренние обязанности, они с великим почтением приветствовали выдающегося мудреца, готовые снова отправляться в путь. Вместе с юношами мудрец достиг места слияния двух рек, Ганги и Сараю. Здесь они увидели добродетельных отшельников, которые тысячелетиями совершали аскезы, живя в своей хижине. Их мирное уединение наполнило Раму и Лакшману радостью, и они спросили мудреца Вишвамитру:

– О благословенный, чья это хижина? Кто живет здесь? Мы хотим услышать об этом. Великий мудрец улыбнулся и ответил Рама:

– Послушай, сын мой, я поведаю тебе, чья это прежде была обитель. Кандарпа (сноска 2, 55), которого Пундиты нарекли Камой, однажды принял облик человека и, погрузившись в медитацию, поклонялся здесь Господу Шиве. Когда Шива появился вместе со своей супругой, сопровождаемый небожителями, Кама попытался взволновать ум бога и пожал плоды своей дерзости. О сын династии Рагху, Шива в гневе открыл свой третий глаз и уничтожил тело Камы. Испепеленный Стхану, этот бог стал бестелесным. О Рама, с тех пор он известен как Ананга (сноска 1, 56), и страна, где разбросаны его члены, когда он пытался спастись бегством, называется Анга. Эта хижина принадлежит Господу Шиве, и святые, живущие в ней, по традиции являются его преданными; все они праведны и безгрешны. О прекрасный Рама, давайте проведем здесь ночь, а назавтра переправимся через две святые реки и достигнем священной хижины, где проведем следующую ночь. Сейчас мы сделаем остановку, чтобы исполнить наши обязанности, прочитать Гаятри и предложить в жертву очищенное масло, о лучший среди людей.

Пока они так беседовали, святые отшельники, в аскезах до совершенства развившие свою способность видеть, узнали путников и преисполнились радости. Предложив Вишвамित्रе Аргхью, они гостеприимно встретили Рамачандру и Лакшману и, завершив ритуалы, обратились к ним с дружескими словами.

В сумерках риши с глубокой сосредоточенностью читали традиционные молитвы. Под покровительством святых отшельников, верных своим обетам, Вишвамित्रа счастливо жил в хижине Камы вместе с двумя прекрасными царевичами, которые с восхищением слушали удивительные рассказы великодушного сына Каушики, тура среди аскетов.

Глава 24 Лес Татака

С рассветом два царевича совершили ежедневные обязанности и последовали за Вишвамित्रой к реке. Отшельники, строгие в своих обетах, проводили их до берега и предложили надежную лодку.

– О великий риши, – сказали они, – не медли, садись в лодку вместе с царевичами, это избавит вас от дневной жары.

Выразив почтение благочестивым аскетам, Вишвамित्रа последовал их совету. Посреди святой реки Рамачандра и его младший брат услышали рев воды и спросил мудреца:

– О почтенный, что вызывает этот шум?

Вишвамित्रа объяснил Раме, возбуждая его любопытство:

– О царевич, на горе Кайласа силой своей мысли Брахма создал озеро Манасаровару, Озеро Ума. В этом озере берет свое начало река Сараю, текущая через столицу Айодхья; здесь она встречается с водами священной Ганги. Вот откуда берется звук, который ты слышишь. Сосредоточив ум, поприветствуй их!

Юноши поклонились двум рекам и, достигнув южного берега, вышли из лодки и отправились дальше. Вскоре они увидели темный и ужасный лес, и Рамачандра снова обратился к мудрецу с вопросом:

– О великий муни, этот лес выглядит темным и зловещим; помимо беспричинного верещания сверчков и других насекомых я слышу устрашающий рев диких зверей. Лес гудит от их ужасных криков, и резкие нестройные голоса птиц вторят им. Посмотри, о мудрец, этот страшный лес полон львов, тигров и слонов и порос деревьями дхавы, ашвакарны, какубхи, билвы, тиндуки, паталы и бадари, воистину, наводящими ужас.

Великодушный и знаменитый мудрец ответил:

– О возлюбленный Какутстха, послушай, я поведаю тебе кое-что об этом темном лесу! Некогда здесь стояли два процветающих города, Малада и Каруша, подобные обители богов. (сноска 1, 57) О Рама, в давние времена Индра убил злобного Вритрасуру и после битвы, голодный и истомленный жаждой, удалился в неблагоприятное и уединенное ме-

сто, скорбя о том, что убил брахмана. Боги и святые мудрецы, хранители аскетизма, увидели идущего Индру и благословили, пролив на него из кувшина освященную мантрами воду и очистив это место от порока и скверны. Таким образом Индра избавился от угрызений совести и, свободный от греха и преисполненный радости, благословил эту страну.

– Эти два города будут известны как Малада и Каруша, сказал Индра. – Освободившие меня от скверны, они обретут славу и процветание, о котором пойдет молва по всему миру!

И боги ответили:

– Быть тому! Благодаря благословиению прозорливого Шакры

могущественные жители Малады и Каруши долгое время наслаждались богатыми урожаями, о сокрушитель врагов. Но через некоторое время здесь родилась отвратительная якшини, сильная, как тысяча слонов, способная по желанию менять свой облик. Имя ее Татака, это жена Сунды и мать ракшаса Маричи, силой не уступающая Индре и обладающая длинными руками, чудовищным ртом и гигантским телом.

Ужасная ракшаси постоянно вызывала вражду между жителями, о Рагхава. Злобная Татака сеяла смерть среди двух народов Малады и Каруши. Заградив дорогу, она живет в пяти милях отсюда; поскольку мы должны пройти через лес Татака, призови все свое мужество и сильным оружием сокруши отвратительную демоницу. Я велю тебе избавиться здешние места от этой колючки, потому что кроме тебя никто не способен этого сделать; грозная якшини выглядит неодолимой. Я все рассказал тебе об этом зловещем лесе и якшини, которая никому не позволяет проходить через него.

Глава 25

Вишвамित्रа пытается убедить Раму в том, что он должен убить Татаку

Выслушав слова всемогущего муни, Рама, тигр среди людей, задал ему мудрый вопрос:

– О великий мудрец, говорят, якши не обладают большим могуществом, почему же Татака сильна, как тысячи слонов?

Вопрос этот безгранично доблестного Рагхавы заставил махатму улыбнуться, и он доброжелательно ответил этому герою, сопровождаемому Лакшманой:

– О царевич, я поведаю тебе эту историю. Демоница Татака столь сильна благодаря благословиению, которое она получила. В былые времена могущественный якша по имени Сукету, добродетельный, но бездетный, наложил на себя суровую епитимью, которой удовлетворил Брахму. Творец благословил его дочь по имени Татака и наделил ее силой тысячи слонов; но безгранично знаменитый Брахма не даровал ему сына. Дочь подросла и расцвела красотой юности, и отец отдал ее замуж за Сунду, сына Джамбхи. Через некоторое время якшини родила сына по имени Марича, чрезвычайно могущественного; якша по происхождению, силой проклятия он стал ракшасом. О Рама, когда мудрец Агастья предал Сунду смертельному проклятию, Татака вместе со своим сыном решила сожрать мудреца. Увидев, как она, громадная, несется на него, благословенный мудрец Агастья проклял Маричу: «Стань демоном!» Он проклял также эту злобную женщину, чтобы она стала каннибалом с отвратительным ликом. Благословенный Агастья сказал: «Ты утратишь свою красоту и станешь ужасной ракшаси!» Разгневанная проклятием, Татака стала крушить и разорять святую землю, где мудрец Агастья предавался йогической медитации.

О Рама, ты должен убить Татаку, злобную и скверную демоницу, опустошающую землю. Ради блага брахманов и коров, о Рагхава, уничтожь это проклятое создание; никто кроме тебя во всех трех мирах не сделает этого. Не сожалей об убийстве женщины ради блага остальных сословий, это первейшая твоя обязанность. Когда речь идет о защите подданных, царь может поступать безжалостно и вопреки предрассудкам; это вечная обязанность облаченных царской властью. Напади на отвратительную якшини, о Какутстха, в

ней нет и капли справедливости. Говорят, прежде Шакра убил Мантхару, о принц, дочь Вирочаны, которая хотела уничтожить землю. В былые времена сам Вишну лишил жизни жену мудреца Бхригу, мать Кавьи, о Рама, потому что она хотела убить Индру. Многие великодушные цари, правящие людьми, наказывали творивших зло женщин, поэтому без сожаления убей эту якшини, я велю тебе сделать это, о царь!

Глава 26 Смерть якшини Татаки

Сын Дашаратхи, твердый в своих обетах, слушал вдохновенные речи мудреца Вишвамित्रы, придавшие ему решимости, а потом со сложенными ладонями смиренно обратился к нему:

– Во исполнение воли моего отца и из почтения к его обетам я вижу свой долг в том, чтобы без колебаний повиноваться тебе. Мой отец, царь Дашаратха, прощаясь со мной в Айодхье, велел во всем служить тебе. О муни, я почитаю каждое твое слово. Я готов исполнить твою волю, о риши, потому что это принесет благо брахманам и царю, а также осчастливит жителей этой земли.

С этими словами Рама сжал свой лук и натянул тетиву, отчего весь лес загудел особенным звуком. Ужас охватил всех его обитателей, а Татака впала в бессильный гнев. В ярости якшини бросилась туда, откуда раздавался этот звук, и Рамачандра, увидев гигантское и бесформенное чудовище, разгневался и сказал Лакшмане:

– О брат, посмотри на эту страшную якшини громадных размеров, от одного ее облика трепещет сердце. Узри, о Лакшмана, как я отрежу ей уши и нос и вызову ее на битву! Она ужасна, она владеет черной магией и непокорна, однако, о брат, нехорошо лишать женщину жизни. Женщина нуждается в защите, и поэтому я обезврежу ее, лишив способности двигаться; это предотвратит ее дальнейшие злодеяния.

Пока Рама говорил это, ужасная Татака бежала на него, грозно ревя и подняв огромные руки. Риши Вишвамित्रа приободрил Раму, крикнув:

– Слава потомку Рагху!

Но Татака подняла густое облако пыли и Рама с Лакшманой ничего не могли разглядеть. И тогда якшини своим мистическим могуществом обрушила на двух братьев ливень камней, что окончательно разгневало Раму. Отразив поток камней и подбежав к ней, он отсек ей обе руки, а Лакшмана отрезал нос и уши. Меняя облик и исчезая, она пыталась обмануть царевичей, а затем из своего укрытия обрушивала на них потоки камней.

Вишвамित्रа, до сих пор молча наблюдавший сражение, крикнул:

– Хватит, она не заслуживает большей милости; если ты пощадишь ее, она благодаря магии снова наберет силу и нападет на наши святые алтари! Близится вечер, в темное время ракшасы становятся очень сильными, и потому убей ее немедленно!

Вишвамित्रа показал Раме, где скрывается якшини, и доблестный сын Дашаратхи достал из своего колчана стрелы, летящие на звук и окружил ее ими. Могущественная демонница, владеющая мистической силой, в потоке стрел с ревом двинулась на царевича. Одной стрелой Рама разорвал на куски злобную якшини, которая повалилась на землю и испустила дух. Увидев, что ужасная Татака мертва, Индра и другие небожители стали славить Раму:

– Здорово, здорово, о святой Рама!

Боги преисполнились радости и сказали Вишвамитре:

– О муни, пусть процветание сопутствует тебе! Индра и боги довольны подвигом Рамы; яви ему особую милость и награди двумя видами оружия – обычным и оружием богов, которое является богатством Кришашвы. Подари их Рамачандре, преданному тебе и достойному обладать ими и многими другими видами могущественного оружия. Предназначено, что эти два юноши свершат великие и славные подвиги! Сказав так, боги поклонились мудрецу Вишвамитре и удалились в небесную обитель. Наступил вечер, святой

мудрец, радуясь смерти злобной Татаки от руки Рамы, вдохнул аромат волос царевича и сказал:

– О Рагхава, эту ночь мы проведем здесь, а завтра утром отправимся в мою хижину. Рама обрадовался словам муни и счастливо отдыхал этой ночью в лесу. Со дня смерти Татаки лес, освобожденный от проклятья, расцвел и украсился деревьями чампака, чита, ашока и другими и стал прекрасным, как леса Чаитаратхи.

Рамачандра, сразивший Татаку и прославляемый сиддхарами и богами, спал рядом с муни, который разбудил его с первыми лучами солнца.

Глава 27

Рама получает божественное оружие

Отдохнув ночь в лесу, знаменитый мудрец Вишвамित्रа, улыбаясь, обратился к Рама со сладкими речами:

– О царевич безграничной славы, я доволен тобой и счастлив даровать тебе оружие, благодаря которому ты сможешь победить всех своих врагов, будь то девы, асуры или наги. Прими это божественное оружие, о Рама! Это небесный диск, оружие дана (сноска 1, 62) и оружие дхарма и кала, о герой, с диском Вишну и неотразимым оружием Индры. О властелин людей, здесь есть булава и копье Махендры, дротик Шивы, сулавата, брахмашира и аишика, о Рагхава. О могучерукий, возьми оружие Шанкары и две могучих булавы модаки и шикари; о царевич, я награжу тебя непревзойденным оружием дхармапаша, калапаша и варунапаша, а также ашани, шушка и ардра! О радость династии Рагху, я дам тебе также пинаку и оружие Нараяны вместе с любимым оружием Агни – шикарой. Возьми оружие Ваювы, которое называется пратхама, а также с головой коня оружие Хаяширов и оружие Краунчев. Я даю тебе две стрелы (сноска 2, 62), о Какутстха, потомок Рагху, и канкалу, капалу и кинкина – все это поможет тебе в сражениях с ракшасами. О лучший среди людей, я награждаю тебя могущественным оружием Видьядхаров, известным под названием нандана, и уширатной, (сноска 3, 62) драгоценным камнем среди видов оружия.

Здесь есть излюбленное оружие гандхарвов под названием мохана, также я даю тебе прасапану, прашаману и саюмью, о Рагхава! О тигр среди людей, прими варшану, шошану, сантапану и вилапану вместе с неотразимым и излюбленным оружием кандарпа, мадана и унмадана и оружием гандхарвов – манавой, рудхирамишей – оружием пишачей. Прими их все, о лев среди людей, знаменитый царевич! Возьми также тамасу и могущественную сауману, неотразимую самварту и маушалу, оружие Сатьи под названием теджаспрабха, которое лишает врагов силы, оружие Сомы под названием шишира, страшную твашару и ужасное оружие шитешу, принадлежащее Бхане и Мадане. О доблестный Рама, возьми это могущественное, бесценное небесное оружие, которое меняет форму по желанию!

Сказав эти слова, знаменитый и возвышенный аскет поднялся с лицом, обращенным на восток, очистил себя водой и поведал Рама несравненные мантры, необходимые для владения этим оружием, раскрыв секреты, неведомые даже богам. После этого все виды оружия, переданные Вишвамित्रой силой мантр, предстали перед Рамой (сноска 1, 63) и со сложенными ладонями сказали:

– О царевич династии Рагху, пусть процветание сопутствует тебе! Мы – твои слуги. Приказывай, мы готовы исполнить твою волю!

Рама, радуясь этим словам, взял могущественное оружие в руки и сказал:

– Когда бы я мысленно ни призвал вас, явитесь и служите мне!

Знаменитый Рама с просветленным сердцем поклонился могущественному аскету Вишвамитре, готовый продолжать путешествие.

Глава 28

Рама обучается владению оружием

Получив оружие и наставления, как им пользоваться, Рама обратился к мудрецу, когда они шли по дороге:

– О благословенный, по твоей милости я обрел оружие, которое даже девам и асурам нелегко добыть. Будь добр, наставь же меня в искусстве приводить в действие и останавливать это божественное оружие!

Необычайно терпеливый и святой мудрец обучил Раму пользоваться оружием, которое приводится в действие силою мантр, и дал ему еще много другого: сатьявана, сатьякири, дришта (сноска 1, 64), рабхаса, пратихаратара, парангмукха, авангмукха, лакшья, алакшья, дриханабха, сунабха, дашакша и шаитавактра, дашаширша и шатодара, падманабха, маханабха, дунанабха (сноска 2, 64) и сванабха, джйотиша, шакуна и найрашгья, вимала, йогандраха и винидра, даитья и праматхана, шучиваха, махаваху, нишкали, вируча, арчимали (сноска 3, 64), дхритимали и ручира, питрия и сауманаса, видхута и макара, каравира и рати, дхана и дханая. После этого святой мудрец продолжал:

– О Рагхава, возьми также камарупу, камаручи, моху, аварану, джримбхаку, сарпанатху, пантхану и варуну. О сыновья Кришашвы, примите из моих рук огненные стрелы, по желанию меняющие форму, и будьте счастливы, владея этим оружием!

– Быть тому! – отвечал Рама, и все виды божественного оружия предстали перед ним. Одни сияли как яркие факелы, лучи солнца, или луны, а другие напоминали столбы дыма. Со сложенными ладонями они почтительно поклонились Рама и смиренно обратились к нему:

– О тигр среди людей, отныне мы в твоей власти!

Рама ответил:

– В нужный час я мысленно (сноска 1, 65) призову вас на помощь, а сейчас можете идти! Обойдя вокруг Рамачандры, они сказали:

– Хорошо, о Господь! – и вернулись туда, откуда пришли.

Овладев всеми видами оружия (сноска 2, 65), Рама снова отправился в путь. По дороге он доверительно спросил риши Вишвамитру:

– О духовный учитель, что это, напоминающее темное облако близ горы? Похоже, это роща, приятная глазу и полная ланей; я слышу, как сладко там поют птицы. Мы уже прошли опасный лес, вызывающий страх? О учитель, давай отдохнем здесь в тишине и покое. Скажи, чья это хижина? О великий мунни, неужели мы достигли твоей обители, попираемой злобными демонами, убийцами брахманов, оскверняющими твой алтарь? О благословенный, пожалуйста, покажи мне место твоего жертвоприношения. О мудрый, я жажду расправиться с надоедливymi демонами, мешающими твоей преданности. Будь же милостив, объясни мне все!

Глава 29

Вишвамитра рассказывает историю хижины и начинает жертвоприношение

Знаменитый мудрец Вишвамитра ответил славному Рамачандре:

– О Рама, этот лес – обитель благословенного Господа Вишну, первого среди богов, где Он долгое время предавался йогической медитации. Славный Вамана жил здесь. Это место называется Сиддха-ашрам, и потому столь великая душа успешно совершала тут аскезы. Бали, сын царя Вирочаны, завоевал Индру и других девов вместе с божествами ветра и стал править в трех мирах. Когда Бали Махараджа проводил жертвоприношение, девы во главе с Агни обратились к Шри Вишну, который жил в этой хижине:

– О Господь, царь Бали, сын Вирочаны, совершает великое жертвоприношение; пока оно еще не завершилось, помоги нам! Господь помогает тем, кто ищет у Него защиты. Прими облик карлика и спаси нас!

Тем временем, о Рама, мудрец Кашьяпа, сияющий как огонь благодаря практике йоги, вместе со своей женой Адити завершил тысячелетнюю аскезу и стал прославлять Мадхусудану, дарующего благословения:

– О Верховный Пуруша, Тебе поклоняются, умерщвляя плоть, Ты воздаешь плоды таких аскез. Твоя природа – это знание и аскетизм; силой аскезы сейчас я могу видеть Тебя. О Господь, в Твоем теле я вижу всю вселенную, полную движущихся и неподвижных существ. В тебе, не имеющем начала и неопишущего, я ищу прибежища!

Благословенный Господь Вишну был доволен этой молитвой и обратился к безгрешному мудрецу:

– О Кашьяпа, узри Мое совершенство! Ты заслужил благословения, проси, чего хочешь. Кашьяпа, сын Маричи, ответил:

– Благословенный Господь, Адити, боги и я молим Тебя о милости стать моим сыном, явившись из чрева моей безгрешной жены! О Господь, стань младшим братом Индры и помоги разбитым горем богам. По Твоей милости это место прославится на всю вселенную как Сиддха-ашрам. (сноска 1, 66)

Блистательный Вишну в облике карлика-брахмана Ваманы родился из чрева Адити и под видом нищего монаха предстал перед царем Бали. Господь попросил царя пожертвовать Ему три шага земли, но вместо того тремя шагами покрыл всю вселенную. Эта уединенная и тихая хижина прежде принадлежала Вамане, а теперь я счастливо живу в ней и поклоняюсь Господу. Но ракшасы безжалостно разрушают мир и покой этой обители. О лев среди людей, останься здесь и убей их. О Рама, сегодня мы войдем в Сиддха-ашрам вместе; друг мой, эта хижина не только моя, но и твоя!

Вместе с Рамачандрой и Лакшманой святой мудрец вошел в хижину, прекрасный, словно осенняя луна, которой сопутствуют две планеты Васу. Мудрецы, жившие в Сиддха-ашраме, счастливы были увидеть Вишвамитру, поднявшись, они радостно приветствовали его. Выразив почтение великому мудрецу, они достойно приняли и царевичей. Отдохнув немного, юноши смиренно и почтительно обратились к святому мудрецу:

– О великий муни, почему бы тебе не начать сегодня жертвоприношение, пусть тебе сопутствует удача. Это Сиддха-ашрам, мы хотим, чтобы ты достиг успеха в своем начинании!

Мудрец, закончив необходимые приготовления и обуздав ум, начал жертвоприношение, а царевичи бдительно охраняли его. Так прошла ночь. Наутро согласно ритуалу они совершили омовение, про себя повторили мантру Гаятри, после чего выразили почтение Вишвамитре, занятому огненным жертвоприношением, и, словно двое Васу, сели на свои места.

Глава 30

Марича и Субаху мешают жертвоприношению и погибают от руки Рамачандры

Двое царевичей, всегда поступающие согласно времени и месту, искусно повергающие своих врагов, обратились к сыну Каушики:

– О благословенный, поведай, в какой момент жертвоприношения появляются те два демона? Нам необходимо знать это, чтобы предотвратить их нападение. Обитатели Сиддха-ашрама прославили юношей, услышав их слова и видя их решимость сразиться:

– О царевичи, с этого дня следите за жертвоприношением в течение шести ночей; мудрец Вишвамитра, отправляя ритуал, все время будет хранить полное молчание.

Знаменитые сыновья Дашаратхи охраняли лес Тапована (сноска 1, 68) в течение шести дней и ночей, ни на миг не смыкая глаз. Вооруженные луками и стрелами, они с твердой решимостью не покидали риши и его жертвенный алтарь. Пять дней прошли без помех, но на шестой день Рамачандра сказал Лакшмане:

– Брат, приготовься!

Не успел Рама произнести эти слова, как жертвенный алтарь, окруженный жрецами и брахманами, читающими священные мантры, неожиданно вспыхнул ярким пламенем, озаряя светом Вишвамитру, лица монахов, священную траву, черпак, масло, которое аскеты подливали в огонь, и цветочные гирлянды. Жертвоприношение продолжалось, снова и снова звучали традиционные мантры, когда в небе раздался оглушительный шум надвигающегося разбоя. Подобно облакам во время сезона дождей затягивающим небосвод, два демона своей мистической силой заслонили небо. В следующее мгновение Марича и Субаху вместе со своими сообщниками обрушили на алтарь и отшельников потоки крови. Увидев алтарь, залитый кровью, Рамачандра и Лакшмана преисполнились гнева и бросились искать виновников. Вдруг они увидели в небе Маричу и других ракшасов. Рагхава, глядя на устремившихся к нему демонов, сказал брату:

– О Лакшмана, я убью этих злобных ракшасов, питающихся плотью, оружием манава, которое подобно ветру, разгоняющему облака!

Рамачандра метнул сияющее оружие манава и ранил в грудь Маричу. Демона отбросило в море на сотню миль. Понимая, что Марича лишился чувств, сраженный оружием манава, Рамачандра обратился к Лакшмане:

– Ты видел силу этого великого метательного оружия Ману, оно обладает могуществом самого Ману! Но хотя Марича лишился чувств, он еще живой; воистину, сейчас я уничтожу этих злобных, жестоких и греховных демонов, наслаждающихся кровью и окверняющих святыне жертвенники!

С этими словами он взял оружие Агни, метнул его в грудь Субаху, и демон стремительно полетел на землю, испуская дух. Всех остальных ракшасов Рама убил оружием Ваю. Сразив всех, кто мешал жертвоприношению, Рамачандра осветил радостью сердца мудрецов, которые стали прославлять его, как победоносного Индру.

Жертвоприношение успешно завершилось. Риши Вишвамитра, чувствуя, что мир освободился от нападок демонов, сказал Раме:

– О могучерукий царевич, сегодня я достиг своей духовной цели и исполнил волю духовного учителя; воистину, ты вернул Сиддха-ашраму его былую славу.

Глава 31

Вишвамитра и двое царевичей отправляются посетить жертвоприношение царя Джанаки

Следующую ночь Рама и Лакшмана, два счастливых героя, исполнившие свой долг, провели с миром в сердце. На рассвете они поднялись, совершили омовение и вместе подошли к Вишвамитре, выразить почтение мудрецу и остальным отшельникам. Приветствуя великого аскета, сиянием напоминавшего Паваку, братья обратились к нему со сладкими речами:

– О лев среди муни, мы – твои смиренные слуги. Какая теперь будет твоя воля? Мы здесь, чтобы повиноваться тебе.

Риши во главе с Вишвамитрой ответили Раме:

– О великий, царь Митхилы, праведный Джанака проводит важное жертвоприношение, и мы собираемся посетить его. О лев среди людей, ты должен сопровождать нас. Там ты увидишь редкий и удивительный лук. В давние времена этот лук подарили царю Джанаке боги в собрании. Он чрезвычайно могущественный, огромный и сверкающий. Боги, гандхарвы, асуры и ракшасы не могут согнуть его, не говоря о людях!

Великие монархи пытались поднять и натянуть этот лук, пробуя свои силы, но никому еще не довелось это сделать. О знаменитый, пойдем с нами, чтобы принять участие в великом жертвоприношении и увидеть этот лук, принадлежащий великодушному царю Джанаке. Когда-то боги воздали сыну Митхилы за свершенное жертвоприношение и подарили этот удивительный лук. Он хранится в царском дворце вместе благовониями и ароматными маслами, потому что ему поклоняются как божественному. Великий мудрец

поднялся и вместе с другими риши и сыновьями Дашаратхи отдал поклон лесным богам.

– Прощайте, – сказал он, – мое жертвоприношение успешно завершилось, будьте счастливы! Я покидаю идеальную жизнь в Сиддха-ашраме ради северного берега реки Джахнави в Гималаях.

Сказав так, великий мудрец почтительно обошел хижину и повернул на север. Остальные отшельники, хранители аскетизма, последовали за ним вместе с брахманами, читающими Веды, разместившись на сотнях повозках со всеми своими пожитками. Птицы и звери Сиддха-ашрама долго провожали их, пока святой муни ни попросил их вернуться. Солнце еще не спряталось за горизонт, когда они после долгого пути сделали остановку на берегах реки Шоны. На закате мудрецы омылись, прочитали вечерние молитвы и совершили огненное жертвоприношение. Беспредельно добродетельный Вишвамित्रа, главный среди мудрецов, сел, и Рамачандра с Лакшманой поприветствовали его, пока остальные риши рассаживались вокруг. Рама с радостью в голосе спросил Вишвамитру:

– О благословенный, что это за страна, поросшая зеленеющими рощами и лесами? Будь милостив, поведай нам. И святой аскет несгибаемой воли в собрании мудрецов рассказал о том, где они находятся.

Глава 32

Вишвамित्रа повествует о своем происхождении и династии царя Куши

– О Рама, в давние времена жил здесь царь по имени Куша, сын Брахмы. Верный своим обетам, великий аскет, он сведущ был в дхарме и священном законе (сноска 1, 71), почитал добродетель.

Царь Куша взял в жены целомудренную и прекрасную женщину из рода Видарбхи, и был благословлен четырьмя сынами, не уступающими ему в силе. Их звали Кушама, Кушанабха, Асуртараджаса (сноска 2, 71) и Васу. Все они были могучими и деятельными, ревностно исполняющими долг воинов. Праведный и справедливый царь Куша обратился к ним с такими словами:

– О сыновья мои, защищайте и кормите своих подданных, как поступают истинно достойные! Во исполнение воли отца, царевичи основали четыре города. Могущественный Кушамба назвал свою столицу Кушамби; праведный Кушанабха правил городом Маходая; Асуртараджаса, отличавшийся не дюжим разумом, основал Дхармаранаю, а царевич Васу – важный город Гиривраджа. Земля, где мы сейчас находимся, называется Васумати по имени Васу, великой души. Пять горных вершин окружают ее, восхитительная река Сумагадхи протекает близ Магадхи и сияет подобно гилянде среди гор. О Рама, эта река Магадхи, принадлежавшая великодушному Васу, пришла с востока и с обеих сторон окружена плодородными полями.

О царевич Рагху, Кушанабха, великая душа, женился на нимфе по имени Читрачичи, которая родила ему сто прекрасных дочерей. Однажды девушки в нарядных одеждах и украшениях гуляли по живописному саду, подобно лучам солнца среди облаков. Они пели песни, танцевали и играли на музыкальных инструментах, словно небесные создания, воплотившиеся на земле, или звезды на небосводе.

Прекрасных и добродетельных царевен увидел Ваю, бог ветра, и обратился к ним с такими словами:

– Я жажду, чтобы все вы стали моими женами; оставьте эти смертные тела, я дарую вам бессмертие. Помните, юность проходит, но среди смертных она просто мимолетна; выйдя за меня замуж, вы навсегда сохраните свою красоту!

Девушки с насмешкой ответили на непристойные речи Ваю:

– О бог ветра, ты знаешь все, что творится в сердцах людей, но мы знаем, что происходит в твоём сердце! Почему ты оскорбляешь нас? О Ваю, известный своей мудростью, мы – невинные девы. Мы преданны и воздержанны в чувствах, и потому можем стать

причиной твоего падения, но поскольку заслуги добродетели исчезают, когда их используют во вред, мы не нарушим своих священных обетов. О глупец, упаси нас боже избирать себе супругов, не испросив позволения у нашего почитаемого отца. Он – наш господин и учитель, мы выберем себе мужей согласно его воле!

Бог ветра, разгневанный словами девушек, проник в их тела, скрутил и искривил их. Несчастные девушки, обливаясь слезами, бросились к отцу, ища защиты. Увидев возлюбленных дочерей с искаженными лицами и членами, разбитых горем, царь вне себя спросил:

– Как это случилось? Кто, поправ закон, оскорбил вас? Кто изуродовал вас? Расскажите все, почему вы молчите?

Глубоко вздохнув, монарх с беспокойством на сердце ожидал ответа дочерей.

Глава 33

Сто царевен выходят замуж за мудреца Брахмадатту

Сто юных дев склонили головы к стопам своего прозорливого отца Кушанабхи и сказали:

– Ваю, который присутствует во всех живых существах и радуется их мукам, причинил нам это зло, он отступил от закона справедливости. Мы сказали ему, что не вольны избирать себе путь жизни, пока жив наш отец, и что ему следует обратиться к тебе, если он хочет взять нас в жены. Но этот грешник пренебрег нашими словами, скрутил и изуродовал наши члены. Добродетельный и могущественный монарх ответил своим прекрасным дочерям:

– Вы поступили благородно, отказав этому богу. Иногда великодушие развивает воздержанность; вы преумножили почет нашей династии! Целомудрие – лучшее украшение для мужчин и женщин; вы обрели этот редкий дар, не многие способны на это; даже боги не обладают им. О Виргини, воздержание – величайший дар, истина и жертвоприношение, правдивый человек прославляет воздержание, это дхарма, мир держится на нем.

С этим царь, в могуществе не уступающий богам, отпустил царевен и погрузился в глубокие думы. Он призвал своих министров, чтобы обсудить с ними, кому отдать дочерей в жены.

Великий мудрец Чули, сияющий целомудрием и добродетелью, предававшийся аскезам ради познания Брахмана, принял поклонение гандхарви Сомады, дочери нимфы Урмалы, которая почтительно приблизилась к нему и начала служить. В течение долгого времени делая это с неуклонной верой и преданностью, гандхарви удовлетворила своего гуру, и он сказал:

– Я доволен тобой, будь счастлива. Что я могу сделать для тебя?

Гандхарви необычайно обрадовалась и отвечала мудрецу выразительно и мягко:

– О наделенный могуществом богов, ты сам подобен богу! Я хочу сына, сияющего аскетизмом, поклоняющегося Богу и преданного добродетели. У меня нет мужа, и я не желаю быть чьей-то женой, потому что храню целибат; силою йоги даруй мне сына, рожденного твоей мыслью.

Божественный мудрец Чули был доволен словами Сомады и силой ума даровал ей сына по имени Брахмадатта. Брахмадатта стал царем Кампильи и был богат, как Индра в раю. Зная об этом, царь Кушанабха решил отдать ему своих добродетельных дочерей в жены и для этой цели пригласил царя Брахмадатту к себе во дворец.

Мудрец Вишвамित्रа продолжал:

– О Рамаджи, подобно царю богов, Брахмадатта взял каждую царевну за руку и от этого прикосновения они освободились от уродства и обрели прежнюю красоту. Царь Кушанабха преисполнился радости, увидев, что дочери его вновь стали прекрасны. С великой пышностью он отдал их царю Брахмадатте в жены, а потом простился, проводив в дом их благородного супруга вместе с их духовными наставницами. Гандхарви Сомада,

увидев сына, окруженного сотней прекрасных жен, приветствовала снох и окружила их вниманием в знак почтения к царю Кушанабхе.

Глава 34 Рождение Гадхи, отца Вишвамитры

– О Рамаджи, после свадьбы Брахмадатты и его возвращения в свое царство, Кушанабха приготовился совершить жертвоприношение, чтобы у него родился сын. Торжественно открывая церемонию, великодушный Куша, его отец, сын Брахмы, сказал Кушанабхе:

– Дитя мое, у тебя родится добродетельный сын, достойный тебя. Назови его Гадхи; он принесет тебе бессмертную славу!

Сказав это царю Кушанабхе, Куша вознесся в небо, на Брахмалоку. В должный срок у добродетельного Кушанабхи родился сын, безгранично благочестивый Гадхи. О Какутстха, я – сын наделенного великой святостью Гадхи. И поскольку я родился в семье Куши, меня зовут Каушика. О царевич, у меня есть старшая сестра Сатьявати, которая стала верной супругой Ричики. Господин ее умер и она последовала за ним на небеса, не покидая тела, и приняла облик священной реки Каушики. Ее воды божественны и прекрасны, они умножают заслуги человека.

Даруя благословение миру, Сатьявати приняла облик реки, текущей с Гималаев. Вишвамитра продолжал:

– Добродетельная и верная своему господину, сестра моя Сатьявати стала рекой Каушика, величайшей и необычайно удачливой из рек. Благодаря аскезам я обрел твою помощь, с тобой вместе достиг хижины Сиддха и благодаря твоей доблести стал сиддхой. Я поведал тебе о своем происхождении, как ты этого просил. За рассказом ночь прошла незаметно, идите отдохнуть, чтобы завтра мы с новыми силами отправились в путь.

Глубокая тьма окутала все вокруг. Как быстро пролетел вечер! Небо сияет яркими звездами, словно мириады глаз смотрят на нас! Яркая луна восходит все выше и выше, даруя прохладу и разгоняя тьму. Ночные блудницы и ужасные, питающиеся плотью якши и ракшасы во множестве бродят повсюду.

Знаменитый мудрец Вишвамитра замолчал, и другие муни похвалили его:

– Хорошо сказано, хорошо сказано, о мудрец. Династия Куши всегда славилась добродетелью, ее цари отличаются исключительной мудростью. Среди них ты, о Вишвамитра, самый знаменитый; ты и твоя сестра, прекрасная река Каушика, преумножили славу этого царского рода. Так мудрецы прославляли риши Вишвамитру, пока тот не удалился спать, подобно солнцу, спрятавшемуся за горами Астачала.

Рамачандра вместе с братом Лакшманой, изумленные, тоже поклонились великому аскету и расположились на ночлег.

Глава 35 Легенда о священной реке Ганге

Проведя ночь на берегах реки Шоны вместе с другими мудрецами, Вишвамитра на рассвете сказал Рамачандре:

– Пробудись, о царевич, начинается день; пусть процветание сопутствует тебе! Прочти утренние молитвы и будем готовиться в путь. Рама внимал наставлениям святого мудреца и, собравшись, обратился к нему:

– О познавший Бога, святая река Шона совсем неглубокая, здесь много песчаных отмелей. Скажи, где лучше перейти ее?

– О царевич, – отвечал мудрец, – дальше я покажу тебе, где великие риши переходили эту реку.

Путники подошли к реке и направились вдоль берега, наслаждаясь красотой густых лесов. К полудню они прошли немалый путь и достигли любимой отшельниками реки

Ганги. Увидев ее воды, кажущиеся еще прекраснее от живущих в них лебедей и журавлей, Рама, Лакшмана и мудрецы преисполнились радости. Расположившись на берегу, они совершили омовение в священной реке, как это говорят писания, а затем, разведя священный огонь, провели остальные ритуалы. По традиции они предложили предкам воду и, разложив подстилки, с радостными сердцами расселись на берегах Джанхави. Со всех сторон окружив Вишвамитру, они заняли свои места согласно этикету так же, как и два потомка Рагху. Счастливый Рама обратился к Вишвамитре:

– О благословенный, я жажду услышать от тебя историю этой реки, которая протекает по всем трем мирам (сноска 1, 75). Как святая Ганга, пройдя через три мира, впадает в океан?

– О Рама, – начал свой рассказ Вишвамитра, – могущественный Химават, бог Гималаев, хранитель всех драгоценных камней и металлов, был отцом двух дочерей, в красоте которым не было равных на земле. Их мать Мена, супруга Химачалы (сноска 1, 77), была дочерью горы Меру. Старшую дочь Мены звали Ганга, а младшую – Ума. Боги, желая совершить священные обряды, обратились к Химачале с просьбой отпустить с ними свою дочь, дарующую удачу.

Химачала, заботящийся о благе всего мира, отдал богам Шри Гангу, очищающую все три мира, узрев в этом свой долг. Боги, удовлетворенные, благословили всех и вместе с Гангой вернулись в свои обители, чтобы исполнить задуманное. О царевич династии Рагху, другая дочь Химачалы, Ума, предавалась суровым аскезам, видя в этом свое главное богатство. Химачала эту деву, перед которой благоговел мир, отдал в жены Шри Махадеве (сноска 2, 77), достойному его дочери. Вишвамитра продолжал:

– О Рама, я поведал тебе о двух дочерях Химачалы, почитаемых всеми, – о реке Ганге и Ума деви. Сын мой, о лучший из учеников, ты услышал историю Шри Ганги и других небожителей. Прекрасная дочь царя Хималая, некогда жившая на Дева-локе, – это чудесная река Ганга, чьи священные воды уничтожают все грехи.

Глава 36 История Умы

Услышав удивительный рассказ, столь красноречиво поведенный Вишвамитрой, двое царевичей прославили мудреца:

– О божественный мудрец, большая честь услышать историю, которую ты поведал нам; будь добр, расскажи о дальнейшей судьбе старшей дочери царя Хималая. Ты всеведущий, и потому опиши подробно, как Ганга, своими водами очищающая мир, низошла с небес на землю. О сведущий в науке добродетели, почему эту священную реку называют Трипатхага (сноска 1, 78), и откуда появилось это название?

Сидя в кругу мудрецов, Вишвамитра, чьим исключительным достоянием была истина и аскетизм, поведал на вопрос Рамы следующее:

– О царевич, в давние времена Господь Махадева женился на Уме и, очарованный ее красотой, предался радостям супружества. Сто лет по исчислению богов Махадева провел с этой деви, но она не принесла ему детей. Боги во главе с Брахмой с беспокойством думали: «Кто сможет противостоять могущественным и славным потомкам великих Махадевы и Умы?», – и пали ниц перед Махадевой.

– О бог богов! О Махадева, заботящийся о всеобщем благе! – взмолились они. – Мы приветствуем тебя, будь милостив к нам! Твое могущество беспримерно, о лучший среди богов, и поэтому вместе с богиней Умой посвятите себя йогическим епитимьям. Ради блага трех миров не растрачивайте свою силу, и тогда вселенная сохранится и никто не пострадает от разрушения!

Правитель мира Шри Махадева ответил богам:

– Быть тому, о боги! Я сохраню свою силу, дабы все области вселенной, в том числе и земля, пребывали в мире, но, о девы, кто примет избыток моего семени?

– Пусть Земля примет его! – сказали боги.

И тогда Махадева испустил семя в землю, покрывая горы, моря и леса. Когда земля не в силах была принять более, боги попросили огонь и ветер объединить силы, и Агни создал гору Швета и небесный лес Шара, сиянием подобные огню или солнцу. Из этого ослепительного света родился славный Карттикея, подобный самому Агни. Все боги и риши преисполнились радости и совершили поклонение Господу Шиве и богине Уме. Но Ума, дочь Хималая, пришла в великий гнев, глаза ее пылали, и она предала богов проклятию:

– О девы, поскольку вы несмотря на мое желание, не позволили мне родить сына, отныне все вы будете бездетны, жены ваши не познают счастья материнства!

Затем Ума перевела свой гневный взгляд от богов на Землю и сказала:

– О Земля, ты будешь много раз менять свой облик и иметь бесчисленных хозяев! Безумная, у тебя никогда не будет сына, потому что ты не дала мне стать матерью!

Покинув смущенных богов, Махадева отправился на север в Гималаи, где правит Ватуна. Там, на вершине Химаватпрабхава, он предался продолжительным йогическим аскезам вместе со своей супругой Умой.

Глава 37 Рождение Карттикеи

Пока Махадева занимался йогической медитацией, боги во главе с Агни пришли в обитель Брахмы и, вместе с Индрой выразив почтение Творцу мира, сказали:

– О Господь, с самого начала творения ты определил Махадеву главным среди нас, но сейчас он удалился в Гималаи и вместе с Умой совершает аскезы. О благожелатель мира, что теперь нам следует делать? Ты – наше единственное прибежище! Создатель миров утешил богов такими словами:

– О боги, несомненно, проклятие Умы девы, лишившее вас потомства, неотвратимо, но бог огня Агни даст Ганге выносить сына, который уничтожит ваших врагов. Младшая дочь Химачалы, Ума, будет смотреть на сына своей сестры как на собственного и невольно прольет на него свою любовь. Вишвамित्रа продолжал:

– О Рама, слова Брахмы удовлетворили богов и они почтительно поклонились ему. Отдавая дань почтения, они обошли вокруг Праотца, а затем отправились на гору Кайласу, сокровищницу драгоценных металлов, и попросили Агни родить сына.

– Подумай о благополучии богов, о вскормленный жертвенными возлияниями, и даруй дочери горы свое семя, о могущественный!

Павака согласился исполнить их просьбу и обратился к Шри Ганге:

– О девы, давай родим сына согласно воле богов! Приняв облик небесной нимфы, Ганга вдохновила бога огня даровать ей свое семя, так что каждая жилка на ее теле засияла. Потом она сказала Агни:

– О дева, не в силах носить все возрастающее сияние, которое ты передал мне. Тело мое горит, как огонь, а ум обезумел, я трепещу от страха.

– О безгрешная, – отвечал Агни, – положи свой плод на склоны Гималаев. Ганга девы исторгла из себя сияющее словно золото существо, которое, упав на землю, стало непревзойденным чистым Джамбунадой (сноска 1, 80). Окислившись, это существо превратилось в серебро, чьи проникновенные лучи создали медь, железо и, в конце концов, цинк и свинец. Таким образом это сияние преобразилось в бесчисленные металлы, которые распространились по всем горам и лесам, обогатившись золотом. О Рама, золото, появившееся в такой сияющей форме, получило название Джатарупа (сноска 2, 80), вот почему, о герой, оно сверкает, как огонь. Трава, вьюны и кусты также стали золотыми, и из этого сияния родился Кумара (сноска 3, 80). Боги и властители Марутов передали ребенка заботам Криттиков (сноска 4, 80), которые могли вскормить его. Все Криттики относились к младенцу, словно к родному. Боги назвали его Карттикея и сказали:

– Он будет нашим сыном и прославится на весь мир!

С этими словами они искупали ребенка, который сиял отблесками огня, и назвали его Сканда. Могущественный герой Карттикея, о Какутстха, был подобен пламени. Шесть нянек одновременно начали вскармливать младенца молоком, но уже через шесть месяцев он истощил их. Скоро он стал таким сильным, что еще младенцем вызывал полчища демонов на бой. Все боги признали в нем своего военачальника и вместе с Агни с любовью оказывали почтение этому ребенку.

О Рама, такова история Ганги и чудесно родившегося Кумары. О Рагхава, кто на Земле внимлет этому рассказу с верой и преданностью, тот обретет долгую жизнь, сыновей, внуков и разделит удачу Сканды.

Глава 38 История царя Сагары

Вишвамित्रа, потомок Каушики, поведал эту историю Раме, обратившись к нему с такими словами:

– О доблестный герой, в давние времена жил царь по имени Сагара, который правил Айодхьей. Храбрый и добродетельный, он любил своих подданных, однако у него не было наследников. Правдивая и целомудренная Кушини, дочь царя Видарбхи, была его старшей царицей. Второй женой царя Сагары была Сумати, дочь Ариштанеми и сестра Супарны (сноска 1, 81), очаровательная и миловидная.

Вместе со своими супругами царь пришел в Гималаи и предался суровым йогическим аскезам в лесу Бхригупрасравана. Через сто лет умерщвления плоти пред царем явился махариши Бхригу, довольный им и готовый даровать свои благословения.

– О безгрешный царь, – сказал риши, – у тебя родится много сыновей, и слава твоя будет беспримерной. Одна из твоих цариц принесет тебе одного сына, а другая – шестьдесят тысяч сынов.

Услышав благословение риши, царицы обратились к нему с вопросом:

– О познавший Бога, по твоей милости мы непременно принесем плод, но будь добр, поведай, которая из нас один родит одного сына, а которая – шестьдесят тысяч?

Безгранично добродетельный мудрец ответил им:

– Это ваш выбор. Скажите, которая из вас готова стать матерью основателя династии, а которая хочет стать матерью шестидесяти тысяч знаменитых сынов?

Вишвамित्रа продолжал:

– О Рама, царица Кешини пожелала благословения родить одного сына, который увековечит ее род, а Сумати, сестра Гаруды, получила благословение родить шестьдесят тысяч могущественных и знаменитых сынов.

О царевич, Сагара прославил риши Бхригу и вместе с женами вернулся в свою столицу. В должный срок старшая царица Кешини родила сына по имени Асаманджаса. О великий, царица Сумати принесла царю тыкву, и как только ее открыли, из тыквы появилось шестьдесят тысяч мальчиков-младенцев. Няньки положили их в кувшины, полные масла, и стали ухаживать. Прошло немало времени, пока младенцы выросли в неотразимо прекрасных юношей, с годами ставших мужественными воинами.

О Рама, тем временем старший сын Асаманджаса, наделенный великим могуществом, схватил детей, выбросил в реку Сараю и, думая, что они утонули, преисполнился радости. Этот источник зла рос, своим поведением попирая добро. Поскольку царевич этот притеснял жителей столицы царя Сагары, его изгнали. Асаманджаса стал отцом доблестного и почитаемого всеми царевича по имени Аншуман, который был вежлив с каждым. Спустя много времени царь Сагара решил провести жертвоприношение, о Рама, и, созвав главных священнослужителей, начал ритуалы.

Глава 39

Сыновья царя Сагары вспахивают землю

Как только Вишвамित्रа закончил свой рассказ, потомок Рагху, преисполненный радости, сказал мудрецу, сиявшему, как огонь:

– Будь счастлив! Я жажду услышать, как мой предок, царь Сагара, совершал жертвоприношение!

Удовлетворенный любопытством Рама, Вишвамित्रа улыбнулся и ответил:

– Слушай, о Рама, историю великодушного монарха Сагары. Меж Гималаями и горами Виндхья лежит страна, где царь Сагара совершал свое жертвоприношение. Земля эта предназначена для жертвоприношений, о тигр среди людей. О Какутстха, великий лучник и воин на колеснице Аншуман должен был охранять коня, отпущенного для жертвоприношения. Васав в облике ракшаса украл коня, и священнослужители, плача, обратились к царю:

– Посмотри, кто-то увел жертвенного коня! Убей похитителя и верни коня; прерванное жертвоприношение на всех навлечет беду! О царь поскорее устрани эту помеху!

В ответ на слова царских священнослужителей Сагара призвал своих шестьдесят тысяч сынов и сказал им:

– Злобный демон украл жертвенного коня; куда он увел его? Это раскроют мантры, произнесенные без оскорблений. Идите, сыны мои, пусть справедливость восторжествует и удача сопутствует вам! Обойдите всю землю, омываемую морями, переройте все, но найдите коня. Отыщите вора; такова моя воля! Идите, сыны мои, положив начало жертвоприношению, я не могу покинуть этого места, и потому останусь здесь вместе с Аншуманом и брахманами.

Во исполнение воли отца эти могущественные царевичи, радуясь в сердцах, пустились на поиски коня. О великий Рама, они обошли всю землю, но безуспешно, и тогда ногтями, подобными алмазам, начали рыть почву. О царевич династии Рагху, пользуясь плугами, лопатами и другими приспособлениями, они вспахивали землю, пока она не загудела и не начала дрожать. Продолжая свое дело, сыновья Сагары убили и ранили бесчисленных змеев, демонов и могучих исполинов. О Рагхава, те царевичи прорыли землю на шестьдесят тысяч миль вглубь, пока не достигли ее противоположной стороны. Проникнув в глубины земли, они исследовали горные массивы Джамбудвипы.

В это время боги, гандхарвы, асуры и наги, встревоженные таким натиском, обратились к Шри Брахме. Поклонившись, они в великом горе сказали:

– О благословенный Господь, сыновья Махараджи Сагары изрыли всю землю, неся смерть бесчисленным великим существам. Кто бы ни встретился им на пути, они говорят: «Ты помешал жертвоприношению и украл коня!» Все твои создания страдают.

Глава 40 Смерть сынов Сагары

Услышав от богов о деяниях сынов Сагары, чья участь уже была предрешена, Брахма сказал:

– О девы, весь этот мир принадлежит славному Васудеве, и Он в облике мудреца Капилы поддерживает его. Царевичи эти падут жертвами его испепеляющего гнева; земля вечна и не подлежит уничтожению.

Боги преисполнились радости и вернулись в свои обители. Тем временем сыновья Сагары из глубин земли вызвали величайший шум, подобный удару грома. Изрыв всю землю, они вернулись к отцу и сказали:

– Мы изрыли всю землю, сразили богов, демонов и змеев, но не нашли следа священного коня или его похитителя. О отец, пусть процветание сопутствует тебе, подумай об этом и скажи, что делать дальше!

Эти речи разгневали добродетельного Сагару, и он ответил:

– Идите и снова роите землю, поймайте коня и, исполнив мою волю, возвращайтесь. Послушные отцу, царевичи сокрылись в вырытом ими туннеле и, продолжая его, натолкнулись на чудовищной формы слона Вирупакши, который держит на своей голове Землю со всеми ее горами и лесами. О Какутстха, когда этот великий слон трясет своей утомленной головой, происходит землетрясение. (сноска 1, 85). Сыновья царя Сагары обошли этого огромного слона, поддерживающего четвертую часть земли, и продолжая рыть, достигли Расаталы.

Обследовав восточную область, они направились на юг и там увидели другого великого слона, знаменитого Махападму, подобного горе, который так же держит Землю на своей голове. Изумление царевичей не знало границ. Обойдя его, шестьдесят тысяч сынов Сагары, великие души, стали рыть западную часть земли и перед ними появился еще один гигантский слон, размеры которого превосходили самые высокие горы. Отдав ему дань почтения и узнав о его благополучии, они снова принялись за свое дело и рыли до тех пор, пока не достигли области, где находится Сома.

На севере, о знаменитый сын Рагху, они увидели слона Химпандура благородного облика, который поддерживал эту часть земли. Обойдя его, шестьдесят тысяч царевичей безжалостно опустошили все кругом. Разгневанные и безгранично могущественные, они вдруг увидели Капилу (сноска 2, 85), вечного Васудеву, и коня, который неподалеку щипал траву.

О Рама, неопишуемая радость охватила их. Они подумали, что Капила прервал жертвоприношение и, бросая на него негодующие взгляды, вооруженные лопатами, плугами и всеми видами деревьев и камней, накинулись с криком:

– Стой, стой, это ты украл жертвенного коня, но мы, сыновья Сагары, разоблачили тебя, о неразумный! В гневе они подняли невероятный шум, но Капила, неизмеримо могущественный, в ответ произнес лишь звук «Хм» и все сыновья царя Сагары мгновенно обратились в пепел.

Глава 41

Аншуман возвращает коня

– О Рамачандра, обеспокоенный продолжительным отсутствием сыновей, царь Сагара сказал своему блистательному внуку:

– О дитя, храбростью, образованностью и знаменитостью ты достоин своих предков; иди и разыщи дядьев, которые ушли в поисках похитителя коня. Много великих существ живут в глубинах Земли, и потому вооружись луком и стрелами. Отдай дань почтения достойным и убей тех, кто препятствует жертвоприношению. исполнив долг, возвращайся, уверенный в успешном завершении церемонии. Получив наставления великодушного Сагары, Аншуман захватил свой лук и стрелы и быстрым шагом покинул дворец. О лучший среди людей, скоро он вступил на дорогу, ведущую в туннель, проложенный его дядьями, как это велел ему царь. Идя по туннелю, доблестный воин Аншуман увидел слона, поддерживавшего эту часть земли, которому отдавали почтение девы, ракшасы, пищачи, птицы и змеи. Обойдя вокруг и справившись о его благополучии, он спросил его о своих дядях и о том, кто украл коня.

Выслушав Аншумана, слон, обладавший безграничной мудростью, ответил:

– О Аншуман, скоро ты вернешься с конем, достигнув цели! Получив такой ответ, юноша с таким же почтением спрашивал каждого из слонов, хранителей четырех частей земли, наделенных красноречием и прозорливостью, которые приободряли его одним ответом: «Ты вернешься с конем».

Это заставило его прибавить шагу и скоро достичь того места, где были обращены в пепел сыновья Сагары. В тот же миг этот лев среди людей, полный печали, увидел жертвенного коня, пасшегося поблизости.

Желая по традиции опрыскать останки сынов Сагары водой, он оглянулся вокруг, но никого не увидел. Он обращал внимательный взгляд то в одну сторону, то в другую, о Рама, пока не увидел святого коршуна Супарну (сноска 1, 87) с быстрыми крыльями. Этот могущественный сын Витаны сказал:

– О лев среди людей, смерть этих царевичей принесла покой обитателям трех миров. Это Капила своей неотразимой силой обратил столь доблестных воинов в пепел. О прозорливый царевич, не омывай их останки обычной водой. Используй воды Ганги, старшей дочери Химавата, которая очищает все миры. Если этого пепла коснуться воды Ганги, любимой во всех мирах, шестьдесят тысяч царевичей достигнут рая, сын мой. Иди, возьми коня, о тур среди людей, о герой. Жертвоприношение, начатое твоим дедом, должно завершиться.

Владеющий собой Аншуман сильной рукой схватил коня и повел его прочь. Вернувшись к царю, который получил все, чего желал, он передал ему слова Супарны. Выслушав исполненный глубокого смысла рассказ Аншумана, монарх завершил жертвоприношение согласно традиции и вернулся в столицу. Ему казалось невозможным призвать Гангу на землю. Не пытаясь исполнить это, царь Сагара правил в течение тридцати тысяч лет, а потом ушел на небеса.

Глава 42 История Бхагиратхи

– О Рама, – продолжал свой рассказ Вишвамित्रа, – министры царя Сагары после смерти государя возвели на трон Айодхьи добродетельного Аншумана. Он был великим монархом и имел сына по имени Дилипа. Передав ему царство, Аншуман уединился среди прекрасных гималайских вершин и подверг себя суровым аскезам. Мудрый, он провел здесь тридцать две тысячи лет, и, не призвав святой реки Ганги на землю, отправился на небеса.

Узнав о судьбе своих дядьев и преисполнившись горя, Дилипа, могущественный правитель, думал, что призвать священные воды невозможно. Охваченный беспокойством, он неотступно размышлял о том, как ему свершить благое дело и провести последние ритуалы ради освобождения душ своих предков. Постоянно занятый такими мыслями, праведный и знаменитый царь Дилипа был благословлен рождением добродетельного сына, Бхагиратхи.

Славный монарх Дилипа, совершив много жертвоприношений, правил царством тридцать тысяч лет. Мысли его неизменно были обращены к душам предков, которым он желал освобождения, пока, сраженного болезнью, его не призвала смерть. Завещав царство сыну Бхагиратхе, этот монарх отправился в обитель Индры.

О Рама, Бхагиратха был добродетельным и великим мудрецом, но у него не было наследников, и он мечтал о сыне. О Рагхава, он оставил государство заботам своих министров, а сам удалился в святое место Гокарну, где предался йогическим епитимьям, чтобы призвать святую Гангу. Подняв руки и обуздав чувства, он в жару стоял, окруженный пятью кострами, и питался один раз в месяц. В таких аскезах Бхагиратха провел пять тысяч лет.

О могущественный царевич, через тысячу лет Брахма, Господь и правитель мира, довольный Бхагиратхой, предстал перед этим монархом высокой души, сопровождаемый Девами.

– О Бхагиратха, – сказал Господь Брахма, – я удовлетворен твоей великой епитимьей! О великий царь, твердый в своих обетах, проси о любом благословении! И тогда великий Бхагиратха со сложенными ладонями смиренно обратился к праотцу миров:

– О благословенный Господь, если ты доволен мною и аскезы мои достойны вознаграждения, будь милостив и позволь мне отстрадать во имя освобождения сынов царя Сагары. Я должен провести для них погребальный обряд, предложив воды священной Ганги.

О Господь, я молю тебя также о том, чтобы династия Икшваку не прервалась и у меня родился сын.

Брахма, отец мира, ответил Бхагиратхе, воину на великой колеснице, с мягкой улыбкой:

– О могущественный царь Бхагиратха, пусть твое пылкое желание исполнится! Будь счастлив, о заботящийся о продолжении рода Икшваку! О монарх, Хара призовет и примет старшую дочь Химавата, Гангу! Земля не способна вынести нисхождения Ганги, лишь Господь, вооруженный трезубцем, (сноска 1, 89) поможет ей. Больше никто не сделает этого.

Поведав о Ганге, Творец миров удалился вместе богами и сонмами Марутов в свою обитель.

Глава 43 Нисхождение Ганги

Бог богов исчез, а Бхагиратха, стоя на кончиках пальцев в течение целого года молился Шри Шиве. О могучий Рама, с поднятыми к небу руками, питаюсь воздухом, без опоры, непоколебимый, как колонна, день и ночь царь Бхагиратха поклонялся этому богу.

Спустя год Господь Махадева, супруг Умы, почитаемый во всем мире, обратился к царю Бхагиратхе с такими словами:

– О великий, я доволен тобой и исполню то, чего ты желаешь. Я приму нисходящую с небес Гангу на свою голову! Святая Ганга, старшая дочь Хималая, пользующаяся почтением обитателей всех миров, приняла форму реки и мощным потоком низошла на голову Шивы. «Я пройду от Господа Махадевы до низших областей Вселенной», – думала она, но Шива, прочтя ее мысли, разгневался и решил удержать ее могучий поток на своей голове. Подобные величественным Гималаям локоны Шивы в течение бесчисленных лет держали в плену сошедшую Гангу, которая кружась среди них, не могла найти выхода.

О Рама, Бхагиратхе не удалось призвать священные воды на землю, и он снова стал совершать суровые аскезы, чтобы умиловить бога. О потомок Рагху, удовлетворенный Хара освободил Гангу, и она низошла в озеро Бриндусара, разделившись на семь потоков: Храдини, Павани и Нилани, дарующие процветание, потекли на восток; Шучакшу, Сита и Синдху понесли свои прекрасные воды на запад, а седьмой из ее потоков последовал за колесницей Бхагиратхи. Величественный риши Бхагиратха, стоя в своей божественной колеснице, отправился в путь, ведя за собой священную реку Гангу. Таким образом этот святой поток сошел с небес на голову Махадевы, и оттуда – на землю.

Ганга принесла с собой косяки рыб, черепах и множество морских чудищ, которые украсили землю. Девы, риши, гандхарвы, якши и сонмы сиддхов, увидев, что Ганга нисходит на Землю, на своих летающих колесницах, огромных, как города, на конях и слонах поспешили стать свидетелями этого чудесного и благоприятного события. Спустившиеся с небес боги озарили небесный свод блеском своих божественных украшений, словно вошли тысячи солнц.

Стаи подвижных рыб и водных тварей выпрыгивали из стремительного потока, выброшенные течением, поблескивая, словно вспышки света в небе, а пена, разлетающаяся во все стороны, напоминала стаю летящих лебедей или осенние облака. Иногда воды Ганги поднимались высоко в небо, текли извилисто, иногда выходили из берегов, с шумом разбиваясь о скалы и поднимаясь вверх, а потом падая оземь. Эта чистая река, уносящая грехи, выглядела чарующей, освятив своими водами землю!

Небожители и райские музыканты, так же как и обитатели земли, с почтением окропили себя водами Ганги и сказали:

– Изошедшие из тела Шивы, они священны! Существа, в результате проклятия упавшие с небес и приговоренные к жизни на земле, очистились и освободились от своих гре-

хов и, сияя, вернулись в свои небесные обители. Где бы ни протекали эти прозрачные воды, люди радовались и освобождались от пороков.

Тем временем царь Бхагиратха, возвышаясь на своей колеснице, ехал все дальше и дальше, ведя за собой Гангу, и все боги, риши, даиты, данавы, ракшасы, гандхарвы и киннары, махораги (сноска 1, 91), змеи и апсары сопровождали его вместе со всеми морскими тварями, обитавшими в могучей реке Ганге.

Продолжая свой бег, Шри Ганга достигла того места, где мудрец Джахну, творивший чудеса, совершал жертвоприношение. Священная река смыла жертвенник и все, что на нем было, и риши Джахну, увидев гордость Гангаджи, преисполнился гнева и выпил из реки всю воду, что, по истине, было великим чудом! Девы, гандхарвы и риши, пораженные, стали прославлять великодушного Джахну, лучшего среди людей:

– С этого дня священная река будет считаться твоей дочерью! Могущественный мудрец был доволен и выпустил Гангу из своих ушей. Снова Ганга понесла свои воды вслед за колесницей царя Бхагиратхи. Наконец, достигнув моря, эта лучшая среди рек направилась в низшие области земли, верная своей цели. Бхагиратха, величественный риши, горестно глядя на пепел своих великих предков, силой удерживал за своей спиной Гангу. Священный поток накрыл эти кучи пепла своими очищающими водами, и освобожденные от грехов сыновья Сагары отправились на небеса, о знаменитый Рагхава.

Глава 44

Царь Бхагиратха совершает погребальные обряды по своим предкам

Достигнув океана, царь Бхагиратха, преследуемый Гангой, проник в низшие области земли, где его великие дядя превратились в пепел. Как только воды Ганги коснулись их останков, Брахма, Господь миров, сказал царю:

– Шестьдесят тысяч знаменитых сынов Сагары освободились и отправились в рай, о тигр среди людей! Пока морские воды омывают землю, сыновья Сагары останутся на небесах вместе с богами! Отныне, о великий государь, Ганга станет твоей старшей дочерью и будет известна всему миру под твоим именем. Эту священную реку будут называть божественной Бхагиратхой. Дав начало трем притокам, она также будет называться Трипатхагой. О лучший среди людей, теперь проведи погребальные обряды по своим предкам и исполни предписанный долг. Могущественный царь Сагара не способен был этого сделать, царь Аншуман безграничной доблести тоже потерпел неудачу, пытаясь исполнить свое заветное желание. Отец твой Дилипа, в заслугах не уступающий небожителям, воин, полностью установивший обязанности своей касты, знаменитый Дилипа напрасно умолял святую Гангу низойти на землю. Этот великий замысел исполнил лишь ты один. Ты обрел неувядающую славу на весь мир и высшую дхарму. О великий государь, теперь ты тоже омойся в священных водах. О лев среди людей, очистишься и обрети свою славу, а потом соверши погребальные обряды по своим предкам. О царь, пусть процветание сопутствует тебе, возвращайся в свою столицу! Сказав так, бог богов, несравненной славы праотец мира, удалился в обитель богов, откуда приходил. Царь Бхагиратха по традиции совершил погребальные обряды со священной водой. Очистившись, этот безгрешный монарх вернулся в город, цель его была достигнута, и он снова принял бразды правления своим государством. О Рагхава, люди радовались возвращению царя, они освободились от печалей и беспокойств, вновь обрели свои богатства и зажили в мире.

Вот и вся история о Ганге; теперь простимся и будь счастлив, сумеречные часы истекли. Этот священный рассказ приносит славу, долголетие, потомков и спасение тем, кто повествует его среди брахманов, воинов и других людей на радость предкам и богам. Всякий, кто услышал о нисхождении Ганги, исполнит все свои желание, освободится от грехов, обретет долголетие и славу.

Глава 45

Пахтание океана молока

Рамачандра и Лакшмана с изумлением внимали каждому слову Вишвамитры, а потом сказали:

– О святой мудрец, как удивительна история царя Сагары и священного нисхождения Ганги, которая пополнила своими водами океан. О победить врагов, уже ночь, но мы увлечены твоим рассказом. Я не заметил, как прошла эта звездная ночь, и сын Сумитры весь поглощен столь удивительной беседой, о Вишвамитра. С рассветом Рагхава, покори-тель врагов, исполнил ежедневные ритуалы и сказал мудрецу:

– Ночь прошла в захватывающем слушании твоего замечательного рассказа; давай теперь переправимся через священную реку Трипатхагу. Зная о твоём приходе, мудрецы поспешили прислать нам превосходно оснащённую лодку. Услышав эти слова знаменитого Рагхава, потомок Каушики вместе с другими риши переправился через реку. Высадившись на другом берегу, они выразили почтение здешним аскетам и стоявшему близ берегов Ганги городу Вишала.

Превосходный мунни, сопровождаемый Рагхавой, напрямик направил свои стопы в Вишалу, небесный и приводящий в восторг город, подобный обители Индры. Смирненно сложив ладони, мудрый Рама спросил мудреца об этом городе:

– О великий мудрец, какой царский род правит здесь? Я жажду услышать об этом. В ответ тур среди аскетов стал рассказывать Рама историю Вишалы.

– О Рама, слушай внимательно! – начал он. – Я поведаю тебе о Шакре. Узнай, что происходило в этой стране, о Рагхава. В Крита-Югу, о Рама, Дити дала рождение могущественным Даитам, а Адити родила необычайно знаменитых и добродетельных сынов по имени Деварата, небожителей. Прозорливые юноши лелеяли в сердце одно желание: «Как стать нам бессмертными, свободными от старости и болезней?» Ради этой цели они реши-ли пахтать Океан Молока и добыть нектар бессмертия. Великий змей Васуки служил им веревкой, а гора Мандара – мутовкой, когда с огромным воодушевлением и силой они принялись пахтать Кшироду (сноска 1, 94).

Через тысячу лет змей Васуки зубами задел гору и изверг страшнейший яд, который грозил гибелью людям, богам и демонам всего мира. Боги бросились к Шанкаре и, ища у него прибежища, крикнули с мольбой:

– Спаси нас! Спаси нас!

Боги обратились также к богу богов; Хари, носящий раковину и диск, с улыбкой при-близился к Рудре, вооруженному трезубцем, и сказал:

– О лучший среди богов, первый плод пахтанья океана принадлежит тебе, поскольку ты возглавляешь девов! Прими этот яд как первое подношение, о Господь!

Сказав это, Вишну исчез, а благословенный Шива с луком (сноска 1, 95) в руках, из сострадания к богам выпил смертоносный яд, словно амриту, и вернулся на гору Кайлас.

О царевич Рагху, девы и асуры снова принялись пахтать океан, но мутовка их стала тонуть, и тогда девы и гандхарвы снова воззвали к победителю Мадху:

– О могучий властелин всего живого, помоги нам поднять гору Мандару, о Великий Господь! Приняв облик черепахи, Вишну вошел в океан и стал поддерживать гору на сво-ей спине. На вершине горы Верховный Пуруша занял место между девами и асурами и стал пахтать океан.

Спустя тысячу лет появился Дханвантари, поведавший Аюрведу, с жезлом и сосудом в руках; затем из глубины вод возникла совершенной красоты женщина, затмившая апсар. О лучший из людей, она была источником всех апсар; там были шестьсот миллионов пре-красных нимф, и желаниям их не было числа, о Какутстха. Но они не достались никому – ни богам, ни демонам – и потому их называли Садхаранами. (сноска 2, 95) После этого по-явилась Варуни (сноска 3, 95), дочь Варуны, о радость Рагху. Богатая, она стала искать себе супруга. Сыновья Дити, о Рама, не получили дочери Варуны, но сыновья Адити при-няли ее, и по этой причине сынов Дити стали называть асурами, а сынов Адити – сурами.

Обладание Варуни наполнило суров радостью. О лучший среди людей, из пены океана явились Уччхайшправа, небесный конь, и драгоценный камень Каустубха, а также нектар бессмертия.

О Рама, появление амриты привело к разрушению всего рода, потому что сыны Адити начали сражаться за него с сыновьями Дити. Асуры вступили в союз с ракшасами, развязав страшную войну, в которой приняли участие воины всех трех миров. После того, как они истребили друг друга, Вишну, наделенный великим могуществом, силой магической Майи (сноска 1, 96) принял облик Мохини, наипрекраснейшей из женщин, которая поспешно схватила сосуд с амритой. Все, кто противостоял Вишну, непобедимому и верховному Пуруше, пал в битве, сраженный его силой. Храбрые сыновья Дити убили сыновей Адити в этой ужасной битве между двумя семьями – даитов и богов. Сразив сынов Дити, Пурандара стал счастливо править миром с помощью небесных риши и певцов.

Глава 46

Дити испытывает свою плоть ради рождения сына

Узнав о смерти своих сыновей, Дити сраженная горем приблизилась к мужу Кашьяпе и сказала:

– О благословенный, мои дети убиты твоими славными сыновьями! Силой аскезы я хочу родить сына, который сразит Индру!

Сын Маричи, великий Кашьяпа, ответил Дити, охваченной горем:

– Быть тому! Очистись, о хранительница аскетизма, и стань счастливой! Ты дашь рождение сыну, который убьет Шакру в сражении! По истечении тысячи лет, если ты сохранишь целомудрие, у тебя родится сын, разрушитель трех миров!

С этими словами аскет коснулся Дити ладонью и, благословив удачей, удалился совершать суровые епитимьи. О лучший из людей, как только Кашьяпа ушел, Дити в великой радости уединилась на берегах Куши и стала предаваться аскезам. В это время перед нею предстал тысячеглазый бог. Выразив ей почтение, он начал смиренно служить ей, обеспечивая огнем, травой куша, топливом, водой, фруктами, кореньями и всем необходимым, растирая Дити ослабевшие члены и прогоняя усталость. О Рама, Индра служил ей почти тысячу лет, когда, Дити обратилась к тысячеглазому богу:

– О Индра, осталось десять лет до завершения моего жертвоприношения. Будь счастлив, скоро у тебя родится брат. У меня будет ребенок, который превзойдет тебя. Я желаю, о сын, чтобы ты полюбил его, и хочу, чтобы этот ребенок восстал против тебя; пусть беспокойство покинет тебя; с ним ты насладишься победой над всеми тремя мирами. О лучший среди богов, твой отец пообещал наградить меня сыном спустя тысячу лет.

Наступил полдень, и Дити, сморенная сном, прижала ноги к голове и легла в такой нечистой позе. Индра, видя это, громко расхохотался и проник в ее тело, чтобы своей могучей булавой рассечь ее плод на семь частей. Плод издал страшный крик, и Дити проснулась.

– Не плачь, не плачь, – сказал Индра и снова рассек вопившего ребенка.

– Не убивай его! Не убивай! – кричала Дити, после чего Индра из уважения к матери вышел наружу. Вооруженный молнией, он обратился к Дити со сложенными ладонями:

– Ты приняла нечистую позу! О богиня, ты легла отдохнуть, прижав ноги к голове. Я воспользовался допущенной тобой ошибкой и рассек на семь частей того, кто должен был убить меня! О богиня, ты должна простить меня!

Глава 47

Происхождение Марутов. Святой мудрец и царевичи достигают Вишалы

Узнав, что плод ее рассечен на семь частей, Дити преисполнилась горя и с любовью обратилась к тысячеглазому богу:

– Это случилось из-за моей ошибки! О Индра, ты совершил это ради собственного спасения, на тебе нет вины. О лучший среди богов, покоритель Бали, я хочу, чтобы ты извлек благо из этой беды. Пусть семь частей этого ребенка станут хранителями обителей семи ветров и пусть все семь пребудут на небесах! (сноска 1, 98) Мои дети небесной красоты будут известны под именем Марутов (сноска 2, 98). Один из них будет двигаться близ Брахма-локи, другой – в обители Индры, а третий – в космосе. Четверо остальных пусть отправляются согласно твоей воле, и пусть процветание сопутствует тебе! Таковы пути, предназначанные моим детям. Со сложенными ладонями тысячеглазый бог ответил Дити:

– О деви, все сказанное тобой – исполнится, не сомневайся в этом! Будь счастлива, сыновья твои, прекрасные, как боги, отправятся туда, куда ты пожелала. Помирившись в уединенной лесной обители, мать и сын удалились на небеса, желания их исполнились, о Рама. Так я слышал! Здесь, в этой хижине, о Какутстха, Индра некогда служил своей матери Дити, предававшейся очистительной аскезе.

О лев среди людей, Аламбуша, добродетельный сын Икшваку, известный в мире под именем Вишала, основал город, который стал носить такое же название. Сыном Вишалы был могущественный Хемачандра, которого сменил Сучандра и его сын Дхумрашва. Сыном Дхумрашвы был Шринджая, а его славным потомком – Сахадева. Кришнашва был сыном добродетельного Сахадевы, а его сыном стал знаменитый Сомадатта. Сын Сомадатты прославился под именем Какутстха, чей сын сейчас правит этим городом – великий, благородный и непобедимый Сумати.

По милости Икшваку все жители Вишалы благословлены долголетием, они великодушны, могущественны и добродетельны. О Рагхава, давай проведем здесь ночь; завтра на рассвете, о лучший среди людей, мы станем служить царю Джанаке. Между тем могущественный царь Сумати, услышав о прибытии Вишвамитры, оваянного безмерной славой, вместе со своим духовным учителем вышел отдать ему дань почтения. Со сложенными ладонями он справился о благополучии мудреца, а потом сказал:

– Как я удачлив, о мудрец! Ты посетил мое царство и предстал передо мной; на свете нет большего благословения!

Глава 48

Гаутама прокликает Индру

Царь Сумати (сноска 1, 99), спросив о благополучии Вишвамитры и обменявшись почтительными приветствиями, сказал:

– О великий аскет, пусть процветание сопутствует тебе! Кто эти два юноши, подобные богам, благородные, как слоны или львы, а могуществом напоминающие тигров или туров? Кто эти юноши, с глазами огромными, как лепестки лотоса, вооруженные мечами, луками и колчанами, в красоте соперничающие с Ашвини-кумарами и в расцвете юности похожие на небожителей, по счастливой случайности сошедших с рая на землю? Почему они своими стопами пришли сюда, с какой целью? Чьи это сыновья, о мудрец? Своим появлением они украсили землю, подобно солнцу и луне на небосводе. Один похож на другого статью, лицом и манерами. Что заставило вас пуститься в столь трудное путешествие, о лучшие среди людей, хорошо вооруженные воины? Я жажду услышать истину.

Вишвамитра поведал царю всю историю, и слова его изумили монарха, который по традиции почтил сыновей Дашаратхи, могущественных и достойных во всех отношениях. Сумати оказал им царский прием, и два потомка Рагхавы провели у него ночь, а наутро отправились в Митхилу. Издали увидев блестящую столицу Джанаки, все мудрецы закричали:

– Удивительно! Удивительно! – и стали прославлять знаменитую Митхилу.

В соседнем лесу Рагхава набрел на древнюю хижину, заброшенную и прекрасную, и спросил тура среди людей:

– О благословенный, почему эта обитель пустынна? Кто прежде в ней жил? Великий муни ответил:

– Слушай, я поведаю тебе. Узнай же, чья это была обитель и кем она была проклята. О лучший среди людей, эта хижина, подобная небесной, перед которой благоговели боги, принадлежала великодушному Гаутаме. Здесь знаменитый Гаутама вместе со своей женой Ахальей в течение многих лет предавался аскезам. О Рама, однажды в отсутствие мудреца тысячеглазый бог, супруг Шачи, переодевшись монахом, обратился к Ахалье:

– О свободная от страстного ожидания в положенное время (сноска 1, 100), ты верна своему обету, но я жажду союза с тобой, о женщина прекрасного облика. Хотя Ахалья узнала в этом монахе тысячеглазого бога, неразумная, она уступила желанию царя богов, а потом сказала:

– Я счастлива, но уходи поскорее, пока тебя никто не заметил. Защити меня и себя от Гаутамы! Улыбнувшись, Индра сказал Ахалье:

– О прекрасная, я счастлив! Я возвращаюсь в свою обитель.

Получив желаемое, он в волнении поскорее покинул покрытую листьями хижину в страхе перед Гаутамой. Однако тут показался великий муни, возвращавшийся домой. Гаутама, непобедимый для девов и данавов, могущественный в своем аскетизме и очищенный святой водой, сиявший как Анала, нес с собой священное топливо и траву куша. Увидев этого тура среди мудрецов, Индра побледнел. Добродетельный мудрец, заметив тысячеглазого бога в одеждах аскета, разгневался и обрушился на виновника:

– Развратник, ты преступил закон, приняв мой облик! Поэтому у тебя никогда не будет потомства!

Едва великодушный мудрец изрек эти слова, Индра утратил свое мужское достоинство. Затем Гаутама обрушил проклятья на свою жену:

– Ты проведешь в этой хижине неподвижно тысячу лет, питаешься воздухом и лежа на пепле невидима глазу. Когда Рама, непобедимый сын царя Дашаратхи, придет в этот лес, ты очистишься. Оказав ему гостеприимство, о порочная, ты освободишься от страсти и близ меня примешь свой прежний облик.

Произнеся эти слова, знаменитый Гаутама покинул виновницу и свою хижину, уединившись среди гималайских вершин, посещаемых сиддхами и чаранами, и в этом благоприятном месте предался аскезам.

Глава 49

Индра и Ахалья освобождаются от проклятья

Лишенный мужского достоинства Шакра с глазами, полными решимости, обратился к богам, возглавляемым Агни, а также к сиддхам, гандхарвам и чаранам:

– Помешав аскезам великодушного Гаутамы, я навлек на себя его гнев и лишился мужской силы, а он отрекся от своей супруги. Этим проклятием он утратил плоды своих аскез. Поскольку я действовал ради вашего блага, помогите теперь мне вернуть мою мужскую силу!

Услышав эти слова от бога сотни жертвоприношений, девы во главе с Агни, сопровождаемые сонмами марутов, приблизились к питриям и сказали:

– Индра лишился своей мужской силы, но у вас есть баран, полный ее. Возьмите яички барана и отдайте их Индре. Лишившись яичек, баран станет для вас источником счастья. С этого дня, когда люди захотят умиловить вас, предложив в жертву кастрированного барана, они обретут из ваших рук дар неиссякающего плодородия. Покорные воле Агни, небесные питрии собрались и, лишив барана гениталий, отдали их Индре, тысячеглазому богу. С того дня питрии принимают в жертву только кастрированного барана, поскольку гениталии его принадлежат Индре. Таково было могущество аскез Гаутамы.

Теперь, о могучий герой, войди в хижину этого сведущего мудреца и освободи удачливую Ахалью, прекрасную, как богиня.

Как только Вишвамित्रа закончил свой рассказ, Рагхава и Лакшмана вместе с ним выразили почтение аскету и вошли в хижину, где увидели удачливую Ахалью, чья епитимья сделала ее ослепительно прекрасной, но она оставалась невидимой для трех миров: ни боги, ни асуры не могли увидеть ее. Проклятая Гаутамой, Ахалья была подобна божественному и иллюзорному образу, созданному Брахмой, завесе дыма, яркой луне, сокрытой облаком или отражению солнечного света в воде. В таком сокрытом облике она оставалась, пока не пришел Рамачандра. И тогда она освободилась от проклятия и стала видимой для всех.

Двое потомков Рагхавы с радостью прикоснулись к ее стопам, и она, вспомнив слова Гаутамы, гостеприимно встретила их. Ахалья принесла воды, чтобы омыть им стопы, и каждому выразила почтение. Какутстхи по традиции приняли ее поклонение. В этот момент с небес пролился цветочный дождь, зазвучали небесные гонги, гандхарвы и апсары стали танцевать и петь.

– Прекрасно! Прекрасно! – кричали боги, прославляя Ахалью, очистившуюся благодаря своей епитимье и вновь ставшую верной супругой Гаутамы. Знаменитый мудрец, вместе с Ахальей преисполненный радости, почтил Раму и, искушенный в аскезах, по традиции приступил к новой. Рама, приняв достойное поклонение мунни Гаутамы, отправился в Митхилу.

Глава 50

Рама прибывает ко двору царя Джанаки

Рама вместе с Саумитри шел на северо-восток, неотступно следуя за Вишвамитрой, пока они не достигли места жертвоприношения; здесь Рама сказал тигру среди аскетов:

– Как велик размах жертвоприношения царя Джанаки! Я вижу тысячи брахманов из разных стран, сведущих в Ведах, и сотни повозок с пожитками этих святых людей. О мунни, давай остановимся где-то отдохнуть.

По просьбе Рамы Вишвамित्रа, знаменитый мудрец, выбрал уединенное место близ воды. Услышав о приходе Вишвамитры, безупречный Джанака вслед за Шатанандой, семейным священнослужителем, и великодушными ритвиджами, снабженными необходимой аргхьей, поспешил поклониться святому аскету. Затем лучший среди монархов предложил ему традиционное подношение воды с медом (сноска 1, 103), и мудрец, принимая мадхукару, спросил о благополучии царя, а также о том, как проходит его жертвоприношение и не встречает ли помех; он справился также о благополучии у Шатананды и других святых людей, сопровождавших государя.

Монарх с сияющим радостью лицом и сложенными ладонями сказал Вишвамитре:

– О благородный, пожалуйста, займи свое место вместе с другими мудрецами! Все расселись, и царь Джанака вместе с семейными священнослужителями также заняли свои места согласно положению.

Взглянув на Вишвамитру, монарх обратился к нему с такими словами:

– Сегодня боги позволили мне начать великое и щедрое плодами жертвоприношение! О благословенный, сегодня я обрел плоды своих аскез, поскольку вижу тебя! Поистине, я удачлив, о тур среди аскетов, потому что ты вместе с другими пришедшими с тобой мудрецами примешь участие в церемонии. О сын Каушики, придворные жрецы объявили, что ритуалы будут проходить в течение двадцати дней. О брахма-риши, по истечении этого срока ты увидишь богов, пришедших за своей долей жертвенных подношений.

В столь радостном состоянии духа говорил царь с великим аскетом. Еще раз поприветствовав его со сложенными ладонями, он сказал:

– Пусть процветание сопутствует тебе! Кто эти два юноши, доблестью не уступающие богам, манерами статью подобные слону, тигру или туру, а юностью и красотой

напоминающие двух Ашвини-кумаров? Может быть, это бессмертные, нисшедшие с небес на землю? Как случилось, что они пришли своими стопами? Для какой цели? Чьи это сыновья, о мудрец? Достойный отец этих двух хорошо вооруженных воинов украсил собой землю, как луна или солнце – небо. Эти два героя не уступают друг другу в росте или манерах, кудри их прекрасных волос спадают им на щеки, словно крылья ворона. Я жажду услышать истину!

Отвечая великодушному Джанаке, аскет, возвышенная душа, поведал ему все о сыновьях Дашаратхи, их пребывании в Сиддха-ашраме, расправе над ракшасами и мирном путешествии в Вишалу. Он рассказал также о встрече с Ахальей, беседе с Гаутамой и о желании юношей увидеть великий лук, ради которого они и предприняли столь долгое путешествие. Все это поведал знаменитый и великий мунни Вишвамित्रа великодушному Джанаке и замолчал.

Глава 51 История Вишвамитры

Слушая Вишвамитру, Шатананда, твердый в своих обетах старший сын Гаутамы, прославившийся своими аскезами, смотрел на Раму с изумлением и радостью. Глядя на царевичей, сидевших на почетном месте, Шатананда сказал знаменитому аскету Вишвамитре:

– Так это ты, о лев среди мунни, привел царевича к моей почтенной матери, совершавшей свои длительные аскезы? О знаменитый аскет, почтила ли моя мать Раму, достойного уважения всей вселенной, фруктами и всем, что было у нее в хижине? Знал ли Рама все, что случилось прежде с моей матерью, о знаменитый мудрец, когда бог недостойным образом обратился к ней? Правда ли, о Каушика, будь ты благословлен удачей, что мать мою вновь принял мой почтенный отец? Оказал ли мой отец Раме все знаки почтения, о сын Каушики, и исполненный славы Рама, пришедший сюда, принял ли он поклонение великодушного Гаутамы? Успокоился ли дух моего почтенного отца, когда, поприветствовав Раму, он принял ответное почтительное приветствие?

Выслушав мудреца Шатананду, красноречивый мунни Вишвамित्रа ответил:

– О превосходный аскет, я не упустил ничего из того, что должен был сделать. Супруга этого мудреца воссоединилась с ним, подобно Ренуке – с сыном Бхригу.

Тогда Шатананда обратился к Раме:

– Приветствую тебя, о лучший из людей! Великая удача, что ты пришел сюда вместе с непобедимым риши Вишвамитрой. Его подвиги невообразимы, а аскезы безмерны. Этот брахма-риши, знаменитый Вишвамित्रа – твой духовный учитель. Нет на земле никого удачливее тебя, о Рама, потому что ты находишься под покровительством сына Каушики, сурового аскета. Слушай меня и я поведаю тебе о великодушном Каушике и его могуществе. Услышь же мой рассказ.

В былые времена святой мудрец был доблестным монархом, сведущим во всех видах знания, дарующим процветание своим подданным и повергающим врагов.

Прародитель Праджапати имел сына по имени Куша, который стал царем и родил могущественного сына, необычайно добродетельного Кушанабху. Сыном Кушананды был славный Гадха, который стал отцом Вишвамитры, великого мунни. Вишвамित्रа защищал землю и тысячи лет правил своим государством. Иногда этот могущественный монарх в сопровождении своей армии обходил землю. Посетив города, царства, реки, величественные горы и пустыни, царь пришел к хижине мудреца Васиштхи, окруженной благоухающими цветами, лианами и деревьями, близ которой обитали животные всех видов, часто посещаемой сиддхами и чаранами, украшенной присутствием богов, данавов, гандхаров и киннаров и изобилующей ручными ланями, которые мирно жили вместе со многими риши этой хижины. Столь возвышенные души населяли эту обитель, давшую прибежище божественным мудрецам, которые благодаря своим аскезам достигли совершенства и святости

и были подобны Агни. Отшельники этой хижины, встречи с которыми всегда искали великодушные аскеты, напоминающие почтенного Брахму, питались водой, воздухом и сухими листьями, тогда как другие поддерживали себя фруктами и кореньями. Они обуздали чувства и потребность в еде, и были привержены молитве, жертвенным воздаяниям и прочему, подобно Вайкханашам.

Хижина мудреца Васиштхи, известная среди великих мудрецов, напоминала вторую Брахмалоку. Такой ее увидел лучший среди доблестных воинов, Вишвамित्रа.

Глава 52

Васиштха принимает Вишвамитру в своей хижине

Увидев мудреца, преисполненного блаженства, могущественный Вишвамित्रа почтительно поклонился Васиштхе, величайшему из аскетов, которым возносят молитвы.

Рисунок 2 Васиштха

– Добро пожаловать! – сказал великодушный Васиштха и жестом пригласил сесть. Прозорливый Вишвамित्रа вошел в хижину, и знаменитый аскет по традиции угостил его фруктами и кореньями. Принимая гостеприимство Васиштхи, лучший среди царей спросил его о том, как проходят его жертвоприношения, о его духовной практике, учениках и деревьях близ его хижины. Васиштха отвечал знаменитому и блистательному монарху Вишвамитре, что у него все хорошо.

Удобно расположившись, Васиштха, возглавляющий тех, кто читает Веды, сын Брахмы, в свой черед стал расспрашивать царя:

– О Вишвамित्रа, все ли у тебя благополучно? Счастливы ли твои подданные, защищаешь ли ты их согласно духовному закону? Получаешь ли ты доходы в казну справедливым путем и растут ли они? Ты распоряжаешься ими разумно и распределяешь меж достойными? Получают ли твои слуги во время вознаграждение? Твои подданные охотно повинуются тебе? О государь, покорил ли ты своих врагов? О безгрешный, все ли благополучно с твоей армией, сокровищами, друзьями, сыновьями и внуками?

Знаменитый царь Вишвамित्रа отвечал смиренному мудрецу Васиштхе, что судьба благосклонна к нему. В своей долгой и приятной беседе они вспоминали древние традиции. Добродетельные, они дарили друг другу наслаждение, и в заключение благословенный Васиштха с улыбкой сказал Вишвамитре:

– Я хочу оказать гостеприимство тебе и твоей громадной армии, о царь, обладающий безграничным могуществом, пожалуйста, прими его. Ты – высокий гость, и я должен сделать все что в моих силах, чтобы оказать тебе достойные почести.

Царь Вишвамित्रа, великий аскет, ответил Васиштхе:

– Мне достаточно фруктов и кореньев из твоей хижины, о благословенный, предложи мне воды омыть стопы и ополоснуть рот. Это лучшее гостеприимство, о великий мудрец, достойный поклонения, почет тебе! А в час прощанья благослови меня своим дружеским взглядом!

Великий мудрец, выслушав царя, все же стал настаивать на том, чтобы тот остался, и сын Гадхи уступил добродетельному Васиштхе:

– Так и быть, как пожелаешь, о тур среди аскетов.

И тогда Васиштха, величайший среди знатоков Вед, позвал свою любимую корову:

– О Шабала, подойди скорее и послушай! Я хочу приготовить пир, достойный этого риши среди царей и всей его армии, ты должна помочь мне. О дорогая, ты исполняешь все желания, поэтому приготовь великолепные блюда шести видов, чтобы вкус их доставил гостям наслаждение. Из уважения ко мне подай с избытком все, что с удовольствием жуют, лижут, сосут или пьют!

Глава 53

Васиштха отказывается отдать Шабалу Вишвамитре

О повергающий врагов, в ответ на слова Васиштхи исполняющая желания корова Шабала дала каждому из гостей все, что душе было угодно. Тарелки изобиловали тростниковым сахаром, медом, жареными зернами (сноска 1, 108), крепкими ликерами и сиропами с бесценными зельями, пищей всех видов, горами пряного горячего риса и горами простого риса, супами и реками коровьего масла, печеньями и сладостями всех видов, там были тысячи блюд джагари, (сноска 2, 108), полные до краев.

Вся армия Вишвамитры из многих тысяч воинов с радостным сердцем принялась за пиршество, и царственный риши Вишвамित्रа был полностью удовлетворен, так же как и его придворные советники, брахманы и священнослужители, сопровождавшие его.

Пируя вместе со своими министрами, советниками и служителями, царь в великой радости сказал Васиштхе:

– О брахман, ты оказал мне царский прием, таких почестей достоин только ты! О красноречивый аскет, послушай, что я намерен предложить тебе! Отдай мне Шабалу в

обмен на сотни тысяч коров! Она – жемчужина, о благословенный, а драгоценными камнями должны наслаждаться цари. Поэтому Шабала моя по праву, о дваждырожденный!

Благословенный Васиштха, тур среди аскетов возвышенной души, ответил царю Вишвамित्रе:

– Я не отдам Шабалы ни за сотни тысяч, ни за тысячи миллионов коров, о царь, ни за груды серебра. Я никогда не расстанусь с нею; она должна остаться в моей хижине, о победитель врагов. Я дорожу Шабалой подобно праведнику, который бережет свое доброе имя. Она помогает мне удовлетворить девов и питриев, а также продлевает мне жизнь. Агнихотра и другие жертвоприношения, так же как произнесение священных мантр и изложение различных видов знания – все это зависит от нее, о царь; она удовлетворяет все мои нужды; по этой и многим другим причинам я не могу отдать тебе Шабалу. Вишвамитра на это с чувством возразил:

– Я дам тебе четырнадцать тысяч слонов в золотых накидках, украшениях и с золотыми стрекалами, сто восемь колесниц из чистого золота, каждая из которых запряжена четверкой молочно-белых коней. О добродетельный аскет, кроме того, я дам тебе одиннадцать тысяч обученных коней в золотых упряжках и десять миллионов разноцветных коров, молодых и здоровых. О, дай мне Шабалу, и я отблагодарю тебя золотом и драгоценными камнями, сколько ты пожелаешь, о мудрец!

– Ни при каких условиях, о царь, я не отдам Шабалу, она – моя драгоценность и все мое богатство. Она – моя жизнь, все во всем, она для меня – новая и полная луна жертвоприношений (сноска 1, 109) и их подношения. Она все делает для меня и, несомненно, все мои деяния зависят от нее, о царь. Нет смысла более говорить об этом. Я никогда не расстанусь с тем, кто исполняет все мои желания.

Глава 54

Царь Вишвамитра пытается увести Шабалу

О Рама, поскольку мудрец Васиштха не согласился расстаться с исполняющей все желания коровой, Вишвамитра решил увести ее силой. Разбитая горем, она стонала и думала: «Почему великодушный Васиштха отказался от меня и теперь меня уводят слуги царя, который так плохо обращается со мной, причинив несчастье? Чем же я прогневала великого мудреца чистой души и теперь несмотря на мою невинность и преданность, он, такой справедливый, покинул меня?»

Думая так, Шабала, глубоко и часто дыша, неожиданно раскидала всех слуг царя и с быстротой ветра бросилась бежать к всемогущему мудрецу Васиштхе и положила голову к его стопам.

Со стоном она сказала мудрецу, стоя перед ним и мыча, как раскаты грома:

– О благословенный сын Брахмы, почему ты отказался от меня, позволив воинам царя в твоём присутствии увести меня прочь?

Брахмариши, словно сестре, отвечал несчастной корове, чье сердце было полно печали:

– О Шабала, я не покидал тебя и ты ничем не обидела меня; этот могущественный царь пытался увести тебя вопреки моей воли. Я не в силах защитить тебя сегодня (сноска 1, 110); царь силен, это воин и властелин мира, у него армия с тысячами слонов, коней, колесниц и стягов, сила его очень велика.

Шабала смиренно возразила брахмариши, обладавшему неизмеримым могуществом:

– О святой мудрец, даже самый великий воин – ничто перед таким брахманом как ты.

О знаменитый, божественный мудрец черпает свое могущество в духовной практике и строгом следовании писаниям, и потому оно безмерно. Нет никого могущественней тебя; доблесть Вишвамитры не знает границ, но все же он не равен тебе в великолепии и силе. О господин, лучше казни меня, обладая брахманическим могуществом, чем я подчинюсь наглости этого распущенного негодяя и признаю его могущество и желания.

О Рама, услышав эти слова, знаменитый Васиштха сказал:

– Хорошо! Воспользуйся своей духовной силой и создай оружие, которое превзойдет силы царя. Шабала, являя свою созидательную силу, издала звук «Хумба!» И из этого крика появились сотни пахлав (сноска 1, 111), о царевич, которые в присутствии царя стали истреблять его бесчисленную армию. Глаза Вишвамитры покраснели от гнева, и он начал уничтожать пахлава, во все стороны выпуская стрелы.

Шабала, видя гибель своей армии, создала другую, которая состояла из страшных существ – шаков и яванов – воинов безмерного могущества, напоминавших золотые тычинки, вооруженных мечами и острыми пиками. Они обрушились на армию царя, подобно языкам пламени. И тогда Вишвамитра стал крушить яванов, камбоджей и варваров (сноска 1, 111) своими стрелами.

Глава 55

Вишвамитра подвергает себя суровой аскезе

Видя, что воины эти бегут под натиском Вишвамитры, Васиштха воззвал к созидательной силе коровы, исполняющей желания, и, замычав, она произвела на свет камбоджей, ослепительных, как солнце; из ее вымени появились варвары с мечами в руках, из чрева – яваны, из навоза – знаменитые шаки, а из корней волос – млеччи, хариты и кираты.

Они тут же разбили армию Вишвамитры со всей ее пехотой, слонами, конями и колесницами, о радость Рагхавы! Видя, что великодушный Васиштха истребил всю армию, сто сыновей Вишвамитры, вооруженные всеми видами оружия в гневе обрушились на него, молитвами обретшего высшие благословения, но, произнеся лишь «Х-м!», великий риши в миг обратил их в пепел вместе с их конями, колесницами и пешими воинами. Прославленный царь Вишвамитра преисполнился стыда, когда увидел, что сыновья его и армия уничтожены. Уныние овладело им, он глубоко задумался. Неожиданно он лишился своей славы, подобно змее, лишившейся ядовитого зуба, подобно океану в штить или солнцу во время затмения. Потеряв сыновей и армию, несчастный, как птица без крыльев, царь утратил уверенность в себе, его гордыня усмирилась, он впал в полное уныние.

Возведя на трон единственно оставшегося сына, он научил его править в согласии с традициями кшатриев и удалился в лес, поселившись на склонах Гималаев, часто посещаемых киннерами и урагами. Там великий отшельник стал совершать суровую аскезу, дабы завоевать благосклонность Махадевы. Прошло время, пока глава богов, дарующий благословения, возвышаясь на быке, явился перед Вишвамитрой, великим мудрецом, и обратился к нему:

– О царь, почему ты подвергаешь себя аскезе? Чего ты хочешь? Я дарую тебе благословение и исполню все, что ты пожелаешь!

Вишвамитра в ответ распростерся ниц перед Шивой и сказал:

– Если я снискал твою милость, о Махадева, о безупречный, то наставь меня в Дханурведе, в ангах и упангах Упанишад и в арчанах (сноска 1, 112). Пусть оружие данавов, якшей, асуров, ракшасов, великих риши и гандхарвов по твоей милости откроется мне!

– Быть тому! – отвечал бог богов и удалился в свою обитель.

Получив от Махадевы все виды оружия, Вишвамитра, наделенный высшей властью, преисполнился высокомерной гордыни и стал крайне хвастлив. Полный сил, словно прилив в океане, он решил убить великого риши Васиштху, о Рама. Приблизившись к его хижине, он обрушил на него свои стрелы, окружив лесную обитель огнем. Страдая от смертоносного оружия сотни мудрецов, бросились бежать в разные стороны вместе со своими учениками, дикими животными и птицами. В один миг хижина Васиштхи опустела, все кругом погрузилось в полное молчание, словно бесплодное поле.

Васиштха кричал всем:

– Не бойтесь! Не бойтесь! Я уничтожу Вишвамитру, как солнце рассеивает утренний туман.

Сказав так, могущественный мудрец Васиштха, лучший из тех, кто возносит молчаливые молитвы, с гневом обратился к Вишвамитре:

– По своей глупости и злобе ты разрушил эту процветающую обитель, и потому ты будешь наказан!

В неистовой ярости, подобной огню во время уничтожения мира, с поднятым посохом, напоминавшим жезл Смерти, Васиштха обрушился на Вишвамитру, словно пламя.

Глава 56

Васиштха побеждает Вишвамитру своей духовной силой

В ответ на слова Васиштхи Вишвамитра выпустил огненную стрелу, крича:

– Остановись! Остановись!

Васиштха, подняв посох Брахмы, словно жезл Смерти, гневно ответил:

– О самый низкий из воинов, я стою перед тобой, яви свою силу! Сегодня я укрошу твою гордыню и оружие, о сын Гадхи. На что надеяться воину, поднявшему руку на всемогущего брахмана? Узри мою божественную силу, о оскорбитель рода воинов!

В то же мгновение удвоенные стрелы Агни погасли силой посоха Брахмы, словно огонь, залитый водой. Тогда сын Гадхи одну за другой стал выпускать стрелы Варуны, Рудры, Индры, Пашупати, Аишики (сноска 1, 113), Манавы, Моханы, Гандахарвы, Свапаны, Джимбханы, Сантапана и Вилапана, Шочаны, Даруны, неотразимую молнию брахмашу, калапашу, варунапашу, пинаку, излюбленное оружие Шивы, шушку и ардру, двойную молнию, жезл пишачей, оружие краунча, дхармачакру, калачакру, вишнучакру, копье Ваю, хаяширу и двойной гарпун канкала-мишала, могущественную стрелу видьядхаров, ужасное оружие кала и трезубец Шивы с ужасным ожерельем из черепов, капалу и канкану – все эти виды оружия он обрушил на Васиштху, лучшего среди молящихся, о радость Рагху.

Но тут случилось великое чудо! Сын Брахмы своим посохом уничтожил летящие в него стрелы, трезубцы и молнии. Когда они погасли, сын Гадхи поднял Брахма-астру. Увидев это оружие, боги во главе с Агни, божественные риши, гандхарвы и великие змеи почувствовали опасность, все три мира затрепетали от страха. Но Васиштха, держа в руках свой посох, погасил это удвоенной силы оружие, сияющее, как сам Брахма, о Рагхава. Великодушный Васиштха, справившись с могущественным оружием, принял на себя все его ужасные последствия, заставившие мир трепетать; из каждой поры его тела стали вырываться искры, словно языки пламени в дыму. Посох Брахмы в руках Васиштхи сиял подобно огню без дыма в конце творения.

Сонмы мудрецов стали прославлять Васиштху, лучшего среди молящихся:

– Могущество твоё беспредельно, о брахман. Обуздай гнев своей духовной силой; ты превзошел Вишвамитру, о лучший среди аскетов, освободи же миры от страха!

Слова эти успокоили Васиштху, великого своими епитимьями, и Вишвамитра, стеноя, сказал:

– Будь проклята сила воина! Истинное могущество – духовное. Одним посохом Брахмы в руке ты уничтожил все мое оружие! С этого дня я, подчинив себе чувства и сердце, посвящаю себя великой епитимье, дабы обрести брахманическое могущество.

Глава 57

История Тришанку

Призвав все свое смирение, с тяжелым сердцем, пребывая во вражде с великодушным Васиштхой, Вишвамитра стонал снова и снова. О Рама, вместе со своей царицей он отправился на юг, чтобы предаться суровой епитимье. Питаясь только фруктами и кореньями,

он обуздал чувства и посвятил себя жестокой аскезе. Спустя время у него родились четыре доблестных сына – Хавишпана, Мадхушпана, Махаратха Дридханетра и Маратха. По истечении тысячи лет Брахма, праотец Мира, предстал перед Вишвамитрой и обратился к нему, обители аскетизма:

– О сын Каушики, миры Раджариши покорены силой твоих аскез; за твою епитимью мы провозглашаем тебя Раджариши (сноска 1, 115)!»

Сказав это, верховный и знаменитый Господь трех миров в сопровождении богов вернулся в свою обитель Брахмалоку.

Слова Брахмы заставили Вишвамитру в смущении склонить голову, он заплакал в негодовании от острого чувства боли. «Совершив величайшую из аскез, я стал лишь могущественным мудрецом среди богов и сонмов риши. Не этого я хотел достичь своей аскезой». С этими мыслями Вишвамитра приступил к новым аскезам, о Какутстха, он был добродетельной и возвышенной душой.

В это время Тришанку, потомок рода Икшваку, затеял жертвоприношение, о Рагхава, чтобы вознестись на небеса, не оставляя смертного тела. Васиштха, собрав святых мудрецов, сообщил им о намерениях царя, но, подумав обо всем, Махатма Васиштха сказал:

– О царь, это невозможно!

Это заставило царя Тришанку, жаждущего добиться своей цели, отправиться на юг и искать там сынов Васиштхи, которые совершали продолжительные аскезы. Царь увидел их, занятых суровыми аскезами и подобных сотне солнц несравненной славы. Приблизившись к великодушным потомкам своего гуру, он выразил почтение и со сложенными ладонями обратился к тем аскетам возвышенной души:

– О защитники тех, кто ищет у вас прибежища! Я пришел к вам за помощью. Пусть процветание сопутствует вам! Отвергнутый вашим великодушным отцом, я молю вас помочь мне провести желанное жертвоприношение. Своим почитанием я жажду снискать благосклонности сыновей моего гуру. Снова и снова я припадаю к вашим стопам, моля вас, брахманов, утвердившихся в аскезах, провести жертвоприношение, которое позволит мне вознестись на небеса, не меняя тела. Но лишенный поддержки святого Васиштхи, я не имею иной надежды, как достичь этой цели благодаря вам, сыновьям моего гуру. Потомки Икшваку всегда видят в своих духовных учителях верховных спасителей. Поскольку Васиштха отказал мне, станьте моими наставниками!

Глава 58

Сыновья Васиштхи проклинают Тришанку

О Рама, услышав слова царя, сто сыновей Васиштхи преисполнились гнева и ответили:

– Тебя отверг истинный учитель, почему же ты, не считаясь с корнем, прибегаешь к ветвям? Ты сам сказал: «Все потомки Икшваку ищут поддержку у своих духовных учителей». Ты не должен пренебрегать словами такого праведного мудреца. Благословенный изрек: «Этого не может быть!», – поэтому мы никоим образом не можем помочь тебе в твоём жертвоприношении. О невежественный монарх, возвращайся в свою столицу! Знаменитый Васиштха в силах совершить жертвоприношения всех трех миров! О царь, разве можем мы обратить слова нашего великого отца в пустой звук?

Выслушав эти слова негодования, Тришанку сказал:

– Независимо от моего знаменитого гуру или его сыновей, я буду искать того, поможет мне! Потому прощайте, о аскеты!

И тогда сыновья великого риши в гневе прокляли мятежного царя:

– Ты станешь низкорожденным! – и удалились в свои хижины. Прошла ночь, и царь превратился в низкорожденное существо с темной кожей, тело его истощилось, волосы слиплись, он весь был покрыт пеплом, облачен в одежды трупа, преданного сожжению, и украшения из железа. Увидев, что царь превратился в чандала, сопровождавшие его слуги

и горожане отвернулись. Брошенный всеми монарх, великая душа, отправился искать Вишвамитру, славного своими аскезами, о Какутстха, и шел день и ночь, преисполненный печали. Мудрец, увидев монарха, лишившегося своего царства и приговоренного пребывать в облике низкорожденного, почувствовал сострадание.

– О могущественный царь, – сказал Вишвамитра, – счастья и процветания тебе! Зачем ты пришел сюда? Я знаю, что ты – правитель Айодхьи, который силою проклятия пал так низко!

Царь Тришанку, опустившийся до положения чандалы, ответил мудрому аскету:

– Мой гуру и его сыновья отвергли мою просьбу, поэтому я не могу достичь своей цели и вернуть то, чего лишился. Я хочу вознестись в рай, не меняя тела, о благожелательный мудрец, и совершил сотни жертвоприношений, но, но не обрел желанного плода. Я никогда не произносил лжи и не поступал лживо даже в самых мучительных обстоятельствах, я встречал их как воин! Я провел все возможные церемонии и правил подданными по закону справедливости. Духовные учителя были довольны мной. Утвердившись в исполнении возложенных обязанностей, я пожелал провести жертвоприношение, но мой гуру не дал на то согласия, о тур среди аскетов. В моем представлении судьба всемогуща, и все деяния человека тщетны; судьба неумолима, это высший закон! О божественный мудрец, пожалей того, кто оказался в такой горе, кого судьба лишила всех заслуг. Будь благословлен! Кроме тебя мне некому помочь! Своей духовной силой отведи от меня этот злой рок!

Глава 59

Вишвамитра прокликает сыновей мудреца Васиштхи

Выслушав падшего государя, сын Каушкики проникся жалостью к нему и ответил в утешение:

– Дорогой сын Икшваку, приветствую тебя, я готов оказать тебе защиту, не бойся, о тур среди царей! Я призову всех великих решить благоприятной судьбы, чтобы они помогли тебе, и ты проведешь жертвоприношение мирно. Уходя в рай, ты сохранишь облик, навязанный тебе проклятием гуру. Считаю, что ты уже достиг желанной цели, о лучший среди царей! Ты принял у меня прибежище, и уже потому достоин небес!

С этими словами знаменитый аскез призвал своего сына, необычайно добродетельного и обладавшего великим разумом, чтобы приготовить все необходимое для жертвоприношения, и, собрав всех учеников, сказал:

– Я велю вам созвать сюда всех риши, а также сыновей Васиштхи с их учениками, друзьями и великой славы священнослужителями. Если кто-то ослушается моей воли, правдиво сообщите мне.

С этим приказом ученики Вишвамитры разошлись во все стороны света. Обойдя всю страну, эти толкователи Вед, ученики Вишвамитры, вернулись к сияющему мудрецу с ответом от всех аскетов, сведущих в Ведах:

– Все дваждырожденные идут сюда по твоему зову, за исключением Маходайи. Что же касается ста сыновей Васиштхи, то они с гневом ответили нам, о тур среди аскетов: «Как боги, риши и великодушные брахманы примут участие в жертвоприношении, проводимом воином во имя чандалы, когда все подношения осквернены прикосновением низкорожденного? Как этот чандала вознесется на небеса, покровительствуемый Вишвамитрой?» Когда все сыновья Васиштхи и Маходайя говорили эти слова, глаза их покраснели от гнева, о тур среди аскетов!

Выслушав учеников, Вишвамитра с пылающим взором закричал в гнев:

– Поскольку эти злые негодяи пренебрегли мной, безгрешным и совершающим суровую епитимью, они, без сомнения, обратятся в пепел. С этого дня пойманные в петлю смерти, они войдут в обитель сына Вайвасваты (сноска 1, 119). Через семьсот воплощений они станут мритапами (сноска 2, 119)! Они будут питаться только мясом собаки и будут

известны под именем муштиков! Презираемые всеми, они будут отвергнутыми и униженными! Маходая, который незаслуженно оскорбил меня, падшим охотником будет скитаться по мирам, находя наслаждение в убийстве; долгое время он будет следовать пути, предначертанному мной!

Произнеся слова проклятия в кругу мудрецов, Вишвамित्रа, совершающий суровые аскезы и безмерно могущественный, замолчал.

Глава 60 Тришанку отправляется на небеса

Зная, что сыновья Васиштхи и Маходая поражены его проклятием, знаменитый Вишвамित्रа сказал мудрецам:

– Потомок Икшваку, могущественный царь Тришанку, верный возложенному долгу и великодушный, пришел сюда, ища у меня защиты и желая достичь небес в своем смертном теле. Чтобы он обрел желаемое, вы с моей помощью проведете жертвоприношение!

Великие риши, хорошо знающие свои обязанности, посоветовались и ответили:

– Страшен гнев аскета, потомка Каушики; несомненно, нам лучше со всем тщанием исполнить его просьбу, а иначе он, благословенный и равный Агни, в гневе обрушит на нас свои проклятия. Давайте проведем жертвоприношение, дабы потомок Икшваку отправился в рай в своем смертном теле благодаря духовной силе Вишвамитры. Приступим же к церемонии!

Махариши стали готовиться к жертвоприношению, возглавляемому Вишвамित्रой. Сведущие в ведических мантрах священнослужители делали свое дело согласно занимаемому положению и древней традиции.

Спустя время Вишвамित्रа воззвал к богам, приглашая их прийти за соевей долей подношений, но никто из небожителей не явился. Великий риши, в гневе подняв жертвенную ложку, с негодованием обратился к царю Тришанку:

– О царь, узри могущество моих аскез, покоривших небеса! Сейчас я отправлю тебя в рай в твоём смертном теле! О царь, это кажется невозможным, но силой своих аскез я говорю тебе: «Вознесись на небеса в этом теле!»

И лишь только Вишвамित्रа изрек эти слова, как Тришанку в присутствии всех мудрецов отправился в рай, о Какутстха!

Видя, как Тришанку поднимается на Сваргалуку, победитель Паку вместе с другими богами сказал ему:

– О Тришанку, тебе нет места на небесах. Проклятый своим гуру, о глупый негодяй, ты непременно упадешь на землю! От этих слов могущественного Индры Тришанку стал стремительно падать на землю, крича Вишвамитре:

– Защити меня! Защити меня!

– Стой! Остановись! – в гневе воззвал сын Каушики. Этот могущественный аскет, стоявший среди мудрецов, подобно второму праджапати, создал семь новых планет в южной части небосвода (планеты семи мудрецов) (сноска 1, 120) и сказал:

– Я создам другого Индру, или этот мир будет вовсе без Индры!

И в тот же миг мистической силой Вишвамитры появился новый пантеон богов. Тогда Суры и асуры вместе с сонмами риши, чувствуя нависшую над ними опасность, попытались умиловить Вишвамитру:

– О великий мудрец, этот царь проклят своим гуру и не достоин небес, о сокровище аскетизма!

– Слушайте, о боги! – отвечал им Вишвамित्रа. – Я дал обет, что этот царь отправится в рай в своем смертном теле, и слова эти исполнятся! Тришанку навечно останется на небесах. Все планеты, созданные мною, будут существовать, пока существуют миры; это заставит вас подтвердить мои слова.

Боги отвечали туру среди аскетов:

– Быть тому, о знаменитый риши, созданный тобой рай будет процветать вместе со всеми его бесчисленными созвездиями по ту сторону Пути Вайшванары, и Тришанку, подвешенный головой вниз, пребудет, подобно бессмертному, в шлейфе тех сияющих звезд; так он достигнет желаемого и останется в раю.

Добродетельный Вишвамित्रа, успокоенный богами, стоял среди мудрецов и, полный сил, ответил:

– Быть тому!

Великодушные боги и риши, обители аскетизма, разошлись, жертвоприношение завершилось, принесся желанные плоды, о лучший среди людей.

Глава 61

Похищение жертвенного коня царя Амбариши и поиск человеческой жертвы

О Рама, Вишвамित्रа, видя, что все мудрецы и аскеты разошлись, сказал обитателям Тапованы:

– На юге великое препятствие мешает моим аскезам, и потому я ухожу в другую часть земли. На западе есть священное место Пушкара и там, в бескрайнем и прекрасном лесу я спокойно продолжу свои аскезы.

Сказав так, великий и могущественный мунни отправился в Пушкару, где посвятил себя наисуровейшим епитимьям, питаясь лишь фруктами и кореньями.

Тем временем царь Амбариша, правитель Айодхьи, затеял великое жертвоприношение коня, но Индра украл коня, и придворный священнослужитель обратился к монарху:

– О царь, конь исчез по твоей небрежности; если монарх не может защитить своих подданных, он гибнет. Сделай все необходимое, чтобы искупить вину и поскорее добудь другого коня или человеческую жертву, дабы завершить церемонию без дальнейших помех.

Царь Амбариша, тур среди людей, наделенный светлым разумом, отдал приказ найти другую жертву, посулив за нее тысячи коров. Он прошел много стран, деревень, городов, лесов и священных обителей, пока не увидел Ричику, мудреца, который вместе с женой и сыновьями жил на горе Бхригутунга.

Блистательный и могущественный раджариши склонился перед знаменитым аскетом и с мольбой в голосе обратился к нему, излагая свою настоятельную просьбу:

– Если можешь, отдай мне одного из своих сыновей для жертвоприношения, в награду ты получишь тысячу коров, о удачливый потомок Бхригу. Это позволит мне достичь своей цели. Даруй мне одного из своих сыновей!

Великий Ричика ответил:

– Я никогда не отдам моего старшего сына, о лучший среди людей!

Жена Ричики, мать знаменитых аскетов, сказала тигру среди людей, Амбарише:

– Благословенный потомок Бхригу отказался дать тебе старшего сына, но знай, что мой любимый сын – это Шунака, младший, о господин! Я никогда не отдам его тебе, о царь. Обычно отец привязан к старшему сыну, но матери дороже младший!

И тогда Шунашепха, о Рама, их средний сын, обратился к царю:

– Отец мой не пожелал расстаться со страшим сыном, а мать – с младшим, но среднего, я полагаю, они могут отдать. Поэтому, о царь, возьми меня!

Доблестный воин царь Амбариша награбил мудреца Ричику бесчисленными жемчугами, чистыми слитками золота, и тысячами коров и забрал с собой Шунашепху, юношу, сведущего в Ведах. В великой радости могущественный и знаменитый раджариши помог Шунашепхе взойти на колесницу, о потомок Рагху, дабы как можно скорее возвращаться домой.

Глава 62

Вишвамित्रа помогает Шунашепхе

О Рама, радость династии Рагху, знаменитый царь Амбариша вместе с Шунашепхой отдыхал в полуденный час в уединенном месте Пушкара. Пока монарх почивал, Шунашепха, наслаждаясь красотой Пушкары, увидел Вишвамитру, своего дядю по матери, который вместе с другими мудрецами занимался духовной практикой.

Преисполненный печали, истомленный голодом и жаждой, он упал на руки к этому мудрецу, о Рама, и сказал:

– О повелитель, у меня нет ни отца, ни матери, ни друзей; защити меня, это твой долг, о могучий аскет! О лучший среди людей, ты поддерживаешь и покровительствуешь всем! Пусть царь достигнет желаемого, не лишая меня жизни. Благослови меня долгой жизнью, чтобы я, совершив суровые аскезы, обрел бессмертие и вкусил райские наслаждения! С любящим сердцем спаси меня и стань моим покровителем; словно добродетельный, отец освободи меня от этого жребия.

Могущественный Вишвамитра с любовью утешил юношу и обратился к своим сыновьям:

– Желая счастья, отцы дают жизнь своим сыновьям, дабы те несли служение другим. Судьба подарила нам эту возможность; этот юный сын аскета просит у меня защиты; исполните его желание даже ценой собственной жизни. Принесите себя в жертву царю и удовлетворите Агни. Шунашепха обретет спасение, жертвоприношение свершится без помех, боги будут удовлетворены, а я останусь верен своему слову.

О Рама, лучший среди людей, в ответ на речь аскета Мадхуччанда и его братья сказали насмешливо и нагло:

– О повелитель, почему ты отвергаешь собственных сыновей ради спасения чужого сына? Деяние это незаконно и подобно желанию вкусить мяса собаки.

От этих слов глаза Вишвамитры вспыхнули гневом, и он предал своих сыновей проклятию:

– За ваше высокомерие, неповиновение дхарме и моей воле, за слова ваши, от которых волосы на теле встают дыбом от ужаса, вы, подобно сыновьям Васишти, в течение многих рождений будете питаться мясом собаки и жить на земле тысячи лет!

После того знаменитый муни обратился к Шунашепхе, преисполненному печали, уверяя его в своем покровительстве:

– Когда на жертвоприношении Амбариши ты, связанный священными веревками, с красной гирляндой на шее, умащенный ароматными маслами, приблизишься к столбу Вишну, взывай к Агни! О сын мудреца, есть два священных гимна (сноска 1, 124) и, повторяя их, ты обретешь долгую жизнь!

Святой мудрец тщательно обучил юношу священным стихам, и Шунашепха, вняв им с глубоким смирением, поспешил к Амбарише, льву среди царей.

– О мудрый государь, – сказал он, – давай поспешим начать жертвенные ритуалы, о Индра среди монархов.

Слова сына аскета обрадовали царя, он поспешил к месту жертвоприношения, не делая более остановок. С согласия жрецов царь нанес на жертву священные символы и, облавив его в красное, привязал к священному столбу. Стоя у столба, сын мудреца стал прославлять Агни, а также двух могущественных богов – Индру и его младшего брата. Очень довольный тайным поклонением, Васавы, тысячеглазый бог, благословил Шунашепху долгой жизнью.

О Рама, за это жертвоприношение царь получил от Индры бесчисленные дары. Но добродетельный Вишвамитра, великий аскет, веками продолжал свои епитимьи в священном месте Пушкара, о царевич.

Глава 63 Менака испытывает Вишвамитру

Спустя тысячу лет аскезы боги решили заслуженно наградить великого муни. Всеведущий Брахма обратился к Вишвамित्रе со словами одобрения:

– Теперь благодаря своей великой епитимье ты стал риши (сноска 1, 125), о святой человек, пусть процветание сопутствует тебе!

Сказав так, глава богов удалился в свою обитель, а знаменитый Вишвамित्रа с великим пылом возобновил свою суровую аскезу.

О царевич, через некоторое время к озеру Пушकारа совершить омовение пришла нимфа Менака, лучшая среди апсар, и сын Каушики увидел эту деву несравненной красоты, подобную вспышке света в облаках. Сраженный стрелой Кандарпы (сноска, 2, 125), аскет сказал красавице:

– Приветствую тебя, о апсара, останься со мной в этой хижине! Будь благосклонна ко мне, я жажду тебя! Прекрасная Менака поселилась в хижине Вишвамитры, и великая епитимья мудреца прервалась. Прошло пять лет, потом еще пять, Менака счастливо жила в уединенной обители Вишвамитры.

Неожиданно великий аскет осознал свое заблуждение, преисполнился стыда и погрузился в печаль. С негодованием он начал понимать, что это боги устроили так, чтобы он полностью утратил все плоды своих аскез, о радость династии Рагху. «Что! – думал он. – Десять лет пролетели как один день и ночь, я был ослеплен страстью, отчего лишился всех благословений своих аскез!» И знаменитый аскет заплакал в великом горе.

Взглянув Менаку, которая, трепеща от страха стояла перед ним со сложенными ладонями, сын Каушики отпустил ее с миром.

О Рама, Вишвамित्रа покинул эти места и отправился в горы на север, где с решимостью обуздал свою страсть, дабы впредь всегда хранить целомудрие. Достигнув берегов реки Каушики, он приступил к самой суровой из аскез, которая продолжалась в течение тысячи лет. Боги, о Рама, обеспокоились и вместе с сонмами риши собрались на совет.

– Давайте провозгласим сына Каушики – Махариши, – решили они. Тогда Праотец миров обратился к Вишвамित्रе, сокровищу аскетизма, с полными любви словами:

– О Махариши, приветствую тебя! Дорогой, ты удовлетворил меня своими суровыми аскезами, и потому отныне ты станешь Великим Риши, о сын Каушики!

Вишвамित्रа, славный своими аскезами, со сложенными ладонями поклонился Брахме и ответил:

– Я совершал наисуровейшие аскезы, дабы стать брахмариши. Если ты еще обращаешься ко мне, называя Махариши, значит, я не полностью обуздал свои чувства.

– Ты еще не победил свои страсти! – сказал Брахма. – Постарайся достичь этого, о тигр среди аскетов! С этими словами Брахма вместе с сонмами богов удалился на небеса. А Вишвамित्रа, подняв руки кверху, без опоры, питаясь лишь воздухом, приступил к своей епитимье.

В летнюю жару он стоял посреди пяти костров (сноска 1, 127), а в стружу – день и ночь пребывал в воде. Так испытывая свою плоть, Вишвамित्रа провел тысячу лет. Пока великий аскет совершал столь суровые епитимьи, Васави и другие боги обеспокоились и вместе с сонмами Марутов обратились к нимфе Рамбхе, дабы она в интересах богов помешала аскезе сына Каушики.

Глава 64

Вишвамित्रа прокликает Рамбху

– О Рамбха, – сказал тысячеглазый бог, – ради блага богов ты должна пробудить страсть в сыне Каушики, чтобы он утратил свою духовную силу.

Апсара, предчувствуя недоброе, со сложенными ладонями взмолилась первому среди богов:

– О владыка, великий риши Вишвамित्रа легко впадает в гнев, он непременно проклянет меня, если я приближусь к нему. Я страшусь, пожалуйста, не проси меня об этом!

Видя, как она дрожит от страха, смиренно стоя перед ним, тысячеглазый бог сказал:

– Не бойся, о Рамбха, со счастливым сердцем исполни мою волю! Пусть удача улыбнется тебе! Весной, когда деревья расцветают, как в раю, я, обернувшись кукушкой и сладко взывая, вместе с богом любви буду рядом с тобой. Ты, приняв пленительный облик, о удачливая, помешаешь аскезам риши, сына Каушики.

Лишь только Индра произнес эти слова, несравненная нимфа в прекрасной одежде, смеясь и играя предстала перед Вишвамित्रой. Аскет, очарованный пением кукушки, увидел апсару. Восхищенный ее красотой, он стоял, как прежде, на краю пропасти.

Но неожиданно распознав коварство тысячеглазого бога, сын Каушики в гневе проклял Рамбху:

– Поскольку ты пытаешься соблазнить меня, о Рамбха, когда я хочу обуздать страсть и гнев, ты на тысячу лет станешь скалой, о несчастная! Ты навлекла на себя мой гнев, и только брахман, достигший совершенства в йоге, освободит тебя от этого проклятия!

Знаменитый Вишвамитра, великий муни, изрек эти слова, и Рамбха, не в силах устоять перед огнем его гнева, превратилась в скалу. Кандарпа, услышав слова риши, в страхе бежал. Обрушив на Рамбху свои проклятия, великий риши, не сдержавший своих чувств, потерял всякий покой. «Я утратил плоды моей аскезы, – думал он. – Никогда более я не поддамся порыву гнева и не произнесу ни слова, на сотни лет я задержу дыхание. Сократив потребности тела и обуздав чувства, я силой аскезы достигну брахманического могущества. Многие тысячи лет я буду стоять без дыхания и еды, пока не истощатся мои члены.

Глава 65

Вишвамитра обретает брахманическую силу

Покинув Химаваты, о Рама, великий Муни отправился на восток и посвятил себя суровой епитимье. В течение тысячи лет он молчал, оставаясь верным исключительно суровым и беспримерным аскезам. Спустя миллион лет тело его стало подобно дереву. Неподвластный даже самым сильным искушениям, он освободился от гнева; о Рама, ничто не могло поколебать этого аскета, твердого в своих намерениях. Срок его аскезы истек, и благословенный мудрец пожелал принять немного пищи. Но в этот момент Индра в одежде брахмана приблизился к Вишвамитре и попросил еды. Муни, поверив, что перед ним мудрец, отдал ему все, что приготовил. Не проронив ни слова, он продолжал хранить молчание.

В течение следующей тысячи лет он, продолжая аскезу, задержал дыхание, и дым (сноска 1, 129), вырвавшийся из его головы, опалил и устрасил все три мира. Девы, риши, гандхарвы, паннаги, ураги и ракшасы, взволнованные аскезами мудреца, увидели, что своим сиянием он затмил их славу и, огорченные, обратились к Брахме:

– О повелитель, великий муни Вишвамитра утвердился в аскезе и непоколебим, хотя мы всячески пытались отвлечь его. Если он не получит желаемого, силою своего отречения он разрушит мир со всеми его созданиями. Все части света встревожены и утратили свое величие, моря бушуют, горы рушатся, земля дрожит, а ветры превратились в ураганы. О Брахма, мы знаем, этого положения не исправить, сейчас нет праведников, три мира трепещут от страха, Солнце гаснет из-за этого великого аскета. Прежде чем он попытается разрушить мир, о благословенный, даруй ему, великим сиянием подобному Агни, благословение, которого он жаждет. Мудрец Вишвамитра подобен Времени, огнем уничтожающему Вселенную в конце творения; поэтому исполни его желание.

Брахма, глава всех богов, предстал перед знаменитым Вишвамित्रой и, желая умиловать его, сказал:

– О Брахмариши, мы почтительно кланяемся тебе, аскезы твои доставили нам великое удовлетворение. Силой своих исключительных аскез ты обрел брахманическое могуще-

ство, о сын Каушики. Я в присутствии сонмов Марутов дарую тебе долголетие, о брахман. Будь счастлив, о великий, и иди, куда желаешь!

Знаменитый муни в ответ на слова Брахмы и богов склонился в великой радости и сказал:

– Поскольку мне дарованы сан брахмариши и долгая жизнь, я хочу обрести знание Брахмана! Пусть слоги «Аум» и «Васхат», а также Веды пребудут во мне! Пусть я стану главным толкователем Кшатраведы и Брахмаведы и пусть сын Брахмы Васиштха выразит мне почтение, о боги! Если вы готовы исполнить это мое последнее желание, то пусть первый среди богов дарует мне свое благословение.

По просьбе богов Васиштха, лучший среди молящихся, помирился с Вишвамित्रой.

– Воистину, ты – брахмариши, ты всего достиг! – сказал он.

Боги вернулись туда, откуда пришли, а добродетельный Вишвамित्रа, обретя брахманическое могущество, выразил почтение брахмариши Васиштхе, лучшему среди святых, и стал странствовать по всей земле, верный аскетизму. Желания его исполнились. Так знаменитый мудрец стал брахмариши, о Рама. Он – лучший среди аскетов, воплощение епитимьи, высшего долга, и вечная сокровищница могущества. Закончив свой рассказ, Шатананда, могущественный дваждырожденный, замолчал. Царь Джанака, выслушав все, что он поведал Рама и Лакшмане, обратился к сыну Каушики со сложенными ладонями:

– О лучший среди мудрецов, будь милостив и вместе с Рамой и Лакшманой освяти своим присутствием мое жертвоприношение. О муни, великая честь, что ты находишься сейчас среди нас. О Брахмариши, ты преумножил нашу славу. Рама, мои советники и я слушали историю твоих удивительных аскез, которая раскрыла нам твои неповторимые достоинства. О великий мудрец, могущество твое беспредельно, а аскезы невообразимы, нет числа твоим добродетелям, как неистощимо желание слушать о твоих чудесных деяниях. О знаменитый повелитель, солнце уже садится, настало время отправлять вечерние молитвы. Будь милостив, позволь нам удалиться; завтра с рассветом мы надеемся увидеть тебя снова.

Удовлетворенный словами монарха, Вишвамित्रа отдал дань почтения этому туру среди людей и с радостным сердцем позволил ему уйти. Царь Видехи, правитель Митхилы, вместе со своими духовными учителями и родственниками, обошел аскета справа от себя и удалился, а добродетельный Вишвамित्रа вместе с Рамой и Лакшманой вернулся в свою обитель, где его почтительно приветствовали великие риши.

Глава 66 История Ситы

На следующий день с первыми лучами солнца царь, исполнив свои религиозные обязанности, пригласил великодушного Вишвамитру и двух потомков Рагхавы к себе во дворец. Добродетельный монарх согласно традициям и шастрам выразил почтение мудрецу и царевичам, после чего обратился к Вишвамитре:

– О благословенный, приветствую тебя! Что я могу для тебя сделать, о безупречный аскет? Я целиком в твоей власти!

Выдающийся мудрец, наделенный даром красноречия, сказал:

– Эти два воина, сыновья Дашаратхи, славятся на весь мир. Они жаждут увидеть удивительный лук, что хранится у тебя; будь милостив, покажи им его, и желания царевичей исполнятся, они достигнут своей цели!

Царь Джанака ответил на просьбу великого аскета:

– Послушай, как появился у меня этот лук. В шестом поколении династии Ними был царь по имени Деварата, ему и доверили на хранение этот лук. Разрушив жертвоприношение Дакши (сноска 1, 132), Махадева играючи поднял свой лук и насмешливо сказал богам:

– Одержимые желанием получить свою долю жертвоприношения, вы забыли оставить мне мою часть, о суры, и потому я разнесу своим луком ваши прекрасные и изнеженные члены!

Боги попытались умиловить Махадеву, и он был удовлетворен. Довольный, он поклонился великодушным богам, а этот лук, драгоценный камень среди всех видов оружия, передал моему предку, царю Деварате.

Однажды, когда я вспахивал священную землю, мой плуг натолкнулся на девочку-младенца, которая стала моей дочерью. Я назвал ее Сита, потому что нашел в борозде, проложенной моим плугом. Я принял эту девочку, рожденную из земли, своей дочерью. Когда она достигла брачного возраста, я провозгласил среди царей, мечтающих о ее руке, что отдам дочь только тому, кто докажет свою силу. О знаменитый мудрец, многие монархи приходили сюда испытать свое могущество, о тур среди аскетов. Я приглашал их к луку Шивы, но ни один не силах был поднять его или даже сдвинуть с места. Видя их слабость, я не мог отдать им свою дочь. Монархи эти преисполнились гнева, тщетно пытаюсь натянуть тетиву на этом луке и обрета дурную славу, они окружили мою столицу и принесли несчастье моим подданным. Их осада продолжалась целый год и истощила мои сокровища. О тур среди аскетов, во избежание нависшей опасности я прибегаю к аскезам, дабы умиловить богов, которые наградили меня огромной армией из четырех воинских соединений.

С помощью этой армии я разбил силы тех злобных царей и их министров, поверг их и отбросил от стен нашего города. О тигр среди мудрецов, я хочу показать Рама и Лакшмане этот лук несравненного сияния, о верный своим обетам. Если Рама натянет его, о муни, я отдам свою дочь Ситу, рожденную без матери, сыну Дашаратхи в жены.

Глава 67 Рама натягивает лук

Великий аскет Вишамитра ответил царю Джанаке:

– Покажи лук Рама! И монарх повелел своим советникам:

– Принесите сюда лук, украшенный цветами и сандалом! Повинуясь царской воле, слуги удалились в город и вернулись, толкая перед собой лук. Пятьсот высоких силачей едва тащили восьмиколесную повозку, на которой лежал огромный железный короб с луком. Советники обратились к Джанаке, равному богам:

– О почтенный монарх, вот удивительный лук, который ты хотел показать, о индра среди владык Митхилы!

Царь со сложенными ладонями сказал великодушному Вишвамитре и двум царевичам, Рама и Лакшмане:

– О брахман, принесли огромный лук, которому с благоговением поклонялись цари династии Ними, но который ни один из них мог натянуть. Даже сонмы богов и асуров, ракшасы, цари гандхарвов и якшей, так же как кинеры и великие змеи, не могли этого сделать. Как же смертным согнуть, натянуть этот лук и вложить в него стрелу, заставив зазвенеть тетиву? Его даже невозможно поднять! О великий риши, взгляни на этот лук, и пусть царевичи узрят его!

Вишвамитра посмотрел на Рама, царевича Рагху, и воскликнул:

– О возлюбленный Рама, взгляни на божественный лук! Рама открыл короб и, увидев лук Шивы, мудро сказал:

– Одной рукой я возьму этот небесный, великолепный лук и попытаюсь поднять и даже натянуть его!

– Быть тому! – отвечали царь и мудрец.

С согласия аскета Рама одной рукой с легкостью поднял лук на глазах у огромного собрания. Улыбаясь, он без особых усилий подготовил его и, могучерукий, стал натягивать! Знаменитый Рама, воин непомерной силы, натягивая лук, сломал его надвое, при

этом раздался звук, подобный раскатам грома или ваджры (сноска 1, 134), с горы посланной Шакрой. Звук этот оглушил всех, люди попадали наземь. Лишь только Вишвамित्रа, царь и двое потомков Рагхавы устояли перед ним.

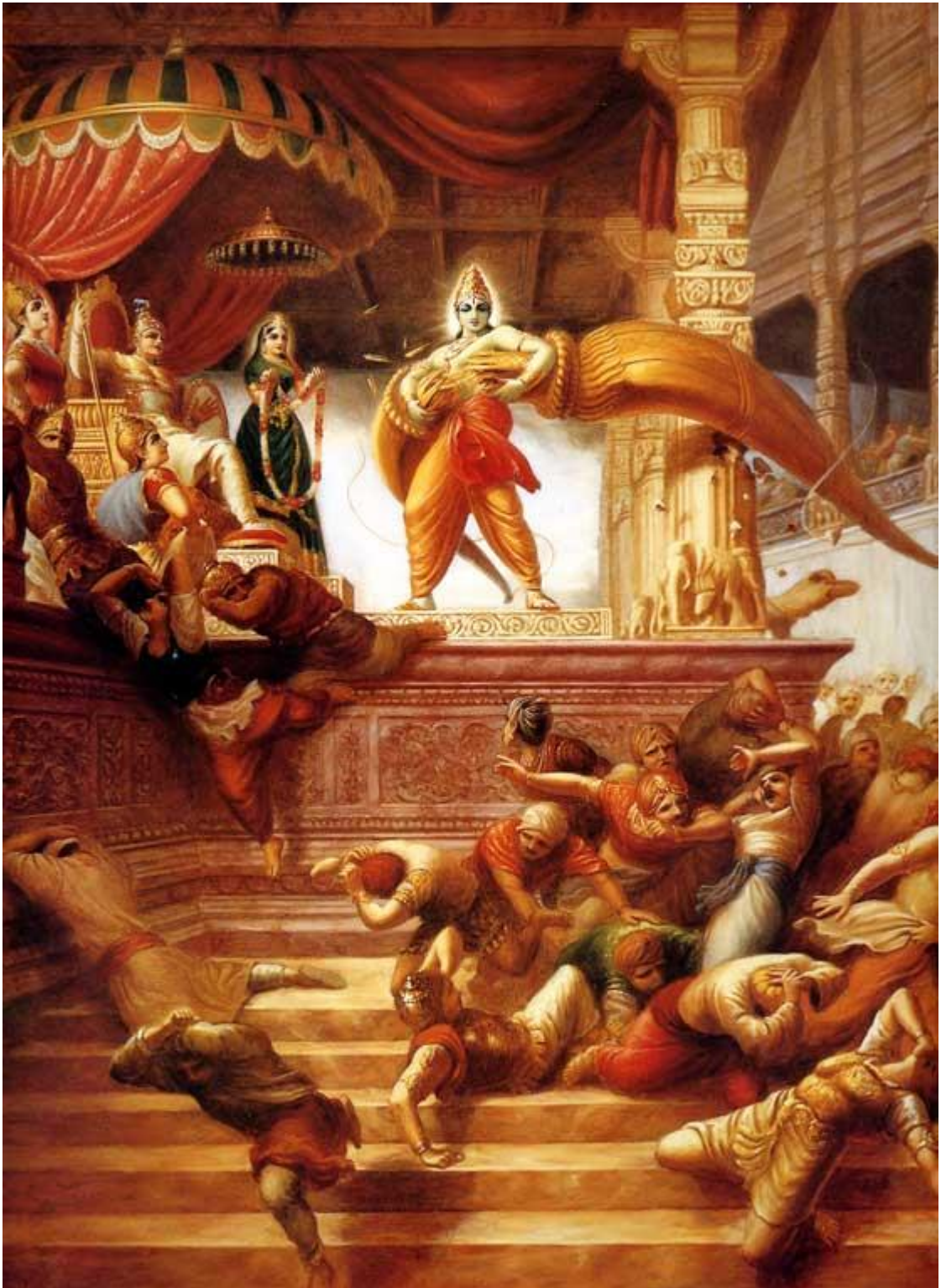

Рисунок 3 Рама ломает лук Шивы

Через некоторое время, когда все оправились от потрясения, царь, избавившись от опасений и сложив ладони, с прозорливыми словами обратился к туру среди аскетов:

– О благословенный мудрец, я стал свидетелем силы Рамы, сына Дашаратхи, который свершил невообразимый и удивительный подвиг! Слава моей династии преумножится,

если Сита выйдет за него замуж! Я дал обет: «Пусть Сита станет наградой за доблесть!» – о сын Каушики! Сита, которую я люблю больше жизни, теперь принадлежит Раме. О брахман, да улыбнется тебе удача, скорее пошлем в Айодхью гонцов на колесницах с почетом пригласить царя Дашаратху в мою столицу, поведав ему о доблести Рамы! Посланцы расскажут царю о благополучии его сыновей, находящихся под твоей опекой, о аскет, и государь с радостью пребудет сюда!

– Быть тому! – согласился сын Каушики, и великодушный монарх незамедлительно послал гонцов к царю Дашаратхе, дабы пригласить его в Митхилу.

Глава 68

Царь Джанака приглашает царя Дашаратху

Послушные воле Джанаки, посланцы, проведя в пути три дня и три ночи и загнав своих быстрых коней, достигли наконец, Айодхьи. Войдя в царские владения, они обратились к караульным:

– Сообщите государю о прибытии посланцев царя Джанаки!

Во дворцовых покоях они увидели старого царя Дашаратху, подобного богу, и, сложив ладони и преодолев страх, обратились к нему со словами приветствия:

– Джанака, царь Митхилы, совершивший великие жертвоприношения, поручил нам в самых изысканных и сладостных выражениях справиться о твоём благополучии, а также о благоденствии твоих духовных учителей и советников, о великий монарх. Благословенный мудрецом Вишвамитрой, царь Митхилы, желая тебе вечного процветания, сообщает: «Известно, что в награду за проявленную силу я обещал отдать мою дочь, и что цари, мечтавшие завоевать руку Ситы, оказались слабы и были отвергнуты. Но сейчас, о государь Айодхьи, твой юный сын, который по счастливой случайности пришел сюда под покровительством Вишвамитры, завоевал Ситу! Могущественный Рама надвое сломал небесный лук на глазах у тысяч людей, о герой. За проявленную силу я, как обещал, отдаю знаменитому Раме в жены свою дочь Ситу. Дай же и ты свое согласие. О великий царь, вместе со своими учителями, в сопровождении священнослужителей поскорее приезжай в Митхилу и будь счастлив; ты снова увидишь двух юных потомков Рагхавы! Позволь мне сдержать данное слово, о индра среди монархов, и раздели радость двух своих сыновей!» Таковы слова повелителя Видехи, одобренные Вишвамитрой и подтвержденные Шатанандой, которые он велел нам передать тебе.

Выслушав посланцев Джанаки, царь Дашаратха в великой радости сказал Васиштхе, Вамадеве и министрам:

– Под покровительством сына Каушики, Рама, радость Каушалы, вместе со своим братом Лакшманой, сейчас находятся при дворе царя Видехи. Испытав его силу, великодушный Джанака желает отдать свою дочь в жены Какутстхе, потомку Рагху. Если вы одобряете этот союз, давайте немедля отправимся в Митхилу, не теряя ни мгновенья!

– Прекрасно! – отвечали министры и все риши, и счастливый монарх сказал посланникам:

– Мы отправляемся завтра!

Посланцев царя Джанаки, индры среди правителей, с почетом угостили и устроили на ночлег, с избытком предоставив все, что им было угодно.

Глава 69

Царь Дашаратха едет ко двору царя Джанаки

Лишь наступило утро, царь Дашаратха, преисполненный радости и окруженный своими духовными учителями и родственниками, сказал Сумантре:

– Пусть казначеи приготовят золото и драгоценности и под охраной отправляются вперед. Соберите армию из четырех воинских соединений и поскорее запрягите колесни-

цы! Проводите Васиштху, Вамдеву, Джавали, Кашьяпу, старого аскета Маркандею во главу процессии, и проследите, чтобы была готова моя колесница, потому что посланники Джанаки торопятся вернуться, и у нас нет времени. По воле этого индры среди царей процессию, возглавляемую риши, сопровождала армия из четырех воинских соединений. Через четыре дня пути Дашаратха достиг царства Видехи. Удачливый царь Джанака, услышав добрую весть, приготовился встречать высоких гостей. Радость его была безграничной, когда он увидел престарелого монарха Дашаратху. Лучший среди царей, исполненный радостных надежд, обратился к нему:

– Приветствую тебя, о государь! Милостью небес ты прибыл к нам, о потомок Рагху! Ты поделишь радость двух своих сыновей, доказавших свою силу. По милости небес благословенный аскет, знаменитый Васиштха тоже здесь. В обществе дваждырожденных он подобен Шатакрата среди богов. По милости небес исчезли все помехи, и наша древняя династия, породнившись с династией Рагху, засияет еще ярче. Завтра на рассвете, о знаменитый государь, после жертвоприношения ты с помощью риши отпразднуешь свадьбу. Выслушав речь Джанаки, монарх Дашаратха, окруженный мудрецами, наделенными даром красноречия, ответил:

– О царь, мы счастливы принять твою награду и готовы исполнить все, что бы ты ни пожелал!

Столь разумные и возвышенные слова восхитили государя Видехи. Настала ночь, которую мудрецы провели в счастливых беседах. Дашаратха, не расставаясь со своими сыновьями и окруженный заботой и вниманием царя Джанаки, наслаждался высшим блаженством.

Знаменитый правитель Митхилы, хорошо зная свои обязанности, закончил приготовления к жертвоприношению и свадебной церемонии дочерей (сноска 1, 137) и удалился во внутренние покои немного отдохнуть.

Глава 70 Династия Икшваку

На рассвете Джанака вместе с великими риши исполнил свои религиозные обязанности и, улучив момент, сказал главному священнослужителю Шатананде:

– У меня есть знаменитый брат, доблестный и честный, зовут его Кушадхваджа. Он живет в великолепном городе, окруженном крепостными стенами и омываемом водами реки Икшумати, это сокрытая сторона Саукашьи, подобно колеснице пушпака. Я хочу увидеть брата, он поможет мне провести церемонию и, преисполненный славы, увеличит мою удачу!

С этими словами Джанака обратился к слугам, стоявшим поблизости, и, послушные ему, они оседлали быстрых коней и поспешили разыскать этого тигра среди людей, царя Кушадхваджа, дабы привести его в Митхилу, подобно Вишну, явившемуся по зову Индры. Достигнув Саукашьи, они увидели Кушадхваджу и передали ему желание царя Джанаки. Царь Кушадхваджа, выслушав посланцев, молча уступил просьбе брата. Появившись перед великодушным Джанакой, верным дружбе, он отдал поклон мудрецу Шатананде и знаменитому монарху, который пригласил его занять свое место на богатом и прекрасном троне, достойном царя. Сидя рядом, братья безграничной славы отдавали приказы наимудрейшему из министров Судамане:

– О царевич среди советников, поспеши обратиться к Икшваку, чье сияние безгранично; приведи сюда этого непобедимого государя вместе с его сыновьями и министрами! Судамана пошел передать послание Дашаратхе, увековечившему род Рагху. Поклонившись, он сказал:

– О царь Айодхьи, о герой, тебя ожидает повелитель Видехи, царь Митхилы, вместе с твоими духовными учителями и главным священнослужителем.

Внемля словами прозорливого советника, царь, сопровождаемый многими риши и родственниками, отправился к Джанаке, который восседал на троне среди своих министров, духовных наставников и семьи. Самый красноречивый из ораторов, Дашаратха сказал царю Видехи:

– О великий повелитель, тебе известно, что роду Икшваку духовно покровительствует благословенный риши Васиштха, мой истинный представитель. С одобрения Вишвамитры и других риши, добродетельный Васиштха сейчас подробно поведает тебе о происхождении нашей династии.

Царь Дашаратха замолчал, и благословенный Васиштха, искусный оратор, обратился к царю Видехи, сопровождаемому своим придворным священнослужителем:

– Из Брахмана, Непроявленного, Вечного и Нетленного, появился Брахма. Он породил Маричи, а Маричи – Кашьяпу; Кашьяпа родил Вивасвата, а тот – Ману; Ману стал отцом Икшваку, который был первым царем Айодхьи. Сына Икшваку звали Кукши, а его сыном стал Викукши; знаменитый Бана был сыном Викукши, а сыном Баны стал Анаранья; сыном Анараньи был Притху, а его внуком – Тришанку; великий Дхундхумара был сыном Тришанку, а его сыном был воин на великой колеснице, Юванавшва. Славный господин мира Мадхата был его сыном, а сыном Мадхаты стал почтенный Сусамдхи. У Сусамдхи родился Дхрувасамдхи, который стал отцом знаменитого Бхараты, который родил знаменитого Аситу, против которого поднялись враждебные цари Хаихаясы, Таланджангхасы и воинственный Шашабиндус. Эти герои в жестоком сражении заставили его уйти в изгнание. Царь Асита вместе с двумя своими женами ушел в Гималаи, где несчастный монарх расстался с жизнью, оставив беременными своих цариц, одна из которых, чтобы убить плод второй, подмешала ей в пищу яд.

В то время на вершинах Гималаев жил мудрец из семьи Бхригу по имени Чйавана. Вторая супруга удачливого Аситы приблизилась к этому потомку Бхригу, облаченному в одежды из небесного сияния. Лотосоокая царица Калинди выразила ему почтение и, желая родить исключительного сына, приветствовала мудреца. Великий аскет сказал ей о будущем ребенке:

– Из твоего чрева скоро родится прекрасный ребенок удивительной красоты. Ему дали яд, но ты не печалься, о лотосоокая.

Поклонившись мудрецу Чйаване, божественная царица, верная своим обетам, родила ребенка, выношенного с ядом, который дала ей соперница, дабы убить плод; имя его было Сагара. У Сагары родился Асаманджас, а его сыном стал Аншуман; Дилипа был сыном Аншумана, а его сыном стал Бхагиратха. Бхагиратха родил Какутстху, а тот – Рагху. Рагху является отцом знаменитого Правридхи, уничтожавшего людей, который стал Калмашападой, отцом Шанкханы. Сударшана был сыном Шанкханы, а его сыном стал Агниварна. Его сыном был Шигхрага, который родил Мару. От Мары родился Прашушрука, который родил Амбаришу, чьим сыном стал великий царь Нахуша. Нахуша был отцом Яяти, который родил Набхагу. Сыном Набхаги стал Аджа, и у Аджи родился Дашаратха. Дашаратха является отцом двух братьев Рамы и Лакшмана. Такова родословная этой династии, в которой все монархи отличались исключительной добродетелью. Потомки Икшваку, все они славилась своей любовью к истине. О царь, о лучший среди людей, я прошу и тебе подобает отдать двух своих дочерей достойным сыновьям Дашратхи, потомкам блистательного рода, подобного морю, полному сокровищ, которые пришли в линии святых цариц, восходящей к доблестному Икшваку. Цари этой династии славятся своей правдивостью, великодушием и набожностью, а также верны своему воинскому долгу.

Глава 71

Царь Джанака называет свою династию

Сложив ладони, Джанака ответил на речь Васиштхи:

– О лучший среди аскетов, прежде чем заключить этот союз, мы услышали родословную одной благородной семьи. Пусть счастье сопутствует тебе! Узнай же теперь о нашей династии, о мудрец. Жил некогда царь, своими подвигами прославившийся на все три мира. Это был Ними, лучший из людей, добродетельная душа. Он родил сына по имени Митхи, который стал отцом первого Джанаки, чьим сыном стал Удавасу. Удавасу имел сыном добродетельного Нандивардхану, который родил Сукету. От Сукету родился могущественный Деварата, который дал жизнь знаменитому Брихадратхе, риши среди царей. Брихадратха стал отцом героического и знаменитого Махавиры и храброго и верного Судхрити. Судхрити был отцом добродетельного и справедливого Дхриштакету, у которого родился царственный риши, знаменитый Харьяшва. Харьяшва стал отцом Мару, сыном которого стал Пратиндхака. Пратиндхака родил добродетельного монарха по имени Киртиратха. Сыном Киртиратхи был Девамидха. Девамидха стал отцом Вибудхи, а тот – Махидхраки. Сыном Махидхраки был могущественный монарх Картирата, а Картирата, этот царственный риши, имел сыном Махарому. Махарома был отцом добродетельного Сварнаромы, а этот риши среди царей родил Храсварому. Этот великодушный и добродетельный царь имел двух сыновей: я – старший из них, а младший – доблестный Кушадхваджа. Мой отец возвел меня, как старшего, на трон и поручил моим заботам Кушадхваджу, а сам ушел в лес. Мой престарелый отец достиг небес, и я согласно долгу, несу бремя правления, с любовью заботясь о своем брате Кушадхвадже, прекрасном как бог. Спустя время могущественный царь Судханва покинул город Самкашью, чтобы осадить Митхилу. Он послал мне предложение о мире с тем, чтобы я отдал ему свою дочь, лотосооую Ситу, а также лук Шивы.

О Брахмариши, меж нами завязалась великая битва, и в рукопашном бою я убил царя Судханву. Сразив этого великого царя, я отдал трон Самкхашьи своему брату Кушадхвадже. Это мой младший брат, а я – старший, о великий аскет. Я отдаю свою дочь Ситу – Рама. Блага тебе! А его дочь Урмилу – Лакшмане, о тур среди отшельников. Моя дочь Сита, не уступающая дочерям богов, стала наградой за доблесть, так же как и моя вторая дочь Урмила. Я отдаю этих двух юных дев замуж с великой радостью и провозглашаю об этом трижды, чтобы ни у кого не осталось и тени сомнений, о тур среди аскетов. О царь, теперь пусть Рама и Лакшмана исполнят свой долг перед питриями, раздав коров! Счастья тебе! После этого мы заключим эти два союза.

Сегодня взошла звезда Магда, и в течение трех дней, о могущественный царь, под звездой Уттара-пхалгуни ты будешь проводить свадебные церемонии. Ради счастья Рамы и Лакшманы раздай коров, землю, семя кунжута и остальные дары.

Глава 72

Приготовление к свадьбе четырех сыновей Дашаратхи

Лишь только царь Видехи замолчал, Вишвамित्रа, великий муни, вместе с Васиштхой, отвечал доблестному монарху:

– О царь, воистину прекрасная, царственная мысль! Это слава двух династий – Икшваку и Видехи, никто не сравнится с ними. В доблести и красоте это достойные союзы – Рамы и Ситы, Лакшманы и Урмилы. Теперь я предреку будущее, о лучший из людей, послушай мои слова. Младший брат Кушадхваджа, добродетельный царь, имеет двух дочерей, которым в красоте нет равных на земле; мы просим их в жены юным Бхарате и Шатругхне. Я прошу у тебя этих двух племянниц для тех великодушных героев. Четыре сына Дашаратхи сияют юностью и красотой, напоминая царей, которые покровительствуют миру, их доблесть не уступает доблести богов! Без промедления дай согласие на эти два союза, о индра среди царей, наделенный святой кармой! Вместе с Васиштхой Вишвамित्रа сказал это, и царь Джанака со сложенными ладонями отвечал двум выдающимся аскетам:

– Быть тому! Пусть процветание сопутствует вам! Пусть две дочери Кушадхваджи станут женами двух братьев Шатрхругны и Бхараты. Пусть четыре царевны отдадут свои руки четверем доблестным царевичам в один день, о великий аскет. О Брахман, о свадебных церемониях нужно будет объявить в последний день звезды Пхалгуни, когда взойдет Бхага (сноска 1, 142).

Закончив дружескую беседу, Джанака поднялся и со сложенными ладонями сказал двум знаменитым аскетам:

– Этот город – в распоряжении Дашаратхи, так же как Айодхья – для меня. Ты обладаешь исключительными правами, поступай, как пожелаешь! Потомок Рагху, государь Дашаратха радостно ответил великому монарху:

– О правитель Митхилы, братья наделены бесчисленными добродетелями, ты почтил тех риши, наследников царей! Будь счастлив! Процветания тебе! Лишь ты покинешь это собрание, как мы удалимся в свои покои. Мы проведем все необходимые церемонии согласно древним традициям.

Лишь только царь Джанака ушел, царь Дашаратха в сопровождении двух аскетов, исполненных славы, также покинул собрание и, вернувшись в свои покои, совершил традиционную церемонию шраддхи.

На следующий день, как только взошло солнце, он щедро раздал коров брахманам; за каждого из своих сыновей царь, следуя закону, дал по сто тысяч молодых и здоровых коров с позолоченными рогами. Каждая корова была с теленком и давала много молока. Потомок Рагху, тур среди людей, наградил бесчисленными дарами дваждырожденных и, как любящий отец, раздал коров от имени своих славных сыновей. Знаменитый монарх, окруженный своими сыновьями, раздавая дары, напоминал благословенного праджапати посреди стражей миров.

Глава 73 Свадебные церемонии

В тот день, когда царь раздавал коров, пред ним предстал героический Юдхаджит, сын повелителя Кекайи и дядя Бхараты по матери. Справившись о благополучии царя, он сказал:

– О Индра среди царей, пусть будут счастливы те, кто ищут от тебя блага! Наш отец желает увидеть сына моей сестры, и потому я отправился в Айодхью, о радость Рагху. Там я узнал, что ты вместе с сыновьями отбыл в Митхилу на свадьбу, и поспешил сюда, дабы увидеть своего племянника, царевича Бхарату.

Царь Дашаратха приветствовал гостя и принял его с почетом; Юдхаджит ночь провел с монархом и его славными сыновьями. С рассветом он исполнил свои религиозные обязанности и вместе с риши направился к арене жертвоприношения.

В благоприятный час (сноска 1, 144) Рама, окруженный своими братьями, облачился в украшения и, когда все приготовления к свадебным обрядам были закончены, послал Васиштху во главе остальных риши к царю Видехи.

Васиштха обратился к Джанаке:

– Знаменитый монарх Дашаратха и его сыновья готовы к свадебным церемониям и ожидают того, кто отдаст им своих юных дочерей. Один отдает, а другой принимает! Исполни же свой долг, содействуя столь благоприятному союзу! Великодушный и несравненный царь, превосходно знающий свои обязанности, ответил Васиштхе:

– Кто охраняет двери? От кого ты ждешь приказа? Почему ты медлишь войти в собственные владения? Это царство – твое! Все готово для свадебной церемонии, о лучший среди аскетов! Мои дочери уже стоят у алтаря, сияя словно огонь в жаровне; я ждал тебя и не замедлю занять свое место по другую сторону алтаря; пусть все пройдет без помех! К чему откладывать?

Дашаратха привел своих сыновей и всех мудрецов. Царь Видехи сказал Васиштхе:

– О добродетельный аскет, о повелитель, проведи свадебную церемонию Рамы, который дарует радость (сноска 2, 144) и которого любит весь мир! Сопровождаемый Вишвамитрой и добродетельным Шатанандой, знаменитый аскет разместил алтарь в центре жертвенной арены согласно ритуалу и со всех сторон окружил его фимиамами (сноска 1, 145) и цветами, сосудами с золотом и разноцветными вазами с молодыми ветками; там были благовония, раковины, большие и маленькие черпаки, чаши для аргхьи и других целей, блюда с жареным зерном и груды лушеного ячменя. Затем Васиштха по традиции вместе с травой дурбха рассыпал все, что дарило благо, а когда все было готово, начал читать священные мантры. Разведя жертвенный огонь и читая необходимые мантры, знаменитый Васиштха, тур среди аскетов, совершил подношение Агни; затем, взяв за руку сияющую драгоценностями Ситу, подвел ее к огню (сноска 2, 145), напротив потомка Рагху. Царь Джанака обратился к любимому сыну Каушальи:

– Вот моя добродетельная дочь Сита, которую я отдаю тебе; прими ее и будь счастлив; возьми ее руку в свою, пусть она, верная супружескому долгу, будет счастлива и следует за своим мужем, словно тень!

С этими словами монарх, читая мантры, окропил Ситу святой водой, и в тот же миг все боги и риши закричали: «Прекрасно! Прекрасно!» Зазвучали небесные гонги и на землю пролился цветочный дождь.

Рисунок 4 Рама и Сита

Отдав Рама свою дочь Ситу, царь Джанака со слезами радости на глазах обратился к Лакшмане:

– О Лакшмана, подойди и будь счастлив, я отдаю тебе Урмилу, прими ее и возьми ее руку в свою; не упускай благоприятного момента! (сноска 3, 145)

Затем Джанака обратился к Бхарате:

– Возьми руку Мандави в свою, о потомок Рагху! После этого добродетельный монарх Митхилы сказал Шатругхне:

– Доблестный воин, возьми руку Шрутикирти в свою! Пусть все эти герои, добрые и верные долгу Какутстхи, с этого мгновенья счастливо живут со своими женами! Повинуясь словам Джанаки и воле Васиштхи, четыре брата, великодушные потомки династии Рагху, взяли руки четырех сестер и вместе с супругами обошли жертвенный огонь, алтарь, царя и всех риши.

Так по традиции они заключили четыре супружеских союза, все кругом сверкало великолепием, а с небес лился цветочный дождь. Во время свадебной церемонии знаменитых потомков Рахгу звучали небесный гонг, гимны и музыка, танцевали апсары, а гандхарвы пели хвалу, поистине это было чудом!

Пока звучала музыка, царевичи трижды провели своих жен вокруг жертвенного огня, а потом вместе с ними удалились в свои шатры, провожаемые царем, сонмами риши и родственников.

Глава 74 Появление Парашурамы

Наутро Вишвамित्रа, великий муни, покинул двух царей и отправился на север, в горы. Лишь Вишвамित्रа ушел, царь Дашаратха поклонился правителю Видехи, царю Митхилы, чтобы проститься и возвращаться в свой город. Царь Видехи дал своим дочерям великолепное приданое: сотни коров, богатые ковры, ткани и бесчисленные наряды, а также армию, состоящую из слонов, коней, колесниц и сияющих великолепием и драгоценностями пеших воинов, которые сопровождали процессию.

Каждой из дочерей он дал сотню слуг и служанок редкой красоты, а также золото, серебро, жемчуга и кораллы – столь несравненным приданым этот счастливый монарх наградил своих дочерей. С такими роскошными дарами царь Митхилы проводил государя Айодхьи и вернулся к себе во дворец.

Царь Айодхьи вместе со своими великодушными сыновьями, сопровождаемый риши и армией, отправился в дорогу. Когда этот тигр среди людей возвращался в Кошалу, неожиданно раздался пронзительный крик странной и ужасной птицы, испугавший оленя, который убежал вправо от них. Заметив столь неблагоприятный знак, царь спросил Васиштху:

– О святой гуру, кричит страшная птица, а дикий олень убегает вправо от нас; что это означает? Мое сердце бьется, и душа обеспокоена! Великий риши утешил царя Дашаратху:

– Узнай об этом месте! Крик этой птицы пророчит неизвестное, но бег диких зверей говорит о заблаговременной помощи; поэтому не печалься! Пока они беседовали, вьющаяся роза изорвала могучие деревья, а земля задрожала. Тьма сокрыла солнце, ничего вокруг невозможно было различить; вся страна покрылась пылью и пеплом, армия царя Дашаратхи пришла в волнение. Васиштха и другие риши, царь и его сыновья утратили мужество, все остальные обезумели.

Посреди устрашающей тьмы, когда армия была покрыта пеплом, пред монархом предстал потомок Бхригу, сын Джамадагни, терний для царей. Он напоминал неприступную гору Кайласу или неотразимый и всепожирающий огонь времени, на который невозможно смотреть (сноска 1, 147). С огромной секирой на плече, сжимая лук в руках, с ослепительно сияющей веревкой и страшным дротиком он был подобен разрушителю Трипуры (сноска 2, 147).

Увидев устрашающего потомка Бхригу, сияющего как Пavaка, мудрецы, возглавляемые Васиштхой, прибегли к молитве и жертвоприношению. Собравшись и пошептавшись меж собой, они сказали:

– Не убьет ли он снова всех воинов в отместку за смерть своего отца? Истребив их всех однажды, он должен был утолить свой гнев и горе; несомненно, он решил снова уничтожить сословие воинов!

Риши предложили сыну Бхригу огромную долю аргхьи и обратились к нему с утешительными словами:

– О Рама, доволен ли ты своим путешествием? О мой Господь, прими эту аргхью! О потомок Бхригу, успокойся, не изливай своего гнева!

Могущественный Парашурама, приняв поклонение аскетов, обратился к Рама, сыну Дашаратхи.

Глава 75 Парашурама вызывает Раму на битву

– О Рама, доблестный сын Дашаратхи, я наслышан о твоих удивительных подвигах. Мне подробно рассказали о том, как ты сломал лук; это невообразимый и изумительный подвиг. Узнав о нем, я принес тебе другой знаменитый и громадный лук, который принадлежит Джамадагни. Вложи в него стрелу и покажи свою силу! Если ты сможешь согнуть этот лук, и я увижу твое могущество, я вызову тебя на сражение, в котором ты проявишь свою доблесть!

От этих слов царь Дашаратха с удрученным лицом, полный печали, обратился к Парашураме со сложенными ладонями:

– Твой гнев, излившийся на сословие воинов, уже должен угаснуть; теперь ты брахман великих аскез; ты должен покровительствовать моим юным сыновьям! Рожденный в роду Бхаргавы, познавший Веды и верный своим обетам, ты в присутствии тысячеглазого бога поклялся сложить оружие. Верный своему слову, ты передал землю Кашьяпе и удалился в уединенную обитель Махендры. Но сейчас ты пришел уничтожить мой род, о великий аскет? Если Рама погибнет, никто из нас не выживет!

Не обратив ни малейшего внимания на слова царя Дашаратхи, знаменитый сын Джамадагни снова обратился к Рама:

– Есть два превосходных лука, божественных, достойных поклонения трех миров, крепких, могущественных, самых лучших – это венец созидательной силы Вишвакармы. Один из них, который суры дали устрашающему Трийамбаке, дабы разрушить Трипуру, ты сломал, о лучший среди людей. Второй лук, который нелегко удержать, знаменитые суры отдали Вишну. Этот лук Вишну, о Рама, способный разрушить вражеские города, в могуществе не уступает луку Рудры, о Какутстха. Все боги спрашивали праотца Брахму, кто из двух предводителей богов сильнее – Шитикантхи или Вишну. Дабы удовлетворить желание богов, Брахма поссорил их, великих, о самый доблестный воин! Намеренно развязанная ссора Шитикантхи и Вишну, в которой оба искали победы, привела к такому столкновению, что волосы встают дыбом! От крика Вишну на луке Шивы распустилась тетива, и трехглазый бог замер от изумления. Боги и сонмы риши вместе с чаранами, собравшиеся там, успокоили обоих. Видя, что лук Шивы силою Вишну остался без тетивы, боги и сонмы риши признали Вишну Всевышним. Знаменитый Рудра в ярости отдал свой лук вместе со стрелами в руки великого монарха Видехи, благородного риши (сноска 2, 149).

Вишну передал свой лук, разрушающий вражеские города, Ричике, сыну Бхригу. Этот драгоценное сокровище Ричика передал своему сыну, моему отцу Джамадагни, великой душе непревзойденной доблести. Храня это божественное оружие, отец мой, совершавший суровые аскезы, печально погиб под ударами умелого Арджуны (сноска 3, 149). Услышав о печальной и незаслуженной смерти моего отца, я в гневе стал истреблять весь воинский род, и делал это снова и снова, когда бы он ни возрождался. Завоевав землю, я отдал ее в последнем жертвоприношении как подношение великодушному и благословенному Кашьяпе, о Рама. После этого я удалился в уединенную обитель Махендры, где обрел духовное могущество. Услышав о том, что лук Шивы сломан, я поспешил сюда. Возьми теперь этот великий лук Вишну, хранимый моими предками и отцом, о Рама, и исполни свой долг воина!

Вложи стрелу в этот чудесный лук, разрушь вражеские города! Если ты сделаешь это, о Какутстха, я сам вступлю в сражение с тобой!

Глава 76 Парашурама терпит поражение и утрачивает свою силу

Выслушав Раму (сноска 1, 150), сына Джамадагни, сын Дашаратхи, в отличие от своего отца все это время хранивший молчание, ответил:

– О сын Бхригу, ты хочешь, чтобы мы разделили твою месть за отца; но ты, о потомок Бхригу, видно, думаешь, что у меня нет доблести исполнить свой воинский долг. Узри же мою силу и научись ее уважать!

С такими словами разгневанный Рагхава выхватил из рук риши необыкновенное оружие со стрелами. Согнув лук и натянув тетиву, он в великом гневе снова обратился к сыну Джамадагни:

– Ты брахман и родственник Вишвамитры, и потому я почитаю тебя. Я не могу выпустить в тебя смертоносную стрелу, о Рама! И все же я уничтожу обитель и несравненные царства, которые ты завоевал силой своих аскез. Тем более, что стрела Вишну, разрушителя вражеских городов, своим могуществом усмиряющая гордыню и избавляющая от высокомерия, не может быть выпущена напрасно!

Чтобы увидеть Раму с могущественным луком в руках, со всех сторон во главе с Брахмой собрались боги, сопровождаемые сонмами риши. Гандхарвы, апсары, сиддхи, чараны, киннеры, якши, ракшасы и наги – все спешили стать свидетелями великого подвига и онемели от изумления, увидев Раму с божественным луком в руках и Парашураму, сына Джамадагни, который утратил все свое могущество и стоял, устремив на него свой взор. Могущество соперника лишило его силы, и сын Джамадагни, потрясенный, смиренно и мягко сказал Рама, чьи глаза напоминали лепестки лотоса:

– Когда я даровал землю Кашьяпе, он сказал мне: «Ты не будешь жить в этом царстве»; во исполнение воли моего гуру я не провел на земле ни ночи; мир больше не в моем распоряжении, о Какутстха, с того момента я верен словам Кашьяпы. Не лишай меня могущества с быстротой мысли? , о сын Рагху, я удалюсь к Махендре, сокроюсь среди высоких гор! Немедленно разрушь своей превосходной стрелой несравненные царства, завоеванные мной силой аскез.

Судя по тому, как ты держишь этот лук, я знаю, что ты – непобедимый покоритель Мадху и глава богов. Приветствую тебя, о победитель своих врагов! Пусть обладание этим луком принесет тебе счастье! Все боги собрались увидеть тебя, чьи подвиги несравненны и кто неотразим в сражении! Принять от тебя поражение не является позором, о защитник трех миров. О Рама, верный своим обетам, ты должен выпустить эту стрелу, которой нет равных! И после того я удалюсь в горы Махендры!

Лишь только сын Джамадагни сказал это, знаменитый сын Дашаратхи выпустил свою чудесную стрелу и, видя, как Рама разрушил царства, завоеванные им силой аскез, Парашурама готов был уйти к Махендре в горы. Тьма, покрывшая землю, рассеялась, боги и сонмы риши поклонились Рама, который стоял с великим луком в руках, а сын Джамадагни, обойдя вокруг Господа Рамы, удалился в свою обитель.

Глава 77

Царь Дашаратха возвращается в Айодхью. Отъезд Бхараты к деду

Парашурама ушел, и Рама, знаменитый сын Дашаратхи, передал рук в руки бога Варуны и, поклонившись риши, возглавляемым Васиштхой, обратился к отцу, видя его озабоченность:

– Сын Джамадагни ушел; вели своей армии из четырех соединений продолжать путь в Айодхью!

Царь Дашаратха обнял Раму, потомка династии Рагху, и поцеловал в лоб; «Парашурама ушел», – слова эти наполнили сердце монарха радостью, он подумал, что сын его даровал ему второе рождение.

Отдав приказ армии скорее отправляться в дорогу, он повел их обратно в город, сверкавший праздничными флагами и гремевший фанфарами. Дороги, по которым должен

был проехать царь, были обрызганы ароматной водой и украшены цветущими ветками, все жители Айодхьи собрались приветствовать царскую процессию; от радости все хлопали в ладоши. Монарх въехал в свою столицу, окруженный радостной толпой, которая неотступно следовала за ним, дваждырожденные вышли далеко за городские стены встречать его. Почтенный и знаменитый царь, окруженный сыновьями, переступил порог своей любимой обители, подобной Химавату, где все выражали ему почтение, предлагая дары. Царь и его родственники были счастливы, дворец наполнился радостью. Каушалья, Сумитра и Кайкейи с тонким станом, так же как и другие женщины, служившие царю, вышли вперед принять (сноска 1, 152) своих снох, удачливую Ситу, прекрасную Урмилу и дочерей Кушадхванджи, они встречали их благословениями и священными дарами.

Ослепительные в своей красоте, облаченные в дорогие наряды, они все вместе торжественно проследовали к алтарю богов. Царевны поклонились всем достойным почтения, после чего мужа с великой радостью и заботой увели их. Эти туры среди людей счастливо жили со своими женами, при оружии, окруженные богатством и друзьями, в почтении к своему отцу.

Через некоторое время царь Дашаратха, радость династии Рагху, сказал Бхарате, сыну Кайкейи:

– Мое дорогое дитя, у нас сын монарха страны Кайкейя, твой дядя Юдхаджит, он желает забрать тебя с собой.

Послушный воле отца, сын Кайкейи вместе с Шатругхной приготовился к отъезду и, простившись с отцом и Рамой благословенной судьбы, а также со своей матерью, отбыл вместе с братом. Юдхаджит, доблестный и веселый, сопровождал Бхарату и Шатругхну, пока они не достигли его родного города к великой радости его отца. После отъезда Бхараты Рама и Лакшмана с еще большим вниманием и заботой стали относиться к своему отцу, подобному богу. Желания отца и благо других стало для Рама самым важным, он старался быть полезным и по-дружески относился ко всем. Почтительный и преданный своей матери, всегда послушный в служении своим духовным учителям, Рама пользовался любовью Дашаратхи, брахманов, монахов и жителей всей страны. Непревзойденный во всем мире, Рама, героического характера, равный самому Сваямбху, был лучшим из людей; он счастливо жил с Ситой много лет, с радостью исполняя ее желания, они были как одна душа.

Сита была очень дорога Рама, он говорил: «Мой отец выбрал ее мне в супруги». Он наслаждался ее красотой и добродетелями, и радость его росла день ото дня. Сита отвечала на любовь, переполнявшую сердце ее господина, с удвоенной силой. С безграничным доверием она раскрывала ему все свои мысли и так же читала все мысли своего господина. Несравненная царевна, дочь Джанаки, царя Митхилы, своей небесной красотой подобная Шри, увеличивала славу сияющего Рама, напоминая Лакшми, которая своим присутствием увеличивает славу несравненного Вишну.

Конец первой книги БАЛА КАНДА

Книга II. Айодхья

Айодхья Канда

Глава 1

Описание добродетелей Рамы

С радостным сердцем Бхарата вместе с Шатругхной, победителем своих врагов, отбыли в дом своего дяди по матери, где дядя окружил их вниманием и заботой, проникшись любовью к сыну сестры. Хотя их малейшая прихоть не оставалась без внимания, братья постоянно вспоминали старого царя Дашаратху.

Монарх во всем своем великолепии также не забывал отсутствующих сыновей – Бхарату и Шатругхну, подобных Махендре и Варуне. Более того, он любил четырех своих мальчиков, они были его руками. Но среди всех наибольшую радость доставлял отцу знаменитый Рама, подобный Сваямбху среди всех живых существ, славный своей великой доблестью. Это был Сам вечный Вишну, родившийся по просьбе богов, которые хотели сразить Равану, врага целого мира.

Рисунок 5 Рама

Каушалья гордилась своим сыном безграничного великолепия, словно Адити – громовержцем Индрой. Наделенный красотой и доблестью, чуждый зависти, не имеющий равных на земле, в добродетели не уступающий Дашаратхе, чьим сыном он и был, спокойной души, Рамачандра всегда владел собой, со всеми был мягок, никогда не отвечал на оскорбления, был счастлив любым служением, которое оказывали ему и прощал все оскорбления.

Совершенствуясь в военном искусстве, он искал самых мудрых и опытных в этом людей, знающих, почтенных или добродетельных. Мудрый и великодушный, он в самых теплых выражениях первый обращался к человеку, обладал исключительным мужеством,

не найти было никого более могущественного, чем он. Рама никогда не произносил лжи и отдавал дань почтения образованным людям и старшим. Мягкий, обуздавший гнев, преданный брахманам, сострадательный к страждущим, он оказывал внимание своим подданным, которые были преданы ему. Зная свои обязанности, он всегда владел собой, был верен долгу, отдавал должное обязанностям воинского сословия и умножал славу своей династии, сияя радостью в возвышенном, как на небесах, положении, которое занимал. Мудро неся бремя забот, этот потомок рода Икшваку с любовью и нежностью относился к тем, кто искал его покровительства, он сдерживал злокозненных и искал блага для своих подданных. Воздерживаясь от легкомысленных занятий и пустых разговоров, он никогда не слушал и не говорил вопреки дхарме. В красноречии не уступающий Брахаспати, свободный от болезни, молодой, красивый, всегда учитывающий время и обстоятельства, одним взглядом способный прочесть все, что у человека на сердце, он, воистину, был мудрецом удивительных достоинств и был дорог людям, как дыхание жизни. Хорошо осведомленный в философии и практике Вед, которые он изучал со своим духовным учителем, старший брат Бхараты превзошел своего отца в искусстве ведения войны.

Вместилище всего благоприятного, добродетельный, веселый, правдивый и бесхитростный, в духовной и мирской политике он всегда руководствовался наставлениями знающих брахманов. Понимая значение долга, приятный и целесообразный, необыкновенной памяти, наделенный мирской мудростью, хорошо расположенный и легкодоступный, невозмутимый и не ликующий без причины, щедрый или бережливый по обстоятельствам, твердый в своей преданности гуру и Богу, исключительно разумный, он никогда не был скупцом или неразумным, праздным или невнимательным и знал свои и чужие слабости.

Опытный в писаниях, он сразу различал характеры и нравы, предлагал и принимал дары в подходящее время и с должной проницательностью, знал, как накапливать и раздавать богатства или как их беречь, умел наращивать и распределять доходы. В собраниях воинов и на других советах он занимал главенствующее положение и исполнял свой долг с выгодой для всех, наслаждаясь каждым деянием. Он умел достойно принять гостей, был блестящим ездоком верхом на коне или слоне, а также непревзойденным в мире лучником. В воинских состязаниях на колесницах, в рукопашной схватке или по желанию толпы он являл свое исключительное искусство, на поле битвы несущее поражение превосходящим числом сурам и асурам, объединившим свои силы! Всегда вне осуждений, он обуздывал свой гнев и гордыню и был чужд зависти; не было людей, непочтительных к нему или непослушных его решению. Таковы были выдающиеся достоинства этого знаменитого царевича в глазах всех людей, его почитали все три мира. Он жил долго, как сама земля, его разум соперничал с разумом Брихаспати, а доблесть не уступала доблести мужа Сачи (сноска 1, 159)! Сияющий подобно славному солнцу, Рама блистал добродетелями, благодаря которым все им дорожили, а отец находил свою единственную отраду. Этот воин, наделенный всеми достоинствами и неукротимым мужеством, был подобен правителю миров – земля жаждала своего Господа!

Видя, что сын наделен бесчисленными выдающимися качествами, царь Дашаратха, победитель своих врагов, задумался. Престарелый монарх на закате жизни сказал себе: “Почему бы Рама уже не править царством?” Неописуемая радость обуяла его, когда он сказал себе: “Когда же мне провести коронацию моего возлюбленного сына? Он сулит счастье и процветание всему живому; люди любят его даже больше чем меня; в мире он подобен второму Парджанье, насылающему дожди; он напоминает Яму и Шакру, а мудростью не уступает Брихаспати; он тверд как скала, в добродетели он превзошел меня! Увидев сына властелином земли, я до конца исполню свой долг и спокойно уйду на небеса!

Рама обладал бесконечными исключительными достоинствами, несвойственными другими царевичам, и Дашаратха, победитель своих врагов, видя это, стал обсуждать со своими советниками возведение Рамы на трон Айодхьи. Прозорливый монарх говорил о

страхе, вызванном неблагоприятными предзнаменованиями на земле и на небе и ссылаясь на свою старость и немощь. Он знал о любви подданных к Рама и его любви к ним. Его великодушный сын, чье прекрасное лицо напоминало полную луну, мог развеять все печали на сердце; поэтому, ради собственного счастья и счастья своих людей, добродетельный и заботливый монарх срочно созвал почтенных жителей города и страны. Правитель земли, он облачился в пышные одежды и, увидев их всех у себя во дворце, выразил им почтение, напоминая в эти мгновенья Праджapati в собрании богов.

В поспешности однако этот правитель людей не послал за государем Кекайи или царем Митхилы, сказав себе: “Они услышат эту новость!” Затем царь Дашаратха, разрушитель враждебных городов, вошел в зал собраний. Другие монархи, почитаемые своими подданными, также заняли приготовленные для них троны согласно этикету. Царь Дашаратха, окруженный царями со всех стран и городов, занявшими свои места в высоком собрании и преисполненными почтения к нему, сиял подобно тысячеглазому богу среди бессмертных.

Глава 2

Советники и старейшины охотно принимают Раму царем

Царь Дашаратха громко обратился ко всему собранию, и его звонкий голос был глубоким и напряженным, подобно удару гонга. Это был голос царственной особы, неподражаемой, спокойной и пронизательной. Царь обратился ко всем со словами, исполненными глубокого смысла, которые принесли радость их сердцам:

Вам хорошо известно, что эту огромную империю поддерживали мои предшественники, индры среди монархов, потомки династии Икшваку. Идя путем, проложенным моими предками, я все свои силы положил на защиту подданных, вопреки собственному счастью. Прошло шестьдесят тысяч лет моего царствования, тело мое состарилось, ослабло и ищет покоя. Бремя правления стало слишком тяжелым для меня, я чувствую утомленность. С одобрения собравшихся здесь туров среди дваждырожденных я надеюсь передать заботу о подданных своему старшему сыну и отдохнуть. Мой сын с рождения обладает всеми достоинствами, которые есть у меня. Равный Пурамдаре, Рама, разрушитель вражеских крепостей, подобен богу луны в соединении со звездой Пушья. Его, самого достойного из людей, я желаю завтра провозгласить Ювараджей (сноска 1, 161). Этот тур среди людей будет достойным правителем; он – старший брат Лакшманы, все три мира еще не видели более великого покровителя! Поэтому без лишних отлагательств я желаю передать бразды правления государством этому знаменитому царевичу; сын мой будет коронован, и все беспокойства покинут меня. Столь благоприятная мысль созрела у меня в ходе серьезных размышлений. Я ожидаю вашего одобрения, а также предложений наилучшего исполнения этого решения. Хотя приказ этот нравится мне таким, как я изложил его вам, в интересах государства обдумайте его и посмотрите, возможно ли что-либо еще.

В случае возражений будет принято мнение тех, кто беспристрастен! Присутствующие цари слушали царя Дашаратху с великим удовлетворением, и были подобны павлинам, которые своими криками приветствуют грозные тучи; поднялся радостный гул, вызванный их восторгом, подобный отдаленным раскатам грома, он заставил трепетать землю. Монарх, знавший свои обязанности и интересы людей, провозгласил свое решение, и тогда брахманы и старейшины главных городов и деревень собрались на совет и после обсуждения пришли ко всеобщему согласию.

О могущественный государь, – обратились они к царю Дашаратхе, – ты правил тысячи лет и теперь состарился. Поэтому сделай Раму своим преемником; мы жаждем увидеть доблестного потомка Рагху, знаменитого Раму восседающим верхом на огромном слоне, дабы лицо его прикрывал царский полог! Царь, желая постичь всю глубину их намерений, ответил:

Действуя согласно моему совету, вы выразили готовность видеть Раму на троне, и все же у меня остались некоторые сомнения; скажите откровенно, почему вы хотите короновать Раму? Я ошибался, или вы желаете видеть могущественного Раму на троне империи несмотря на мое справедливое управление землей?

Великодушные монархи и жители городов и стран отвечали:

Редки и бесчисленны добродетели твоего сына, о царь, и в этом собрании мы должны назвать все добрые и вдохновляющие таланты, которыми наделен Рама, подобный богу. Будь милостив, выслушай нас! Своими божественными качествами Рама равен Шакре, героизм – это его природа; среди всех потомков Икшваку он – самый знаменитый, о властелин людей! Рама – человек истины, он добродетельный и высшая в мире обитель благочестия. Праведность и процветание исходят из него! Он – радость для людей, он равен Чандре; терпеливый, как земля, мудростью он напоминает Брихаспати, а энергичностью – супруга Сачи! Сведущий в законе, утвердившийся в истине, приятного расположения, чуждый зависти, учтивый, мягкий, ценящий любое искреннее расположение, хозяин чувств, терпеливый, твердый в своих решениях, легкодоступный, чуждый ревности, со всеми доброжелательный и искренний, глубоко почитающий просвещенных, старших и брахманов – таков Рагхава! Все эти достоинства преумножают его могущество и непревзойденную славу.

Искусно владеющий оружием богов, асуров или людей, сведущий в духовной науке и практике, познавший отрасли знания, описанные в Ведах; старший брат Бхараты более остальных в мире искусен в музыке. Рама необычайно одаренный и добродетельный, в душе его нет места мелочности, он открыт всем благородным чувствам, будучи воспитанным брахманами, опытными в исполнении долга, целесообразности и искусствах; сопровождаемый сыном Сумитры, он никогда не покидает поля битвы, защищая деревню или город и не ищет в этом выгоды! На слоне или колеснице возвращаясь домой, он спрашивает о благополучии жителей, словно это его родственники, интересуется их детьми, женами, слугами, жертвоприношениями и их учениками. Он расспрашивает со всеми подробностями, словно отец – своего сына. “Ученики твои послушны?” – говорит он брахманам; “Все твои слуги обеспечены успехами?” – спрашивает он воинов; так обычно общается этот тур среди людей!

Сердце его полно сострадания к чужой боли, точно так же он радуется чужому счастью, словно отец в кругу своей семьи. Искренних речей, он искусный стрелок из лука, преисполненный почтения к старшим, владеет собой, говорит со сладкой улыбкой на устах, со всей душой исполняет свои обязанности, уверенно направляет ко всему, что несет благо, не ищет удовольствия в унижении других, красноречив, как Вачаспати; с чарующими бровями и медного оттенка глазами он напоминает Самого Вишну, Рама – это радость миров. Наделенный доблестью и силой, способный защитить людей, он никогда не позволяет, чтобы страсть завладела его чувствами; он достоин править тремя мирами, не только землей!

Ни гнев его, ни милость не изливаются напрасно, потому что он наказывает тех, кто заслуживает наказания, а невинные не трепещут перед ним в страхе; по доброй воле он приближает к себе тех, кто заслуживает похвалы. Благодаря своим возвышенным качествам Рама сияет славой подобно солнцу в ореоле лучей и помимо всего является совершенным защитником всех миров. Вселенная жаждет увидеть его своим повелителем. Рагхава, возлюбленное дитя, родился ради всеобщего процветания, и, счастливо наделенный всеми достоинствами, каким только может обладать достойный сын, он равен Кашьяпе, сыну Маричи. Сила, здоровье и жизненная энергия Рамы не имеет себе равных даже среди богов, асуров, людей, гандхарвов и урагов, и все жители этой империи великолепных городов прославляют те достоинства. Обитатели твоего дворца, жители города и всей страны, женщины, дети и старики день и ночь с преданностью молятся Богу за Раму. О великий монарх, прими нашу просьбу с благосклонностью! Мы хотим, чтобы ты возвел на трон Раму, цветом тела подобного голубому лотосу, одерживающего победы над врагами,

лучшего из сыновей! Твой сын равен Богу богов, этот царевич наделен всеми добродетелями, пусть же он станет нашим царем! Сделай это безотлагательно, с радостным сердцем, о великодушный государь.

Глава 3 Приготовления к коронации

Царь отвечал тем, кто молил его со сложенными ладонями, исполняя их желание:

Сегодня я обрел полноту счастья, удача моя безгранична, потому что вы хотите возвести на трон моего старшего сына! Почтив собрание такими словами, монарх тут же обратился к брахманам и Васиштхе с Вамадевой:

Сейчас благоприятный и священный месяц Чаитра, когда деревья покрываются цветами; О святые люди, пожалуйста, приготовьте все необходимое для коронации Рамы! Толпа с ликованием приветствовала эти слова и, когда шум постепенно затих, царь сказал Васиштхе, тигру среди аскетов:

О благословенный, проследи сегодня за приготовлениями к коронации Рамы!

Вняв словам защитника земли, Васиштха, знаменитый мунни, отдал приказы служителям, что стояли пред монархом со сложенными ладонями, и наказал им собрать золото и другие металлы, драгоценные камни, притирания, гирлянды из свежих цветов, травы, жареное зерно, молоко и масло, новые одежды, колесницу, все виды оружия, армию из четырех воинских соединений, слона, лишнего малейшего изъяна, с богатым паланкином, двойными опахалами из хвоста яка, обычный белый полог, сотни золотых сосудов, сияющих, как огонь, быков с позолоченными рогами, и целую тигровую шкуру. Все необходимое приготовьте к завтрашнему дню и положите в этой части дворца, в стороне от жертвенного огня. Шри Васиштха повелел им далее:

Украсьте все ворота дворца и города сандалом и гирляндами, зажгите благовония. Приготовьте достаточно сладкого превосходного риса с молоком и творогом для удовольствия сотен тысяч брахманов. С завтрашнего дня обеспечьте главных дваждырожденных превосходным маслом, йогуртом, жареным зерном и обильной милостыней.

С восходом солнца нужно будет провести церемонию свасти-вачана (сноска 1, 165) и собрать брахманов, приготовив для них места. Повсюду развесьте стяги, сделайте цветочные арки, главные улицы обрызгайте водой; пусть все певцы и музыканты нарядно оденутся. Во всех храмах и на алтарях должны быть готовы рис и милостыня. Гирлянды развесьте особенно красиво. Воины, вооруженные длинными копьями, с натянутыми луками и в новых одеждах должны с почетом вступить на царский двор! Двое аскетов, отдав приказания, остались пронаблюдать их исполнение, а потом вернулись к царю, повелителю мира, и сказали:

– Все готово!

Выслушав тех знаменитых аскетов, преисполненных радости, сияющий монарх обратился к Сумантре:

– Поскорее приведите сюда добродетельного Раму!

Повинуясь приказу, Сумантра, самый сведущий среди советников, привез Раму на огромной колеснице.

Царь Дашаратха, окруженный правителями земли, которые прибыли к его двору с востока, запада, севера и юга, арьяны и не арьяны, спустившиеся с холмов и вышедшие из лесов, напоминал Индру среди марутов! Из дворца Дашаратха увидел своего сына Рамачандру, шедшего подобно царю гандхарвов! Он не мог отвести взор от возлюбленного сына, славного своей добродетелью, огромной силой, могучерукого, с походкой опьяненного слона и лицом, прекрасным, как луна, невозмутимого, чарующего сердце каждого своей красотой, с достоинством Парджаньи, дарующего желанную прохладу тем, кто пылает в жару. Дашаратха наблюдал, как Рама вместе с Сумантрой приблизились ко дворцу,

Сумантра помог ему сойти с колесницы и последовал за ним, когда Рама со сложенными ладонями направился к отцу.

Потомок Рагху ступил во дворец, сиявший подобно вершине горы Кайлас, дабы вместе с Сумантрой подойти к государю. Со сложенными ладонями он распростерся пред отцом, произнес свое имя и с почтением коснувшись его стоп, а монарх, глядя на Раму, который, сложив ладони, лежал перед ним, взял его руки в свои, притянул к себе своего дорого сына и обнял. По приказу царя для Рагхавы принесли великолепный и сияющий трон, украшенный драгоценными камнями и золотом. Сияющий Рама еще более усилил его великолепие, подобно восходящему солнцу, рассеивающему туманы на горе Меру; своим присутствием он освятил все собрание, подобно луне, светом заливающей осеннее в звездах небо.

Увидев дорогого любимого сына, подобного его собственному отражению в зеркале, царь засиял радостью. Наисчастливейший из отцов, он обратился к нему, восседающему на великолепном троне, подобно Кашьяпе, обращавшемуся к Индре, царю богов:

О сын мой, ты – потомок благороднейшей из моих супруг, и ты достоин своей матери! Наделенный всеми добродетелями, ты самый любимый среди моих сыновей. Своей добродетелью ты завоевал любовь всех людей; поэтому под благоприятной звездой Пушья прими высшие бразды правления государством. Несомненно, ты обладаешь всеми необходимыми для этого достоинствами, но несмотря на это я даю тебе совет ради твоего блага.

Будь свободен от влияния любви и гнева, на людях и в уединении. Вместе со своими министрами до краев заполните амбары и сараи подданных, дабы они любили вас. Если царь правит государством в благополучии и пользуясь любовью своих людей, он приносит радость друзьям, подобно нектару бессмертия, возрадовавшему богов. Поэтому, о дитя мое, веди себя, полностью обуздав свой ум.

Выслушав речь монарха, друзья Рамы поспешили рассказать Каушалье о случившемся, и царица, преисполнившись радости, приказала одарить посланцев золотом, коровами и всякими драгоценностями за столь счастливое известие.

Покинув царя, Рагхава снова сел в колесницу и, провожаемый толпой, вернулся в свой роскошный дворец. Жители, услышав речь царя и видя, что исполнилось из заветное желание, проводили Индру среди людей и, ликуя, вернулись в свои дома, чтобы выразить благодарность и почтение богам.

Глава 4

Рама посещает мать, царицу Каушалью

Когда горожане откланялись, царь снова обратился к советникам с благоразумным решением:

Завтра под звездой Пушья состоится посвящение моего сына; Рама, чьи глаза огромны, как лепестки лотоса, станет царем.

С такими словами Дашаратха удалился в свои покои и повелел своему возникшему Сумантре сходить и снова пригласить Раму. Сумантра тут же отправился исполнить царскую волю и, когда стражник сообщил о приходе Сумантры, Рама почувствовал озабоченность и повелел безотлагательно впустить его.

Что привело тебя ко мне? – обратился к нему Рама. – Скажи все, не скрывая.

Царь желает видеть тебя, – отвечал Сумантра, – сейчас ты узнаешь его волю; поступай согласно истине!

Рама поспешил во дворец увидеть монарха, и Дашаратха, услышав о приходе Рамы, сразу велел его принять, желая поведать ему что-то особенно приятное. Удачливый Рама вошел во дворец и, издали увидев царя, распростерся перед ним в поклоне со сложенными ладонями. Монарх поднял его, предложил сесть и сказал:

О Рама, я дожил до старости и правил долго, вкусив всех радостей жизни. По собственной воле я провел сотни жертвоприношений, щедро раздавал рис и милостыню. О не имеющий равных на земле, в твоём лице я обрел наследника, которого страстно желал, о лучший среди людей; я проводил жертвоприношения и изучал Веды, и все мои начинания венчались успехом. Из уважения к богам я вел себя безукоризненно (сноска 1, 168), и я вижу, это приблизило нынешний день, когда ты принимаешь трон. Ты должен исполнить то, о чем я хочу попросить тебя. Все мои подданные надеются завтра увидеть тебя увенчанным короной. Я также жажду короновать тебя, как своего преемника, о дорогое дитя! И все же, о Рама, устрашающие сны пригрезились мне этой ночью: разразилась страшная буря, небеса содрогались от ударов грома и извергали метеоры! Потом, о Рама, звезда, под которой я родился, оказалась во власти страшных планет, таких как Солнце, Марс и Рагху; сведущие астрологи сказали, что это зловещее предзнаменование пророчит смерть царя или ужасное бедствие. Посему я желаю видеть тебя коронованным, о Рагхава, дабы чувства мои и ум обрели покой! Сегодня луна вошла в положение Пунарвасу и вслед за нею взойдет звезда Пушья. Астрологи провозгласили, что завтра начнется стояние звезды Пушья, и под этой звездой я желаю возвести тебя на трон, как моего преемника. Завтра я провозглашу тебя регентом, о победитель врагов. Поэтому теперь иди и вместе со своей юной супругой проведи ночь постясь, возлежа на ложе из травы дурба. Пусть друзья следят за тобой каждое мгновение вплоть до завтрашнего дня, подобное событие может возыметь множество препятствий. Пока Бхараты нет в городе, я думаю, благоприятно начать церемонию. Несомненно, брат твой исполнен добродетели и почителен к тебе, своему старшему брату, владеющему чувствами, и все же ум человека непостоянен и неустойчив, по-моему, и даже воистину добродетельные могут иногда поступить неожиданно, о Рагхава!

Отпуская Раму, отец сказал:

Завтра ты будешь возведен на трон, а теперь иди! Рама, поклонившись, вернулся к себе. Обсудив с отцом свою коронацию, он сразу направился к матери во внутренние покои. Он увидел ее облаченной в шелковые одеяния и распростертой в храме богов в молчаливой молитве за него; там же он нашел Сумитру, Лакшмана и Ситу, которые стали спрашивать его о коронации.

В то время поодаль от Сумитры, Лакшмана и Ситы, зная о коронации сына под звездой Пушья, Каушалья с закрытыми глазами медитировала на Господа Нараяну, задержав дыхание. Она была погружена в молитву, когда Рама подошел и обратился к ней с словами, преумножившими ее счастье:

Возлюбленная мать, отец мой поручил мне защиту людей; завтра состоится моя коронация, такова его воля. Эту ночь я проведу с Ситой в посте, как велят мои духовные наставники, а также отец. Сегодня нужно позаботиться о благе царевны Ситы и моем, дабы завтрашняя церемония состоялась!

Услышав об исполнении давно лелеемого желания, Каушалья со слезами радости на глазах отвечала сыну:

О мой возлюбленный Рама, живи долго и повергай своих врагов! Будь счастлив и даруй радость своим близким. Несомненно, я дала тебе жизнь под благословенной звездой, о мой дорогой сын, твои бесчисленные добродетели радуют твоего отца Дашаратху. Моя преданность лотосоокому Господу была не напрасной; процветание царства Икшваку – в тебе одном!

Рама улыбнулся брату и увидел, что тот кланяется ему со сложенными ладонями.

О Лакшмана, – сказал он, – вместе со мной правь землей! Ты – мое второе “я”, и мое счастье зависит от тебя. О сын Сумитры, вкуси желанных наслаждений и плодов царствования. Я ценю жизнь и трон только разделив их с тобой!

Сказав это Лакшману, Рама поклонился ему и покинул всех, вместе с Ситой вернувшись в свои покои.

Глава 5

Мудрец Васиштха посещает Раму

Царь, предупредив Раму о завтрашней коронации, позвал к себе Васиштху, своего духовного учителя, и сказал ему:

О верный религиозным обрядам, пойдя к Какутстхе и его юной супруге и посоветуй им принять на себя пост, чтобы подготовиться к благоприятному вступлению на престол!

Быть тому! – отвечал счастливому монарху Васиштха, лучший среди толкователей Вед, и отправился к Рама. Аскет, приверженный своим обетам, взошел на превосходную колесницу и поехал к тому воину, сведущему в мантрах, известных также и ему, дабы посоветовать ему держать пост. Достигнув обители Рамы, напоминавшей огромное белое облако, знаменитый муни на колеснице миновал три ряда ограждений. Узнав о приходе Васиштхи, Рама поспешил навстречу выразить почтение. Быстрым шагом он приблизился к колеснице и помог мудрецу сойти, подав руку, затем священнослужитель, отметив про себя оказанное уважение, обратился к Рама со сладкими речами, которых тот был достоин и которые доставили ему радость:

Твой возлюбленный отец, о Рама, желает, чтобы ты вместе с Ситой принял на себя пост до коронации. Завтра ты будешь провозглашен царем, отец одарит тебя радостью, подобно Нахуше, благословившему Яяти.

Так сказал чистый и святой аскет, сведущий в традиционных мантрах, наставив Раму и Вайдехи относительно поста. Потом духовный наставник царя, приняв знаки почтения от Рамы, потомка Какутстхи, покинул его и отправился к себе. Рама еще некоторое время пробыл с друзьями, которые развлекали и почитали его, после чего удалился в свои покои, простившись со всеми.

Обитель Рамы была полна веселых мужчин и женщин и напоминала озеро, поросшее лотосами и часто посещаемое многочисленными счастливыми птицами.

Васиштха, покинув обитель Рамы, подобную дворцу, увидел, что дорога, ведущая к нему, полна людей. Все улицы Айодхьи оказались слишком узкими для теснившихся толп, повсюду с нетерпением ожидающих завтрашнего празднества. Радостный гул стоял на улицах, напоминая ревящее море. Вся столица была чисто выметена, полита водой и украшена гирляндами, на домах красовались цветущие ветки, развевались флаги и стяги. Мужчины и женщины, дети и старики – все с волнением ожидали утренней зари, когда они станут свидетелями священной церемонии, сулившей им счастье.

Священник Васиштха, с трудом пробравшись сквозь толпы, заполонившие дорогу, вошел во дворец, напоминавший вершину белого облака, и обратился к царю, как Брихаспати обращался к Шакре.

Увидев вернувшегося Васиштху, монарх сошел с трона и стал расспрашивать о беседе с Рамой, на что аскет ответил:

Я исполнил твою просьбу!

В этот момент все присутствующие на собрании поднялись со своих мест, отдавая дань почтения Пурохите.

С позволения гуру царь распустил совет и удалился в свои покои, подобно льву, входящему в пещеру. Там было множество пышно одетых женщин, словно во дворце Махендры, и государь появился среди них, напоминая бога луны среди звезд, усеявших небосвод.

Глава 6

Радость жителей Айодхьи

Как только Васиштха ушел, Рамачандра и его большеглазая супруга совершили омоение и с кроткими сердцами начали поклоняться Господу Нараяне. По традиции принеся на голове сосуд с жидким топленным маслом, Рама вылил очищенное масло в жертвенный

огонь и выпил остаток во имя грядущего блага, затем, прочитав молитвы Господу Нараяне, возлег рядом с царевной Видехи на подстилке из травы куша. Храня молчание и полностью владея своими чувствами, сын лучшего среди людей уснул в древнем храме Вишну.

На исходе ночи он поднялся, повелев начинать украшать его обитель, и скоро услышал радостное пение птиц, певцов и поэтов. С первыми лучами солнца он с глубокой сосредоточенностью исполнил свои религиозные ритуалы и, облаченный в безупречное плотняное одеяние, со склоненной головой совершил поклонение Мадхусудане, повелев дваждырожденным читать Молитву Мира и другие молитвы. Голоса тех людей, звучащие глубоко и слаженно в сопровождении музыкальных инструментов, наполнили Айодхью.

Народ возликовал, услышав, что Рагхава постился вместе с царевной Видехи. Все знали о предстоящей коронации и ждали, когда ночь уступит место рассвету, дабы начать украшать город.

На белых храмах, сверкающих, как груды облаков, на величественных домах, монументах и террасах, на торговых прилавках, ломящихся от товаров, на домах почтенных семей, залах собраний и на всех высоких деревьях развевались разноцветные флаги и знамена. Труппы актеров и музыкантов развлекали народ сладкими песнями, подыгрывая себе на музыкальных инструментах. На базарах, в домах и на улицах только и говорили о предстоящей коронации, даже дети в своих играх болтали о том, что скоро Шри Рама станет царем.

В честь предстоящего события дороги, устланные цветами и благоухающие курящимися благовониями и фимиамами, освещались огромными, как деревья, факелами, дабы с наступлением ночи все могли насладиться зрелищем.

Украсив город, жители в ожидании воззвания собирались на перекрестках и других местах собраний, обсуждая и прославляя царя:

Несомненно, царь, радость династии Икшваку, – великая душа!

Чувствуя, что стареет, он решил назначить Раму своим преемником! Мы очень удачливы, раз Рама, столь сведущий в законе кармы, станет править нами и будет защищать землю еще много-много лет. Лишенный гордыни, знающий, добродетельный, любимый своими братьями и отвечающий им такой же глубокой любовью – таков Рагхава. Долгой жизни этому безгрешному и безупречному монарху Дашаратхе, по чьей милости мы увидим сегодня Раму на троне!

Таковы были речи жителей города, нечаянно услышанные чужеземцами, которые во множестве поспешили сюда со всех уголков страны, заслышав о приготовлениях к великому празднику, и заполнили Айодхью.

Огромные толпы, гудевшие подобно бурлящим водам океана в день прилива, сделали город похожим на обитель Индры, все жители царства хотели принять участие в коронации, их гул был подобен грому и напоминал волны, в которых играют морские чудовища.

Глава 7

Горбунья Мантхара сообщает царице Кайкейе о приготовлениях к коронации Рамы

Царица Кайкейи имела служанку, которая сопровождала ее из родительского дома и была ее постоянной спутницей; звали ее Мантхара. Поднявшись на дворцовый балкон, напоминавший полную луну, она увидела, что столица Айодхья сияет гирляндами лотосов, главные улицы политы водой. Красочные стяги и знамена развевались под крышами высоких домов, дороги были выровнены и полны людей; почтенные брахманы с букетами цветов и сладостями в руках издавали возгласы радости; двери храмов были ярко освещены, звучали все музыкальные инструменты; народ теснился в радостной толпе, со всех

сторон раздавались речитативы Вед; играя, гарцевали превосходные слоны и кони, мычание коров и быков слилось в единый гул.

Увидев Айодхью в убранстве гирлянд и флагов, глядя на ее ликующих жителей, Мантхара крайне удивилась и, увидев кормилицу Рамы, одетую в белое полотно, с огромными от радости глазами, она спросила:

Почему мать Рамы так щедро раздает сегодня милостыню? Почему весь народ ликует от радости? Скажи мне, что сделало царя таким счастливым? Счастливая кормилица рассказала горбунье об оказанной Рагхаве высокой чести:

Завтра, когда взойдет звезда Пушья, царь Дашаратха возведет на трон Раму, потомка Рагху, этого безупречного царевича, обуздавшего гнев, он унаследует царство!

Лишь та ушла, горбунья поторопилась спуститься с балкона, который напоминал вершину горы Кайлас. Охваченная гневом Мантхара, одержимая злобой, вошла в спальню Кайкеи и, подойдя к ней, сказала:

Поднимись, о обманутая, почему ты спишь? Величайшая опасность нависла над тобой, неужели ты не понимаешь? О несчастная, твоя благая удача ускользает от тебя подобно реке, пересыхающей в летнюю жару!

Кайкеи глубоко обеспокоилась, услышав яростную тираду горбунии, которая в злобе задумала коварный план.

Что случилось, Мантхара? Почему я вижу тебя такой удрученной, в великом горе?

В ответ на мягкий тон царицы, хитрая Мантхара под видом заботы о Кайкеи стала усиливать ее беспокойство и пробуждать в ее сердце враждебность к Рагхаве.

О знаменитая царица, – сказала она, – близится твоя гибель; царь

Дашаратха хочет провозгласить Раму наследником престола! Я охвачена бесконечным страхом и горем, я сгораю в огне беспокойства и потому поспешила найти тебя! О Кайкеи, твоя неудача ввергает меня в бездну печали; несомненно, твое благополучие – это и мое благополучие! Рожденная в царской династии, ты являешься супругой царя; неужели ты не сознаешь привилегий царицы? Твой муж говорит с тобой красиво, но он хитер, слова его подобны меду, но поступает он неискренне! Твоя бесхитрость не позволяет тебе различить его двуличие! Он ласкает тебя, но сегодня он показал свое истинное отношение к Каушалю! Коварный, он отослал Бхарату к родственникам, чтобы в его отсутствие без помех возвести на престол Раму. Это твой враг в облике мужа, и с материнской нежностью ты пригрела змею на своей груди. Царь Дашаратха сегодня отверг тебя и твоего сына, словно врага или змею. Ласки этого негодяя обманчивы, потому что сегодня он разрушил твое счастье, возведя Раму на трон, о Кайкеи, до сих пор привыкшая быть счастливой! О недоверчивая, скорее предприми что-нибудь ради своего блага, ради спасения своего сына, себя и меня!

Слова Мантхары заставили прекрасную ликом Кайкеи подняться со своего ложа. Она была полна радости, словно прибывающая осенняя луна, в счастливом изумлении одарила горбунию чудесным драгоценным камнем и весело сказала:

Что ты говоришь, о Мантхара, как ты обрадовала меня! Это лучшая из новостей! Что я могу сделать для тебя? Я не вижу разницы между Рамой и Бхаратой, и счастлива, что Рама будет править миром. Ни одно известие не было бы для меня столь приятным, ты заслуживаешь всех благ. Слова твои подобны нектару, поэтому скажи, чего бы ты хотела, я с радостью награжу тебя!

Глава 8

Мантхара убеждает царицу в том, что Бхарата должен стать царем, а Рама – изгнанником

Мантхара яростно и разочарованно отшвырнула от себя подарок и сказала:

Как ты можешь радоваться, о бесчувственная? Ты не сознаешь нависшей над тобой великой опасности? С глубоким страданием, о царица, я вижу твою радость, когда тебе

следовало бы скорбеть. Я сожалею о твоей простоте; какая женщина будет радоваться возвышению врага ее сына, словно триумфу смерти? Бхарата станет для Рамы источником страха в его стремлении к царскому успеху; эта мысль приводит меня в сильное беспокойство, потому что страх порождает тех, кто боится. Могучерукий Лакшмана целиком предан Раме; с другой стороны, Шатругхна питает к Бхарате такие же чувства, как Лакшмана – к Какутстхе! Бхарата с рождения имеет право на трон, о прекрасная царица, но он и Шатругхна, как младшие, остались в стороне. Это опасение Рамы, столь сведущего в воинском долге и умеющего воспользоваться моментом, очень беспокоит меня, я думаю о твоём сыне. Удачливая Каушалья, чей сын завтра под звездой Пушья унаследует престол знаменитого дваждырожденного, достигла вершины успеха, в великой радости она избавится от своих соперниц; ты станешь ее служанкой, рабой, и будешь выражать ей почтение, сложив ладони. Несомненно, ты станешь ее служанкой, как и все мы, а твой сын будет служить Раме. Все женщины из окружения Рамы будут счастливы, зато твоя сноха будет проливать слезы о потерях Бхараты.

Выслушав Мантхару, охваченную великой печалью, Кайкеи стала прославлять добродетели Рамы:

Сведущий в законе, набожный, уравновешенный, милостивый, верный и безгрешный Рама, старший сын царя, достоин помощи в управлении государством! Всю свою жизнь – пусть она будет долгой – он будет покровительствовать своим братьям и слугам, словно отец, поэтому зачем ты скорбишь, о Кубиджа (сноска 1, 177), узнав о коронации Рамы?

Через сто лет Бхарата, тур среди людей, несомненно, сменит Раму на троне отца, принадлежащем его предкам. Почему накануне церемонии, которая всем нам сулит благую удачу, ты предаешься печали, о Мантхара? Бхарата достоин почитания, но Рагхава еще более заслуживает его, и Каушалья оказывает мне величайшее уважение. Если Рама станет царем, Бхарата тоже будет царствовать, потому что Рама относится к братьям как к равным.

Эти слова Кайкеи причинили Мантхаре ужасную боль, издав долгий и глубокий вздох, она отвечала:

В своей глупости ты не видишь истины и не понимаешь происходящего, потому что в действительности погружена в океан печали и трудностей. Рама станет царем и его сын сменит его на троне. Его династия будет только презирать Бхарату. Без сомнения, не все сыновья царя получают трон, о прекрасная. Что плохого, если бы ты правила? Цари передают свои троны и царские привилегии старшему сыну, какими бы добродетелями ни обладали остальные, о царица безупречной красоты! Поэтому твой сын полностью лишится царских привилегий, подобно отвергнутому, дорогая моя. Я пришла сюда ради твоего блага, но ты не понимаешь меня и еще думаешь наградить по случаю успеха соперника! Несомненно, Рама вступит на престол без помех, сошлет Бхарату или приготовит его к смерти! Пока Бхарата юн, ты отослала его к своему брату; люди тянутся друг к другу, словно растения, и потому Шатругхна связал свою судьбу с Бхаратой, а Лакшмана – с Рамой. Говорят, что дерево, которое лесники выбрали для повала, спасают колючие кустарники, что плотным кольцом поросли вокруг него. Таким образом сын Сумитры защищает Раму, точно так же как Рагхава покровительствует Лакшману; своей любовью друг к другу они известным всему миру и напоминают Ашвинов. Поэтому Рама не обидит Лакшмана. Зато Бхарату он без сомнения будет притеснять, заставит покинуть дворец и уйти в лес, это вернее всего. Ты обеспечишь счастье своей семьи, и Бхарата законно унаследует трон. Твой юный сын, привыкший к удаче, – соперник Раме, как он будет жить нищим в доме того, кто наслаждается процветанием? Спаси Бхарату от притеснений Рамы, он подобен слону, на которого лев напал в лесу! Мать Рамы, твоя соперница, будет враждебна к тебе, поскольку прежде ты усмирила ее гордыню перед царем. Разве может быть иначе? Когда Рама станет правителем земли со всеми ее морями и высокими горами, о прекрасная и неудачливая царица, ты и Бхарата будете очень несчастны. Поверь, если Рама взой-

дет на престол, Бхарата погибнет, поэтому сделай все, чтобы Рама был изгнан, а Бхарата получил трон.

Глава 9

Царица Кайкейи входит в залу гнева

Царица Кайкейи слушала Мантхару, и лицо ее покраснело от гнева, с глубоким вздохом она сказала:

Я сделаю все, чтобы Раму немедленно сослали в лес, а Бхарату возвели на трон! Но ты должна подумать, как это сделать.

Лишь царица сказала это, как Мантхара со злобой на лице, одержимая идеей погубить Раму, прошептала Кайкейи:

Слушай меня, о Кайкейи, и я объясню, как сын твой Бхарата обретет трон, а Рама уйдет в лес. Ты забыла, Кайкейи, напряги память, или ты желаешь сокрыть, что прежде было сказано тебе на благо? Если ты хочешь услышать это из моих уст, о прекрасная, тогда слушай, я повторю это тебе, а услышав, принимай решение.

Кайкейи, приподнявшись с роскошной постели, сказала:

Скорее подскажи мне, как Бхарата может занять трон, а Рама уйти в изгнание, о Мантхара!

Когда-то в битве между богами и асурами, – начала злобная

Мантхара, жаждавшая низвергнуть Раму, – твой супруг в сопровождении царских риши отправился на помощь богам и взял тебя с собой. На юге, о Кайкейи, близ леса Дандака есть известный город Вайджаянта, которым правит монарх по имени Тимидваджа (сноска 1, 179).

Могущественный асура по имени Шамбара, владеющий сотнями магических трюков, принимал участие в битве с Шакрой и сонмами богов. В той страшной битве на раненных воинов ночью напали ракшасы и принялись их истреблять.

Царь Дашаратха с пылом вступил в сражение и, непобедимый герой, был пронзен стрелами асуров. И тогда ты, о божественная царица, вынесла супруга, потерявшего сознание, с поля битвы и тем самым спасла ему жизнь. В благодарность он пообещал тебе два благословения, о прекрасная, и ты отвечала: “Я скажу тебе о них, когда наступит время, и ты их немедленно исполнишь, о мой господин!” “Быть тому!” – отвечал тебе великодушный герой. Я не знала об этом, но ты сама впоследствии рассказала мне этот случай, и я сохранила его в своем сердце. Теперь потребуй остановить приготовления к коронации Рамы и проси супруга об исполнении двух желаний – коронации Бхараты и изгнании Рамы на четырнадцать лет! За это время люди проникнутся любовью к твоему сыну и власть его укрепит. Сегодня же войди в Залу Гнева, о дочь Ашвапати, и, бросившись на голую землю в испачканной одежде, не поднимай глаз на царя и не говори с ним, но в его присутствии лежи на голой земле, продолжая рыдать в горе. Ты всегда была дорога своему господину, в том нет сомнений; ради тебя великий монарх войдет в огонь; он не станет возражать тебе, дабы сделать тебе приятное, царь пожертвует жизнью. Он ни в чем не может тебе отказать; узнай могущество своих чар! Он станет предлагать тебе драгоценности, камни, золото и жемчуга, но отвергни их. Напомни ему о двух благословениях, которые он обещал тебе в битве между девами и асурами, о удачливая царица, и не забудь о своем намерении! Когда государь, потомок Рагху поднимет тебя, пообещав исполнить все, что ты хочешь, скажи ему:

“Пусть Рама на четырнадцать лет уйдет в лес, а Бхарата унаследует престол, о тур среди царей!” По истечении четырнадцати лет, что Рама проведет в лесу, твой сын завоеует любовь народа и утвердится на троне. Настаивай на изгнании Рамы, о прекрасная царица, это в интересах твоего сына. В изгнании Рама не сможет более поддерживать привязанность к себе в сердцах людей, тогда как Бхарата, избавившись от соперника, вкусит высшей власти. Когда наступит время Раме возвращаться из леса, твой сын утвердится,

правя государством и за его пределами, и завоюет любовь людей; он увидит себя в кругу друзей, хозяином своей судьбы. На мой взгляд, пробил твой час! Без тени волнения заставь царя переменить решение короновать Раму.

Кайкейи, убежденная в столь зловещем замысле, сулящем ей удачу, с радостью вступила в сговор с Мантхарой, чьи слова увели ее, подобно жеребенка, с пути истины. Прекрасная царица, полная восхищения перед горбуньей, сказала:

О лучшая среди советниц, я не стану пренебрегать твоими словами. В этом мире тебе нет равных в настойчивости и разуме. Ты говоришь мне во благо, я и не предполагала об истинных намерениях монарха. Большинство калек отвратительны, но ты подобна лотосу, склоненному ветром и приятному взору. Ты кажешься стройной, словно исчезла робость, стеснявшая твою грудь.

Твои бедра и груди налиты и лицом ты подобна безукоризненной речной лилии – так ты прекрасна, о Мантхара! Твой безупречный стан перетянут поясом, у тебя сильные ноги, а стопы большие с крепкими лодыжками. О Мантхара, одетая в полотно, войдя ко мне, ты сияла, о любимая, твое сердце полно магии, подобно той, что обладает Шамбара, повелитель асуров, и даже больше. Великолепный горб, высокий, как колесо воинской колесницы, исполнен красоты и ловкости всего сословия воинов и кажется проявлением волшебства. О Кубиджа, я дам тебе корону, когда Бхарата вступит на трон, а Рама уйдет в лес; она сделана из чистейшего золота, о прекрасная. Достигнув желанной цели, я разотру твой горб сандаловой пастой и золотом нанесу изумительную тилаку (сноска 1, 181) у тебя над бровями! Я наряжу тебя в прекрасные драгоценности и вышитые одежды, ты станешь подобна богине. Твое лицо соперничает с луной, никто не сравнится с тобой; ты всюду будешь первой, затмив своих сестер. О лучшая из горбуний, сверкающая драгоценностями, за свой совет ты непременно обретешь все блага.

Льстивая Мантхара отвечала Кайкейи, возлежавшей на роскошном ложе, подобно пламени, горящему на алтаре:

О удачливая, нет смысла предаваться мечтам, когда вода убегает, поэтому поднимись и исполни задуманное; предстань пред царем!

Большеглазая царица вместе с Мантхарой направилась в Залу Гнева. Опыаненная гордостью прекрасная царица сняла с шеи ожерелье из сотен жемчугов и великолепные, редкие драгоценные камни. После этого златокожая Кайкейи, послушная Мантхаре, легла наземь и сказал:

О Кубиджа, сообщи царю, что я здесь, и что я готова расстаться с жизнью, пока Рама не будет изгнан в лес, а Бхарата не получит царство; мне не нужно золото, драгоценности или пиршества; если Рама вступит на трон, я умру!

Горбунья еще раз усердно наставила царицу относительно интересов ее сына Бхараты и свержения Рама:

Если Рагхава получит империю, ты и твой сын будете страдать, и потому, о прекрасная царица, не пренебрегай ничем, что поможет твоему сыну Бхарате стать царем!

Царица, подстрекаемая горбуньей, возложила руки себе на грудь и в сильном волнении, снова и снова настаивая, словно это было ее собственное желание, воскликнула:

Передай царю известие о моей смерти или дай мне знать, что Рама изгнан в лес и исполнилось мое желание относительно Бхараты! Я не желаю ни ковров, ни корон, ни сандаловой пасты, ни притираний, ни питья, ни еды – ничего! Мне не нужна сама жизнь, если Рагхава не уйдет в лес!

Произнеся эти ужасные слова и сорвав с себя все украшения, разгневанная, она лежала на голой земле (сноска 1, 182), словно низвергнутая киннари. Лицо ее потемнело от истового гнева, без гирлянд и драгоценных камней, бросившая вызов, царица напоминала небеса, лишившиеся звезд.

Глава 10

Царь Дашаратха разыскивает царицу Кайкейи

Подстрекаемая Мантхарой, Кайкейи, подобная киннари, продолжала кататься по земле, словно раненная ядовитой стрелой, и, обдумывая, что ей дальше делать. Под впечатлением слов Мантхары царица в негодовании издавала, словно змея, горячие вздохи и мечтала о своей благой удаче.

Мантхара, твердая в своих намерениях, ликовала, воображая, что уже достигла желанной цели, пока царица, охваченная завистью и настаивая на своем, лежала на полу Залы Гнева, разорвав свои любимые гирлянды и драгоценные украшения, которые теперь украшали землю, словно звезды на небе. Катаясь по полу в Зале Гнева в испачканных одеждах, с волосами, спутавшимися в одну косу, она напоминала нимфу, упавшую с небес.

Тем временем царь, отдав необходимые распоряжения относительно коронации Рамы и завершив все приготовления к церемонии, вернулся во дворец. «Пусть коронация состоится сегодня, Кайкейи еще не знает об этом», – думал он, входя в пышные покои Кайкейи, подобно богу Луны, который под влиянием Рагху плывет в небесах среди белых облаков.

Дворец этот был полон попугаев и павлинов, крики журавлей и лебедей сливались со звуками музыкальных инструментов, туда-сюда ходили горбунии и карлы. Виднелись прекрасные беседки из лиан и вьюнов, арки из магнолий и деревьев ашока, чьи ветви склонились под тяжестью плодов; цветы и живописные пруды с их щедро украшенными словной костью, золотом и серебром скамейками делали это место еще прекраснее; повсюду ожидали рис и разнообразные напитки для утоления жажды; воистину, со всеми украшениями все здесь напоминало рай.

Войдя в восхитительные внутренние покои, царь не увидел на ложе царицы и принялся повсюду искать и звать ее. Никогда прежде Кайкейи не пропускала такого часа, никогда еще монарх не находил покои пустыми. Не подозревая о коварном замысле бесщедочной царицы, Дашаратха, желая найти ее, спросил стражника, который отвечал со сложенными ладонями и дрожа:

Господин, в крайнем возбуждении царица вошла в Залу Гнева.

От этих слов сердце государя затрепетало, острая боль пронзила его, он разволновался и поспешил в Залу Гнева. Старый монарх увидел Кайкейи лежащей на полу в совсем неподходящем виде и очень расстроился.

Безгрешный государь, видя злобную Кайкейи, всегда нежную свою супругу, которую он любил больше жизни, лежащей на полу, словно сорванная лиана, низвергнутая с небес богиня или нимфа, словно исчезнувший мираж или пленный молодой олень. В эти минуты Дашаратха напоминал великого слона, увидевшего в диком лесу слониху, раненную ядовитой стрелой охотника и охваченного горем. Собственными руками он обласкал эту женщину, чьи глаза были огромны, как лепестки лотоса, и сказал:

О деви, почему ты в печали, кто оскорбил тебя? Скажи мне! Что вызвало твой гнев, о добродетельная царица, почему ты лежишь в пыли? Почему ты на земле, когда всего происходит согласно моей воле? Тобой завладел злой дух, и сердце мое обеспокоено. У меня есть много знаменитых лекарей, которые видели от меня много милости, они излечат тебя. Скажи, что волнует тебя, о любимая. Одарила ли ты кого-то своей благосклонностью или кто-то вызвал твое неудовольствие? Кого я должен наградить сегодня или наказывать? Не плачь, не расстраивай себя, о царица! Или я наказал невинного, или помиловал злого негодяя, я ни в чем не могу тебе отказать. Нужно одарить богатствами нищего или наоборот, лишить богатства богатого? Ты можешь располагать мной и моими родными, я ни в чем не могу тебе отказать, ты должна стать счастливой даже если это будет стоить мне жизни. Скажи мне, что у тебя на сердце, ты знаешь о моей глубокой любви к тебе, поэтому ты должна доверять мне. Я сделаю все, что ты пожелаешь, клянусь тебе всеми своими заслугами.

Царство мое велико, как далеко солнце; дравиды, синдху, саувиры, соураштры, дакшинатхи, банги, анги, манадхи, катсьясы, процветающие каши и кошалы – все это мои

подданные, живущие в процветании, обладающие несметными богатствами, золотом и стадами. О Кайкейи, скажи, что принесет тебе радость, что печалит тебя, о застенчивая и прекрасная царица? Поднимись, поднимись, чего ты боишься, скажи мне правду, о царица. Я рассею твою печаль, как солнце разгоняет утренний туман!

Ободренная такими речами, Кайкейи отвечала царю, еще больше показывая свою обиду и мучая супруга.

Глава 11 Кайкейи требует благословений, обещанных царем

Царь, пронзенный стрелой бога любви и покоренный страстью к Кайкейи, услышал ее жестокий ответ:

Меня никто не оскорбил, о царь, и не выражал почтения, но у меня есть желание, и я хочу, чтобы ты его исполнил. Однако прежде дай слово, и тогда я раскрою его тебе.

Великодушный монарх с мягкой улыбкой отвечал возлюбленной Кайкейи, глядя ее по голове и волосами, пока она лежала на земле:

Глупая, разве ты не понимаешь, что никто кроме Рамы, этого тигра среди людей, не дорог мне так, как ты? Непобедимым, лучшим среди людей, великодушным Рагхавой, который является самой моей жизнью, я заклинаю тебя, поведай, что томит твое сердце! Не видя его даже мгновенье, я не в силах жить; поэтому именем Рамы, о Кайкейи, я призываю тебя говорить. Именем Рамы, этого тура среди людей, которого я люблю более, чем себя самого и всех своих сыновей, о Кайкейи, я прошу тебя, говори! О царица, сжался надо мной и освободи от печали, в которую повергла меня; скажи, чего ты хочешь.

Подумай о власти, которой я обладаю и не медли; Я исполню все, что доставит тебе удовольствие, клянусь всеми своими достижениями!

Одержимая царица, почувствовав, что подходящий момент настал, с пылом и радостью произнесла свои жестокие слова. Радуюсь речам монарха, она раскрыла ему свой ужасный план, который прозвучал для Дашаратхи смертельным приговором.

Снова и снова ты клянешься исполнить мое желание! Пусть боги во главе с Индрой, луна, солнце, пространства и планеты, ночь и день, четыре стороны света, земной мир, гандхарвы и ракшасы, ночные бродяги, бхуты, обитатели каждого дома и остальные живые существа станут свидетелями обета этого знаменитого государя, верного своему долгу, справедливого и святого! Он пообещал исполнить мое желание. Я призываю богов в свидетели!

Польщенная великим лучником царица обратила к щедрому правителю, ослепленному страстью значительную речь:

О царь, ты помнишь битву между девами и асурами, когда враг сразил тебя и ты упал без сознания? В тот роковой час я спасла тебя, о царь, и в благодарность за мою заботу ты пообещал два благословения. О великий царь, радость династии Рагху, теперь настало время дать обещанное. Если ты не исполнишь моих законных просьб, я скорее расстанусь с жизнью, чем перенесу это оскорбление!

Царь, очарованный словами Кайкейи, оказался в губительной ловушке, словно газель, и царица обратилась с постыдными словами к этому щедрому монарху, опьяненному страстью:

Ты даровал мне два благословения, ты обещал, о великий царь.

Услышь же, чего я желаю. Ты готовишься к коронации Рагхавы, так пусть же церемонию проведут для моего сына Бхараты! Настало для тебя время исполнить и второе благословение, которое ты из любви даровал мне во время войны между девами и асурами, о царь! Пусть безгрешный Рама, облачившись в древесную кору, совершает аскезы в лесу Дандака в течение четырнадцати лет. Сегодня Бхарата без помех станет царем – вот выбранное мной благословение, и позволь мне в этот же день помочь Раме уйти в лес. О

царь царей, будь верен своему слову, сохрани свой род, доброе имя и традиции семьи. Мудрецы говорят, что в ином мире нет выше заслуги, чем с верой исполненный обет.

Глава 12 Плач царя Дашаратхи

Жестокие слова Кайкеи пронзили сердце царя острой болью и горем, он подумал: “Это сон или разум мой помутился? Нависла страшная беда или эта тревога из-за какой-то болезни?”

Занятый своими мыслями, он не мог уловить смысла слов Кайкеи и упал без чувств. Придя в себя и весь дрожа, он вспомнил слова царицы, и погрузился в бесконечную печаль, подобно оленихе, увидевшей тигра. Тяжело дыша и сидя на земле он напоминал ядовитого змея, оказавшегося в кругу силою заклинаний. В негодовании он крикнул: “Стыдно!” – и снова в муках потерял сознание. Медленно придя в себя, монарх оказался добычей беспредельного одиночества, и в гневе, который жег его, как огонь, обратился к Кайкеи:

О злобная разрушительница династии, чем обидели тебя я или

Рамачандра? Какое несчастье, что я привел тебя в этот дворец! По невежеству я принял тебя за дочь царя, но ты оказалась ядовитой змеей! Весь мир прославляет добродетели Рамы; разве я был столь расстроен, даже когда отверг любимую Каушалю и удачливую Сумитру? Нет, я никогда не изгоню Раму, которого родил, моего самого дорогого сына! Счастье мое полно, когда я вижу своего первенца. Когда бы он ни сокрылся с моих глаз, жизнь теряет для меня всякий смысл. Мир будет существовать без солнца и урожай родится без дождей, но я не смогу жить вдали от Рамы. Довольно, оставь эту злобную затею, о грешница! Как ты могла задумать столь губительный план, о негодная!

Без сомнений, ты хочешь узнать, люблю ли я Бхарату, но я помню, что прежде ты говорила о Рагхаве: “Он – мой старший сын, он красив и лучший среди верных своему долгу”. Такие сладкие речи ты прежде говорила мне в угоду, не забывай! Услышав, что ты пребываешь в печали, я глубоко обеспокоился; злобный дух посетил тебя, пока ты была одна в своих покоях. Твой зловещий замысел – это бедствие для рода Икшваку, о прозорливая. Никогда еще ты не была несправедливой или не желала порадовать меня, о царица с большими глазами. Я не верю, что сейчас ты поступаешь столь ужасно. Разве Рагхава не дорог тебе так же, как великодушный Бхарата, как ты часто говорила, дорогая моя? Неужели ты хочешь, чтобы добродетельный Рама, такой благородный, четырнадцать лет прожил в лесу, о дорогая моя жена? Сын мой, всегда верный своему долгу, выросший во царском дворце – неужели ты хочешь, чтобы он жил в ужасном лесу? Этот чарующий Рама, всегда почтительный к тебе – неужели его изгнание доставляет тебе радость, о прекрасная царица? Рама всегда был к тебе еще более внимателен, чем Бхарата, и я никогда не замечал, чтобы ты как-то различала их. Никто в этом мире не выразит тебе такого уважения, повиновения и почитания, как этот тур среди людей. У нас тысячи слуг и служанок, но ни один из них ни разу ни в чем не упрекнул Рагхаву; искренняя душа, он доброжелателен ко всем живым существам и примиряет их своими мудрыми решениями, это тигр среди людей, питающий любовь ко всем.

Этот герой, потомок династии Рагху, своей добродетелью покорил подданных, дваждырожденных – своей щедростью, духовных наставников – послушанием, а врагов – могуществом своего лука. Благость, щедрость, аскетизм, отречение, любовь, чистота, честность, благоразумие и повиновение своим гуру – все это достоинства Рагхавы. О царица, ты подобна богине, неужели ты желаешь зла верному Раме, напоминающему великих риши? Я не помню, чтобы сладкоречивый Рама когда-нибудь произнес резкое слово; могу ли я в угоду тебе дать ему столь безжалостный приказ? Что будет со мной без него, отмеченного аскетизмом, отречением, благостью, чувством долга и жалости? Я стар, о Кайкеи, мой конец близок, я страдаю, нет никого несчастнее, пожалей же меня! Земля, омы-

ваемая морями со всеми ее богатствами будет принадлежать тебе, но не толкай меня на край темной смертельной бездны! Со сложенными ладонями, о Кайкейи, я в поклоне касаюсь твоих стоп, даруй прибежище Раме, нетронутому грехом!

Великий царь плакал и продолжал стенать, обезумев от горя и дрожа в невыносимых муках, но жестокая Кайкейи отвечала ему безжалостно:

Если, дав слово, ты сожалеешь, доблестный монарх, то о какой жестокости ты можешь говорить? Что ты ответишь великим риши, когда они спросят тебя об этом, о добродетельный? “По милости Кайкейи я остался жив, но я нарушил данное ей слово”, – вот что ты скажешь. Ты несомненно станешь клеймом знаменитой династии Икшваку, если дав мне обещание, сегодня не исполнишь его. В истории стервятника и голубя царь Шивья отдал свою плоть во исполнение данного обета; Аларка выколол себе глаза и достиг вершин! Дав слово богам, Сагара, чьи границы были крепки, не выходил в море. Помни об этих случаях и не отказывайся от своего слова. О бесчувственный, неужели ты, поправ истину, возведешь Раму на трон и в конце жизни будешь наслаждаться с Каушалей? Будь то справедливо или нет, хорошо или дурно – ты не в силах отречься от своего слова. Если Рама будет коронован, я в тот же миг приму яд и умру у тебя на глазах. Смотреть, как мать Рамы пользуется всеобщим почитанием? Нет! Уж лучше умереть! Клянусь Бхаратой и собственной жизнью, о лучший среди людей, кроме изгнания Рамы меня ничто не удовлетворит.

Сказав так, Кайкейи замолчала, безразличная к стенаниям царя. Монарх от бездушно-го и жестокого ответа Кайкейи, требовавшей изгнания Рамы в лес и коронации Бхараты, онемел на мгновение. Взволнованный, он пристально смотрел на возлюбленную царицу, чьи слова причиняли ему такую боль. Эта жестокая и грозная речь ранила его сердце и лишила надежды на счастье. Обдумывая решимость царицы и страшась обета, который она дала, он издал глубокий вздох и упал, как подрубленное дерево.

Чувства его были в замешательстве, как у безумца, черты исказились, как у больного, лишенного сил, или как у змеи, оцепеневшей силою заклинаний. В таком состоянии пребывал монарх. С презрением в голосе он обратился к Кайкейи:

Кто навязал тебе этот злобный план, убедив, что тебя в его пользе?

Ты говоришь, словно одержимая злым духом; тебе не стыдно? Я не знаю, кто извратил тебя, но вижу, что ты не в себе. Чего ты боишься, что пробудило в тебе такое желание? Ты требуешь коронации Бхараты и изгнания Рамы в лес!

Отставь этот злобный замысел, если сердце твое ищет блага твоему мужу или Бхарате и всему миру. Отвратительная негодяйка, что тебе за радость в таком злодеянии? В каком грехе, в какой ошибке ты упрекаешь Раму или меня? Бхарата не сможет занять трон без Рамы, но при поддержке Рамы, по-моему, он законно обретет величайшее могущество. Как я могу сказать Раме: “Уходи в лес!” – и смотреть ему в лицо, потускневшее и пораженное, как луна во время затмения? Как отменю я это решение, принятое на совете с моими министрами и друзьями, которые желают мне добра, и вызову тем самым смущение и растерянность, словно при неожиданном нападении врага? “Почему ты не коронуешь юного потомка Икшваку?” – спросят цари, съехавшиеся сюда со всего света. Что я отвечу старейшинам, исполненным добродетели и почета, когда они спросят меня о том, где Какуттста? “Я сослал его по настоянию царицы Кайкейи!” Если я скажу эту правду, люди сочтут меня лжецом. Что скажет Каушалья, когда Рагхава уйдет в лес? Что я ей отвечу, нанеся такую рану? Каушалья, выразившая рабскую преданность мне и пользовавшаяся моим доверием, не только моя супруга, это моя сестра и мать, которая всегда желала мне блага, которая родила мне столь дорогого сына и которая никогда не обращалась ко мне иначе чем со сладкими словами. Из-за тебя я никогда не оказывал ей милости, которой она заслуживает; теперь я страдаю за доброту к тебе, подобно калеке, который наелся риса с испорченным соусом. Какое доверие ко мне будет у Сумитры, когда, ошеломленная, она увидит оскорбительное изгнание Рамы в лес? Увы! Вайдехи умрет, если я причиню ей такую боль, подобно нимфе, которая, лишившись мужа, рассталась с жизнью на гима-

лайских склонах. Нет, я не в силах пережить горе Вайдехи, которая увидит Раму, изгнанного в великий лес! Оставшись вдовой, наслаждайся царством со своим сыном! Я думал, ты добра, но теперь я вижу твою черноту, ты подобна прекрасного цвета вино, смешанному с ядом! Увы, убедительными и вероломно сладкими словами, ты погубила меня, словно оленя, который поверил медоточивому голосу охотника. Люди непременно скажут про меня: “Он неблагороден, раз он продал своего сына!” Они будут сторониться меня на улицах, словно хмельного брахмана! Горе мне! Горе мне, твои вероломные слова обрушили на меня бедствие, словно искупление прежде свершенного преступления. Долгое время, о негодная, я по глупости и невежеству покровительствовал тебе, словно веревке на моей шее, которая удавит меня. Я играл с тобой, словно со смертью, и ласкал тебя, как детеныша ядовитой гадюки во тьме. Мир живых осудит меня, лишившего моего великодушного сына наследства. “Ах, – скажут они, – какое еще безрассудство совершит царь Дашаратха в своей безумной страсти, и еще к такой неверной женщине, если он сослал своего любимого сына в лес?” Изнуренный изучением Вед, соблюдением обета брахмачари, служением гуру, мой сын, когда судьба уже сулила ему счастье, будет снова терпеть лишения. Ему нечего будет ответить мне, когда я скажу: “Уходи в лес!” Он скажет: “Быть тому!” Я был бы счастлив, чтобы сын послушался моего приказа, но дорогое дитя мое, он никогда не сделает этого! Весь мир проклянет меня, когда Рама уйдет в лес и, отвергнутого всеми, Мритью заберет меня в обитель смерти. Когда я умру, и Рама, этот тур среди людей, уйдет в лес, какое зло ты причинишь тем, кто дорог мне, оставшимся без защиты? Утратив меня, Раму и двух других моих сыновей, не в силах вынести этих мук, Каушалья последует за мной в погребальный костер. Будь счастлива, низвергнув Каушалью, Сумитру, меня и моих сыновей в ад!

Оставленная мной и Рамой династия Икшваку, славная своей непоколебимой добродетелью, разрушится под твоим правлением. Если Бхарата одобрит изгнание Рамы, пусть он не совершает погребального обряда, когда я умру. После моей смерти и ухода Рамы в лес правь царством вместе со своим сыном, как вдова. О царица, злой рок привел тебя в мой дом! Невиданное прежде презрение всего живого уготовано мне, словно злодею.

Мой дорогой возлюбленный Рама, привыкший с царским удовольствием и ездивший верхом на слонах и конях, теперь пешком отправится в бескрайний лес. Мой сын, во время трапезы осаждаемый поварами и слугами, которые старались перещеголять друг друга, готовя для него изысканные блюда и напитки, как будет он питаться дикими фруктами и кореньями, едкими и горькими? Рама, всегда носивший дорогие одежды и привыкший к роскоши, как наденет он на себя шафрановые одежды монаха? Кто издаст этот жестокий приказ, что Рама должен уйти в лес, а Бхарата принять трон? Горе мне!

Женщины порочны по природе и во всем ищут только свою выгоду. О безвестная негодяйка, кто надумил тебя?! Как я несчастен, что привел тебя во дворец! Какой изъян ты нашла в Раме или во мне, которые так преданы благу других? Отцы отвергнут своих сыновей, жены – мужей, и мир будет негодовать, я обреку Раму на это страдание! Видя своего дорогого сына, прекрасного, как Бог, я радовался и становился снова молодым. Может быть, природа в силах выжить без Солнца или Громовержца, насылающего дожди, но никто не вынесет того мгновенья, когда Рама уходит отсюда, я убежден в этом. О разрушительница, изощренная в своей злобе, в твоём лице я привел в дом саму смерть! Много лет я ласкал тебя, как ядовитую змею на своей груди, я заплачу за это жизнь! Вдалеке от меня, Рамы и Лакшманы пусть Бхарата правит городом и государством, а ты, став причиной смерти родных, вступай в союз с моими врагами! О несущая бедствие, изгнавшая мысли о родстве, в котором все мы состоим, забывшая об узах мужа и жены, ты посмела изречь сегодня такие слова! Как зубы твои не рассыпались на тысячи кусочков?! Никогда Рама не позволял себе резкого слова или возражения, он не умеет говорить жестоко; как можешь ты так оскорблять его, всегда доброго и почтительного ко всем?

Изнуренная яростью, истребленная своей горечью, брызжа ядовитой слюной, иди по земле и погружайся в самые ее глубины, но я никогда не исполню твоего жестокого при-

каза, о ты, позор дома Кекайи! О та, чья речь подобна острому мечу, изрекающая лживые слова, чья природа порочна, о губительница рода, я не смогу жить, жестокая негодяйка, жаждущая разорвать мне сердце, лелеявшая эту мечту! Я не в силах дольше жить; может ли быть человек счастлив без своего сына? Те, чьи сердца ищут справедливости, извлекут ли из этого радость? Не повергай меня в печаль, о царица! Я готов припасть к твоим стопам! Сжался надо мной!

Стеная, царь, словно человек, лишившийся опоры под ногами, чье сердце во власти женщины, упал перед царицей, которая стояла в отдалении, и не смог коснуться ее стоп; в эти мгновенья он был похож на безумца.

Глава 13

Кайкейи пренебрегает безграничным горем царя

Царь Дашаратха, величайший монарх, не заслуживший пощады, лежал на земле обесчещенный, словно царь Яяти, низвергнутый с небес. Жестокая царица роковой красоты, не достигнув цели и ничего не страшась, стала снова настаивать на том, чтобы царь исполнил данный обет.

О великий царь, – заговорила она, – ты хвастал, что искренен и верен своему слову! Почему же ты пытаешься уклониться и не исполнить моего желания?

От этих слов Кайкейи царь Дашаратха, дрожа в гневе, отвечал:

Я буду мертв, а Рама уйдет в лес, и только тогда ты, низкая женщина, враг мой, вкусишь полное счастье! Увы! Что отвечу я богам на небесах, когда они спросят меня об изгнании Рамы? Если я скажу им правду, что я сделал это по прихоти Кайкейи, они сочтут меня лжецом. Ценой величайших трудностей я обрел добродетельного и знаменитого Раму. Как же могу я теперь прогнать его? Как пошлю я в изгнание Раму, мудрого, терпеливого, обуздавшего гнев, чьи глаза напоминают лепестки озерной лилии? Рама, цветом тела подобный голубому лотосу, могучерукий, безмерной силы, очаровательный, как сошлю я его в лес Дандака? Он привык к удобству и роскоши и никогда не ведал страданий, как мне вынести его страдания? О, если бы я умер, не причинив этого зла Раме, который ничем его не заслужил, я обрел бы счастье на небесах.

О злобная негодяйка, порочная сердцем, Кайкейи, зачем ты навлекаешь этот злой рок на моего любимого Раму, героя? Несомненно мир перестанет уважать меня за это!

Пока Дашаратха, разбитый горем, сокрушался и плакал, солнце сокрылось за горами Ашта, уступив место звездной ночи. Но у царя, терзаемого горем и тоской, ясная луна на небе не вызвала радости. Престарелый монарх продолжал непрерывно вздыхать и стонать, как больной, обратив глаза свои к небесам.

О Ночь в одеждах из звезд, – говорил он, – я не желаю видеть света, пусть не наступит утро! Я не хочу видеть неумолимую и злобную Кайкейи, которая стала источником всех моих бед!

Добродетельный монарх, кланяясь со сложенными ладонями, снова и снова пытался тронуть сердце Кайкейи:

Твоему нежному супругу, всегда покорному твоим желаниям и теперь разбитому горем, мало осталось жить! О удачливая царица, будь милостива ко мне, правящему над всеми царями! Несомненно, я смущен, говоря это тебе, о прекрасная! Доставь мне эту радость, о юная дева, сердце твое так добро.

Сжался, о царица, пусть Рама получит из моих рук нерушимую империю! О темноглазая, ты обретешь безграничную славу за свою милость ко мне, Раме, людям, гуру и даже самому Брахме, о дева с тонким станом и чарующими глазами!

Слушая стенания добродетельного монарха, разбитого горем, чьи глаза покраснели от слез, царица, столь жестокая к своему господину, не произносила ни слова.

Монарх, при мысли об изгнании сына, трепетал и снова обращал глаза свои к возлюбленной супруге, которая с недовольным видом изрекла те безжалостные слова, пока в беспредельном горе не упал на землю, потеряв сознание.

В таких муках и стенаньях проходила ночь этого благородного мудреца. На рассвете прославления певцов заставили его прийти в себя. Он поднялся и жестом приказал им замолчать.

Глава 14

Царица Кайкейи остается непреклонной и вызывает Раму к себе

Кайкейи, злобное создание, с презрением глядя на потомка Икшваку, в печали о сыне потерявшего сознание и едва различимого на полу, сказала:

Почему, услышав мой ответ, ты разбитый лежишь на земле, словно свершил злодеяние? Поднимись, поднимись!

“Поступать правильно – это высшая обязанность человека” – так говорят сведущие мудрецы. Я указала, в чем твой долг! Потомок Шивья, дав обет, не пожалел отдать стервятнику свою плоти, дабы исполнить слово, и обрел высшее спасение. Подобным же образом знаменитый Аларка по просьбе брахмана, необычайно сведущего в Ведах, без промедленья вырвал себе глаза и отдал ему их. Повелитель рек (сноска 1, 195), верный своему слову, никогда не выходит из берегов, какими бы пологими они ни были. Истина – это Брахман, истина – это поддержание справедливости, нетленные Веда – тоже истина, истина позволяет достичь духовную цель. Раз твой дух тверд в исполнении долга, почитай истину. О знаменитый монарх, воистину щедрый, пусть исполнится благословение, которое ты дал мне; во имя долга и по моей воле сошли Раму – в третий раз я повторяю тебе это. О царь, если ты не исполнишь слова, которое дал мне, обманутая, я покончу с собой у тебя на глазах!

Подстрекаемый безжалостной Кайкейи, монарх не мог разорвать сети, в которые попал, словно старый Бали, обманутый Махендрой. Бледный и обезумевший, словно вол, неверно ступающий меж древками, с изможденными глазами, полуослепший, с великим трудом царь поднялся и сказал Кайкейи:

Твою руку, о злобная, которую я прежде держал у священного огня, читая традиционные молитвы, теперь я отвергаю, так же как и сына, рожденного тобой. День сменяет ночь, о царица, и люди, без сомнения, будут ждать, когда я начну коронацию Рамы, уже все готово для церемонии. Когда я умру, пусть Рама совершит по мне погребальный обряд. Ни ты, ни твой сын не должны приближаться к нему, о порочная, потому что ты не желаешь коронации Рамы. Я уже слышал рев одобрения моих людей и не смогу теперь видеть их горя и оцепенения! Пока монарх говорил с женой, ночь, освещенная луной и гирляндами звезд, прошла, и Кайкейи, не отказавшаяся своих злобных намерений и наделенная красноречием, в ярости и желчно отвечала царю:

К чему эти резкие и ядовитые слова, о царь? Призови своего знаменитого сына Раму и, возведя моего сына на трон, сошли Раму в лес! Изгони моего соперника! Этим ты исполнишь свой долг.

На это царь, как хорошо обученный конь, страдающий от плети, сказал:

Я попался в сети долга и ум мой в замешательстве! Я желаю видеть моего старшего сына, моего любимого и добродетельного Раму.

Тем временем солнце взошло, планеты заняли самое благоприятное положение. Добродетельный Васиштха, окруженный учениками, собрал все необходимое для церемонии и вошел в лучший из городов. Улицы были политы и выметены, повсюду развевались огромные флаги; радостные толпы ходили туда-сюда, прилавки и базары ломились от товаров и были полны торговцев. Айодхья праздновала великое событие и была необычайно счастлива за Раму. Все дома благоухали ароматом тлеющих сандала и алоэ.

Почтенный аскет прошел через весь город, напомилавший столицу Индры Амаравати и увидел дворец, украшенный бесчисленными флагами. Полный людей город казался еще краше от многочисленных брахманов и вооруженных конников с дровками и пышно оседланными конями.

Минуя толпы, Васиштха в великой радости вошел во дворец, сопровождаемый знаменитыми риши. У двери увидел Сумантру с добродушным лицом, министра Дашаратхи, льва среди людей. Знаменитый Васиштха сказал разумному сыну Суты:

Скорее оповести царя о моем приходе. Здесь кувшины, полные воды из

Ганги и морей, скамья из дерева удамбара, приготовленная для коронации, хлебные злаки всех видов, благовония, жемчуга, мед, творог, масло, жареное зерно, трава дурбха, цветы и свежее молоко; готовы также восемь (сноска 1, 197) прекрасных девушек, огромный слон, опьяненный соком мада, колесница, запряженная четверкой коней, великолепный меч, чудесный паланкин с носильщиками, роскошный полог, подобный луне, два белых опахала из хвостов яка, золотой сосуд с узким горлом, белый горбатый бык, связанный золотой цепью, слон с четырьмя бивнями, превосходный боевой конь непомерной силы, трон, тигровая шкура, топливо, жертвенный огонь, оркестр из всех видов музыкальных инструментов, духовные наставники, брахманы, коровы, олень и птицы, старейшины города и страны, торговцы со своими повозками – все готово. Люди, радостно переговариваясь, уже здесь, так же как и цари, прибывшие к нам на коронацию Рама. Поэтому сообщите царю, что наступил благословенный день, когда возшла звезда Пушья, и Рама может вступить на престол.

Сын Суты, обладавший немалой силой, громко прославляя царя, вошел во внутренние покои. Стражники, хорошо знавшие почтенного министра, пользовавшегося дружбой царя, и преданные ему, не подумали остановить его. Сумантра, приблизившись к царю, обратился с поздравлениями, сложив ладони:

Как могучий океан радуется восходящему солнцу, так и мы радуемся счастью, которое принесет твоей душе сегодняшний день! В тот момент, когда Матали (сноска 1, 198) своими гимнами пробудил Индру, тот победил данавов. Точно так же я пробуждаю тебя! Как Веды, анги и видьи пробуждают Атмабху, Господа Брахму, сегодня день я пробуждаю тебя! Как Адитья и Чандра поднимают удачливую землю, что поддерживает все живое, я сейчас поднимаю тебя! О могущественный царь, радость твоя полна, пусть ложе твое засверкает, подобно горе Меру под лучами солнца! Все готово для коронации Рама.

Жители города и страны, бесчисленные торговцы – все кланяются тебе со сложенными ладонями. Пришел благословенный Васиштха со всеми брахманами; о царь, скорее отдай приказ о коронации Рагхавы! Царство без царя подобно стаду без пастуха, армии без генерала, ночи без луны, коровам без быка!

Исполненные счастья прославления Сумантры повергли великого монарха в еще большее горе и, охваченный безграничной тоской о сыне, подняв глаза, красные от слез, почтенный и добродетельный царь отвечал Сумантре, сыну колесничего:

Увы, речи твои разрывают мне сердце!

Траурные слова и удрученный вид царя заставили Сумантру еще раз поклониться со сложенными ладонями и отойти. Тогда хитрая Кайкеи сказала:

О Сумантра, царь почти не спал эту ночь, радуясь за Раму; он слаб и хочет спать. Уходи, о Сута; разыщи знаменитого царевича Раму и, не мешкая, приведи сюда; блага тебе, поторопись!

Но как я пойду без приказа царя? – отвечал Сумантра.

Тогда монарх сказал своему министру:

О Сумантра, я хочу увидеть Раму, поскорее приведи ко мне моего любимого сына!

Сын колесничего подумал, что все благополучно, и с радостным сердцем поспешил исполнить волю царя. Подгоняемый царицей, Сумантра подумал:

«Несомненно, добродетельный монарх желает провести коронацию Рамы». От этой мысли сердце его радостно забилося.

Желая порадовать Раму, Сумантра покинул царские покои, подобные морскому озеру (сноска 1, 199). Выйдя из дворца, он взглянул на всех, кто стоял у ворот, жителей Айодхьи и достойных внимания гостей, обремененных дарами, отовсюду съехавшихся на коронацию.

Глава 15 Сумантра разыскивает Раму

Лишь ночь уступила место рассвету, брахманы, глубоко сведущие в Ведах, вместе с царскими священнослужителями пришли во дворец. Министры, военачальники и самые богатые торговцы, радостные, собрались, чтобы увидеть коронацию Рамы.

Солнце сияло, на чистом небе возшла звезда Пушья, появилась планета Каррата (сноска 2, 199), под которой родился Рагхава. Для коронации дваждырожденные приготовили золотые сосуды, чудесно украшенный трон, колесницу, покрытую тигровой шкурой, воды священных рек Ганги, Ямуны и других священных ручьев, озер и прудов с востока, запада, севера и юга, и все они, так же как воды различных морей, были мягкими, как молоко. Были готовы мед, творог, масло, жареное зерно, трава дурбха, цветы и свежее молоко, а так же восемь прекрасных девушек, огромный слон, опьяненный соком мада, золотые и серебряные сосуды с голубыми лотосами, среди которых проглядывались ветки гулар (сноска 1, 200), и белые опахала из хвоста Яка, напоминавшие лучи луны, украшенные изумительными драгоценными камнями – все было готово для Рамы, в том числе и полог, ослепительный, как полная луна. Все это увеличивало величие предстоящей церемонии: белый бык, белый конь, всевозможные оркестры и превосходные певцы. Все лучшее в царстве Икшваку было собрано согласно царскому приказу и ожидало начало церемонии. Однако, не видя монарха, люди говорили:

Кто сообщит царю о нашем приходе? Солнце уже поднялось, но мы не видим его; все готово для коронации Рамы!

Сумантра, любимый слуга царя, сказал присутствующим монархам и всем остальным:

По воле государя я отправляюсь за Рамой, и как можно скорее. Царь окружит вас почетом, не говоря о Раме. Сейчас я вернусь и от вашего имени спрошу царя о благополучии, о удачливых. Если поднимется, он раскроет причину, почему до сих пор еще вышел к вам!

С этими словами Сумантра, сведущий в Пуранах, снова направился к личным покоям Дашаратхи, прославляя царскую династию. Здесь он на минуту остановился, а потом вошел в спальню с задней стороны и обратился к потомку Рагху с молитвами и пожеланиями по случаю предстоящего события:

Пусть Сома, Сурья, Шива и Вайшравана, Варуна и Агни благословят тебя победой, о Какутетха! Ночь прошла, будь счастлив наступившему дню! Поднимись, о тигр среди царей, безотлагательно исполни свой долг! Брахманы, военачальники и торговцы уже собрались и жаждут увидеть тебя; поднимись же, о Рагхава!

Слушая поздравления Сумантры, сведущего в Пуранах, царь открыл глаза и сказал:

Скорее приведи Раму, о Сута, я отдал приказ, почему он еще не исполнен? Я не сплю, приведи Раму немедленно!

Царь Дашаратха повторил Сумантре свое желание, и колесничий, внимательно выслушав его, поклонился и покинул дворец в радостном состоянии духа, предаваясь самым возвышенным мыслям. Через минуту он уже вышел на дорогу, ведущую из царского дворца и украшенную флагами и знаменами. Преисполненный радости Сумантра быстро зашагал к своей колеснице и отправился к Раме, разглядывая украшения города и слушая говор толпы, которая обсуждала коронацию Рамы. Скоро Сумантра увидел дворец Рамы, который сиял, подобно обители Индры, с тяжелыми, на петлях, закрытыми дверями; от

многочисленных террас дворец этот казался еще прекраснее. Золотые статуи подпирали террасы, арки были усеяны бриллиантами и кораллами и сияли, словно груды осенних облаков, напоминая сверкающие пещеры горы Меру. Их украшали удивительные нити крупного жемчуга, алмазы и драгоценные камни, панели были сделаны из сандала и алоэ, и ветер разносил вокруг их изысканный густой аромат, словно с вершины горы Дардура. Повсюду гуляли сибирские журавли и павлины, издавая резкие крики, везде можно было заметить искусно вырезанные изображения волков и другие произведения; великолепие дворца поражало глаз и ум, он сиял, как луна или солнце и напоминал обитель Куверы. Словно обитель Махендры, он был полон птиц всех видов и походил на вершину горы Меру – таким увидел дворец Рама колесничий царя Дашаратхи. Вокруг толпились люди, среди них было много чужеземцев из дальних земель, которые со сложенными ладонями желали увидеть коронацию Рама и пришли в Айодхью, обремененные бесчисленными дарами. Огромный дворец, сиявший, словно большое облако, несравненного великолепия, переливался драгоценностями. Множество горбунов служили там.

Сумантра в колеснице, запряженной конями, радовался толпе, запрудившей подъезд ко дворцу, тогда как эскорт царских слуг, сопровождавший его, радовал сердца жителей. Приблизившись к великолепному дворцу и дрожа от радости, колесничий подумал, что обитель эта с многочисленными оленями и павлинами принадлежит супругу Сачи. Миновав ворота и двор, сверкавший красотой и богатством, как гора Кайлас, Сумантра увидел многих близких друзей Рама. Оставив толпу позади, он вошел во внутренние покои дворца. Здесь он услышал веселые голоса сотен людей, которые, искренне радовались коронации царского сына Рама и желали ему счастья.

Сумантра увидел, что восхитительный дворец Рама, напоминающий обитель могущественного Индры и полный поющих птиц и оленей, сверкает, словно вершина горы Меру. У входа толпились люди с полными даров руками, сотни и тысячи сходили со своих колесниц. Он увидел также удивительного слона Шатрумджаю, неукротимую гору Рама. Слоны были громады, словно большие облака, нависшие над высокой горой, по его вискам, которые никогда не знали прикосновения стрела, бежала сукровица. Колесничий увидел придворных и друзей Рама, одетых в праздничные наряды и отовсюду прибывших сюда на своих конях, колесницах и слонах. Миновав и эту толпу, он вошел в роскошные покои, подобные облакам на вершине горы. Сойдя с колесницы, Сумантра вошел во дворец, словно великое морское чудовище, погружающееся в океан, богатый жемчугом.

Глава 16

Послушный царской воле, Рама отправляется во дворец

Сумантра, сведущий в Пуранах, прошел внутренние покои, полные людей, и приблизился к отдельному двору, где стояли юноши с великолепными серьгами в ушах, вооруженные луками и копьями. Проворные, бдительные и верные своему господину, они усердно выказывали свою преданность. Он также увидел седовласых воинов с оружием в руках, облаченных в красные одежды и разные украшения и сидевших у двери; это были стражники, охранявшие женские покои и собравшиеся здесь. Заметив колесничего, они в угоду Рама поспешно поднялись со своих мест. Сын Сути, выразив им почтение, сказал:

Скорее сообщите Рама, что Сумантра ожидает у двери!

С любовью служа своему господину, они поспешили к Рама, который пребывал в обществе своей супруги, и сказали о приходе Сумантры. Услышав о царском колесничем, Рама с сыновней преданностью велел им пригласить его.

Сумантра увидел Рагхаву, подобного богу сокровищ, великолепно одетого и сидящего на золотом ложе с богато раскрашенными покрывалами. Этот герой, победитель своих врагов, был украшен сандаловой пастой, красной, как медвежья кровь, редкой, ароматной и необычайно ценной. Около него стояла Сита с опахалом из хвоста белого яка в руках, подобная планете Читра (сноска 1, 203) близ Луны.

Сумантра с величайшим почтением и благоговением поклонился великодушному царевичу, который сиял, как полуденное солнце. Глядя на этого героя с благородным ликом, который отдыхал в своих покоях, Сумантра с почтительно сложенными ладонями сказал:

О Рама, удачливый сын царицы Каушалы, отец твой и царица Кайкеи желают тебя видеть. Отправляйся безотлагательно!

Слова эти обрадовали льва среди великих. Преисполненный почтения к отцу, он сказал Сите:

О Видехи, царь и царица, очевидно, обсудили и приняли какое-то решение относительно моей коронации! Добродетельная и темноокая Кайкеи, так преданная монарху, наверное, надумала что-то новое, сулящее мне благо, и торопит царя приступить к церемонии. Дочь Кекайи, исполненная счастья и уважения к царю, относится ко мне как мать. Несомненно, это счастье, что царь и его возлюбленная супруга послали именно Сумантру. Каков посланник, таково и послание! Конечно же, царь передаст сегодня мне трон. Я сейчас же отправляюсь увидеть монарха! Ты же оставайся и будь спокойна, развлекайся со своими служанками!

Темноглазая Сита проводила до двери заботливого супруга и, отдаваясь счастливым грезам, сказала:

Сейчас царь торжественно возведет тебя на трон этого царства, покровительствуемого дваждырожденным, подобно создателю этого мира, наградившему царством богов на Васаве! Глядя на тебя, получившего престол, твердого в своих обетах, облаченного в изумительные шкуры, с рогами антилопы в руках, я почтительно склонюсь перед тобой. Пусть Громовержец защитит тебя с востока, а Яма защитит тебя с юга, пусть Варуна защитит тебя с запада, а бог здоровья – с севера!

Простившись с Ситой, Рама, преисполненный счастья, пошел вместе с Сумитрой. Проходя через дворец, словно лев, покидающий свою горную пещеру, он увидел у двери Лакшмана, который выражал ему почтение, сложив ладони. Во дворе он встретил своих друзей и разделил их радость, подойдя к ним. Затем он взошел на роскошную колесницу, сиявшую как огонь, покрытую тигровой шкурой, сверкающую и достойную царского сына. Огромная колесница, чье громахание напоминало удары грома в небесах, украшенная жемчугами, сиянием притягивала пристальные взгляды и напоминала гору Меру. Запряженная великолепными конями, похожими на молодых слонов, она была подобна блистательной колеснице Индры с ее гнедыми лошадьми.

Рама, сидя в своей сияющей колеснице, ехал быстро под громовой шум, все вокруг одаривая счастьем и напоминая луну, проходящую по небесам. За спиной у Рама стоял Лакшмана с опухавшим из хвоста яка в руках и служил своему брату.

Отовсюду раздавались возгласы приветствия. Лишь только Рама отправился, люди со всех сторон вскочили на своих коней и слонов, похожих на высокие горы, и сотнями, тысячами последовали за ним. Другие предваряли его, неся сандал и алоэ или вооружившись копьями и луками и издавая радостные крики. Звуки труб, пение бардов, крики воинов, напоминавшие львиный рев, весь путь сопровождали Раму. Со всех сторон прекрасные женщины в праздничных нарядах, выйдя на балконы домов, осыпали этого героя, победителя врагов, цветами. Другие, не покидая домов и террас, для удовольствия Рама пели ему хвалу чудесными голосами: “Как счастлива сегодня Каушалья, о Ты, увеличивающий ее радость!” Глядя на него в триумфе коронации, женщины вспоминали Ситу, самую прекрасную во вселенной возлюбленную Рама и думали: “Несомненно, эта царевна прежде совершала великие аскезы, раз она встретила с Рамой подобно Рохини (сноска 1, 105) с Луной”.

До Рама, лучшего среди людей, доносились хвалебные речи женщин, опьяненных радостью и не покидавших высоких балконов своих домов, когда он направлялся к царскому дворцу.

Рама также слышал, о чем говорили люди, толпившиеся вокруг.

Счастливая толпа обменивалась дружескими мнениями:

Сегодня потомок Рагху по милости царя обретет безграничное богатство и могущество! Мы предвидим вселенское процветание, поскольку он станет нашим государем. Правление его – пусть оно будет долгим – всем принесет благо. Без сомнения, под его властью никому не будут грозить горе и бедствия!

Продолжая путь среди ржания коней и подобных трубному призыву криков слонов, окруженный слугами и бардами, поющими ему хвалу, Рама напоминал бога сокровищ! Слоны и слонихи, колесницы, кони вместе с людьми толпились вдоль дороги, груженные драгоценными камнями и дорогими товарами. Продолжая путь, Рама наблюдал за городом.

Глава 17

Люди шумно приветствуют Раму

Из колесницы, украшенной флагами, благоухающей фимиамом, окруженный друзьями и радостной толпой, Рама с удовольствием рассматривал город, чьи дома напоминали груды облаков, кишасшие толпами людей. Он продолжал путь по большой царской дороге, где горели алоэ вместе с кучами сандала и ароматных деревьев великой ценности и редких ароматов, богато украшенной шелковыми и полотняными знаменами, безупречными жемчугами и кораллами. Эта большая и великолепная дорога была усыпана цветами, повсюду стояли освежающие напитки.

Словно бог богов в раю, царевич наслаждался этой картиной, проезжая мимо. На каждом перекрестке стояли творог, рис, жертвенные возлияния, жареное зерно, палочки благовоний. Рама, с достоинством кланяясь людям, слышал ответные благословения и молитвы, сходявшие с уст каждого:

Вступив сегодня на трон, иди путем своих отцов, их отцов и дедов и поддерживай нас, как это делали твой отец и его предки! Дай Бог всем нам великого счастья под правлением Рамы! Мы будем счастливы и достигнем цели жизни, увидев Раму, возвращающегося с коронации. Несомненно, нет большей удачи, чем увидеть коронацию благословенного Рамы!

Люди радовались всем сердцем, и речи их слышал Рама невозмутимого и ясного ума, проезжая царской дорогой. Никто не мог отвести пристального взора или сердца от этого царевича, лучшего среди людей, даже когда он почти уже скрылся из виду. Те же, кого не коснулся его мимолетный взгляд или кто не смог поймать его, сокрушались о своей участи и слушали слова сожаления от остальных.

Добродетельный царевич обращал свой снисходительный взгляд к людям всех четырех каст, всем сочувствовал согласно их возрасту, и люди были преданы ему.

Проезжая мимо храмов, священных роц и монументов, Рама почтительно объезжал их и продолжал свой путь, пока наконец не увидел царский дворец, сияющий, как груда белых облаков, украшенный бесчисленными башенками и балконами, напоминающими вершины горы Кайлас и достигающими небес, словно сверкающие колесницы богов. В этот дворец с его залами, украшенными драгоценными камнями, в обитель своего отца, напоминавшую обитель Индры, Рама вступил во всем своем великолепии. Сначала лучший из героев на колеснице миновал три двора, охраняемые лучниками, а затем пешком проследовал через еще два и все заграждения. Пройдя сквозь расступившуюся толпу, сын Дашаратхи вошел во внутренние покои.

Глава 18

Царица Кайкейи сообщает Раме, что он изгнан в лес

Рама увидел царя Дашаратху, который восседал на своем сверкающем троне рядом с Кайкейи. Он выглядел глубоко несчастным, черты его исказились.

Царевич в почтении сложил голову у стоп отца, затем с глубоким уважением поклонился Кайкейи. Монарх, чьи глаза были полны слез, не в силах был взглянуть на сына или произнести хоть слово.

Рама, охваченный страхом, словно змея, на которую случайно наступили ногой, смотрел на царя, смущенного, отмеченного страданием, стонущего и обезумевшего, напоминающего океан, или Солнце, сокрытого Рагху, или великого риши, произнесшего ложь и лишившегося своих заслуг. Видя необычайное горе монарха, Рама заволновался, словно океан на полную луну, и с сыновней любовью подумал: “Почему отец сегодня не рад мне? Почему мое появление причиняет ему такую боль?” Опечалившись, с потухшим лицом, он обратился к Кайкейи:

Почему царь обеспокоен, видя меня, столь дорогого ему? С удрученным лицом и глубокой скорбью он не говорит мне ни слова. Он испытывает телесную боль или страдает душой? Поистине трудно всегда быть веселым. Какое несчастье случилось с Бхаратой, этим юным царевичем с чарующим лицом, благородным Шатругхной или моими матерями? Если я чем-то расстроил великого монарха или повел себя непокорно, я не желаю жить ни мгновенья дольше, видя его недовольство. Возможно ли послушаться своих родителей, которые дали жизнь и которые являются живыми богами? Или может быть ты обратилась в гнев к моему отцу с резкими и надменными словами, которые так ранили его душу? О царица, скажи мне правду, прошу тебя. Что так повлияло на настроение государя?

Без тени стыда Кайкейи с уверенностью отвечала великодушному Рагхаве, преследуя свои цели:

Царь не расстроен, о Рама, с ним не случилось никакого несчастья, но у него есть желание, которое он хочет поскорее выразить тебе. Ты очень дорог ему, и потому ему кажется невозможным сказать тебе нечто неприятное, что он вынужден сделать по моему настоянию. Некогда он даровал мне два благословения, которые теперь не хочет исполнить, словно обычный человек.

Царь говорил: “Я исполню, чего бы ты ни пожелала”, – а сейчас, хотя ручей еще не пересох, он собирается сломать мост! О Рама, мудрость говорит, что верность долгу выражается в исполнении данного слова. Следуя этому закону, царь не нарушит своего обета относительно тебя! Если ты согласен склониться перед любым приказом царя – нравится он тебе или нет – я раскрою его тебе. Я посвящу тебя в него, ибо сам он не сделает этого!

Речь Кайкейи глубоко обеспокоила Раму. В присутствии царя он отвечал ей:

Стыдись, о деви, не пристало тебе говорить мне такие слова! По приказу царя я готов войти в огонь, выпить смертельный яд или броситься в море. Я сделаю это, будь то воля духовного учителя, царя или друга. Поведай мне желание государя, о царица. Чего бы он ни пожелал, я исполню. Обещаю тебе, Рама не изрекает лжи!

Тогда Кайкейи обратилась к правдивому и верному герою с жестокими словами:

Во время войны между девами и асурами, о Рагхава, отец твой был ранен в ужасной битве. Обязанный мне жизнью, царь даровал два благословения. Теперь я хочу, чтобы он их исполнил, о Рагхава. Царь должен отдать трон Бхарате, а тебя изгнать в лес Дандака. Если ты дорожишь словом царя и собственным словом, о лучший среди людей, послушай меня! Смирись перед волей царя и четырнадцать лет проведи в лесу! Все, что приготовлено для твоей коронации, будет использовано для коронации Бхараты, о Рагхава! Отказавшись от трона, четырнадцать лет ты будешь в лесу, собрав волосы и надев одежды из древесной коры. Бхарата будет править землей со всеми ее несметными сокровищами драгоценных камней, конями и колесницами. Вот почему царь, исполненный сострадания и бледный от горя не может смотреть на тебя. Почитай обет царя, главы людей, о Рама, радость династии Рагху, будь верен слову и сохрани свое доброе имя.

Жестокие слова Кайкейи не вызвали на лице Рама и тени печали, не беспокоили его великую душу. Но царь, понимая несчастье, обрушившееся на его сына, преисполнился глубокого горя.

Глава 19

Рама безмятежно готовится к изгнанию

Выслушав жестокие, как внезапная смертельная боль, слова Кайкейи, Рамачандра, победитель своих врагов, нисколько не потревоженный, ответил:

Быть тому! Во исполнение царского слова я уйду в лес, собрав волосы в одну косу и облачившись в одежды из древесной коры! Но все же мне хотелось бы узнать, почему неукротимый монарх, победитель своих врагов, не рад был, увидев меня? Не страшишься царица, в твоём присутствии я провозглашаю, что буду жить в лесу. Ликуй же, я надену одежды из древесной коры и соберу волосы. Какого служения я не совершил своему гуру, отцу, другу или тем, перед кем я в долгу? Одно лишь печалит меня и разрывает сердце. Почему монарх сам не сообщил мне о коронации Бхараты? Я с радостным сердцем отдам брату Бхарате мою Ситу, царство, жизнь и все, чем владею, если он попросит меня об этом. Все что угодно я готов оставить ради царя, моего отца, и исполнить его обещание, это мне приятнее более остального. Утешься же царь! Почему, опустив глаза, он молча плачет? Пусть гонцы на быстрых конях сегодня же отправятся за Бхаратой и от имени царя привезут его из царства Кекайи. Я же безотлагательно отправлюсь в лес Данадака и проведу там четырнадцать лет, не спрашивая более о воле моего отца.

Крайне обрадованная словами Рама, потомка Рагху, царица Кайкейи подтвердила его изгнание, понуждая не медлить:

Ты прав, пусть гонцы на быстрых конях отправляются за Бхаратой и привезут его домой. Тебе же, о Рама, я полагаю, не стоит откладывать. Чем скорее ты уйдешь в лес, тем лучше! Если царь в смущении не скажет тебе ни слова, это неважно, о лучший среди людей, не обижайся. Пока ты не покинешь город, о Рама, царь не совершит омовения и не примет пищи.

Горе! Увы! – крикнул царь и, охваченный скорбью, без сознания повалился на золотое ложе. Подняв его, Рама, подгоняемый Кайкейей, словно конь ударами плети, решил поскорее удалиться. Не обращая внимания на жестокие и постыдные слова царицы, он спокойно ответил:

О деви, я лишен мирского честолюбия. Знай, я готов свершить все, что доставит царю удовольствие, даже если это стоит мне жизни. Нет большей добродетели, чем послушание отцу и исполнение его воли. Даже если царь не произнесет этого приказа, я буду жить в лесу четырнадцать лет. Несомненно, о Кайкейи, ты не видишь во мне добродетели, и потому навязала царю это решение; ты имеешь власть надо мной, и потому твоего слова достаточно.

Теперь я пойду проститься с матерью и сказать Сите о моей отставке. С этого дня я живу в великом лесу Дандака. Пусть Бхарата правит царством, опекаемый отцом; и ты должна позаботиться об этом. Дашаратха слушал сына в великом отчаянье. От горя не способный вымолвить ни единого слова, он только громко стонал.

Знаменитый герой, отдал дань почтения стопам отца, который лежал без чувств, и поклонился злобной Кайкейи. На прощанье Рама обошел вокруг царя и его супруги и покинул их. Выходя, он улыбнулся своим спутникам, которые ожидали его у двери. Следом за ним шел Лакшмана, любимый сын Сумитры, чьи глаза были полны слез, а сердце – гнева.

Рама почтительно обошел все священные предметы, приготовленные для его коронации и, не оглядываясь, молча удалился.

Потеря царства не лишила Рама безмятежности, его великая слава осталась прежней, подобно луне, которая неизменно прекрасна даже в период убывания. Отрекшись от ко-

роны и уходя в лесное изгнание, Рамачандра напоминал великого Йогина. Никто не замечал в нем и тени перемены.

Отказавшись от царского полога и других предметов роскоши, он с любовью прощался с друзьями, людьми, посланцами и гостями, заботясь о причиненной им печали. Невозмутимый, владея своими чувствами, он направился в покои матери сообщить ей печальное известие о его изгнании. Никто из членов древней царской семьи, к которой принадлежал правдивый Рама, не замечал в нем каких-либо перемен. На лице у него как всегда были покой и радость, как лунный свет, сопутствующий луне даже осенью. Добродетельный и знаменитый Рама сладостным голосом говорил со всеми, а потом вошел в покои матери, царицы Каушалы вместе с Лакшманой, сыном Сумитры, который благодаря своей добродетели обрел хладнокровие души и благородно сдерживал свое горе.

Войдя во дворец, где все сияло безграничным счастьем, Рама подумал о печали, которая скоро придет ему на смену. Но сам он не проявлял ни единого признака волнения относительно настившего его злого рока, о котором сокрушались все его друзья.

Глава 20 Плач царицы Каушалы

Понимая, что этот тигр среди людей покидает дворец и его сложенные ладони означают жест прощания, женщины во внутренних покоях стали громко плакать:

Неужели Рама, который не дожидаясь указа отца, исполнял все наши желания, который является нашим прибежищем, теперь уходит? Невозмутимо выслушивающий оскорбления и мягко разрешающий все распри, утешающий разгневанных Рама сегодня покидает город. Увы, наш государь безумно пытается убедить мир в своей правоте, хотя при этом отвергает Раму, который отказался ото всего.

Словно коровы, лишившиеся своих телят, служанки царицы с упреком обсуждали случившееся со своими мужьями и громко плакали. Царь слышал их горестные слова и, преисполненный печали, неподвижно лежал на своем ложе, словно разбитый параличом.

Тем временем Рама, глубоко печальный и вздыхающий как слон, вместе с братом приблизился ко дворцу своей матери. Там он увидел пожилого и почтенного человека, который сидел у входа в окружении толпы. Увидев Раму, люди стали приветствовать его: “Слава Рагхаве, самому доблестному среди победителей!”

Далее он увидел множество брахманов, сведущих в Ведах, которые служили царице и пользовались милостью царя. Отдав им дань почтения, Рама вошел в следующий зал, где молодые и седовласые женщины охраняли вход. С великой радостью они приветствовали царевича и поспешили к его матери с доброй вестью о его приходе.

Царица Каушалы всю ночь провела в медитации, поклоняясь Вишну и моля о благе своего сына. Облаченная в полотно, радостная и преисполненная веры с свою молитву, она вызвала к Агни, повторяя мантры. Рама появился в роскошных покоях матери и увидел, как она взывала к богам, предлагая священные подношения. Он увидел все необходимое для священных ритуалов, творог, нелущеный рис, масло, а также сладости, сок сома, жареное зерно, гирлянды белых цветов, свежее молоко, семена сезама, приготовленные бобы и рис в молоке, топливо и сосуды, полные освященной воды. Прекрасная царица в белых одеяниях была изнурена суровым постом и почтительно кланялась со святой водой.

Увидев сына, Каушалы в материнской радости бросилась к нему, как кобыла к своему жеребенку, и Рама приветствовал мать, подбежавшую к нему, заключив ее в свои объятия и поцеловав в лоб. Преисполненная любви к своему сыну, неукротимому Рагхаве, Каушалы обратилась к нему с доброжелательными и нежными словами:

О сын мой, стань подобен древним, добродетельным, знаменитым и царственным риши, будь справедлив, чем славилась вся твоя династия! О дорогой царевич, теперь иди к отцу, сегодня царь, всегда верный своему долгу, возведет тебя на трон.

Мать предложила Рамае сеть и подала еду. Рагхава склонил перед нею голову и выразил почтение со сложенными ладонями. Скромный царевич, стоя перед матерью в почтительной позе, решил исполнить свой долг и испросить позволения отправиться в лес Дандака.

О царица, – сказал Рама, – ты не знаешь еще о злой судьбе, настигшей несчастную царевну Видехи, Лакшмана и тебя саму! Я отправляюсь в лес Дандака. Зачем мне это роскошное сиденье? Мне надлежит теперь пользоваться плетеной подстилкой (сноска 1, 214) Четырнадцать лет я буду уединенно жить в лесу, питаюсь кореньями и фруктами и отрекшись от всякой плоти, подобно отшельникам. Царь отдает трон Бхарате, а меня отправляет аскетом жить в лесу Дандака. Четырнадцать лет я буду жить в диком лесу, предаваясь аскезам, питаюсь фруктами и кореньями и делаю все, что надлежит лесному жителю.

От этих слов царица упала на пол, словно пихтовая ветвь, неожиданно срубленная топором, или богиня, низвергнутая с небес. Видя, что Каушалья, необычайно страдая, лежит без чувств, словно ветвь дерева кадали, Рама поднял ее и, мягко стряхнув руками с несчастной пыль, помог сесть. В эти мгновенья она казалась конем, павшим под тяжестью ноши. Охваченная горем, Каушалья ничего более не сознавала. В присутствии Лакшманы она заговорила с Рагхавой, тигром среди людей, который сидел около нее:

О сын мой Рагхава, несомненно, если бы, будучи бесплодной, я не выносила тебя, я не страдала бы так сейчас. Бесплодные сокрушаются лишь об одном: “У меня нет ребенка!” Больше их ничего не заботит. Я не знаю иной радости и счастья в жизни. “Только сын мой дарует мне счастье!” О Рама, с этой мыслью я терпеливо ждала. Я, старшая царица, теперь услышу бесконечные неприятности, которые будут говорить мои соперницы в женских покоях, разрывая мне сердце. Какое еще бедствие может обрушиться на женщину? Мое горе не выразить словами и не развеять. Даже в твоём присутствии они презирали меня, что же будет со мной, когда ты уйдешь? О мое дорогое дитя, несомненно, я расстанусь с жизнью. Супруг пренебрегает мной и держит вдали от себя, я стану служанкой Кайкеи и даже ниже. Все, кто сейчас почитают и служат мне, увидев сына Кайкеи на троне, отвернутся от меня. Как смогу я, о сын мой, такой же несчастный, как и я, вынести пренебрежительный тон Кайкеи? Семнадцать лет прошло со дня твоего рождения, о Рагхава, и я надеялась, они увидят конец моих страданий. Но злой рок продолжает преследовать меня, и старея, я не в силах более выносить презрение соперниц. О дитя, не видя твоего лица, светлого, как полная луна, как смогу я, несчастная, влачить свою жалкую жизнь? Я растила тебя ценой изнурительных постов, следуя духовным обрядам и терпя многочисленные лишения, но все напрасно, потому что ты так же неудачлив, как и я. Мое сердце должно стать каменным, чтобы вынести эту боль, подобно берегам великой реки во время сезона дождей, размываемым ее могучем течением. Несомненно, смерть отвернулась от меня, мне нет места в ее обители. Антака не хочет забрать меня сегодня, словно лев, безразличный к бляню газели. Сердце мое, тяжелое как железо, не разрывается, и под ударами судьбы тело мое не погибает. Увы, смерть не придет в час рокового удара. К сожаленью, моя духовная практика оказалась тщетной, так же как истязания плоти и благотворные дары. Аскезы, которым я предавалась ради сына, оказались бесплодны, как семя, посеянное в соленую почву. Если бы с бедствием пришла скорая смерть, я, лишившись тебя, как корова, потерявшая своего теленка, сегодня же отправилась бы в ее обитель. К чему мне жить вдали от тебя, о сын мой, чей лик сияет, как луна? Я последую за тобой в лес, как несчастная корова, в своей любви идущая за теленком.

Царица Каушалья горестно размышляла о размерах обрушившегося на нее несчастья и, глядя на Рагхаву, беспрестанно сокрушалась, словно киннари, чей потомок оказался в плену.

Глава 21

Решительные возражения Лакшманы. Рама утешает свою мать

Лакшмана, преисполненный горя, обратился к матери Рама:

О благородная Каушалья, мне невыносимо, что Рагхава по приказу женщины должен отречься от царства и уйти в лес. Старость повлияла на царя, который стал подвержен своим страстям. Каких еще слов он не произнесет? Я не знаю за Рамой ни одного недостатка, ни единого проступка, за который его можно было бы изгнать из царства в лес. Кто в этом мире дает клятвенное слово врагу или презренному негодяю, который посмел предстать с каким-то обвинением. Кто еще так пренебрегает своим долгом, отвергнув сына, подобного Богу, покорного, правдивого, почитаемого даже врагами? Слова старого царя – это ребячество, кто будет придавать им смысл, помня истории прежних монархов?

Обратившись к Раме, Лакшмана сказал:

Почему люди до сих пор не признают этого? Возьми бразды правления государством с моей помощью! О Рагхава, кто посмеет восстать против тебя, когда я буду стоять рядом, вооружившись своим луком и поддерживая тебя? О тур среди людей, своими острыми стрелами я уничтожу этот город Айодхью, если они посмеют восстать против тебя. Я истреблю всех сторонников Бхараты и всех, кто разделяет его интересы. Дело не в отставке, наш отец стал нашим врагом, его нужно заточить в темницу или даже убить. Если духовный учитель, одержимый гордыней, забывает о том, что справедливо, а что не справедливо, и отступает от пути истины, нужно ли повиноваться ему? Что это за царь, передавший Кайкейи царство, твое по праву, о добродетельный герой? Разве это не оскорбление тебя и меня? Какое право он имеет возводить Бхарату в столь высокое положение, о победитель врагов? О царица, глубокие узы дружбы связывают меня с братом. Воистину, своим луком, силой розданной милостыни и проведенных жертвоприношений я клянусь тебе, войдет ли Рама в пылающий огонь или в лес – я последую за ним! О царица, как солнце на рассвете разгоняет тьму, я развею твои страдания. Пусть царица и Рагхава узрят мою доблесть! Я убью своего старого отца, увлеченного Кайкейи, чьи старческие привязанности ввергли его в достойное порицания слабоумие. От этих слов великодушного Лакшмана Каушалья, терзаемая горем, со стоном сказала Раме:

О сын мой, ты слышишь, что говорит Лакшмана? Если ты согласен, исполни это немедленно! Не слушай враждебного голоса моей соперницы, не уходи, покинув меня в горе! Ты знаешь, в чем твой долг, ты самый доблестный из людей, исполни необходимые обязанности, останься, повинуйся моей воле!

О дитя мое, послушавшись матери, оставшись дома и приняв на себя суровейшую из епитимий, Кашьяпа достиг небес. Царь достоин почитания, так же как и я. Я не позволяю тебе уходить в лес. Вдали от тебя я не смогу жить, но рядом с тобой я буду счастлива, даже питаюсь травой. Если ты уйдешь в лес, я, терзаемая горем, буду поститься и расстанусь с жизнью, потому что не смогу жить. И тогда ты, сын мой, будешь виновен в убийстве брахмана и пойдешь в ад, подобный Самудре (сноска 1, 217), который является супругом всех рек.

Так сокрушалась несчастная Каушалья, и добродетельный Рама отвечал ей:

О богиня, я не могу пренебречь волей моего отца, поэтому почтительно кланяюсь тебе и прошу позволения удалиться в лес. Знай, что мудрец Канду, живя в лесу по воле своего отца, убил корову, хотя знал, что это незаконно. В давние времена в нашем роду сыновья Сагары, роя землю, допустили великое избиение всего живого, послушные воле своего отца. О мать, все эти люди и многие другие, подобные богам на небесах, исполняли безжалостные приказы своих отцов, и я не исключение. О царица, не я один послушен воле отца, все, кого я назвал тебе, вели себя так же. Этот обычай все еще в силе, и поэтому, вопреки твоему желанию, я буду следовать ему. Наши предки прежде нас с верой прошли этим путем. Я буду поступать согласно долгу, не отказываясь от своих обязанностей в этом мире; человек, послушный отцу, не узнает горя.

Сказав это матери, самый красноречивый из людей и искусный среди лучников, обратился к Лакшмане:

О Лакшмана, я знаю, что твоя любовь ко мне не имеет себе равных, а доблесть, верность и сила неотразимы, и все же страдания моей матери безмерны, о знаменитый, ее невозможно успокоить или вразумить. В мире главное – это наш долг. Исполнение долга поддерживает истину. Слова моего отца проистекают из чувства долга. О герой, человек не должен пренебрегать волей отца, матери или брахмана, если верен своему долгу. Я не могу противиться воле отца, по его приказу Кайкейи изгоняет меня.

Откажись от своего позорного замысла, он попирает долг кшатри!

Почитай свои обязанности и не прибегай к насилию, – вот мой тебе совет!

Затем старший брат Лакшманы снова обратился к Каушалье, сложив ладони и опустив голову:

О царица, теперь позволь мне уйти в лес и благослови. Клянусь, я исполню свой обет и вернусь из леса, подобно Яяти, благородному мудрецу, который в давние времена достиг небес после того как пал на землю! О мать, будь великодушна, обуздай печаль в своем сердце и не плачь; я вернусь из лесного уединения, когда исполню волю отца. Я, а также Ваидехи, Лакшмана и Сумитра должны подчиниться желаниям моего отца. Это наш неписанный долг. О мать, забудь о приготовлениях к моей коронации и подави горе в своей душе; смирись так же с моим пребыванием в лесу, это мой долг.

Решительные, спокойные слова сына словно вернули царицу к жизни.

Устремив на него пристальный взор, она сказала:

О сын мой, в своей материнской любви я для тебя такой же духовный учитель, как и отец, и я не позволю тебе уйти. Не покидай меня в великом несчастье, не уходи. Зачем мне жить в этом мире без тебя? Зачем мне Питрилока или Дева-лока? (сноска 1, 219) Одно мгновение с тобой стоит целого мира!

Рама перед лицом страданий матери казался слонем, который, ища темного угла во время ночной охоты с факелами, освещен еще больше. Верный долгу, он снова с достойными словами обратился к Каушалье, которая от горя лишилась чувств, и к Саумитри, охваченному печалью:

О Лакшмана, я почитаю твою любовь и доблесть, но не принимая мое решение и соглашаясь матерью, ты жестоко терзаешь меня. Долг, личные интересы и удовольствие почитаются в мире; несомненно, если я буду действовать согласно им, долг, личные интересы и удовольствие станут мне как верная и преданная жена, но они не позволят нам свершить то, что выходит за их пределы, и в конце концов ту справедливость, к которой мы должны стремиться. Недостоин похвалы тот, кто преследует лишь удовольствие. Раб своих желаний ни у кого не вызывает восхищения. Что бы ни повелели гуру или престарелый отец, даже в гневе, приятно это или нет, человек добросовестный и мирный примет как долг. Поэтому я не могу не исполнить обещание, данное отцом, целиком и достойным образом. Дорогой мой, он – наш гуру, он – супруг божественной Каушальи, поэтому она должна следовать за ним и слушаться его. Пока этот справедливый монарх жив, и главное, пока он идет своим путем, царица, отправившись со мной, станет подобна чужестранке или вдове. О царица, позволь же мне уйти в лес и дай свои благословения, и, когда придет время, благодаря твоей преданности, я вернусь подобно старому Яяти, который вновь обрел небеса силою истины! Я никогда не отрекусь от того, что принесет благо всему царству; жизнь коротка, о царица, и я не дорожу этой жалкой землей ценой попрания долга!

Так этот тур среди людей успокоил царицу, настояв на своем решении отважно уйти в лес Дандака. С твердостью выразив свои намеренья младшему брату, Рама с любовью простился с матерью, почтительно обойдя вокруг нее.

Глава 22

Рама пытается успокоить Лакшману

Лакшмана, преисполненный горя и негодующий, был подобен великому слону с глазами, сверкающими гневом, опьяненному кровью. Владея собой, Рама приблизился к сыну Сумитры, любимому брату и другу, и с твердостью в голосе раскрыл ему свои мысли:

Усмири свой гнев и стань уравновешен. Оставь эту слабость и преисполнись великой радости. Немедленно забудь обо всех приготовлениях к моей коронации и исполни свой долг. О Саумитри, нужно забыть о моей коронации столь же поспешно, как она была подготовлена. Поступай как царица, чей дух измучен мыслями о моей коронации, и стань умиротворен; я не в силах видеть мгновенья страданий моей матери, о сын Сумитры, и я не могу сознательно или бессознательно стать причиной малейшего недовольствия всех матерей или отца. О Лакшмана, давай облегчим страдания нашего благородного отца, справедливого и доблестного. Сейчас главное, чтобы его жизни не грозила опасность. Если я не оставлю стремление к короне, я разделю с царем нужду, заставившую его нарушить свой обет. Поэтому отложи приготовления к моей коронации, о Лакшмана; более того, я намерен покинуть город и как можно скорее уйти в лес. Мой уход позволит царице Кайкейи, матери Бхараты, исполнить свое желание короновать сына, цель ее будет достигнута. Кайкейи будет счастлива, когда я в одеждах из древесной коры и шкуры антилопы, собрав волосы в одну косу, удалюсь в лес. Я не должен сопротивляться тому, кто вдохновляет и содействует моему решению. Поэтому я отправляюсь немедля. О сын Сумитры, в моем изгнании и последующем возвращении утраченного царства узри мою судьбу. Как Кайкейи причинит мне боль, если это не велено судьбой? Воистину, все матери мои отмечены любовью ко мне, мой друг, никогда прежде Кайкейи не видела разницы между мной и своим сыном. Я убежден, что ее жестокие слова против моей коронации, так же как требование моего изгнания были продиктованы Провидением (сноска 1, 221) и ничем больше. Могла ли иначе столь благородная и добродетельная царица вести себя со мной подобно сварливой бабе в присутствии своего супруга? Этой неведомой силой, именуемой Провидением, не могут пренебречь даже Бхуты; неизменный и твердый указ судьбы лишил меня удачи и изменил отношение Кайкейи ко мне. Зачем сражаться с Провидением, о Саумитри, если исход заведомо известен? Добро и зло, страх и гнев, приобретения и потери, бытие и небытие и все с этим связанное – все это удел судьбы. Риши, которые умерщвляют свою плоть в суровых аскезах, волею Провидения отступают от избранного пути и впадают в гнев или страсть. Не рука ли судьбы препятствует людям в их начинаниях вопреки их знанию и воле? Эта истина не позволяет мне горевать о несостоявшейся коронации; поэтому со своей стороны даруй мне помощь и поскорее отмени приказы, отданные в связи с этой церемонией. Кувшины, полные святой воды, послужат моему очищению, когда я буду давать обет аскетизма, о Лакшмана. Как еще мне использовать воду, приготовленную для коронации? То, что я зачерпну своими руками, станет символом моих новых обязанностей – будь то коронация или изгнание в лес, неизвестно, что сулит большее счастье. О Лакшмана, не мешай матери принять свою судьбу, не хули моего младшего брата за то, что я отказался от трона, не ругай отца или кого бы то ни было еще; тебе хорошо известна неумолимая десница Провидения!

Глава 23

Лакшмана собирается сразить всех, кто препятствует коронации Рамы

Лакшмана слушал Раму, опустив голову, погруженный в свои мысли, мечущиеся между горем и радостью. Нахмурив брови и насупившись, этот тур среди людей вздыхал словно огромный змей, в гневе сокрывшийся в норе, и был ужасен с виду, как возбужденный лев. Он был хмур, члены его дрожали, руки двигались взад-вперед, словно бивни слона. Качая головой и отводя взгляд, он обратился к Раме:

О брат, не ко времени эта неуверенность в своей добродетели и странный страх поступить непочтительно! Что! Достойно ли лучшего среди воинов, бесстрашного, способного управлять судьбой, говорить, подобно тебе, что Провидение неизменно и страдания

неизбежны? Who would not distrust those two perverse being? Кто поверит этим двум негодьям (сноска 1, 222)? Разве ты не знаешь, что обманщики часто скрываются под маской добродетели? Желая низвергнуть тебя, они притворяются благочестивыми, преследуя собственные цели. Даже если история с благословениями Кайкейи истинна, почему о ней ничего не было известно до того, как начались приготовления к твоей коронации? Это вызовет возражения людей; как может младший сын взять первенство над старшим в делах государства? Мне нестерпимо это, о великий герой, прости меня! Это так называемое чувство долга, заставившее тебя колебаться (сноска 2, 222), ненавистно мне, о великодушный, потому что оно смутило тебя. Как можешь ты, всемогущий, подчиниться несправедливому приказу отца, который находится под влиянием Кайкейи? Разве не заметил ты их двуличия, когда они под этим предлогом отменяли твою коронацию? Я вижу злой умысел в их поведении, достойном осуждения, и это очень печалит меня! Кто кроме тебя поддерживает царя и Кайкейи, которые пытаются причинить тебе зло, эти рабы своих страстей и враги, сокрывшиеся под именами родителей? Если ты это относишь к воле судьбы, то я никогда не соглашусь с тобой. Слабость и малодушие – это удел судьбы, но доблестные души, владеющие собой, не склонятся перед нею.

Герой, который своими духовными достижениями способен превзойти судьбу, не отказывается от своих начинаний; судьба бессильна перед ним. Сегодня станет ясно, как незначительна судьба для того, кто отважен сердцем. Сегодня обозначится разница между человеком и Провидением, люди увидят Провидение, покоренное моей доблестью. Они помогут коронации, которой препятствует Провидение. Своей доблестью я превзойду Провидение, словно слон, сбросивший оковы под влиянием Мады и более не замечающий стрекала. Ни объединенные монархи, ни три мира не способны помешать коронации Рама, которая состоится сегодня how mach less независимо от нашего отца. Те, кто задумали изгнать тебя в лес, сами будут жить в лесу четырнадцать лет. Я разрушу замысел отца и Кайкейи, которые, лишив тебя царства, пытаются короновать Бхарату. Покоренный моей доблестью царь не найдет достаточно силы помешать мне изгнать зло. Спустя тысячу лет правления, когда ты удалишься в лес, о благородный герой, твой сын унаследует трон, не прерывая преемственности. В давние времена царственные риши установили традицию, согласно которой цари уходят в лес, передав заботу о подданных сыновьям, которые покровительствуют им, как собственным детям. Если из-за царской нерадивости ты не хочешь принимать правление государством, о добродетельный Рама, и опасешься вызвать беспорядки, клянусь тебе, о герой, я защищу царство, как берега – море. Поэтому согласишься принять корону ко всеобщему благу и готовься к церемонии; я один без посторонней помощи своею доблестью разгоню всех царей; эти две руки предназначены не для драгоценностей, а лук и меч – не для украшения; мои копья предназначены не для того, чтобы собирать хворост, а стрелы – не для того чтобы его переносить. Все это оружие необходимо для победы над врагами. Своим острым сверкающим мечом я не только рассеку своего врага, я истреблю его, будь то даже сам громовержец Индра. Под ударами моего меча земля, потемневшая и усеянная трупами слонов, коней и головами воинов, станет непроходимой! Вооруженные мечами, сверкающими как огонь, сегодня враги мои падут на землю, как облака, разорванные светом! В годхе (сноска 1, 224) и ангудитране (сноска 2, 224), со своим луком в руках я предстану перед ними, и кто среди храбрых осмелится блеснуть передо мной своей доблестью? Я изрешечу всех противников своими стрелами, каждая из которых пронзит бесконечное число воинов; своими стрелами я разнесу их коней и слонов.

Силой своих рук я лишу царя его власти и отдам эту высшую власть тебе, мой повелитель. Сегодня эти две руки, привыкшие к сандаловой пасте и браслетам, всегда раздававшие милостыню и защищавшие друзей, разгонят тех, кто препятствует твоей коронации. Скажи, какого врага мне лишить сегодня жизни, почета или друзей? Одно твое слово – и я покорю эту страну! Я – твой раб! (сноска 3, 224)

Рама, радость династии Рагху, слушал Лакшмана, вытирая слезы. Снова и снова он пытался успокоить его:

Друг мой, пойми, я решил подчиниться воле отца. Это истинный путь!

Глава 24

Рама наставляет свою мать

Видя, что сын решил почитать волю отца, Каушалья, разразилась слезами и сказала добродетельному Рамачандре:

Никогда не знавший нужды, как сможет добродетельный и ко всем благожелательный царевич, которого я подарила царю Дашаратхе, жить на горсти зерна? Неужели Рама будет есть коренья и лесные фрукты, тогда как слуги его питаются лущеным рисом? Кто поверит и не задрожит, узнав, что добродетельного и прекрасного Какутстху царь изгнал в лес? Несомненно, могущественное Провидение правит миром, но неужели несмотря на всеобщую любовь, о Рама, ты сейчас уйдешь в лес! О дитя, дыхание разлуки раздувает огонь моего горя, добавляя топливо скорби. Когда я лишусь тебя, священные возлияния моих вздохов и слез, столбы дыма моих страхов и стоны, вызванные твоим уходом, своей необыкновенной силой, без сомнения, опалят и уничтожат меня, подобно лесному пожару в конце зимы, уничтожающему подлесок! Куда бы ты ни пошел, я последую за тобой, как корова, которая неотступно идет за своим теленком.

Рама, тур среди людей, отвечал матери, охваченной печалью:

Обманутый Кайкеи царь непременно умрет, если бросишь его после моего ухода. Для женщины очень неблагоприятно покидать своего супруга, лучше не совершай такого греха; выброси эту мысль из головы. Пока царь, потомок Какутстхи, мой отец, жив, будь покорна ему; это неписанный закон.

Прекрасная и мягкая Каушалья отвечала:

Пусть так и будет! И тогда Рама, лучший среди верных своему долгу, снова обратился к матери, разбитой горем:

О богиня, мы должны подчиниться воле отца. Он – наш царь, муж и гуру, он – первый из людей, наш господин и повелитель. Проведя четырнадцать лет в лесу, я с великой радостью вернусь и исполню твою волю!

Царица слушала любимого сына, и глаза ее тонули в слезах. Глубоко страдая в своей материнской любви, она сказала:

О Какутстха, я не знаю, как жить среди своих соперниц; возьми меня с собой в лес, словно дикую газель, если уж ты решил из почтения к отцу уйти отсюда.

Сдерживая рыдания, Рама ответил своей плачущей матери:

Пока женщина жива, ее повелителем и богом является муж; царь – твой абсолютный господин, так же как и мой. По милости царя мы не без хозяина; он – мудрый повелитель своих людей. Более того, добродетельный Бхарата, благожелательный ко всему живому, всегда будет предан тебе, потому что в этом его долг. Не отвергай ничего, что поддержит царя в его родительском горе, избавит от страданий, чтобы он пережил свое неистовое горе. Собери все силы и не прекращай служить старому монарху. Даже благочестивая женщина, склонная к посту и духовной практике, лучшая среди добродетельных, вступает на пагубный путь, будучи невнимательной к своему повелителю.

Повинуясь мужу, женщина достигает небес, даже если была недостаточно почтительна к богам. Быть покорной мужу и искать его расположения – это строжайшая обязанность женщины, установленная Ведами и признанная во всем мире. О царица, поддерживая жертвенный огонь с помощью фимиама, ради меня призови богов и окружи брахманов вниманием. Так ты скоротаешь время, ожидая (моего возвращения). Целомудренная, безмятежная, целиком преданная своему супругу, ты дождешься моего возвращения, только выжил бы самый добродетельный из царей!

Каушалья с полными слез глазами горестно отвечала:

О дорогое дитя, я не в силах изменить твое твердое решение уйти; несомненно, судьба неумолима. Иди, мой сын, поскольку ты решил сделать это, и будь счастлив, о доблестный герой! Страдания мои закончатся с твоим возвращением. Ты вернешься преисполненный радости, достигнув цели и исполнив свой обет, свободный от упреков отца, и тогда я усну в полной радости. В этом мире ход судьбы непредсказуем; сердце мое плачет, но уста велят тебе идти, о Рагхава! Иди с миром, о могущественный воин, вернувшись, ты снова будешь радовать меня своим мягким голосом, исполненным сладости. О, почему еще не настал этот час твоего возвращения из леса со спутанными волосами, в одеждах из древесной коры, о дорогое дитя?

В святой покорности царица смотрела на Раму, решившего удалиться в лес и говорила с прекрасным юношей, одаривая его всеми благословениями.

Глава 25 Царица благословляет Раму

Преодолев горе, престарелая мать Рамы, побрызгала на него святой водой и благословила такими словами:

О добродетельный сын династии Рагху, я не могу удержать тебя, и потому иди, но возвращайся как можно скорее! Иди путем добродетели! О тигр в роду Рагхавы, пусть долг, которому ты следуешь с радостью и благочестием, покровительствует тебе! Пусть боги, которым ты каждый день поклоняешься в храмах, перед чьими алтарями ты склоняешь голову, и великие риши – защитят тебя в лесу! О царевич, наделенный безграничной добродетелью, пусть оружие, подаренное тебе мудрецом Вишвамित्रой, защитит тебя. Пусть твое послушание отцу и почитание матери, твоя щедрость, сын мой, благословят тебя долгой жизнью, о доблестный герой. Пусть священное топливо, трава куша, священные возлияния, Веды, храмы, мантры святых аскетов, скалы, деревья, кусты, водоемы, птицы, змеи и львы защитят тебя, о лучший среди людей. Пусть Садхьи, Девы, Маруты и великие Риши будут благосклонны к тебе! Пусть Дхатар и Видхатар, Пушан, Бхага, Арьяман и все стражи мира, возглавляемые Васавой будут благосклонны к тебе! Пусть шесть времен года, месяцы, года, дни и ночи, каждое мгновение покровительствуют тебе! О сын мой, пусть шрути, смрити и дхарма во всем покровительствуют тебе! Пусть Сканда, Бхагават, Сома, Брихаспати, семь риши и Нарада станут твоими защитниками на все времена! Пусть Сиддхи, стороны света с их главенствующими божествами, призванные мною, защитят тебя в лесу, о сын мой! Пусть все горы, моря и Господь Варуна, небеса, воздух, земля, ветер, а также все движущееся и неподвижное, планеты, неподвижные звезды с их божествами, день и ночь, рассвет и закат будут благосклонны к тебе во время твоего изгнания. Пусть шесть времен года, месяцы, года, деления и измерение времени даруют тебе прибежище. Пусть девы и даиты принесут тебе счастье в великом лесу, по которому ты будешь ступать в одеждах аскета, живя как мудрец. Пусть ты не изведешь страха перед ракшасами и страшными пишачами жестоких поступков, о дорогое дитя. Пусть в твоём лесном убежище не будет обезьян, скорпионов, москитов, комаров, гадов или насекомых. Пусть великие слоны, львы, тигры, медведи, вепри, рогатые буйволы и другие свирепые дикие звери никогда не потревожат тебя, о дорогое дитя. Пусть все хищники, питающиеся плотью или просто опасные, не беспокоят тебя, о сын мой! Сейчас и здесь я с почтением молю их всех за тебя! Пусть охота будет счастливой, а деяния твои созидательны, пусть все удастся тебе, о Рама; будь благословлен, сын мой, и иди, о дорогое дитя. Будь счастлив, очень счастлив, медитируя на все, что находится между небом и землей, на богов и твоих врагов. Пусть Шукра, Сома, Сурья, Дханада и Яма, которым ты поклонялся, покровительствуют тебе, о Рама, когда ты останешься в лесу Дандака. Пусть огонь, ветер, дым и мантры из уст аскетов в час очищения защитят тебя, о радость династии Рагху. Пусть повелитель миров Брахма, Творец, а также риши вместе со всеми богами покровительствуют тебе во время твоего пребывания в лесу!

Сказав так, знаменитая большеглазая Каушалья отдала поклон сонмам богов, предлагая гирлянды, фимиамы и достойные ее молитвы. С помощью великодушных брахманов разведя священный огонь, она по традиции (сноска 1, 229) вылила в него жертвенное масло ради благополучия Рама. Молясь за Раму, прекрасная Каушалья совершила все необходимые подношения богам, а также присутствующим священнослужителям согласно их положению (сноска 2, 229), предлагая масло, гирлянды белых цветов, священное топливо и зерна горчицы, и до конца провела все оставшиеся церемонии. Затем мать Рама попросила дваждырожденных произнести благословенные молитвы с медом, творогом, рисом и маслом ради счастливого пребывания Рама в лесу.

Знаменитая мать Рама раздала дваждырожденным щедрую милостыню и обратилась к Рама:

Пусть благословения, прежде дарованные тысячеглазому богу, благодаря которым он победил Вритру, станут твоими! Пусть благословения, которые Винита даровал Супарне, когда тот отправился на поиски нектара бессмертия, станут твоими! Пусть благословения, дарованные Адити тысячеглазому богу, благодаря которым он сразил Даитьев и обрел амриту, станут твоими! Будь благословлен подобно Вишну несравненного великолепия, сделавшему три шага! Пусть риши, океаны, острова, Веды, миры, стороны света и твои славные подвиги даруют тебе высшие благословения, о могучерукий воин!

С этими словами большеглазая Каушалья просыпала рис на голову своему сыну Рама и нанесла на бровь сандаловую пасту. Затем она сделала амулет (сноска 3, 229) с чудодейственной целебной травой вишальякарани, который завязала собственными руками с магическими заклинаниями. Терзаемая горем, но бодро, с глубоким волнением и дрожью в голосе она обратилась к Рама.

Склонившись над сыном, знаменитая царица положила руки ему на плечи и обняла.

О Рама, – говорила она, – иди с миром и, исполнив свой долг, возвращайся! Дай Бог мне увидеть твоё возвращение в Айодхью! Будь в безопасности и благополучии, в полном процветании и счастье, будь на троне, о дорогое мое дитя. Пусть, вернувшись из лесного уединения, ты навеки исполнишь надежды своей юной супруги и мои! Пусть в ответ на мои молитвы сонмы богов, Шива и другие, великие риши, бхуты, суры и змеи, а также четыре стороны света даруют тебе все, в чем бы ты ни нуждался во время своего долгого лесного изгнания, о Рагхава!

Глаза царицы наполнились слезами. Завершив все благоприятные церемонии, она почтительно обошла вокруг Рагхавы. Устремив на него свой взгляд, она снова и снова с нежностью обнимала его. Неоднократно коснувшись стоп матери, Рагхава обошел вокруг нее и, поклонившись много раз, преисполненный славы, простился, направив шаги свои во дворец Ситы.

Глава 26

Рама сообщает Сите о своем решении

Получив благословения матери, Рама, готовый уйти в лес и верный своему долгу, вышел на главную дорогу, освящая ее своим сиянием и необыкновенными чарующими достоинствами вызывая трепет в сердцах людей, толпившихся по обеим ее сторонам.

Знаменитая царевна Видеха еще не знала о случившемся и размышляла о том как будет общаться с супругом после его коронации. С радостным сердцем совершив поклонение богам, царевна, зная, в чем ее долг, с благодарностью ожидала своего повелителя.

В это время Рама вошел в сверкающую обитель, заполненную счастливой толпой и скоро появился в покоях Ситы расстроенный, с опущенной головой.

Видя его в горе и печали, Сита, дрожа, бросилась навстречу мужу.

Добротельный Рагхава не в силах был более скрывать страданий своей души и дал волю печали.

Глядя в его взволнованное бледное лицо, по которому струился пот, Сита с беспокойством спросила:

Что случилось, мой господин? О Рагхава, сегодня взошла звезда Пушья, Луна прибывает, а Брихаспати заняла самое высокое положение; это время, назначенное брахманами, почему ты в печали? Твое прекрасное лицо, не затемненное пологом, чистое, как пена, утратило свое сияние. Две редких *chanwaras*, яркие как, как молочные лебеди, более не развеваются над тобой, освежая твои брови, подобные тысячелепестковому лотосу! О тур среди людей, не слышно более красноречивых и радостных бардов, поющих тебе хвалу. Брахманы, сведущие в Ведах, не смазывают тебя медом и творогом для посвящения. Почему тебя не сопровождают советники, жители города и придворные в роскошных одеждах? Почему церемониальная колесница, запряженная четверкой быстрых коней с золотой сбруей не ожидает тебя? Почему, о герой, я не вижу огромного украшенного слона, подобного горе или темному облаку, который приближался бы к тебе? О знатный воин, я не вижу слуг, шествующих за тобой с треном, тканом золотом. Закончены ли приготовления к твоей коронации? Лицо твое утратило обычную цветущую красоту, я не вижу в тебе радости.

Потомок Рагху отвечал обеспокоенной царевне:

О Сита, мой почтенный отец изгнал меня в лес! О рожденная в благородной семье, сведущая в своих обязанностях и идущая по пути справедливости, узнай, о Джанаки, почему я сегодня ухожу отсюда. Царь, верный своему слову, отец мой Дашаратха, некогда дал матери Кайкеи два благословения. Сегодня, когда заботами царя должна была состояться моя коронация, она напомнила о данном ей слове и потребовала его исполнить. В этом ее право. Кайкеи потребовала, чтобы отец изгнал меня на четырнадцать лет в лес Дандака, а трон отдал Бхарате. Прежде чем уйти в пустынный лес, я пришел увидеть тебя. В присутствии Бхараты не прославляй меня; в период процветания не должно радостно прославлять соперника, поэтому не говори о моих добродетелях перед Бхаратой. Постарайся даже не произносить моего имени, иначе это помешает тебе жить с ним в мире. Царь в конце концов ему передал бразды правления, поэтому ты должна быть почтительна с ним, о Сита, он станет государем.

Я же исполню слово отца, моего повелителя, и сегодня уйду в лес! Будь мужественна в своей мудрости! Когда я уйду в лес, обитель аскетов, посвяти себя духовной практике и посту. Поднимайся на рассвете, поклоняйся богам, согласно ритуалу, затем иди поклонитесь отцу моему, царю Дашаратхе.

Выражай почтение Каушалье, измученной горем, которая возвела исполнение долга выше всего остального. Будь почтительна со всеми матерями, в равной степени они достойны твоей любви и служения! К Бхарате и Шатругхне, которые дороги мне, как дыхание жизни, относись как к своим братьями и сыновьям. Старайся избегать всего, что может стать неприятно Бхарате. О Ваидехи, он будет царем страны и возглавит династию. Монархи удовлетворены, видя вокруг почет и ревностное служение, но возражения вызывают у них гнев. Цари отвергнут собственных детей, если те пытаются противостоять им, и усыновят чужеземцев, если это в их интересах!

О прекрасная, оставайся здесь подвластной царю, будь послушна Бхарате и посвяти себя духовной практике. Я ухожу в великий лес, дорогая и сладостная царевна, но ты оставайся здесь. Последуй моему совету и ни к кому не питай неприязни.

Глава 27

Сита умоляет Раму позволить ей сопровождать его

Сладостная и милостивая Ваидехи с раной на сердце обратилась к своему господину:

О потомок великого царя, о Рама, я не в силах выразить ничего кроме презрения к тому, что я слышу! Это недостойно воина, царевича, владеющего мечом и пикой! О господин, стыдно и нестерпимо слышать слова твои! О сын знаменитого монарха, отец, мать,

брат, сын или сноха наслаждаются плодами своих заслуг и получают положенное. Но жена разделяет судьбу своего мужа, мой долг ясен – я тоже буду жить в лесу! Для женщины не отец, сын, мать, друзья или она сама, а муж в этом мире и в следующем является единственным путем спасения. Если ты сегодня удаляешься в непроходимый лес, о потомок Рагху, я последую по твоим стопам, топчу колючую траву куша. Отбросив гнев и зависть, как воду после утоления жажды (сноска 1, 233), немедля возьми меня с собой, я ничем не заслужила разлуки с тобой, о герой! Женщина должна следовать по стопам супруга, будь то дворец, колесница или небеса! Мои мать и отец хорошо просветили меня во всех моих обязанностях, и нет необходимости наставлять меня в том, как теперь поступать. Я пойду в глубокий непроходимый лес, безлюдный, полный диких зверей и посещаемый тиграми. Я желаю жить в лесу, как прежде жила во дворце моего отца, не имея беспокойств в трех мирах и размышляя лишь о долге перед моим повелителем.

Покорная тебе, послушная, живя как аскет в тех пахнущих медом лесах, я буду счастлива рядом с тобой, о Рама, о знаменитый повелитель. Что мне до остальных людей? Несомненно, я сегодня пойду с тобой; никто не удержит меня, о могучий царевич, я твердо решила! Конечно же, я буду есть лишь фрукты и корни, не причиняя тебе беспокойства и всегда находясь рядом с тобой. Я последую за тобой, кушая то, что ешь ты. Все, что я желаю, это насладиться красотой гор, болот и озер; послушная твоим мудрым наставлениям, я буду жить в безопасности. Счастливая, я буду любоваться озерами, полными лебедей и уток, поросшими прекрасными цветущими лотосами, оставаясь рядом с тобой, о герой. Я буду омываться в их водах. В постоянной преданности тебе, о большеглазый царевич, жизнь моя будет полна радости. Сотни лет мы проведем вместе и я никогда, даже на мгновение не почувствую усталости. Мне не нужны небеса; на самом деле, без тебя я не стану жить даже в раю, о Рагхава, о тигр среди людей, я не могу запретить себе сделать это. Я пойду с тобой в непроходимый лес, полный оленей, обезьян и слонов. Я буду жить в лесу, словно в отцовском доме, у твоих благословенных стоп. Ты единственный объект моей любви и всех моих мыслей; расставшись с тобой, я не смогу жить. Возьми меня, о дорогой мой господин, исполни мое желание, я не буду тебе в тягость!

Так говорила добродетельная Сита, но царевич, вопреки ее желанию, пытался отговорить ее, описывая полную трудностей жизнь в лесу.

Глава 28

Рама пытается отговорить Ситу

Предвидя опасности, Рама не хотел брать Ситу с собой, и теперь пытался утешить ее, стоявшую перед ним с глазами, полными слез:

О Сита, ты родилась в благородной семье и всегда была верна долгу.

Продолжай исполнять его, этим ты порадуешь меня. О нежная Сита, сделай, как я говорю. Жизнь в лесу полна опасностей, послушай, я опишу их тебе. О Сита, оставь идею жить в лесу, это Антара (сноска 1, 235). Я говорю ради твоего блага. Я не знаю никого, кто был бы счастлив в лесу, это сулит лишь горе. Там всегда слышно устрашающее рычание львов, обитающих в пещерах, которое сливается с грохотом водопадов; лес таит в себе много опасностей.

Везде бродят дикие звери и, увидев человека, яростно нападают на него, о Сита; озера и болота полны крокодилов и совершенно непроходимы даже для слонов во время течи, поверь, жизнь в лесу необычайно опасна. Лианы и кустарники преграждают дорогу, слышны крики павлинов; там нет воды, путь тернист. Ночью измученный усталостью человек вынужден спать на голой земле, постелью ему служат сухие листья. О Сита, день и ночь обуздывая чувства, человек ест фрукты, упавшие с деревьев, поистине, жизнь в лесу причиняет страдания. О Маитхили, он постится до полного истощения, волосы его спутаны, он одет в одежды из древесной коры и по традиции постоянно поклоняется девам, питриям, и оказывает гостеприимство неожиданным привидениям. Омовения нужно со-

вершать трижды в день. О юная царевна, ты должна будешь делать на алтарях подношения цветов, сорванных твоими руками, как это предписывают мудрецы, поэтому я говорю, что жизнь в лесу полна трудностей. Лесной житель довольствуется пищей, которую смог добыть, о Маитхили, лес причиняет страдания. Великие бури настигают лес, окутывают его тьмой среди дня, постоянный голод и другие испытания ожидают меня там. О возлюбленная Сита, бесчисленные змеи и гады всех видов бесстрашно пересекают путь. Змеи, извилистые, как русла рек, в которых они кишат, бесшумно скользят по лесным тропам, – лес так опасен! О хрупкая женщина, мухи, скорпионы, черви, комары и москиты постоянно мучают человека. Кусты, тростник, стелющаяся трава и заросли шиповника преграждают путь, о любимая, поэтому лес причиняет страдания. Болезни и волнения сопутствуют жизни в лесу, поверь, лес таит в себе постоянную опасность. О Сита, там нужно забыть гнев и алчность и среди всех тревог не испытывать страха. Даже не думай идти в лес, это место не для тебя.

Размышляя об этом, я не вижу в лесу ничего кроме опасностей.

Так уговаривал великодушный Рама свою супругу Ситу, не желая брать ее с собой. Но она не в силах была согласиться с его доводами и, преисполненная горю, возражала.

Глава 29

Сита продолжает умолять Раму, но царевич не позволяет ей идти

Выслушав Раму, Сита, преисполненная горю, с лицом, мокрым от слез, мягко обратилась к нему:

Описанные тобой трудности, которые выпадают на долю тех, кто живет в лесу, превратятся в радость благодаря моей преданности тебе. Антилопы, львы, слоны, тигры, шабхи (сноска 1, 236), яки, шримары (сноска 2, 236) и другие дикие звери в лесу еще не видели тебя, о Рагхава, но однажды увидев, они в ужасе разбегутся! Я должна сопровождать тебя, о Рама по воле моих почтенных родителей; в разлуке с тобой я тут же расстанусь с жизнью. Но близ тебя даже царь богов не сможет силой увести меня, не сомневайся в этой истине. К тому же, о прозорливый царевич, в отцовском доме брахманы предсказали, что я непременно буду жить в лесу. Я слышала то предсказание и всегда помнила о нем, о могучий герой. Я обязательно исполню его. Ты – мой муж, и я буду сопровождать тебя в лесу, о мой возлюбленный, иначе и быть не может. Я подчинюсь этому приказу твоего отца и пойду с тобой; настало время исполнить предсказание дваждырожденных. Я знаю, что пребывание в лесу связано с разными трудностями, но, о герой, они не коснутся того, кто владеет своими чувствами. Когда я была девочкой, благочестивые и святые женщины в доме моего отца описывали лесную жизнь в присутствии моей матери! О царевич, я и раньше умоляла тебя взять меня в лес, где я жила бы с тобой; теперь настал этот момент, о Рагхава, пусть процветание сопутствует тебе! Я счастлива последовать за героем леса. О чистая душа, я останусь безгрешной, благочестиво идя по стопам супруга, потому что муж – это бог. Если смерть настигнет меня, я счастлива буду вечно быть с тобой согласно наставлениям почтенных брахманов. Женщина, которую в этой жизни родители отдали супругу, традиционно благословив ее водой, по закону принадлежит ему даже после смерти. Поэтому, если ты не возьмешь меня с собой, кому я буду преданной и верной женой? О Какутстха, тебе надлежит взять меня, несчастную женщину, преданную и верную в процветании и в беде, для которой радость и боль одинаковы. Если несмотря на мое горе ты не возьмешь меня в лес, я приму яд, брошусь в огонь или утоплюсь!

Сита продолжала настойчиво молить Раму позволить ей идти с ним, но могучерукий воин не соглашался, и слова его разгневали Маитхили, она затопила землю своими жгучими слезами. Добродетельный Какутстха, видя горе Ваидехи, попытался снова успокоить ее и отговорить от своего намерения.

Глава 30

Рама позволяет Сите сопровождать его

Маитхили, дочь Джанаки, которую господин ее Рама уговаривал принять его решение, взволнованная и движимая любовью и гордостью обрушилась на широкоплечего Рагхаву с упреками:

О Рама, отец мой царь Митхилы допустил ошибку, взяв тебя в зятя, ты – женщина в облике мужчины! Увы, люди по невежеству своему говорят:

“Несравненна слава Рамы, который сияет великолепием, как солнце!” Что вызывает твой страх и почему ты так подавлен, что отвергаешь меня, у которой нет иного прибежища? Моя преданность тебе подобна преданности Савитри, благодаря которой она удержала своего сына Дьютмасену, доблестного Сатьявата! Без тебя я не могу никого видеть и тем более допускать мысль о том, чтобы жить с кем-то, чтобы не навлечь позор на свой род, поэтому возьми меня с собой, о безупречный Рагхава. Юной девушкой я вышла за тебя замуж и мы долго прожили вместе, но ты бросаешь меня на чужих людей, как низкорожденную актрису, о Рама! Ты оставляешь меня на тех, кто отстранил тебя, и по твоему я должна быть им покорной слугой и вечной рабой, о безупречный герой? Нет, ты не можешь оставить меня и уйти в лес; если дело в том, жить ли в хижине аскета или в раю, то я желаю быть с тобой! Идя за тобой, я не узнаю усталости, даже если больше не смогу лечь рядом на великолепном ложе. Трава куша, тростник, камыш и терновый шиповник на пути покажутся мягкими с тобой, как трава на лужайке или шкура антилопы! Пыль, которая покрывает меня от быстрого шага, подобна редкой сандаловой пасте, о мой дорогой господин. В глубоком лесу я буду спать рядом с тобой на постели из травы, мягкой, как шерстяное покрывало, что может быть более приятно? Листья, корни, фрукты – что бы ни было, много или мало, все что ты соберешь своими руками и дашь мне, будет вкусным, как амрита! Питаясь цветами и фруктами по сезону, я не буду вспоминать об отце или родительском доме. Я не причиню тебе беспокойств или трудностей, я не буду тебе в тягость!

Рядом с тобой – рай, вдали от тебя – ад, вот в чем истина! Знай об этом и будь полностью счастлив со мной! Если вопреки моему настойчивому желанию ты не возьмешь меня в лес, то лучше мне в тот же день принять яд, чем пасть под властью моих врагов. С твоим уходом жизнь моя станет невыносимой от горя.

Если ты отвергнешь меня, о единственная моя опора, я не выживу, лучше мне умереть, я не в силах сносить боль даже мгновенье. How much less Неужели мне страдать десять лет и еще четыре года?!

Так стенала Сита, охваченная печалью и, горестно сокрушаясь, обнимала своего господина и громко плакала. Раненая словами Рамы, она была подобна слонихе, пронзенной жгучими стрелами, ее долго сдерживаемые слезы хлынули подобно огню, высеченному из кремня. Кристально чистые жгучие слезы катились из ее глаз, как вода из двух лотосов, а лицо, чистое, как незапятнанная луна, увяло от неистового горя, словно лотос без воды.

Рама, взяв бесчувственную Ситу за плечи, попытался привести ее в чувство:

О царевна, небеса не влекут меня, когда ты несчастна, страх неведом мне, я бесстрашен, как саморожденный Брахма. Способный защитить тебя в лесу, я все же не был уверен в твоих намерениях и потому не позволял тебе идти со мной в изгнание. Видя, что ты решила остаться со мной, о Маитхили, я не могу более противиться, как сын не может оторгнуть из сердца любовь к родителям. Тем не менее я должен подчиниться доброму примеру своих предшественников, о дева с бедрами, как бивни слона; следуй за мной как Суварчала за солнцем. О дочь Джанаки, я уйду в лес не по собственной воле, а послушный отцу. О деви, мой долг – покориться отцу и матери; если я ослушаюсь их, я не смогу жить. Возможно ли почитать невидимое божество, сопротивляясь воле отца, матери или духовного учителя, которые являются божествами, доступными взору? О женщина с прекрасными ресницами, тройной плод сыновней преданности дарует власть над тремя ми-

рами, и нет необходимости очищаться на земле, чтобы достичь небес. Истина, щедрость, оказанное почитание и даже жертвоприношения с раздачей милостыни не столь действенны, как сыновняя преданность, о Сита. Если человек преисполнен почтения к своим гуру и родителям, он всего достигнет – рая, богатства, зерна, знания, потомства и славы. Тот, кто неуклонно предан своим отцу и матери, достигает обителей богов, гандхарвов, коров, Брахмы и других.

Я хочу последовать указу моего отца, утвердившемуся на пути справедливости. Это неписанный закон. Я позволю тебе идти со мной, о Сита. Я согласен, чтобы ты вместе со мной жила в лесу Дандака, потому что решение твое непоколебимо! О хрупкая женщина, я позволяю тебе идти со мной, о царица с нежным взглядом и безупречным телом; следуй за мной, помогая мне до конца исполнить долг, целиком подчинившись моему сокровенному желанию, о Сита, моя возлюбленная.

О женщина с прекрасными членами, возьми с собой то, что пригодится тебе в лесу; теперь вдали от тебя, о Сита, небеса не нужны мне. Раздай свои драгоценности брахманам, а пищу – нищим, которые жаждут ее; поторопись, не медли! Раздай также слугам и брахманам мои драгоценные украшения, богатые одежды, все предметы роскоши и увлечений, мою постель, колесницы и ложе!

Царица, счастливая согласием Рама, тут же стала раздавать все, чем они обладали.

Глава 31

Рама позволяет Лакшмане сопровождать его

Лакшмана, присутствовавший при этой беседе, обливался слезами. Не в силах сдерживать горя, этот потомок Рагху обнял стопы брата, обращаясь к исключительно благородной Сите и великому Рагхаве:

Поскольку ты решил уйти в лес, полный слонов и ланей, я пойду с тобой; я буду идти впереди с луком в руках. Ты будешь проходить восхитительные леса, где эхо разносит пение птиц и жужжание шмелей, и я буду сопровождать тебя! Вдали от тебя мне не нужны ни обители богов, ни бессмертие, ни власть над мирами!

Так сказал Саумитри, решив жить в лесу, и когда Рама с любовью попытался отговорить его, добавил:

Если ты прежде уже позволил мне, почему теперь не хочешь? По какой причине ты противишься моему желанию? Я озадачен, и хочу услышать твой ответ, о безупречный царевич!

Могучий Рама отвечал Лакшмане, который стоял перед ним, готовый сейчас же отправиться в путь, и молил со сложенными ладонями:

О Саумитри, ты нежен, добродетелен и верен, всегда следуя благородному пути; ты дорог мне, как сама жизнь, ты друг, преисполненный почтения и преданности, но если сегодня ты уйдешь со мной в лес, кто защитит Каушалью и благородную Сумитру? Великий монарх, проливавший на них свою милость, подобно Праджапати, сейчас связан узами страсти. Несомненно, дочь царя Ашвапати, обретя царство, не принесет счастья своим неудачливым соперницам! Она не позаботится о нуждах Каушалы или несчастной Сумитры, так же как и Бхарата, когда вступит на трон, потому что будет под влиянием Кайкеи. Только ты можешь защитить благородную Каушалью, делая этот сам или прося царя о милости, о Саумитри. Сделай это и яви матерям благосклонность царя, о Саумитри. Исполни эту миссию! Так ты выразишь любовь ко мне! Высшая обязанность человека – оказывать почтение гуру, о познавший свой долг! Иди этим путем ради меня, о Саумитри, радость династии Рагху! У моей матери, лишившейся меня, не будет иного счастья.

Выслушав ласковые слова Рама, Лакшмана красноречиво отвечал:

Несомненно, Бхарата, из-за твоего могущества, о герой, явит свою заботу и расположение Каушалье и Сумитре. Если, наделенный высшей властью негодный Бхарата в своей гордыне не защитит их, я безжалостно уничтожу это безнравственное и жестокое суще-

ство со всеми его сторонниками и всеми тремя мирами! Но благородная Каушалья, владелица тысяч деревень, способна управлять бесчисленными воинами, подобными мне. Моя почтенная мать также имеет многочисленных почитателей, готовых защитить ее, так же как и я. Поэтому возьми меня с собой, в этом не будет беды! Этим ты исполнишь мое желание и позаботишься о себе. С моим натянутым луком, лопатой и корзиной я пойду впереди тебя, выбирая дорогу. Я буду все время собирать для тебя коренья, фрукты и другие дары леса, достойные аскета!

Когда ты будешь развлекаться с Ваидехи на равнинах и в горах, я буду доставать все необходимое для тебя, где бы ты ни проснулся или возлег отдохнуть.

Рама, с радостью слушая брата, ответил:

О Саумитри, прощайся со всеми своими друзьями и пошли! Идем сейчас же, и возьми небесное оружие, которое дал царю Джанаке сам великодушный Варуна во время жертвоприношения: два устрашающих лука, непробиваемые доспехи на двоих, колчаны и неистощимые стрелы, два сверкающих, как солнце, меча, чеканных золотом. Все это оружие заботливо хранится в доме моего духовного учителя, о Лакшмана.

Саумитри, твердо решив идти в лес, простился с друзьями и направился к дому духовного учителя династии Икшваку, дабы принести превосходное оружие. Саумитри, тигр среди царевичей, показал Рама все божественные доспехи, искусно выгравированные и украшенные гирляндами.

Увидев вернувшегося Лакшмана, Рама, владеющий собой, сказал:

О Лакшмана, ты пришел в подходящее время! Ты сможешь мне раздать все, что я имею, брахманам, аскетам и дваждырожденным, которые полностью преданы своими гуру, а также наградить всех, кто привязан ко мне. Иди и поскорее приведи сюда сына Вашишти, благородного Саюджну, лучшего среди дваждырожденных. Я удалюсь в лес, должным образом выразив почтение всем дваждырожденным.

Глава 32

Рама раздает свое имущество брахманам, друзьям и слугам

Лишь только Лакшмана услышал из уст брата столь приятные ему и благословенные слова, он сразу поспешил в дом Суяджны и, увидев того брахмана в заботах о жертвенном огне, почтительно поклонился и сказал:

О друг, пойдем взгляни на Раму, от которого отвернулась удача!

В полдень Суяджна вместе с Лакшманой направились в великолепную и восхитительную обитель Рамы. Как только Суяджна, сведущий в Веде, вошел, Рагхава и Сита со сложенными ладонями поднялись ему навстречу в знак приветствия, словно это был сам бог огня. Затем потомок Рагхавы передал брахману драгоценные браслеты из чистого золота, бриллиантовые серьги, золотые цепи с жемчугами, ножные колокольчики и браслеты, а также всех видов драгоценные камни. Передав Суяджне эти дары, по просьбе Ситы Рама сказал:

Возьми эти золотые цепи с жемчугами для своей жены, о друг; моя возлюбленная хочет отдать тебе этот пояс. Моя дорогая Сита отправляется в лес и желает отдать твоей жене эти изумительные браслеты и бриллиантовые колокольчики. Ваидехи также с радостью подарит твоему дому ложе, богато инкрустированное драгоценными камнями. Я же дарю тебе слона Шатрумджаю, которого дал мне мой дядя по матери, а также тысячу кусков золота, о тур среди аскетов.

Суяджна принял дары, осыпав Раму, Лакшману и Ситу всеми благословениями.

Затем мягкосердечный Рама обратился к брату, благородному и вежливому Саумитре, словно к Брахме, повелителю трех миров:

О Саумитри, вырази почтение Каушике и Агастье, тем двум исключительным брахманам, и одари их, словно дождь, орошающий урожай; награди их тысячей коров, о могучий Рагхава, а также золотыми драгоценностями, украшенными камнями. Ачарье, кото-

рый в своей преданности Каушалье проливает на нее свои благословения, который великолепно разъясняет Таттирию (Упанишад) и сведущ в Веде, этому дваждырожденному, о Саумитри, благоразумно предложи колесницу, слуг, а также шелковые одежды. Моему колесничему Читаратхе, который служил мне много лет, дай с избытком редких камней, а также одежды и сокровища, жертвенных животных всех видов и тысячи коров. О Саумитри, восемь колесниц, полных драгоценными камнями, и тысячу коров отдай брахманам, сведущим в Катхе и школах Калапа (сноска 1, 144), тем, кто носит данду (сноска 2, 244) и занят только изучением Веды и не совершает никакой иной работы, кто сидит (сноска 3, 244), наслаждаясь сладкими блюдами, и достоин моего уважения. Каждому из многочисленных Макхалинов (сноска 4, 244), которые служат Каушалье, раздай по куску золота, о Саумитри, и таким образом вырази почтение тем дваждырожденным, которые благословят мать Каушалью в благодарность за мою милостыню.

Лакшмана, строго следуя наставлениям Рама, сам раздал дары тем могущественным брахманам, подобным Дханаде. А Рама обратился к своим слугами, которые, сдерживая рыдания, стояли перед ним и которых он хотел щедро одарить богатствами:

Все вы охраняйте дворец Лакшманы и мой, пока мы не вернемся!

Сказав так сторожам, преисполненным горя, Рама повелел своему казначею: “Принеси все мои сокровища!” Слуги сложили перед ним огромное количество драгоценностей, и этот тигр среди героев с помощью Лакшманы раздал те богатства дваждырожденным, молодым и старым, а также нищим.

Туда пришел также облаченный в шафран брахман из семьи Гарги, которого звали Триджата, он тяжело трудился в лесу с киркой и лопатой. Его юная жена собрала своих маленьких сыновей и сказала престарелому брахману:

Муж – это бог для женщины, послушай моего совета, брось кирку и лопату. Иди разыщи добродетельного Раму, несомненно, он тебя чем-нибудь наградит!

Брахман, покорившись жене, завернул с собой несколько жалких тряпиц и направил свой путь к обители Рама. Триджата, сиявший как Бхригу или Ангира, вместе с толпой беспрепятственно прошел пять ворот и, приблизившись к Рама, сказал:

О доблестный царевич, лишенный богатства и обремененный многочисленной семьей, я живу тем, что дарует лес; будь милостив ко мне!

Рама шутливо ответил:

Я не раздал еще тысячу коров! Метни свой посох, и я дам тебе столько коров, сколько окажется их между тобой и твоим посохом!

Триджата, крепче перетянув тряпицами пояс, взял свой посох и изо всех сил метнул его. Посох достиг берега реки Сараю и упал среди тысяч пасущихся коров и быков. Добродетельный Рама обнял Триджату и повелел, чтобы весь крупный рогатый скот на берегах реки Сараю перегнали к его хижине. Затем Рама с любовью обратился к этому потомку Гарги:

Не сердись, что я пошутил с тобой, о брахман! Я хотел лишь увидеть твою великую силу. Если ты еще чего-нибудь желаешь, воспользуйся этой возможностью. Я говорю искренне, не медли, я обрел все свои богатства, раздавая их аскетам и тем, кто их достоин, это принесло мне славу!

Вместе со своей женой великий мунд Триджата с радостью принял бесчисленных коров и одарил великодушного героя всеми благословениями, дабы он увеличил свою славу, могущество, радость и процветание.

Рама продолжал раздавать свое великое богатство, приобретенное доблестью и преданностью, друзьям, следовавшим за ним долгое время с их шумными приветствиями. Ни брахманов, ни друзей, ни слуг или нищих не обошел Рама почтением, вниманием и достойными дарами.

Глава 33 Скорбь людей

Два потомка Рагхавы и Сита, царевна Видехи, раздав брахманам свои несметные богатства, пошли увидаться с отцом. Их сверкающее оружие, перевязанное бечевками, которое Сита украсила гирляндой цветов, несли двое слуг.

Великий шум поднялся на террасах трех- и семиэтажных домов, когда люди увидели эту картину, сердца их преисполнились горя! Не в силах протолкаться на улицах, они забирались на балконы, откуда бросали печальные взгляды на Рагхаву. Видя его пешком, в сопровождении младшего брата и Ситы, толпа горестно сокрушалась:

Тот, кого во всех походах сопровождала армия из четырех воинских соединений, теперь идет лишь с Лакшманой и Ситой! Тот, кто наслаждался высшей властью и мог исполнить любое свое желание, не стал противиться воле отца! Та, что прежде ни на кого не обращала своего взора, даже на птиц, теперь доступна обычной толпе на дороге. Сита, умащенная притираниями и красной сандаловой пастой, теперь подвержена дождю, жаре и холоду, которые скоро лишат ее красоты. Царь Дашаратха оказался под влиянием какого-то злого духа, иначе он никогда бы не изгнал своего любимого сына! Даже если сын вовсе лишен добродетели, как может отец изгнать его, тем более Раму, весь мир покорившего своими великим достоинствами? Беззлбный, сострадательный, послушный, исполненный героизма, смиренный и владеющий собой – вот шесть добродетелей Рагхавы, этого тура среди людей.

Поэтому подданные глубоко скорбят, лишившись Рамы, словно водные твари в жару, когда пересыхают водоемы. Все потрясены этим ударом правителя мира, как дерево, полное плодов и цветов, лишившееся вдруг корней! Корень человеческого древа – этот добродетельный герой, овеянный славой, а его плоды, листва и ветви – это все остальные люди! Давайте последуем примеру Лакшманы и вместе с нашими женами и родителями безотлагательно пойдем за Рагхавой. Давайте оставим наши сады, поля, дома и пойдем за добродетельным Рамой, деля с ним чашу счастья и горя. Пусть Кайкейи забирает наши дома, лишённые сокровищ, покинутые нами, разрушенные дворы, без богатств и зерна, пустые, окутанные тьмой, забытые Богом и заполоненные крысами, которые, выбравшись из своих нор, разбегаются повсюду; жилища без воды и дыма, необустроенные, где не проводятся более жертвоприношений, подношений, возлияний, где не звучат священные мантры, призывы и молитвы, и где вся утварь разбита, как после стихийного бедствия! Пусть лес, в котором будет жить Рагхава, станет нашим городом, а покинутый нами город превратится в лес! Пусть гады уходят из своих нор, дикие звери и птицы оставляют скалы, слоны и львы бегут в ужасе перед нами, когда мы войдем в лес, и идут жить в заброшенной столице! Пусть Кайкейи со своим сыном и родственниками правит страной, полной травы, оленины и фруктов, которая станет прибежищем змей, диких животных и птиц! Мы готовы жить в лесу с Рагхавой!

Так говорили люди Айодхьи, и Рама, слушая их, не находил слов, чтобы изменить их твердое намерение. Молча он продолжал свой путь ко дворцу царицы Кайкейи, который сиял, как гора Кайлас. Своим мужеством этот великодушный воин походил на слона, опьяненного течкой.

Войдя в царский дворец, прибежище мудрецов и воинов, он увидел безутешного Сумантру, который стоял неподалеку. Понимая горе друга, Рама не подал виду и с улыбкой приблизился к нему, желая еще раз увидеть отца и с преданностью исполнить его волю.

Потомок Икшваку, великодушный Рама, направляясь к царю, преисполненному горя, остановился, увидев его колесничего, охранявшего вход. Преданный долгу и послушный отцу, твердый в своем намерении жить в лесу, Рама обратился к Сумантре:

Сообщи царю о моем приходе!

Глава 34

Рама пытается утешить отца

Темнолицый Рама, чьи глаза напоминали лепестки лотоса, славный своим безупречным нравом, сказал колесничему:

Дай знать отцу о моем приходе!

Сумантра тут же отправился к царю и увидел его стонущего и раздавленного горем. Монарх напоминал погасшее солнце или огонь, покрытый пеплом, или высохшее озеро. Прозорливый колесничий со сложенными ладонями сообщил монарху, чей ум был полностью расстроен, о приходе Рама, о котором монарх так скорбел, и, обратившись к царю с пожеланиями грядущей удачи, добавил, запинаясь, низким и дрожащим голосом:

Этот тигр среди героев, сын твой Рама, отмеченный исключительной отвагой, стоит у твоей двери. Раздав все, что имел, брахманам и слугам, он хочет видеть тебя; процветания тебе! Простившись со всеми своими друзьями, он готов удалиться в лес и желает проститься с тобой. Он сияет добродетелью, словно солнце в ореоле лучей, о царь!

Достойный и добродетельный монарх, чья пронизательность была глубока, как море, а набожность – как космос, отвечал:

О Сумантра, приведи сюда всех моих супруг, я желаю принять Раму в их присутствии!

Колесничий вышел в женскую половину дворца и сказал:

Почтенный государь ожидает своих цариц, поторопитесь! Женщины, к которым обратился Сумантра от имени царя, покорились воле своего господина. Не менее семисот женщин, верных своим обетам с глазами покрасневшими от слез, окружали медленно шествующую Каушалю.

Взглянув на своих жен, могущественный монарх сказал колесничему:

О Сумантра, пригласи моего сына! Через минуту колесничий вернулся вместе с Рамой, Лакшманой и Маитхили и приблизился к царю.

Царь, увидев сына, почтительно остановившегося на расстоянии со сложенными ладонями, поспешно сошел с трона и, преисполненный горя, окруженный женщинами, бросился ему навстречу. Достигнув Рама, царь без чувств упал на пол, терзаемый мукой.

Рама и Лакшмана с великой заботой кинулись к царю, от горя потерявшему сознание. Дворец огласился воплями сотен женщин, кричавших “Ах! Увы!”, и звоном их украшений. Рама и Лакшмана, подняв отца на руки, плача, с помощью Ситы положили его на ложе. Через мгновение Рама со сложенными ладонями обратился к царю, который пришел в себя, но тонул в океане горя и слез:

О великий царь, я пришел проститься с тобой! Ты – повелитель всего, взгляни на меня с благосклонностью, прежде чем я удалюсь в лес Дандака!

Позволь также Лакшмане и Сите сопровождать меня, поскольку несмотря на бесчисленные веские доводы они не желают оставаться. Искуши свои слезы, о господин, позволь всем нам – Лакшмане, мне и Сите – уйти отсюда, как это сделали в прошлом дети Праджапати!

Видя, что Рагхава ожидает лишь позволения отправиться в лес, царь сказал:

О Рагхава, поскольку благословения, которые я дал Кайкейи, лишили меня разума, сегодня же стань царем Айодхьи и заключи меня в тюрьму!

Рама, лучший из людей, со сложенными ладонями мудро отвечал царю, своему отцу:

О государь, правь землей тысячу лет; я же буду жить в лесу, поскольку не стремлюсь к трону. Проведя там девять и еще пять лет и выполнив твое слово, я вернусь выразить почтение твоим стопам, о повелитель. Царь, жалобно вздыхая и постясь, связанный своим словом и понуждаемый прямыми требованиями Кайкейи, отвечал любимому сыну:

Ради твоего счастья и процветания, о дорогое дитя, следуй этим путем с безмятежным сердцем, пока не вернешься. Пусть это принесет тебе радость и пусть ты пребудешь в безопасности! Поскольку в своей щедрости и преданности долгу решение твое непоколебимо, о дорогое дитя, радость династии Рагху, не уходи хотя бы до вечера, позволь мне в последний раз насладиться твоим лицом! Проведи эту ночь со мной и своей матерью! Зав-

тра на рассвете все твои желания будут исполнены, ты воплотишь свой замысел. О сын мой, о дорогой Рагхава, ради моего удовольствия ты решился на этот страшный шаг – жить в лесу. Признаться, я не в силах вынести этого, клянусь тебе, о сын мой Рагхава; я обманут женщиной, скрывавшей свою злобу, как зола покрывает огонь! Ты страдаешь от вероломства, которое я совершил под давлением низкой Кайкейи. Неудивительно, что ты, будучи старшим сыном, пытаешься исполнить обет своего отца!

Эти слова несчастного отца глубоко опечалили Раму, так же как и Лакшману, и Рагхава ответил:

О отец, то, что я должен обрести сегодня, кто даст мне завтра?

Поэтому сегодня я должен уйти. Я отрекаюсь от этой земли с ее царством, жителями, богатствами и изобилием зерна. Отдай это Бхарате! Я твердо решил сегодня удалиться в лес! Обещание, которые ты дал Кайкейи на поле битвы, о великодушный царь, должно до конца исполниться! Будь верен своему слову, о царь; я же, послушный твоей воле, буду жить в лесу с дикими зверями в течение четырнадцати лет. Не медля передай царство Бхарате. Я не стремлюсь к короне и не жажду богатства, я хочу лишь исполнить твою волю, о потомок Рагху. Стряхни горе и вытри свои слезы; неодолимый океан, царь вод, всегда спокоен. Я не желаю трона, процветания, власти над землей, радостей земных и небесных. Все, что я желаю – это чтобы слово твое было нерушимым и веским, о тур среди людей. Я клянусь в этом тебе именем истины и всеми своими заслугами. О дорогой отец, мой повелитель, справься со своим горем, я не останусь здесь ни на мгновение дольше. Решение мое твердо. Кайкейи изрекла указ: “Рагхава уйдет в лес!”, и я ответил: “Я уйду!” Я намерен исполнить свое слово. Не печалься о царь, мы будем счастливы в лесу, где так много ручных ланей, а эхо разносит пение птиц. Дорогой отец, даже боги почитают отца своего как Бога, поэтому, послушный отцовской воле, я покоряюсь воле Бога.

По истечении четырнадцати лет ты увидишь мое возвращение, о лучший среди людей. Преодолей свое горе, ты должен иссушить слезы, которые потоками катятся из глаз твоих подданных. О тигр среди людей, к чему это уныние? Я отрекаюсь от столицы, трона и всей страны, пусть Бхарата правит ею! Я покоряюсь твоей воле и удаляюсь в лес, дабы жить там много лет. Пусть Бхарата защищает границы этой земли с ее горами, равнинами, городами, реками и лесами, но твой обет должен быть безоговорочно исполнен. О царь, я не стремлюсь к богатствам и не ищу личной выгоды, я желаю лишь исполнить твою волю. Не горюй обо мне, о безупречный государь. О добродетельный царь, я не желаю этого вечного царства, радостей и даже саму Майтхили, если среди твоих волнений я предаю тебя! Истинность твоего слова превыше всего.

Я буду жить фруктами и кореньями в лесу, глядя на горы, реки и озера. Углубившись в лес с его ароматными деревьями, я буду счастлив и спокоен за себя.

Глубоко опечаленный царь, с великой скорбью обнял своего сына и, теряя сознание, повалился на пол. Все царицы кроме Кайкейи, любимицы царя, залились слезами. Сумантра остолбенел, раздираемый рыданиями. Все потонуло в одном горестном вопле.

Глава 35

Сумантра упрекает Кайкейи

Царь тряс головой, часто вздыхал, заламывал руки, скрипел зубами, с глазами красными от гнева, у него снова начался сильный приступ горя, лицо его утратило свой естественный оттенок. Глубоко расстроенный Сумантра, видя, что творится с умом Дашаратхи, острыми стрелами своих слов пронзил сердце Кайкейи, стоявшей неподалеку. Раскальвая ей душу своим подобным грому обвинением, беспримерным и неумолимым, министр обратился к ней:

О царица, раз ты столь вероломна по отношению к царю Дашаратхе, правителю мира и всех движущихся и неподвижных существ, значит, нет на свете преступления, которое ты не способна была бы совершить! Я полагаю, ты станешь причиной смерти своего су-

пруга и в конце концов всего рода! Своим мерзким поведением ты мучаешь его, непобедимого как Махендра, непоколебимого как гора и неодолимого как океан! Не выражай презрения к Дашаратхе, своему супругу и великодушному повелителю! Желания мужа для женщины стоят тысячи сыновей! Согласно традициям этой династии, старший сын становится преемником отца, а ты пытаешься изменить это и требуешь, чтобы твой сын Бхарата правил землей. Но все мы уйдем за Рамой; ни один брахман не пожелает остаться в твоём царстве, – так безнравственно ты поступаешь! Все мы последуем за Рамой! Отвергнутая родственниками, брахманами и добродетельными людьми, какого счастья ты достигнешь, незаконно захватив трон и явно поправ закон, в котором ты хочешь участвовать, о царица? Удивительно, что земля еще не разверзлась от грубого нарушения, в котором ты виновна, или что ужасные проклятия великих брахмариши, подобные пылающим стрелам, еще не уничтожили тебя, потребовавшую изгнания Рамы! Возможно ли, срубив топором дерево манго и посадив нимб, получить сладкие плоды? Характер ребенок наследует от матери; говорят, что “из нимба мед не течет”. Твоя мать родилась под несчастливой звездой, мы знаем, прежде мы слышали об этом. Великодушный аскет даровал отцу твоему замечательное благословение, благодаря которому он стал понимать язык всех божьих созданий.

Однажды, лежа в постели, отец твой услышал крикливые слова светло-желтого муравья и, разгадав их смысл, громко рассмеялся. Мать твоя разгневалась и пригрозила лишиться себя жизни: “О мой возлюбленный, о царь, я желаю знать причину твоего смеха!”

Монарх отвечал царице: “Если я скажу, почему смеюсь, несомненно, я умру в тот же миг”. Надоедливая царица, настаивая в своем, снова обратилась к супругу: “Я желаю узнать причину, пусть даже ценой твоей жизни; не насмехайся надо мной!”

Подстрекаемый нежно любимой супругой, царь Кекейя рассказал все тому, кто даровал ему благословение, и аскет отвечал царю: “Неважно, умрет ли она или покинет тебя, ничего не раскрывай ей, о царь!” Государь прислушался к этим словам и немедленно изгнал твою мать, став счастливым, как Кувера. Ты тоже, следуя путем зла, ошеломила царя своей порочностью, заставив его вступить на несправедный путь. В народе говорят: “Сыновья походят на отца, а дочери – на мать”, и я вижу это. Пусть это не относится к тебе; сделай, что говорит тебе царь, исполни желание своего супруга и защити людей, не поддавайся злу и не позволяй супругу своему, подобному главе богов, повелителю земли, допустить эту несправедливость.

Это незаконно, что царь, престарелый монарх Дашаратха с лотосными глазами уступает твоему желанию, хотя он безупречен. Пусть его старший сын, великодушный, бдительный защитник всего живого, верный своим обетам, доблестный Рама примет корону! Ужасное проклятие ты навлечешь на весь мир, о царица, если Рама уйдет в лес и покинет своего отца, царя. Пусть Рама правит царством; оставь свои притязания; только Рагхава вынесет твое присутствие в столице. Если Рама вступит на трон, царь Дашаратха, этот храбрый лучник, сможет удалиться в лес, дабы остаток жизни провести в медитации!

Так жестоко и в то же время мягко Сумантра со сложенными ладонями в присутствии царя пытался вразумить Кайкейи, но царица не позволила страху или жалости тронуть ее сердце, ни один мускул не дрогнул на ее лице.

Глава 36 Министр Суддхартха вразумляет Кайкейи

Потомок Икшваку, раздавленный данным обещанием, глубоко вздохнул и обратился к Сумантре:

О колесничий, пусть могучая армия из четырех воинских соединений, собрав богатства, сейчас же отправляется сопровождать Рагхава. Пусть прекрасные и красноречивые женщины и богатые купцы украсят свиту юного царевича! Собери всех атлетов, развлекающих нас своей силой, и дай Какутстхе любое оружие, какое он выберет, а также тело-

хранителей, колесницы и охотников, которые знают лесные тропы. Убивая антилоп и слонов и наслаждаясь диким медом и красотой рек, он не будет думать о своем царском положении. Пусть все зерно и собранные мною сокровища хранятся у Рамы, пока он будет жить в лесу. Совершая жертвоприношения в святых местах и раздавая традиционную милостыню тамошним риши, он будет счастлив. Тем временем могучерукий Бхарата будет править Айодхьей. Еще раз я повелеваю тебе окружить благословенного Раму всеми возможными удобствами!

Слова потомка Какутстхи ужаснули Кайкейи, она побледнела и чуть не задохнулась от злобы; на грани обморока, с искаженным лицом царица надменно обратилась к царю:

Друг мой, Бхарата не примет царство, лишнее богатств и увеселений, словно бесцветное вино, утратившее вкус!

Царь Дашаратха отвечал большеглазой Кайкейи, крайне высокомерно произнесшей столь бесстыдные слова:

О порочная и отвратительная женщина, взвалившая на меня столь тяжкое бремя, почему ты продолжаешь мучить меня? Как далеко еще ты зайдешь в своих желаниях?

Эти слова негодования только удвоили гнев Кайкейи, и она сказала:

Я слышала, в вашей династии царь Сагара сослал своего старшего сына Асаманджаса в лес; пусть и Рама идет точно так же!

Негодная! – крикнул царь Дашаратха, и все вокруг устыдились, но царица оставалась непреклонной.

И тогда престарелый министр по имени Сиддхартха сказал Кайкейи:

Асаманджас взял маленьких детей, которые играли на улице и, злобно развлекаясь, бросил их в реку Сараю. Царь спросил своих подданных:

“Что ужаснуло вас?” И они отвечали: “У Асаманджаса помутился разум и он бросил наших детей в реку Сараю, когда они развлекались своими играми. Эта жестокость доставила ему великую радость”. Услышав это, монарх изгнал виновного сына ради удовлетворения своих граждан:

Немедленно погрузите его вместе с женой на повозку и отправьте в лес, где он проведет оставшуюся жизнь.

С корзиной фруктов в руках Асаманджас бродил по крутым горам, как преступник. Вот почему добродетельный царь Сагара изгнал его. Но что плохого сделал Рама, за что его ссылают в лес? Мы не видим в Рагхаве ни единого недостатка, как невозможно найти пятна на безупречной луне! Тем не менее, о царица, если ты знаешь какой-то порок в Рагхаве, скажи о нем, и Рама уйдет в лес справедливо. Изгнать того, кто невинен и идет праведным путем, столь порочно, что самого Шакру лишило бы великолепия! Не завидуй процветанию Рамы, о прекрасная царица, наоборот, берегись всеобщего осуждения!

Выслушав Сиддхартху, царь слабым и глухим от горя голосом сказал Кайкейи:

Ты пренебрегаешь словами моего министра, о порочная, потому что не знаешь, что сулит благо тебе или мне; опускайся все ниже, идя путем зла; ты дурно ведешь себя, отступив от истины! Я сегодня же последую за Рамой, отказавшись от царства, великолепия и богатства. Правь вместе с Бхаратой и наслаждайся царством в свое удовольствие!

Глава 37

Рама, Лакшмана и Сита надевают одежды из древесной коры. Васиштха пытается отговорить Ситу от ее намерения

Выслушав речь министра, Рама, преисполненный почтения, сказал царю:

Я отрекся от всех удобств, дабы жить в лесу, поддерживая себя тем, что можно там найти; о государь, зачем мне армия и все остальное, если я покинул общество людей? Тот, кто приносит в жертву ценного слона, не позволит себе сожалеть о его подпруге; куда использовать сбрую, лишившись слона великой цены? О лучший среди людей, о повелитель земли, зачем мне армия? Я лишился всего; пусть принесут мне лишь одежды из древесной

коры; пусть принесут мне только две вещи – лопату и корзину, которые пригодятся мне все четырнадцать лет, что я проведу в лесу.

В тот же момент Кайкейи в присутствии всего собрания сама бесстыдно подала Рагхаве древесную кору: “Одень ее!” И этот тигр среди героев, взяв два куска коры, снял с себя дорогие наряды, дабы облачиться в одежду аскета.

Затем Лакшмана снял свои дорогие одежды и в присутствии отца наделся монахом.

Сита, облаченная в шелк, вздрогнула, увидев приготовленную для нее древесную кору, словно лань, заметившая силок охотника. Со смущением и негодованием Джанаки приняла из рук Кайкейи два вида одежды, сделанной из травы куша, и глаза ее наполнились слезами. Верная долгу, она обратилась к своему господину, который напоминал царя гандхарвов:

Как аскеты, живущие в лесу, носят свою кору?

Не ведая о тех обычаях, Сита никак не могла закрепить на себе эту одежду. Поместив вокруг шеи один конец, дочь Джанаки держала в руках другой и беспомощно стояла в замешательстве, пока Рама, лучший среди добродетельных людей, не подошел и сам не завязал кору поверх ее шелковых одеяний.

Видя, как знаменитый Рама помогает Сите одеть кору, женщины во внутренних покоях разразились слезами и горестно обратились к Раме безграничной славой:

О дорогое дитя, почтенная Сита не создана жить в лесу; послушный воле отца ты надолго уходишь, но позволь ей остаться с нами, нам в утешение, о господин! Иди в лес с Лакшманой, взяв его своим спутником, о дорогой сын; эта хрупкая царевна не способна жить в лесу, как отшельница! О дитя, яви нам свою милость, пусть прекрасная Сита останется. Верный своему долгу с этого дня ты не желаешь жить здесь!

Слушая женщин, сын Дашаратхи помог настаивавшей на своем Сите одеться. Когда она предстала в двух кусках коры, духовный учитель царя, Васиштха, плача, попытался отговорить ее, и сказал Кайкейи:

О надменная, бесчувственная царица, о оскорбительница рода, ты обманула царя и теперь перешла все пределы! Нет, божественная Сита не должна идти в лес, о бесстыдная женщина, пусть она правит вместо Рамы!

Жена – половина мужа, это та вторая половина, которая правит царством. Если Ваидехи уйдет в лес вместе с Рамой, мы пойдем за ними, так же как и весь город. Стражники, охраняющие внутренние покои, пойдут за Рагхавой и его супругой, так же как и все царство с его сокровищами и городами, полными людей. Бхарата и Шатругхна, тоже надев древесную кору, будут аскетами жить вместе со своим старшим братом, Какутстхой. Оставайся одна с деревьями и правь царством, лишенным людей, о порочная женщина, всем принеся разрушение. Знай, царство, где Рама – не царь, не царство! Лес станет истинным царством, поскольку там будет жить Рама! Бхарата не захочет править империей, которую отец никогда не давал ему, как не станет жить под твоей опекой, если он воистину царский сын! Даже если ты убежишь на край земли или неба, он не поступит иначе, потому что хорошо знает обычаи своего рода!

Из материнского честолюбия пытаюсь возвысить своего сына, ты оскорбляешь его, поэтому во всем царстве не останется никого, все пойдут за Рамой! С этого самого дня, о Кайкейи, ты будешь видеть только стада овец, тигров, оленей и птиц, которые следуют за Рамой, даже деревья будут клониться в его сторону!

Поэтому о царица, надень на свою сноху драгоценные камни и позволь ей взять с собой прекрасные колесницы, слуг, одежды и все необходимое, чтобы жить с Рагхавой в лесу.

Пытаясь защитить Ваидехи, Васиштха сказал:

О дочь царя Кекайи, ты требовала, чтобы Рама жил в лесу аскетом, но это не касается Ситы!

Так говорил лучший среди аскетов, духовный учитель царя непревзойденного могущества, но Сита осталась тверда в намерении служить своему возлюбленному господину.

Глава 38

Рама просит отца покровительствовать Каушалье

Видя Ситу в одеждах из древесной коры и словно лишившуюся опоры несмотря на присутствие мужа, люди сказали царю: “Горе тебе!” Среди этого шума монарх, потомок династии Икшваку, горячо вздыхая, обратился к супруге своей Кайкейи:

Эта прекрасная юная царевна, привыкшая к покою и роскоши, не сможет жить в лесу; мой гуру говорит истину. Кому и чем причинила зло эта благословенная дочь самого добродетельного из монархов, что теперь она должна надеть на себя древесную кору и жить в чаще леса, словно темный аскет? Пусть дочь Джанаки снимет эту кору, я никогда не позволю ей надеть ее!

Если хочет, царевна может идти в лес, но обеспечив себя всем необходимым и сверкающая драгоценностями. Суровая необходимость заставила меня отдать столь жестокое распоряжения, но я не в силах вынести его. Ты в своем безумии вытребовала этого! Знай, этом ты не добьешься блага, как цветы бамбука высушивают его (сноска 1, 259)! Допустим, Рама чем-то провинился перед тобой, но в чем ты упрекаешь Ваидехи, о злобное создание? Что сделала тебе дочь Джанаки с глазами, как у лани, всегда мягкая, достойная почитания?

В угоду тебе мы изгнали Раму, о порочная, почему же ты умножаешь наши муки? Разве я не подтвердил приказ, который ты при мне дала Раме, когда он пришел сюда, готовясь к коронации? Ты не боишься пойти в ад, требуя большего и заставляя Маитхили надеть кору?

Несчастный царь Дашаратха не видел предела своему горю и, сокрушаясь о сыне, без чувств повалился на пол.

Рама, готовый отправиться в лес, отвечал отцу со склоненной головой:

– О добродетельный царь, моя почтенная и престарелая мать Каушалья не может поступить неуважительно и потому не обращалась к тебе, но изгнание мое ввергло ее в океан горя! О великодушный государь, до сих пор она не знала страданий; заботься же о ней с удвоенным вниманием. О царь, могуществом не уступающий Индре, утешь мою мать, для которой я был единственной отрадой, дабы в мое отсутствие она от горя не рассталась с жизнью и не ушла в обитель Ямы.

Глава 39

Они готовятся уйти в лес

Услышав слова Рамы и видя его в одеждах аскета, царь и его супруги были потрясены. Преисполненный горя монарх не смел взглянуть на Рагхаву, он не в силах был поднять на него глаза или произнести хоть слово. Теряя сознание и снова приходя в себя, царь сокрушался о Раме:

– Наверное, прежде я лишил многих живых существ их потомства или навредил им чем-то, если сейчас оказался в таком положении. Несомненно, еще не пробил час, чтобы жизненный воздух покинул мое тело, раз измученный Кайкейи я не чувствую приближения смерти, но вижу моего сына, который, подобно Паваке, стоит передо мной, сбросив с себя богатые одеяния и облачившись в одежды аскета. Одним этим поступком Кайкейи, преследующая только собственным благом, навлекла на всех людей несчастье!

Вздыхая, теряясь и крича “Рама! Рама!” царь не в силах был продолжать.

Придя в себя через некоторое время он с глазами полными слез сказал Сумантре:

– Запряги лучших коней в мою колесницу и отвези Раму, этого великого героя, к границам царства. Добродетельные люди теперь скажут: “Такова награда за добродетель: хо-роший человек изгнан в лес своими отцом и матерью!”

По воле царя Сумантра быстро запряг коней в богато украшенную колесницу и пошел за Рамой. Со сложенными ладонями он обратился к царевичу, сообщая, что колесница, инкрустированная золотом и запряженная лучшими скакунами, ожидает его.

Безупречный царь призвал своего казначея и, зная время и обстоятельства, распорядился:

– Принеси всю необходимую богатую одежду и драгоценности для Ваидехи!

Слуга повиновался и скоро вернулся с одеждами для Ситы. Прекрасная Ваидехи, готовая отправиться в лес, украсила свои безупречные члены драгоценностями, своими пышными одеждами осветила весь дворец, словно восходящее солнце, озаряющее небесный свод.

Царица Каушалья обняла Маитхили и поцеловала в лоб, а потом обратилась к ней, деве безупречного нрава:

– Во всех мирах порочные женщины, даже нежно любимые, отвергают своих супругов, когда удача отворачивает от них. Такова природа тех, кто изведав величайшее наслаждение, осуждает или даже покидает мужей своих в беде. Порочной природы, презренные и бессердечные, эти злые женщины в один миг безжалостно разрывают хранимые прежде узы. Ни семейная забота, ни доброе отношение, ни мудрость или богатство, ни даже привязанность не удерживают сердца такой женщины, лишенной любви. Но добродетельные, верные долгу, справедливые, послушные и почтенные видят в своих покровителях высший путь спасения. Поэтому не покидай моего сына, хоть он изгнан в лес; в горе или в радости он – бог для тебя.

Сита, понимая глубокий смысл этих слов, созвучных долгу и сулящих благо, отвечала своей свекрови, стоя перед нею со сложенными ладонями:

– Я сделаю все, что бы ни повелел мой господин; я знаю свои обязанности перед мужем, нет необходимости наставлять меня. О прекрасная, не сравнивай меня с обычной толпой; я не способна пренебречь своим долгом, как Прабха – покинуть Чандру (сноска 1, 261)! Как вина не может звучать без струн, а колесница – ехать без колес, так жена не ведет счастья без мужа, даже имея сто сыновей! Отец, брат и сын приносят счастье, но муж – это источник безграничной радости. Как же могу я, о царица, услышав от тебя о тех исключительной добродетели женщинах, попать свои многочисленные обязанности или проникнуться презрением к моему повелителю, которого почитаю как бога?

Тронутая словами Ситы, чистосердечная Каушалья позволила слезам радости и горя покатиться по своим щекам, и добродетельный Рама, глядя на нее, окруженную почтением, в присутствии других цариц со сложенными ладонями обратился к матери:

– Дорогая мать, не нужно предаваться скорби, позаботься о моем отце; изгнание мое скоро закончится, эти четырнадцать лет пролетят для тебя, как сон, и ты увидишь меня в кругу друзей на вершине счастья!

Утешив мать, Рама обратил свой взор на триста пятьдесят супруг своего отца и со сложенными ладонями согласно дхарме сказал тем царицами, охваченным горем:

– Если я, живя среди вас, чем-то не хотя обидел кого-то, прошу, простите меня!

От этих смиренных слов, исполненных благородства, царицы опечалились еще больше и подняли дикий вой. Дворец Дашаратхи, этого индры среди людей, прежде оглашавшийся ударами гонгов и барабанов, словно раскатами грома, теперь наполнился воплями и причитаниями.

Глава 40 Отъезд Рамы

Рама, Сита и Лакшмана со сложенными ладонями коснулись стоп царя и печально обошли вокруг него. Простившись с монархом, добродетельный Рагхава, сопровождаемый Ситой, отдал дань почтения матери, разбитой горем; Лакшмана, также следуя за Рамой, выразил почтение Каушалье и коснулся стоп своей матери, Сумитры.

Желая сыну счастья, Сумитра, поцеловав его в лоб, сказала доблестному Лакшмане:

– Хорошо, что ты будешь жить в лесу, что ты так предан своим друзьям! О сын мой, никогда не покидай Раму, своего брата, все четырнадцать лет, куда бы он ни пошел. В беде ли, в радости, он – твое прибежище, о безупречный царевич; в этом мире воистину добродетельные почитают старших; в традициях этой семьи не только раздавать милостыню и проводить жертвоприношения, но так же отдавать жизнь свою в сражении.

Сказав так Лакшмане, целиком преданному Рагхаве, Сумитра воскликнула:

– Иди, иди!

И добавила:

– Знай, отныне Рама заменит тебе Дашаратху, дочь Джанаки, меня, а лес – Айодхью! Иди, сын мой, пусть удача не покидает тебя!

Сумантра, с великим почтением поклонившись Какутстхе, словно Матали

Васаве, сказал:

– Взойди на колесницу и будь счастлив, о знаменитый царевич, о Рама, я отвезу тебя, куда ты пожелаешь. Начиная с сегодняшнего дня ты должен четырнадцать лет провести в лесу, если покоряешься воле царицы!

Сита первой с радостным сердцем взойшла на колесницу, сиявшую как солнце; эта прекрасная дева была в богатых одеждах. Царь Дашаратха повелел положить в колесницу все виды оружия и доспехов для двух братьев, а также лопату и шкуру антилопы. Затем Рама и Лакшмана поднялись на эту сияющую как огонь колесницу, украшенную золотом шамикара. Как только они сели вместе с Ситой, Сумантра с размаху хлестнул своих превосходных коней, быстрых, как ветер.

Рама отправлялся в долгое изгнание в бескрайний лес. Весь город охватил ужас, люди и животные преисполнились волнения, слоны опьянели от течки, а кони ржали из-за великого бедствия. Все жители Айодхьи вместе с детьми и стариками, безутешные, бежали за Рамой, как истомленный жаждой человек бежит к воде. Огромное людское море волновалось вокруг колесницы, впереди нее и сзади, все лица были мокры от слез. Сквозь рыдания люди кричали Сумантре:

– О колесничий, поддержи коней! Правь медленно, медленно! Мы хотим увидеть лицо Рамы, потому что скоро мы лишимся его! Несомненно, сердце матери Рамы сделано из железа, раз оно не разорвалось, когда этот герой, подобный потомку богов, отправился в лес! Верная долгу Ваидехи последовала за своим господином, словно тень. В своей преданности долгу она более не покинет его, пока солнечный свет освещает гору Меру! Ах! Лакшмана, ты достиг цели своей жизни, потому что сопровождаешь брата, прекрасного, как бог, чьи слова всегда дружелюбны. Ты воистину мудр и радость твоя велика; идя вслед за Рамой, ты проложишь себе путь на небеса!

Не в силах сдержать слез, люди шли за возлюбленным потомком Икшваку.

Царь, окруженный плачущими супругами, смотрел из дворца.

– Я хочу еще раз увидеть моего возлюбленного сына! – воскликнул он, и женщины, слыша это, разразились воплями, словно слониhi, видя, что их великий слон в плену. Отец Рамы, царственный и престарелый потомок Какутстхи, лишился своего великолепия, словно полная луна в период затмения.

Благословенный Рама, сын Дашаратхи, непостижимая душа, поторопил колесничего:

– Быстрее! Быстрее!

Если Рама кричал: “Тони!”, то толпа ревела: “Стой! Остановись!”, – и колесничий не знал, как поступить. Как только могучерукий Рама вырвался вперед, толпа в слезах повалилась в пыль, поднятую его колесницей. Изнуренная рыданиями толпа сокрушалась об уходе Рамы и кричала в величайшем горе: “Увы! Увы!” Слезы женщин превратились в потоки, словно вода, стекающая с лотосов, когда прыгает рыба.

Видя город, погруженный в печаль, знаменитый монарх от горя потерял сознание, подобно древу, вырванному с корнем. Великий вопль скорби раздался у Рамы за спиной, когда люди увидели монарха своего без сознания, на вершине горя. Видя, как царь плачет

среди своих супруг, некоторые в сострадании звали: “О Рама!”, а другие: “Каушалья!” – и Рагхава, обернувшись, увидел царя, обезумевшего от горя, и мать свою, бежавшую за ним по дороге.

Словно жеребенок, не способный последовать за своей матерью, Рама, связанный узами долга, не в силах был этого вынести и, глядя на них, пеших, прежде всегда возвышавшихся на колесницах, не ведавших беды и привыкших к счастью, он крикнул колесничему:

– Гони скорей!

Этому тигру среди людей невыносимо было видеть своих жалких отца и мать, как слон не может стерпеть ударов стрекала. Словно корова, бегущая к своему теленку, запертому в сарае, Каушалья бежала за колесницей и, плача, кричала: “Рама, Рама, о Сита, о Лакшмана!” И Рама пристально смотрел на свою мать, кружившуюся из стороны в сторону, как танцовщица.

– Стой! Стой! – кричал царь.

Вперед, вперед! – кричал Рагхава, и Сумантра не знал, что делать, как воин, оказавшийся меж двумя противоборствующими силами.

Тогда Рама повелел:

– Испытание это умножает мое страдание вне всяких пределов, я не могу его вынести! Скажешь царю, что ты не слышал его, если он станет упрекать тебя!

Колесничий, послушный воле Рамы, стегнул коней, оставил позади толпу и понесся, как ветер. Люди, мысленно кланяясь этому герою, застыли, провожая его глазами.

Советники царя Дашаратхи сказали:

– Не нужно далеко провожать друга, если желаешь его возвращения!

От этих слов монарха, наделенного всеми добродетелями, прошибло потом, черты его исказились. Во власти горя он остановился вместе со своими супругами, устремив потухший взгляд вослед ушедшему сыну.

Глава 41

Вся природа оплакивает уход Рамы

Как только этот тигр среди людей, отдав поклон с почтительно сложенными ладонями, удалился, женщины во внутренних покоях дворца подняли великий плач.

– Куда он ушел? Он был прибежищем, путем и покровителем своих подданных, теперь оставшихся без защиты, слабых и несчастных. Где он теперь, никогда не проявлявший гнева, разрешавший всякое непонимание, способный умиловить всех, кто несет бремя выпавших на их долю страданий? Знаменитый и великодушный царевич, относившийся к нам с таким же почтением, с каким он почитал свою мать, куда он ушел? Где этот защитник всего мира, ныне изгнанный в лес своим отцом, понуждаемым Кайкейи? Увы! В своем безумии царь, разрушитель всего живого, изгнал верного и добродетельного Раму в лес!

Так сокрушались все царицы, словно коровы, покинутые своими телятами, издавая пронзительные вопли. Слыша эти душераздирающие унылые крики из внутренних покоев, монарх, глубоко потрясенный уходом сына, сильно страдал.

С того момента, как Рама ушел в лес, никто не разводил жертвенного огня, в домах не готовили пищу, случилось солнечное затмение, слоны швыряли куски пищи, лишь взяв ее в рот, коровы, не желая кормить своих телят, не подпускали их к себе. Тришанку, Лохитанга, Брихаспати, Будха и другие планеты, чей путь лежал к луне, встали и приняли неблагоприятное, сулящее беду положение; звезды перестали мерцать, а планеты, утратившие блеск, сошли со своих орбит и едва различались на небесах. Продолжительная яростная буря поднялась в океане, землетрясение крушило города. Все стороны света погрузились во тьму, не было видно ни созвездий, ни планет, ни звезд.

Лишившись основного источника жизни, все жители столицы стали ко всему безразличны, более не принимая пищи и не ища развлечений. Охваченные горем, они глубоко и горячо вздыхали, вся Айодхья пребывала в замешательстве из-за ухода Господа земли.

Лица людей были мокрыми от слез, они бродили близ царской дороги, и среди них не было ни проблеска радости, напротив, все пребывало во власти печали. Ветерок перестал дуть, и охлаждающий лунный свет более не дарил благодати, солнце не давало земле тепла, вся вселенная пребывала в волнении.

Сыновья не заботились более о своих родителях, так же как мужья – о женах, а братья – о сестрах. Все покинули тех, кого любили прежде, целиком погрузившись в мысли о Раме. Друзья Рагхавы обезумели и под бременем своих страданий не могли найти себе места. В ужасе и горе земля со всеми ее горами, лишившись этого великодушного героя, устрашающе содрогалась, как прежде покинутая Пурамдарой. Великое волнение царило в этом городе, полном слонов, воинов и коней.

Глава 42 Плач царя Дашаратхи

Пока видно было облако пыли, поднятой колесницей Рамы, царь не сводил с него пристального взгляда. Не видя более любимого сына безграничной добродетели, царь Дашаратха стоял и смотрел ему вслед, и когда пыль улеглась на дороге, несчастный монарх, сраженный горем, без чувств повалился наземь.

Тогда Каушалья подошла к нему справа, а Кайкейи с тонким станом слева, но царь, наделенный мудростью, добродетелью и благоразумием, увидев около себя царицу, с великим волнением сказал:

О злобная Кайкейи, не касайся меня! Я не желаю тебя видеть! Ты больше мне не жена и не родственница. Я неподвластен тебе, я отрекаюсь от тебя, поправшей мою власть ради своих целей! В этом мире и в следующем я порываю узы, в которые вступил с тобой, взяв твою руку и обойдя жертвенный огонь. Если Бхарата, обретя это нетленное царство, преисполнится радости, пусть он не приближается к моему погребальному костру!

Божественная Каушалья, преисполненная горя, помогла царю, покрытому пылью, подняться. Добродетельный монарх, думая о сыне, чувствовал полное опустошение, словно человек, убивший брахмана или сунувший руку в огонь.

То и дело оглядываясь, он останавливался и смотрел на следы колесницы. Лицо его было темным, словно солнце, сокрытое Рагху (сноска1, 268).

Горестно думая о возлюбленном сыне, понимая, что он изгнан из города, царь сказал:

Я вижу следы от копыт тех превосходных коней, что унесли мое дитя, но я не вижу того великодушного героя! Лучший среди моих сынов, он спал в роскоши на покрывалах, окропленных сандалом. Тот, кого прекрасные женщины обмахивали опахалами, теперь сидит под деревом, спиной опираясь на ствол, или отдыхает на камне. Несчастный, теперь он будет просыпаться на жесткой земле, весь в пыли и дыша, как бык или слон, взбирающийся на склон холма. С этого дня жители лесов увидят этого длиннорукого героя Раму, который поднимается с земли и бродит повсюду, словно лишившийся поддержки, хотя он является опорой всего мира! Возлюбленная дочь Джанаки, привыкшая к роскоши, изнуренная, будет продираться сквозь тернии; не привыкшая к лесу, она будет жить в постоянном ужасе, слыша устрашающий рев диких зверей, от которого волосы встают дыбом. О Кайкейи, будь довольна, живи в царстве вдовой, потому что я не в силах жить вдали от этого тигра среди людей!

Сокрушаясь, царь, окруженный своими людьми, словно человек, только что совершивший омовение после погребального обряда, вернулся во дворец. Видя, что город с его прекрасными домами и дорогами охвачен горем, что скверы и базары полны изнуренных и скорбящих людей, а царская дорога пуста, царь, думая о Раме и плача, вошел в свой дворец, как солнце входит в облако. Дворец в отсутствие Рамы, Лакшманы и Ситы казался

озером, воды которого опустошены змеями Супарна. Монарх, вздыхая и дрожа, прошептал медленно, слабо и печально:

– Скорее отведите меня в покои Каушалы, матери Рамы; больше мне негде искать утешения!

Слуги проводили царя к Каушалы, куда он вступил в полном замешательстве. Сердце его бешено билось и он возлег на ложе. Без двух сынов и невестки дворец казался царю небесами без луны и, великий монарх, воздев руки, громко стонал:

– О Рама, ты покинул нас, твою мать и меня! Счастливы те, кто увидят возвращение Рамы и заключат его в свои объятия!

Наступила ночь, словно пробил час смерти. В полночь царь Дашаратха обратился к Каушалы:

– О Каушалы, я более не вижу тебя, протяни руку, коснись меня. Мой взор, всегда обращенный к Раме, теперь навеки прикован к нему!

Царица, видя монарха, целиком погруженного в мысли о Раме, печально присела рядом и стала плакать и вздыхать, сочувствуя ему.

Глава 43 Плач Каушалы

Каушалы, видя на своем ложе царя, раздавленного горем, и глубоко скорбя об ушедшем сыне, сказала:

– О тигр среди людей, Кайкеи излила свой яд на Рагхаву! Со змеиной походкой она будет теперь ходить повсюду, словно змея, сбросившая кожу! Изгнав Раму и достигнув своей цели, она, словно проклятая гадюка, будет все больше и больше мучить меня в этом доме! Если бы Рама остался в городе, идя от одной двери к другой и прося себе на хлеб! Это лучше, чем сделать его ее рабом! Рама лишился трона по прихоти Кайкеи, словно части жертвоприношения, выброшенной священниками ракшасам в полнолуние!

Этот герой, походкой подобный царю слонов, могучерукий, вооруженный луком, теперь удаляется в чащу леса вместе со своей супругой и Лакшманой. Что еще кроме жизни в лесу, остается ему, прежде не знавшему горя, но теперь изгнанному в лес в угоду Кайкеи? Оставив все драгоценности, эти юные создания изгнаны в том возрасте, когда должны вкусить все радости жизни!

Как будут они жить в нищете, питаясь лишь фруктами и кореньями? Когда пробьет тот счастливый час, положив конец моим печалям, и я увижу возвращающегося Рагхаву, его супругу и брата? Когда Айодхья, услышав о возвращении этих двух героев, облачится в великолепные гирлянды и знамена и снова расцветет вместе со своими радостными жителями? Когда столица преисполнится счастья, подобно морю на полную луну, увидев тех двух тигров среди людей, возвращающихся из своего уединения? Когда этот длиннорукий воин вернется в город Айодхью, везя в колеснице перед собой Ситу? Когда тысячи людей посыпят жареным зерном главную дорогу, по которой будут возвращаться двое моих сыновей, победителей своих врагов? Когда я увижу их, входящих в Айодхью, вооруженных луками, удивительными мечами и сверкающих своими серьгами, словно две горные вершины? Когда те два царевича вместе с Джанаки обойдут город, принимая цветы фрукты из рук юных дев и сведущих брахманов? Когда этот великодушный царевич, согбенный под бременем мудрости и все же молодой как бог, вернется, словно благоприятный и своевременный дождь? (сноска 1, 270) О герой, прежде из жадности я отгоняла телят от их матерей, когда они хотели сосать молоко, но теперь я сама подобна корове, которую лев лишил ее возлюбленного теленка. О тигр среди героев, Кайкеи заставила меня вспомнить ту корову, несправедливо разлученную с ее маленьким теленком! Нет, жизнь невозможна без моего единственного сына, украшенного всеми добродетелями и сведущего во всех традициях. Я не в силах жить в разлуке с моим возлюбленным сыном, кото-

рого сопровождает Лакшмана, исполненный доблести. Этот огонь разлуки истребит меня, о лучший среди повелителей, как землю, что горит в лучах благословенного Сурьи!

Глава 44 Сумитра утешает мать Рамы

Так сокрушалась Каушалья, самая добродетельная среди женщин, и Сумитра, верная своему долгу, обратилась к ней со словами утешения, созвучными дхарме:

– О благородная женщина, сын твой наделен всеми добродетелями и является лучшим среди героев; почему ты так горестно сокрушаешься и плачешь о нем? Твой доблестный сын, отрехшись от трона, ушел из верности слову великодушного и знаменитого отца. Добродетельный человек после смерти достигает высшей обители, и потому нет нужды сожалеть о благородном Раме, верном своему долгу. Поведение Лакшманы также идеально, потому что в своем служении Раме он безупречен и исполнен сострадания ко всему живому; этот знаменитый герой достоин высшего блага. Даже сознавая, насколько тяжела жизнь в лесу, Ваидехи, привыкшая к роскоши, сопровождает твоего добродетельного сына! Чего не достиг твой сын, живое воплощение дхармы, развернув свое знамя над всем миром? Зная об исключительной святости и великодушии Рамы, солнце не станет испепелять его своими лучами. Во все времена года благоприятные ветры будут освежать Рагхаву своим сдержанным дыханием. Ночью, когда безупречный герой будет спать, луна обнимет его, даря прохладу, словно ласкающий отец. Этот могучий воин, которому Вишвамित्रа отдал божественное оружие, словно Брахма, с удовольствием увидевший повелителя данавов, сына Тимидхваджи, падшим на поле битвы. Этот герой, тигр среди людей, полагаясь лишь на силу своих рук, будет бесстрашно жить в лесу, словно в собственном дворце. Разве земля не покорится ему, от чьих стрел падает враг? Так блажен Рама с его добродетелью, исключительностью и доблестью, который вернувшись из лесного изгнания будет править своим царством. Он – свет солнца, сияние огня, высший правитель среди всех правителей, блеск процветания, изначальная слава, суть земли, божественность богов, главный среди всех живых созданий. Какими качествами он не наделен, где бы он ни жил, в лесу или в городе? Этот бык среди людей скоро взойдет на свой трон вместе с Ваидехи и будет править всей землей, обретая полное счастье. Что невозможно для этого непобедимого героя, который ушел в одеждах из коры, сопровождаемый Ситой, второй Лакшми, и о котором проливают слезы печали жители Айодхьи, уступив натиску горя? Что невозможно для него, сопровождаемого Лакшманой, самым опытным стрелком, вооруженным мечом и стрелами? Ты увидишь его, когда истечет срок изгнания! О царица, оставь свое горе и печаль, я говорю истину!

О безупречная и добродетельная женщина, ты увидишь своего сына, как восходящую луну, который склонит свою голову к твоим стопам. По его возвращении в великой радости ты увидишь его коронованным, и потоки счастливых слез потекут из твоих глаз! Нет причины для горя или печали, о царица, неудача бессильна перед Рамой; скоро ты увидишь своего сына, сопровождаемого Ситой и Лакшманой. Все ищут утешения у тебя, о безгрешная, почему же ты позволяешь печали завладеть твоим сердцем? Тебе не о чем скорбеть, о царица, потому что Рама – твой сын, и никто в мире не превзойдет его на пути добродетели! Видя, каким почетом пользуется Рама среди друзей, ты зальешься слезами радости, как земля умывается ливнями дождей, проливаемыми горами облаков. Как только твой великодушный сын вернется в Айодхью, он коснется твоих стоп мягкими и нежными руками и, отвечая на его почтительное приветствие, ты заплачешь слезами радости, словно облака, окутавшие горы во время дождей.

Приведя в утешение матери Рамы множество истинных доводов, безупречная царица, сладкоречивая и добродушная Сумитра замолчала.

Слушая слова матери Лакшманы, царица Каушалья, супруга Дашаратхи, почувствовала вдруг, что горе ее рассеялось, как осенние облака, лишившиеся влаги.

Глава 45 Брахманы умоляют Раму не покидать их

Хотя царь ради блага своего сына вернулся во дворец, жители столицы, преданные великодушному Раме, герою, продолжали идти за его колесницей, провожая его в лес. Несомненно, этот знаменитый герой, наделенный всеми добродетелями и подобный полной луне, был очень дорог им всем! Но Какутстха, верный обету отца, продолжал свой путь, несмотря на все мольбы людей. Преисполненный любви, благословляя всех взглядом, Рама обратился к подданным отца, словно это были его дети:

– О люди Айодхьи, вашей любовью ко мне я заклинаю вас явить такую же любовь и уважение к Бхарате. Этот добродетельный царевич, радость Кайкеи, будет делать все, что в его силах, он будет приятным и полезным для вас. Несмотря на юность он очень опытен и мягок, он мужествен и станет достойным царем, который защитит вас от опасности. Обладая царскими добродетелями в еще большей мере, чем я, он предназначен для трона; поэтому вы должны покориться своему повелителю. Если вы хотите удовлетворить меня, делайте все, чтобы великий царь не сокрушался более обо мне! Чем сильнее Рама выражал приверженность долгу, тем сильнее люди желали видеть его своим повелителем, и казалось, будто Рама, сопровождаемый сыном Сумитры, тянул за собой жалобно плачущих жителей города на веревках.

Дваждырожденные, почитаемые за их глубокие познания, преклонный возраст и духовное просветление, с трясущимися от старости головами закричали:

– О благородные кони, столь быстро уносящие Раму, стойте, стойте, не бегите дальше ради блага своего господина! Все созданыя божьи наделены острым слухом, и особенно кони, поэтому остановитесь, внимайте нашим мольбам! Этого героя чистой души, утвердившегося в добродетели, вашего хозяина, согласно закону нужно вернуть в город, а не увозить в лес. Увидев тех почтенных дваждырожденных жалобно причитающими, Рама тут же сошел с колесницы и вместе с Ситой и Лакшманой пешком направился к лесу. Сострадательный Рама, утвердившийся в добродетели, не в силах был видеть престарелых брахманов, которые пешими шли за колесницей. Глядя на Раму, идущего по дороге, дваждырожденные, обезумев от горя, сказали:

– О Рама, вся община брахманов последует за тобой, своим другом! Взгляни, они несут на своих плечах жертвенники! Здесь пологи, которые мы получили во время жертвоприношения Ваджапея и которые покроют тебя, как облака в конце сезона дождей, о лишенный полога, они защитят тебя от жгучих солнечных лучей, даруя тебе тень. С любовью служа тебе в лесу, мы используем мантры и все, что почерпнули из Веды, о дорогое дитя! В сердцах своих мы носим Веду, как бесценное сокровище. Жены наши останутся дома, исполняя свой супружеский долг! Мы решили следовать за тобой и не изменим своего решения! Если ты остался верен своему долгу, зачем нам спрашивать об этом? Мы идем за тобой по пятам и, кланяясь, молим тебя своими сединами, о безупречный царевич, отчего наши седые волосы стали пыльными, словно перья цапли! Многие брахманы, собравшиеся здесь, начали свои жертвоприношения и их завершение зависит только от твоего присутствия! В своей преданности тебе все движущиеся и неподвижные создания молят тебя вернуться; ответь любовью на их любовь. Деревья, удерживаемые своими корнями, не могут последовать за тобой и кажется, будто, наклоненные ветром, они плачут! Птицы замерли на ветвях и более не ищут пищи, взывая к тебе о сострадании ко всему живому!

Пока дваждырожденные молили Раму вернуться, взору открылась река Тамаса, словно преграждая Рагхаве путь. Сумантра распряг усталых коней и повел их на водопой. Искупав, он пустил коней пастись недалеко от реки.

Глава 46

Рама проводит ночь на берегах реки Тамаса

Остановившись у восхитительных берегов реки Тамаса и взглянув на Ситу, Рагхава сказал Саумитри:

– О сын царицы Сумитры, это наша первая ночь в лесу, пусть счастье улыбнется тебе, пусть наше пребывание в лесу не причинит тебе страданий! Взгляни на девственный лес, полный диких зверей и птиц, укрывшихся в своих логовищах, чьи крики раздаются со всех сторон. Несомненно, в Айодхье сейчас отец мой, мужчины и женщины оплакивают наш уход. Бесчисленные узы связывают людей с царем, с тобой и со мной, о тигр среди людей, а также с Шатругхной и Бхаратой. Я печалюсь о судьбе моих отца и почтенной матери; не ослепнут ли они от слез, не имея вестей о нас? Несомненно, Бхарата, добродетельный и верный долгу, позаботится о моих отце и матери, утешит их добрым словом. О могучерукий воин, думая о сострадании Бхараты, я избавляюсь от беспокойства за отца и мать; о тигр среди людей, ты правильно поступил, решив сопровождать меня, потому что мне нужна помощь, дабы защитить Ваидехи. О Саумитри, я хочу провести ночь близ этих вод; здесь очень красиво и много диких фруктов.

Затем Рагхава обратился к Сумантре:

– О друг, присмотри за конями! Пока Сумантра привязывал коней, солнце стало клониться к горизонту. Колесничий дал коням достаточно корма и расположился неподалеку. Исполнив вечерние религиозные обязанности и видя, что близится ночь, Сумантра с помощью Саумитри приготовил для Рама постель из листьев деревьев, растущих у берегов Тамасы. Видя, что все готово, Рама лег на новое ложе рядом со своей супругой и, уставший, скоро уснул.

Лакшмана тем временем стал беседовать с колесничим, обсуждая многочисленные добродетели Рама. Так они провели ночь, сидя с Сумантрой на берегу реки Тамаса, и не закончили своей беседы даже когда взошло солнце.

Вместе с Рамой на тех берегах, изобилующих стадами крупного рогатого скота, расположилась на ночь и вся сопровождавшая его толпа.

Поднявшись, знаменитый Рама взглянул на толпу и сказал брату Лакшмане, исполненному добродетели:

– О Саумитри, беспокоясь за нас и побросав свои дома, эти люди спят у подножий деревьев! Они так сильно хотят, чтобы мы вернулись, что скорее расстанутся с жизнью, чем отступятся от этого намерения! Поэтому давай взойдем на колесницу и беспрепятственно продолжим наше путешествие, пока все спят! И тогда жители города Икшваку не будут более проводить ночи под деревьями из-за своей преданности мне! Цари должны избавлять своих подданных от выпадающих на их долю бед, дабы ничто не причиняло им страданий!

Лакшмана отвечал Раме, который казался ему воплощением долга:

– О прозорливый царевич, я согласен с тобой, давай поскорее взойдем на колесницу!

И тогда Рама попросил колесничего:

– О господин, скорей запрягай колесницу, чтобы я мог добраться до леса! Не медли!

Колесничий торопливо запряг коней и со сложенными ладонями сообщил Раме:

– О могучерукий воин, лучший среди ездивших на колесницах, все готово, пусть процветание сопутствует тебе, Сите и Лакшмане!

Рагхава вместе со своими спутниками сел в колесницу, и они быстро пересекли реку Тамасу. На другом берегу доблестный и славный царевич пошел один по широкой дороге, лишенной придорожного кустарника и мелких деревьев, по которой даже самый робкий человек путешествует без опаски. Избегая встречи с жителями города, Рама сказал колесничему:

– Садись на колесницу, о Сута, и отправляйся на север, езжай быстро, а затем возвращайся своей дорогой; постарайся, чтобы жители Айодхьи потеряли мой след!

Колесничий подчинился воле царевича и повернул колесницу (сноска 1, 277). Два воина, потомки династии Рагху, вместе с Ситой снова взойшли на колесницу и, стегнув коней, углубились в чашу леса. Этот великий воин, сын Дашаратхи, направлялся на север, что сулило удачу всему его путешествию.

Глава 47

Толпа обнаруживает, что Рама покинул их

Ночь уступила место рассвету, и жители города, не найдя Раму, замерли от горя, не зная, как поступить. Несчастные, с глазами, полными слез, они искали повсюду, но не могли найти его. Черты их исказились от горя разлуки с Рамой, они жалобно сокрушались:

– Будь проклята эта ночь, что окутала нас забвением! Теперь мы не видим могучерукого Рамы с широкой грудью. Неужели сильнорукий Рама, безупречный в своей доблести, отверг преданных ему людей ради того, чтобы жить аскетом? Лучший в роду Рагхавы, всегда покровительствовавший нам, словно отец, родивший детей своих из собственной поясницы, как мог он покинуть нас и уйти в лес? Лучше сейчас же умереть, отправившись в свое последнее путешествие! К чему нам жизнь без Рамы? Кругом так много сухих веток, давайте взойдем на погребальный костер. Что мы скажем своим друзьям? «Мы провожали этого могучерукого воина, лишённого эгоизма и благодетельного Рагхаву в лес!» Как мы скажем это? Опустошенный город, увидев нас без Рагхавы, впадет в глубокую печаль вместе со всеми женщинами, детьми и стариками. Покинув город вместе с этим великодушным героем, как мы вернемся без него?

Бесконечная скорбь охватила людей, в горе они тянули руки к небу, словно коровы, лишившиеся своих телят. Некоторое время они шли по следу колесницы, оставшемуся на дороге, но скоро след этот неожиданно исчез, что повергло их в еще большую печаль; увидев свежий след, они благоразумно остановились, сказав:

– Увы, что нам делать, судьба против нас!

Сердца их разрывались, когда они возвращались дорогой, по которой пришли, направив шаги свои в Айодхью, охваченную горем. Издали увидев город, они залились слезами горя в разлуке с Рамой. Столица без Рамы утратила свое величие и блеск, словно озеро Гаруды, лишившееся змей.

Как небо без луны или море без воды выглядел этот город, которого покинула всякая радость. Они вошли в свои роскошные дома, не различая родных и чужих; удача и счастье отвернулись от них.

Глава 48

Скорбь женщин Айодхьи

Расстроенные, погруженные в глубокую печаль, заливаясь слезами, от горя призывая смерть, покинутые друзьями, обессиленные, они казались утратившими разум. Достигнув своих домов и увидев окруживших их жен и сыновей, они заплакали, черты их исказились. Никто не пытался отвлечься, не было радости; торговцы не выставляли своих товаров, а разносчики не доставляли продуктов на кухни; никто не радовался, призывая утраченную удачу; ни одна мать не была счастлива, беря на руки своего первенца. Во всех домах женщины, встречая плачущих мужей, бросали в них колючими, словно стрекало для слона, упреками.

– Зачем нам дома, мужья, богатства, сыновья или удовольствия, – говорили они, – если мы более не видим Раму? В мире есть только один хороший человек, и это Лакшмана, который вместе с Ситой последовал за Рамой, сыном Какутстхи, и теперь сопровождает его в лесу! Как удачливы реки, омуты, поросшие лотосами, и озера, в чистых водах которых Какутстха будет омываться! Лес с его восхитительными полянами, глубокие реки и

горы с их сверкающими вершинами скрасят изгнание Какутстхи. Леса и утесы не станут приветствовать Раму как дорогого гостя, посетившего их. Деревья, покрытые чудесными цветами, отягченные почками, среди которых жужжат пчелы, предстанут перед Рагхавой. Когда наступит лето, горы облачатся в наряды из цветов и фруктов, с любовью маня Раму, с их склонов хлынут кристально чистые водопады, даруя ему радость. Деревья, которыми поросли эти горы, очаруют его! Где Рама, там нет места печали и опасности! Сын Дашаратхи – могучий воин! Пока он еще недалеко от города, позвольте нам последовать за ним; истинную радость приносит лишь тень стоп этого великодушного героя. Он – вождь своих людей, их путь и высшее прибежище. Мы предложим свое служение Сите, а вы отдадите себя на волю Рагхавы!

Так говорили охваченные горем женщины города своим мужьям, а потом добавили:

– В лесу Рагхава умножит ваше счастье! Сита поддержит нашу радость! Кому нужен этот траурный город, полный взволнованных людей, унылых и озабоченных? Если под влиянием Кайкеи царь утратил власть, какое будущее ожидает нас? Какой толк в сыновьях? Зачем богатство? Кого пощадит Кайкеи, оскорбившая свой род, если даже сын и супруг отвергли ее? Клянемся детьми, пока мы живы и она жива, мы не станем жить в царстве слугами Кайкеи!

Возможно ли быть счастливым в обществе столь порочной и злобной женщины, безжалостно изгнавшей царского сына? Все разрушится из-за порочности Кайкеи; вся вселенная без опоры или защиты погибнет.

Несомненно, теперь, когда Рама изгнан, царь не выживет. Со смертью Дашаратхи все тотчас же начнет разрушаться. Вы лишились своих заслуг и отмечены неудачей. Уж лучше выпить яд, оказаться в темнице, следовать за Рамой или искать какое-то отдаленное место, чтобы не слышать более о Кайкеи. Рама со своей женой и Лакшманой изгнаны безо всякой причины; мы теперь в руках Бхараты, как животные в руках мясника. Рама, чей лик прекрасен, как полная луна, чья кожа имеет темноватый оттенок, чьи кости покрыты могучими мускулами, этот победитель своих врагов, чьи руки достигают колен, а глаза напоминают лепестки лотосов, Рама, старший брат Лакшманы, всегда первый приветствовавший других, искренне и мягко, сильный и благожелательный ко всем, чарующий, как луна, этот тигр среди людей, могучий, как слон, опьяневший от сока Мада, этот воин на великой колеснице теперь украсит собой леса, по которым будет бродить.

Женщины столицы, охваченные горем, рыдали, словно в преддверии ужасов смерти. Пока они оплакивали Рагхаву, дневное светило сокрылось и наступила ночь. Очаги не давали света и тепла, не звучали более священные тексты и мантры, столица погрузилась во тьму. С опустевшими рынками, где никто ничего не продавал и не покупал, безрадостная Айодхья, лишившаяся своего защитника, напоминала небо без звезд. Женщины, оплакивая Раму словно изгнанного сына или мужа, предались скорби, умы их расстроились, потому что герой этот был им дороже собственных сынов. Лишенная праздников, танцев и музыки, без тени счастья, с пустыми прилавками Айодхья напоминала высохший океан.

Глава 49

Рама входит в лес

Тем временем Рама, этот тигр среди героев, помня наказ своего отца, ехал всю ночь, пока не наступил рассвет. поприветствовав первые лучи солнца, он продолжил свой путь, осматривая большие деревни и цветущие леса. Он так спешил, что его превосходные быстрые кони казались ему медленными. Где бы ни проезжал, он слышал, как в каждой деревушке и доме с куском земли люди говорили:

– Горе царю Дашаратхе, позволившему страсти завладеть собой! Ах! Эта греховная и злобная Кайкеи дала обет злым силам! Жестокое создание, лишившись всякого благоразумия, она отдалось бесчестной жизни! Она изгнала в лес добродетельного царевича, исполненного сострадания и прозорливого, обуздавшего свои страсти! Увы! Неужели царь

Дашаратха не любил своего сына, что отверг его, которого ни один из подданных ни в чем не мог упрекнуть?

Слушая речи деревенских жителей, повелитель Кошалы преступил границы государства и, переправившись через реку Вешрути с благоприятными водами, вступил в страну Агастья. Завершая долгое путешествие, он пересек Гаумати, реку с ледяными водами, на берегах которой паслись огромные стада коров и которая текла к океану. Оставив позади Гаумати, Рагхава на быстрых конях пересек реку Сьяндика, которую оглашали крики павлинов и лебедей. Рама показал Ваидехи эти плодородные земли, густо населенные, которыми прежде наградил Икшваку царь Ману. Неожиданно лучший среди людей обратился к почтенному колесничему голосом, напоминавшим опьяненного любовью лебедя:

– Когда еще, вернувшись к моим отцу и матери, поброжу я по этим цветущим лесам, преследуемым рекой Сараю? Я не мог подолгу охотиться в лесах царственных мудрецов, они считали это невозможным в подходящий период. Я не принимал это за обиду. Лучнику (сноска 1, 282) доставляет удовольствие сама погоня, но мне не хотелось этого, пока не настало время моего изгнания.

Так продолжал свой путь потомок Икшваку, сладкоречиво делясь мыслями с колесничим.

Глава 50 Рама встречается с Гухой

Достигнув границы обширного и восхитительного царства Кашалы, старший брат Лакшманы, прозорливый Рама повернулся в сторону Айодхьи и, выражая почтение со сложенными ладонями, сказал:

– Прощай, о самый процветающий из городов, покровительствуемый Какутстхой! Прощайте, о боги и покровители этого города, живущие там! Исполнив долг перед отцом, пусть я увижу тебя снова и встречу с моими отцом и матерью!

С покрасневшими глазами и лицом мокрым от слез, царевич, подняв свою правую руку, печально обратился к жителям отцовского царства:

– Вы достаточно явили мне свою любовь и внимание; ни к чему продолжать предаваться скорби; возвращайтесь к своим обязанностям!

Толпа, почтительно обойдя вокруг него, медленно рассеялась, и пока они без конца крошались, Рагхава скрылся с их глаз, словно солнце с наступлением ночи.

Тигр среди героев, сидя в своей колеснице, пересек границы царства Кошалы, богатого зерном и сокровищами, свободного от всяких опасностей и благословенного, приятного, полного храмов и жертвенных колеев, украшенного гирляндами и манговыми садами, царства, которое пересекают прекрасные реки, населяют процветающие и удовлетворенные люди, которое изобилует стадами, которым управляет индра среди людей и которое оглашено звучанием религиозных текстов.

Лучший среди воинов мужественного сердца вошел в плодородную и улыбающуюся страну, полную восхитительных садов, достойных царей, и увидел небесную Гангу с тремя ее притоками и прохладными чистыми водами, любимую и часто посещаемую мудрецами. Украшенный древними хижинами, стоявшими недалеко друг от друга, прозрачными запрудами, в которых часто играли небесные нимфы, а также девами, данавами, киннарами и гандхарвами, которым служат жены нагов и гандхарвов, холмами, ставшими местом развлечений небожителей, этот священный поток, являющий бесчисленные чарующие картины, украшенный садами богов, в раю называемый «потокот золотых лотосов», эта святая река, чьи волны своим гулом напоминают глубокий смех, в своем быстром беге покрывается пеной, белой как снег, радостно несет свои воды и, падая с вершин скал, напоминает девичью косу.

Река украшена прекрасными водоворотами, глубокими и темными, рев ее вод провозглашает присутствие самой Гангаджи. Этот священный поток, в котором плавают и ны-

ряют небожители, украшенный белыми лотосами и окаймленный высокими рельефными песчаными берегами, оглашаемый криками лебедей, журавлей и птиц чакура, по берегам своим порос прекрасными деревьями и покрылся зарослями водяных лилий и лотосов. Иногда его воды, покрасневшие от лепестков лотосов, напоминают прекрасную женщину в малиновом сари, а иногда, сверкая, предстают зелеными, как изумруд. Жемчужно чистая река уносит прочь всякую скверну. Ее густые леса, охраняемые слонами четырех сторон света или могучими вепрями, опьяненными соком Мада, оглашаются трубными звуками огромных животных, носящих на себе богов. Плоды и цветы, молодые побеги и цветущие кусты, бесчисленных птиц можно увидеть близ этой реки, которая берет начало из стоп Вишну, божественной, нетронутой пороком и уничтожающей грехи. Дельфины, крокодилы и змеи плещутся в тех водах, которые стекли с локонов Шивы благодаря духовной силе потомка Сагары (сноска 1, 283) и теперь бежали близ города Шрингавера, где к Ганге подошел могучерукий Рама, слушая крики диких гусей и цапель, оглашавшие ее, супругу океана. Глядя на реку с ее бесчисленными волнами, этот воин на великой колеснице сказал Сумантре:

– Сегодня мы остановимся здесь, недалеко от реки под огромным деревом ингуди (сноска 1, 284), чьи ветви покрыты цветами; давай отдохнем, о колесничий. Здесь я вижу превосходнейшую среди рек, Гангу с ее священными водами, пред которой благоговенно боги, гандхарвы, люди, лани, змеи и птицы. Лакшмана и Сумантра отвечали:

– Быть тому! – и направили коней к дереву ингуди. Рама, светоч династии Икшваку, достиг удивительного дерева и сошел с колесницы вместе со своей супругой и Лакшманой. Вернувшись, Сумантра распряг и отпустил коней, а потом со сложенными ладонями присел близ Рамы у подножия дерева.

Правитель этой страны по имени Гуха, любивший Раму как собственную душу, был могущественным и знаменитым монархом рода Нишада. Узнав, что Рама, тигр среди людей, вступил на земли его царства, он вышел его встречать, сопровождаемый своими престарелыми министрами и родственниками. Увидев приближающегося царя Гуху, правителя Нишадов, Рама вместе с Саумитри пошел ему навстречу. Гуха, преисполненный печали, обнял Раму и сказал:

– О Рама, что я могу для тебя сделать? Пусть это царство станет для тебя второй Айодхьей! О могучерукий воин, возможно ли принять более дорогого гостя?

Затем он почтил царевича, предложив ему аргхью, рис и множество других вкусных подношений и сказал:

– О великий воин, приветствую тебя! Эта страна в твоём распоряжении! Мы – твои слуги, ты – повелитель. Это царство – твоё, повелевай нами. В твоём распоряжении блюда всех видов, сладости и вина, а также превосходное ложе и корм для коней!

Рама отвечал Гухе, обратившемуся к нему:

– О Гуха, ты так почтителен ко мне! Как только царь склонился, чтобы коснуться его стоп, Рама заключил его в тесное объятие и добавил:

– О Гуха, как славно видеть тебя в добром здравии, а также всю твою семью! Все ли благополучно в твоём царстве, с твоими друзьями и лесами? Благодарю тебя за все, что ты по-дружески предложил мне, но я не могу этого принять. Знай, что долг велит мне аскетом жить в лесу, облачившись в древесную кору и шкуру антилопы, питаюсь кореньями и фруктами. Мне не нужно ничего, кроме корма для коней; это единственное, что я могу принять от тебя! Кони эти очень дороги моему отцу Дашаратхе, и я буду счастлив, если они будут сыты.

Гуха велел своим слугам:

– Сейчас же дайте коням корм и воду! Затем Рама, обвязанный корой

(сноска 1, 285), сотворил вечерние молитвы и ритуалы, приняв лишь немного воды (сноска 2, 285), которую принес ему Лакшмана. Когда он лег рядом со своей супругой, Лакшмана омыл ему стопы и сел в отдалении под деревом.

Гуха заботливо охранял Раму с луком в руках, беседуя с колесничим и Саумитри. Знаменитый, добродетельный сын Дашаратхи, великодушный герой, достойный счастья несмотря на удары судьбы, всю эту долгую ночь спал спокойно.

Глава 51 Печальное бдение Лакшманы

Глубоко расстроенный Гуха сказал Лакшмане, который в неустанной заботе о брате не смыкал глаз:

– О друг, для тебя готово удобное ложе, иди отдохни в мире на мягкой кровати, о царевич. Мы привыкли к усталости, но ты приучен к жизни, исполненной радостей; мы будем охранять Какутстху всю ночь. Для меня нет никого дороже Рамы; я говорю истину! По его милости я надеюсь обрести славу в этом мире, высшую заслугу, а также награду за исполненный долг, принесенную пользу и доставленное удовольствие! С луком в руках вместе со своими спутниками я защищу моего дорогого друга Раму, который уснул рядом с Ситой, от всех опасностей! Нет ничего неведомого в лесу, в котором я всегда брожу и где мы сможем противостоять даже огромной армии из четырех воинских соединений!

Лакшмана отвечал ему:

– Под твоей защитой, о несравненный царевич, верный долгу, нам ничего не грозит, но когда старший сын Дашаратхи вместе с Ситой лежит на земле, возможно ли мне спать или наслаждаться радостями жизни? Взгляни, тот, кого девы и асуры, объединив усилия, не могут сокрушить в сражении, глубоко уснул на траве, рядом с Ситой! Рожденный родителями силой мантр, умерщвления плоти и многих других героических деяний, сын Дашаратхи единственный походит на своего отца. Теперь, когда этот герой изгнан, царь долго не проживет, и земля овдовеет. Издав душераздирающий вопль, изнуренные женщины упадут в безмолвии; я уверен, глубокая тишина царит во дворце; ни Каушалья, ни царь, ни моя мать не переживут ночь! Даже если моя мать останется жить ради Шатругхны, Каушалья, у которой нет никого кроме сына, не устоит под натиском горя! Город, полный преданных людей, которые даже теперь наслаждаются счастьем, разделив печаль царя, погибнет! Как в отсутствие великодушного сына, своего первенца, жизненный воздух не покинет тела щедрого монарха? Царь не выдержит, и Каушалья тут же погибнет, и тогда моя мать немедленно последует за ней. Не в силах короновать Раму, хотя это было сокровенным желанием сердца, царь покинет этот мир. Когда пробьет тот час, наиболее удачливые окажут все почести моему почившему отцу на погребальной церемонии. После того они будут счастливо жить в принадлежавшем моему отцу царском дворце и городе с его садами и парками, где всегда проводились праздники, с его широкими дорогами, пересекающими весь город, храмами и богатыми домами, чью пышность умножают чарующе танцующие девушки, с его колесницами и слонами, загромоздившими дороги, и звуками труб. Это обитель всех наслаждений, полная радостных и процветающих людей! Но, может быть, все же Дашаратха останется жить, и мы, вернувшись из лесного изгнания, увидим этого великодушного монарха, верного своим обетам? Неужели проведя в лесу положенный срок, мы вернемся в процветающую Айодхью вместе Рамой, верному своему обещанию?

В скорби провел великодушный и неудачливый царевич ночь, стоя на страже. Царский сын, заботившийся о благе других, продолжал искренне говорить, а Гуха, преисполненный преданности благословенному Раме, охваченный горем и мучимый лихорадкой, сокрушался, словно слон, страдающий от боли.

Глава 52 Рама пересекает Гангу

Ночь уступила место рассвету, и герой с могучей грудью, величайшей славы Рама сказал сыну Сумитры, знаменитому Лакшмане:

– Взгляни, солнце почти взошло и благоприятная ночь прошла! Поет птица кокила темного оперения, слышны крики павлинов, развлекающихся в лесу; о друг, давай переправимся через быстрые воды Джанхави, бегущие к морю.

Саумитри, радость своих друзей, передал слова Рама Гухе и колесничему, и снова предстал перед братом. Узнав о божественных намерениях Рама, правитель Нишадов немедленно собрал своих людей и сказал:

– Приготовьте прочный челн с хорошим парусом, а также проводника, который перевезет этого героя на другой берег!

Послушный воле царя, первый министр принес превосходный челн и, сообщив о этом Гухе, со сложенными ладонями обратился к Рагхаве:

– Лодка в твоём распоряжении, о царевич, что еще я могу для тебя сделать? О подобный потомку богов, о тигр среди героев, это судно поможет тебе переправиться через реку, что течет к морю; поспеши же сесть в него, о добродетельный!

Могучий Рама отвечал Гухе:

– Ты исполнил все мои желания, позволь же нам поскорее отправляться!

Пристегнув свои колчаны, опоясавшись мечами и взяв в руки луки, два потомка Рагхавы приготовились вместе с Ситой переправиться через Гангу. Тогда колесничий, поклонившись со сложенными ладонями, с великим смирением подошел к добродетельному Рама и спросил:

– Что мне делать?

Едва коснувшись его правой рукой, Дашаратхи отвечал:

– О Сумантра, поспеши вернуться к царю и служи ему с преданностью. Иди сейчас же, ты исполнил свое служение мне. Покинув колесницу, мы войдем в лес пешими!

Видя, что Рама отпускает его, несчастный колесничий сказал этому тигру среди людей, потомку Икшваку:

– Никто в этом мире не страдает так от судьбы, как ты; ты должен жить в лесу вместе с братом и супругой, словно обычный человек! Поскольку ты так страдаешь, я не верю более, что жизнь брахмачари и изучение Веды могут принести какой-то плод, так же как доброта и щедрость! О герой, потомок рода Рагху, изгнание в лес вместе с Ваидехи и братом принесет тебе славу, равную победе на тремя мирами. Но мы, о Рама, обманутые в своих надеждах, погибнем. Мы падём под влиянием злобной и порочной Кайкеи!

Колесничий Сумантра говорил с Рамой, словно со своим вторым «я» и, видя, что добродетельный царевич все же отправляется, горестно и долго плакал. Справившись с собой, он умылся, ополоснув рот, и Рама мягко обратился к нему:

– Я знаю, что нет никого более преданного Икшваку, чем ты; сделай все, чтобы царь не скорбел обо мне. Монарх обезумел от страданий, он стар; он одержим желанием, и потому я прошу тебя служить ему. Делай все, о чем бы ни попросил государь в угоду Кайкеи, исполни все безотлагательно. Цари носят жезл, как символ царской власти, который позволяет им исполнять все желания. Не позволяй, чтобы этот великий царь встречался с препятствиями, смотри, чтобы он не погиб под бременем горя. О Сумантра, следи за этим!

Царь, старый и благородный человек, властелин чувств, никогда прежде не ведал беды; поклонись ему от моего имени и скажи: «Я не жалею, так же как и Лакшмана; изгнанные из Айодхьи, мы проведем в лесу четырнадцать лет, а потом ты снова увидишь Лакшману, меня и Ситу!»

Вот что ты должен сказать царю и моей матери, о Сумантра, а также другим царицам и Кайкеи. Передай поклоны и пожелания блага Каушалы, поклонись ее стопам от имени Ситы и от меня, поскольку я старший, а также от имени Лакшманы. Затем обратись от моего имени к государю и скажи: «Пошли за Бхаратой и, когда он прибудет, возведи его на трон! Когда ты обнимешь его и передашь ему царство, ты освободишься от горя, вызванного нашей неудачей!» Скажи также Бхарате: «Относись ко всем моим матерям с таким

же уважением, какое ты оказываешь царю! Заботься о Сумитре и божественной Каушалье, моей матери, с такой же любовью, как о Кайкейи. Доставляя радость царю и исполняя все царские обязанности, ты несомненно будешь счастлив в этом мире и в следующем!»

Так Рама наставил Сумантру, и тот, выслушав его, обратился к Какутстхе, которого безмерно любил:

– Будь милостив, прости слова, что я сказал тебе не из лести, а по дружбе и из преданности. О дорогой повелитель, как вернусь я без тебя в город, разбитый разлукой с тобой, словно мать, плачущая о сыне? Увидев твою колесницу пустой, жители еще острее ощутят свое одиночество! Увидев пустую колесницу, город пребудет в горе, как армия, в сражении лишившаяся своего военачальника и увидевшая его вернувшуюся пустую колесницу. Даже в далеком лесном изгнании ты вечно владеешь мыслями людей, которые, помня о тебе, отказались от всякой пищи. Подумай, о Рама, какое страдание причинил людям твой уход, повергнув их в глубокую растерянность. Скорбь их возрастет в сотни раз, когда они увидят меня с пустой колесницей, и что я скажу царице Каушалье? «Я отвез твоего сына к твоему брату, не грусти!» Как произнесу я эту ложь и как передам печальную истину? Послушные моей воле, эти быстрые кони привыкли возить членов твоей семьи – как повезут они колесницу без тебя? Я не в силах вернуться в Айодхью один, о безупречный герой! Позволь мне сопровождать тебя в изгнании! Если ты отвергнешь мою просьбу, я сразу же брошусь в огонь вместе с колесницей. Какие бы препятствия на пути аскетизма ты ни встретил в лесу, я преодолю их с моей колесницей, о Рагхава.

Благодаря тебе я рад быть колесничим и благодаря тебе я обрету счастье, живя в лесу. Даруй мне эту милость, я хочу остаться с тобой; осчастливь меня, произнеся эти желанные слова: «Останься со мной!» Даже кони будут рады, продолжая служить тебе в лесу, о герой! Послушный тебе, я буду исполнять свою основную обязанность, неважно, будь то Айодхья или Девалока. Я не смогу вернуться в Айодхью без тебя, как зло не может проникнуть в обитель могущественного Индры. Когда изгнание твое закончится, я счастлив буду привезти тебя на этой колеснице в столицу. Четырнадцать лет в лесу пройдут как одно мгновение близ тебя, но без тебя они покажутся вечностью. О дарующий радость своим слугам, ты не можешь отослать меня обратно, я следовал за сыном моего господина, верный долгу и твоему преданному слуге!

Так горячо молился Рама несчастный Сумантра, и Рама с любовью отвечал ему:

– Я знаю, твоя преданность совершенна, о друг своего повелителя, но знай, по какой причине я отсылаю тебя в город. Моя младшая мать Кайкейи будет довольна увидеть тебя и скажет: «Рама ушел в лес». Она перестанет подозревать добродетельного монарха, думая: «Он обманул меня!» Более того, я желаю, чтобы моя младшая мать вкусила вышей власти в лице своего сына Бхараты. Из преданности мне и царю, о Сумантра, возвращайся в город и со всем тщанием исполни мои поручения! Утешив этими словами колесничего, Рама с добрым чувством и силой обратился к Гухе:

– Не должно мне, о Гуха, жить в тех обитаемых лесах! По традиции я должен жить в уединении, в одеждах аскета, совершая аскезы. Я должен выразить свое желание служить отцу Сите и Лакшмане и, спутав волосы, идти дальше. Принеси мне сок дерева ньягродха!

Гуха тут же доставил то, о чем попросил царевич, и Рама смочил древесным соком и уложил волосы Лакшмане и себе. Те двое братьев, могучеруких героев, двое тигров среди людей, облаченные в древесную кору, со спутанными волосами напоминали сияющих риши. Рама, вместе с Лакшманой решивший вступить на путь аскетизма и жить как отшельник, сказал сопровождавшему ему Гухе:

– О Гуха, не оставляй свою армию, богатства, крепости, укрепления и своих подданных, потому что царство не так легко защитить!

Простившись с Гухой, потомок Икшваку вместе с супругой и Лакшманой, не оглядываясь, решительно направился к челну. Желая пересечь быструю Гангу, Рама сказал Саумитри:

– О тигр среди людей, вступи же в лодку, что заботливо приготовлена для нас, но прежде почтительно перенеси туда Ситу! Лакшмана, послушный воле брата, поспешил исполнить все, о чем тот попросил. Прежде всего он помог Маитхили, а потом и сам вступил в челн.

Наконец, сел и старший брат Лакшманы, а Гуха, царь Нишадов, повелел одному из своих родственников грести.

Могучий Рама стал молиться об успехе их путешествия в традициях брахманов и кшатриев. Ополоснув уста, как это велят священные писания, вместе с Ситой и великим Лакшманой он с радостным сердцем отдал дань почтения реке и совершил поклонение. В последний раз Рама махнул Сумитре и Гухе со всей его свитой, а затем, стоя в лодке, приказал гребцам поторопиться, и благодаря их усилиям челн, ведомый опытным проводником и послушный тем могучим гребцам, стал быстро рассекать волны. Когда челн достиг середины Бхагиратхи, безупречная Ваидехи со сложенными ладонями стала вызывать к реке:

– О Ганга, пусть сын Дашаратхи под твоим покровительством исполнит волю своего отца! Пусть он спустя четырнадцать лет вернется вместе с Лакшманой и со мной! О деви, о благословенная Ганга, вернувшись живой и невредимой, преисполненная радости, когда все желания мои исполнятся, я совершу тебе жертвоприношение. О богиня из трех притоков, протекающая через обитель Брахмы и явившаяся на земле супругой царя океана, я кланяюсь тебе и почитаю тебя! Благополучно вернувшись, этот тигр среди людей будет править страной, а я, дабы доставить тебе удовольствие, раздам сотни тысяч коров, а также одежды и вкусные блюда брахманам. О богиня, вернувшись в город, я предложу тебе тысячу сосудов с золотом и жертвенный студень, дабы удовлетворить тебя! Я буду поклоняться всем божествам, которые живут на твоих берегах, а также всем священным местам и святилищам, если этот могучерукий воин, сопровождаемый мною и своим братом вернется из лесного изгнания в Айодхью, о безупречная!

Такие молитвы обращала к Ганге безгрешная Сита, сидя справа от своего господина и стремительно приближаясь к правому берегу реки. Достигнув далекого берега, тур среди людей вышел из челна и сказал любимому сыну Сумитры:

– О Саумитри, будем вместе защищать Ситу как в людных, так и в пустынных местах! В девственном лесу воины, подобные нам, должны защищать других. Иди вперед, и пусть Сита следует за тобой! Я пойду последним, следя за Ситой и за тобой; о тур среди воинов, мы должны защищать друг друга, хотя еще не имели случая испытать свои силы! Теперь Ваидехи узнает, как трудно жить в лесу. Сегодня она поймет, что лес лишен людей (сноска 1, 293), что здесь нет полей или садов, но только опасности и множество препятствий!

Послушный Рама Лакшмана вышел вперед, за ним последовала Сита, а потом и Рагхава, радость династии Икшваку.

Когда Рама причалил к противоположному берегу и скрылся из виду, престарелый Сумантра, провожавший его печальным взглядом, безутешно заплакал. Великий герой высокой души, силой не уступающий покровителю мира, пересек широкую реку и достиг процветающей земли Ватсов, изобилующей богатыми урожаями.

Два брата застрелили четырех диких животных – борова, рижью, пришату и великого руру (сноска 2, 293), отделили те части, которые писания считают чистыми, и приняли немного пищи, расположившись на ночь под огромным фиговым деревом, господином леса.

Глава 53

Рама беседует с Лакшманой

Рама, лучший среди тех, кто дарует утешение, сидел под деревом и, исполнив свои вечерние обязанности, обратился к Лакшмане:

– Это наша первая ночь в девственном лесу; расставшись Сумантрой, мы спокойны; теперь мы должны бдительно охранять покой и безопасность Ситы, которая зависит от нас обоих, о Лакшмана. Давай сегодня устелем землю, чем найдем, и устроимся на ночлег!

Распростершись на земле, Рама, привыкший спать на великолепном ложе, произнес Саумитри такие памятные слова:

– Конечно, о Лакшмана, великому царю будет плохо спать по ночам, пока Кайкейи не утолит своего тщеславия. Не покусится ли царица Кайкейи в своей жажде власти, видя Бхарату коронованным, на жизнь царя? Что делать ему, оставшемуся без защиты, старому, без меня, одержимому страстью к Кайкейи, ее рабу? Размышляя о неудаче этого монарха и его умственном расстройстве, я думаю, что страсть берет верх над истинными интересами человека и чувством долга. Но какой отец, обманутый женщиной, даст волю своим страстям и ради нее изгонит своего сына, о Лакшмана? Хорошо, пусть Бхарата, сын Кайкейи с его нежной супругой будут счастливы, пусть он станет единственным повелителем прекрасной Кошалы! Он один будет править страной, потому что отец наш уже стар, а я изгнан в лес. Его, поправшего свои истинные интересы и долг, постигнет та же злая участь, что и царя Дашаратху.

Мне кажется, Кайкейи пришла в наш дом погубить Дашаратху, изгнать меня и короновать Бхарату, друг мой! Более того, теперь из враждебности ко мне Кайкейи, опьяненная успехом, будет мучить Каушалю и Сумитру. Из-за нас моя мать и царица Сумитра будут глубоко несчастны; поэтому завтра же утром вернись в Айодхью, о Лакшмана! Я останусь в лесу с Ситой. У Каушалы нет защиты, и ты будешь служить ей. Злобная Кайкейи в своей ненависти пойдет на преступление и прикажет отравить мою мать и твою, о добродетельный царевич. Несомненно, в прежней жизни мать моя лишила какую-то женщину сына, раз ее настигла такая беда, о дорогой Саумитри. Горе мне, если взрастив и выкормив меня, она лишилась меня, когда ей настало время вкусить плоды служения! О Саумитри, пусть ни одна женщина не родит сына, который подобно мне станет для матери источником постоянного горя! По-моему, Майина, который сказал: «Пронзи стопу врага!», был еще более привязан к своей матери чем я, о Лакшмана. Что я могу сделать для нее, несчастной, у которой нет сына, кроме меня, и который ничем не может ей помочь, о победитель врагов? Конечно же она страдает, лишившись меня, тонет в океане горя. Если бы это касалось меня одного, в гневе я бы пронзил своими стрелами Айодхью и весь мир, о Лакшмана, но это не вопрос доблести.

Я боюсь совершить ошибку по отношению к другому миру, о безупречный воин, и потому отказался от короны.

Долго сокрушался Рама, сидя под тем уединенным деревом, обливаясь слезами горя, и когда он замолчал, словно погасший огонь или неподвижное море, Лакшмана попытался его утешить:

– О Рама, самый доблестный среди воинов, несомненно, с тобой город Айодхья утратил сияние и теперь напоминает небо без луны, но о Рама, слезы эти не достойны тебя. Ты повергаешь меня и Ситу в печаль, о тур среди людей. Без тебя, о Рагхава, ни я, ни Сита не проживем и мгновенья, как рыба без воды! Вдали от тебя я не желаю снова видеть ни отца, ни Шатругхну, ни Сумитру, о победитель врагов, ни даже небеса!

Лакшмана заботливо приготовил для Рама и Ситы постель у подножья дерева нягродха, и добродетельный герой лег отдохнуть вместе со своей женой. Выслушав утешительные слова Лакшманы об их пребывании в лесу, Рагхава, победитель своих врагов, решил провести в лесу четырнадцать лет, этот огромный срок, во исполнение долга. Два могущественных потомка Рагху без страха или печали жили в бескрайнем диком лесу, подобно двум львам, живущим на склонах горы.

Глава 54

Они достигают хижины Бхарадваджи

Проведя мирно ночь под великим деревом, с восходом безукоризненного солнца они покинули то место, отправились туда, где Ямуна сливается с Бхагиратхой Гангой, и углубились в дремучий лес. Знаменитые изгнанники увидели там много уединенных пристанищ, доселе неведомых им, и Рама, спокойно осматривая цветущие деревья, сказал Саумитри на закате дня:

– Взгляни, недалеко от Праяга поднимается столб дыма, что говорит о большом костре; пойдем со мной, наверняка недалеко отсюда живет какой-то аскет. Мы близ слияния Ямуны и Ганги, слышен шум этих двух рек. Вот и бревна, срубленные дровосеками, которые живут в огромном лесу и рубят разные деревья.

Два воина с луками в руках быстро пошли вперед и к закату достигли места слияния Ганги и Ямуны и хижины мудреца. Рама приблизился к ашраму, вспугнув ланей и птиц. Вскоре дорога привела его к Бхарадваджу. Двое героев вместе с Ситой, желая увидеть мудреца, вошли в хижину, впервые сделав остановку за весь этот долгий день. Они подошли к великодушному риши, строгому, созерцательному, с острым благодаря аскезам взглядом, окруженному несколькими учениками, занятому разведением жертвенного огня. Благословенный Рама, сопровождаемый Ситой и Лакшманой, со сложенными ладонями почтительно приветствовал отшельника и представился:

– О благословенный, мы – сыновья Дашаратхи, Рама и Лакшмана, а это моя супруга, добродетельная Ваидехи, безупречная дочь Джанаки, которая последовала за мной в безлюдный лес. Меня изгнали, а Саумитри, мой младший и любимый брат, которого ты видишь, из преданности решил сопровождать меня. По воле отца, о благословенный, мы удалились в пустынный лес, дабы предаться аскезам, живя на кореньях и фруктах.

Выслушав добродетельного царевича, великодушный мудрец предложил им мадхупарку (сноска 1, 297) с аргхьей и воду омыть стопы. Святой аскет подал им различные виды пищи и напитков из лесных фруктов и корней, а также приготовил скромное место отдыха. Окруженный оленями, птицами и другими мудрецами, риши Бхарадваджа пригласил Раму и, выразив почтение, обратился к нему со справедливыми словами:

– Давным-давно, о Какутстха, предвидел я твой приход; я слышал о твоём несправедливом изгнании. Это уединенное место близ слияния двух великих рек чисто и приятно; оставайся здесь и будь счастлив!

Рагхава, преданный всеобщему благу, отвечал:

– О благословенный, страна моя лежит недалеко отсюда. Я думаю, мои подданные, узнав о том, что мы так близко, будут посещать меня и Ваидехи. Поэтому я не могу остаться здесь. О благословенный, поведай, где найти мне уединенное пристанище, которое было бы приятно Ваидехи, дочери Джанаки, достойной счастья!

Бхарадваджа, знаменитый мунни, отвечал с пониманием:

– О дорогой сын, в десяти милях отсюда есть гора, часто посещаемая великими риши, священная и прекрасная, ты мог бы там жить. Обезьяны и медведи обходят ее; это гора Читракута, напоминающая Гандхамадану. Те, кто видел вершины Читракуты, обрел радость и освободился от иллюзии. Многие аскеты, прожив там сотни лет, силою епитимий вознеслись на небеса, не покидая своих тел. О Рама, я думаю, это подходящее для тебя место, но останься еще со мной в лесу!

Так сказал Бхарадваджа в великой радости, исполнив желание Рамы, своего возлюбленного гостя, а также его брата и супруги. Пока Рама беседовал с великим риши на различные темы, спустилась благоприятная ночь. Какутстха вместе с Лакшманой и Ситой, привыкшей к роскоши и очень утомленной, счастливо провели ночь в той восхитительной хижине, принадлежавшей Бхарадвадже. Наутро этот тигр среди людей обратился к мудрецу:

– О благословенный, преданный истине, мы провели в твоей хижине ночь, позволь теперь нам отправиться в обитель, указанную тобой!

Бхарадваджа ответил:

– О Рама, иди к Читракуте, изобилующей медом, кореньями и фруктами; мне кажется, тебе понравится там, о могучерукий воин, где в разнообразных рощах живут киннеры и змеи, где раздаются крики павлинов, куда часто приходят могучие слоны. Иди туда и живи на широко известной горе Читракута, чистой, приятной и изобилующей кореньями и фруктами. О Рагхава, ты увидишь там стада слонов и оленей, резвящихся на полянах! Когда ты будешь гулять с Ситой среди рек, водопадов, холмов и ущелий, скал, утесов и стремительных горных потоков, сердце твое преисполнится радости.

Отправляйся сейчас же в эти благоприятные, вызывающие восторг места, где воздух оглашен брачными криками чибисов и кукушек, часто посещаемые оленями и многочисленными слонами, опьяненными течкой, и живи там вместе со своими спутниками!

Глава 55 Рама пересекает Ямуну

Проведя ночь в Праяге, двое царевичей, победители своих врагов, почтительно поклонились великому риши и направили путь свой к горе Читракута. Когда они уходили, знаменитый мудрец благословил их, словно отец – своих сыновей, рожденных из собственной поясницы. Великий муни суровых аскез дал свои наставления Раме, отмеченному героизмом:

– Тебе следует переправиться через место слияния Ганги и Ямуны, о тур среди людей, и держаться реки Калинди, что течет на запад. Продолжая идти берегами Калинди с ее извилистым течением, ты без труда найдешь большой проход, о Рагхава. Там ты сможешь соорудить маленький челн и переправиться через великолепную реку. Затем ты увидишь великое зеленое дерево нягродха, имя которому Шьяма. Ему поклоняются сиддхи, а кругом растут бесчисленные другие деревья. Сита со сложенными ладонями должна будет предложить ему свои молитвы. Вы сможете остаться там на некоторое время или продолжить свой путь. В миле отсюда ты увидишь темный лес из деревьев шаллака и бадри, а также дикий кустарник Ямуны; это путь к Читракуте, я часто ходил туда; он прекрасный, ровный, там нет опасности лесных пожаров.

Описав путь, великий риши вернулся в свою хижину. «Быть тому!» – отвечал Рама, поклонившись уходящему мудрецу, а затем обратился к Лакшмане:

– Пусть процветание сопутствует тебе! Как повезло нам, что мы обрели милость этого аскета!

Посоветовавшись, два тигра среди героев велели Сите идти впереди, и так достигли реки Калинди. Увидев ее быстрый поток, они сразу стали искать переправу. Два брата из двух кусков дерева соорудили остов большого плота, щели заделали сухими вьюнами и покрыли ветвями ушира. Доблестный Лакшмана, срезав стебли вереска и ветви дерева джамбу, сделал удобное сидение для Ситы, а Рама, сын Дашаратхи, помог своей возлюбленной, которая была подобно Шри невообразимо прекрасной и достаточно сообразительной, ступить на плот; рядом Рама положил две ее коры, драгоценности, лопату и корзину. Посадив Ситу на плот, два сына Дашаратхи спустили его на воду, а потом бодро запрыгнули на него и, оттолкнувшись от берега, стали переправляться через реку.

На середине реки Сита стала молиться Калинди:

– О богиня, приветствую тебя! Позволь без помех пересечь тебя! Пусть мой господин исполнит свой обет! Когда Рама счастливо вернется в город и станет править страной, я совершу тебе жертвоприношение и предложу тысячу коров!

Воззвав к богине Калинди со сложенными ладонями, справедливая Сита благополучно достигла далекого берега. Так при помощи плота, сооруженного из многих деревьев, растущих по берегу реки, изгнанники переправились через чудесную Ямуну с ее быстрым течением, украшенным гирляндами волн.

Оставив плот и покинув лесистые берега Ямуны, они достигли дерева ньягродха по имени Шьяма со свежей зеленой листвой. Ваидехи приблизилась к этому дереву и поприветствовала его:

– Почтение тебе, о могучее дерево! Пусть мой господин исполнит свой обет! Пусть мы увидим снова Каушалю и благословенную Сумитру!

С этими словами добродетельная Сита со сложенными ладонями обошла вокруг дерева. Глядя на безупречную Ситу, нежную и почтительную, которая возносила молитвы, Рама сказал Лакшмане:

– О младший брат Бхараты, иди вперед с Ситой, а я с оружием последую за вами, о глава людей. Каких бы фруктов или цветов ни пожелала дочь Джанаки, Ваидехи, сорви их для нее, чтобы доставить радость!

Встречая невиданные прежде деревья, кусты и цветущие лианы, молодая женщина спрашивала Раму о них, и Лакшмана по ее просьбе срывал Сите восхитительные цветы всех видов. Чарующая река с песчаными берегами, где эхо разносило крики цапель и лебедей, наполняла сердце дочери Джанаки радостью.

Пройдя часть пути и переправившись через великую реку, двое братьев Рама и Лакшмана испили чистой воды и застрелили прекрасного оленя, подходящего для пищи и жертвоприношения, и приготовили еду. Разделав оленя, они предложили часть предкам и богам. Два потомка Рагху, бродя по вместе с Ситой в прекрасном лесу, который был оглашен криками павлинов и населен слонами и обезьянами, пришли к живописному месту, порадовавшему Ситу, и остановились под священным фиговым деревом.

Глава 56

Лакшмана строит хижину

С рассветом Рама, тур в роду Рагху, мягко поднял Лакшману, наслаждавшегося крепким сном:

– О Саумитри, послушай пение птиц в лесу! Пойдем, вставай, время подниматься, о сокрушитель врагов!

Разбуженный братом Лакшмана, стряхнув сон и усталость от проведенного в трудах дня, поднялся. Вместе они искупались в водах священной реки и направили свой путь к Читракуте, которую часто посещают риши. Идя рядом с Лакшманой, Рама обратился к Сите, чьи глаза были огромными, словно лепестки водяной лилии:

– О Ваидехи, взгляни на цветущие со всех сторон цветы, словно горящие факелы! Посмотри на деревья кимшука, украшенные короной из цветов; конец зиме! Вот бхаллатака и билва, бесполезные для людей; они склонились под тяжестью цветов и плодов, которые человек не может есть. О Лакшмана, посмотри на пчелиный мед, который словно в кувшинах висит с левой стороны каждого дерева! Натьюха призывает, а шикхин отвечает в этом восхитительном лесу, покрытом ковром цветов. Взгляни ни Читракуту, эту гору с величественной вершиной, стадами слонов, что живут на ней, и стаями птиц, ожививших ее своим пением! Это прекрасное и ровное место, поросшее бесчисленными деревьями, такое чистое, этот лес Читракута станет для нас приятным пристанищем, о друг.

Идя пешком и беседуя, двое братьев вместе с Ситой достигли горы Читракута, любимой слонами и оленями, оглашенной криками и пением птиц и изобилующей фруктами и кореньями.

Рама сказал Лакшмане:

– О превосходный, гора эта, поросшая различными деревьями и ползучими растениями с сочными кореньями и фруктами, которые позволят нам поддерживать жизнь, с чистыми ключами и озерами во всем своем великолепии предстала перед нами. О дитя, пусть она станет нашей обителью, здесь мы и будем жить!

Сита, Рама и Лакшмана, сложив ладони, вошли в хижину, принадлежавшую Вальмики и все вместе поклонились ему.

Великий риши преисполнился радости. Сведущий в своих обязанностях, он оказал им теплый прием и, спросив Раму о благополучии, сказал:

– Оставайтесь здесь!

Длиннорукий повелитель, старший брат Лакшманы по традиции рассказал аскету их историю, а потом повелел:

– О Лакшмана, пойди разыщи несколько кусков прочного дерева, подходящего для всех времен года, и построй для нас хижину, о друг; мне нравится здесь!

Саумитри, победитель врагов, тут же отправился искать деревья всех пород, а затем построил покрытую листьями хижину с дверью, приятной на вид. Когда все было готово, Рама сказал послушному и трудолюбивому Лакшмане:

– Мы возьмем плоть черной антилопы и предложим ее божеству нашей хижины, как это предписывает традиция (сноска 1, 302), о Саумитри, тем, кто желает жить долго. Убив антилопу, принеси ее сюда, о большеглазый Лакшмана. Ритуал нужно исполнить в соответствии со священными предписаниями, соблюдай традицию!

Вняв желаниям брата, Лакшмана, победитель врагов, исполнил их, и Рама снова сказал ему:

– Теперь разделай мясо, мы предложим его божеству хижины! Поторопись, это благоприятное время, этот день посвящен Дхруве! (сноска 2, 302)

Блистательный Лакшмана, сын Сумитры, убил черную антилопу, подходящую для жертвоприношения и, спустив всю кровь, стал жарить ее на огне, а потом обратился к Рагхаве, тигру среди героев:

– Оленина готова и хорошо прожарена, о подобный богу богов, теперь соверши жертвоприношение, в чем ты столь искусен.

Омывшись, Рама, благочестивый и добросовестный, сведущий в молитвах, прочитал все священные тексты, которыми начинают жертвоприношение и, совершив подношение сонмам богов, вошел в хижину.

Этот герой непомерной славы чувствовал прилив радости в сердце. Те молитвы, сулящие мир их обители и обращенные к Вишвадевам, Рудре и Вишну, Рама прочитал про себя (сноска 1, 303). Снова омывшись в реке, он провел заключительное жертвоприношение во искупление грехов. Затем Рагхава, как положено, соорудил алтари во всех четырех сторонах хижины, и пригласил своих спутников в нее, устланную листьями, приятную с виду.

Хижина эта, искусно построенная по всем правилам, стала им прибежищем от ветров.

Живя близ удивительной горы Читракута и реки Мальявати со священными бродами, часто навещаемый оленями и птицами, Рама преисполнился радости, и изгнание его из Айодхьи более не волновало его.

Глава 57 Возвращение Сумантры

Преисполненный печали Гуха долго беседовал с Сумантрой о Рама, который достиг правого берега реки, а потом вернулся домой. От местных посланцев он узнал, что Рама побывал в хижине Бхарадваджа в Праяге, где его тепло приняли, и отправился на гору Читракуту.

Сумантра, покинутый Гухой, запряг своих превосходных коней и с тяжелым сердцем отправился в город Айодхью. С тревогой он смотрел на цветущие леса, реки и озера, минувшие города и деревни. На второй день колесничий достиг города и нашел его в печали. Видя молчаливые и пустынные улицы и молясь в неистовом горе, Сумантра с беспокойством думал: «Как бы город с его конями и слонами, с его жителями и царским домом во все не исчез в огне страданий, вызванных несчастьем Рама!» Поглощенный такими мыслями, на быстрых конях он скоро достиг ворот столицы и тут же сотни и тысячи людей бросились к колесничему с криком: «Где Рама?» И он отвечал им, бегущим за колесницей:

– Вопреки моей настойчивой просьбе Рагхава, этот добродетельный и великодушный герой, на берегу Ганги отправил меня, так что я вынужден был вернуться; а сам он вместе с Лакшманой и Ваидехи переправился через реку!

От этой новости слезы с новой силой хлынули их глаз, горестные возгласы раздались в толпе: «Увы! О Рама!» Колесничий, собрав людей, сказал:

– Несомненно, мы потеряны, поскольку не видим более добродетельного Рагхаву на церемониях, жертвоприношениях, свадьбах или посреди великих собраний! Что теперь порадует или вдохновит людей, если Рама, который покровительствовал городу, словно отец, больше нет здесь!

Сумантра так же услышал голоса женщин, раздававшиеся из окон, выходящих на главную дорогу, которые сокрушались о Рама, и лицо его омрачилось. Он направил коней ко дворцу и скоро достиг обители царя Дашаратхи.

Поспешно сойдя с колесницы, он миновал семь дворов, полных искусных воинов. Увидев его, женщины из благородных домов в три и семь этажей, оплакивающие уход Рама, закричали: «Увы! Увы!» Их огромные глаза ослепли от слез, в великом горе они более не в силах были разглядеть друг друга. Из дворца раздавались рыдания жен Дашаратхи. Видя Сумантру, они говорили:

– Что скажет Сумантра, уехавший с Рамой, но вернувшийся один, Каушалья, разбитой горем? Мы думаем, что жизнь невыносима для Каушальи, но и смерть не в радость ей, потому что она пережила падение и изгнание ее сына!

Слыша эти многозначительные слова царских жен, Сумантра преисполнился еще большего горя и, миновав восьмые врата, увидел мраморный дворец страдающего монарха, оплакивающего своего сына.

Приблизившись к сидевшему царю, Сумантра поклонился и с верой передал слова Рама. Царь, молча выслушав его, обезумел и, дав волю своему горю, без чувств повалился на пол. Женщины, видя своего государя без сознания, в отчаянье подняли руки, издавая пронзительные вопли. С помощью Сумитры Каушалья подняла своего супруга, безжизненно лежавшего на полу, и сказала:

– О великий царь, почему ты не отвечаешь посланцу того, кто теперь живет в лесу, избрав столь тяжкий жребий? Причина этого несчастья, ты теперь смущен, о Рагхава! Поднимись, поднимись, пусть процветание сопутствует тебе! Пусть подданные твои избавятся от печали! О царь, здесь нет Кайкеи, в страхе перед которой ты не смеешь спросить колесничего о Рама! Не страшись, поговори с ним!

Сказав так, Каушалья, не в силах сдержать горя, неожиданно сама упала на пол в слезах и скорби.

Видя несчастную Каушалью, распростершуюся на полу в присутствии супруга, все женщины подняли вой, и слыша крики молодых и старых, раздающиеся из внутренних покоев, остальные женщины разразились рыданиями, так что весь город снова пришел в волнение.

Глава 58

Сумантра передает царю послание Рама

Царь пришел в себя и призвал к себе колесничего, чтобы расспросить о Рама.

Сумантра со сложенными ладонями предстал перед царем, горюющем о Рама, согбенным под бременем лет и отчаянья, стонущем и полном беспокойства, напоминающем только что пойманного слона или того, кто изгнан из своего рода. В величайшем горе монарх обратился к колесничему, который стоял перед ним, покрытый пылью, печальный, с лицом, мокрым от слез:

– Где теперь живет Рагхава, не имея ничего кроме фруктов и корней? Прежде живя в роскоши, что будет он есть, не ведавший несчастий и теперь давший обет страдать, о Сумантра? Привыкший к удобной постели, как будет сын мой, повелитель земли, спать на

земле, словно бездомный? Во время путешествий сопровождаемый пешими воинами, колесницами и слонами, как Рама будет жить в девственном лесу? Как юные царицы и Вайдехи живут в тех лесах, полных слонов и диких зверей, изобилующих черными змеями? Как могут те царицы вместе с исключительно юной и благословенной Ситой оставить свою колесницу и продолжать путь пешими, о Сумантра? Ты, конечно, очень удачлив, поскольку ты видел, как двое моих сыновей удалились в лес, словно двое Ашвинов на горе Мандара. Что сказал Рама? Что сказал Лакшмана, прежде чем углубиться в лес, о Сумантра? Что сказала Маитхили? О колесничий, поведай, где Рама сидел или отдыхал, что он ел, этим ты немного продлишь мне жизнь, как старому Яяти среди садху!

Колесничий отвечал монарху сдавленным голосом, дрожащим от рыданий:

– О великий царь, Рагхава, верный долгу, сложив ладони и склонив голову, сказал мне: «О колесничий, передай мой низкий поклон августейшим стопам моего отца, славному величию души. Отдай поклон всем женщинам во внутренних покоях, о колесничий и всем до одной, как подобает, передай мои почтительные пожелания блага. Матери моей Каушалы пожелай от моего имени счастья, с почтением и преданностью, и скажи: «Утвердись в долге и должное время проводи агнягару; о царица, служи царю, как Богу! Отбросив гордыню и эгоизм, живи среди цариц; о мать, почитай Кайкейи, поскольку она пользуется особым расположением царя. Относись к юному Бхарате как к государю; царям нужно покоряться, даже если они не являются старшими сыновьями, это царская привилегия, помни об этом!»

Передай так же поклон Бхарате и скажи ему от моего имени: «Почитай всей цариц!» Пусть этот длиннорукий воин станет радостью рода Икшваку и, приняв трон, помогает моему отцу. Царь уже стар, но не свергай его; поделив с ним власть, живи, прислушиваясь к его воле!»

Затем Рама, плача, добавил: «Еще скажи Бхарате: «Относись к моей матери, как к своей, поскольку она горюет по сыну!»

Таковы были слова длиннорукого воина, знаменитого Рамы с большими, как лепестки лотоса, глазами. Потом он громко заплакал; но Лакшмана, гневно вздыхая сказал:

– За какое преступление изгнан этот царица? Царь свершил то, что не должен был делать в угоду Кайкейи, но тем не менее мы вынуждены страдать!

Неважно, Рама изгнан из-за того, что царь стал рабом своей страсти к Кайкейи или из-за данного ей слова – это бесславное деяние! На благо это повелителю или нет, я не вижу причины для изгнания Рамы. Это незаконное решение, принятое необдуманно или безответственно, вызовет бесчисленные возражения. Я не признаю в этом великом царе своего отца. Рагхава для меня брат, повелитель, друг и отец! Изгнав любимого всем миром Раму, может ли царь, еще наслаждающийся служением других, надеяться сохранить любовь своих людей? Выслав добродетельного Раму в лес, которого любили все подданные, вызвав всеобщее осуждение, как сохранит царь свое положение?»

О великий царь, Джанаки стояла вздыхая, печальная и словно одержимая, она не обратила ко мне ни единого слова. Лицо ее было бледно, не сводя глаз со своего повелителя, она последовала за ним в лес, не переставая скорбеть.

Так говорил Рама; лицо его было омыто слезами, когда он стоял со сложенными ладонями, поддерживаемый Лакшманой. Несчастная Сита, плача, стояла рядом, взгляд ее был устремлен на царскую колесницу и на меня.

Глава 59 Горе царя Дашаратхи

Сумантра продолжал:

– Я должен был возвращаться, но кони отказывались бежать по дороге и, роняя жгучие слезы, выражали свою печаль разлуки с Рамой. Со сложенными ладонями поклонив-

шись двум царевичам, я стоял, прислонившись к моей колеснице, терзаемый горем. Несколько дней я провел с Гухой, надеясь: «Может быть, Рама еще позовет меня!»

В твоём бескрайнем царстве неопишное несчастье коснулось даже деревьев, на которых поблекли цветы, почки и молодые побеги. Реки и озера высохли, листва в лесах увяла, звери перестали бродить повсюду, не видно больше змей. Кажется, будто лес скорбит из-за несчастья, постигшего Раму. Лепестки голубых лотосов поникли, воды в реках вздулись; водяные лилии, ковром устилавшие зеркальные озера, завяли; рыбы и птицы более не играют; цветы, росшие на земле и в воде, из которых собирают гирлянды, утратили свою красоту, а фрукты – прежний вкус. Сады и парки пустынные, птицы неподвижно сидят на ветвях; я не увидел очарования в прекрасных садах, о тур среди людей. Возвращаясь в Айодхью, я не заметил и тени радости. Люди, не видя Раму, непрерывно плачут. О царь, увидев издали вернувшуюся царскую колесницу, толпа, заполнившая главную дорогу, умылась слезами. Женщины, глядя на колесницу из окон, с балконов и крыш и сокрушаясь о Раме, кричали «Увы! Увы!», их большие глаза были полны слез, они не могли разглядеть друг друга. Я тоже в горе не мог сказать, друг или враг. Люди, лишённые счастья, плакали, так же как слоны и кони; весь город, стена и охая погружен в молчание. В одиночестве и печали, в которые повергло её изгнание Рамы, Айодхья напомнила мне Каушалю, лишившуюся сына.

Выслушав колесничего, царь, задыхаясь от рыданий, ответил:

– Порабощённый Кайкейи, порочной по природе, я не послушал совета старейшин, моих искусных советников, я не посоветовался с друзьями, министрами или купцами; это было безрассудством, в угоду женщине я совершил этот поступок! Скорее это судьба, или случайность, навлекшая беду на весь мой род и уничтожившая его, о колесничий! О Сумантра, если я оказывал когда-либо тебе какое-нибудь служение, то отправляйся сейчас же и привези Раму обратно; время жизни моей истекает. Какое бы распоряжение я ни возлагал на тебя, сейчас привези Рагхаву, я не могу жить без Рамы ни единого мгновенья, или ещё лучше, поскольку длиннорукий герой уже далеко, скорее отвези меня на колеснице к нему. Где старший брат Лакшманы с ровными зубами и великим луком? Раз я ещё живу, позволь мне увидеть его с Ситой и не на мгновенье, а сколько я пожелаю! Я не вижу более светоча Икшваку, Рагхаву, что может быть печальнее? О Рама, о младший брат Рамы, о несчастная Ваидехи, вы не знаете, что я умираю от горя, словно отвергнутый!

Разбитый горем, монарх погрузился в бескрайнее море печали. Потом он снова заговорил:

– О божественная Каушалья, океан горя разлуки с Рамой, неодолимый для живого существа, поглотил меня. Изгнание Ситы – это его ручей, вздохи – его бурные волны, а потоки слез – воды; взмахи рук – это его рыба, крики агонии – гром, растрепанные волосы – его сор, а рот Кайкейи – пасть ада. Мои бесконечные слезы – его источник, слова горбуны – чудовищные крокодилы, его самый дальний берег – изгнание Рамы, содеянное этой злобной женщиной! О, какая беда! Вопреки моему желанию я никогда больше не увижу Раму или Лакшману!

Плача, знаменитый монарх упал вдруг наземь и, стеная, потерял сознание. Эта новая волна скорби о сыне наполнила сердце божественной матери Рамы ужасом.

Глава 60

Сумантра пытается утешить Каушалю

Судорожно дрожа, словно одержимая злым духом, Каушалья безжизненно рухнула на пол, крикнув колесничему:

– Отвези меня к Какутстхе, Сите и Лакшмане; без них я не в силах жить и мгновенья. Скорее разворачивай свою колесницу и вези меня в лес Дандака! Если я снова не встречу с ними, я уйду в обитель смерти!

Слабым голосом, прерывающимся от рыданий, колесничий с молитвенно сложенными ладонями обратился к царице, пытаясь ее как-то утешить:

– Оставь скорбь и отчаяние, вызванные несчастьем. Лишь преодолев печаль, Рагхава сумеет жить в лесу! Отдавая дань почтения стопам Рамы, Лакшмана, этот добродетельный царевич, обуздав чувства, достигнет высшей обители! Сита будет жить в пустынном лесу, словно среди дворцов; она полностью положила на Раму, сердце ее принадлежит ему. В Сите не увидеть и тени печали, она выглядит полностью примирившейся со своими странствиями. Как прежде она наслаждалась прогулками в рощах вокруг города, теперь Сита счастлива в уединенных лесах. Она, чье лицо напоминает полную луну, играет как дитя, рядом с Рамой в лесном уединении душа ее освободилась от печали. Рама целиком владеет ее сердцем и всей ее жизнью; для нее Айодхья без Рамы была бы пустыней! Глядя на деревни и города, реки и деревья всех видов, Ваидехи спрашивает о них Раму или Лакшману так, словно находится в приятном саду в окрестностях Айодхьи! Я хорошо помню все слова царевны, но что она говорила о Кайкеи, я не припомню!

Пытаясь смягчить силу своих слов, ненамеренно сорвавшихся с его уст, колесничий продолжал утешать Каушалю:

– Путь, неистовый ветер, усталость и жара не касаются Ваидехи, которая сияет, как свет луны. Прекрасное лицо великодушной Ваидехи подобно цветку и сияет, как полная луна, ничто не омрачило ее. Ее розовые стопы прекрасны как бутоны лотосов, с колокольчиками на лодыжках она идет вперед, как всегда нарядная на радость своему повелителю. Видя слонов, львов или тигров в лесу, она не выражает тревоги, потому что верит в силу рук Рагхавы. Ни тебе, ни царю нет нужды сожалеть о них, история их еще не закончена в этом мире.

Отбрось печаль, пусть сердце твое наполнится радостью, они твердо идут по пути великих риши. Они счастливы в лесу, питаются дикими фруктами и кореньями, они исполняют заветы своего отца!

Как ни старался колесничий подбирать слова, чтобы утешить ее, царица Каушалья в материнском горе продолжала плакать, сокрушаясь:

– О мой возлюбленный! О сын мой! О Рагхава!

Глава 61

Каушалья упрекает царя Дашаратху

Рама, величайший благодетель, с радостью несущий свой долг, ушел в лес, и Каушалья, рыдая, в горе обратилась к своему супругу:

– Пусть ты и достиг всемирной славы и все говорят: «Рагхава исполнен жалости, великодушия и снисхождения», как мог ты двух сыновей своих и Ситу, выросших в роскоши, обресть на страдания, о глава людей? Нежная юная женщина Маитхили, как никто хрупкая и привыкшая к роскоши, как вынесет она жару и холод? Как большеглазая Сита после всех изысканных блюд будет питаться диким рисом? Как после услаждавших слух певцов и музыкантов перенесет она устрашающее рычание хищных животных?

Сияющий, как Махендра, где теперь будет спать этот могучий герой, подложив под голову руку, словно кусок железа? Когда увижу я лицо Рамы, подобное лотосу, обрамленное чудесными локонами, благоухающими лотосом и напоминающими водяную лилию? Наверное, сердце мое из алмаза, раз, не видя Рамы, оно еще не разорвалось на тысячи кусочков!

Жертвы твоей несправедливости, мои изгнанные дети, достойные счастья, бродят в лесу! Рама вернется через пятнадцать лет, и Бхарата передаст ему царство и все богатства, но он не примет этого. Некоторые на церемонии шраддха сначала кормят своих родственников, а потом из чувства долга вспоминают о том, что нужно пригласить знаменитых дваждырожденных, но добродетельные мудрецы, подобные богам, пренебрегают этим запоздалым приглашением даже если оно сулит нектар. Великодушные и мудрые дважды-

рожденные не примут остатков пищи других брахманов, считая это быком, лишившимся рогов. Точно так же как примет старший сын, царство, которого достоин, но которым наслаждался младший? Тигр не прикасается к добыче, если кто-то опередил его; тигр среди людей так же отвергнет то, что прежде было изведено кем-то! Сому, очищенное масло, приготовленный рис, траву куша и столбы кхадира, использованные в жертвоприношении, не используют вторично на церемониях, и Рама тоже не примет царство, напоминающее кислое вино, словно жертвоприношение без сомы! Рама не потерпит такого оскорбления, как тигр не позволит прикасаться к своему хвосту. Вы не боитесь столкновения с ним? Этот добродетельный герой способен подчинить своей благородной власти всю вселенную, даже если она поклялась во зле! Этот доблестный длиннорукий герой своими золотыми стрелами истребит моря, как в конце мира уничтожаются все элементы. Воин, могущественный, как лев, с глазами тура, первый среди людей, сражен собственным отцом, который подобен рыбе, проглотившей свою икру. Разве ты не знаешь о долге двадждырожденных, о котором риши знают из вечных писаний, о царь, изгнавший своего сына, преданного долгу? Первым прибежищем женщины является муж, вторым – сын, а третьим – ее родственники, о царь; четвертого не дано; теперь ты никто для меня, Рама ушел в лес, и я не могу последовать за ним, у меня нет родных!

Ты полностью уничтожил меня! Ты потерял свое царство и корону, родственников и советников, ты навлек беду на меня и моего сына, а так же на всех жителей города; счастливы только Бхарата и супруга твоя Кайкейи!

Слушая упреки, которые Каушалья бросала ему, несчастный монарх горестно воскликнул:

– О Рама! – и, вспоминая о совершенном грехе, отдался терзаниям неистового горя.

Глава 62

Царь Дашаратха молит Каушалью о прощении

Слушая резкие слова, которые в гневе обращала к нему страждущая мать Рамы, царь был подавлен. Победитель врагов, монарх долго не мог освободиться от этого чувства, он был взволнован, пока не пришел в себя.

Справившись с волнением, он тяжело и горячо вздыхал и, глядя на Каушалью, которая стояла рядом, снова впал в печальную отрешенность. Мысленно он возвращался к невольно совершенному греховному деянию, когда он на звук выпустил стрелу, и воспоминание об этом, так же как и несчастье, наступившее Раму, разрывало ему сердце, так что великий царь чувствовал себя под двойным ударом. Несчастный, раздавленный двойной печалью, дрожа, со сложенными ладонями он стоял перед Каушальей. Пытаясь ее утешить царь со склоненной головой сказал:

– О Каушалья, я умоляю тебя, прости! Ты мягкая и никогда никому не причиняла зла, даже своим врагам. Женщины, верные своему долгу, видят в муже – хорошем или плохом – бога, о царица. Ты верна своему долгу и способна различить, что благородно, а что низко в этом мире; несмотря на свое горе ты не должна упрекать того, кто так несчастен!

В ответ на мольбы несчастного царя Каушалья залилась слезами, словно вода, хлынувшая по канавам после недавнего ливня. Стеная и возложив себе на голову руки царя, почтительно сложенные, словно бутон лотоса, голосом, дрожащим от волнения и прерываемым рыданиями, она обратилась к нему:

– Кивни головой, что ты простил меня! Я молю тебя, кладу свою голову к твоим стопам! Мольбы твои сразили меня, о царь, я не достойна твоей пощады.

Нет женщины более низкой, чем та, что позволила своему добродетельному супругу, почитаемому в обоих мирах, просить у нее прощения. Я знаю о своем долге, о верный слову, и знаю о твоей честности; боль о сыне заставила меня обратиться к тебе с такими словами. Горе лишило терпения, понимания, горе разрушило все; нет худшего врага, чем горе! Непредвиденный удар, нанесенный неизвестным противником, можно перенести, но

неожиданное горе, даже незначительное, пережить невозможно! Уже пятая ночь, как Рама ушел в лес, что убило всю мою радость, мне кажется, что прошло пять лет!

Мысли о нем умножают печаль моего сердца, как соленые воды океана нарастают благодаря впадающим в него великим рекам.

Пока Каушалья говорила, на западной стороне небосвода исчезли последние солнечные лучи и опустилась ночь. Царь, утешенный словами божественной Каушальи и изнуренный горем, позволил себе уснуть.

Глава 63

Царь Дашаратха повествует историю юного аскета

Проснувшись после короткого сна, разбитый горем царь Дашаратха погрузился в глубокие раздумья. Изгнание Рамы и Лакшманы наполняло монарха, подобного Васаве, печалью, словно демон Рагху, окутавший солнце тьмой! С уходом Рамы и его супруги правитель Кошалы, вспоминая о свершенном прежде злодеянии, пожелал поведать о нем Каушалье с темными ресницами. На шестой день после ухода Рамы в лес, в полночь царь Дашаратха вернулся мыслью к тому случаю и, скорбя о сыне и допущенном грехе, обратился к Каушалье, охваченной материнским волнением:

– Что бы человек ни делал – будь то добро или зло – он пожнет плод своих деяний, о благословенная и прекрасная царица! Только глупец, предпринимая что-то, не предвидит тщетности или серьезности последствий! Человек, который желая плода, вырубает манговую рощу и поливает деревья палаша в период цветения, раскается, когда придет время собирать урожай! Тот, кто предпринимает что-то, не оценив последствий, пожалеет об этом, подобно человеку, во время сбора урожая ухаживающему за деревом кумшика! Я срубил манговую рощу и полил деревья палаша, изгнав Раму, и когда настало время собирать урожай, я оплакиваю свою глупость. В юности, упражняясь в стрельбе из лука, я направлял свои стрелы на звук, о Каушалья; естественно, о царица, меня настигла беда, как ребенка, по неведению испившего яд. Подобно человеку, плененному деревьями палаша, я пострадал от неожиданных последствий стрельбы на звук! О царица, я еще не был женат на тебе; я был законным наследником престола; наступил сезон дождей и я искал удовольствий. В то время солнце, иссушившее землю и испепелявшее мир своими лучами, вступило на южный путь. Жара стала спадать, появились дарующие свежесть облака, радуя лягушек, гусей и павлинов; птицы с мокрыми крыльями, напоминая аскетов после купания, искали прибежища в листве дерев, чьи кроны волновались и дрожали от дождя и ветра. Покрытые непрекращающимися потоками дождя горы, излюбленные пристанища опьяненных гусей, тонули в воде; каскады чистой воды белого, красного или пепельного оттенка падали со скал, кружась в водоворотах. В это радостное время вооруженный луком и стрелами я на своей колеснице отправился к реке Сараю, желая предаться своему излюбленному развлечению. Чувства мои были необузданны, я убил буйвола, слона, лань и еще несколько диких животных, когда они приходили на водопой. И вдруг в темноте я услышал звук наполняемого водой кувшина. Не в силах ничего разглядеть, я решил, что это хрюкает слон. Держа наготове стрелу с наконечником, жгучим, как ядовитая змея, и желая убить слона, я выпустил ее туда, откуда раздавался звук, и острая стрела полетела, словно ядовитая змея. Во тьме раздался пронзительный крик аскета: «Ах! Ах!» Крича, он упал в воду с пронзенной грудью. Человеческий голос стонал:

– Кто пронзил стрелой аскета, подобного мне, когда я ночью пришел к пустынной реке набрать воды? Кто сразил меня стрелой? Кому я причинил зло? Я, риши, отказавшийся от насилия и живущий в лесу на диких фруктах? Кто поразил меня стрелой, аскета со спутанными волосами, который носит одежду из древесной коры и шкуру антилопы? Кто пожелал моей смерти и что плохого я сделал? Несомненно, никто не одобрит этот бесплодный и полностью бесполезный проступок, как если бы ученик осквернил постель своего гуру! И все же я не столько скорблю о своей смерти, как о моих матери и отце; я

страдаю о них. Они старые, долгое время я оставался их единственной поддержкой. Когда тело мое вновь станет землей, водой, огнем, воздухом и эфиром, что станется с ними? Стрела эта сразила меня и моих родителей! Все мы умираем от руки бесчувственного человека, который не умеет владеть собой!

Услышав этот жалобный голос, я, всегда стремившийся исполнять свой долг, от горя выпустил из рук лук и стрелы. Слыша стенания аскета, раздававшиеся в ночи, я обезумел от отчаяния и вне себя бросился на его голос.

Душу мою терзали муки, ум был взволнован. На берегу реки Сараю я увидел раненого аскета, локоны его растрепались, кувшин опрокинулся, тело испачкалось в пыли и крови, пронзенный стрелой, он лежал на земле. Я весь дрожал, когда он поднял на меня свои глаза и обратился ко мне суровые слова, которые уничтожили меня, как огонь:

– Что плохого я сделал тебе, о царевич, живя в этом лесу? Ты убил меня, когда я набирал воду для своих престарелых родителей! Стрела, нанеся мне смертельную рану, поразила также и тех двух стариков, моих родителей, которые слепы! Несчастные, они ждут меня, чтобы утолить жажду!

Истомленные жаждой, они будут жестоко страдать! И это награда за аскетизм и изучение Веды? Отец мой не знает, что я лежу на земле, и даже если бы он знал, что бы он сделал, если он не может идти без поводья, как дерево, которое не может помочь другому дереву, вырванному с корнем, о Рагхава!

Иди и разыщи моего отца и расскажи ему все! Я боюсь, в гневе он уничтожит тебя, как яростный огонь уничтожает лес! К хижине моего отца ведет единственный путь, о царевич. Иди и умилостивь его, дабы в гневе своем он не проклял тебя, но сначала вытащи острую стрелу из моей груди, потому что она мучит меня, как течение реки подмывает ее высокий и сыпучий берег. Мне больно дышать, пока стрела у меня в груди, но как только ты вытащишь ее, незамедлительно придет смерть!

Несчастный и разбитый горем, я слушал его и думал, как мне вытащить стрелу.

Видя мою нерешительность и терзания, мудрец, сын аскета, сведущий в духовном знании, мучительно обратился ко мне. Корчась, не в силах пошевелиться, с закатившимися глазами, с каждым мгновением теряя последние силы, он с трудом произнес:

– Силой терпения я хочу преодолеть свое горе, я желаю уйти безмятежным. Выброси из своей головы мучительную мысль, что ты убил брахмана! Я не дваждырожденный, о царевич, не беспокойся! Я рожден матерью-шудрой и вайшьей-отцом, о великий правитель людей!

Он сказал это с величайшим усилием, и грудь его, пронзенная стрелой, остановилась, судорожно дрожа. Он неподвижно лежал на земле, и я, ужасно страдая, выдернул стрелу. Аскет в предсмертных муках взглянул на меня и вздохнул. Глядя на его члены, омытые потом, его пронзенную грудь, на его скорбь и беспрестанные стоны, я стоял пораженный, о удачливая царица.

Глава 64

Царь Дашаратха умирает от горя

Добродетельный монарх, скорбя о невольной смерти великого мудреца, сказал Каушалье:

– По неведенью совершив этот грех и страдая в одиночестве, я размышлял: «Теперь я никогда не буду счастлив!» Тем временем я наполнил кувшин свежей водой и пошел указанной дорогой. Скоро я нашел бедных и старых родителей, которые, оставшись без поддержки, слепые, напоминали две птицы с обрезанными крыльями. Они сидели, без усталости беседуя о своем сыне, их единственной надежде, которой теперь навсегда лишились из-за моей ошибки. Ум мой был раздавлен горем, сердце стыло от страха, когда я входил в хижину, муки мои возросли тысячекратно. Заслышав звук моих шагов, мудрец спросил:

– Почему ты задержался, о сын мой? Скорее дай мне пить! Пока ты ходил за водой, о дорогое дитя, мать твоя пребывала в беспокойстве; иди, скорее войди в хижину! Если я или твоя мать чем-то опечалили тебя, о дорогое дитя, твое сердце аскета забудет об этом. Ты поддерживаешь тех, кто не имеет поддержки, ты зрение тех, кто лишен его. Наша жизнь и дыхание зависят от тебя, почему ты не говоришь с нами?

Я весь дрожал, когда прерывающимся от волнения голосом со страхом обратился к аскету. Глядя на него и усилием воли пытаюсь собраться с духом, я твердо поведал ему об ужасном несчастье, постигшем его сына:

– Я воин Дашаратха, я не твой сын, о великодушный аскет! Беда, в которой обвинят меня честные люди, произошла по моей собственной ошибке. О благословенный, с луком в руках я пришел к реке Сараю пострелять диких животных и, возможно, слона, когда он придет на водопой. Неожиданно я услышал звук наполняемого водой кувшина. Я подумал: «Это слон», – и тут же выпустил стрелу. Потом я побежал на берег реки и увидел аскета, распростершегося на земле с пронзенным моей стрелой сердцем. По его просьбе, поскольку он сильно страдал, я выдернул стрелу из его груди. Едва я вытащил стрелу, он вознесся на небеса, о благословенный, плача о вас обоих и вопия: «Они слепы!» По неведению я убил твоего сына; теперь он мертв, скажи, что мне делать. Услышав ужасную весть из моих виновных уст, благословенный аскет не в силах был пошевелинуться; лицо его омывали слезы, стена в горе знаменитый мудрец сказал мне, стоявшему перед ним со сложенными ладонями:

– Если бы ты не сказал мне о случившемся несчастье, о царевич, наказание, которое обрушилось бы на твою голову, было бы в тысячу раз сильнее! Сознательно совершенное воином убийство, особенно лесного жителя, осуждает даже бог-громовержец! Если кто-нибудь с оружием в руках коварно ранит муни, занятого аскезами и изучающего Веду, голова такого воина расколется на семь частей, но поскольку ты содеял это по неведению, ты останешься жить! А иначе весь род Рагхавы погибнет, так ты значителен! О царевич, отведи нас к тому месту!

Потом он добавил:

– Теперь мы будем видеть на нашего сына только в прошлом! Омытый кровью, со сбившейся шкурой антилопы он неподвижно лежит на земле, став добычей смерти!

Я отвел тех несчастных к берегу реки, чтобы мудрец и его жена могли коснуться тела сына. Приблизившись к своему дитя, оба пальцами прикоснулись к нему и тотчас же упали на труп, плача:

– О дорогое дитя, ты не приветствуешь нас больше, не говоришь с нами! Почему ты распростерся на земле, ты несчастен? Ты больше не любишь нас? О сын мой, хотя бы взгляни на свою добродетельную мать; почему ты не обнимешь ее и не обратишь к ней ласковых слов? Из чьих уст еще с наступлением ночи услышу я чтение священных писаний и пуран, которые радуют душу? Кто в сумерки, омывшись, развевет для меня жертвенный огонь и, присев рядом, утешит меня в страшном горе потери сына, обрушившемся на меня? Кто будет искать корни, клубни и фрукты, чтобы покормить меня, как дорогого гостя, ведь я не в силах сделать что-нибудь или собрать без посторонней помощи? Как смогу я служить нуждам твоей слепой и престарелой матери в ее потере и материнском горе? Подожди, о сын мой, не уходи сегодня в обитель Ямы, подожди до завтра, когда твоя мать и я последуем за тобой! Преисполненный горя, без поддержки в лесу, потеряв тебя, мы не замедлим войти в обитель Ямы! Представ перед Вайсаватой, я скажу ему: «О Господь правосудия, прости меня; пусть сын мой будет и впредь поддерживать своих родителей. Ты справедливый покровитель людей, безгранично прославленный, тебе надлежит даровать мне, несчастному, это благословение и избавить от страха!» О сын мой, ты безгрешен, и все-таки злобный человек убил тебя: поэтому иди поскорее в обитель тех, кто не отступает в сражении и умирает перед лицом врага. О сын мой, иди в ту обитель, куда ушли Сагара, Шивья, Дилипа, Джанамеджая, Нахуша и Дхундхумара; эту честь заслуживают те, кто изучал Веду, совершал аскезы, раздавал дары земли, разводил огонь

жертвоприношений и те, кто был справедлив к своим женам; обитель эта для тех, кто раздал в милостыню тысячи коров, кто с преданностью служил своим гуру и расстался с жизнью – насладись Парадисом, о дорогое дитя! Несомненно, тот, кто родился в моей семье, не пойдет лишенным благословения путем, но тот, кто убил тебя, последует им, дитя мое!

Причитая и жалобно стелая, аскет и его жена стали совершать погребальный обряд; потом, приняв облик небесного существа, добродетельный сын этого мудреца благодаря своему благочестию немедленно вознесся, сопровождаемый Шакрой, на небеса. Уходя, он обратился к престарелой чете, утешая:

– Я достиг высшей обители благодаря служению вам; оба вы скоро встретитесь со мной!

Сказав так, сын аскета, владея собой, вознесся на небеса на чудесной небесной колеснице. Мудрец суровых епитимий и его жена совершили очистительное омовение, и потом он сказал мне, стоявшему рядом со сложенными ладонями:

– Теперь убей меня, моя смерть не будет преступлением, о царевич, одной стрелой лишивший меня единственного сына и оставивший меня без потомства! Поскольку ты по неведению убил моего сладостного сына, я проклинаю тебя, навлекая на тебя великую беду, которая принесет тебе горестную муку! Горе, которое испытал я со смертью своего сына, настигнет и тебя с твоим собственным сыном и станет причиной твоей смерти! Судьба эта, устрашающая и роковая, настигнет тебя так же, как заслуга неизменно сопутствует тем, кто раздает милостыню!

Предав меня проклятию и скорбя, престарелая чета взошла на погребальный костер своего сына и удалилась на небеса.

Вспоминая о свершенном прежде грехе, о царица, когда я необдуманно выпустил на звук стрелу, я осознаю, что сейчас пожинаю плоды того поступка, словно болезнь, вызванную нездоровой пищей! О удачливая царица, пусть слова того благородного аскета не сбудутся! И все же я чувствую, что горе о сыне лишит меня жизни; я уже не в силах разглядеть тебя, о Каушалья, подойди ближе и коснись меня. Те, кто приближаются к обители смерти, ничего не видят. Если бы только хоть однажды он коснулся меня или был бы рядом! Если бы я мог отдать ему свое богатство и все царство, я убежден, я бы еще пожил!

То, как я поступил по отношению к Рагхаве, недостойно меня, о царица, тогда как его поведение по отношению ко мне достойно его. Даже если бы он был виновен, какой человек в этом мире отвергает своего сына? Какой сын, изгнанный отцом, не упрекает его за это? Глаза мои мутнеют, стирается память, я вижу посланцев Смерти, ринувшихся на меня, о Каушалья, но я не вижу добродетельного Раму, отмеченного исключительным героизмом. Горе разлуки с моим сыном несравненных подвигов иссушает источник моей жизни, как жара иссушает озеро. Несомненно, это не люди, а боги, кто спустя пятнадцать лет вновь увидят лик Рамы, украшенный сверкающими серьгами, чьи глаза подобны лепесткам лотоса, с красивыми бровями, прекрасными зубами и совершенной линией носа. Счастливы те, кто еще раз увидят лик Рамы, словно царя звезд, осеннюю луну или распускающуюся водяную лилию; о мой Рама, чей лоб умощен сандаловой пастой; как счастливы вы, кто переживет его изгнание и увидит его возвращение в Айодхью! Благословенны те, кто увидит Раму, равного Шакре, одиноко шествующего по большой дороге! О Каушалья, сердце мое разрывается! Я теряю чувство осязания, вкуса и слуха, я больше ничего не вижу; увы, со смертью чувства гаснут, как огонь в светильнике, в котором заканчивается масло. Печаль, которая стоит мне жизни, уносит меня прочь, как река, размывающая свои берега, я остался без поддержки и понимания своих близких! Увы, о доблестный Рагхава! Увы, своим уходом ты лишил меня силы! О исполненный сыновней преданности, ты моя поддержка!

Увы, о добродетельная Сумитра! Горе тебе, мой жестокий враг Кайкеи, о разрушительница рода!

Стеная, царь Дашаратха, окруженный Каушалей и Сумитрой, испустил дух. Сокрушаясь, несчастный монарх благородного лика, обезумев в разлуке с любимым сыном, почил в полночь под бременем страданий.

Глава 65 Горе цариц

Ночь прошла. Утром следующего дня к царскому дворцу пришли певцы, барды и панегиристы, сведущие в традициях династии, искусные музыканты (сноска 1, 323), чтобы по очереди явить свое искусство. Они пели славу царю, громко произнося слова благословения, и пение их раздавалось во всех залах дворца. Пока вестники читали гимны, остальные прославляли подвиги монарха, отбивая ритм в барабаны; звук этот пробудил дворцовых птиц и они начали свои трели, одни из них сидели на деревьях, а другие в садах, и голоса их звучали в гармонии со звуками вин, благословений и повторением гимнов, заполнивших все вокруг.

В это время собрались слуги, заботившиеся о туалете монарха, камергеры, женщины, всегда ожидавшие царских приказаний, и евнухи, чтобы исполнить свои обязанности. Те, кто заботился о царском омовении, в должное время и согласно правилам принесли в золотых сосудах воду с желтым сандалом.

Прекрасные женщины и девственницы приготовили все, что доставляло наслаждение телу, части туалета, ароматные масла, мази, зеркала, гребни и полотенца, и все это было превосходного качества и благоприятно, полезно и приятно.

С восходом солнца все эти люди ожидали своего государя, с беспокойством спрашивая друг друга:

– Почему царь еще не поднялся?

Тем временем женщины, которые убрали постель правителя Кошалы, подошли пробудить своего господина, делая это как обычно осторожно и бережно, но приблизившись к ложу, они увидели, что монарх неподвижен.

Сведущие люди, не уловив в нем дыхания, прониклись страхом и озабоченностью относительно жизни царя и, дрожа, напоминали верхушки тростника посреди стремительно-го потока. Полные дурных предчувствий, те женщины устремили глаза свои на царя и окончательно убедились в том, чего опасались.

Каушалья и Сумитра, изнуренные страданиями о сыновьях, не поднялись в обычный час. Каушалья с бледным лицом лежала, раздавленная горем, тело ее истощилось, она утратила свое обычное сияние, словно звезда, сокрывшаяся во тьме. С одной стороны спала Каушалья, с другой – Сумитра, так же утратившая свою красоту, печаль и слезы исказили ее прекрасные черты.

Служанки внутренних покоев нашли цариц спящими, а монарха – недвижимым, и подумали, что все трое мертвы. В великом горе они закричали, как слонихи в лесу, вожака которых травят из его убежища. От их пронзительных воплей поднялись обескураженные Каушалья и Сумитра. Глядя на царя, они коснулись его тела и закричали:

– О мой дорогой господин! – и упали на пол. Дочь Кошалы Каушалья лежала на полу, покрытая пылью, утратив все свое сияние, как звезда, упавшая с небес на землю. И женщины смотрели на Каушалью, которая напоминала убитую слониху.

Затем начали причитать все жены царя, возглавляемые Кайкейи, и, охваченные горем, падать в обморок. Крики цариц слились в устрашающий вопль, который постепенно нарастал, оглашая весь дворец, заполненный взволнованными людьми. Со всех сторон раздавались крики ужаса, царская семья пребывала в муках. Всякой радости пришел конец, только горе и волнение царило во дворце государя, чья судьба свершила свой суд. Видя, что блестящий тур среди монархов мертв, царицы, пронзительно вопя вокруг него и горестно обнимая, скорбели о потере своего покровителя.

Глава 66

Царицы упрекают Кайкейи

Глядя на монарха, который справедливо вознесся на небеса и напоминал погасший огонь, или высохший океан, или солнце, лишившееся лучей, истерзанная горем Каушалья, чьи глаза были залиты слезами, подняла голову царя и излила на Кайкейи бесконечные упреки:

– Будь довольна, о Кайкейи, без помех наслаждайся царством! О презренная, ты покинула царя, одержимая коронацией сына! Оба они оставили меня одну: Рама ушел в изгнание, а мой господин удалился на небеса; я словно покинута караваном в пустыне; я не в силах жить! Покинутая мужем, который был для нее богом, какая женщина захочет жить, кроме Кайкейи, поправшей свой долг? Честолюбец не замечает своих погрешностей, как человек, съевший незрелый плод. Подстрекаемая горбуньей, Кайкейи уничтожила род Рагхавы! О бесстыдная женщина, услышав, что ты изгнала Раму вместе с его женой, Джанака будет горевать, так же как и я! Лотосоокий Рама еще не знает, что я вдова и осталась без поддержки. Хотя и живой, он мертв для меня. Дочь царя Видехи, нежная, преданная и не привыкшая бедствовать, перед лицом опасности испытает великое беспокойство в лесу. Слыша по ночам устрашающий рев диких зверей и наводящие ужас шорохи птиц, она будет искать прибежища у Рамы. Царь Джанака, старый и не имеющий сыновей, умрет от горя, сокрушаясь о судьбе Ваидехи. Я тоже из преданности моему господину исполню сегодня свой последний долг и, обняв его тело, войду в пылающий огонь, который поддерживают подношениями!

Несчастливая Каушалья сокрушалась в своем беспредельном горе, пока слуги, обхватив ее руками, не увели прочь.

Чиновники распорядились поместить тело царя в чан с маслом и безотлагательно совершить все необходимое для его сохранения, потому что сведущие советники не склонны были в отсутствие царского сына приступать к церемонии Самкалана (сноска 1, 326) для монарха. Чтобы сохранить мертвое тело царя, его поместили в чан с маслом.

– Увы, он умер! – от этой новости женщины выли, а остальные, несчастные, протягивая к небесам руки с мокрыми от слез лицами, стенали от горя и восклицали:

– Увы, великий царь, благодетель, почему ты покинул нас, когда мы и так лишились Рамы? Вдали от Рагхавы как мы будем жить близ Кайкейи, женщины порочного нрава? Наше прибежище, наш могущественный повелитель, благословенный Рама ушел в лес, отрекшись от трона царя! Вдали от тебя и этого героя, разбитые горем, как выживем мы, жертвы тирании Кайкейи? Уничтожившая царя, Раму и доблестного Лакшмана с Ситой, кого она пощадит?

Восхитительные супруги Рагхавы, преисполненные печали, проливали слезы, с того часа чуждые радости.

Словно беззвездная ночь или женщина, лишившаяся своего повелителя, Айодхья, потерявшая великодушного государя, утратила свой блеск, ее благородные жители плакали, голосили измученные женщины, парки и дома опустели, столица более не излучала прежнего сияния.

Царь избавился от страданий, удалившись на небеса, а царицы распростерлись на земле, солнце остановилось и неожиданно сокрылось от глаз, призвав ночь.

В отсутствие сына собрались родные и близкие государя, и, посоветовавшись, решили не разводить погребального костра и поместить тело в хранилище, где оно будет недоступно взору.

Город лишился своего великодушного государя, его улицы и парки были полны рыдающих людей, он напоминал день без солнца или ночь без звезд. Мужчины и женщины меж собой поносили мать Бхараты, столица была погружена в траур.

Глава 67

Старейшины советуют, чтобы члены рода Икшваку избрали царя

Безрадостная ночь, полная слез и скорби, окутала город Айодхью, и когда она, наконец, прошла, и поднялось солнце, дваждырожденные, наделенные царскими полномочиями, собрались на совет. Престарелый Маркандея, Маудгалья, Вамадева, Кашьяпа, Катьяяна, Гаутама и Джавали великой славы – все мудрецы и советники высказали по очереди свое мнение Васиштхе, главному царскому священнослужителю:

– Эта ночь показалась нам сотней лет! Монарх в своей отцовской заботе соединился с землей, огнем, воздухом, водой и небом! Великий царь на небесах, Рама удалился в лес, а благородный Лакшмана сопровождает его.

Бхарата и Шатругхна, победители своих врагов, пребывают в царстве Кекайи в восхитительном городе Раджагриха, на знаменитой земле матери. Нужно избрать царя из рода Икшваку! Без правителя страна наша погибнет. В стране, лишенной царя, Парджанья с громовым гласом и увенчанный молнией, не проливает больше землю небесные ливни! В стране без правителя не собрать во время урожая и гости зерна; в стране без правителя главы семей не видят послушания со стороны своих сынов и жен! Там где нет царя, нет и процветания; там нет воинов и царит беззаконие; откуда в такой стране взяться благу, если в ней нет царя? В такой стране люди не строят залов собраний или прекрасных садов, великолепных зданий как это бывает во времена процветания! На земле, лишенной царя, дваждырожденные, отвечающие за жертвоприношения, воздержанные брахманы суровых обетов не совершают Шаттр (сноска 1, 328). Священнослужители не получают жертвенных даров, а брахманы – богатой милостыни! Там нет веселых певцов и танцоров, праздники и собрания, свидетельствующие о процветании империи, не венчаются успехом. Без царя купцы терпят неудачу в своих торговых делах, а те, кто привык слушать декламацию святых традиций, не найдет их столь же чарующими, как прежде. Без царя не встретишь более вечером молодых женщин, украшенных золотыми драгоценностями, развлекающихся в прекрасных садах. Богатый человек не сможет спать спокойно с открытыми дверями и жить доходами от своих полей и стад. Молодые люди с женщинами не поедут на быстрых колесницах в лес. В царстве без правителя не увидеть на дороге шестидесятилетних и еще более старых слонов с колокольчиками на шеях и прекрасными бивнями. Там не услышать звука выпущенных лучниками стрел и не увидеть купцов с товарами, бесстрашно странствующих по дорогам.

В государстве, лишенном царя, не найти одиноких самоудовлетворенных аскетов, поглощенных медитацией на высшее «я» и отдыхающих там, где настигла их ночь. Без царя человек не сможет мирно насладиться плодами своих праведных трудов, а армия – победить противника в сражении. Богатые люди в роскошных одеждах более не отправятся за границу на своих горячих, красивых скакунах, а сведущие в духовных традициях более не удалятся в леса или роци для дискуссий. Там, где нет царя, благочестивые люди не предлагают богам милостыни, гирлянд или сладостей, а царевичи, умащенные сандалом и пастой алоэ более не являют ярких зрелищ, словно распускающиеся весной деревья. Империя без царя подобна рекам без воды, лесам без растительности или стадам без пастуха. Колесницу можно узнать по ее репант, огонь – по дыму, но наш царь снова соединился с богами! В стране без царя никто ничего не имеет и люди, будто рыбы, пожирают друг друга. Озлобленные, они преступят все границы, страх их рассеется, они почувствуют себя всемогущими, потому что нет царя, который своим царским жезлом правит ими. Как глаза постоянно следят за телом, так и царь является покровителем истины и справедливости в своем государстве. Царь – это истина, царь – справедливость, он – семья тех, кто лишен семьи, он – отец и мать для людей и источник добра. Добродетельный монарх превосходит Яму, Ваишравану, Шакру и Варуну безграничной власти. В мире воцарится непроглядная тьма, потому что там нет царя, который может отличить хорошее от дурного! О Васиштха, пока великий царь жил, никто из нас не смел возразить твоим указам, как океан никогда не выходит из берегов!

О лучший среди дваждырожденных, ты видишь, мы лишись законного государя, трон пуст; возведи на него юного потомка Икшваку – Бхарату или кого-нибудь другого!

Глава 68

Гонцы отправляются за Бхаратой

Васиштха отвечал друзьям своим, царским советникам, и брахманам:

– Поскольку удачливый Бхарата, наследник трона, вместе с братом Шатругхной с удовольствием проводят время в доме своего дяди по матери, пусть гонцы на быстрых конях поскорее отправляются за ними и привезут домой тех доблестных братьев; как вы думаете?

– Отправляй гонцов! – отвечали все.

Выслушав их, Васиштха добавил:

– Сиддхартха, Виджая, Джаянта, Ашока и Нандана, подойдите и выслушайте мой приказ. Садитесь на быстрых коней и поспешите в город Раджагриха. Без тени скорби передайте Бхарате от меня послание: «Семейный священник, а также советники желают тебе счастья и настоятельно просят сейчас же возвращаться домой, дабы решить вопросы, требующие твоего присутствия».

Не говорите ему об изгнании Рамы, о смерти отца или бедствии, обрушившемся на род Рагху. Возьмите с собой шелковые одежды и украшения для царя и Бхараты; отправляйтесь не медля!

Посланники удалились готовиться к путешествию. Чтобы достичь царства Кекайя, они выбрали лучших коней. Сделав необходимые приготовления и простившись с Васиштхой, посланники не теряя времени пустились в путь, направляясь на север к горе Праламба, миновали Апаратала на юге и дальше поехали вдоль русла реки Малини, что течет между ними. У Хастинапура они переправились через Гангу и повернули на запад, дорогой Куруджагала достигнув Панчалы. Спеша исполнить возложенную на них миссию, посланники по дороге увидели множество озер, полных лотосов, и прозрачных рек. Скоро они достигли небесной реки Шараданда со спокойными водами, излюбленного места бесчисленных водяных птиц, но коварного из-за сильного течения. На западном берегу они увидели священное дерево (сноска 1, 330), приблизившись, выразили ему почтение, а затем вошли в город Кулинга.

Миновав Теджобхихавану, они достигли Абхикалы и переправились через священный поток Икшумати, относившийся к землям Икшваку. Там они увидели несколько брахманов, сведущих в Веде, которые пили, ладонями зачерпывая воду; затем они вошли в земли Бахлика и увидели гору Судаман, отмеченную стопами Вишну. Стремясь скорее исполнить волю своего учителя, они преодолели большой путь, оставляя за спиной реки Випаша, Шалмали, потоки, каналы, пруды и другие водоемы. Они встретили множество диких животных – львов, тигров, слонов и ланей, пока, наконец, на утомленных долгим путешествием конях не достигли прекрасного города Гирибраджа.

Чтобы исполнить волю своего повелителя и сохранить царскую династию, из почтения к роду Икшваку посланники глубокой ночью поспешно вошли в город.

Глава 69

Сон Бхараты

В ту ночь Бхарата увидел неблагоприятный сон. Проснувшись на рассвете и вспомнив свой сон, сын царя царей был сильно обеспокоен. Его юные друзья, видя царевича мрачным, попытались рассеять его печаль, рассказывая истории в веселом собрании, играя на музыкальных инструментах, танцуя или читая поэмы, некоторые пытались развлечь его шутками. Но великодушный Бхарата не находил более удовольствия в играх и смехе друзей, и один из них, особенно преданный ему, сказал:

– О друг, мы всячески пытались развлечь тебя, почему ты не улыбаешься? Бхарата отвечал ему:

– Услышь причину моей печали! Во сне мне явился отец в выцветших несвежих одеждах, волосы его были растрепаны. С вершины горы он летел в яму с навозом! Мне казалось, он барахтается в море навоза, пия масло из рук и то и дело разражаясь хохотом. Потом я увидел, как он ест рис с сезамовыми зернами, тело его в масле, в которое он погружен вниз головой. Я увидел во сне, что земля высохла, а луна упала на землю, мир погрузился во тьму. Бивни слонов, на которых ездил монарх, были разломаны на куски, а огонь в жаровне неожиданно погас. Я увидел расколовшуюся землю с увядшими деревьями, горы исчезли в тумане. Я увидел монарха одетым в черное и сидящим на железном стуле, осмеянным женщинами в черном и желтом. Добродетельный монарх с красной гирляндой, умощенный сандаловой пастой, сидел в колеснице, запряженной ослиами, которая направлялась на юг. Наконец, я увидел женщину в красном, демоницу отвратительного облика, которая, словно играючи, уносила царя прочь. Вот что я увидел этой ужасной ночью! Несомненно, мне, Раме, царю или Лакшмане грозит смерть. Когда человек видит во сне колесницу запряженную ослиами, скоро над ним взойдет дым погребального костра. В этом причина моей печали, вот почему меня не радуют ваши беседы. В горле у меня пересохло, ум воспален. Я не вижу причин для скорби, и все же я трепещу; голос мой дрожит, лицо бледно, я стыжусь себя, но не знаю почему. Когда я размышляю над этим плохим и непонятным сном, не имеющим какой-то внешней причины, великий страх скывает мне душу.

Глава 70

Бхарата покидает Раджагриху

Пока Бхарата рассказывал свой сон, посланники на изнуренных конях вошли в город Раджагриху, окруженный непроходимым рвом.

Представ перед царем и его сыном (сноска 1, 332), они приветствовали их и, обняв стопы государя, обратились к Бхарате:

– Священнослужитель твоей семьи приветствует тебя, а также все советники; ты должен срочно вернуться, дабы решить безотлагательные вопросы, требующие твоего присутствия! Эти дорогие одежды и драгоценности предназначены для того, чтобы ты преподнес их своему дяде и деду, о большеглазый царевич! Здесь двадцать коти (1 кот – 10 млн.) царю, а также цельный кусок в десять коти для твоего дяди, о царевич!

Окруженный преданными друзьями, Бхарата принял дары и, почтив посланников вниманием и дарами в свою очередь сказал:

– Все ли благополучно с моим отцом Дашаратхой? Все ли хорошо с Рамой и Лакшманой великой души? В добром ли здравии благородная Каушалья, неизменно преданная своему долгу и умело исполняющая его? Все ли благополучно с Сумитрой, сведущей в своих обязанностях, матерью Лакшманы и Шатругхны, исполненной добродетели, второй среди цариц? Как настойчивая в своих желаниях и раздражительная Кайкейи, мать моя, которая воображает себя добродетельной; что она передала мне?

Посланники осторожно отвечали Бхарате:

– Все, о ком ты спрашиваешь, о тигр среди людей, благополучны; процветание ожидает тебя (сноска 1, 333), поэтому вели готовить колесницу!

– Позвольте мне поговорить с царем, – сказал им Бхарата, – и сообщить, что посланники торопят меня проститься с ним!

Поговорив с гонцами, приехавшими за ним, Бхарата передал все деду:

– О царь, я должен возвращаться к отцу, посланники торопят меня; если ты когда-нибудь пригласишь меня, я с радостью приеду снова!

Царь, его дед, поцеловал Бхарату, потомка Рагху, в бровь и благосклонно ответил:

– Иди, дитя мое, я отпускаю тебя; Кайкейи счастлива, имея такого сына, как ты! Передай мои приветствия своей матери и отцу, о победитель своих врагов! Отдай дань почтения священнику вашей семьи и всем знаменитым дваждырожденным, а также великим лучникам Раме и Лакшмане.

Царь Кекайи одарил Бхарату богатыми дарами: хорошо обученные слоны, бесчисленные шерстяные одежды и шкуры антилопы; царь подарил ему собак с огромными зубами и хвостами, похожих на тигров и обученных охранять дворец. Царь Кекайи милостиво дал ему две тысячи нишкав (сноска 2, 333) золота и шестнадцать тысяч коней. Он послал также своих преданных и прозорливых советников сопровождать Бхарату домой.

Дядя подарил Бхарате слонов Айравату и Индраширу, прекрасных с виду, и пару проворных мулов.

Однако дары царя Кайкейи не обрадовали Бхарату, он желал отправляться немедля. Настоятельная просьба посланников и сон накануне наполняли сердце его мукой. Он покинул свою обитель и, сияя великолепием, один вступил на несравненную главную дорогу, запруженную людьми, колесницами и слонами.

Удачливый Бхарата, издали увидев внутренние покои, которым не было равных, вошел туда, не спрашивая, и простился с дедом и дядей Юдхаджитом; затем, взойдя на колесницу, он отбыл вместе с Шатругхной. Слуги запрягли сотню колесниц с хорошими колесами, а также верблюдов, быков и мулов, и отправились с Бхаратой в далекое путешествие. Под защитой армии знаменитый Бхарата, сопровождаемый представителями царя и воинами, вместе с Шартгухной бесстрашно покинули дворец, словно Сиддха, выступивший из царства Индры.

Глава 71

Бхарата достигает Айодхьи

Покинув Раджагриху, этот блистательный герой направился на восток и пересек реку Судаму, которой придерживался; затем удачливый потомок Икшваку переправился через широкую реку Хладини, что течет на запад, а также реку Шатадру. Перейдя через Еладхану, он достиг деревни Апарарвата и перешел Шилу и скалу Акурвати, достигнув Аггейи и Шальякаршанам. Этот справедливый человек, очистившись, посмотрел на гору Шилаваху и направил свой путь через скалы в леса Чаитаратха. Достигнув места слияния Ганги и Сарасвати и миновав северную область Вираматсья, он вошел в лес Бхаунда.

Перейдя быстрые воды реки Кулинга, что течет меж холмов, он переправился также через Ямуну и здесь позволил своей армии немного передохнуть.

Освежившись и дав отдохнуть измученным коням, они напились воды и пополнили запасы, а потом снова отправились в путь.

Благословенный царевич на колеснице миновал обширный и девственный лес, подобно богу ветра, пересекающему космос. Зная, что у Аншудханы великую реку Бхагиратху сейчас перейти невозможно, потомок Рагху поспешил к знаменитому городу Прагвата; так он переправился через Гангу и достиг Кутикоштики. Оставив позади и это место, он вместе со всей свитой прибыл в Дхармавардхану. Сын Дашаратхи направился Джамбупрастхи к югу от Тораны и вошел в прекрасную деревню Варутху. Здесь он сделал короткую остановку в чарующем лесу и потом направился на восток, пока не достиг парка Уджихана, состоящего преимущественно из деревьев прияка. В тех рощах деревьев шала и прияка Бхарата позволил своим быстрым коням немного передохнуть; затем, отдав приказы своему войску, поспешил дальше.

Следующую остановку сделав у Сарватиртхи, он переправился через реку Уттарарагу и другие более мелкие реки с помощью горных мулов. Около Хастаприштхаки этот тигр среди людей взял курс на реку Кутику и у Лохитьи перешел Капивати. Близ Экашалы он переправился через реку Стханумати, а у Винаты – через Гаутами; достигнув леса из де-

ревьев шала, он вошел в город Калинга, который покинул в эту же ночь вместе со своим измученным войском.

На рассвете Бхарата увидел Айодхью, построенную Ману. Спустя семь дней пути царевич, глава людей, увидел перед собой город Айодхью и сказал колесничему:

– О колесничий этот город великой славы и прекрасных садов издали кажется мне кучей бесцветной глины! Прежде этот город с его добродетельными брахманами и священнослужителями, сведущими в Веде, густо населенный богатыми гражданами и выдающимися раджариши, которые являются его защитниками, был со всех сторон оглашен громкими и радостными криками мужчин и женщин. Теперь я ничего не слышу! Сады, куда вечерней порой люди приходили развлечься, бегая туда-сюда, теперь выглядят иначе. Мне кажется, что они в трауре, и юные любовники покинули их. Город напоминает мне пустынный лес, о колесничий; не видно более почтенных людей, как прежде въезжающих и выезжающих из него на своих колесницах, слонах и конях. Парки, полные людей во время празднеств, где они с радостью встречались и где устраивали бесконечные увеселения, теперь выглядят довольно печальными, деревья, чьи листья усыпали дорогу, кажутся скорбящими! Я не слышу ланей и птиц, опьяненных счастьем, всегда в этот час наполнявших воздух своими мягкими и мелодичными голосами, они не поют, как прежде. Почему не чувствуется чистого и благоприятного ветерка, несущего аромат алоэ и сандала, как это было всегда? Почему до сих пор не слышно звука литавр и вин, по которым бьют коной (сноска 1, 336), который прежде звучал непрерывно? Я вижу бесчисленные дурные предзнаменования, сулящие беду, и сердце мое сжимается! О колесничий, не может быть, чтобы с моими близкими было все благополучно, дух мой трепещет, я теряюсь.

Подавленный, с сердцем, охваченным опасениями, и глазами полными слез Бхарата немедленно въехал в город, которым правили потомки Икшваку.

Стражники спросили об успехе его путешествия, когда он на усталых конях въезжал в ворота Ваиджаянта, и присоединились к его свите. Потомок Рагху с трепещущим сердцем почтительно приветствовал всех, кто стоял в ворот, и обратился к колесничему Ашвапати, измученному усталостью:

– Почему ты спешно привез меня назад без всякой причины, о безупречный? Душа моя предчувствует беду, и я теряю силы; о колесничий, я вижу все признаки траура, о котором говорил прежде, имея в виду смерть царя! Повсюду во дворах не выметен мусор, двери широко открыты; в домах, утративших свой блеск, не готовят подношений и не зажигают благовоний; семьи голодают, люди доведены до нищеты! Я не вижу ни проблеска радости, нет гирлянд, которые украсили бы заброшенные дворы. Храмы богов пустуют и не сияют, как прежде; никто не почитает божества, не собирается проводить жертвоприношения. Сегодня базары, где продают гирлянды, пусты, не видно торговцев, выставивших свои товары; люди кажутся унылыми, дела их встали.

Птицы и звери, часто посещавшие храмы и священные статуи, выглядят несчастными, я вижу людей – мужчин и женщин – в грязных одеждах, истощенных, с лицами, мокрыми от слез, погруженных в мрачные и печальные мысли.

Сердце Бхараты разрывалось, когда он говорил с колесничим, глядя на унылую Айодхью, затем он вошел во дворец. Видя прежде процветающий город, сиявший, как обитель Индры, ныне заброшенным вместе со всеми его парками, домами и дорогами, ржавыми дверями и засовами, царевич преисполнился горя.

От этих дурных предзнаменований, прежде неведомых городу, великодушный герой повесил голову, сердце его разрывалось от муки; не ища более радости он вошел в дом своего отца.

Глава 72

Царица Кайкейи рассказывает Бхарате, что произошло в его отсутствие

Не увидев отца, Бхарата тут же направился в покои матери, и Кайкейи, увидев сына, вернувшегося из дальнего путешествия, радостно поднялась со своего золотого кресла.

Добродетельный Бхарата, войдя в материнскую обитель, утратившую прежнее величие, и увидев мать, почтительно коснулся ее благословенных стоп. Кайкейи обняла знаменитого Бхарату, прижав его к себе. Посадив его рядом, она стала расспрашивать:

– Сколько ночей прошло, как ты покинул дом своего благородного дяди? Столь поспешное путешествие не утомило ли тебя? Все ли благополучно с твоим дедом, а также Юдхаджитом, твоим дядей? Ты доволен поездкой, сын мой? Расскажи мне все!

В ответ на полные любви расспросы матери, потомок царей лотосоокий Бхарата подробно обо всем ей поведал:

– Уже семь дней, как я покинул дом деда. С ним и его супругой все благополучно, так же как и с дядей Юдхаджитом. Золото и драгоценности, которые царь, победитель своих врагов, дал мне, тормозили меня, и потому я оставил их и скорее приехал. Лишь получив от посланников царский приказ, я безотлагательно отправился в путь! Теперь скажи, о мать, о чем я желаю узнать. Почему ложе твое, украшенное золотом, пусто? Я нигде не вижу благословенного потомка Икшваку. Монарх обычно был подле тебя, но сегодня я не вижу его, хотя повсюду искал его, лишь только вошел во дворец. Я хочу выразить почтение стопам моего отца, где он? Ответь мне! Может быть, он в покоях Каушалы, самой старшей из моих матерей? Кайкейи заискивающе изрекла несведущему сыну жестокие и неприятные слова. В своей жажде власти зашедшая слишком далеко, она сказала:

– Отец твой отправился путем, по которому идут все живые существа; этого великодушного и знаменитого монарха, всегда совершавшего жертвоприношения, настигла судьба, которой никто не в силах избежать!

От этих слов бесхитростный Бхарата упал наземь от бремени обрушившегося на него горя. «Увы, я погиб», – рыдал он в муках. Протягивая к небу свои длинные руки герой этот вновь упал наземь. Жестоко страдая от смерти отца, несчастный царевич великой славы, предался безумной скорби:

– Ложе это, прежде озаренное великолепием моего отца, который подобен луне, озарившей безупречный ночной небосвод в конце сезона дождей, без этого добродетельного монарха утратило свой блеск, словно небо без луны или море без воды!

Закрыв свое прекрасное лицо одеждой, этот лучший среди отмеченных победой, плакал, отдавшись горю; глядя на этого воина, прекрасного как бог, в страданиях распростершегося на полу, словно дерево шала, вырубленное в лесу топором, мать его помогла ему подняться. Сыну, подобному слону, сияющему, как луна и охваченному горем, она сказала:

– Вставай, вставай, почему ты лежишь здесь, о знаменитый государь! Царственные особы, подобные тебе, не проявляют открыто своего горя! О добродетельный царевич, мудрость твоя, проявленная в совершенных жертвоприношениях, добродетельных деяниях, изучении писаний и аскезах, подобна свету солнца.

Словно не слыша матери, Бхарата долго плакал, катаясь по земле в великом горе. Потом он сказал:

– Я думал: «Царь решил возвести Раму на престол и совершить жертвоприношение», – и с великой радостью поспешил домой, но теперь сердце мое разбито, я больше не вижу моего отца, всегда занятого тем, что приятно и полезно. О дорогая мать, что так губительно повлияло на отца накануне моего приезда? Как удачливы Рама и другой мой брат, сумев совершить последние ритуалы по моему отцу. Великий и знаменитый монарх не ведал о моем приезде, и теперь я не могу поклониться моему дорогому отцу и ощутить на лбу прикосновение его уст. Где ласкающая рука моего дорогого отца счастливой судьбы, которая стерла бы дорожную пыль, покрывшую меня? Сейчас же сообщи о моем прибытии Раме бессмертных подвигов, кто мне брат, отец и друг и чей я верный раб. Старший брат столь благородных кровей, сведущий в долге, становится отцом, и я жажду обнять его стопы; теперь он мое прибежище! О благородная царица, каковы были последние слова

того богатого монарха, верного своим обетам, знающего, в чем его долг, который был самым воплощением долга и верности? Я желаю услышать высшую волю того добродетельного монарха из твоих уст!

В ответ на это законное требование Кайкейи сказала:

– Царь крикнул: «О Рама, о Сита, о Лакшмана!» – и с этими словами великодушный и лучший среди добродетельных людей ушел в иной мир. Это были последние слова твоего отца. Под ударами судьбы он попал в петлю смерти, словно могучий слон. «Те, кто увидят Раму, вернувшегося вместе с Ситой и могучеруким Лакшманой, достигнут исполнения всех своих желаний!» – так сказал твой отец.

От этих слов Бхарата задрожал, боясь услышать о дальнейших бедствиях, и с удрученным видом стал снова расспрашивать мать:

– Где добродетельный и любимый сын Каушалы, где его брат и Сита? Мать прямо рассказала ему все, что произошло, думая обрадовать его теми горестными вестями:

– О сын мой, царевич, облачившись в древесную кору, ушел в лес Дандака вместе с Ваидехи, сопровождаемый Лакшманой.

– Как могло такое случиться?! Неужели Рама лишил брахмана имущества? Он плохо обошелся с невинным человеком, будь он богат или беден? Он посмотрел на чужую жену? За что брат мой Рама изгнан в лес Дандака? И тогда своенравная царица, послушная своей женской природе, поведала ему обо всем, что сотворила. Отвечая на вопрос великодушно-го Бхараты, Кайкейи говорила уверенно и радостно, в безумии своем считая себя мудрой:

– Нет, Рама никого не лишал имущества, никого не обидел словом. Рама не смотрел на чужую жену. Это я, о мой дорогой сын, узнав, что царь хочет его короновать, потребовала у твоего отца его изгнания и твоей коронации. Верный обету, данному мне, Рама, сопровождаемый сыном Сумитры, удалился в лес вместе с Ситой. Не видя любимого сына, знаменитый монарх под бременем горя почил. Сегодня же, о мой добродетельный сын, прими корону! Все это я сделала для тебя! Отбрось горе, оставь страдания, вспомни о своей доблести, мой дорогой сын! Город, так же как и процветающее царство отныне твои! Сын мой вместе с главными брахманами, сведущими в традициях, под руководством Вашиштхи соверши погребальный обряд для своего великого отца и взойди на трон правителя мира!

Глава 73

Бхарата упрекает мать

Охваченный горем Бхарата ответил:

– Зачем трон мне, безутешному, лишившемуся отца и брата, который был мне как отец? Ты – груда несчастья на несчастье! Ты бросила царя в могилу, а Раму – в изгнание, как если бы вылила едкую кислоту на рану! Как ночь смерти, ты пришла сюда разрушить мою семью! Беря тебя в жены, отец мой не сознавал, что ты подстрекательница! Ты довела до смерти моего государя, проклятая женщина! По своей глупости ты уничтожила свой процветающий род, о оскорбительница рода; даже зная тебя, мой отец, честный и славный царь Дашаратха погиб, убитый горем. Этот великий царь, мой отец, верный своему долгу, умер! По какой причине изгнан Рама, почему он ушел в лес? Из-за тебя, о мать моя, жизнь стала в тягость Каушалы и Сумитре, потому что они тоскуют по своим сыновьям! Разве благородный и доблестный Рама, преданный своим гуру, не выражал величайшего почтения тебе, как родной матери, разве старшая из наших матерей, большеглазая Каушалы, зная свой долг, не относилась к тебе, как к сестре? Ее великодушного сына в одеждах из древесной коры ты заставила жить в лесу. Почему ты не испытываешь угрызений совести, о порочная? Что заставило тебя сослать этого знаменитого героя, властелина чувств, чуждого страданиям, в лес в одеждах аскета? Я думаю, ты не знала о моей преданности Рагхаве, и потому, жаждая царства, навлекла на всех это бедствие! Без этих двух тигров среди людей – Рамы и Лакшманы – где возьму я достаточно силы, чтобы защитить царство? Ве-

ликий и добродетельный монарх всегда с надеждой смотрел на своего доблестного и всемогущего сына, ища у него поддержки, словно лес – на гору Меру! Как теленок выдержит тяжесть, которую несет на себе бык, где мне взять столько силы, чтобы вынести это бремя? Что бы я ни сделал силой йоги или разума, я не способен удовлетворить твоего материнского тщеславия! Как могла задумать ты столь греховный замысел, недостойный наших предков, своим поведением отделив себя от добродетельных людей? По традиции нашей династии старший сын наследует трон, и его братья клянутся в верности ему.

Похоже, ты не ведаешь о царской традиции, о порочная, и не осознаешь последствий, приносимых этим справедливым обычаем. Среди царевичей, только старший одевает корону; это установленный закон царствования, и особенно в роду Икшваку. Сегодня ты грубо попрала этот строгий закон, и вместе с ним тех, кто знаменит своими наследственными обрядами и благородными традициями. О богатая царица, родившаяся в царском доме, как пришел тебе на ум столь коварный план? О злобная негодяйка, знай, я никогда не поддамся иллюзии, которая ведет к попранию закона и моей гибели. Наоборот, к твоему великому расстройству, я приведу из леса своего брата, друга всех людей, о бесстыдная! Вернув Раму невообразимой славы, я всем сердцем стану его рабом!

Великодушный Бхарата бросал матери горькие упреки. Он предавался горю, из груди его вырывался непрерывный рев, словно у льва в своей пещере на горе Мандара.

Глава 74

Он продолжает осуждать Кайкейи

Обвинив мать, Бхарата во власти неистового гнева продолжал:

– Уходи из царства, о Кайкейи, порочное и жестокое создание! Сама добродетель отвернулась от тебя! Плачь не о мертвых, а обо мне! Что сделали тебе Рама или царь, исполненный добродетели, что одного ты довела до могилы, а другого сослала в лес? Уничтожив род, ты взяла на себя грех убийства брахмана! О Кайкейи, ты отправишься в ад, но не в мир, обретенный моими предками! Причиненным злом и безбожным поведением изгнав того, кого все любили, ты навлекла на меня позор! Из-за твоей ошибки отец мой умер, а Рама изгнан в лес, и это опорочило меня и в этом мире и в следующем! Ты мать лишь по названию, в действительности ты в своей жажде власти мой жестокий враг, никогда не обращай ко мне, о злобная негодяйка, убийца своего мужа! Каушалья, Сумитра и другие мои матери из-за тебя пребывают в горе, о оскорбительница рода! Нет, ты не дочь Ашвапати, который поддерживает дхарму и исполнен мудрости; тебя родила ракшаси в уничтожение дома моего отца; ты выдворила добродетельного Раму, воплощение героизма, в лес, из-за тебя отец мой удалился в обитель богов. О навлекшая на мою голову несчастье осиротевшего государства, отвергнутая двумя моими братьями и ненавидимая всем миром; ты лишила добродетельную Каушалью супруга и сына. Без причины навредившая остальным, что ожидает тебя? Ты отправишься на адские планеты! Разве ты не знаешь, что главной опорой нашей семьи является Рама, старший сын, равный своему отцу, рожденный Каушальей, о жестокое создание? Рожденный из ее членов и органов, сын – порождение сердца матери, и она любит его больше всех, хотя она может любить и всех своих родных. В давние времена добродетельная Сурабхи (сноска 1, 343), почитаемая богами, увидела, как два ее сына на земле тянут плуг, теряя сознание от усталости. Увидев в полдень своих изнуренных пахотой сыновей, она преисполнилась печали, лицо ее омылось слезами.

Тем временем ниже проходил великодушный царь богов, и ее слезы, ароматные как сандал, упали на него. Подняв глаза, царь богов увидел Сурабхи, стоявшую в небесах, печальную и одинокую, охваченная скорбью, она мычала. Видя почтенную богиню в горе, Индра-громовержец, царь богов, трепеща, со сложенными ладонями спросил:

– Нам грозит великое бедствие? Почему ты скорбишь? Скажи, о доброжелательница мира.

На вопросы прозорливого царя богов Сурабхи красноречиво и благоразумно отвечала:

– Не беспокойся, о глава бессмертных, нам ниоткуда не грозит опасность, но я плачу о двух моих несчастных сыновьях. Когда я вижу их изнуренными, печальными, мучимыми солнечными лучами и избитыми работником низкой души, тех двух быков, рожденных из моей поясицы, которые умрут под тяжестью своего бремени, видя их столь несчастными, я страдаю, потому что для матери нет никого дороже сына.

Индра, первый среди богов, чувствуя ароматные слезы, что падали на его члены, проникся почтением к Сурабхи (сноска 1, 344).

Если она, уравновешенная и безупречная в своем желании накормить миры, столь славная, чьи деяния в согласии с нравом, мать тысяч сыновей, Камадука, так страдала, то что говорить о Каушалье, лишившейся Рамы? Эта добродетельная царица имеет только одного сына, и теперь по твоей милости она осталась без него! Ты всегда будешь несчастна, в этом мире и в следующем! Я же сделаю все, чтобы восстановить в правах моего брата и отца во имя их процветания и славы! Непременно! Чтобы вернуть этого длиннорукого воина, могучего правителя Кошалы, я пойду в девственный лес, обитель аскетов. Как стерплю я твою несправедливость перед лицом разбитых горем жителей? Ты же войди в огонь или сама отправляйся лес Дандака, или лучше одень веревку себе на шею; ты не заслуживаешь лучшей участи!

Сказав так, словно змей, раненый в лесу ядовитой стрелой, он упал наземь, в гневе дыша как ящер. Глаза его пылали, одежды были в беспорядке.

Сокрушитель врагов, он лежал на земле, словно знамя Индры по завершении церемонии. (сноска 2, 344)

Глава 75

Бхарата пытается утешить Каушалью

Прошло немало времени, пока он пришел в себя. Потом этот герой поднялся с глазами, мокрыми от слез, и, глядя на свою неудачливую мать, в кругу советников отрекся от нее:

– У меня нет желания править, я никогда не говорил об этом своей матери; я не знал о намерениях царя относительно коронации, потому что вместе с Шатругхной был в это время в далекой стране. Я ничего не знал об изгнании великодушного Рамы, о судьбе Саумитри и Ситы!

Пока доблестный Бхарата предавался скорби, его голос узнала Каушалья и сказала Сумитре:

– Приехал Бхарата, сын безжалостной Кайкейи! Я желаю видеть прозорливого Бхарату!

С бледным и изнуренным лицом, дрожа и лишаясь чувств, Каушалья говорила с Сумитрой, которая уже собиралась пойти за Бхаратой. Но в это время царскому сыну вместе с Шатругхной случилось проходить мимо покоев Каушальи. Бхарата и Шатругхна, увидев разбитую горем Каушалью, обняли ее.

Их слезы слились в одну реку. Благородная и добродетельная Каушалья, превозмогая горе, обняла их в ответ и обратилась к Бхарате:

– Она без помех завоевала для тебя трон, которого ты жаждал; по милости Кайкейи, благодаря ее несправедливости скоро ты обретешь его! Она отправила моего сына жить в лесу и носить одежды из коры! Что злобная Кайкейи надеется извлечь из этого? Пусть она сейчас же сошлет меня к моему сыну, Хираньягарбхе, (сноска 1, 345) или лучше я вместе с Сумитрой после огненного жертвоприношения (сноска 2, 345) счастливо уйду путем, по которому пошел Рагхава; пока ты сам не отведешь меня туда, где аскетом живет мой сын, тигр среди людей, до тех пор это обширное царство, полное богатства и зерна, избилующее слонами, конями и колесницами, has been made over to thee!

Обвиняемый во многих грехах, которые не совершал, Бхарата задрожал, как от стрелы вонзившегося в открытую рану. Он упал царице в ноги, издавая невнятные звуки. Придя в себя, Бхарата со сложенными ладонями отвечал на упреки Каушалы, полной бесчисленных подозрений:

– О благородная женщина, почему ты обвиняешь меня, когда нет на мне вины? Ты знаешь, как сильно я люблю Рагхаву. Пусть ум человека, посоветовавшего сослать царевича, верного дружбе, лучшего из людей, следующего закону, станет невосприимчив ко всем священным писаниям, пусть он станет рабом мерзких негодяев, пусть солнце помочится ему в лицо, пусть лягнет его спящая корова! Пусть он станет слугой жестокого хозяина, который нагружает своих слуг тяжелой работой, не давая вознаграждения! Пусть он несет бремя вины тех, кто ищет зла царю, который покровительствует своим поданным, словно родным детям! Пусть вина монарха, который берет шестнадцатую часть доходов своих подданных, но лишает их своей защиты, ляжет на того, кто посоветовал изгнать Раму. Пусть грех тех, кто дал слово на огненном жертвоприношении, отказался раздать традиционную милостыню, ляжет на того, кто посоветовал изгнать того благородного царевича! Пусть грех того, кто сполна владея слонами, конями, колесницами и оружием, не в силах сражаться честно, ляжет на того, кто посоветовал изгнать царевича!

Пусть этот порочный негодяй забудет тонкие наставления писаний, переданные мудрыми гуру, и извратит их смысл! Пусть тот, кто пожелал этого изгнания, никогда не увидит этого широкоплечего царевича, сияющего как солнце или луна, восседающего на троне! Пусть тот, кто безжалостно настоял на его изгнании, страдает так же, как и человек, без пользы принявший молоко, рис и рыбу, или не испытывающий почтения к своим гуру! Пусть он страдает, как человек, пинающий корову, осуждающий своего гуру и оскорбляющий друзей!

Пусть это злобное созданье разгласит хранимую тайну! Пусть он не узнает служения, оказанного ему и останется неблагодарным; пусть он останется без поддержки, без стыда, пусть друзья презирают его. Пусть родные, сыновья, рабы и слуги прогонят его из собственного дома, пусть он ест сладости, не делясь с остальными (сноска 1, 347). Пусть он не найдет супруги из той же касты, пусть он умрет без потомства, не исполнив своих религиозных обязанностей! Пусть он живет, не видя своих наследников, пусть будет несчастен в своем союзе, пусть дни его будут короткими! Пусть на него ляжет вина за убийство царя, женщины, ребенка или старика, пусть он страдает от позора бегства своих слуг! В следующих рождениях пусть он страдает от таких же дурных черт, как и тот, кто торгует лаком, мясом, медом, медью и ядом (сноска 2, 347), ради пропитания своей семьи! Пусть враги его убьют, когда он будет бежать в разгаре сражения. Пусть этот грешник блуждает по свету с деревянной чашей в руках, в холстине, прося милостыню, подобно безумцу.

Пусть получит он вино, женщин и азартные игры, пусть одолеют его страсть и гнев! Пусть справедливость не найдет себе места в душе того, кто посоветовал изгнать Раму, пусть он развивает семейственность с теми, кто не заслуживает ее! (сноска 3, 347) Пусть воры унесут все его богатства и собственность! Пусть падет на его грех того, кто спит на рассвете и в сумерки! Пусть его обвинят в поджоге, непочтении к постели гуру и предательстве друга! Пусть такой человек не покорится богам, питриям и своим отцу и матери! Пусть он будет изгнан из общества добродетельных людей, не слышит их добрых имен и праведных деяний! Пусть тот, кто посоветовал изгнать длиннорукого и широкоплечего царевича, перестанет выражать почтение своей матери и будет обречен на праздность и лень! Пусть он, имея бесчисленных родственников, останется без средств, подорванный лихорадкой и болезнью и живет в постоянных страданиях! Пусть ляжет на него грех тех, кто обманул надежды страждущих, в своей нищете поднимающих глаза свои и молящих о помощи!

Пусть потворствует он всем видам обмана, будет хитрым, подлым, вероломным и живет в страхе перед законной властью! Пусть обвинит его благочестивая и преданная су-

пруга, приблизившись к нему в расцвете своей красоты. Пусть ляжет на него проклятие брахмана, добровольно лишившегося потомства!

Пусть вина того, кто извратив свой ум, не оказал почтения брахману и обманул корову, кормящую своего маленького теленка, ляжет на того, кто посоветовал изгнать царевича! Пусть он, пренебрегая собственной женой, ухаживает за женой другого и в своем безрассудстве преступит закон! Пусть преступление того, кто осквернил колодец или подложил яд другому, ляжет на него! Пусть ляжет на него грех, того, кто имя воду, не дал ее истомленному жаждой! Пусть грех того, кто судит две религиозные дискутирующие стороны, выражая пристрастие к одной из них, ляжет на него, посоветовавшего изгнать лотосоокого Раму!

Несчастный царевич, пытаясь утешить Каушалю, лишившуюся супруга и сына, припал к ее стопам. И тогда царица сказала Бхарате, изрекшему те страшные проклятия, обзвевшему от горя:

– О сын мой, страдания мои увеличиваются, когда я вижу тебя лежащим здесь, сердце огорчено твоими проклятиями! По милости небес душа твоя, полная благородства, не отступит от своего долга! О дитя мое, справедливость приведет тебя в благословенную обитель!

С этими словами она посадила Бхарату, преданного брату, к себе на колени и обняла его могучерукого, давая волю своему горю.

Скорбя, великодушный царевич, обезумев от страданий, чувствовал себя на грани обморока. Заикаясь, он произнес несколько несвязных слов. Все время вздыхая, вне себя, он лежал на полу, в горе не замечая, как проходит ночь.

Глава 76

Погребальные церемонии царя Дашаратхи

Бхарата, сын Кайкеи пребывал в горе, когда к нему обратился Васиштха, самый красноречивый из аскетов:

– Довольно предаваться скорби; будь счастлив, о царевич великой славы, пришло тебе время совершить торжественные ритуалы погребения царя!

Бхарата, зная свой долг, низко поклонился и стал готовиться к обряду.

Он извлек тело царя Дашаратхи с золотистым лицом из земли, где оно лежало в масле и казалось спящим, поместил его на великолепное ложе, украшенное всеми видами драгоценных камней и, преисполненный горя, сказал отцу:

– О великий царь, что ты сделал, накануне моего возвращения, изгнав добродетельного Раму и доблестного Лакшману? Куда ты ушел, о великий монарх, покинув своих подданных, скорбящих в разлуке с Рамой, львом среди людей благословенной судьбы? Кто обеспечит безопасность и мир твоих подданных в этом городе, когда ты удалился на небеса, а Рама ушел в лес, о дорогой отец? Земля овдовела, о царь; она утратила свое сияние; город кажется ночью без луны.

Видя терзания Бхараты, к нему обратился Васиштха, великий мунни:

– О доблестный царевич, без промедления и ропота, соверши положенные погребальные обряды по ушедшему царю!

– Быть тому! – отвечал Бхарата и, послушный воле Васиштхи, тут же созвал со всех сторон священнослужителей с их помощниками и мудрецов.

За пределами агньягары (сноска 1, 350) священнослужители и их слуги согласно ритуалу развели огонь для того индры среди людей. Затем слуги, положив тело царя на носилки, с удрученными лицами, плача, вынесли его; люди, разбрасывая золото, серебро и одежды всех видов шли перед царем, тогда как другие собирали сандал, сладкий алоэ и различные ароматные травы, а также груды деревьев шаралы, ведадару и падмака, чтобы устроить погребальный костер. Приблизившись туда, где лежал царь, ритвиджи предло-

жили сандал, стебли водяной лилии, сладкие корни и благовония и, вылив в огонь масло, начали читать молчаливые молитвы; после этого певцы стали читать Сама-веду, как это указывают писания.

Женщины из дворцовых покоев покинули город в паланкинах и на колесницах согласно занимаемому положению, сопровождаемые престарелыми стражниками; священники, окружавшие царский погребальный костер, велели им идти слева от себя, и женщины, охваченные горем, шли вслед за Каушалей.

Лишь только они сошли со своих колесниц на берега реки Сараю, раздались их душевраздирающие крики.

Совершив водный ритуал (сноска 2, 350), жены монарха, а также советники и священнослужители вместе с Бхаратой вернулись в город, глаза их тонули в слезах. В течение десяти последующих дней глубокого траура (сноска 3, 350) они спали на земле.

Глава 77 Горе Бхараты и Шатругхны

Спустя десять дней царевич, превозмогая горе, приготовился к дальнейшим церемониям и раздал брахманам золото, драгоценности, лущеный рис, бесчисленные стада коз, серебро, коров, слуг и служанок, колесницы и просторные дома. На тринадцатый день на рассвете длиннорукий воин Бхарата, разбитый горем, излил свою скорбь и, представ на очистительной церемонии у погребального костра, голосом полным печали, сказал:

– О отец мой, изгнав Раму в лес, которого всегда считал моим спутником, сам ты покинул меня, оставив без поддержки! Куда ты ушел, о дорогой отец, о мой царь, покинув Каушалю? Она осталась без защитника, потому что ее опорой был Рама!

Глядя на пламя погребального костра с пеплом побелевших костей, где сгорело тело его отца, он упал на землю, громко крича и теряя сознание. Видя несчастного царевича, в рыданиях лежащего на земле, словно великое знамя индры, которое необходимо поднять (сноска 1, 351), все советники бросились помочь этому чистосердечному царевичу, как прежде риши помогли Яяти, упавшему с небес, когда истощился запас его благочестия.

Шатругхна, видя Бхарату во власти горя, взывающего к отцу, тоже без чувств упал наземь, и словно утратив разум, вне себя, вспоминая все добро, содеянное для него отцом, погрузился в океан печали, навлеченной Мантхарой, в котором подобно крокодилу плавала Кайкейи, безвозвратно теряя все дарованные прежде благословения.

– О дорогой отец, – кричал он, – куда ты ушел, покинув своего нежного и юного сына, которого ты так любил? Кто теперь позаботится о нашей пище, питье, одежде и украшениях? О великодушный и добродетельный монарх, почему земля не раскололась, лишившись знаменитого государя? Отец мой вернулся на небеса, а Рама ушел в лес, как теперь мне жить? Я брошусь в огонь! Без отца и брата не могу вернуться в Айодхью, которой правил Икшваку и которую теперь покинул. Я буду жить в хижине!

Слушая скорбные слова двух братьев и видя их горе, окружавшие их спутники преисполнились печали. Шатругхна и Бхарата потеряли сознание и упали наземь, словно два тура, лишившиеся рогов.

Тогда Васиштха, добродетельный и мягкий духовный наставник их отца, помог Бхарате подняться и сказал (сноска 1, 352):

– О господин, уже тринадцатый день, как почил царь, почему ты медлишь собрать кости и пепел? Все живое без исключения страдает от трех вещей, человек не может избежать их (сноска 2, 352).

Сумантра помог Шатругхне и утешая, красноречиво напомнил, что все сущее имеет начало и конец.

Поднявшись, те двое тигров среди людей, исполненные великолепия, напоминавшие два стяга Индры, поникшие от солнца и дождя, вытерли слезы и с красными глазами, все

еще скорбя, понуждаемые советниками, поспешили завершить оставшиеся погребальные ритуалы.

Глава 78 Шатругхна наказывает Мантхару

Пока Бхарата грустно размышлял о том, как ему вернуть Раму, Шатругхна, его младший брат сказал:

– Тот, кто хранит все живое от беды и способен постоять за себя, Рама, исполненный доблести, изгнан в лес женщиной. Почему Лакшмана, сильный и мужественный, не защитил Раму, даже если бы он нарушил волю отца?

Размышляя о справедливости происшедшего, я считаю, что царя, оказавшегося под влиянием женщины, нужно было остановить с самого начала!

Пока Шатругхна, младший брат Лакшманы, говорил с Бхаратой, в дверях появилась горбунья, в дорогих украшениях. Она была умащена сандаловой пастой, одета в богато расшитые царские одежды. Подпоясанная кушаком, в бесценных камнях она напоминала обезьяну, связанную веревками. Увидев горбунью, главный источник всех бед, стражники грубо схватили ее и, притащив к Шатругхне, сказали:

– Эта злобная женщина стала причиной изгнания Рамы и смерти твоего отца; делай с нею все, что сочтешь достойным ее!

Разгневанный Шатругхна воскликнул:

– Пусть эта женщина, принесшая столько горя моим братьям и отцу, получит плоды своего зла!

С этими словами, он сильной рукой вытащил горбунью из толпы служанок, и дворец огласился ее пронзительными воплями. Видя разгневанного Шатругхну, остальные в ужасе разбежались во все стороны, говоря: «Гнев его так силен, что он убьет всех нас! Нужно скорее искать прибежища у сострадательной и великодушной Каушалы, исполненной добродетелями; там мы наверняка найдем защиту!

Охваченный гневом Шатругхна, победитель своих врагов, обрушил на горбунью ливень ударов, и она, бросившись наземь, стала пронзительно кричать, все ее многочисленные украшения рассыпались по полу, так что великолепный царский дворец стал сверкать еще сильнее, словно осеннее небо, усеянное мириадами звезд.

Держа горбунью, этот тур среди людей обратился к Кайкейи гневно и с угрозой обратился к нечестивой Кайкейи, и царица в ужасе стала искать защиты у своего сына. Тогда Бхарата, обратив на Шатругхну гневный взгляд, сказал:

– Нельзя убивать женщину, поэтому держи себя в руках! Я сам бы приготовил злобную Кайкейи к смерти за ее отвратительное поведение, но я боюсь добродетельный Рама упрекнет меня потом за смерть моей матери. Если Рагхава справедливой души услышит о смерти этой горбуни, он наверняка сделает что-нибудь с тобой или со мной!

Слова эти остановили младшего брата Лакшманы, он отпустил обессилившую от страха горбунью; Мантхара припала к стопам Кайкейи, еле дыша и жалобно всхлипывая.

Мать Бхараты понемногу успокоила несчастную горбунью, обезумевшую от страха перед Шатругхной и напоминавшую птицу краунча, попавшую в петлю.

Глава 79 Бхарта отрекается от трона

Ранним утром четырнадцатого дня те, на ком лежал долг провозгласить (нового) царя, собрались вместе и обратились к Бхарате:

– Наш почтенный повелитель, Дашаратха, изгнав твоего старшего брата Раму в лес вместе с доблестным Лакшманой, а сам удалился на небеса. Теперь ты наш царь, ибо царство осталось без защиты и подвержено любым непредвиденным нападениям. Все готово

для церемонии коронации, твои родственники, а также все люди Айодхьи, ждут случая, о царевич, потомок династии Рагху! Займи трон предков, о Бхарата, прими божественное помазание и правь нами, о тур среди людей!

Бхарата, верный своему долгу, обошел вправо священную урну и ответил всем:

– По традиции нашей с семьи трон принадлежит старшему сыну; поэтому, о праведные люди, не провозглашайте меня царем! Рама, мой старший брат будет царем, я же удалюсь в лес на четырнадцать лет! Готовьте великую армию из четырех воинских соединений! Я отправляюсь искать Раму в лесу и пошлю вперед все, что вы приготовили для коронации. Там мы проведем первую церемонию коронации Рамы, этого тигра среди людей, а когда я привезу его обратно, вы разведете священный огонь жертвоприношения! Я никогда не пойду на поводу у этой женщины; уж лучше я удалюсь в недоступный лес, а Рама станет царем. Наберите рабочих проложить дороги и выровнять холмистую землю, прежде послав вперед опытных людей исследовать опасные районы.

В ответ на слова Бхараты о Рам люди почтительно сказали:

– О царевич, за то, что ты желаешь дать земле старшего царского сына, пусть богиня процветания всегда сопутствует тебе!

Глаза всех, кто слышал милостивую речь Бхараты, увлажнились слезами, что подчеркнуло благородство их лиц. Счастливые министры отбросили печаль и сказали, обращаясь к Бхарате:

– О первый среди людей, согласно твоему приказу мы соберем огромное число преданных людей и отряд рабочих в дорогу!

Глава 80 Строительство дороги

Созвали всех, кто был разбирался в породах земли, был опытен в лесах, а также рабочих, энергичных и могучих, землекопов, механиков, архитекторов, инженеров, плотников, дорожных ремонтников, лесорубов, поваров, парфюмеров, тех, плетет корзины, кожевников и землемеров, и вся эта могучая толпа напоминала море в полнолуние.

Отовсюду пришли людей, сведущие в строительстве дорог, снабженные всем необходимым инструментом, и выступили вперед проложить путь, вырубая лианы и кустарник и, где необходимо, ветви деревьев. Силачи бросали в огонь стволы деревьев и ровняли землю глиной, заполняя рвы и каналы, другие мостили маленькие реки и потоки и расчищали дорогу от камней и терние, дробили скалы, преграждавшие водяные потоки. В безводных областях на маленьких ручьях сооружали плотины и рыли пруды и глубокие колодцы, где до воды можно было спуститься по уступам в ярусах и где человек мог отдохнуть. Дорога для царской армии ровная и широкая с цветами по обеим сторонам, где пели бесчисленные птицы, опьянев от радости, украшенная стягами, окропленными сандалом и усыпанная цветами всех видов, напоминала дорогу богов. Среди чарующего пейзажа с прекрасными деревьями, обремененными сладкими фруктами, выбрали место для лагеря великодушного Бхараты, умелые ремесленники щедро украсили его, так что оно казалось сплошным орнаментом; учитывая накшатру и мухурту (сноска 1, 356) они устроили для знаменитого Бхараты лагерь с высокой насыпью из песка, окруженный рвом, улицы там сверкали как сапфиры. Увенчанный башенками, укрепленными штукатуркой валами, со сверкающими знаменами и искусно проложенными дорогами, с величественными террасами, храмами, украшенными богатым орнаментом лагерь Бхараты напоминал своим великолепием город Шакры!

Дорога эта вела до самой Джахнави, чьи чистые прозрачные воды, изобилующие рыбой, текут меж всех видов лесов и рощ; дорога, проложенная Бхаратой при помощи умелых рабочих, была великолепной, как безукоризненная ночь, освещенная луной и звездами.

Глава 81

Васиштха созывает царское собрание

На исходе той благоприятной ночи раздались голоса бардов и певцов, поющих хвалебные гимны во славу Бхарате, зазвучали барабаны, (сноска 1, 357) в которые били золотыми палками, другие дули в сотни пронзительные раковины, извлекая из них все возможные звуки. Музыка, заполнившая небеса, только умножила печаль Бхараты. Преисполненный горя он поднялся и, повелев всем замолчать, сказал Шатругхне:

– Я не царь! О Шатругхна, взгляни на этих заблудших людей, последовавших примеру Кайкеи! Царь Дашаратха ушел, оставив мне это бремя страданий! Будущее государства, основанного на справедливости, теперь в опасности, словно дрейфующее судно без руля в океане! Нашего всемогущего лощмана, Рагхаву, мать моя, изгнала в лес, поправ всякую добродетель!

Услышав скорбные слова Бхараты, женщины во внутренних покоях подняли крик. В этот момент в зал собраний Икшваку, построенный из чистого золота и выложенный драгоценными камнями, подобный залу Судхарме (сноска 2, 357) вошел знаменитый Васиштха, верный царской традиции.

Добродетельный аскет, сведущий в Веде, заняв свое место на золотом сиденье, покрытом превосходной тканью, вышитой благоприятными символами, отдал своим посланником приказ:

– Сейчас же соберите брахманов, кшатриев, министров и военачальников, вопрос великой важности ожидает их. Пригласите также знаменитого Бхарату и Шатругхну, а также других царевичей и Юдхаджита, Сумантру и всех остальных удостоенных сана.

Повсюду звучали крики «Халахала!» тех, кто спешил на колесницах, конях и слонах; затем вошел под шумные приветствия людей и Бхарата, словно Шатакрату, приветствуемый богами или царь Дашаратха в прежние времена.

Зал этот, украшенный присутствием сына Дашаратхи, казался спокойным озером, изобилующим жемчугом, раковинами и песком, полным громадных рыб и змеев, словно сам Дашаратха вновь воцарился в Айодхье.

Глава 82

Бхарата готовится к поискам Рамы

Бхарата увидел благородное собрание, подобное ночи на полную луну. Почтенные люди занимали свои места согласно занимаемому положению, богатство их одежд и украшений усиливало окружающее великолепие, так что зал собраний сиял, словно звездная ночь в полнолуние в конце сезона дождей.

Видя, что собрался весь царский двор, главный священнослужитель Васиштха мягко обратился к Бхарате:

– О дорогой сын, царь Дашаратха удалился на небеса по пути почета, оставив тебе это плодородное царство, изобилующее богатством и зерном! Как восходящая луна не изливает на землю свой благодатный свет, так и Рама, преданный долгу добродетели, остался смиренен перед отцовской волей. Твой отец и брат покинули трон; ничто не препятствует тебе насладиться властью на радость твоим министрам, прими божественное помазание! Пусть все люди и титулованные особы из северных, южных и западных стран поднесут тебе бесчисленные драгоценные камни!

Слова эти огорчили праведного Бхарату, жаждущего справедливости, твердо решившего тотчас же отправляться за Рамой! Задыхаясь от рыданий, напоминая лебедь, этот царевич разразился слезами на глазах у всего собрания, а потом с упреком обратился к своему духовному учителю:

– О господин, как могу я вырвать из рук трон у того, кто соблюдая обет брахмачарьи, сведущ в науке Веды и верен своему долгу? Как сын Дашаратхи станет узурпатором ко-

роны? Оба царства и я сам принадлежим Раме; давайте говорить согласно справедливости! Какутстха – первый сын, непревзойденных достоинств, исполнен преданности и равен Дилипе и Нахуше; трон принадлежит ему, как прежде принадлежал Дашаратхе. Я совершу страшный грех, недостойный моего благородного рода, если запятнаю в этом мире имя Икшваку! Я ненавижу ошибку, допущенную моей матерью и хочу со сложенными ладонями отдать дань почтения тому, кто живет в недоступно глубоких лесах! Я последую за Рамой, он высший правитель людей; Рагхава достоин править тремя мирами!

От этих слов все собрание, вспоминая Раму, разразилось слезами радости! Бхарата продолжал:

– Если я не смогу вернуть царевича из леса, я сам останусь там, по примеру благородного Лакшманы. Я приложу все силы, чтобы убедить этого героя вернуться в обществе знаменитых и добродетельных дваждырожденных.

У меня есть добровольные рабочие, которые могут расчистить путь, и путешествие, которое я задумал, радует меня!

Добродетельный Бхарата, полный любви к брату, обратился к Сумантре, сведущему в мантрах и стоявшему рядом:

– Скорее приготовься Сумантра к походу за Рамой, мы должны привезти его безотлагательно!

Воодушевленный приказом Бхараты, Сумантра радостно сделал все необходимое; с радостью в сердце министры и слуги доблестного Бхараты слушали о том, в каком направлении отправляться на поиски Рагхавы. Жены солдат в каждом доме радостно собирали своих мужей в этот поход, предназначенный вернуть Раму.

Офицеры, провожаемые женами, распорядились всей армии с быстротой мысли седлать коней, готовить колесницы и воловьы повозки.

Видя, что армия готова выступить, Бхарата в присутствии гуру сказал Сумантре, стоявшему неподалеку:

– Скорее готовь мою колесницу!

Преисполненный радости Сумантра поспешил к своей колеснице, чтобы запрячь превосходных коней. Затем потом Рагху, исполненный преданности, доблести, неизменный и добродетельный, решивший привезти из леса благословенного и знаменитого Раму, сказал исключительно послушному колесничему:

– Скажи генералам безотлагательно собирать отряды, о Сумантра, я желаю убедить Раму оставить свое лесное уединение во имя спасения мира!

Получив от Бхараты, осуществлявшего свои возвышенные намерения, ясный приказ, Сумантра созвал министров и генералов армии вместе с царевичами и дружественной толпой, пока воины, купцы и люди низших каст запрягали свои колесницы, слонов и воловьы повозки.

Глава 83

Бхарата достигает берегов Ганги

Ранним утром Бхарата, взойдя на свою великолепную колесницу, скорее отправился в путь, всем сердцем жажда увидеть Раму.

Бхарата, радость династии Икшваку, начал свое путешествие, сопровождаемый министрами священнослужителями, которые возвышались на колесницах, запряженных конями, равными коням бога солнца, и на богато украшенных слонах. Шестьдесят тысяч колесниц с лучниками, вооруженными всеми видами оружия, следовали за царевичем, величественно продвигающимся вперед. Сотни тысяч конников сопровождали сына Рагху, Бхарату, знаменитого потомка царя.

Кайкейи, Сумантра и благородная Каушалья, радуясь возвращению Рамы, взошли на великолепную колесницу, и за ними согласно занимаемому положению последовали

множество людей, с нетерпением желая снова увидеть Раму и Лакшману; с ликующими сердцами она называли друг другу удивительные достоинства этого героя:

– Когда увидим мы могучерукого царевича, чье тело цветом подобно темному облаку, этого героя непоколебимого мужества и непреклонной целеустремленности, который избавит землю от печали? Как только мы увидим Рагхаву, страдания наши рассеются, как тьма с восходом солнца!

Продолжая свой путь, жители Айодхьи счастливо говорили о славных подвигах Рамы и обнимали друг друга. Были там также и торговцы и простолюдины в праздничных нарядах, радующиеся скорой встрече с Рамой.

Ювелиры, горшечники, кожевники всех видов, оружейники, ловцы павлинов, плотники, резчики по камню и слоновой кости, кондитеры и поставщики ароматных сандала, алоэ и проч., золотых дел мастера и известные торговцы шерстью, массажисты, врачеватели, парфюмеры, виноделы, прачечники, портные, главы деревень, пастухи, фокусники и рыбаки – все пустились в это путешествие вместе со своими женами. Брахманы, сведущие в Веде и славные своей добродетелью разместились на тысячах колесниц и воловьих повозках, чтобы сопровождать Бхарату. В чистых и нарядных одеждах, умащенные красной сандаловой пастой, они спокойно следовали за Бхаратой, возвышаясь на своих великолепных повозках. В великой радости армия сопровождала сына Кайкеи, Бхарату, отправившегося на поиски любимого брата.

Соблюдая необходимую дистанцию, она продолжали свой путь на колесницах и повозках, на своих конях и слонах, пока не достигли Ганги близ города Шрингавери. Рядом жил друг Рамы, доблестных Гуха вместе со своими родственниками, бдительно охраняя границы государства. Достигнув берегов Ганги, излюбленного места диких птиц, армия, сопровождавшая Бхарату, остановилась. Осмотрев свою армию близ Ганги благословенных вод, Бхарата обратился к офицерам с речью, исполненной добрых чувств:

– Я приказываю всей армии отдыхать! Завтра, когда все отдохнут, мы переправимся через эту реку, служанку океана! Набрав воды из реки, я желаю предложить ее почившему царю ради блага в его будущей жизни!

Офицеры отвечали в один голос:

– Быть тому! – и на свое усмотрение с удобством расположили свои силы на берегах Ганги, могущей реки. Пока армия ела, Бхарата с волнением размышлял, как ему вернуть великодушного Раму.

Глава 84

Гуха разыскивает Бхарату

Наблюдая за армией, расположившейся на берегах Ганги, царь нишадов сказал окружающим его родственникам:

– Взгляните на эту армию, огромную, как океан! Я не в силах вообразить ее размеров! Несомненно, это глупый Бхарата. Неужели этот могучий воин, над колесницей которого развевается флаг с изображением дерева ковидара (сноска 1, 362), свяжет нас веревками или убьет, а потом нападет на Раму, изгнанного отцом из царства? Завидуя недостижимой славе Рамы, истинного государя, сын Кайкеи пришел уничтожить его! Сын Дашаратхи, Рама, – мой друг и повелитель; вы, разделяя в сердцах его интересы, вооруженными можете оставаться здесь, на берегах Ганги. Пусть все мои могущественные сторонники остаются здесь, препятствуя Бхарате переправиться через реку. Приготовьте пятьсот лодок, чтобы в каждой было по сто молодых и опытных рыболовов! Распорядившись, Гуха добавил:

– Если бы Бхарата был хорошо расположен к Раме, его армия сегодня же в полной безопасности переправилась бы через реку!

С этими словами государь нишадов, взяв с собой в дар рыбу, мясо и мед, направил шаги свои к Бхарате.

Увидев царя, Сумантра, сын колесничего побеседовал с ним достаточное время, а потом смиренно сообщил Бхарате:

– Этот господин, окруженный тысячей своих людей и хорошо знающий лес Дандаку, является старым другом твоего старшего брата! О Какутстха, пусть Гуха, царь нишадов, получит твою аудиенцию; без сомнений, он знает, где находятся Рама и Лакшмана!

Бхарата отвечал радостно:

– Сейчас же пригласи ко мне Гуху! Довольный приглашением Гуха в сопровождении родственников приблизился к Бхарате и, поклонившись ему, сказал:

– Эти места богаты пищей, и хотя ты удивил нас, мы услужливо предоставляем все, располагайся, как дома. Нишады собирали здесь много корней и фруктов, здесь также много свежего и сушеного мяса и все остальных даров леса. Пусть армия твоя располагается и проведет здесь ночь; завтра, взяв с собой все необходимое, ты все со своими людьми продолжишь путешествие!

Глава 85

Бхарата развеивает подозрения Гухи

Бхарата отвечал Гухе, государю Нишадов, доброжелательно, раскрывая свои намерения:

– О повелитель и друг, ты исполнил все мои желания, оказав гостеприимство моей большой армии!

Приветствовав Гуху такими учтивыми словами, знаменитый и благословенный Бхарата спросил, куда дальше держать путь:

– Как мне достичь хижины Бхарадваджи? Эта страна, омытая водами Ганги, полна густых лесов, берега рек заболочены, по ней не легко путешествовать!

Гуха, хорошо зная местные пути и непроходимые леса, со сложенными ладонями благо разумно отвечал :

– О доблестный царевич, опытные и послушные слуги проведут тебя, я сам буду сопровождать тебя! И все же твоя огромная армия вызывает у меня опасения; возможно, ты намерен причинить зло Раме, герою бесчисленных подвигов?

Бхарата, чья душа была подобна безупречным небесам, мягко отвечал Гухе:

– Я далек от той греховной мысли, в которой ты никогда не должен подозревать меня! Я собираюсь вернуть Какутстху из леса, в котором он живет; у меня нет иных намерений, о Гуха, я говорю истину!

Гуха, чье лицо снова приняло безмятежное выражение, радостно отвечал:

– Будь благословлен! Тебе нет равных на земле, о Бхарата, желающий отречься от империи, которую приобрел, не прилагая к тому усилий!

Несомненно, слава твоя будет жить в веках, если ты освободишь Раму от его страшного обета!

Пока Гуха беседовал с Бхаратой, солнце село и спустилась ночь.

Удачливый Бхарата, довольный встречей с Гухой, вернулся в лагерь и лег отдохнуть рядом с Шатругхной. Но мысли о Раме опечалили сердце великодушного Бхараты, жаждавшего лишь исполнить свой долг. Как лес полых деревьев истреблен огнем, сокрытым в их полых стволах, также иссушало его горе, пот катился по всем его членам, как талый снег с Гималаев под солнечными лучами. Сын Кайкеи был раздавлен этой горой неудачи, где его заботы и беспокойства были ее скалистыми пещерами, его вздохи и стоны – ее лесами, его страдания и усталость – ее вершинами, его отчаяние – бесчисленные дикими зверями, а его напряжение – дрок и тростник в ее лесах.

Во власти горя, вздыхая, с расстроенным умом, на вершине страданий он не мог уснуть, потому что огонь лихорадки бушевал в груди этого исключительного человека, напоминавшего тура, отбившегося от стада.

Охваченный печальными воспоминаниями Бхарата, окруженный слугами, разыскал Гуху, который понемногу утешил его относительно его старшего брата.

Глава 86

Гуха рассказывает Бхарате о преданности Лакшманы

Гуха, житель здешних густых лесов, поведал Бхарате о преданности великодушного Лакшманы:

– Бдительный, увенчанный всеми добродетелями, с луком в руках и превосходными стрелами, которыми он всегда готов защитить своего брата – таков Лакшмана! Я сказал ему: «Друг, вот удобная постель для тебя; отдохни спокойно, о потомок Рагху! Мои люди привыкли к лишениям, но ты всегда жил в роскоши, о добродетельный царевич; мы позаботимся о безопасности Рамы! Никто в мире не дорог нам, как оно; не беспокойся, я говорю тебе истину! По милости Рамы я обрету величайшую славу в этом мире, а также награду за исполненный долг, плод истинных интересов и законное наслаждение. Дорогой друг, пока Рама спит рядом с Ситой, я с луком в руках буду охранять его вместе с моими родственниками! Ничто не ускользнет от моего взора в этом исхоженном мною лесу! Мы даже готовы отразить нападение армии из четырех воинских соединений!»

Выслушав меня, великодушный Лакшмана поблагодарил всех нас, но, исключительно верный своему долгу, ответил: «Могу ли я отдыхать в тишине и покое, когда Дашаратхи спит на земле рядом с Ситой? О Гуха взгляни на него, способного противостоять объединенным силам богов и демонов, но теперь распростершегося на траве вместе с Ситой! Прошедший через множество аскез и испытаний плоти, этот сын Дашаратхи как никто другой походит на своего отца. Изгнав его, царь не долго не проживет, и земля овдовеет. Женщины во внутренних покоях будут издавать душераздирающие крики, а потом замолчат в изнеможении; шум в царском дворце стих. Я не верю, что Каушалья, царь или моя мать переживут эту ночь! Сумитра еще выживет благодаря своей любви к Шатругхне, но не Каушалья, лишившаяся единственного сына! Видя, что надежды рухнули, не в силах отдать Раме трон, отец мой умрет, а те, кто достиг своей цели, проведут погребальные обряды. Потом они будут радостно жить в царской столице моего отца с ее прекрасными перекрестками, парками, большими дорогами, роскошными зданиями, дворцами, инкрустированными драгоценными камнями, со всеми ее конями, слонами и колесницами, звучащими барабанами, местами развлечений, полными процветающих, сытых людей, с ее великолепными садами и парками, постоянными собраниями и праздниками. Пусть мы с этим добродетельным героем, верным своим обетам, счастливые вернемся туда по истечении срока его изгнания!»

Пока великодушный царевич сокрушался, стоя на страже, прошла ночь. И как только вошло безупречное солнце, два царевича, спутав волосы с моей помощью, поднялись на этот берег реки Бхагиратхи. Со спутанными волосами, в одеждах из древесной коры два добродетельных брата, похожих на вожаков слоновьего стада, вооруженные луками удивительными стрелами, эти два победителя врагов оглянулись, бросив на меня прощальный взгляд, и ушли вместе с Ситой.

Глава 87

Горе Бхараты

Бхарата слушал Гуху в глубокой печали. Мягкий, могучерукий и великодушный царевич с львиными плечами, огромными как распустившиеся лотосы глазами, деликатный и изящных во всех отношениях неожиданно вздохнул и в муках потерял сознание, словно слон, раненый стрелалом в самое сердце.

Видя Бхарату без чувств, Гуха побледнел и задрожал, как дерево во время землетрясения. Шатругхна, что стоял рядом, не поднял Бхарату с земли и, издав громкий крик, преисполнился горя.

В этот момент царицы, изнуренные постом и великим несчастьем потери мужа, не находя утешения, с рыданиями окружили Бхарату, распростертого на земле. Каушалья, терзаемая горем, склонилась над ним, обняла его и обласкала, как корова теленка. Потом несчастная царица, дав волю горю и плача, спросила Бхарату:

– О сын мой, что за болезнь сковала все твои члены? Этот царский дом теперь зависит только от тебя! Рама вместе со своим братом в лесу, царь Дашаратха умер, лишь даешь мне силы жить; или ты услышал какие-то дурные вести о Лакшмане и моем единственном сыне, изгнанном в лес вместе со своею супругой?

Знаменитый царевич пришел в себя и, все еще плача, успокоил Каушалью.

Потом он обратился к Гухе:

– Где мой брат, Сита и Лакшмана провели ночь? На чем он спал, приняв немного пищи? О Гуха, расскажи мне все.

И тогда царь нишадов Гуха рассказал Бхарате все, что он как доброжелательный и гостеприимный хозяин сделал для Рама:

– Я снова принес Рама все виды пищи, различные фрукты, но этот герой, отверг все и, памятуя о своем долге воина, сказал: «Мы не должны ничего принимать, друг мой, мы должны давать». С такими словами великодушный герой поблагодарил нас всех. Испив воды, принесенной Лакшманой, знаменитый Рагхава продолжал поститься вместе с Ситой. Лакшмана допил остаток воды и все трое в час сандхья предались молчаливым воспоминаниям, сидя подле друг друга. Затем Лакшмана быстро приготовил для Рагхавы удобную постель из собранной травы, и Рама расположился на ней вместе с Ситой, а Лакшмана, омыв стопы, удалился.

Здесь, у подножья дерева ингуди, на траве спали Рама и Сита, а Лакшмана, победитель своих врагов, в перчатках из кожи гоха, с колчаном полным стрел, который он закрепил на спине, ходил вокруг них всю ночь. Я же, захватив с собой свои стрелы и чудесный лук остался подле Лакшманы вместе со своими неутомимыми родственниками, тоже вооруженными луками, чтобы защитить этого героя, равного Индре.

Глава 88 Скорь Бхараты

Слушая Гуху, Бхарата вместе со своими советниками подошел к подножью дерева ингуди. Взглянув на постель Рама, он сказал своей матерям:

– Здесь лежал великодушный герой, члены его отпечатались на земле! Рожденный великим и прозорливым Дашаратхой, потомок царского рода, Рама не заслужил спать на голый земле! Привыкший спать на мягких покрывалах, покрытых превосходными оленьими шкурами, как этот тигр среди воинов спал на земле? Живя во дворцах, в лучших покоях, напоминающих колесницы богов, устланных богатыми коврами, щедро украшенных цветами и благоухающих сандалом и алоэ, подобных яркому и далекому облаку, оглашенных криками великолепных попугаев, с золотыми стенами, подобными горе Меру, благоухающие благовониями, где он ежедневно просыпался в должный час под звуки песен и музыки, звон украшений, гимны панегиристов, бардов и певцов и достойных его баллад; то, что этот победитель своих врагов теперь вынужден спать на земле – предмет прошлой веры! Это неправда; ум мой обеспокоен, я играю во сне? Воистину, нет силы более необратимой, чем судьба, если сын Дашаратхи, Рама, спит на земле вместе с прекрасной дочерью царя Видехи, нежно любимой супругой Дашаратхи! Эта постель принадлежит моему брату, удача изменила ему; на жесткой земле трава эта была примята его членами! Мне кажется, прекрасная Сита спала не снимая украшений, потому что я вижу осыпавшееся золото и камни. Несомненно, Сита сняла здесь свою накидку, потому что здесь поблескива-

ют шелковые нити. Несомненно, ложе мужа всегда сладостно для женщины, и хотя Маитхили юна и неудачлива, все же несмотря на свою утонченность она не ведает страданий! Увы, я достоин смерти, я настоящий варвар, если обрек Рагхаву, словно нищего, спать на такой постели вместе со своей супругой! Он родился в семье, которая правит всей землей, кому три мира обязаны своим процветанием! Почему он, чье тело цветом напоминает голубой лотос, а глаза слегка красноваты (сноска1, 369), прекрасного облика, не заслуживший неудачи и достойный своей доли счастья, должен спать на земле? Несомненно, Лакшмана удачлив и благословлен судьбой, сопровождая своего брата Раму! Все желания Ваидехи исполнились, когда она последовала за своим мужем! Но наши страдания безмерны, поскольку мы лишились этого великодушного героя! Вселенная осталась без правителя; она мне кажется заброшенной, потому что Дашаратха ушел на небеса, а Рама живет в лесу! Никто даже в мыслях не желал земли, которую он, изгнанный в лес. Защищал свою сильной рукой. Этот царский град без сторожей, наблюдающих за валами, без колесниц, коней или слонов, с воротами без ключей, без защитников, лишенный счастливой армии, во власти горя, подверженный опасности, все будут избегать, даже враги, словно отравленную пищу. С этого дня я тоже буду спать на земле или на траве, питаться кореньями и фруктами, я соберу волосы и одену древесную кору. Все время его изгнания я счастлив буду жить в лесу, чтобы обет этого благородного героя не оказался напрасным. Во имя блага своего брата я буду жить здесь вместе с Шатругхной, а брат мой Лакшмана защитит Айодхью. Какутстха будет возведен на трон дваждырожденными! Пусть боги полюбят свою милость, и это мое желание исполнится! Пусть Рагхав не отклонит моей просьбы последовать его стопам и жить в лесу; он не сможет отказать мне в этой милости!

Глава 89

Бхарата и его спутники переправляются через Гангу

Проведя ночь на берегу Ганги, Бхарата, потомок Рагху, поднялся на рассвете и сказал Шатругхне:

– Поднимись о Шатругхна, почему ты спишь так долго? Иди и поскорее разыщи царя нишадов Гуху и будь счастлив! Пусть он поможет армии переправиться на другой берег! Сон бежит от меня, я не могу отдыхать, потому что я постоянно думаю о знаменитом Раме!

– Быть тому! – отвечал Шатругхна поднимаясь, и пока те два льва среди людей беседовали меж собой, пришел Гуха и со сложенными ладонями обратился к Бхарате:

– О Какутстха. Хорошо ли ты провел ночь на берегах реки? Все ли благополучно с твоей армией?

Бхарата, преданный Раме, отвечал на исполненные любви слова Гухи:

– Ночь прошла для нас благоприятно, о добродетельный царь; ты окружил нас заботой, но теперь вели своим слугам при помощи многочисленных слуг перевезти нас через Гангу.

Вняв просьбе Бхараты, Гуха поспешно вернулся в свой город и приказал толпе своих людей:

– Поднимайтесь, вставайте, и пусть процветание сопутствует вам! Готовьте лодки, чтобы я мог помочь армии переправиться через реку!

Послушные гласу своего государя, люди отовсюду принесли пятьсот больших челнов, некоторые из них были с большим колоколом, отмечены знаком свастики, великолепно украшены, с флагами, все были крепкими и хорошо оснащенными. Один из тех челнов, отмеченный свастикой, покрытый белыми холстинами с великой пышностью принес сам Гуха под шумное одобрение народа. В этот челн он посадил Бхарату, Шатругхну, исполненный добродетели, Каушалю, Сумитру и других царских жен. Первыми на лодки вошли священнослужители и духовные наставники, брахманы, а также дворцовые женщины, после этого перевезли колесницы и, наконец, поклажу с повозок; крики тех, кто остал-

ся в своих жилищах или был обременен вещами, наполняли небо. Лодки, полные людей и украшенные флагами, быстро плыли под парусами, ведомые родственниками Гухи; одни из них были полны женщин, другие нагружены животными, третьи перевозили повозки и великой ценности снаряжение для животных.

Достигнув противоположного берега, все выгрузились и друзья и слуги Гухи на обратном пути показывали различные трюки со своими лодками.

Слоны с паланкинами и погонщиками на спинах переплыли реку, одни вступили в лодки, другие переправились при помощи плотов или кожаных сумок или бутылей, а третьи вплавь. Так с помощью слуг Гухи вся армия счастливо переправилась через Гангу в час маитра (сноска 1, с 371), и достигла великолепных лесов Праяга.

Два приказа остановиться и удобно располагаться, великодушный Бхарата отправился вместе ритвиджами и садасьями (сноска 2, 371) посетить Бхарадваджу, знаменитого риши. Любуясь великими лесами, очарованный уединенными хижинами отшельников и деревьями, он скоро достиг обители этого великого брахмана, пурохиты богов и главу аскетов.

Глава 90 Встреча Бхараты и Бхарадваджи

Тур среди людей, Бхарата подошел к хижине Бхарадваджи. Оставив далеко позади свою армию, сопровождаемый советниками добродетельный Бхарата, сняв свое оружие и украшения шел пешком в простой шелковой одежде вместе со своим духовным учителем.

Увидев Васиштху, Бхарадваджа, великий аскет, тут же поднялся со своего сидения и сказал ученикам:

– Быстро принесите аргхью!

Когда Бхарата вместе с Васиштхой выразили ему почтение, знаменитый аскет узнал сына Дашаратхи и предложил обоим воду омыть руки и стопы, а также фрукты. Затем мудрец согласно традиции расспросил об их благополучии, о родственниках, об Айодхье с ее армией, сокровищами, друзьями и советниками, но, зная о смерти Дашаратхи, он ничего не сказал о царе. Васиштха и Бхарата в свою очередь спросили о благополучии мудреца, о его жертвеннике, учениках, деревьях и птицах, живущих близ хижины.

– Все хорошо! – отвечал знаменитый Бхарадваджа и обратился к Бхарате, связанному любовью к Рагхаве:

– По какой причине ты пришел сюда, ты, правитель огромной страны?

Победитель врагов, рожденный Каушалей ей на радость вместе с братом и женой надолго изгнан в лес. Этот герой, исполненный славы, из-за интриг женщины собственным отцом осужден жить в лесу четырнадцать лет. Ты хочешь причинить зло этому безупречному царевичу и его младшему брату, чтобы без помех насладиться троном?

Бхарата слушал слова Бхарадваджи, обливаясь слезами. Задыхаясь от горя, он ответил:

– Я пропал, если благословенная личность так относится ко мне! Я не сделал ничего, за что можно было бы упрекать меня, не обвиняй меня напрасно. Я не знал о том, что сотворила моя мать, не поддерживал этого и не имел ни малейшего отношения. Преисполненный любви к своему брату я пришел, чтобы привести этого тигра среди людей обратно в Айодхью и припасть к его стопам. Теперь ты знаешь цель моего путешествия, даруй мне свою милость; о благословенный, пожалуйста, поведай, где находится Рама, повелитель мира!

Отвечая на просьбы Васиштхи и других священнослужителей, Бхарадваджа с любовью сказал Бхарате:

– О тигр среди людей, неудивительно найти в тебе, потомке рода Рагху, сознание долга перед твоими духовными наставниками, владение чувствами и привязанность к людям добродетели. Я понимал твою цель, но, желая убедиться в ней, а также безгранично увеличить твою славу, я задал тебе этот вопрос! Я знаю, где добродетельный Рама, сопро-

вождаемый Ситой и Лакшманой; твой брат живет на горе Читракута. Завтра ты отправишься туда, а сегодня оставайся здесь вместе со своими советниками; доставь мне это удовольствие, о исключительно добродетельный царевич, преследующий законные желания и интересы!

Благородный и необычайно прекрасный Бхарата ответил:

– С радостью! Так сын царя решил провести ночь в хижине.

Глава 91

Чудесное угощение, предложенное Бхарадваджей Бхарате

Видя, что царевич готов провести с ним ночь, мудрец приготовил для Бхараты, сына Кайкеи, подношения, полные почтения к гостю. Тогда Бхарата сказал ему:

– Разве ты не почтил меня водой, чтобы омыть руки и стопы и не оказал мне гостеприимства, достаточного для лесного отшельника?

Но Бхарадваджа с улыбкой отвечал:

– Я знаю, ты будешь доволен всем, что бы тебе ни предложили, и все же я желаю угостить всю твою армию, о тур среди людей; доставь мне это удовольствие. Почему ты, направляясь сюда, оставил их далеко позади? Почему ты не привел всех с собой, о воин?

И Бхарата со сложенными ладонями отвечал аскету:

– О благословенный, из уважения к тебе я пришел это недоступное место! Царь или царевич не должны беспокоить аскетов, живущих в лесах! О благословенный, меня сопровождают сильные кони, люди, редкие слоны, опьяненные соком мада, занимая огромное пространство, и я подумал: «Они вытопчут и поломают деревья, хижины и землю, а также осквернят воду в этой обители». По этой причине я пришел один.

Тогда великий аскет сказал:

– Приведи сюда свою великую армию! – и Бхарата сходил за всеми, кто ждал его в лесу.

Тем временем Бхарадваджа провел агнишалу (сноска 1, 374) и, сделав маленький глоток воды, он остаток сбросил с руки; чтобы исполнить свой долг гостеприимного хозяина он призвал Вишвакарму:

– Я призываю Вишвакарму, уравновешенного Тваштару; я желаю исполнить свой долг перед гостями, пусть он поможет мне, снабдив всем необходимым! Я призываю трех стражей мира, богов, возглавляемых Индрой; я желаю исполнить долг хозяина, пусть они помогут мне сделать это! Пусть реки, которые текут на восток и пересекают землю и воздух, сейчас отовсюду придут сюда – одни с волнами маирейи (сноска 2, 374), другие – с восхитительным вкусом суры (сноска 3, 374), а третьи со свежим и прохладным вкусом тростникового сахара! Я призываю девов и гандхарвов, Вишавасу, Хаху и Хуху! Пусть апсары вместе с девами и гандхарвами отовсюду соберутся здесь! Я призываю всех прекрасных женщин, служанок Брахмы и Индры; Читачи, Сома, Адрикритастхали, а также Тумбуру; пусть все они придут сюда в нарядных одеждах! Я призываю божественный лес Куру, листья и фрукты которого служат одеждой, украшениями и пищей небесным девам; пусть эти все остальные богатства Куверы явятся здесь! Пусть благословенный Сома снабдит меня самыми лучшими продуктами и пищей, сладостями и приправами всех видов и в изобилии, множество гирлянд, природой сплетенных на деревьях, вина и другие напитки, а также мясо всех сортов!

Сказав так, мудрец несравненного сияния, верный своему долгу, предался медитации согласно ведическим писаниям, и пока он медитировал с лицом, обращенным на восток и сложенными ладонями, пред ним одно за другим появились все те божества.

С гор Малая и Дардура подул прохладный и ароматный ветерок, смягчая жару, и небесные облака пролили дождь из цветов, со всех сторон послышались звуки божественных гонгов. Под мелодию ветра танцевали апсары, пели гандхарвы, раздались звуки вин.

Земля и небо наполнились сладкой и гармоничной музыкой, мягкой и ритмичной. И когда божественная мелодия, столь приятная человеческому слуху, смолкла, армия Бхараты увидела удивительное творение Вишвакармы.

Огромное пространство приблизительно в двадцать миль было покрыто ковром травы, темной, как изумруд. Повсюду росли деревья билва, кариттха, панаса, читрон, амалаки и манго, полные фруктов. Появился божественный лес Куру, позволяющий вкусить все радости рая; поблизости протекала прекрасная река, берега которой поросли бесчисленными деревьями, виднелись великолепные квадратные дворцы со стойлами для слонов и коней и величественными воротами со сторожевыми башнями и примыкающими по бокам башенками. Царский дворец казался ослепительным, как облако, украшенный сияющими арками, свежими гирляндами и благоухающий небесными ароматами, имел форму идеального квадрата и был полон удобных кушеток, кресел, красивых мест для отдыха, покрытых богатыми коврами; гостей уже ждали вкуснейшие напитки всех видов, а также великолепные наряды и разнообразная пища, искусно приготовленная и разложенная в нержавеющей и чистых сосудах.

По приглашению великого Риши могучерукий герой Бхарата, сын Кайкеи. Вошел в этот дворец, полный драгоценных камней, сопровождаемый своей свитой советников и священнослужителей, и все они пришли в восторг при виде такой обители! Там была отдельная комната с золотым тронem, чамарой и пологом, и Бхарата и его советники обошли вокруг нее, словно она была занята царем, и выразили почтение царскому трону, склонившись перед ним, как если бы Рама сидел на нем; затем Бхарата, взяв в руки опашало из хвоста белого яка, занял место слуги (сноска 1, 376). Следуя его примеру, расселись министры и советники согласно занимаемому положению; затем заняли свои места главы армии и певцы.

В одно мгновение по воле Бхарадваджи реки Паяши потекли к стопам Бхараты, на их берегах появились прекрасные небесные дома из белой глины и двадцать тысяч нимф, посланных Брахмой, украшенных божественными драгоценностями. Еще двадцать тысяч сияющих жемчугами, камнями и кораллами нимф пришли из обители Куверы, и апсары, чья красота заставляла мужчин терять голову, пришли из садов Нандана, вместе с двадцатью тысячами своих подруг. Затем перед Бхаратой появились Нарада, Тамбуру и Гопа, своим сиянием напоминавшие солнце, пока Аламбуша, Мишракеша, Рундарика и Вамана танцевали для него, послушные воле Бхарадваджи. Повсюду были гирлянды цветов, излюбленных богами, растущих в лесах Чаитаратха и Праяга.

Деревья билва приняли форму барабанов, а деревья бибхитака – цимбал, ашваттха деревья стали танцорами благодаря могуществу великого мудреца; шарала, тала и тамалка деревья, превратившись в горбунов и карликов радостно прыгали здесь и там. Деревья шимшара, амалаки, джамбу и лианы всех видов в облике танцовщиц появились в хижине Бхарадваджа, крича:

– О пьяницы, пейте! Вы, пропитанные вином, пейте! Идите, ешьте, что хотите, наслаждайтесь изысканным мясом!

Растерев члены воинов, они помогли им омыться в водах живописной реки. Каждому служили по семь или восемь прекрасных женщин с большими глазами и стройным станом, растирая их и вытирая, одна за другой, и подавая им напитки.

Слоны, кони, ослы и мулы, потомки Сурабхи были ухожены, получив необходимый корм. Кони, принадлежавшие знаменитым воинам, потомкам Икшваку, досыта ели тростникового сахара, меда и жареного зерна из рук энергичных слуг; и наездник уже не узнавал своего коня, а погонщик – своего слона. Вся армия предалась выпивке, развлечениям и женитьбе. Полностью удовлетворенные, умащенные сандаловой пастой и окруженные апсарами, солдаты восклицали:

– Мы никогда не вернемся в Айодхью и не пойдем в лес Дандака! Пусть Бхарата живет на востоке и Рама будет счастлив!

Пехота и конники, более не признавая своих вождей, стали управлять на свое усмотрение и вольготно вести себя. Люди тысячами ходили за Бхаратой, крича: «Воистину, это рай!» Танцуя, смеясь, воспевая, тысячи солдат, опутанные гирляндами цветов бежали туда-сюда. Сытые по горло сладкой как амрита пищей, видя новые блюда, они с жадностью набрасывались на них. Повсюду радовались слуги, рабы, юные девушки и солдаты, облаченные в новые одежды. Слоны, ослы, мулы, быки, кони, олени и птицы были счастливы, не видно было людей в грязных одеждах или неопрятных, с пыльными волосами.

Там были горы козлятины и свинины с изысканными подливами, ароматные и сочные приправы со специями, приготовленные на фруктовых соках; безмолвной от изумления толпе предлагались тысячи сосудов из редких металлов, наполненные рисом и украшенные цветами. В разных частях леса колодцы, прежде полные воды, наполнились Паяшей (сноска1, 377), повсюду бродили коровы, исполняющие желания, по стволам деревьев тек мед. Озера наполнились искристыми винами, а на их берегах возвышались груды блюд из оленины, павлинов и цыплят в сияющих горшках с тысячами тарелок и миллионами чашек, с бесконечным числом огромных чанов, кувшинов, ведер и взбивалок, искусно выгравированных и полных кислого молока с тмином, имбирем и другими приятными пряностями; стояли сосуды с йогуртом и горками сахара рядом. Повсюду ожидали чаши с мазями, сандаловой пастой и эссенциями всех видов для омовения и ослепительной белизны палочки для чистки зубов и всех видов очищенные пасты в ящиках, полированные зеркала, полотенца, тысячи пар комнатных туфель и другой обуви, помады, гребни, щетки, зонтики, луки, сияющие доспехи, ложа и кресла. Ослы, мулы, слоны и кони легко спускались к прудам, поросшим цветущими лотосами, и пили чистую воду, прозрачную, как небесный свод. В этих кристально чистых водах купание доставляло необычайное наслаждение, а мягкая трава на берегах, зеленая, как изумруд, была прекрасным пастбищем для всех выючных животных.

Все пребывали в восторге от этих чудес. Реальность показалась божественными грезами, когда жители Айодхьи увидели развлечения, предоставленные им великим риши Бхарадваджей. Пока они, словно боги в садах Нандана, предавались веселью в чарующей сердце обители, прошла ночь.

Гандхарвы вернулись туда, откуда они пришли, исчезли прекрасные апсары, покинув Бхарадваджа, а спутники царевича Бхараты, все еще опьяненные крепкими винами, умащенные небесными алоэ и сандаловой пастой, топтали редкие небесные гирлянды, что грудями валялись у них под ногами.

Глава 92 Бхарата направляется к Читракуте

Бхарата, горя желанием увидеть Раму, наутро вместе со своими спутниками разыскал Бхарадваджа, который столь гостеприимно встретил его.

Увидев Бхарату, тигра среди людей, приближающегося к нему со сложенными ладонями, риши Бхарадваджа, только что разведя жертвенный огонь, сказал:

– О безгрешный царевич, счастливо ли ты провел ночь в моей хижине? Довольны ли твои люди пиршеством? Скажи мне, о безупречный герой!

Бхарата со сложенными ладонями поклонился риши непревзойденного могущества, появившемуся в дверях своей хижины и отвечал:

– Благодарю тебя за твое гостеприимство, о благословенный, так же как и все мои многочисленные воины и животные; ты явил мне свою доброту, и моя армия счастлива! Без тени усталости и страданий, хорошо накормленные и отдохнувшие, мы и наши слуги снова и снова благодарим тебя за щедрость. И все же я желаю покинуть тебя, о благословенный, знаменитый риши! Ныне, оказавшись недалеко от любимого брата, я молю, обрати на меня свой милостивый взор, о святой муни, и укажи мне путь, который ведет к обители этого добродетельного и великодушного героя, поведай, далеко она отсюда!

Видя пылкое желание Бхараты вновь увидеть своего брата, знаменитый Бхарадваджа, суровый аскет, отвечал:

– О Бхарата, в четырнадцати милях отсюда посреди прекрасного леса стоит гора Читракута, чарующая сердце своими пещерами и рощами. К северу течет река Манадакини, чьи берега поросли деревьями и кустами, а гладь покрыта чудесными цветами. Сразу за этим потоком на горе Читракута ты несомненно увидишь хижину, покрытую листьями, которая принадлежит тем двум героям, о сын мой, там их обитель. Ненадолго поднявшись на правый берег, ты увидишь на левом берегу дорогу, что ведет на юг; пусть вся твоя огромная армия слонов и коней отправляется этим путем, о могучий полководец, и ты увидишь Раму!

Слушая, как мудрец описывает их дальнейший путь, супруги царя Дашаратхи спустились со своих великолепных колесниц, которых они были достойны, окружили брахмана и, дрожащие, изможденные, несчастные, сопровождаемые божественной Сумитрой, Каушалей, припали к стопам мудреца. Затем та, чьи амбиции не имели равных в мире, проклинаемая всеми, в смущении коснулась его стоп и обошла вокруг него, выражая почтение благословенному и великому аскету; после этого она заняла свое место недалеко от Бхараты, печальная в сердце.

Великий Муни спросил Бхарату:

– Я хочу познакомиться с твоими матерями, узнать имя каждой из них, о Рагхава.

Добродетельный Бхарата, сложив почтительно ладони, с готовностью отвечал Бхарадвадже:

– О благословенный, это измученная горем и постом царственная супруга моего отца, подобная богине Каушалы; это она, словно Адити, давшая жизнь Дхарату, родила Раму, тигра среди героев с походкой и статью льва. Слева от нее стоит охваченная горем, несчастная Сумитра, средняя среди цариц. Эта царица, подобная ветви дерева карника, цветы которого высыхают на ветвях, дала рождение двум юным героям небесной красоты – Лакшмане и Шатругхне, отмеченных доблестью. Та, чья ошибка повергла тех двух тигров среди людей в несчастье, а царя Дашаратху, лишившегося сына, лишила жизни – эта раздражительная, тщеславная, надменная и честолюбивая женщина, которая держится важной особой, – Кайкейи, моя мать, злобная и вероломная негодяйка, в которой я вижу причину моей великой неудачи.

Речь этого тигра среди людей прерывалась рыданиями, стонами, глаза его воспалились, он дышал, как потревоженная змея. Тогда великий риши Бхарадваджа, наделенный безграничным разумом, дал Бхарате исполненный мудрости ответ:

– О Бхарата, ты не должен винить Кайкейи; изгнание Рамы станет источником величайшей радости и блага для богов, данавов и чистосердечных риши, обитающих в здешних лесах.

Утешенный Бхарата почтительно поклонился мудрецу и обошел вокруг него, отдав приказ:

– Пусть армия готовится к отправлению!

Коней запрягли в бесчисленные колесницы, украшенные золотом, седоки заняли в них свои места, другие взошли на слонов и слоних с золотыми ожерельями на могучих шеях. Украшенная флагами и знаменами армия снялась с места, и звон колокольчиков слился в единый шум, напоминавший раскаты грома в преддверии лета. Великолепные повозки, огромные и маленькие всех видов, двинулись вперед, сопровождаемые пехотой; женщины, возглавляемые Каушалей, жажда увидеть, радостно отправились в путь. Счастливый Бхарата, которого несли на роскошных носилках, ехал посреди своего эскорта.

Огромная армия, состоящая из бесчисленных слонов и коней, продвигалась на юг и была подобна громадному облаку, появившемуся в небе. Блистательная армия Бхараты шла западным берегом Ганги, преодолевая горы и стремительные потоки, проходила че-

рез леса, любимые оленями и птицами. Эскадроны слонов и горячих коней углубились в обширный лес, пугая стаи зверей и птиц.

Глава 93

Бхарата восторгается красотой Читракуты

Видя продвижение огромной армии, жители лесов, толпами собирались вокруг своих вождей, обезумев от ужаса, готовые к бегству, а звери, крупные пятнистые олени и антилопы, которые можно было увидеть через ветви деревьев, разбежались по лесу, на холмы и к реке.

Велика была радость добродетельного сына Дашаратхи, которого окружала шумная армия из четырех воинских соединений и напоминавшая воды океана. Сопровождение великодушного Бхараты покрыло землю, как облака покрывают небо в период дождей. Земля, сплошь покрытой волнами ретивых коней и слонов, подолгу не было видно, пока они проходили по ней.

Пехота, идя на изрядном расстоянии, спотыкалась от усталости. Оглядевшись вокруг благословенный царевич обратился к Васиштхе, самому прозорливому из советников:

– Судя по окрестностям, я думаю, мы достигли места, указанного Бхарадваджей. Вот Читракута, река Мандакини, а вдалеке голубым облаком виднеется лес! Взгляни на красивые выступы горы Читракуты, ныне дрожащей под тяжестью моих слонов, похожих на горы, и на деревья, рассыпавшие свои цветы на ее склонах, словно в конце лета гряды дождевых облаков пролили на них свои ливни! Посмотри, о Шатругхна, эти скалистые места изобилуют конями, словно океан огромными рыбами. Стада быстрых антилоп, согнанные с их пристанищ, бегут, словно гряды облаков, гонимые осенним ветром.

Великолепные деревья с ослепительными ветвями, похожими на облака, украшены цветами и похожи на южных людей. Лес этот, прежде всегда молчаливый, принял удивительный облик и кажется городом Айодхью, полным людей. Пыль, поднятая копытами коней, затмила небеса, но ветер сразу разгоняет ее, доставляя мне удовольствие! Взгляни, о Шатругхна, как быстро пересекают лес эти колесницы, запряженные великолепными конями и управляемые лучшим среди возниц! Посмотри, как эти павлины великолепного оперения в ужасе бегут в скалы, убежище птиц. О безупречный царевич, это место восхищает меня; несомненно, эта обитель аскетов – порог рая! Как прекрасны эти пятнистые олени, что бродят вокруг со своими ланями; кажется, будто они усеяны цветами! Пусть солдаты скорее исследуют эти леса и найдут тех тигров среди людей – Раму и Лакшману! Услышав приказ Бхараты, те доблестные воины с оружием в руках углубились в лес и неожиданно увидели струящийся к небу дымок. Они тут же вернулись к Бхарате сообщить о своем открытии:

– В таком пустынном месте не бывает огня; несомненно там живут два потомка Рагхавы. Если это не те двое тигров среди людей, двое царевичей, победителей своих врагов, тогда это должны быть другие аскеты, которые знают о Раме!

В ответ на эти слова, отрадные сердцу Бхарата, могучий сокрушитель врагов, сказал своим воинам:

– Оставайтесь здесь, а мы с Сумантрой и Дхрити ходим туда(сноска 1, 382).

Покорные приказу все колесницы и воины остановились, а Бхарата, не сводя глаз со столба дыма, отправился в путь. Армия, которой Бхарата повелел оставаться на месте, оглядывала окрестности, радуясь от мысли, что скоро из любимый Рама вернется!

Глава 94

Рама описывает Сите красоту Читракуты

Они прожили на горе уже некоторое время, когда Рама, этот герой, наслаждаясь самой прекрасной из горных вершин и желая Ваидехи счастья, позволил себе отвлечься

мыслью. Дашаратхи, подобный Богу, обращая внимание своей супруги на красоту Читракуты, заговорил, словно Пурамдара, беседующий с Сачи:

– О счастливая царица, как только я увидел эту восхитительную гору, я перестал печалиться о потерянном царстве или разлуке с моими друзьями! О удачливая, взгляни на эту гору, где так много птичьих стай всех видов, хранящую драгоценные металлы, чьи многочисленные вершины, кажется, целуют небеса! Посмотри, как одни из ее вершин отливают серебром, а другие – золотом, какие-то кажутся ализариновыми или желтыми, а какие-то сверкают как драгоценные камни или напоминают цветы, или кристаллы, или деревья кетаки; они мерцают, как ртуть; в этих местах много драгоценных металлов; эта гора – Индра среди гор, она полна ручных ланей, что бродят стадами, тигров, пантер и медведей, стаи птиц оживляют ее. Плотные ряды деревьев манго, джамбу, асаны, лодхра, прияла, панаса, дхара, анкола, бхавья, тиниша, билва, тиндука, а также бамбук, кашмая, аришта, варана, мадхука, тилака, бадари, амлака, нипа, ветра, дханвана, биджака (сноска 1, 383) и множество других деревьев, покрытых цветами и обремененных фруктами, даруют густую тень и делают эту гору очаровательной обителью! Посмотри, как на ее восхитительных плоскогорьях развлекаются прозорливые кинеры, опьяненные любовью, о удачливая царица! Их мечи и драгоценные украшения висят на ветвях деревьев; взгляни на эту чарующую обитель, в которой резвятся видьядхары! Повсюду из горных расщелин с шумом бьют водопады, отчего гора кажется слоном с сукровицей на лбу. Кто не преисполнится радости, глядя на эти прогалины, откуда доносится пьянящий аромат цветов? О несравненная царица, я проведу здесь с тобой и Лакшманой не одну осень, и никакое несчастье не достигнет меня! Гора эта с ее восхитительными вершинами, покрытая цветами и изобилующая фруктами, дающая прибежище стаям птиц, чарует мне сердце, о любимая! Живя в лесу, мы достигнем две цели: отцу моему не в чем будет упрекнуть меня, потому что я должным образом исполню свои обязанности, и Бхарата будет счастлив! О Ваидехи, не правда ли, здесь, на Читракуте, где все приносит наслаждение уму, телу и чувствам, ты не находишь особого очарования в общении со мной? О царица, знаменитые царственные риши, умиря, говорили, что жизнь в лесу – это смысл обретаемого после смерти освобождения. (сноска 1, 384) Посмотри, как сверкают эти скалистые утесы всеми оттенками цветов – голубым, желтым, белым и красным! Ночью травы на этой лучшей среди гор, подобно искрам огня, чудесно сверкают и светятся! Некоторые утесы на этой горе напоминают дворцы, другие похожи на парки, а третьи срослись в сплошной массив, о прекрасная. Оторвавшись от земли, Читракута стоит прямо, и вершина ее выглядит несравненно прекрасной, с какой стороны на нее ни взглянуть. Посмотри на эти ложа для влюбленных из листьев кришты, штхагары, паннаги и бхуджи, которые тесно переплелись с цветами водяной лилии! Взгляни, о возлюбленная, увядшие гирлянды разбросаны, так же как надкушенные фрукты всех видов. Эта гора Читракута, изобилующая кореньями, фруктами и водой, прекраснее Васваукасары (сноска 2, 384), Налини (сноска 3, 384) и Уттарактуру (4, 384). О возлюбленная Сита, время, которое я проведу здесь вместе с тобой и Лакшманой, следуя путем добродетели и предаваясь благотворной аскезе, принесет мне радость процветания, обретаемого исполнением возложенного долга.

Глава 95

Рама прославляет реку Мандакини

Повелитель Кошалы спустился с горы и показал Маитхили на реку Мандакини с ее свежими искристыми водами. Лотосокий Рама сказал дочери царя Видехи прекрасного облика, чей лик напоминал луну:

– Посмотри на прекрасную реку Мандакини с бесчисленными островами, излюбленным пристанищем лебедей и диких гусей, покрытую цветами и по берегам поросшую деревьями всех пород, склоняющимися под тяжестью цветов и плодов, на реку, чарующую своей красотой, словно река в обители Куверы; ее прекрасные броды, куда на водопой

пришли стада ланей, замутнив воду, повергают меня в восторг! Это время, когда риши, спутавшие свои волосы и облаченные в шкуры антилопы и древесную кору, спускаются к реке Мандакини омыться, о возлюбленная. О дева с прекрасными очами, эти знаменитые мунисуровых аскетов по традиции подняли руки к солнцу, взывая к Сурье! Из-за деревьев, чьи высокие кроны волнует ветер, со всех сторон проливая на реку дождь из цветов и листьев, гора кажется танцующей! Посмотри, ее песчаные берега полны совершенных созданий, совершающих омовение в ее водах! О Кальяни, взгляни на сладкоголосых гусей, с криком взмывающих в небеса. О прекрасная женщина, когда я смотрю на Читракуту и реку Мандакини, мне кажется, они сулят мне больше радости и счастья, чем жизнь в Айодхье или даже твои чарующие очи! Войдем со мной вместе туда, где исполненные совершенства создания, свободные от порока, богатые подвигами аскетизма и владеющие чувствами, постоянно волнуют речные воды, и, словно дружеской груди, о любимая Сита, ты доверишься реке Мандакини, украшенной голубыми и белыми лотосами. Отныне думай о диких зверях вокруг как о жителях Айодхьи, о прекрасная, а об этой реке – как о Сараю! О Ваидехи, твоя преданность и послушание Лакшмана моей воле делают меня счастливым! Трижды в день омываясь в реке, питаюсь медом, кореньями и фруктами, не расставаясь с тобой я не сожалею об Айодхье или всем царстве! Кто в мире не нашел бы отрады и покоя на берегах этой чудесной реки, часто посещаемой стадами слонов, которые вместе со львами и обезьянами приходят сюда на водопой, пышно украшенные цветами!

Рама, источник радости для своего рода, описывая своей возлюбленной супруге многочисленные красоты реки Мандакини, бродил по горе Читракута, сиявшей, как огонь.

Глава 96

Лакшмана видит приближающуюся армию Бхараты

Показав царевне Митхилы реку, которая, кружась в водоворотах, продолжала свой бег, Рама вместе с Ситой сел на склоне холма у подножия горы и предложил ей немного поесть. (сноска 1,386) Пока добродетельный Рагхава гулял с Ситой, к горе Читракута приближалась армия Бхараты, поднимая облако пыли и шума. Повсюду стоял такой грохот, что вожаки диких зверей в ужасе бежали, уводя свои стаи вглубь лесов. Рагхава услышал шум, поднятый армией и увидел вожаков стай, стремглав бежавших прочь. Нисколько не смутившись и прислушавшись к приближающемуся шуму, Рама сказал сыну Сумитры, Лакшмане, обладавшему необычайной отвагой:

– Пойди, о Лакшмана, благородный сын Сумитры, выясни причину столь устрашающего шума, подобного нарастающим раскатам грома, который доносится до нас. Или это стада слонов в лесу или буйволов в великих лесах, или это дикие звери, вспугнутые львами и разлежавшиеся во все стороны.

Должно быть, это царь, охотящийся в лесу, о царевич, или свирепый дикий зверь! О Саумитри, узнай, что случилось! Горы этой трудно достичь даже птицам, О Лакшмана. Раскрой мне истину!

Лакшмана поспешно забрался на цветущее дерево шала, откуда обследовал горизонт; сначала он обратил свой взор на восток, затем – на север и заметил огромную армию, состоящую из слонов, коней, колесниц и хорошо вооруженной пехоты.

Описывая коней и колесницы, украшенные стягами, он сказал Рама:

– Погаси огонь, мой господин, и пусть Сита укроется в пещере; приготовь свой лук, стрелы и доспехи!

Рама, тигр среди людей, отвечал Лакшмане:

– Посмотри, о Саумитри, кому, по-твоему, принадлежит эта армия?

Лакшмана, равный Паваке, отвечал Рама так, словно огнем своего гнева готов был испепелить приближающееся войско:

– Очевидно, Бхарата, сын Кайкеи, взойдя на трон и желая укрепить свою корону, пришел убить нас! Вон, из-за того прекрасного раскидистого дерева появилась колесница

с широкоплечим воином, который несет в руках свою традиционную эмблему с изображением дерева ковидара (сноска 1, 387). Среди конницы некоторые весело скачут на своих быстрых конях, тогда как другие, громко смеясь, возвышаются на слонах. Давай возьмем свои луки, о воин, и поищем на горе прибежище, или же давай останемся здесь с оружием в руках, готовые сразиться. Несомненно, мы покорим в битве того, кто несет традиционную эмблему с изображением дерева ковидара. Увижу Бхарату и призову его к ответу за все беды, обрушившиеся на тебя, Ситу и меня, я заставлю его отвечать за твое изгнание из вечного царства. Поскольку Бхарата пришел как враг, о добродетельный царевич, он заслуживает смерти; я не вижу греха в таком убийстве, о Рагхава! Закон позволяет сразить того, кто нападет.

Бхарата – наш противник, мы можем покончить с ним, о Рагхава; с его смертью ты будешь править над всей вселенной! Сегодня несчастная Кайкеи, жаждавшая власти, увидит своего сына сраженным моими стрелами в бою, словно дерево, сломанное слонем! Я убью и Кайкеи вместе с ее подругой горбуньей и другими приспешниками. Сегодня я освобожу землю от величайшего порока! О гордый воин, сегодня в неистовой ярости, вызванной содеянной несправедливостью, я раскидаю вражеские отряды, как огонь истребляет валежник! Эти острые стрелы пронзят моих врагов, лес Читракута утонет в крови. Слоны и кони, растерзанные моими дротиками, станут пищей для диких зверей, так же как и люди, сраженные мною. Я непременно исполню свой долг, взяв свои лук и стрелы и убив Бхарату и всю его армию в этом великом лесу!

Глава 97

Рама успокаивает Лакшману

Рама принялся успокаивать Лакшмана, преисполнившегося гнева против Бхараты: (сноска 1, 388)

– Зачем братья за лук, стрелы и доспехи, если сюда пришел доблестный Бхарата? Дав отцу обет послушания, а потом убив Бхарату в сражении, какой толк мне от царства, на котором лежит пятно греха, о Лакшмана? Царство, добытое ценой убийства друзей и родных, принесет мне так же мало радости, как отравленная пища. Только ради тебя я желаю добродетели, законно обретенного богатства, счастья или даже самой земли, о Лакшмана, несомненно, это так! Только ради защиты и счастья моих братьев, о Лакшмана, я жажду трона и берусь за оружие в знак верности им! Земля эта, окруженная морем и недоступная для врага, не принадлежит мне, о друг! Я стану править ею незаконно, о Лакшмана! Если есть в этом какое счастье, которым я мог бы наслаждаться без Бхараты или без тебя и Шатругхны, о благородный царевич, пусть Агни испепелит его! Я думаю, что Бхарата, вернувшись в Айодхью, преисполнился любви к своим братьям; всегда верный долгу, он мне дороже собственной жизни! Услышав о моем изгнании, о том, что я облачен в шкуру антилопы, а волосы мои спутаны, о том, что ты и Джанаки сопровождаете меня, о самый доблестный среди воинов, в своей преданности мне, разбитый печалью, Бхарата пришел увидеть меня; нет иной причины в его приходе сюда.

С негодованием упрекнув свою мать Кайкеи, великодушный Бхарата в угоду отцу пришел отдать мне трон! Выбрав благоприятное время, Бхарата увидится с нами, у него и мысли не было причинить нам зло. Разве он обидел тебя когда-нибудь, что ты так испугался его сегодня? Несомненно, он не должен слышать ни одного резкого или неприятного слова из твоих уст; если ты оскорбишь его, этим ты оскорбишь меня! Может ли сын ударить отца, пусть даже негодя, или брат брата, который дорог как сама жизнь?

Конец второй книги АЙОДХЬЯ КАНДА

Книга III. Лесная

Аранья Канда

Глава 1

Мудрецы леса Дандака приветствуют Раму

Входя в лес Дандака, непобедимый и всегда уравновешенный Рама увидел стоявшие по кругу хижины аскетов, покрытые корой и травой куша. Они сияли духовным светом, нестерпимым для мирского глаза, как ослепительное полуденное солнце становится источником страданий для людей. Заботливо ухоженную обитель, прибежище всего живого, часто посещали дикие лани и птицы, она выглядела мирной и веселой благодаря танцующим небесным нимфам. Просторные хижины, близ которых горел священный огонь, были полны ковшей и других предметов поклонения: шкур, травы куша, дров, кувшинов, полных воды, фруктов и кореньев. Окруженная огромными священными деревьями, склонившимися под тяжестью спелых и сладких плодов, обитель эта была освящена постоянно совершаемыми жертвоприношениями и воздаяниями, оглашена звучанием ведических гимнов. Устланная ковром цветов всех видов и ароматов, украшенная прудами, поросшими распустившимися лотосами, эта обитель отшельников, поддерживающих себя фруктами и кореньями, облаченных в кору и шкуры черной антилопы, обуздавших чувства, на поминала солнце или огонь. Великие благочестивые мудрецы своими суровыми аскезами умножали ее трансцендентное сияние. Оглашенная чтением ведических гимнов и украшенная присутствием брахманов, постигши Веду, она напоминала обитель Брахмы. Увидев это святое место, знаменитый Рагхава, ослабил тетиву на своем луке и вступил на землю великих мудрецов. Наделенные безграничными духовными познаниями мудрецы, довольные, вышли ему навстречу. С радостью глядя на добродетельного юношу, подобного восходящей луне, вместе с Лакшманой и ослепительно прекрасной Ваидехи, аскеты суровых обетов приветствовали их. Жители лесов, они изумились красоте Рамы, его юности, величию, одежде. Не сводя глаз они взирали на Рагхаву, Лакшману и Ваидехи, словно на великое чудо. Благословенные мудрецы, доброжелатели всего живого, проводили Раму в хижину, покрытую листьями, и по традиции гостеприимно приняли его. Удачливые и благочестивые люди, сияющие, как огонь, принесли воду, чтобы он мог омыть руки и стопы. С великой радостью великодушные аскеты принимали Раму в своей обители. Цветы, фрукты и коренья – все, что было в святой обители, – они отдали в распоряжение великодушного героя. Аскеты, постигшие сокровенное, со сложенными ладонями обратились к Раме:

– О Рагхава, царь, защищающий права своих подданных и их жилища, достоин почета и уважения. С жезлом в руках он – гуру, наделенный четвертью славы Индры. Он вкушает высшие блага и почитаем всеми. Под твоим покровительством мы защищены, будь то столица или лес. Ты – государь, о повелитель мира! Отбросив всякое желание мести, обуздав гнев и чувства, ты защищаешь нас, чтобы мы жили в добродетели, словно мать, которая защищает своего ребенка, прижимая к груди. С этими словами они выразили почтение Раме, сопровождаемому Лакшманой, предложили ему фрукты, коренья, цветы, дары поля и леса. Другие аскеты, сияющие, как огонь и верные священным обетам, почитали Господа согласно традиции.

Глава 2

Демон Вирадха уносит Ситу

Близился рассвет. Рама в ответ на почтительные слова аскетов поклонился им и вместе с Лакшманой вошел в лес, изобилующий оленями и ланями, часто посещаемый диким зверем и свирепыми тиграми. Полусухие деревья, лианы и кустарник трещали у них под ногами, тропа была едва различимой, посверкивали пруды и озера. В этом дремучем лесу, полном зверей, не слышно было пения птиц, только верещали сверчки. (1.5) Вместе с Лакшманой и Ситой Рама пристально вглядывался в траву, изучая лесные тропы, когда перед ним предстал ревущий исполин, огромный, как гора. Громадный, отвратительный, с глубоко посаженными глазами, огромным ртом и выпяченным животом, одетый в тигровую шкуру, покрытый кровью, он вселял ужас в сердца всех обитателей леса. Он появился, словно сама смерть с развернутыми устами. Три льва, четыре тигра, два леопарда, четыре пятнистых оленя и голова огромного слона с бивнями, по которым стекал жир, свисали с его копыта. Увидев Раму, Лакшмана и Ситу, царевну Митхилы, он с яростью набросился на них, словно Время (2.5) в час уничтожения миров. Издав страшный рев, от которого земля задрожала, он схватил Ваидехи и понес ее прочь. На прощанье он бросил Рама:

– Ты и твой спутник носите косу и одеты в кору, но все же не растаетесь со своей супругой! Тебе пришел конец, лишь ты вошел в лес Дандака с луком, стрелами и мечом в руках! Вы аскеты, почему вы живете с женщиной? Отвратительные и злобные грешники, кто вы, запятнавшие имя святых мудрецов? Я – исполин Вирадха, здесь моя обитель, я брожу по непроходимому лесу с оружием в руках и питаюсь мясом аскетов. Эта прекрасная женщина будет моей женой, а ваша кровь утолит мою жажду, о негодяи! Дочь Джанаки, Сита, услышала жестокие и надменные речи злобного Вирадхи и преисполнилась страха, задрожав, как пальма, сотрясаемая ветром. Увидев любимую Ситу в руках Вирадхи, Рама побледнел. – О друг, взгляни, дочь Джанаки, моя целомудренная супруга, знаменитая царевна, выросшая в роскоши, оказалась в лапах Вирадхи! – воскликнул он, – О Лакшмана, увы! Сегодня сбылось желание Кайкейи! Этой коварной женщине мало было коронации сына, она заставила меня уйти в лес несмотря на любовь ко мне моих подданных. Теперь она, властвующая среди наших матерей, будет довольна! Это величайшее горе, что другой своими нечестивыми руками коснулся Ваидехи, это ужаснее смерти моего отца или потери царства, о Саумитри! От этих слов Какутстхи глаза Лакшманы наполнились слезами. Шипя, как раненная змея, он резко ответил:

– О Какутстха, о покровитель всего живого, равный самому Индре! Я – твой слуга, почему же ты сокрушаешься, словно некому тебя защитить? Мои острые стрелы разорвут исполина Вирадху! Он умрет, напоив землю своей кровью! Горечь, которую причинил мне Бхарата своей жаждой трона, я изолью на Вирадху, как Громовержец обрушивает молнии на горы! Своей сильной рукой я выпущу острую стрелу и разорву ему грудь! Пусть он лишится жизни и падет наземь!

Глава 3

Битва двух братьев с Вирадхой

Вирадха заговорил вновь, и весь лес заполнился звуком его голоса:

– Кто вы? Куда направляетесь, отвечайте! – Знай, мы два воина из рода Икшваку, – отвечал знаменитый Рама исполину, пылающему гневом. – Верные своим обетам, мы странствуем по лесу. Теперь скажи, кто ты, живущий в лесной чаще? Вирадха отвечал воистину могучему Рама:

– Слушай, и я поведаю тебе, о царевич из рода Рагху! Я – сын Джавы, мать моя Шаттархада. Среди исполинов мира я известен под именем Вирадхи. Удовлетворив своими аскезами Брахму, я обрел благословение и теперь неуязвим для любого оружия на земле. Голыми руками убить меня невозможно! Оставьте всякую надежду вернуть эту прекрасную женщину и сейчас же убирайтесь отсюда, и тогда я сохраню вам жизнь! Глаза Рамы покраснели от гнева, и он ответил тому отвратительному и злобному демону Вирадхе:

– Негодяй, подобный тебе, проклят самим своим греховным замыслом! Несомненно, ты обречен на смерть, которую встретишь в сражении! Остановись на мгновение, тебе не спастись! Натянув лук и быстро вложив в него две острых стрелы, Рама выстрелил в того демона, и затем, вновь натянув тугую тетиву, выпустил еще семь быстрых, как Гаруда и ветер, стрел с красивым оперением и золотыми наконечниками. Те могучие стрелы, украшенные павлиньими перьями, разорвали на куски Вирадху и, шипя, окровавленные вонзились в землю. От страшных ран Вирадха выпустил из рук Ваидехи и, размахивая копьем, с яростью бросился на Раму и Лакшману. Сжимая в руках копье, словно знамя Индры, разверзнув пасть и ревя, он был похож на саму смерть. Братья обрушили на Вирадху, который напоминал время, смерть или судьбу, шквал огненных стрел, но ужасный демон, расхохотавшись, остановился и, разверзнув пасть, отбросил все стрелы благодаря обретенному благословию. Переведя дыхание и еще крепче зажав копье, демон Вирадха снова бросился на двух потомков Рагху, и тогда Рама, самый искусный среди воинов, двумя стрелами разломал то копье, сиявшее, как молния, и напоминавшее огонь в небесах. Разбитое Рамой копье вонзилось в землю, словно скала, расколота молнией. В тот же миг, не расстегивая своих мечей, два воина напали на Вирадху, словно два черных змея, и стали бить его снова и снова. Несмотря на это их отвратительный противник без усталости осыпал их ударами кулаков,

Но стояли твердо. Тогда он попытался поднять их над землей, и Рама, разгадав его намерения, сказал Лакшмане:

– Пусть демон унесет нас, куда пожелает, о Саумитри! Позволь этому ночному бродяге нести нас, поскольку у нас с ним одна дорога! Тогда демон, гордясь своим могуществом, с силой поднял их и посадил к себе на плечи, словно двух юношей. С двумя потомками Рагху на плечах демон Вирадха, ночной бродяга, грозно ревя, большими шагами направился вглубь леса. Посреди того леса, поросшего разнообразными деревьями, полного поющих птиц, диких зверей, шакалов и змей, он напоминал огромное облако.

Глава 4

Рама и Лакшмана убивают демона Вирадху

Сита, видя, что демон унес двух братьев, славу династии Рагху, заломила руки и громко зарыдала. «Ужасного вида демон унес Раму, сын Дашаратхи, правдивого, добродетельного и бесхитростного, – думала она, – и мне остается только молиться зверям, тиграм и пантерам!» С такими мыслями она закричала:

– О сильный демон, я молю тебя, заведи меня, но отпусти тех потомков Рагху! Рама и Лакшмана услышали слова Ваидехи и, преисполненные доблести, приготовились убить злобного негодяя. Саумитри сломал левую руку грозного демона, а Рама – правую. Исполин, подобный груде облаков, с переломанными руками, на глазах теряя силы, неожиданно без сознания рухнул наземь, словно гора, срезанная ударом молнии. Братья стали бить демона кулаками и ногами, поднимать его и снова швырять оземь, но даже израненный многочисленными стрелами и ударами их мечей, демон не умирал. Понимая, что невозможно убить этого исполина, подобного горе, Рама, прибежище оказавшихся в беде, сказал Лакшмане:

– О тигр среди людей, благодаря совершенным аскезам демон этот непобедим в сражении никаким оружием, поэтому давай сбросим его в яму. О Лакшмана, вырой для того демона в лесу огромную яму, как для большого слона! Приказ этот доблестный Рама отдал, стоя на шее демона. Услышав его, демон смиренно обратился к потомку Рагху, туру среди людей:

– О лев среди героев, я умираю под ударами воина, силой равного Индре. В своем невежестве я не узнал тебя, о лев среди людей! Теперь я вижу, ты – благородный сын Кашьяпы. О дорогое дитя, ты – Рама, а это удачливая Ваидехи и знаменитый Лакшмана. Из-за проклятия я принял чудовищный облик исполина, но в действительности я гандхарва

Тимбуру, навлекший на себя гнев Куверы. Этот славный бог, сжалившись надо мной, сказал: «Когда Рама, сын Дашаратхи, победит тебя в сражении, ты, приняв свой изначальный облик, вернешься в небесное царство». Я не оказал ему должного почтения, и Господь Кувера в гнев обвинил меня в привязанности к нимфе Рамбхе. По твоей милости я освободился от этого ужасного проклятия и теперь могу вернуться в свою обитель. Слава тебе, о повергающий своих врагов! Дорогое дитя, неподалеку, приблизительно в четырех с половиной милях отсюда живет добродетельный Шарабханга, мой аскетичный, великий и могущественный риши, сияющий, как солнце. Не откладывая отправляйся туда, он даст тебе ценный совет! Сожги меня в яме, о Рама, и с миром продолжай свой путь! Убитые демоны согласно закону писаний должны гореть в яме! Сказав так Раме, мужественный Вирадха, пронзенный многими стрелами, покинул тело, удалившись на небеса (1.10). Тогда Рама велел Лакшмане:

– Вырой яму для этого демона, вершившего злодеяния, как для великого слона в лесу. Разговаривая с Лакшманой, Рама продолжал стоять на голове Вирадхи. Лакшмана, взяв в руки кирку, вырыл огромную яму и, издав устрашающий вопль, сбросил в нее тело демона, чьи уши напоминали раковины. Обнаружив, что они не в силах были справиться с великим исполином с помощью оружия, те два льва среди людей призвали всю свою изобретательность, чтобы положить конец Вирадхе и схоронить его в яме. Вирадха, лесной бродяга, мечтал принять смерть от руки Рамы и сам подсказал, как одержать над ним верх: «Меня не убить никаким оружием». Лишь только Рама услышал эти слова, к нему пришла мысль бросить его в яму. Могущественный демон летел в нее, крича на весь лес. Сбросив Вирадху в яму, Рама и Лакшмана избавились от всяких страхов и возликовали в лесу, словно солнце и луна на небосводе.

Глава 5

Встреча с мудрецом Шарабхангой и его восхождение на Брахмалоку

Сразив в лесу могущественного и ужасного Вирадху, доблестный Рама обнял Ситу и утешил ее. Обращаясь к блистательному Лакшмане, он сказал:

– Этот непроходимый лес очень опасен, и нам ни к чему здесь оставаться. Поэтому давай не откладывая поищем мудреца Шарабхангу. И Рагхава направил стопы свои к хижине Шарабханги. Приблизившись к тому мудрецу, очистившему душу суровым отречением, он узрел в небесах великое чудо. Рама увидел Индру в великолепных и чистейших одеждах, сиявшего, как солнце или огонь. Он возвышался на блистательной колеснице и был окружен многочисленными небожителями и возвышенными мудрецами, которые служили ему в его свите. Гнедые кони были запряжены в ту летающую колесницу, сияющую, как восходящее солнце, как полная луна в ясную ночь, напоминающую грудку белых облаков. Рама также увидел безукоризненный полог с великолепными гирляндами. Две женщины редкой красоты обмахивали бога чудесными опахалами из хвостов яка с бесценными золотыми ручками, а гандхарвы, великие риши и другие обитатели райских планет возвышенными песнопениями выражали ему почтение, пока он парил в небесах. Увидев Шатакрату, беседующего с мудрецом Шарабхангой, Рама обратил внимание Лакшманы на удивительное зрелище:

– О Лакшмана, ты видел эту великолепную колесницу, сияющую, как солнце в небе? Без сомнения, это небесные гнедые кони Индры, о котором мы слышали и который путешествует в просторах космоса, его всегда призывают во время жертвоприношений. Сотни юных воины в серьгах с мечами в руках стоят вокруг него в небе, широкоплечие и силенорукие, облаченные в прекрасный пурпур, они напоминают свирепых тигров. На груди поблескивают нити жемчуга. Те львы среди людей прекрасные лицом, выглядят не старше двадцати пяти лет. Обычно, это возраст богов, о Саумитри. Остановись на мгновение, о Лакшмана, я хочу понять, кто этот великий герой в колеснице. С этими словами Какутстха

направился к хижине Шарабханги. Увидев приближающегося Раму, Индра, муж Шачи, отпустил мудреца и сказал богам:

– Рама идет сюда, я возвращаюсь в свою обитель, пока он не обратился ко мне! Он позже увидит меня! Когда он вернется, победив Равану и достигнув своих целей, я предстану перед ним. Он совершит великий подвиг, ни для кого более невозможный. Выразив почтение аскету, громовержец, повергающий своих врагов. Смирненно удалился на небеса на своей колеснице, запряженной конями. Когда тысячеглазый бог исчез, Рагхава вновь встретился со своей супругой и братом и все вместе они отправились к Шарабханге, который сидел перед священным огнем. Обняв его святые стопы, Рама, Сита и Лакшмана с позволения мудреца сели на предложенное место, и Рама спросил о посещении Индры. Шарабханга отвечал:

– О Рама, этот великодушный бог желал проводить меня на Брахмалоку, обитель, которой я удостоился благодаря моим аскезам и недоступной для тех, кто не владеет собой. Увидев тебя, о лучший из людей, у меня исчезло желание идти на Брахмалоку не увидев тебя, моего дорогого гостя. О лев среди людей, о добродетельный и великодушный царевич, после встречи с тобой я отправлюсь на низшие райские планеты, а потом на высшие. Прими миры несравненной красоты, завоеванные мною, мою по праву высшую обитель Брахмы, о лев среди людей! Рагхава, лев среди людей, сведущий в шастрах, отвечал риши Шарабханге:

– Я тоже завоевал те миры, о великий аскет, но верный своему обету я остаюсь в лесу. Дальновидный Шарабханга вновь обратился к Рагхаве, могуществом не уступающий Индре:

– О Рама, знаменитый и добродетельный Сутикшна живет в здешнем лесу. Этот святой поведает, что тебе лучше делать. Иди вдоль реки Мандакини, берега которой поросли ковром из цветов, и ты достигнешь его святой обители. Эта дорога ведет туда, о тигр среди людей, но останься со мной еще хоть на мгновение, пока я не оставлю это тело подобно змее, которая сбрасывает старую шкуру. Разведя огонь и вылив в него очищенное топленое масло, Шарабханга, мудрец великих заслуг, вошел в огонь, повторяя священные мантры. Волосы великодушного мудреца вспыхнули вместе с его сморщенной кожей, костями, плотью и кровью, и он явился из погребального костра, словно огонь, в юном и сияющем облике. Покидая обитель, где возвышенные мудрецы разводят жертвенные огни, которые посещают боги, он вознесся на Брахмалоку. Этот знаменитый риши увидел Праотца мира, окруженного свитой, который, взглянув на мудреца, приветствовал его.

Глава 6

Мудрецы ищут покровительства Рамы

Шарабханга удалился на небеса, а перед Рамой, сияющем потомком Какутстхи, предстали аскеты. Среди них были те, кто появились из ногтей и волос Брахмы, а также из воды, которой омывали его стопы. Одни из них жили, поддерживая себя лунным светом, а другие – молотым зерном. Одни совершали аскезы, стоя в воде, а другие спали на голой земле. Среди них были те, кто весь год жили на открытом воздухе или питались только водой и ветром, те, кто никогда не искали тени или подолгу постились, те, кто непрерывно молились или подвергали себя вечной епитимье. Одни из них жили на вершинах гор, а другие – разведя вокруг себя пять костров (1.13) и обуздывая чувства. Все мудрецы, твердые в йоге, обладающие могуществом Брахмы, собрались у хижины Шарабханги, ища встречи с Рамой. Добродетельные спутники великого риши обратились к потомку Рагху, воплощению блага, постигшему свой высший долг:

– О Господь рода Икшваку и всего мира, воин на великой колеснице, ты – наш защитник и глава, как Индра для богов. Ты знаменит на все три мира своей доблестью и славой! Ты – воплощение сыновней преданности, справедливости и веры. О постигший добродетель, прости, что мы осмелились обратиться к тебе с мольбой. Царь не должен

брать одну шестую доходов своих подданных, если он не защищает их, как родных сыновей. Если же он будет охранять жителей своего царства, как собственную жизнь или как жизнь своих потомков, которым он целиком предан, то он достигнет высокого положения в обители Брахмы. Высшее счастье для аскетов, которые живут корнями и фруктами не стоит и четверти благ, обретаемых монархом, который правит своей страной согласно закону писаний. Стань защитником тех многочисленных брахманов, которые живут в лесу безо всякого покровительства, и спаси их от жестоких преследований демонов. Пойди взгляни на тела тысяч и тысяч чистосердечных аскетов, убитых ими в лесу. Они устроили великое истребление людей, живших на озере Пампа, близ реки Мандакини, а также на Читракутте. Мы не в силах более терпеть ужасное положение мудрецов, страдающих от жестокости исполинов, и потому пришли искать у тебя прибежища. Защити нас, о Рама, от тех ночных бродяг, жаждущих нашей гибели. У нас нет иного прибежища на земле, кроме тебя, о доблестный царевич! Спаси нас от демонов! Выслушав мудрецов, богатых суровыми аскезами, добродетельный Какутстха отвечал:

– Вам нет нужды молить меня об этом: разве я не слуга мудрецов? Я пришел в лес только чтобы исполнить свой долг. Я здесь, чтобы освободить вас от гнета демонов и исполнить волю своего отца. Только ради вас и вашего счастья я пришел сюда по своей доброй воле. Мое пребывание в лесу должно принести вам благо. Я убью всех исполинов, врагов аскетов. Пусть мудрецы узрят мое могущество в сражении, так же как и безграничную силу моего брата, о риши! Уступив мольбам аскетов, тот герой, верный своему долгу и сопровождаемый Лакшманой, вместе с мудрецами, преисполненными почтения, направился к обители Сутикшны.

Глава 7 Встреча Рама и Сутикшны

Рама, победитель врагов, вместе с братом, Ситой и мудрецами шел все дальше и дальше, с каждым шагом приближаясь к хижине Сутикшны. Переправившись через глубокие реки, он увидел прекрасную гору, высокую, как гора Меру. Потомки Рагху вместе с Ситой продолжали свой путь через леса, полные удивительных деревьев, все больше углубляясь в самую чащу. Наконец, Рама увидел уединенную обитель, окруженную цветущими деревьями, украшенную гирляндами и корой, и мудреца Сутикшну, источник аскетизма. Волосы его были спутаны, он был покрыт пылью и сидел в позе лотоса, скрестив ноги. – О благословенный, – заговорил царевич, – я – Рама, который пришел сюда увидеть тебя. Будь милостив, о добродетельный и знаменитый риши, олицетворение святости, поговори со мной! Увидев перед собой Рамачандру, мудрец, лучший среди аскетов, взял его за плечи и сказал:

– Приветствую тебя, о потомок Рагху, о Рама, покровитель добродетельных людей. Отныне хижина, которой коснулись твои стопы, защищена. Я ждал тебя, о знаменитый герой, и по этой причине не ушел в обитель богов, оставив на земле свое тело. Я слышал, что ты, изгнанный из своего царства, жил на Читракутте, о Какутстха! Глава богов Индра посетил меня и дал мне знать, что своей добродетелью я завоевал все миры. Все благословения, обретенные божественными мудрецами ценой аскез, я приношу к твоим стопам. Насладись ими вместе со своей супругой и Лакшманой! Рама, властелин чувств, отвечал тому великому и знаменитому мудрецу суровых обетов и благочестивых речей, словно Индра, зывающий к Брахме:

– О знаменитый мудрец, я сам завоевал все миры, но во исполнение воли отца я предпочел жить в великом лесу. «Ты обладаешь всем, но заботишься о благе всего живого» – так сказал мне аскетичный Шарабханга, мудрец великой души. – Поживи в этой хижине, – предложил великий риши, славный на весь мир, – любимой мудрецами, где они собирают корни и фрукты в любое время года, где бродят стада чудесных оленей, чаруя

сердце своей красотой. Ничто здесь не сулит беды, кроме мирных ланей. Старший брат Лакшманы подняв свой лук и стрелы и отвечал великому риши:

– О благословенный, что может быть хуже, если я своим луком и острыми блестящими стрелами убью тех ланей, что приходят сюда, и тем самым причиню тебе боль! Лучше мне продолжать свой путь! С этими словами Рама замолчал, чтобы сотворить вечерние молитвы. Потом вместе с Ситой и Лакшманой он приготовился провести ночь в живописной хижине Сутикшны. Прошел вечер и наступила ночь. Великодушный Сутикшна из почтения к тем львам среди людей сам подал им молотое зерно, традиционную пищу аскетов.

Глава 8 Рама покидает Сутикшну

Проведя ночь в обители Сутикшны, Рама на рассвете поднялся и вместе с Саумитри и Ситой омылся в холодных водах, благоухающих ароматом лотосов. В должный час, совершая поклонение Агни и бога в том лесу, полном отшельников, Рама, Лакшмана и дочь Видехи, наблюдали восход солнца, а потом вежливо обратились к Сутикшне:

– О господин, ты гостеприимно принял нас и оказал все знаки почтения, и теперь мы просим у тебя позволения отправиться дальше, поскольку аскеты, сопровождающие нас, торопят нас. Мы хотим посетить всех отшельников, совершающих аскезы и молящихся в лесу Дандака. Поэтому мы вместе с теми мудрецами, верными своим обетам, очистившись в аскезах и подобными ясному пламени, просим позволения проститься с тобой. Мы хотели бы отправиться прежде чем солнце станет нещадно жечь землю, словно бунтарь, незаконно добивающийся царской власти! С этими словами Рагхава, Саумитри и Сита поклонились в ноги тому мудрецу. Лучший среди аскетов поднял двух героев и с любовью прижал к сердцу. – Иди с миром, о Рама, вместе с Саумитри и Ситой, следующей за тобой, подобно тени. Посети чудесные уединенные места леса Дандака, где обитают отшельники, святые отрешенные души. Ты увидишь леса, изобилующие фруктами, кореньями и цветами, великолепными стадами оленей, стаями ручных птиц, зарослями распускающихся лотосов, спокойными озерами, полными водяных птиц, прекрасными горными ключами и величественными водопадами, которые бегут с холмов, украшенных чарующими пещерами, в которых эхом звучат крики павлинов. Иди, о дитя, и ты, о сын Сумитры! Увидев дивные места, возвращайтесь в эту обитель! – Да будет так! – отвечали Какутстха и Лакшмана и, обойдя вокруг мудреца, приготовились в путь. Большеглазая Сита вручила братьям их превосходные колчаны, луки и сверкающие мечи, и потомки Рагху несравненной красоты, закрепив за спиной свои колчаны, поправив луки и мечи, вместе с Ситой простились с великими мудрецами и быстро зашагали вглубь леса.

Глава 9 Сита умоляет Раму не сражаться с великанами

Как только господин Ситы, радость династии Рагху, с позволения Сутикшны продолжил свой путь, Сита нежно обратилась к нему:

– Незаметно даже самый великий и благородный человек может нарушить религиозный закон, но всегда возможно избежать зла, порожденного желанием. Есть три слабости, порожденные желанием, и первая из них – ложь, но две другие еще греховнее, это общение с чужой женой и беспричинное насилие. О Рагхава, ты никогда не лгал и не сделаешь этого! О правитель людей, никогда даже в мыслях ты не мечтал о чужой жене. Этот грех, лишаящий добродетели, неведом тебе, о сын царя! Ты думаешь только о своей супруге! Ты праведен, смиренен и верен воле своего отца. Ты утвердился в справедливости и честности. Это возможно лишь для того, кто обуздал чувства, о длиннорукий воин, а ты целиком владеешь собой, о прекрасный царевич! Но сейчас в тебе проявился третий грех, ко-

гда в силу невежества человек без причины причиняет зло другому! О доблестный царевич, ты, защитник отшельников леса Дандака, пообещал им нещадно расправиться с демонами, и с этой целью, вооружившись луком и стрелами вместе со своим братом отправился в тот лес. Видя это, сердце мое полно дурных предчувствий, и я думаю о том, что принесет тебе благо как в этом мире, так и в следующем. Твой поход в лес Дандака не нравится мне, о герой, и я скажу тебе, почему. Оказавшись в том лесу вместе с братом, вооруженные луками и стрелами ты, возможно, увидел великанов, потеряешь свои стрелы! Как сухой хворост увеличивает неистовый огонь, так и обладание луком умножает силу воина! В прежние времена, о длиннорукий царевич, в священном лесу, любимом ланьями и птицами, жил преданный и добродетельный аскет. Желая помешать его аскезам, Индра, муж Шачи, в облике воина с мечом в руках пришел к его обители. Он попросил мудреца, занятого благочестивой деятельностью, присмотреть за его превосходным мечом. Аскет хранил его в своей хижине. Сознывая тяжесть бремени, возложенного на него, он бродил по лесу, не расставаясь с мечом, порученным ему. Чтобы сохранить его, аскет не отваживался идти куда-нибудь без того меча, даже за фруктами или кореньями. Постоянно нося с собой оружие и забыв о своих аскезах, он постепенно проникся воинственным духом. Глупый отшельник с мечом в руках стал наслаждаться, творя насилие, и, утратив трезвость ума, сбился с пути и попал в ад. Вот к чему привело ношение оружия! Соприкосновение согнет меняет кусок дерева, и оружие меняет умонастроение того, кто его носит. Из любви и уважения к тебе я хочу обратить на это твое внимание. Я не смею наставлять тебя. Я прошу тебя, вооруженного луком и стрелами, отказаться от мысли без нужды убивать великанов в лесу Дандака. О воин! Мир косо смотрит на того, кто убивает невинных. Воин должен защищать предавшиеся души, подвергшиеся опасности. Жизнь в лесу и ношение оружия, война и аскетизм противоречат друг другу, давай поэтому следовать мирной морали. Воинственные мысли, питаемые стремлением к выгоде, порождены оружием в руках. Вернувшись в Айодхью, ты снова будешь исполнять обязанности воина. Радость моей матери и свекра будет полной, если, отрекшись от царства, ты будешь жить как аскет. Это счастье приходит к тому, кто исполняет свой долг. Он завоевывает мир, потому что исполнение долга – это суть его бытия. Святые достигают блаженства, полностью отрекшись от себя. Наслаждение не приносит счастья! О друг мой, с чистым сердцем исполни свой долг в уединении; ты постиг природу трех миров. Лишь из женской слабости я говорю тебе эти слова, иначе кто осмелится наставлять тебя в исполнении долга? Подумай над моими словами, и не медля поступи, как считаешь нужным!

Глава 10

Рама напоминает Сите о своем обещании аскетам

Выслушав речи Ваидехи, вызванные супружеской нежностью, Рама вдохновенно отвечал дочери Джанаки:

– О благородная женщина, из любви ты пытаешь наставить меня в исполнении долга кшатрия. Что мне ответить тебе, о царевна? Ты сама говоришь: «Воины носят свои луки, чтобы слово «угнетение» вовсе не звучало на земле». О Сита, я пришел сюда ишь ради аскетов суровых епитимий, подвергшихся опасности в лесу Дандака и ищущих моей защиты. Все время живя в лесу, питаюсь фруктами и кореньями, они тем не менее не ведают мира и покоя из-за великанов, о робкая женщина! Ужасные демоны, питающиеся плотью, пожирают тех отшельников леса Дандака. «Помоги нам!» – взывали возвышенные дваждырожденные, и когда я услышал слова, срывавшиеся с их уст, я дал им слово и сказал: «Ничего не бойтесь!» Я испытал великую боль, когда увидел их припавшими к моим стопам, потому что это я должен склоняться к их святым стопам! «Чего вы хотите от меня?» – спросил я собравшихся брахманов, и они отвечали: «В лесу Дандака бесчисленные демоны, принимая различные облики, жестоко преследуют нас. О Рама, защити нас! Наступает время жертвоприношения Хома, в небе стоит полная луна, о безукоризненный царевич»

вич! Ты единственное прибежище всех святых и аскетов, мучимых великанами и ищущих твоей защиты. Силой наших аскез нам не трудно справиться с теми ночными бродягами, но мы не хотим ради этого растрачивать плоды многолетних аскез. Продолжительные епитимьи имеют множество препятствий, они чрезвычайно тяжелы, о Рама! Поэтому мы воздерживаемся проклинать тех демонов, хотя они преследуют нас. Измученные великанами, заполонившими лес Дандака, мы умоляем тебя и твоего брата защитить нас. Ты – наша единственная поддержка!» Услышав такие мольбы, я пообещал защитить мудрецов леса Дандака, о дочь Джанаки! Поэтому пока я жив, я не могу нарушить данного обещания. Я могу расстаться с жизнью, или я могу потерять тебя, о Сита, так же как и Лакшману, но я не могу нарушить слово, данное брахманам. Даже если бы я ничего им не пообещал, о Ваидехи, я должен защитить мудрецов, о Ваидехи, насколько у меня хватит сил! Я доволен тобой, о Сита, потому что тот, кто не любит, не дает советов. Слова твои достойны тебя, о прекрасная. Идя по пути долга, ты становишься мне все дороже. Ты мне дороже собственной жизни. Сказав так Сите, дочери царя Митхилы, великодушный Рама с луком в руках продолжал свой путь по пустынной лесной чаще вместе с Лакшманой.

Глава 11

Рама посещает различные обитатели и слушает Агастью

Рама шел впереди, за ним следовала Сита, а замыкал Лакшмана с луком в руках. Они шли все дальше и дальше, любуясь множеством холмов и растений, лесами и живописными реками с их дикими гусями и журавлями, облюбовавшими их берега, прудами, поросшими лотосами, изобилующими водоплавающими птицами, стадами оленей, рогатых буйволов, медведей и слонов, крушащих деревья. Преодолев немалый путь, они наблюдали закат солнца и наслаждались красотой чудесного озера около четырех миль в длину, устланного лотосами и водяными лилиями, берега которого украшали дикие слоны, гуси, лебеди и чирки. От этого спокойного озера раздавалось пение и звуки музыкальных инструментов, но кругом не было ни души. Очарованные Рама и Лакшмана стали расспрашивать мудреца Дхармабхрита:

– О великий аскет, музыка, которая доносится до нас, глубоко волнует сердце! Что это? Будь добр, поведай нам! Великодушный мудрец стал рассказывать историю волшебного озера, созданного силой аскез мудреца Мандаркини. Великий мудрец совершал суровую аскезу, лежа в воде тысячи лет и питаясь одним лишь воздухом! Боги во главе с Агни пришли в волнение и, собравшись вместе, решили: «Этот мудрец посягает на наше положение!» Сердца их были полны дурных предчувствий. Чтобы лишить мудреца плодов всех его аскез, они послали пять необычайной красоты небесных нимф, сияющих, как молния. И хотя мудрец постиг суть добра и зла, очарованный нимфами, он пал, сраженный богом любви. Пять нимф стали женами мудреца, который создал для них в озере тайную обитель. Там они счастливо жили, даруя радость аскету, благодаря отречению обретшему вторую молодость. Они проводят часы свои в развлечениях и потому здесь звучит чарующая музыка, которая сливается со звоном их украшений. Такой удивительный рассказ поведал мудрец чистой души. Продолжая беседовать на эту тему, знаменитый Рама и его брат посещали хижины отшельников, покрытые травой куша и корой и сиявшие трансцендентным светом благодаря святым, обитавшим там. Вместе с Ваидехи и Лакшманой, потомком Рагху, Какутстха, минуя молчаливые деревья, вошел в благословенный круг тех львов среди людей. Великие риши с радостью и почтением встречали великого воина, который проводил с аскетами иногда десять месяцев, иногда год, четыре месяца, пять или шесть, иногда много месяцев, а иногда один или только половину, иногда три месяца, а иногда восемь. В таких невинных играх Рама провел десять лет. Посетив всех отшельников, Рама вернулся в обитель Сутикшны и, радушно и почтительно принятый мудрецами, тот покоритель врагов на время остался с ними. Однажды, сидя у стоп Сутикшны, Рама смиренно обратился к нему:

– О благословенный, я слышал, что Агастья, величайший среди мудрецов, живет в этом лесу, но он так огромен, что я до сих пор не знаю, где находится его обитель. Не скажешь ли ты, где хижина того дальновидного риши? По твоей милости я, мой младший брат и Сита обретем возможность выразить почтение великому Агастье. Довольный вопросом Сутикшна отвечал сыну Дашаратхи:

– Я сам собирался сказать тебе и Лакшмане: «Вместе с Ситой разыщите Агастью». А теперь ты заговорил об этом, и это очень хорошо. Я поведаю тебе, о Рама, где живет великий аскет Агастья. Дитя мое, в четырех милях к югу отсюда ты найдешь обитель брата Агастья, которая стоит на плодородных землях, поросших чудесными инжирными рощами, изобилующей фруктами и цветами, радующей сердце пением многочисленных птиц. Прозрачные озера, покрытые ковром лотосов и любимые лебедями, утками и гусями увеличивают красоту тех мест. Проведя там ночь, на рассвете ступай через просеку к югу и ты выйдешь к обители Агастья, которая находится в четырех милях оттуда в красивом месте, поросшем удивительными деревьями. Этот лесной уголок очарует Ваидехи, так же как Лакшмана и тебя, тонущий в тени густых деревьев, он вызывает невольный восторг. Если ты хочешь посетить великого аскета Агастью, отправляйся сегодня же, о царевич безграничной мудрости. Рама, Лакшмана и Сита поклонились Сутикшне и пустились на поиски Агастья. Наслаждаясь красотой восхитительных лесов и холмов, напоминавших груды облаков, чистотой озер и рек, встречавшихся на пути, Рама легко преодолел путь, описанный мудрецом Сутикшной. Преисполненный радости великодушный царевич сказал Лакшмане:

– Несомненно, перед нами обитель знаменитого брата Агастья, мудреца благословенной судьбы! Посмотри, тысячи деревьев, клонящихся под тяжестью плодов и цветов, украшают эту землю, резкий аромат спелого инжира стоит в воздухе. Здесь и там лежат кучки хвороста и травы куша лазурного цвета. Взгляни, вот и столб дыма, словно перо темного облака, поднимается над лесом от огня, только что разведенного в хижине. Закончив положенные омовения в священных прудах, дваждырожденные предлагают Господу собранные цветы. Сбылись слова Сутикшны, о друг мой. Несомненно, это обитель брата Агастья. Желая служить миру силой своих аскез этот великий мудрец превзошел смерть и сделал пригодной для жилья южную часть света. Прежде здесь жили жестокие демоны Ватапи и Илвала, два великих асура, задумавшие истребить всех брахманов. Приняв облик мудреца и говоря на санскрите, безжалостный Илвала пригласил аскетов на пир, посвященный церемонии шраддхи. Брат его принял облик барана, и Илвала приготовил из него традиционное ритуальное блюдо, которым накормил приглашенных брахманов. Лишь только они поели, Илвала громко крикнул: «О Ватапи, изыди!» Послушный его воле Ватапи с бараньим бляеньем разорвал тела аскетов и предстал перед Илвалой. Таким образом эти людоеды, по желанию меняя свой облик и прибегая к обману, извели тысячи брахманов. по просьбе богов великий риши Агастья пришел в этот лес и проглотил великого асура, принявшего облик барана. Довольный Илвала сказал: «Очень хорошо», и, предложив гостю воду омыть руки, крикнул: «Изыди, о Ватапи!» Губитель аскетов продолжал звать, пока Агастья, величайший мудрец, ни разразился смехом. «Как это демон может выйти, если я проглотил его? – сказал он. – Твой брат в форме барана отправился в обитель Ямараджа. Услышав, что брат его мертв, демон в гневе набросился на аскета, того Индру среди дваждырожденных, но мудрец, сияя духовным могуществом, одним взглядом проглотил его, и Илвала погиб. Обитель эта с ее прекрасными озерами и рощами принадлежит брату мудреца, который из сострадания к аскетам совершил великий подвиг. Пока Рама беседовал с Лакшманой, солнце село за гору и спустилась ночь. Сотворив вечерние молитвы, он вошел в хижину и поклонился мудрецу. Благословенный аскет тепло встретил гостя, и Рама провел у него ночь, отведав предложенных фруктов и кореньев, а наутро покинул хижину, и лишь только огненный солнечный шар осветил небосвод, он выразил почтение брату Агастья и сказал:

– О мудрец, я приветствую тебя и благодарю за мирную ночь, которую провел в твоей обители. Теперь я отправляюсь искать твое старшего брата, которого почитаю своим духовным наставником. – Да будет так! – отвечал мудрец, и потомок Рагху вступил на дорогу, с каждым шагом отдаляясь от его хижины и наслаждаясь красотой, запахами и звуками леса, богатого цветущими деревьями нирвара, панаса, шала, ванджула, тинуша, ширибилва, мандука, билва и тиндука, обвитыми такими же цветущими лианами. Среди деревьев, поваленных и разломанных слонами, играли обезьяны, воздух был полон пения тысяч разноголосых птиц. Лотосокий Рама сказал доблестному и героическому Лакшмане, следовавшему за ним:

– Судя по гладкой листве деревьев и ручным ланям и птицам, мы несомненно приближаемся к обители великого и чистосердечного риши добродетельных деяний. Эта обитель, уносящая усталость, принадлежит Агастья, известного среди людей своей добродетелью. Взгляни на рощи, благоухающие редкими ароматами, одежды из древесной коры и гирлянды повсюду на деревьях, посмотри на стада ручных ланей, покрытые листьями ветви, облюбованные бесчисленными птицами! Своим могуществом превзойдя Смерть ради блага целого мира он создал на юге эту неприкосновенную обитель, которой сторонятся демоны в страхе пасть поверженными. С того дня, как добродетельный аскет поселился в здешних местах, демоны не творят более своих гнусных и жестоких дел. Эти счастливые южные земли, славящиеся на все три мира, связаны с именем благословенного мудреца. Злобные созданыя более не тревожат здесь никого. Гора Виндхя, лучшая среди гор, грозившая закрыть солнце, остановила свой рост, покорившись воле Агастья. Эта чарующая обитель, часто посещаемая оленями, принадлежит тому долгожителю великих достижений. Добродетельный Агастья, почитаемый людьми, желающий блага всему живому, окажет нам достойный прием. Я жажду выразить почтение великому аскету и провести с ним оставшийся срок моего лесного изгнания, о мягкосердечный! Боги, гандхарвы, сиддхи и великие мудрецы, воздерживающиеся от пищи, постоянно выражают почтение мудрецу Агастья, но дерзкие, жестокие, злобные и развращенные люди не могут и мгновенья быть близ этого великого аскета. Однако бессмертные, якши и божественные змеи, великие риши, посвятившие себя добродетели, живут здесь и, утвердившись в святости, покидают старые, изношенные тела, чтобы принять новые юные и уйти на небеса в подобной солнцу колеснице. Боги исполняют здесь все желания добродетельных аскетов, даруют им бессмертие, божественное могущество и величие. Теперь и мы достигли этой обители, о Саумитри, вступи же в нее и оповести риши о нашем с Ситой приходе.

Глава 12

Агастья принимает Раму в своей хижине

Лакшмана, младший брат Рагхавы, вошел в обитель мудреца и, увидев ученика Агастья, сказал:

– Старший сын царя Дашаратхи, знаменитый Рама посетил вас вместе со своей супругой Ситой, чтобы выразить почтение мудрецу. Я – его младший брат, послушный и преданный ему, его смиренный слуга. Может быть, ты слышал о нас? Мы удалились в этот опасный лес по воле нашего царственного отца. Все трое мы желаем увидеть благословенного аскета, и потому будь добр, дай ему знать о нашем приходе. – Да будет так! – отвечал ученик, выслушав Лакшману, и пошел к священному огню оповестить Агастью. Со сложенными ладонями приблизился он к великому мунни, силой аскезы ставшему непобедимым, сообщил новость о появлении Рамы. Повторяя слова Лакшманы, любимый ученик Агастья сказал:

– Два сына царя Дашаратхи. Рама и Лакшмана, посетили нашу обитель вместе с Ситой. Те два воина, повергающие врагов, пришли увидеть тебя и отдать дань почтения. Будь милостив, наставь, что теперь я должен делать! Услышав о приходе Рамы, Лакшманы и Ситы, Агастья отвечал:

– Какое счастье, что спустя столько времени Рама наконец пришел увидеть меня! Это было желание моего сердца – увидеть великого царевича. Пригласи Раму и прим их его вместе с супругой и Лакшманой, которые его сопровождают. Приведи их ко мне, почему до сих пор ты еще этого не сделал? Постигший духовные традиции ученик, сложив ладони, поклонился могущественному мунни и сказал:

– Да будет так! Покинув хижину, он подошел к Лакшмане. – Кто из вас Рама? – спросил он. – Пусть он приблизится к мудрецу! Лакшмана, ожидавший у входа в обитель, указал ему на Раму и Ситу, дочь Джанаки, и ученик смиренно передал послание риши Агастьи и повел Раму к нему. Рама вместе с Ситой и Лакшманой вступили в огороженную обитель, полную ручных ланей, и увидели алтари Брахмы и Агни, а также священные алтари Вишну, Махендры, Вивасваты, Сомы, Бхаги, Куверы, Дхатары и Видхатары, Ваю, Ямы, великодушного Варуны, Гаятри, Васу, Нагов, Гаруды, Карттикеи и Дхармы. Следуя за учеником, он увидел алтари богов, а затем вдруг и самого великого мудреца, который сидел в кругу аскетов, сияя духовным светом. Доблестный Рама сказал Лакшмане с возрастающей радостью:

– О Лакшмана, взгляни на благословенного аскета Агастью, покинувшего жертвенный огонь! Я горд склониться перед этим сокровищем отречения! Приблизившись к Агастье, сиявшему, как огонь, Рама, радость династии Рагху, припал к его стопам, выражая почтение. Поднявшись, добродетельный Рама встал пред ним со сложенными ладонями вместе дочерью Видехи и Суамитри. Святой обнял Какутстху и почтительно встретил его, предложив воду и место отдыха, справившись о благополучии и оказав все знаки гостеприимства согласно лесным обычаям. Вылив топленое масло в огонь и предложив гостям аргхью, аскет покормил их и, сложив ладони, предложил Раме, верному долгу, сесть рядом. – О царевич, – сказал он, – негостеприимный аскет в следующем мире будет питаться собственной плотью, как и лжесвидетели. О Господь Вселенной, преданный долгу, воин на великой колеснице, достойный всякого почета и уважения, наконец-то ты пришел и стал моим дорогим гостем! С этими словами мудрец Агастья, символ почтения, предложил Раме фрукты, коренья, цветы, воду и другие плоды изобилия и сказал:

– У нас хранится божественный и могущественный лук, инкрустированный золотом и алмазами, который принадлежит Вишну. О тигр среди людей, это творение Вишвакармы. У нас есть также превосходная стрела Брахмадатта, непогрешимая и напоминающая солнце, которую дал мне Махендра, два неистошимых колчана, всегда полные острых стрел, пылающих, как факелы, и меч, украшенный золотом в могучих серебряных ножнах. Этим луком, О Рама, Вишну убил великого асура в сражении и вернул небожителям былую славу. Прими этот лук, два колчана, стрелу и меч, сулящий победу, о гордый воин, и носи их, как Врадждхара – молнию. Так сказал знаменитый и удачливый Агастья, передавая Раме могущественное оружие Вишну, и потом вновь обратился к нему.

Глава 13

По совету Агастьи Рама отправляется в Панчавати

– О Рама, пусть счастье сопутствует тебе! О Лакшмана, я очень доволен, что вместе с Ситой вы пришли сюда выразить мне почтение. Несомненно, долгое путешествие утомило вас, так же как и Маитхили, я вижу, как она вздыхает. Эта юная дева, непривыкшая к испытаниям, из любви к своему господину последовала за ним в лес, хотя путь ваш труден. Поэтому, о Рама, доставь ей удовольствие. С незапамятных времен, о радостью дома Рагху, природа женщины – не покидать мужчину в процветании и отвергать его в нищете. Мысль женщины быстра, как молния, а слово остро, как меч, ее настроения подобны полету коршуна. Таковы женщины! Но твоя супруга свободна от таких грехов, достойна славы и безгранично предана своему господину. Среди богов она известна как вторая Арундхати. Услышь о землях, достойных того, что ты, Саумитри и эта царевна посетили

их, о повергающий врагов. Рагхава, со сложенными ладонями стоя перед мудрецом, сияющим, как огонь, смиренно спросил:

– Я благословен, поскольку лучший среди аскетов доволен мной, а также моим братом и супругой, которые сопровождают меня. Укажи мне место, изобилующее деревьями и богатое водой, где мы могли бы жить в мире и счастье. Возвышенный и великодушный мудрец, задумавшись на мгновение, рассудительно отвечал:

– Дорогой сын, в восьми милях отсюда лежит Панчавати. Это место изобилует кореньями, фруктами и водой, там много оленей. Иди туда и вместе с Лакшманой поставь там хижину. Живи там счастливо, исполняя заветы своего отца. О безгрешный, благодаря аскезам и из любви к вам я знаю всю твою историю, так же как и судьбу, постигшую царя Дашаратхи. Хотя ты решил остаться со мной в этом уединении, аскезы мои открыли мне истинное желание твоего сердца. Поэтому я снова говорю тебе: «Разыщи Панчавати!» Эти чудесные лесистые места порадуют Маитхили. Достойное всяческих похвал, оно недалеко отсюда, о Рагхава, близ реки Годавери. Сита будет счастлива там. Изобилующее кореньями, фруктами и всеми видами птиц, оно находится в стороне, о длиннорукий герой, и так прекрасно, радостно и сокровенно! Избравший путь праведности, всегда защищающий страждущих, ты будешь жить там, о Рама, покровительствуя аскетам. К северу от лесов Мандука, которые ты видишь отсюда, о герой, ты найдешь инжирную рощу. Перейди горную гряду неподалеку, и ты окажешься в знаменитой Панчавати с ее цветущими лесами. Вняв мудрому совету, Рама, Сита и Лакшмана покинули знаменитого аскета. Обойдя вокруг него, они поклонились его стопам и с его позволения отправились в девственные леса Панчавати.

Глава 14

Джатаю рассказывает Рама свою родословную

Лишь только потомки Рагху достигли Панчавати, они увидели там огромного и могущественного коршуна. Глядя на эту птицу, сидевшую на дереве, два знаменитый царевича, Рама и Лакшмана приняли ее за демона в облике коршуна и спросили:

– Кто ты? – Дорогое дитя, – ласково отвечал коршун, – знай, я друг твоего отца! Рама почтительно поклонился и спросил, каково его имя и происхождение, и коршун поведал:

– В прежние времена жили Праджапати, прародители рода человеческого, которых я тебе перечислю: первым из них был Кардама, следом за ним – Викрита, а затем Шеша и Самшрая, породивший многих могущественных сынов, после него – Стхану, Маричи, Атри, полный сил Крату, Поуластья, Ангира, Прачета, Пулаха и Дакша, за которыми пришли Вивасват и Ариштанеми. О Рагхава, знаменитый Кашьяпа был последним из них. О герой безграничной славы, мы слышали, что у Праджапати Дакши было шестьдесят прекрасных и знаменитых дочерей. Кашьяпа женился на восьми из тех дев с тонким станом – Адити, Дити, калика, Тамра, Кродхаваса, Ману и Анила – и, довольный ими, сказал: «Родите сыновей, подобных мне, которые станут повелителями трех миров!» Адити согласилась, о Рама, так же как Дити, Дану и Калика, а остальные отказались. Адити стала матерью тридцати трех богов, сын мой, а Дити родила знаменитых даитьев, им и принадлежит земля со всеми ее морями и лесами. Дану родила сына по имени Ашагрива, о покоритель врагов, а Калика – Нараку и Калаку. Тамра родила пять знаменитых дочерей: Краунчи, Бхаша, Шьени, Дхритараштри и Шуки. Краунчи произвела на свет сов, а Бхаша – коршунов. Шьени стала матерью ястребов и орлов безграничной силы, а Дхритараштри – лебедей, фламинго и водоплавающих птиц. Прекрасная Шуки родила Нату, чьей дочерью стала Вината. О Рама, Кродхаваса родила десять дочерей: Мриги, Мригиманда, Хари, Бхадрамада, Матагни, Шардули, Шевета, Сурабхи и Сураса – и все они были прекрасны. Наконец, родилась Кадрука. О лучший среди людей, Мриги стала матерью всех оленей, а Мригаманда произвела на свет медведей, буйволов и яков. Бхадрамада родила дочь по имени Иравати, которая была матерью Айраваты, хранителя мира. Хари дала жизнь могуще-

ственным львам и обезьянам, любимцам леса; Шардули родила шимпанзе и тигров. От Матанги берут начало слоны, о какутстха, о лучший среди людей! Шивета родила слонов, поддерживающих землю. Богиня Сурабхи родила двух дочерей – Рохини и благоприятную Гандхарви. Рохини родила коров, а Гандхави – коней. Сараса стала матерью нагов, а Кадру – остальных змей. Ману, жена великодушного Кашьяпы, дала жизнь людям – брахманам, кшатриям, вайшьям и шудрам, о лев среди людей. Традиция гласит, что из ее уст изошли брахманы, из груди – кшатрии, из бедер – вайшьи, а из ног – шудры. Все плодоносящие деревья родила Анала. Вината, внучка Шуки, родила Кадру и ее сестру Сурасу. От Кадру произошли тысячи змей, поддерживающих землю, а Вината родила двух сыновей – Гаруду и Аруну. Знай, что я – сын Аруны, так же как и Сампати, мой старший брат. Мое имя Джатаю, я потомок Шьени, о покоритель врагов! Дитя мое, если желаешь, я могу поселиться недалеко от тебя и присматривать за Ситой в отсутствие тебя и Лакшманы. Рагхава, часто слышавший о дружбе своего отца с коршуном, радостно обнял его и выразил ему почтение. Исполняя желание могучей птицы присматривать за Ситой он направился в Панчавати вместе с Джатаю, твердо решив уничтожить всех своих врагов и строго следовать ежедневным религиозным обетам.

Глава 15 Рама ставит хижину в Панчавати

Достигнув Панчавати, изобилующей дикими зверями и ланями, Рама сказал брату, могучему Лакшмане:

– Дорогой мой, перед нами земли, описанные мудрецом. Это прекрасная Панчавати с ее цветущими лесами. Внимательно осмотри окрестности и подумай, где нам лучше поставить хижину. Поселимся близ пруда, в чарующем живописном лесу, чтобы мы с Ситой жили в мире и покое, где много хвороста, цветов и травы куша. В присутствии Ситы Лакшмана со сложенными ладонями отвечал Рама, потому что Какустхи:

– Каждое мгновенье твоей жизни, даже если она продлится сто лет, я готов служить тебе, о Какутстха! Выбери понравившееся тебе место и скажи, где мне поставить хижину. Довольный Лакшманой, знаменитый герой осмотрелся вокруг и нашел во всех отношениях подходящую поляну. Взяв Саумитри за руку, он сказал:

– Вот приятное ровное место, окруженное деревьями. Здесь бы мне хотелось построить хижину. Неподалеку течет прекрасная река, сверкающая на солнце и благоухающая тонким ароматом лотосов, как говорил мне риши чистой души, Агастья. Это восхитительная река Годавери, по берегам поросшая цветущими деревьями, украшенная лебедями и дикими гусями. Стада оленей, что бродят поблизости, пришли сюда на водопой. Чудесные холмы с их загадочными пещерами, покрытые цветущими деревьями и оглашенные криками павлинов, напоминают великих слонов с огромными паланкинами, расшитыми золотом, серебром и медью и обитые маленькими зеркалами. Цветут деревья сала, тала, тамала, кхаджура, панаса, нивара, тиниша и пуннага. Кута, ашока, тилака, кетака и чампака обвиты цветущими лианами и вьюнами, также как шьяндана, чандана, нипа, панаса, лакука, дхара, ашвакарна, кхадира, шами, тиндука и патала. Давай поселимся вместе с Джатаю в этом восхитительном святом месте, о Саумитри! Могучий Лакшмана, повергающий врагов, тут же занялся постройкой желанной хижины и скоро поставил просторную обитель с глиняными стенами, крепкими изящными бамбуковыми подпорками и крышей, покрытой ветками шами. Усталая лианами, травой куша и сарпат, покрытая тростником и листьями, хижина эта имела ровный, утоптаный пол. Построив эту чудесную, приятную на вид хижину, Лакшмана пошел к реке Годавери и, искупавшись, собрал лотосов и фруктов. Вернувшись, он убрал хижину цветами и совершил традиционные ритуалы, сулящие мир жилищу, и лишь после этого пригласил туда Раму. Увидев прекрасную обитель, Рагхава вместе с Ситой преисполнился радости. Очень довольный, он прижал Лакшману к груди и сказал с чувством:

– Я доволен тобой! Ты совершил подвиг, о брат мой! Позволь из благодарности обнять тебя. О Лакшмана, удивительное усердие, преданность и добродетель присущи тебе, и пока ты живешь, отец наш не знает смерти! С тех пор Рагхава, источник благоденствия, счастливо зажил в Панчавати, богатой фруктами. Окруженный любовью и заботой Ситы и Лакшманы, знаменитый герой жил в той благословенной земле, как боги на небесах.

Глава 16 Лакшмана описывает зиму

Незаметно прошла осень и наступила зима. Однажды на рассвете потомок Рагхавы спустился к реке Годавери совершить положенное омовение, и доблестный Саумитри, с кувшином в руках смиренно следовавший за ним вместе с Ситой, сказал старшему брату:

– Наступило любимое тобой время года, о добродушный царевич, когда все вокруг кажется одетым в сверкающий наряд! Земля, родившая богатые урожаи, схвачена морозом, вода больше не приносит наслаждения и нет ничего желаннее огня, дарующего тепло. Предлагая питриям и богам зрелое зерно, добродетельные люди избавляются от грехов, их жертвоприношения проходят в должное время года. Чтобы поддержать жизнь, все с избытком запаслись молоком и маслом. Цари, мечтая о победах, отправляются в свои походы. Солнце движется на юг, где обитает бог смерти, покидая север, который напоминает женщину, лишившуюся тилака, благоприятного знака на лбу. Гора Химават, покрытая снегом, как никогда оправдывает свое название. Ясные дни, когда человек ищет солнца и бежит тени и сырости, необычайно приятны, но сейчас солнце слабо, стоит постоянный мороз, пронизывающий холод и глубокий снег. Наступили холодные долгие ночи, когда невозможно более спать на открытом воздухе, и созвездие Пушья кажется едва различимым на снежном небе. Луна, отражающая сияние солнца, не сияет как прежде, ее застывший диск потускнел, словно запотевшее зеркало. Скованная холодом, полная луна не проливает более на землю благословенного света, как Сита, загоревшая и утратившая былое сияние под лучами солнца. Снег, приносимый западным ветром, превращается в лед, и утром нестерпимо холодно. Леса тонут в дымке тумана, а пшеничные и ячменные поля покрыты инеем, который сверкает под лучами восходящего солнца, звучат стройные голоса цапель и журавлей. Рисовые колосья на полях, напоминающие цветы кхарджура, склонились обремененные зерном. Солнце стает поздно, едва пробиваясь сквозь низкие снеговые облака, и напоминает луну, но к полудню постепенно набирает силу, радуя сердце. Его лучи проливают на землю слабый свет, заставляя лес, покрытый травой и мокрый от росы, блестеть. Дикие слоны страдают от жажды и неожиданно отдергивают хоботы, прикасаясь ко льду. Водоплавающие птицы, стоя на берегу, не решаются войти в воду, словно трусливые воины, которые боятся ступить на поле сражения. Покрытые вечерней росой и скованные холодом, серые на рассвете деревья, лишившиеся цветов, кажутся спящими. Реки и озера утонули в тумане, а белых журавлей, затерявшихся среди снега, можно узнать только по голосам. Прибрежный речной песок стал тяжелым и мокрым от постоянного снега. Солнечные лучи так слабы, что в заснеженных лощинах меж скал стоит вода, сладкая на вкус. Лотосы, побитые морозом, сбросили свои лепестки, тычинки их высохли, и остался один только стебель, скованные холодом они утратили всю свою красоту. О лев среди людей, сейчас преданный тебе, несчастный и верный Бхарата наложил на себя суровые аскезы в городе. Отрекшись от царства, роскоши и наслаждений, предаваясь аскезам, он постится и обуздывает чувства. Наверняка в этот час он спускается к реке Сараю, окруженный своими министрами, чтобы совершить омовение. Выросший в роскоши, слабый и измученный холодом, как он в предрассветный час выносит ледяную воду? С огромными, как лепестки лотоса глазами, темнокожий, с глубоким пупком, великий и добродетельный Бхарата, послушный долгу, правдивый, сдержанный, целиком владеющий собой, сладкоречивый и мягкий, этот длиннорукий герой, повергающий врагов, отрешившись от наслаждений, беспредельно предан тебе, о Рама. Брат мой, великодушный

Бхарата, подобно тебе живя, словно в изгнании, в лесу, завоеует небеса, о Рама. Говорят, что мужчина походит на свою мать, но не на отца. Если это истинно, то могла ли столь жестокая женщина, как Кайкейи, стать его матерью? Однако Рама не пожелал хулить свою мать и отвечал добродетельному Лакшмане:

– Никому не следует пренебрежительно отзываться о второй царской жене. Лучше продолжай говорить о Бхарате, защитнике династии Икшваку. Я решил оставаться в лесу, но моя любовь к Бхарате поколебала мою решимость и сейчас вновь заставила меня дрогнуть. Я вспоминаю его нежные, полные любви речи, сладостные как амрита, и радующие душу. О когда мы с тобой встретимся с великодушным Бхаратой и доблестным Шатругхной, о радость рода Рагху? Преисполненный скорби Какутстха вошел в воды Годавери, где обычно он, его младший брат и Сита совершали омовение. Предложив воду богам и питриям, безгрешный Рама поклонился восходящему солнцу и Господу Нараяне, молитвами очищая сердце. Закончив омовение, Рама, окруженный Ситой и Лакшманой, сиял красотой, подобно Господу Шиве, сопровождаемому Нанди и дочерью гор, Парвати.

Глава 17 Появление Шурпанакхи

Рама, Сита и Лакшмана покинул берега Годавери и вернулись в свою хижину. Рагхава и Лакшмана сотворили утренние молитвы и ритуалы и вошли в покрытую листьями лесную обитель. Длиннорукий герой, почитаемый великими риши, счастливо жил вместе с Ситой, сияя, как луна, украшенная созвездием Читра, и беседовал на различные темы с Лакшманой. Однажды, когда Рама читал традиционные тексты, случилось этой дорогой проходить демонице Шурпанакхе, которая была сестрой Раваны. Приблизившись к боже-ственно прекрасному Раме, она увидела его сияющее лицо, длинные руки, его огромные, как лепестки лотоса, глаза, величественную, как у слона, походку и чудесные черные волосы, собранные в пучок. Юный, доблестный, царственный, цветом тела напоминающий голубой лотос, он был привлекателен как сам бог любви. Увидев этого героя, равного Индре, ракшаси вспылала к нему порочной страстью. Рама был прекрасен, молод, строен, с большими глазами и мелодичным голосом, прекрасными волосами, чарующего облика, добродушный, уравновешенный и очаровательный, а она была отвратительная, толстая, тяжелая, с щелками глаз, красными волосами, отталкивающая на вид, со скрипучим голо-сом, старая и изможденная, непокорная и ненавистная. Охваченная страстью ракшаси об-ратилась к Раме:

– О юноша с луком и стрелами в руках, собравший волосы и облачившийся в одежды аскета, почему ты вместе с супругой пришел в эти леса, полные демонов? Какова цель твоего путешествия? Герой, повергающий своих врагов, искренне отвечал Шурпанакхе:

– Жил на земле царь по имени Дашаратха, могущественный, как бог. Я – его старший сын, и люди знают меня как Раму. Это мой младший брат и верный спутник Лакшмана, а это – моя супруга, знаменитая Сита, дочь царя Видехи. По воле отца и во исполнение дол-га я поселился в лесу. Но теперь поведай, кто твой отец, кто ты и какого ты рода? Судя по виду, ты ракшаси! Говори, что привело тебя сюда? Шурпанакха, терзаемая муками любви, отвечала:

– Послушай, о Рама, и я скажу тебе правду! Я – Шурпанакха, ракшаси, способная по желанию менять облик. Я блуждала по лесу, сея ужас в сердца всех его обитателей. Мои братья – Равана, о котором ты несомненно слышал, спящий Кумбхакарна, добродетель-ный Виблишана, чуждый нашим темным делам, и еще Кхара и Душана, славные воинской доблестью. Но я во много могущественней их! Увидев тебя, о Рама, я жажду близости с тобой, о повелитель, лучший среди людей! Я очень могущественна и могу странствовать силой мысли. Поэтому стань моим господином! Что тебе Сита? Уродливая, она недостой-на тебя! Я покажу, что в красоте не уступаю тебе. Взгляни на меня, как на свою супругу! Я сейчас же разорву эту неприглядную женщину, с отвратительным лицом и плоским жи-

вотом, так же как и твоего брата! По твоему желанию мы вместе будем бродить по вершинам гор и лесам Дандаки. Ракшаси стояла перед Рамой, бросая на него пылкие взгляды. Рама с улыбкой выслушал ее и хитро ответил.

Глава 18 Наказание Шурпанакхи

Слегка улыбаясь, Рама насмешливо отвечал Шурпанакхе, пойманной в любовные сети:

– Я уже женат, вот моя возлюбленная супруга. Соперничество между женами невыносимо! Но мой младший брат Лакшмана – хорошо расположенный, приятной наружности, доблестный и целомудренный – полон сил. Он лишен радости общения с женой и мечтает о супруге. Он молод и красив и мог бы стать для тебя подходящим мужем. Прими моего брата своим господином, о женщина с большими глазами и прекрасными бедрами, и наслаждайся с ним, не имея соперницы, как гора Меру – солнечным светом. Вняв совету, ракшаси, ослепленная страстью, обратилась к Лакшмане:

– Мой возлюбленный считает меня достойной для тебя женой! Давай вместе счастливо странствовать по лесу Дандака и окрестным горам! Лакшмана, сын Сумитры, повергающий своих врагов, не теряясь отвечал:

– Возможно ли для тебя стать женою раба, подобного мне? Я во всем завишу от моего благородного брата, о цветом тела подобная лотосу, прекрасная лицом и целомудренная! О женщина с большими глазами, ты – само совершенство, стань же супругой этого бесподобного героя. Отвергнув безобразную, злобную, брюзгливую и старую женщину и изуродованными членами, он несомненно отдастся тебе! О женщина восхитительного цвета кожи и прекрасных членов, разве благоразумный человек пожертвует твоей несравненной красотой ради смертной женщины? Поверив в искренность Лакшманы и не поняв его шутки, жестокая бесформенная ракшаси, ослепленная страстью вновь обратилась к Рама, повергающему врагов, который вместе с Ситой сидел в покрытой листьями хижине:

– Из-за этой отвратительной, злобной и брюзгливой женщины, старой и уродливой, ты пренебрегаешь мною? Я сейчас же разорву ее на части, у тебя на глазах, и буду счастливо жить с тобой, избавившись от соперницы! С этими словами ракшаси с пылающими, как два факела, глазами с яростью набросилась на Ситу, словно огромный метеор, обрушившийся на планету Рохини. Могучий Рама удержал ее, когда она, словно смертельная петля, накинута на Ситу, и гневно крикнул Лакшмане:

– Неразумно насмехаться над мерзкими и жестокими созданиями, о Саумитри! Посмотри, Ваидехи грозит опасность, о друг мой! Изуродуй эту ужасную демоницу с висющим животом, злобную и полную ярости! Доблестный Лакшмана, разгневанный ракшаси, обнажил свой меч и отрезал ей уши и нос. Шурпанакха издала отчаянный вопль и побежала в лес. Изуродованная ракшаси, истекая кровью, редела, словно буря в период дождей. Подняв руки и капая кровью, она, воя, скрылась в глубоких лесах. Раненная демоница разыскала в Джанустхане своего могучего брата Кхару, окруженного ракшасами, и упала перед ним на землю, словно метеорит с небес. Обезумевшая от ужаса, вся в крови, сестра Кхары, едва не лишаясь чувств, рассказала ему о Рагхаве, поселившемся в лесу вместе с Супругой и Лакшманой и о том, как они лишили ее ушей и носа.

Глава 19 Рассказ Шурпанакхи

Увидев сестру свою на земле, изуродованную и истекающую кровью, демон вспыхнул гневом:

– Поднимись! – крикнул он ей. – Скажи мне, почему ты потеряла рассудок! Возьми себя в руки и расскажи толком, кто так надругался над тобой? Кто посмел коснуться но-

гой черной и ядовитой змеи, мирно проползавшей мимо? Глупец, так поступивший с тобой, не подозревает, что это день, когда он глотнул смертельный яд и надел смертельную петлю себе на шею! Кто сделал это с тобой, сильной и мужественной, вольной гулять по всему свету, равной самому Антаке? Как оказалась ты в столь жалком положении? Среди богов, гандхарвов, могущественных мудрецов и других созданий кто способен был изуродовать тебя? Я не знаю никого в трех мирах, осмелившегося бы разгневать меня, будь то даже могущественный Индра, тысячеглазый бог, победивший демона Паку. Сегодня я своими смертоносными стрелами лишу жизни твоего оскорбителя, как лебеди извлекают из воды попавшее туда молоко. Вовлеченный в битву и смертельно раненный моими стрелами, кто напоит сегодня своей кровью землю? Чьи члены достанутся стервятникам, когда этот несчастный падет под моими ударами в сражении? Ни боги, ни гандхарвы, ни пишачи, ни ракшасы не в силах вырваться из моих крепких рук в свирепой схватке. Успокойся и объясни мне, кто этот негодяй, кто злоупотребив своей силой, нанес тебе такое оскорбление?

Шурпанакха, преодолев гнев, плача отвечала:

– Это два необыкновенные прекрасных и могущественных юноши с большими глазами, напоминающими лотосы, одетые в кору и шкуры черной антилопы, питающиеся фруктами и кореньями, совершающие аскезы и соблюдающие обет брахмачари. Это сыновья царя Дашаратхи, два брата Рама и Лакшмана, царственные и напоминающие царя гандхарвов. Я не могу сказать, это люди или боги. С ними я видела юную и прекрасную деву с тонким станом, сверкающую многочисленными драгоценностями. Из-за это юной красавицы я оказалась в столь унижительном положении, мной пренебрегли из-за нее! Я жажду в сражении напиться крови этой женщины и двух юных братьев! Кхара обезумел от гнева, выслушав Шурпанакху, и призвал четырнадцать демонов огромной силы, подобных самой Смерти. – Двое вооруженных мужчин, одетых в кору и шкуры черной антилопы, отважились войти в недоступный лес Дандака в обществе юной женщины. Убейте обоих, а также их нечестивую спутницу. Моя сестра жаждет испить их крови! О ракшасы, такова воля моей дорогой сестры, поэтому поспешите и, обрушившись на них всей своей силой, уничтожьте всех! Увидев двух братьев, павших под вашими ударами, сестра моя с радостью напьется их крови прямо на после боя! Послушные воле Кхары, четырнадцать демонов, сопровождаемые Шурпанакхой, тут же удалились, словно облака, гонимые ветром.

Глава 20

Рама убивает демонов, посланных Кхарой

Жестокая Шурпанакха, достигнув обители Рагхавы, указала демонам на двух братьев и Ситу. Они увидели доблестного Раму, который сидел в своей скромной хижине рядом с Ситой, охраняемый Лакшманой. Знаменитый потомок Рагху заметил Шурпанакху, сопровождаемую ракшасами, и сказал отважному Лакшмане:

– Побудь с Ситой, о Саумитри, пока я разделаюсь с демонами, которых привела ракшасы! – Да будет так! – почтительно согласился благоразумный потомок Рагху с братом, постигшим науку самопознания. Тогда праведный Рагхава, сжимая в руках свой лук, отделанный золотом, обратился к демонам:

– Мы – сыновья Дашаратхи, Рама и Лакшмана, пришли в недоступный лес Дандака вместе с Ситой. Питаясь кореньями и фруктами, обуздав чувства, мы совершаем аскезы, следуем обету брахмачари и проводим дни свои в лесу. Почему вы, нечестивцы, желаете нам зла? По просьбе мудрецов я пришел сюда, чтобы наказать вас на поле сражения за ваши злодеяния. Стойте, где стоите! Ни шагу больше! Если хотите сохранить себе жизнь, бегите, ночные бродяги! Слова эти разожгли пламя гнева в сердцах тех четырнадцати демонов, убийц брахманов с копьями в руках. С красными глазами, ужасные на вид и свирепые

пые они отвечали Раме, чьи гневные взгляды и сладкие речи являли невиданное доселе мужество:

– Ты доставил неприятность нашему господину, великодушному Кхаре, и потому ты падешь в сражении под нашими ударами. Откуда у тебя убить столь многих демонов? У нас в руках булавы, копья и дротики, мы лишим тебя силы, ты выронишь свой лук! И четырнадцать демонов, размахивая своим страшным оружием, набросились на Раму, метнув в него копья, но Какутстха своими стрелами с золотыми наконечниками разнес в щепки четырнадцать копий. Знаменитый воин, полный гнева, приготовил новые стрелы, заточенные на камне, схватил свой лук и, натянув тетиву, нацелился на великанов. Рагхава выпустил свои стрелы, словно Индра молнию, которые тут же разорвали груди демонов и, окровавленные, вонзились в землю, как змеи, исчезающие в муравейнике. Растерзанные демоны напоминали деревья с расщепленными стволами. Утопая в крови, изуродованные, лишенные жизни, они лежали на земле, и Шурпанакха, глядя на это, ослепла от гнева и бросилась искать своего брата Кхару. Вновь раненная, с запекшейся кровью, словно смола, проступившая на дереве, Шурпанакха упала перед братом и издала могучий вопль, причитая и пронзительно крича, черты ее исказились. Увидев всех демонов поверженными на поле сражения, Шурпанакха поспешила к Кхаре, подробно описав ему смерть его верных слуг.

Глава 21

Шурпанакха понуждает Кхару убить Раму

Глядя на Шурпанакху, лежащую на земле и вернувшуюся ни с чем, Кхара сурово обратился к ней:

– Разве я не дал тебе доблестных демонов, питающихся плотью, во исполнение твоих целей, ради твоего удовольствия? О чем еще ты просишь? Все они усердные, преданные, мои самые доверенные слуги. Непобедимые, даже под страхом смерти они не ослушаются меня. Что случилось? Я желаю знать, почему ты катаешься по земле, словно змея, и кричишь «О мой Господь!»? Почему несмотря на мое покровительство ты сокрушаешься, как будто отвергнутая? Поднимись, вставай! Хватит с нас этих слез и обмороков! Кхара продолжал успокаивать ужасную ракшаси, пока, наконец, она, утирая слезы, ни сказала:

– Я пришла к тебе с отрезанными ушами и носом, вся в крови, которая текла рекой, ты утешил меня. Ради меня ты велел четырнадцати доблестным демонам убить безжалостных Раму и Лакшману. Те демоны пылали гневом против Рамы и Лакшманы, но, вооруженные копьями, пали в сражении жертвами их смертоносных стрел. Видя великий подвиг Рамы, когда он в одно мгновение поверг тех искусных воинов, я преисполнилась страха. Дрожа всем телом, ужасаясь, вне себя от горя, я снова пришла к тебе за защитой, о гроза ночи, потому что вижу причины для опасений. Неужели ты не поможешь мне, тонущей в океане горя, съедаемой крокодилами боли и скованной страхом? Демоны, питающиеся плотью, которые пошли со мной, лежат на земле, сраженные яростными стрелами Рамы. Если у тебя есть капля жалости ко мне и тем демонам, если ты смел и силен, чтобы встретиться с рамой на поле битвы, о властелин ночи, вырви эту колючку в стане демонов, Раму, который живет в своей хижине в лесу Дандака. Если ты не лишишь жизни Раму, повергающего своих врагов, я в тот же миг покончу с собой, не в силах стерпеть унижения! Но нет, я вижу ясно, что даже при поддержке своих воинов ты не способен противостоять Раме в битве! Ты считаешь себя великим героем, но это не так, твое могущество – лишь плод тщеславного воображения, поэтому поспеши покинуть Джанустхан вместе со своими воинами, о позорное пятно нашего рода! Завоюй победу в сражении, потому что не имея силы и доблести убить тех двух людей, можешь ли ты оставаться здесь? Сломленный могуществом рамы, ты, несомненно, погибнешь, потому что сын Дашаратхи, Рама, воистину храбр, так же как и его брат, изуродовавший меня! Ракшаси продолжала стенать

и сокрушаться на глазах у брата, бия себя в грудь и, униженная, лишилась чувств. Придя в себя, она, охваченная горем, продолжала рыдать и руками бить себя в грудь.

Глава 22

Кхара и его четырнадцать тысяч демонов выступают в поход против Рамы

Упреки Шурпанакхи привел Кхару в гнев и, сидя в кругу своих воинов, он сурово отвечал:

– Твое презрение вызывает во мне безудержную, неистовую ярость, я вне себя и не могу больше этого терпеть, ты сыплешь соль на рану. Я не воспринимаю Раму всерьез и считаю его уже мертвым. Сегодня же он поплатится жизнью за свое оскорбление. Утри же свои слезы, хватит скорбеть! Я отправлю Раму и его брата в обитель смерти, и ты, о ракшаси, сегодня же напьешься теплой крови этого злобного создания, сраженного моим топором. Обрадованная словами, сошедшими с уст брата, обезумевшая Шурпанакха стала прославлять Кхару, лучшего среди великанов. Оскорбленный ею и превозносимый, Кхара призвал Душану, главнокомандующего своей армии:

– О друг, собери четырнадцать тысяч опытных великанов, послушных моей воле, полных воинского пыла и никогда не отступающих в сражении, подобных грозovým облакам, с упоительной жестокостью и радостью убивающих людей. Поскорее приготовь мою колесницу с луками, стрелами, сверкающими мечами, дротиками и острыми копьями. Я сам возглавлю тех великодушных великанов, чтобы убить надменного Раму, о искусный воин! Душана запряг огромную колесницу, сверкавшую как солнце, великолепными конями, и Кхара взошел на нее. Отделанная золотом, с золотыми колесами и оглоблями, выложенными изумрудами, колесница эта напоминала вершину Меру. Символы удачи украшали ее: рыба, цветы, деревья, скалы, горы, птицы и звезды. Снабженная стягами и копьями, она сверкала колокольчиками. Кхара, сгорая от нетерпения, так же как и Душана, взглянул на великое волнуемое и ревущее море демонов, их колесницы, щиты, оружие и знамена, и крикнул: «Вперед!» Могучая армия великанов, числом в четырнадцать тысяч, вооруженная смертельными щитами, оружием и стягами, стремительно с шумом двинулась в путь. Вооруженные молотами, пиками, острыми топорами, саблями, дисками и сверкающими копьями, дротиками, смертоносными булавами, многочисленными луками, стрекалами, мечами и молниями, ужасные на вид свирепые великаны, послушные воле Кхары, покинули Джанустхан. Еле сдерживая себя, Кхара обзрел злобных великанов, устремившихся вперед, и последовал за ними. Покорный возникший Кхары взошел на колесницу этого незнающего поражений воина, хлестнул коней в сбруе из чистого золота, и колесница понеслась, грохоча и оглашая все вокруг звоном своих колокольчиков. Кхара, пылая гневом и желанием уничтожить противника, наделенный немалой силой, равный Антаке, то и дело подгоняя своего возникшего, ревел подобно облаку, готовому излить на землю потоки града.

Глава 23

Армия великанов встречает недобрые предзнаменования

Неожиданно в небесах появились ужасные предзнаменования и из темного облака пролилась кровь. Быстрые кони, запряженные в колесницу Кхары, стали спотыкаться на ровной дороге, устланной цветами. Темный диск сокрыл солнце, оставив кровавую кромку, словно круг горящих углей, а на знамя с золотым черенком сел страшный стервятник. Хищные птицы и звери, рыща в окрестностях Джанустхана, оглушительно и зловеще кричали, ужасные шакалы дьявольски выли, так что кровь стыла в жилах. Огромные и страшные грозové облака, словно слоны с сукровицей на висках, проливали дожди крови, скрывая небеса. Великая тьма сошла на землю, поглотив все четыре стороны света, и от этого зрелища волосы вставали дыбом. Неожиданно наступили сумерки кроваво-красного

оттенка. На каждом шагу Кхаре преграждали путь дикие звери и птицы ужасного вида, а цапли, гиены и стервятники подняли устрашающий вой. Отвратительные шакалы, символ поражения в войне, выли и лаяли на приближающуюся армию, пламя вырывалось из их развернутых пастей. Близ солнца появилась обезглавленная человеческая фигура, напоминающая железную дубину. Хотя затмение еще не закончилось, золотое светило оказалось во власти планеты Сварбхану. Дули неистовые ветры, и солнце боле не сияло. Хотя до ночи было еще далеко, небосвод густо усеяли звезды, словно светляки в лесу. Птицы и рыбы ушли вглубь озер, на которых поблекли лотосы. В этот час деревья лишились плодов и цветов, мрачные облака пыли поднялись без дуновения ветра. Попоугали дико кричали: «Чичикучи!», беззвучно падали зловещие кометы. Земля с ее горами, лесами и долинами дрожала. Когда Кхара, стоя в своей колеснице, издал воинский клич, его левая рука судорожно дернулась, а голос сорвался. Он озирался вокруг, и слезы застилали ему глаза, в голове стучала кровь, но в безрассудном порыве он не повернул назад. Видя зловещие предзнаменования, от которых волосы вставали дыбом, Кхара с вызывающим смехом обратился к армии великанов:

– Все эти дурные предзнаменования, устрашающие сердце, ничто рядом с моим могуществом! Я смеюсь над ними, как сила смеется над слабостью! Своими острыми стрелами я могу сорвать звезды с неба! Я могу завоевать обитель смерти! Пока я своим могущественным оружием не повергну Раму, который надеется лишь на свои силы, так же как и Лакшмана, я не поверну назад. Пусть моя сестра, ради которой я поклялся убить Раму и Лакшману, напьется их крови! До этого часа я не знал поражения на поле битвы, вы знаете, что я не лгу! В гневе я могу убить даже царя богов с молнией в руках, возвышающегося на слоне Айравате, так неужели я не справлюсь с двумя смертными? Столь хвастливые речи необычайно обрадовали огромную армию демонов, на которых смерть уже набросила свою петлю, и они с новыми силами бросились вперед, жажда сражения. Собрались возвышенные риши, боги, гандхарвы и чараны. Добродетельные созданыя, они говорили меж собой:

– Почтение коровам, брахманам и всем, духовно просветленным! Как Вишну, носящий в руках диск, подчиняет демонов, так и Рама одержит блестящую победу в этом сражении с великанами! С этим и многими другими пожеланиями знаменитые риши и боги замерли в небесах, наблюдая за полчищем демонов, обреченных на смерть. Кхара на своей быстрой колеснице повел за собой свою армию, окруженный двенадцатью особенно доблестными воинами. Это были Каравиракша, Паруша, Калакармука, Хемамалин, Махамалин, Сарпасья, Шьенгамин, Притхугрива, Ваджнашатру, Вихангама, Дирджая, Крудхирашана. За Душаной следовали преданные Махакапала, Стхулакша, Праматха и Триширас. Как планеты тянутся к солнцу и луне, так и громадная армия демонов, жаждущих сражения, всей своей силой набросилась на двух царевичей.

Глава 24

Битва Рамы с великанами

Могущественный Кхара приближался к хижине Рамы, и двое царевичей заметили зловещие предзнаменования. Рама взволнованно сказал Лакшмане:

– О могучерукий, это неблагоприятные признаки, сулящие страх всему живому, говорят о гибели тысяч демонов. На небе появились серые, как шкуры ослов, облака, проливая кровавые дожди в смертельной агонии. Взгляни, о Лакшмана, мои стрелы дымятся, будто радуются предстоящей битве, а лук, отделанный золотом жаждет действия. Мне кажется, крики диких птиц, которыми полон лес, предвещают опасность, жизнь наших врагов на исходе. Несомненно, скоро вспыхнет великая битва, судорога свела мне левую руку! О герой, победа на нашей стороне, великанам не избежать поражения. Лицо твое сияет и ликует, о Лакшмана! Воины, вступающие в битву с унылыми лицами, обречены. Я слышу рев тех злобных великанов и звуки их барабанов. Благоразумный человек, завое-

ывающий удачу, во избежание поражения вооружается заранее. Поэтому принеси мой лук и стрелы и, взяв Ситу, отправляйся в горную пещеру, сокрытую деревьями и недоступную. О Лакшмана, не возражай, но, поклявшись быть послушным, иди, о друг, безотлагательно. Ты могуществен и можешь справиться со всеми этими демонами, но я желаю один убить этих ночных бродяг. Лакшмана, захватив с собой лук и стрелы, увел Ситу в неприступную пещеру. Лишь только они скрылись из виду, Рама, радуясь смирению брата, надел кольчугу. В доспехах, сияющих, как огонь, Рама напоминал могучее пламя, озарившее тьму. Герой этот выпрямился, взял в руки лук и стрелы и натянул тетиву, звон которой эхо разнесло по четырем сторонам света. Боги, сиддхи, чараны и гандхарвы собрались посмотреть на сражение, и великодушные риши стали говорить меж собой:

– Блага всем коровам и брахманам, пребывающим на земле! Пусть Рагхава победит потомков Поуласты в битве! Пусть он будет победоносен, подобно Вишну, который своим диском повергает самых великих асуров! Сказав так, они переглянулись и добавили:

– Но как Рама в одиночку справится с четырнадцатью тысячами свирепых демонов? Раджариши и сиддхи, сидя в своих воздушных кораблях, с любопытством ожидали исхода сражения. Глядя на Раму в великолепных одеждах, который один стоял на поле боя, они волновались. Однако несравненный Рама, герой благородных деяний, казался самым Рудрой, великодушным и мстительным богом! Пока боги, гандхарвы и чараны беседовали, со всех сторон со страшным шумом к Раме подступила армия демонов, облаченных в кольчуги, с оружием и стягами знамен наперевес. С громкими воинскими криками подталкивая один другого, звеня тетивами и широко разверзнув рты, они кричали:

– Мы уничтожим врага! Этот устрашающий шум заполнил весь лес, вселяя ужас в сердца его обитателей, которые разбежались во все стороны, не смея оглянуться. Армия демонов, подобная бушующему морю, размахивая всеми видами оружия, стремительно приближалась к Раме. Опытный воин, он посмотрел вокруг и, видя надвигающуюся армию Кхары, вышел навстречу. Он вытащил из колчана свои стрелы и, натянув устрашающий лук, издал пронзительный крик, предрекая исполинам смерть. Страшный в гневе, он напоминал огонь в час уничтожения мира, и, видя его, лесные боги изо всех бежали прочь. В гневе Рама походил на Господа Рудру с луком Пинакой в руках, жаждущего разрушить жертвоприношение Дакши. Со своими луками и копьями, колесницами и кольчугами, которые сверкали, как огонь, сонмы пожирателей человеческой плоти казались грядой черных облаков в предзвездный час.

Глава 25 Продолжение битвы

Достигнув скромной лесной хижины, Кхара и его спутники увидели Раму, повергающего своих врагов, исполненного гнева, вооруженного луком и стрелами. Глядя на этого могучего воина, Кхара велел своему возничему направить на него свою колесницу. Послушный приказу Сута погнал коней туда, где сжимая лук, неподвижно стоял знаменитый Рама. Видя, что Кхара устремился на Раму, демоны, громко крича, со всех сторон окружили его, и он, возвышаясь в своей колеснице среди тех Ятудханов, напоминал планету Марс в плотном звездном кольце. Выпуская тысячи стрел, Кхара издал ужасный воинский клич, и все демоны яростно метнули свои копья и стрелы в непобедимого стрелка Раму, в своем безумии поражая его железными булавами, мечами, копьями и топорами. Огромные ростом, своей непомерной силой они походили на горы, когда на своих колесницах и конях набросились на Какутстху. Желая одолеть Раму, орда демонов, возвышающаяся на слонах, высоких, как горные вершины, осыпала его градом оружия, как могучие облака проливают свои дожди на царя гор. Со всех сторон Рама был окружен свирепыми демонами, нацелившими на него свои острые пики и копья, подобно Махадеве в сумерки, сопровождаемому духами и привидениями. Но царевич воспринял оружие, направленное на него, как море принимает реки, теряющиеся в его бескрайних просторах. Как неподвижно

стоят Гималаи под ударами молнии, Рама не дрогнул, когда смертоносное оружие вонзилось в его тело. Раненный и истекающий кровью, он напоминал вечернее солнце, сокрытое облаком. Увидев раму, окруженного тысячами исполинов, боги и мудрецы пришли в волнение, но он с растущей яростью натянул свой лук, словно серп, и выпустил сотни и тысячи острых стрел, которые невозможно было перехватить и которые несли смерть тем, в кого были направлены. Словно играя, рама выпускал бесчисленные стрелы с оперением цапли, золотым наконечником, разя орды демонов, пойманных в смертельную петлю. Легко пущенные умелой рукой Рамы, те стрелы пронзали тела демонов и, обогранные кровью, пролетали в воздухе, как горящие факелы. Сотни и тысячи стрел из колчана Рамы лишали демонов жизни, расщепляя их луки, знамена, щиты и кольчуги, их руки в украшениях и бедра, напоминающие хоботы слонов. Стрелы Рамы разили коней в золотой сбруе, запряженных в колесницы, вместе с их возничими; слонов с их погонщиками и конников – все, пронзенные его стрелами, отправлялись в обитель Ямы. Поверженные ночные разбойники исходили в ужасных воплях. Уничтоженные смертоносными стрелами, они не в силах были защитить себя, как сухое дерево близ огня. Некоторые уцелевшие воины в приступе ярости метнули в Раму свои копья, трезубцы и другое оружие, но он, перехватив их, своими стрелами снес головы тем демонам, лишив их жизни. С разбитыми головами, щитами и разорванными тетивами они падали на землю, как деревья, поваленные взмахом крыльев Гаруды. Оставшиеся демоны вместе с Кхарой обратились в бегство, ища спасения от смертоносных стрел, но Душана, поднял свой лук и, собрав их вновь, бросился на Раму, словно сам Антака. Исполины с растущей уверенностью вновь напали на Раму, вооружившись могучими древесными стволами сала и тала и огромными скалами. С пиками, булавами и западнями, держа в руках копья, булавы и арканы, те великие воины усыпали поле градом метательного оружия, деревьями и скалами. Битва становилась такой яростной, что волосы вставали дыбом. Казалось, Рама выйдет из нее победителем, но и демоны упорно шли к своей цели. Видя себя в кольце, могучий воин Рама под градом пик, издал ужасающий вопль и вложил в свой лук управляемое мантрой оружие гандхарвов, и через мгновение тысячи стрел полетели во врагов, покрыв десять сторон света. Рама так искусно выпускал стрелы, что демоны в силах были различить, когда он достает их из своего колчана и стреляет. Стрелы рамы затмили небо, сокрыв солнце. Тысячи демонов грудами лежали на поле сражения, покрытом трупами. Растерзанные, со вспоротыми животами, пронзенные, разрубленные на части, они сотнями валялись на земле. Все было устлано их головами в тюрбанах, руками в браслетах, бедрами и туловищами в украшениях, их конями, могучими слонами, разбитыми колесницами, опахалами, зонтами и прочими предметами. Видя это устрашающее зрелище, оставшиеся демоны, преисполненные горя, не способны были более противостоять Раме, захватившему вражеские позиции.

Глава 26

Рама повергает великанов и Душану

Видя, что силы его разбиты, могучерукий Душана возглавил пять тысяч бесстрашных и непобедимых демонов, незнающих отступления. Вооруженные пиками, саблями, скалами и деревьями, они со всех сторон осыпали Раму ударами своего оружия, но ранить его было невозможно. Атака их была страшной и смертельной для всего живого на земле, но не для Рамы. Своими острыми стрелами добродетельный Рагхава отразил обрушившийся на него поток. Глаза его были закрыты, он казался беззаботным, как бык под проливным дождем. С растущим гневом он решил, наконец, уничтожить армию Кхары и, полный сил, обрушил на орду демонов и их предводителя Душану поток своих стрел. Душана, не знаящий поражений, ответил Рагхаве оружием, подобным удару грома. Тогда героический Рама в гневе разнес в щепки могучий лук Душаны, убил четырех коней, запряженных в его колесницу и снес голову его колесничему серповидной стрелой, а затем своими стрелами трижды пронзил Душане грудь. Тогда Душана поднял свою палицу, отделанную зо-

лотом, подобную горной вершине, которой можно уничтожить армию богов. Обитая гвоздями, покрытая плотью его врагов, крепкая, как алмаз, проламывающая врата вражеских городов, палица эта напоминала громадную змею. С таким могущественным оружием в руках злобный исполин набросился на Раму. Но Рама своими стрелами отсек Душане руки, и палица эта упала на поле сражения, словно знамя Индры. Душана, лишившийся рук и своей палицы, упал наземь, подобно побежденному слону, обломавшему свои бивни. Видя Душану поверженным на поле сражения, все обитатели земли и небес, наблюдавшие бой, закричали: «Здорово! Здорово!» – и почтительно поклонились Раме. Тем временем по велению Провидения три полководца – Махакапала, Стхулакша и могущественный исполин Праматхин – набросились на Раму. Махакапала несся с громадным трезубцем наперевес, Стхулакша – с гарпуном, а Праматхин – с огромным топором. Заметив их, Рагхава извлек из колчана стрелы с острыми стальными наконечниками и вышел им навстречу, словно хозяин, встречающий гостей. Радость династии Рагху, одной стрелой он снес голову Махакапале и ливнем стрел атаковал Праматхина, который повалился на землю, как подрубленное дерево. Затем своей острой стрелой Рама ослепил Стхулакшу и, пылая гневом, пятью тысячами стрел убил столько же последователей Душаны, отправляя их в ад. Услышав о смерти Душаны и своих воинов, Кхара в великой ярости обратился к предводителям своей армии:

– Пусть все исполины нападут на Раму, злобного нечестивца, и уничтожат его любым имеющимся оружием! С этими словами разгневанный Кхара сам выступил против Рамы, сопровождаемый двенадцатью доблестными военачальниками – Дураджей, Каравикаршей, Парушей, Калакармукой, Хемамалином, Махамалином, Сарпашей, Сьенгамином, Притхагровкой, Ваджнасарой, Вихангамой и Рудхинашаной – которые вместе своими отрядами напали на Раму, который продолжал выпускать свои превосходные стрелы. Божеественно могущественный Рама инкрустированными золотом и алмазами стрелами уничтожил остатки сил Кхары. Эти стрелы, лишенные оперенья, словно золотые стебли, напоминая пламя в кольцах дыма, повергли демонов, словно молния, ударившая в гигантские деревья. Сотней колосовидных стрел Рама убил сотню демонов. Потом он выпустил тысячу других стрел и убил столько же врагов. Их нагрудники и украшения были разбиты, луки сломаны. Ночные разбойники лежали на земле, утопая в крови. Волосы их в запекшейся крови растрепались, они лежали на поле сражения, как трава куша, разбросанная на алтаре. Весь бескрайний лес, усыпанный телами демонов и оскверненный их плотью и кровью, напоминал ад. Рама, пеший смертный, в одиночку убил четырнадцать тысяч демонов! Из всей огромной армии в живых оставались только Кхара на великой колеснице и исполин Триширас. Остальных сразил старший брат Лакшманы, знаменитый Рама. Видя армию разбитой в великом сражении, Кхара вскочил на свою сияющую колесницу и, подняв свою булаву, помчался на Рагхаву.

Глава 27

Битва Рамы и Тришираса. Гибель Тришираса

Кхару, готового наброситься на Раму, остановил Триширас, командовавший армией:

– О повелитель, воздержись от сражения с Рамой и, воспользовавшись моей доблестью, стань свидетелем его поражения. Я клянусь моим мечом, что убью Раму и отомщу за смерть тысяч демонов. В бою я предстану перед ним самой Смертью, или наоборот, он повергнет меня, но ты, о превосходный, до поры сдержи свой воинский дух и лишь наблюдай. Если Рама будет убит, ты с триумфом вернешься домой, если же я паду жертвой его стрел, ты выступишь против него на поле сражения. Уступая убедительным доводам Тришираса, Кхара отвечал ему, обреченному:

– Иди, вступи в битву с Рамой! Триширас, подобно горе с тремя гребнями, ринулся на Рагхаву, возвышаясь в сверкающей колеснице, запряженной превосходными конями. Как облако проливает дождь, он выпускал залпы стрел, ревя, словно литавры. Глядя на

стремительно приближающегося демона, Рама выпустил несколько острых стрел и завязалась ужасная битва. Казалось, будто сражаются великий лев и могучий слон. Триширас тремя стрелами ранил Раму в лоб, и разгневанный Рама язвительно крикнул:

– О доблестный великан, твои стрелы украсили мой лоб, как венки! Теперь же узнай силу стрел, пущенных из моего лука! С этими словами Рама выпусти четырнадцать змеевидных стрел, ранив Тришираса в грудь, четырьмя другими стрелами она сразил четырех его коней, еще восемью убил возничего и одной снес с колесницы знамя. Когда ночной разбойник спускался со своей разбитой колесницы, Рама растерзал его грудь потоком стрел, и демон лишился чувств. И тогда этот герой безграничного могущества своими быстрыми стрелами снес три головы Тришираса, и кровь хлынула из обезглавленного тела. Головы этого ночного бродяги покатались по земле, но он еще продолжал стоять, лишенный своей силы. Оставшиеся демоны, теряя мужество, побежали с поля боя, как лани от охотника, и Кхара, видя это бегство, с растущим гневом собрал их вновь и пошел на Раму, как Рагху – на луну.

Глава 28 Битва Рамы и Кхары

Душана и Триширас погибли в битве. Видя доблесть Рамы, Кхару охватили дурные предчувствия, и он подумал: «Рама один разбил мою огромную армию во главе с Душной и Триширасом!» Потеряв силу духа, демон Кхара со всех сил набросился на Раму, словно великан Намучи на Индру. Натянув свой могучий лук, Кхара выпустил в Раму несколько кровососущих стрел, подобных ядовитым змеям, и, возвышаясь на своей колеснице, стал носиться по полю боя, являя искусное владение оружием и во все стороны света выпуская свои острые стрелы. Видя это, Рама, вооруженный могучим луком, словно Парджанья наводнениями, застелил небосвод своими неотразимыми стрелами, которые напоминали языки пламени. Все пространство было полно стрел, выпускаемых Кхарой и Рамой. Пока бились те два героя, солнце сокрылось и спустилась тьма. Словно могучий слон, подгоняемый стрекалом, Рама атаковал своего противника различными стрелами: налика, нарача и остроконечной викарной. Демон, стоявший в колеснице с луком в руке, напоминал саму Смерть, несущую свою петлю. В этот момент Кхара подумал, что могущественный и героический Рама, уничтоживший все его силы, утомился, но Рама непреклонно отражал все атаки Кхары, как могучий лев не замечает присутствия слабого оленя. Тогда Кхара в сияющей, как солнце колеснице, промчался близ Рамы, мотылек у огня, и являя свое воинское искусство, разбил Раме лук там, где он держал его. Выпустив семь подобных булавам стрел, напоминающих молнии Индры, он разбил доспехи противника, сияющие, как солнце, которые с шумом упали наземь. Ревя, как лев, он выпустил тысячу стрел, ранив Раму несравненного могущества. Продолжая биться, Кхара издал могучий клич. Раненные стрелами Кхары, тело Рамы казалось ясным пламенем. Чтобы одолеть демона, этот герой, повергающий своих врагов, взял другой лук и натянул его могучую тетиву. Подняв этот удивительный лук, называвшийся Вайшнава и подаренный ему риши Агастьей, Рама обрушился на Кхару, выпустив свои стрелы с золотым оперением и разбив стяг с золотой полосой, который упал с колесницы, как солнце падает на землю, проклятое богами. Страшно разгневанный Кхара нацелился в сердце Рамы и поразил его четырьмя стрелами, напоминая в этот час огромного слона, тонущего во время проливных дождей. Рама, больно раненный этим искусным лучником, опытной рукой выпустил шесть стрел, точно направленных в цель. Одной он разбил Кхаре голову, двумя другими – руки, а оставшимися тремя серповидными стрелами разорвал ему грудь. Знаменитый воин в гневе выпустил еще тринадцать стрел, заточенных на точильном камне и сверкающих, как солнце. Одна разбила оглобли колесницы противника, четыре другие поразили коней, шестью Рама снес голову его колесничему, а тремя этот великий неустрашимый воин сломал ось колесницы. Двенадцатой стрелой Рама разбил надвое лук Кхары, а тринадца-

той, сиявшей, как молния, Рагхава, равный Индре, пронзил Кхару. С разбитым луком, лишившийся своей колесницы, коней и колесничего, Кхара с палицей в руке спрыгнул на землю и замер в ожидании. Видя удивительный подвиг Рамы, боги и великие риши возликовали и, собравшись в небесах. Со сложенными ладонями прославляя несравненный подвиг этого могущественного воина, они почтительно кланялись ему.

Глава 29 Язвительная беседа Рамы и Кхары

Знаменитый Рама с резкими словами обратился к Кхаре, который, лишившись своей колесницы, стоял перед ним с палицей в руках:

– О герой, поддерживаемый своей армией слонов, коней, колесниц и людей, ты вступил на порочный путь. Тот, кто причиняет другим боль, притесняя их, создание безжалостных злодеяний никогда не узнает счастья, даже будь он бог трех миров. О ночной разбойник, тиран, поступающий вопреки благу других и подобный ядовитой змее, в конце концов погибнет! Скупой и завистливый человек, вступивший на путь зла, не сознавая последствий, платит за это своей жизнью и приходит к печальному концу, подобно брахмани, безобидной ящерице, наевшейся града. О исполин, как избежишь ты наказания за издевательства над аскетами, которые жили в лесу Дандака и, идя путем добродетели, умножали свои заслуги? Даже если они достигли более высокого положения, злобные созданыя, творящие жестокость, осуждаются всеми. Радость их недолговечна, они падают подобно деревьям с подрубленными корнями. О сын тьмы, как в положенное время года деревья покрываются цветами, так и злодеяния в свой час приносят свои плоды. Как человек, глотнувший яд, неизбежно погибает, так и грешник быстро пожинает плоды сотворенного зла. Положить конец злобным созданыям, притесняющим других, я пришел сюда по приказу царя. Сегодня мои сияющие стрелы пронзят твою плоть, как змеи – муравейник, и ты отправишься по стопам добродетельных аскетов, живших в лесу, которых ты убил безо всякой причины. Скоро те превосходные мудрецы, прежде убитые тобой, вернуться сюда на своих небесных колесницах посмотреть на тебя, поверженного моими стрелами, в аду. О худший из людей, потомок отвратительного рода, защищайся, сейчас я снесу тебе голову, словно фрукт с пальмового дерева! От слов Рамы глаза Кхары вспыхнули гневом, вне себя от ярости он насмешливо отвечал:

– О сын Дашаратхи, ты простой смертный. Хоть ты и убил всех этих исполинов в сражении, ты без причины превозносишь себя. Воистину храбрые и доблестные никогда не хвастают. Только отбросы среди воинов делают это, подобно тебе. Где увидишь воина, чья смерть неминуема на поле сражения, который поет во славу себе гимны? Своим самопрославлением ты обнаружил свое ничтожество, как огне из травы куша раскрывается истинная ценность меди, что так похожа на золото. О Рама, с палицей в руке я непоколебимо стою на поле сражения, подобно горе, богатой драгоценными металлами. Взгляни на меня с моей палицей, как на самого Антаку с петлей в руках, на исходе твоей жизни! Я уничтожу не только тебя, но все три мира! Я мог бы сказать больше, но я воздержусь, чтобы битве нашей не помешал приближающийся закат. Четырнадцать тысяч демонов пали под твоими ударами. Убив тебя сегодня, я иссушу слезы их близких! С этими словами Кхара, полный гнева, обрушил на Раму свою изумительную, в золотом кольце палицу. Пущенная рукой Кхары, эта тяжелая и сияющая палица, напоминающая горящую молнию, пролетела близ Рамы, превращая в пепел деревья и кусты. Но он, словно набрасывая смертельную петлю, своими стрелами еще в воздухе разбил ее на куски. Раздавленная, она лежала на земле подобно змее, убитой силой трав и заклинаний.

Глава 30 Смерть Кхары

Разбив огромную палицу своими стрелами, безгранично доблестный Рама, исполненный гнева, сказал, будто в насмешку:

– О исполин, это выше твоих сил? Как странно слышать хвастливые речи того, у кого не достаёт доблести! Посмотри на свою палицу, разбитую моими стрелами на куски и валяющуюся на земле! Ты хвастал напрасно! Разве не говорил ты: «Я иссушу слезы, пролитые смертью демонов!»? Пустые слова! Как Гаруда в старину украл нектар бессмертия, так и я лишу тебя жизни, мерзкий и лживый негодяй! Земля сегодня обагрится пенящейся кровью, которая хлынет из твоего горла, разорванного моими стрелами. Скоро тело твое, покрытое грязью, с раскинутыми руками обнимет землю, как пылкий любовник обнимает женщину, которой долго и тщетно добивался. О позор своего рода, с твоей смертью лес Дандака станет прибежищем тем, кто живет в отречении. Мои стрелы очистят лес от всех демонов, чтобы аскеты могли без боязни жизнь здесь. Сегодня демоницы, горестно плача и ужасаясь, будут летать над этим местом. Сеявшие ужас и творившие зло исполины, подобные тебе, и их супруги, сегодня узнают боль печали! О жестокий, падший и лживый негодяй, в страхе перед которым мудрецы дрожали, выливая масло в священный огонь! Пока Рагхава в гневе говорил эти слова, Кхара, исходя злобой, стал осыпать его бранью:

– Воистину, как бы ты ни хвастал, ты пребываешь в страхе и перед лицом смерти не знаешь, говорить тебе или молчать! На грани смерти некоторые теряют власть над собой и уже не понимают, что хорошо, что дурно. С этими словами Кхара, ночной разбойник, нахмуясь, посмотрел вокруг в поисках оружия и, заметив огромную пальму поблизости, с силой вырвал ее и, с безумной силой вращая ее над головой, бросился на Раму, ревя: «Сейчас я убью тебя!» Рагхава своим оружием разбил в щепки это дерево и, охваченный гневом, решил наконец убить Кхару. Он весь был покрыт потом, глаза пылали. Рама осыпал Кхару бесчисленными стрелами, и реки крови хлынули из его ран, словно потоки с горы Праваршана. Пораженный стрелами Рамы и обезумевший от запаха крови Кхара снова бросился на Раму, который, глядя на этого несущегося в ярости и покрытого запекшейся кровью демона, отступил на несколько шагов. Чтобы убить его, Рама извлек сияющую как огонь стрелу, напоминающую жезл Брахмы. Праведный, он выпустил в Кхару ту стрелу, Индрой подаренную мудрецу Агастье. Словно молния, она ударила Кхару в грудь, и он, сгорая в ее огне, упал наземь. Как Рудра в лесу Швета сжег демона Андхаку своим третьим глазом, как Вирата погиб под ударом молнии, а Намучи – от пены, как Бал пал под ударами палицы Индры, так Кхара поверженным лежал на земле. Боги и чараны, собравшиеся в небесах, изумленные и радостные ударили в свои барабаны и, проливая на Раму дождь из цветов, говорили:

– В этой великой битве Рагхава своими острыми стрелами в одно мгновение убил четырнадцать тысяч демонов, по желанию меняющих свой облик, вместе с их предводителями – Кхарой и Душаной. Это великий подвиг Рамы, воспетый в священных писаниях. Какая доблесть! Своей доблестью он напоминает самого Господа Вишну! Боги исчезли, удалившись туда, откуда пришли. И тогда раджариши и парамахамсы, сопровождаемые Агастеей, радостно выразили почтение Раме и сказали:

– Ради этой цели покоритель Паки, могущественный Пурандара посетил обитель мудреца Шарабханги. Вот для чего великие риши привели тебя в это место, о царевич, чтобы ты своим могуществом уничтожил демонов, творящих злодеяния. Ты исполнил свою миссию, о сын Дашаратхи. С этого дня добродетельные мудрецы могут мирно совершать свои религиозные обряды в лесу Дандака. Рама вместе Лакшманой и Ситой, спустившимися из горной пещеры, радостно вошли в свою хижину. Победоносный и героический Рама, почитаемый всеми великими мудрецами, вернулся в ашрам, где Лакшмана почтительно поклонился ему. Видя своего супруга, увенчанного победой, вернувшего радость аскетам, счастливая Ваидехи обняла его. Глядя на тысячи убитых демонов, на великодушных мудрецов, поклоняющихся Раме, дочь Джанаки стала служить своему господину. Преисполненная радости, снова и снова обнимая его, она наслаждалась высочайшим счастьем.

Глава 31 Равана узнает о смерти Кхары и решается убить Раму

Демон Акампана, поспешно покинув Джанастхан, отправился на Ланку. Разыскав Равану, он поведал ему:

– О царь, бесчисленные демоны, обитавшие в Джанастхане, погибли, и даже сам Кхара пал на поле сражения. Случайно я живым добрался до тебя. От этих слов глаза Раваны покраснели от гнева. Обратив на Акампану пристальный взгляд, сложно желая его испепелить, он сказал:

– Кто, ища смерти, посмел истреблять мой народ? Никто в мире не спасет его, даже Индра, Кувера, Яма или сам Вишну! Ни один из людей не спасет бросившего мне вызов! Я повелитель времени, властелин огня, смерть самой смерти! В гнев я могу обратить в пепел Адитью и Паваку! Воистину, я могу подчинить ветер! Акампана со сложенными ладонями, голосом сдавленным от ужаса, попросил защиты у десятиглавого Раваны, который обезумел от гнева. Повелитель демонов заверил его в том, что ему не грозит никакая опасность, и тогда Акампана смело заговорил:

– Это сын царя Дашаратхи, молодой, напоминающий льва, широкоплечий, как буйвол, длиннорукий, красивый, прославленный и безгранично могущественный. Его имя Рама. Это он убил Кхару и Душану. Равана, царь демонов, дыша, как великий змей, спросил Акампану:

– О Акампана, сопровождали ли Раму, когда он входил в Джанастхан, главенствующие боги и небожители? И Акампана стал описывать великие и благородные подвиги Рагхавы:

– О царь, Рама – могущественный воин, непобедимый стрелок, доблестью он равен Индре. Глаза его красноваты в уголках, а голос напоминает звон литавр, его лицо прекрасно, как полная луна. Сопровождаемый Лакшманой, как Анила не растает с Павакой, этот благословенный удачей царь царей уничтожил твой народ, как огонь раздуваемый ветром, истребляет лес! Боги не сопровождали Раму – в этом нет сомнений – но его с золотым оперением стрелы летели по воздуху, превращаясь в пятиглавых змей, и уничтожали демонов. О могущественный государь, убегая в ужасе, они видели Раму, который стоял перед ними. Так он истребил весь Джанастхан. Услышав слова Акампаны, Равана закричал:

– Я отправлюсь в Джанастхан и убью Раму и Лакшману! Тогда Акампана отвечал:

– О царь, услышь от меня о силе и доблести Рамы. Безгранично добродетельный и храбрый, в гнев он неудержим, никто в творении не справится с ним. Своими стрелами он может остановить бег реки и расколоть небосвод с его звездами и планетами. Более того, если Земля упадет со своей орбиты, он поднимет ее и, если захочет, изменит границы моря и затопит сушу водой. Он способен подчинить своей власти все творенье и повелевать направлением ветра. Несомненно, эта возвышенная личность, разрушив миры, может создать новую вселенную. О десятиглавый, как грешнику закрыт путь на небеса, ни тебе, ни твоим великанам не одолеть Раму в сражении. Боги и демоны общими усилиями не справятся с ним. И все же есть способ уничтожить его, и я сейчас тебе его открою. Рама женат на самой прекрасной женщине на земле, эту женщину с тонким станом зовут Сита. В самом расцвете юности, стройная, она носит драгоценные украшения. Красотой она затмевает небесных женщин, нимф и нагов. Заманив Раму в лес, унеси ее прочь! Лишившись Ситы, Рама не проживет и мгновенья! Повелитель ракшасов с удовольствием выслушал эти слова и, немного подумав, сказал Акампане:

– Да будет так! Завтра же я на своей колеснице с радостью на сердце унесу царевну Видехи в этот просторный дворец! На следующий день Равана взошел на свою колесницу, запряженную мулами, которая сияла, как солнце, на четыре стороны света, и помчался звездным путем, напоминая луну, плывущую в облаках. Преодолев огромное расстояние,

он опустился у хижины Маричи, сына Тараки, который попотчевал его изысканными блюдами, неведомыми человеку. Усадив его и предложив воды омыть стопы, этот демон сказал Раване:

– О повелитель исполинов, все ли благополучно с тобой и твоим народом? О государь, я не знаю о твоих намерениях, но твое неожиданное появление наполнило меня радостью! Сияющий и красноречивый Равана отвечал Маричи:

– О друг! Неутомимый Рама непостижимым образом истребил народ Джанастхана, прежде неуязвимый, а также моих генералов – Кхару и Душану. Поэтому ты поможешь мне украсть его супругу Ситу. Марича отвечал царю демонов:

– О царь, несомненно, человек, посоветовавший тебе украсть Ситу, враг под личиной друга. Этим советом он оскорбил тебя, завидуя твоему могуществу. «Унеси Ситу!» Кто произнес эти слова? Кто жаждет уничтожения всего рода демонов? Конечно же человек этот твой враг, поскольку подстрекает голыми руками вырвать ядовитый зуб у змеи. Кто пытается ввести тебя в заблуждение и, когда ты безмятежно спишь, разбить тебе голову? Этому опьяневшему слону, от одного запаха которого разбегаются другие слоны, Рагхаве невозможно противостоять в сражении. Знаменитый и безукоризненный род, в котором он родился – это его хобот, а слава – это его течка, его сильные руки – это его бивни. О Равана, ты не сможешь противостоять ему. Не тревожь этого спящего льва, который охотится на демонов, как на ланей. Стрелы в его колчане – это длинные когти, а острый меч – пасть. О царь демонов, воздержись бросаться в этот смертельный и бездонный океан под названием Рама, чей лук – это крокодилы, а сила руки – болото, чьи стрелы – вздымающиеся волны, а поле сражения – водный простор. О повелитель ланки, успокойся и возвращайся с миром в свою столицу. О Индра среди демонов, живи счастливо в обществе своих жен, и пусть Рама будет счастлив со своей супругой в лесу. Вняв словам Маричи, десятиглавый Равана вернулся на Ланку, в свой золотой дворец.

Глава 32

Шурпанакха бранит Равану, понуждая его убить Раму

Шурпанакха, видя смерть четырнадцати тысяч демонов вместе с Кхарой, Душаной и Триширасом, в одиночку убитых Рамой в открытом сражении, издала пронзительный вопль и заревела, как гром. Взволнованная несравненным могуществом Рамы, она поспешила на Ланку, в столицу Раваны. На террасе дворца она увидела Равану в сияющем ореоле славы, окруженного советниками и подобного Индре среди Марутов. На золотом троне, сверкающем как огонь, Равана напоминал великий огонь на алтаре, поддерживаемый жертвенными возлияниями очищенного топленого масла. Непобедимый богами, гандхарвами, риши или любым иным созданием, этот воин, напоминавший саму смерть с широко разверзнутой пастью, был украшен шрамами от ударов молний, полученными в войне богов с демонами. На груди у него оставались следы от бивней Айраваты. Он обладал двадцатью руками и десятью головами. С широкой грудью, в пышных одеждах, царственный, он был украшен изумрудной цепью и превосходным золотом. С огромными руками, белыми зубами и чудовищным ртом она напоминал гору. В битве с богами Вишну сто раз ударил его своим диском. С той знаменательного сражения он носил на теле следы и другого оружия, и все же члены его были нетронутыми и целыми. Способный вспенить океан, швырявший горные гряды, он повергал богов, попирали все законы морали, насиловал женщин, владел небесным оружием, разрушал жертвенные алтари. Он спустился в город Бхогавати и подчинил своей власти змея Васуки и украл его нежную супругу. Он взошел на гору Кайласу, он покорил Куверу, лишив его летающей колесницы пушпака, которая носила его, куда бы он ни пожелал. В гневе он разрушил сад Чаитаратха, пруд лотосов, рощу Нандана и другие чудесные обители богов. Своими огромными руками, напоминающими горные вершины, он помешал движению солнца и луны. Дважды побеждавший своих врагов, он сиял великолепием. Тысячу лет совершая суровые ас-

кезы в могучем лесу, он возложил свои головы на жертвенный алтарь Сваямбху (Брахмы) и обрел благословение, что ни боги, ни демоны, гандхарвы, пишачи, патаи или ураги не смогут убить его. Однако люди не входили в это число. Гордый своей силой, он украл напиток Сома, освещенный силой мантр, прежде чем дваждырожденные на жертвоприношении извлекли его. Этот отвратительный негодяй, злобный Равана, убийца брахманов и праведников, не ведающий жалости, вселяющий ужас, был источником бед для всего живого во вселенной. Шурпанакха увидела своего брата, исполненного могущества, облаченного в пышные одежды, украшенного небесными гирляндами. Он возвышался на троне, напоминая Время в час уничтожения мира. Это был индра среди демонов, гордый потомок Поуластыи. Дрожа от страха, она предстала перед этим покорителем врагов, сидевшим в кругу своих советников. Раздавленная ужасом и страстью, Шурпанакха, привыкшая безбоязненно скитаться повсюду и ныне изуродованная великодушным Рамачандрой, обнажила свои раны перед Раваной, чьи огромные глаза извергали пламя, и бросила ему горькие слова.

Глава 33 Речи Шурпанакхи, обращенные к Раване

Пылая гневом, Шурпанакха обратилась к Раване, угнетателю мира с резкими словами:

– О Равана, предавшийся наслаждениям и без стеснения исполняющий любую свою прихоть, ты забыл о великой опасности, нависшей над твоей головой. Подданные пренебрегают монархом, пребывающим во власти похоти и легкомысленных развлечений, скупым, как будто это огонь на месте сожжения трупов. Царь, поправший свой долг, в должный час приносит разрушение своему государству. Царевича, живущего в излишествах, пребывающего во власти своих жен и охотно доверяющий чужим советам, нужно остерегаться, как слон остерегается речной грязи. Правители, неспособные защитить свои земли или вернуть потерянные территории, живут бесславно, как горы, тонущие в океане. Враждующая с богами, гандхарвами и данавами, которые владеют собой, делая то, чего не следовало бы, и будучи непостоянным, как можешь ты сохранять царскую власть? О великан, ты просто ребенок, лишенный разума, и не ведаешь о том, чего тебе следовало бы знать! Как ты правишь? Монарх, в распоряжении которого нет шпионов, богатства или политики, подобен обычному человеку, о царь победителей! Дальновидный царь получает от своих шпионов сообщения о том, что творится за пределами его государства. Похоже, ты не исполняешь свой долг, и советники, окружающие тебя, неопытны, раз ты не обращаешь внимания на истребление твоего народа и потерю своих земель. Четырнадцать тысяч воинов злых деяний во главе с Кхарой и Душаной пали от руки Рама. Герой беспримерных подвигов, Рама освободил аскетов от страха, принес мир в лес Дандака и истребил Джанастанхан. Но ты жаден, ты раб своей похоти, и потому не осознаешь грозящей тебе беды. Никто не поможет монарху в час опасности, если он насильник, если он подл, распущен, надменен и вероломен. Собственные родственники свергнут чрезмерно тщеславного царя, горделивого, хвастливого и раздражительного. Монарх, поправший свой долг и в час опасности тешащий себя ложными надеждами, во время бедствия будет вырван из своего царства, как сухая трава. Сухое дерево, торф или пыль имеют какую ценность, но падший царь бесполезен и напоминает увядающую гирлянду или изношенную одежду. Но бдительный монарх, знающий о происходящем и доблестный, крепко сидит на троне. Царь, который даже во сне ясно сознает нужды своего государства, который в должное время проявляет свой гнев или одобрение, всеми почитаем. О Равана, чьи шпионы не сообщили тебе о великом и кровавом истреблении демонов, о лишении мудрости, ты нуждаешься во всех этих возвышенных качествах. Пренебрегающий другими, предавшийся чувственным утехам, не способный оценить времени и места или отличить добро от зла, жертвуя

своим царством, ты скоро погибнешь. Размышляя над обвинениями, брошенными сестрой, Равана, повелитель демонов, богатый, надменный и могущественный, молчал.

Глава 34

Шурпанакха понуждает Равану убить Раму и жениться на Сите

Выслушав горькие слова Шурпанакхи, Равана, окруженный своими министрами, гневно спросил:

– Кто этот Рама: Что у него за сила? Как он выглядит и каково его могущество? Почему он удалился в безлюдные и непроходимые дебри леса Данадака? Каким оружием одолел он демонов в том сражении, убив Кхару и Душану, а также Тришираса? Скажи мне истину, о прекрасная, кто изуродовал тебя? В приступе гнева Шурпанакха начала рассказывать Раване историю Рамы:

– Рама, сын царя Дашаратхи, прекрасен, как бог любви. У него длинные руки и большие глаза. Одетый в кору и шкуру черной антилопы он носит с собой лук, отделанный золотом, как у Индры, и выпускает стрелы, подобные ядовитым змеям. Издав великий клич, он выпускает смертоносные стрелы. Во время сражении его невозможно было разглядеть, зато дождь его стрел косил сонмы демонов, словно урожай, уничтоженный градом Индры. За короткое время, один, он убил четырнадцать тысяч демонов вместе с Кхарой и Душаной, и этим принес мир мудрецам Дандаки и освободил их от страха. Рыцарской души, Рама, постигший себя, не поощряет убийство женщин, и потому я, изуродованная по его приказу, спаслась. Его брат величайшей доблести, славится своей добродетелью. Его имя Лакшмана, и он полностью предан Раме. Полный огня, неукротимый, победоносный, могущественный, разумный и мудрый Лакшмана – его правая рука и само дыхание его жизни. Добродетельная супруга Рамы, нежная и верная, с большими глазами, лицом, напоминающим полную луну, преданно служит своему господину, радуя его сердце. С прекрасными волосами, точеным носом, покатыми плечами, грацией и осанкой она кажется лесной богиней или самой Лакшми. Кожа ее цветом напоминает расплавленное золото, ногти розоватые, с глубокими лунками – так неописуемо прекрасна Сита, царевна Видехи с тонким станом. В этом мире нет женщины более прекрасной даже среди богов, гандхарвов, якшей или киннеров. Завевавший Ситу и обретший ее теплое объятие, становится в этом мире счастливее Пурандары. Своим добродушием, чарующей красотой, которой нет равных на земле, она могла бы стать для тебя достойной супругой, так же как и ты достоин быть ее господином. Пытаясь добыть для тебя эту прекраснотелую женщину с округлой грудью и обворожительными чертами лица, о могучерукий царь, я пострадала, изуродованная безжалостным Лакшманой! Когда ты увидишь Ваидехи, чье лицо похоже на полную луну, твое сердце в тот же миг дрогнет, пронзенное стрелами бога любви. Если ты хочешь ее завоевать, отправляйся немедленно и победи Раму. О Равана, если совет тебе по душе, последуй же ему безотлагательно, о царь демонов. Зная слабость людей, о доблестный повелитель исполинов, сделай безупречную Ситу своей женой. Услышав, что Рама своими стрелами, не знающими промаха, убил демонов, живших в Данастане, узнав о смерти Кхары и Душаны, исполни свой долг!

Глава 35

Равана вновь посещает демона Маричи

От слов Шурпанакхи у Раваны волосы стали дыбом. Он распустил совет и стал размышлять о том, как поступить. Оценив истинный смысл предприятия и взвесив его необходимость, он заключил: «Я должен это сделать!». С таким намерением он незаметно вошел в великолепный шатер, где его неизменно ожидала быстрая как ветер, колесница, и повелел возничему готовиться в путь. Послушный приказу возничий мгновенно с усердием собрал роскошную золотую колесницу, и Равана взошел на нее, сверкающую драго-

ценными камнями и несущуюся, куда бы он ни пожелал, в которую были запряжены мулы в золотой сбруе с головами гоблинов. Возвышаясь на этой колеснице, колеса которой гремели, как раскаты грома, младший брат Дханады, бога сокровищ, промчался мимо повелителя рек и ручьев, вдоль берега моря. Равана сидел под чистейшим белым пологом с белыми опухалками. Великан с десятью головами лазурного цвета, он носил украшения из чистейшего золота. У него было десять шей и двадцать рук. Младший брат Дханады, враг богов, убийца самых возвышенных аскетов, с огромными, как десятигребневые горы Индры, головами, он стоял в своей колеснице и казался прекрасным, когда направлял ее по желанию, словно огромное облако, увенчанное молнией и сопровождаемое стаей журавлей. Наконец, могущественный великан увидел берег моря с его скалами, поросшими лесом склоняющихся под тяжестью цветов и плодов деревьев всех видов, где прозрачные озера были полны лотосов, а просторные хижины с их алтарями и рощами посаженных деревьев придавали великолепия всей картине, краски которой усиливали цветущие кокосовые пальмы и деревья шала, тала и тамала. Место это было освящено присутствием тысяч великих риши суровых аскез и нагов, супарнов, гандхарвов и киннеров. Им служили невозмутимые сиддхи и чараны, потомки Брахмы, питавшиеся солнечными лучами, или аджи, ваикханасы, машасы, валакхильи и маричипасы, вовсе не нуждающиеся в пище. Многочисленные нимфы небесной красоты, украшенные гирляндами и драгоценностями, развлекали их различными играми, в которых они так искусны. Благословенные супруги богов почитали их, живя среди них, а данавы и другие небожители, питающиеся амритой, часто посещали это дивное место. Лебеди, журавли, пеликаны и другие водоплавающие птицы развлекались на изумрудных влажных лужайках, сверкающих от росы и морского тумана. Из огромных колесниц, украшенных небесной красоты гирляндами, раздавалась сладостная музыка по желанию тех, кто силой совершенных аскез завоевал миры. Равана увидел также гандхарвов и апсар. С высоты он обозревал бескрайние сандаловые леса, чьи корни были полны ароматного сока; рощи восхитительных деревьев агаллоча и таккола вместе с грушевыми деревьями, кустами черной смородины и грудками жемчуга на берегах; коралловые рифы и золотые и серебряные мысы сбрасывали водопады кристально чистой воды; и города, полные зерна и сокровищ, украшенные жемчужинами женственности, запруженные конями, слонами и колесницами. На берегу океана повелитель демонов увидел ровное и чарующее, словно рай, место, над которым гулял прохладный ветер. В самом центре его росло огромное дерево, словно светлое облако, которое раскинуло свои ветви на несколько йоджан и давало прибежище многим мудрецам. Именно сюда могучий Гаруда принес в своих когтях огромного слона и гигантскую черепаху, чтобы сожрать их среди ветвей, но ветка обломилась под тяжестью великой птицы, что привлекло внимание ваикханасов, машей, валакхильев, маричипасов, аджасов и дхумрасов. Гаруда проникся к ним состраданием и в одной когтистой лапе перенес ветку, слона и черепаху на сотню йоджан от этого места, где насладился их мясом. Сломанной веткой разрушив земли нишадов, промышленяющих охотой и рыбной ловлей, Гаруда, носящий Вишну на своей спине, освободил мудрецов, и его радость удвоилась, а сила возросла. Преисполненный могущества, он решил украсть нектар бессмертия. Он разбил железный замок, вошел сокровищницу, где могущественный Индра хранил амриту, и унес ее. Это было то самое дерево Ньягродха, излюбленное место великих мудрецов, до сих пор отмеченное знаками супарны и называемое «Субхадра». Равана, младший брат Дханады, сейчас увидел его перед собой. Продолжая свой полет над океаном, повелителем вод, Равана увидел посреди леса уединенную обитель, древнюю и святую. Там он нашел демона Маричи, облаченного в шкуру черной антилопы, собравшего в узел волосы и предававшегося суровым аскезам. По традиции Марича гостеприимно принял Равану, потчует его и развлекает, как неведомо людям. Положив перед своим государем чистую пищу и воду, он смиренно спросил: -Процветает ли Ланка, о царь демонов? С какой целью ты вновь столь поспешно пришел сюда? Могущественный красноречивый Равана отвечал следующим образом.

Глава 36

Равана раскрывает демону Мариче свой замысел

– О Марича, слушай меня внимательно, и я все поведаю тебе! О дитя мое, я глубоко страдаю, и ты один можешь избавить меня от печали! Тебе известно, что в Джанастанхане мой брат Кхара, длиннорукий Душана, сестра моя Шурпанакха, а также могущественный Триширас и другие великаны, питающиеся плотью, ночные разбойники, послушные моей воле мучили святых мудрецов, живших в том обширном лесу и занятых своими аскезами. Четырнадцать тысяч демонов ужасных деяний, мужественных и искусных жили в Джанастанхане под предводительством Кхары. Эти могущественные воины встретились с Рамой на поле сражения. Хорошо вооруженные, облаченные в кольчуги, они шли за Кхарой. Взбешенный Рама, не проронив ни единого слова вызова, напал на них, выпустив стрелы из своего лука, и свирепые стрелы этого смертного. Который сражался в одиночку и пешим, повергли четырнадцать тысяч демонов великой доблести. В той битве погиб Кхара, пал Душана, а также Триширас. В лесу Дандака воцарился мир. Вместе с женой изгнанный в лес отцом, поправшим закон, этот Рама, обыкновенный смертный, позор воинского сословия, человек без морали, не ведающий жалости, сладострастный, фанатичный, стяжательный, раб своих чувств, живет в своей хижине, нарушая свой долг. Несправедливый, без нужды причиняющий зло, надеющийся лишь на собственные силы, он изуродовал мою сестру, отрезав ей уши и нос. Я решил силой увести его супругу Ситу, подобную дочери богов, и сейчас прошу тебя помочь мне в этом. О герой, мне и моим братьям нечего бояться богов, не бойся стать моим союзником. О исполин, тебе нет равных в гордости и храбрости на поле битвы, как нет равных в военном искусстве. Кроме того, ты владеешь магией. Услышь же, как ты лучше всего можешь помочь мне! Приняв облик золотого оленя с серебрянными пятнами, появиись перед Ситой у хижины Рамы. Увидев прекрасную лань, Сита несомненно скажет своему господину и Лакшмане: «Поймайте мне ее!» Ты завлечешь их подальше в лес, и по счастливой случайности Сита останется одна, тогда я без помех унесу ее, как Раху пожирает сияющую луну. Похищение супруги причинит Раме смертельное горе, а я, вполне удовлетворенный, вновь обрету счастье и покой в сердце! Добродетельного Маричу охватил ужас, когда он услышал о Сите. Облизав языком высохшие губы, он, подобно мертвецу, остановил на Раване пристальный взгляд. Полный страха, хорошо зная о безграничной доблести Рамы, защищающего лес, Марича со сложенными ладонями дал Раване добрый совет.

Глава 37

Марича пытается отговорить Равану

Выслушав государя демонов, мудрый и красноречивый Марича отвечал:

– О царь, тех, кто ищет прибежища в лести, легко найти, но редки те, кто готов слушать речи резкие, но здравые. Несомненно, ты ничего знаешь о Раме и признаешь его величайших достоинств, в которых он превосходит Махендру и Варуну. Ты беспечен, и шпионы твои никуда не годятся; как можешь ты жить в безопасности со своими демонами, о друг? Разве Рама в гневе не в силах истребить весь исполинский род? Дочь Джанаки станет причиной твоей смерти! Неужели ты не признаешь, что Сита вызовет величайшее бедствие? Город Ланка погибнет вместе с тобой и твоими воинами, потому что ты, живущий на поводу своих страстей, раб своих чувств, не ведающий воздержания, ты их повелитель. Беспринципный монарх, подобный тебе, раб своих прихотей и в своей распущенности внемлющий только злобным советам подвергает риску своих подданных и все царство. Царь Дашаратха, отец Рамы, никогда не отвергал своего сына, и Рама никогда не нарушал своего долга, он не жаден и не безнравственен, он не является пятном в сословии воинов. Сын Каушалы щедр и обладает другими добродетелями, он не впадает в гнев и не пытается никому навредить. Зная, что Кайкейи обманула его отца, он все же, полный сыновней

преданности, сказал: «Я исполню обещание отца!» – и ушел в лесное изгнание. Чтобы доставить удовольствие Кайкейи и своему отцу Дашаратхе, он отрекся от трона и царских привилегий и ушел в лес Дандака. Рама не ведает страсти или невежества, подобно несдержанному человеку. Все, что рассказали тебе – ложь, этого никогда нельзя сказать о Рамае. Старший сын Дашаратхи – это воплощение долга, он добродетелен. Этот великим героем – Господь Мира, как Индра – царь богов. Вайдехи находится под полной защитой Рамы, потому что она целомудренна и целиком предана ему, как Прабха – солнцу. Как посмел ты думать увести ее силой? Не входит в неугасающий огонь Рамы, чьи стрелы на поле битвы подобны пламени, а лук – сухим дровам. Неважно, как велик твой гнев, но не следует тебе приближаться к тому непобедимому воину с луком в руках. Владея всеми видами оружия и пылая гневом, он уничтожает своих врагов! Если ты не хочешь потерять свое царство, свое счастье и саму жизнь, если все это дорого тебе – не приближайся к Рамае, который подобен самому Антаке. Как можешь ты унести дочь Джанаки из леса, охраняемого луком Рамы безграничного могущества? Возлюбленная супруга того льва среди людей с широкой грудью ему дороже собственной жизни, и она полностью предана ему. Царевну Митхилы с тонким станом никогда не вырвать из рук того великого воина, подобного огню в жаровне. К чему тщетные попытки, о великий царь? Избежав сражения с Рамой, ты сохранишь все. Поскольку это касается твоей жизни, удачи и царства, прежде непобедимый, посоветуйся со своими министрами во главе с Вибхишаной. Взвесь все за и против, все потери и приобретения своей затее. Сравни свою доблесть с безграничным мужеством Рамы! Подумай, что принесет тебе благо и потом поступай, как сочтешь наилучшим. На мой взгляд, тебе лучше не встречаться с сыном царя Кошалы на поле битвы. Я говорю ради твоего блага, о царь ночных разбойников!

Глава 38

Марича рассказывает о своей первой встрече с Рамой

О царь, прежде я обладал великой силой и бродил по всей земле, огромный, как гора, наделенный силой тысячи слонов. Темный, как облако, в браслетах из чистейшего золота и венцом на голове, вооруженный булавой я сеял ужас в сердцах всех живых существ. В лесу Дандака я питался мясом аскетов, и тогда великий, добродетельный мудрец Вишвамित्रа, встревоженный, отправился к царю Дашаратхе и попросил этого индру среди людей: «Пусть Рама бдит меня в день жертвоприношения! О глава людей, я очень опасюсь Маричу!» Праведный царь Дашаратха ответил знаменитому мудрецу: «Рагхаве еще нет и двенадцати лет, он недостаточно опытен во владении оружием. Я сам возглавлю свою армию из четырех ангов (1.80) против этих ночных разбойников, о лучший среди аскетов, и уничтожу твоих противников согласно твоей воле!» Вишвамित्रа возразил царю: «Воистину, ты – прибежище богов, твои подвиги известны всем в трех мирах, однако ни твоя могущественная армия и никто на этой земле, кроме Рамы, не обладает силой одержать верх на этих демонами. Поэтому ты оставайся здесь, о покоритель своих врагов! Даже ребенком Рама способен без труда справиться с демонами, поэтому я забираю его с собой. Блага тебе!» С этими словами мудрец Вишвамित्रа, очень довольный, взял царского сына в лес Дандака, где стояла его хижина. В благоприятный день он начал традиционное жертвоприношение, а Рама с луком в руках наготове находился поблизости. Этот ребенок с темной кожей голубоватого оттенка и сияющим взглядом, одетый в простую тунику, с луком в руке, золотой цепью и волосами, собранными в узел, освящал лес Дандака сиянием, которое исходило от него, словно восходящая новая луна. В этот момент, полный могущества и гордый благословениями, полученными от Брахмы, сияя, как облако, в золотых серьгах я появился в той святой обители. Увидев меня, Рама взял свою стрелу и аккуратно положил ее на тетиву своего лука. По невежеству я прошел мимо, приняв его за ребенка, и набросился на алтарь, близ которого стоял Вишвамित्रа. Тогда Рама выпустил свою острую смертоносную стрелу и, поразив меня, отшвырнул в море на сотни йоджан!

О друг, добродетельный Рама, не желая меня убивать, оставил мне жизнь, но от силы удара я лишился чувств и погрузился в глубины океана. Прошло немало времени, пока я пришел в себя и вернулся на Ланку. Хотя я остался жив, все мои спутники, приходившие ко мне за помощью, погибли от руки Рамы, ребенка нетленных деяний. Если отвергнув мой совет, ты все же выступишь против него, несомненно тут же навлечешь на себя смерть и неизбежное возмездие. Демоны, не ведающие ничего, кроме веселья и развлечений, которые мечтают только праздниках, окажутся в бесплодных страданиях. Из-за Ситы город Ланка с его храмами и дворцами, сверкающими всех видов драгоценными камнями у тебя на глазах сравнивается с землей. Даже невинные и благочестивые, соприкоснувшись, пострадают из-за чужих злодеяний, подобно рыбе в кишасщем змеями озере. Ты увидишь исполинов, умащенных божественной сандаловой пастой и украшенных небесными драгоценностями, из-за твоего безумия распростертыми на земле. Те, кто по милости победителей останутся в живых, вместе со своими женами будут бежать во все стороны, нигде не находя прибежища. Под градом стрел, летящих в огне, ты увидишь дворцы Ланки, сгоревшие дотла. О царь, нет большего греха, чем жить с чужой женой. В твоей свите тысячи наложниц, поэтому храня верность своим законным женам, береги свой род, уважение, удачу, царство и саму жизнь. Если ты хочешь жить счастливо, в кругу своих жен и друзей, не вступай в конфликт с Рамой. Если, несмотря на мой дружеский совет, ты украдешь Ситу, ты, твои родственники, вместе со всей армией без сомнений низойдете в обитель Ямы, сраженные смертоносными стрелами Рамы.

Глава 39

Марица вновь пытается отговорить Равану от его замысла

О Равана, я поведал тебе, как была спасена моя жизнь. Послушай теперь, что было дальше. Мне мало было этого случая, и я вместе с двумя демонами вошел в лес Дандака, приняв облик оленя. Я шастал повсюду, не прочь поживиться плотью аскетов, разрушая священные обители, оскверняя жертвенные костры и места поклонения и сея ужас среди мудрецов, которых преследовал. С растущей жадностью я убивал тех аскетов, упиваясь их кровью и пожирая их плоть, моя жестокость приводила в ужас всех обитателей леса. Продолжая препятствовать религиозным обрядам, я натолкнулся на Раму, который вел жизнь аскета вместе с благословенной Ситой и могущественным Лакшманой, набожного и преданного всеобщему благу. Полный презрения к Рама, который удалился в лес, я подумал: «О, теперь он стал аскетом», – и, помня свое прошлое поражение, в гневе бросился на него, наставив рога. В своем безумии я жаждал его убить. Но он, быстрый, как Супарна или Анила, взял свой огромный лук и вложил в него три острых смертоносных стрелы. Через мгновенье эти смертоносные, подобные молниям стрелы с блестящими наконечниками летели, словно жаждали крови. С прошлого раза помня о воинском искусстве и доблести Рама и осознавая опасность положения, в котором оказался, я бросился бежать и скрылся, но двое исполинов, которые сопровождали меня, погибли. С большим трудом избежав стрел Рама и спасая свою жизнь, я удалился сюда, вступив на путь аскезы и йоги. С этого дня я вижу Раму, одетого в кору и шкуру черной антилопы, с луком в руках – в каждом дереве, словно это сам бог смерти, несущий свою петлю! К своему ужасу я вижу тысячи Рам, О Равана! Весь лес принимает облик Рама и даже в пустынных местах я вижу его! О царь великанов, даже во сне он является ко мне, и я вскакиваю в страхе. Он вызывает во мне такой ужас, что даже такие слова, как «ратна» или «ратха» (1-2, 83), начинающиеся со слога «Ра», переполняют меня страхом. Зная безграничную доблесть этого потомка Рагху, я убежден, что ты не сможешь противостоять ему в сражении, он победил даже Бали и Намучи. выступишь ли ты с ним сражение или заключишь мир, при мне не произноси его имени, если хочешь видеть меня живым! В этом мире есть множество добродетельных души, занятых йогой и исполняющих свой долг, но погубленных ошибками близких людей. Мне тоже суждено погибнуть из-за чужих злодеяний! О ночной разбойник, поступай,

как сочтешь нужным, но без меня. Поистине, Рама, полный сил, доблестный и смелый, прославится как победитель великанов этого мира. Хотя злобный Кхара из Джанастхана из-за Шурпанакхи пал от его руки, разве он виновен в этом? Я говорю это для твоего блага и блага твоих родных. Если ты пренебрежешь этими словами, ты несомненно погибнешь в сражении с Рамой и погубишь весь свой народ!

Глава 40 Гнев Раваны

Подобно человеку на смертном одре отвергающему лекарство, Равана отверг разумные возражения Маричи и на его прославления Рамы отвечал резко и необдуманно:

– Негодяй, слова твои не принесут плода, как семя, посеянное в неплодородную почву! Ты не остановишь меня от сражения с Рамой, глупого и слабого создания! У тебя на глазах я унесу возлюбленную жену Рамы, убийцы Кхары, который имеет прославленного отца, мать, царство и друзей и который, услышав безжалостные слова Кайкеи, удалился в лес. О Марича, ум мой тверд. Ни боги, ни демоны. Ни даже сам Индра не поколеблет моего решения. Это правильно, когда тебя спрашивают, представить все достоинства и недостатки задуманного дела, что послужит или повредит желанной цели. Мудрый советник, вопрошаемый государем, желая блага своему господину, будет отвечать почтительно, стоя перед ним со сложенными ладонями, произнося слова, подходящие случаю. Но мрачные речи не принесут удовольствия монарху, который из уважения к своему сану сочтет себя оскорбленным. Пять богов представляют царей безграничного могущества: Агни, Индра, Сома, Яма и Варуна, олицетворяя рвение, доблесть, мягкость, кару и забывчивость. Поэтому во все времена они пользовались почетом и уважением. Ты же, пренебрегая своим долгом, выразил только надменность. Я пришел к тебе как гость, но ты обошелся со мной, как с негодяем. Я не спрашиваю тебя о том, что хорошо или плохо, о исполнении, я прошу тебя помочь мне в этом предприятии. Услышь теперь, как тебе это сделать. Приняв облик золотого с серебряными пятнами оленя, ты появишься у хижины Рамы и станешь играть и бегать перед Ваидехи. Очаровав ее, ты убежишь. Увидев тебя, силой магии превратившегося в оленя, Ваидехи поразится и станет настаивать, чтобы Рама поймал тебя. Ты уведешь Какустху далеко от хижины и его голосом прокричишь: «О Сита! О Лакшмана!» На твой зов Суамитри, понуждаемый Ситой и охваченный волнением из-за братской любви поспешит ему на помощь. Пока Какустха и Лакшмана будут в лесу, я унесу Ситу, как тысячеглазый бог унес Шачи. Сделай все, как я велю, о великан, и я дарую тебе половину моего царства. О друг, последуй путем, который приведет к успеху этого предприятия, и я помчусь на своей колеснице. Обманув Раму и без сражения завладев Ситой, я с тобой вместе вернусь на Ланку, цель моя будет достигнута. Если ты не слушаешь меня несмотря на свои возражения, о Марича, я немедленно убью тебя! Я заставлю тебя! Невозможно обрести счастья и процветания вопреки воле своего государя. Воистину, перед Рамой ты рискуешь жизнью, но послушавшись меня, ты неминуемо погибнешь. Подумай хорошо, что для тебя лучше, и поступай соответственно.

Глава 41 Марича продолжает увещевать Равану

На властное требование царя демонов Марича отвечал твердо и бесстрашно:

– Какой негодяй посоветовал тебе вступить на путь, который приведет тебя к гибели вместе с твоими детьми, родственниками и советниками, о Равана? О царь, что это за злобное создание, завидующее твоей благой удаче, пытающееся открыть перед тобой врата смерти? Несомненно, это твой враг, в своем бессилии поражающий тебя руками более сильного противника. Какой негодяй злых намерений толкает тебя на путь самоуничтожения? Советники, не отговаривающие тебя от дурных замыслов, достойны смерти и тем

не менее живут. Неправедные министры, поддерживаемые царем, который идет на поводу своих желаний, вступают на путь зла. Ты просто слеп. По милости монарха, министры обретают справедливость, пользу, удовольствие и славу, но этих достоинств нет там, о Равана, где царю не достает добродетели, и его подданные страдают, не имея ничего, кроме неудачи. О лучший среди победителей, царь – опора праведности и доброго имени своих подданных, поэтому он всегда защищает их. Под правлением жестокого, властного и невоздержанного монарха государство не будет спасено, о повелитель ночи. Министры, которые советуют насилие, погибнут вместе со своим господином, подобно колеснице, которую беспечный возница гонит в бездну. Многие благочестивые люди в этом мире, верные своему долгу, погибли вместе со своими родственниками из-за чужих ошибок. Жестокий тиран не способен защитить своих подданных, как шакал не может защитить стадо оленей. Исполины, которыми ты правишь, – глупый, безжалостный раб своих желаний – обречены. Жаль не меня, на которого неожиданно обрушилось это бедствие, но тебя, который скоро вместе со своей армией встретит смерть. Моя миссия завершена, я умру под ударами твоего противника. Будь уверен, я погибну, как только предстану перед Рамой, но знай также, что похищение Ситы будет стоить жизни тебе и твоим родным. Если тебе удастся с моей помощью украсть Ситу из хижины, тебе придет конец, так же как Ланке и всем демонам. Хотя я желаю тебе блага и пытаюсь помочь, ты отвергаешь мои слова, подобно смертнику, который в свой последний час не внемлет совету друзей.

Глава 42

Марича принимает облик оленя и отправляется к хижине

Сказав Раване такие горькие слова, Марича, полный дурных предчувствий, добавил:

– Пойдем, но знай, что как только я предстану перед тем воином, вооруженным стрелами, мечом и луком, который он направит в меня, моей жизни придет конец! Более того, кто противостоит Раве, не вернется живым! Он отправит тебя по дороге смерти, ты не устоишь под силой его ударов. Чем я могу помочь тебе в этом злом замысле? И все же, я готов. Процветания тебе, о ночной бродяга!

Довольный Маричей, Равана тепло обнял его и медовым голосом сказал:

– Такое великодушие достойно тебя! Теперь, когда ты охотно уступил моей просьбе, я вижу, ты воистину Марича! Прежде другой демон говорил со мной. Вместе со мной взойди мою летающую колесницу, выложенную камнями, запряженную мулами с головами гоблинов. Очаровав Ситу, как я тебе говорил, беги оттуда, и как только она останется одна, я унесу ее! – Да будет так! – отвечал сын Таатаки. Равана поднялся на свою колесницу, напоминающую небесный корабль и стремительно покинул уединенную обитель. Обозревая многие деревни, леса, горы, реки, царства и города, они наконец достигли леса Дандака, где стояла хижина Рамы. Сойдя с золотой колесницы, повелитель демонов сопровождаемый Маричей, увидел обитель Рамы и, взяв спутника за руку, сказал:

– Вот хижина Рамы в тени пальм. Теперь исполни то, ради чего мы прибыли сюда! Послушный воле Раваны, Марича в тот же миг принял облик оленя и стал бегать туда-сюда перед хижинкой Рамы. Демон принял чарующий и удивительный облик: кончики его рогов были усеяны драгоценными камнями, шкура в пятнах, а рот походил на красный лотос, с ушами лазурного оттенка, вытянутой шеей, животом цвета сапфира, боками цвета мадхука, сияющий как волокна цветка канджа, с изумрудными копытами, стройными ногами бедрами, которые переливались всеми цветами радуги. В один миг этот демон превратился в восхитительную лань переливчатого оттенка, усеянную всевозможными драгоценными камнями, неопишуемой красоты. Весь лес и мирная обитель Рамы озарились сиянием удивительной лани, в которую превратился Марича. Чтобы привлечь взгляд Ваидехи своей мерцающей окраской, он бродил в траве среди цветов. Его шкура была усыпана сотнями серебряных пятен, от чего он казался особенно прекрасным, когда гулял, пощипывая зеленые побеги деревьев. Приближаясь к пальмовым деревьям, он медленно шел

между деревьями карникара, иногда появляясь перед Ситой во всей своей красе. Эта прекрасная молодая лань гуляла близ ашрама Рама, по желанию подбегая и отдаляясь, иногда исчезая вдали и вновь появляясь поблизости, игриво прыгая или прижимаясь к земле, следуя за стадом оленей или ведя его за собой. Всеми путями этот демон в облике лани, описывая тысячи игривых кругов, пытался привлечь внимание Ситы. Молодые олени подходили, обнюхивали его и разбегались во все стороны, но демон, прежде с радостью убивавший их, теперь никого не трогал, не желая раскрывать себя. Тем временем с сияющими глазами Ваидехи собирала цветы, забавляясь среди деревьев карикара, ашока и кута, которые она так любила. Гуляя и срывая цветы, эта нежная царевна, не достойная жить в лесу, увидела молодую лань, усыпанную драгоценными камнями, жемчугами и алмазами. Увидев эту лань с прекрасными зубами и губами, серебряной шкурой, Сита широко открыла глаза от изумления и радости. Восхитительная лань, глядя на возлюбленную супругу Рама, продолжала играть и бегать перед ней, освещая лес, и Сита, дочь Джанаки, с растущим восторгом взирала на невиданное восхитительное создание.

Глава 43

Сита влюбляется в лань

Безупречной красоты, златокожая Сита, собирая цветы, увидела удивительную лань золотыми и серебряными пятнами и в величайшей радости позвала своего господина и Лакшману, которые не расставались со своим оружием:

– О царевич, иди скорей вместе с младшим братом! Она звала снова и снова, не сводя глаз с лани.

Рама и Лакшмана, те два льва среди людей, устремили глаза свои на Ситу и увидели сверкающую гостью, которая гуляла близ нее. Пораженный Лакшмана воскликнул:

– Несомненно, это демон Марича принял облик лани. Цари охотившиеся в лесу и соблазнившиеся его обманчивой красотой, погибли от его руки. О Рама, эта ослепительная лань, чье сияние затмевает солнце, – творение магии. Таких ланей не бывает на земле, о повелитель мира, это лишь коварный мираж.

Однако, Сита с радостной улыбкой перебила его и, полностью очарованная иллюзией, сказала:

– О сын царя, эта чудесная молодая лань завладела моим сердцем! Молю, поймай ее, великий воин, и она разделит со мной мои игры. Вокруг нашей хижины по лесу бродит много прекрасных созданий, чарующих сердце своей красотой, таких как чамары, шримары и рикши, небесные пришаты, ванары и киннеры развлекаются здесь, но, о длиннорукие герои, полные изящества и силы, никогда прежде я не видела в природе создания, которые своим сиянием и живостью был равен этой удивительной лани. Своим тонким и многоцветным телом, сверкающим драгоценными камнями, она осветила весь лес вокруг меня сиянием луны. Какая красота! Какое сияние! Какое изящество! Эта чудесная лань с изящными членами полностью покорила меня. Если ты поймаешь ее, она станет настоящим чудом в нашей обители, а когда наше изгнание закончится, она украсит собою царский дворец. О повелитель! Царевич Бхараты и мои матери изумятся, увидев эту лань небесной красоты. Если ты не сможешь поймать ее живьем, то шкуре ее не будет цены, о лев среди людей. Я счастлива буду сидеть на этой золотой шкуре, устланной травой куша. Я прошу прощения, это жестокое желание может показаться недостойно женщины, но красота этой лани восхищает меня!

Рисунок 6 Рама, Сита и Лакшмана обсуждают лань

Это грациозное создание с золотой шкурой, рогами, сверкающими драгоценностями, сияющее словно восходящее солнце или Млечный путь, очаровало самого Раму, который вняв просьбе Ситы, уступил ее желанию и весело бросил Лакшмане:

– О Лакшмана, заметь как эта лань влечет Ваидехи! Из-за своей красоты она сегодня расстанется с жизнью. Ни в лесу, ни в саду Нандана, ни в уединении Чаитраратха, ни где-либо на земле таких ланей не бывает. Посмотри, как бы она ни чистила свою бархатную шкуру, она блестит. Открывая рот, она показывает язык, подобный яркому пламени в жаровне или молнии в облаках, с головой украшенной изумрудами и хрусталем, с ее перла-

мутровым животом – чье сердце устоит перед ее неопикуемой красотой? Кто устоит, увидев это божественное видение, сияющее как золото, усыпанное драгоценными камнями? Развлечения ради цари с луками в руках охотятся в лесу на диких животных, и случайно находят там много сокровищ, – жемчуг, алмазы и золото, – о которых даже Индра не смел мечтать и которые умножают богатства человека, о Лакшмана. О таком богатстве говорили сведущие в Артха-шастре. Стройная Ваидехи будет сидеть вместе со мной на шкуре этой чудесной лани. Шкура кадали, прияки, прабени или абики не сравнится с мягкой шерстью этой красавицы, воистину прекрасная эта лань и ее двойник (1.90) божественны, одна среди звезд, а другая на земле. И все же если ты уверен, что это мираж, созданный демоном, о Лакшмана, я убью его. Этот жестокий и злобный Марича убил много великих аскетов, блуждая по лесу. Множество царей, вооруженные луками и охотившиеся здесь, погибли от его руки, когда он принимал облик мистического оленя, поэтому мы покончим с ним. В прежние времена Ватапи преследовал мудрецов и, войдя в их желудки, выходил наружу, разрывая их, подобно новорожденному мулу, который становится причиной смерти своей матери. Однажды тот демон встретился с великим мудрецом Агастьей, наделенным божественным могуществом. Агастья муни сожрал его, когда Илвали, брат Ватапи, угостил его блюдом, приготовленным из его мяса. Когда трапеза подошла к концу, демон крикнул: «Ватапи, изыди!» Но превосходный риши с улыбкой посмотрел на Илвали и сказал: «Ослепленные твоим могуществом, многие знаменитые мудрецы пали твоими жертвами на этой земле. Но сейчас я уничтожил твоего брата». О Лакшмана, я, верный долгу, твердой рукой покончу с этим демоном. Он встретит свою смерть, подобно Ватапи, которого истребил Агастья. Ты оставайся здесь и внимательно охраняй Ситу. Это наш первейший долг, о радость династии Рагху! Я убью эту лань или поймаю ее живьем, но пока я не вернусь, ни на шаг не отходи от Ситы, о сын Сумитры. Сегодня она станет обладательницей молодой лани, которая заплатит жизнью за свою золотую шкуру. Теперь следи за Ситой в хижине. Пока я одной стрелой не убью эту пеструю лань, оставайся здесь, о Лакшмана, вместе с могучим Джатаю, сильным, мудрым и благочестивым, и всечасно защищай Маитхили.

Глава 44 Рама убивает Маричу

Отдав приказ своему брату, непобедимый воин, радость династии Рагху, наделенный великой доблестью, опоясался своим мечом в золотых ножнах и, прихватив свой трижды изогнутый лук, с которым он никогда не расставался, и два колчана, полные стрел, он поспешил в лес большими шагами. Увидев этого Индру среди людей, царь зверей в страхе скрылся в чаще, не решаясь показаться ему на глаза. Опоясанный мечом и с луком в руках Рама бежал за ланью и, наблюдая за ней во всей ее красе, подбирался все ближе. Приготовив свой лук и не сводя глаз с лани, все дальше убегавшей в лес, он увидел, что иногда она останавливается и затем, будто заманивая, подпускает его к себе поближе. Робкая и трепещущая от страха она прыгала, появляясь на глазах и затем исчезая в лесной чаще. Подобно осенним облакам, сбившимся с пути, которые, проплывая мимо, закрывают луну, которая то сияет во всем своем блеске, то кажется далекой, скрываясь из виду, Марича в облике оленя увлекал Раму все дальше от его хижины. Какутстха обнаружил, что не смотря на его бдительность, лань ввела его в заблуждение, когда прикидываясь усталой, замирала в траве или, чтобы еще больше обмануть его, прибавалась к стаду оленей. Стоило Раме приблизиться, как она убегала, скрываясь из глаз и мелькая вдаль. Иногда, в этой отчаянной погоне не желая вовсе исчезнуть у Рамы из виду, она появлялась на мгновение, озаряя своим сиянием густые лесные заросли. Тогда Рама с растущим гневом вытащил из колчана смертоносную сверкающую стрелу, затмившую лучи солнца, и твердой рукой вложил ее в свой лук. С великой силой он выпустил эту стрелу, подобную безжалостной змее. Эта пылающая как огонь чудесная стрела, напоминающая вспышку молнии и со-

зданная самим Брахмой, пронзила сердце Маричи, который принял облик лани. Его подбросило высоко в воздух, почти до верхушки пальмового дерева, и потом смертельно раненный демон упал наземь. На пороге смерти, издавая ужасные вопли, Маричи принял свой истинный облик. Вспомнив слова Раваны и подумав о том, как побудить Ситу отослать Лакшмана, чтобы Равана мог беспрепятственно похитить ее, Марича воспользовался моментом и крикнул голосом Рамы:

– О Сита, о Лакшмана! Пораженный в сердце божественной стрелой, Марича сбросил облик оленя и предстал огромным демоном. Рама, глядя на великана, который, истекая кровью, корчился на земле в преддверии смерти, вспомнил слова Лакшманы и подумал: «Это был мираж, созданный Маричей, о котором говорил Лакшмана. Я убил Маричи. Но что подумала Сита, услышав крик сраженного демона: «О Сита, о Лакшмана»? Что сделает теперь могущественный Лакшмана?» От этих мыслей у добродетельного Рамы волосы поднялись дыбом, великий страх сковал ему сердце. Убив пятнистого оленя и прихватив с собой фруктов, которыми питаются аскеты, Рама бросился в свою хижину.

Глава 45

Сита отсылает Лакшману на помощь Раме

Услышав печальный зов, который, казалось, принадлежал ее господину, Сита сказала Лакшмане:

– Ты не узнаешь голоса Рагхавы? Иди скорее посмотреть, что с ним случилось. Этот зов наполнил сердце мое беспокойством. Он, должно быть, оказался в опасности, иди помоги своему брату, он нуждается в тебе. Наверное, демоны одолели его, словно львы – буйвола.

Однако Лакшмана, помня наказ Рамы, не откликнулся на просьбу Ситы и не сошел с места, на что рассерженная Джанаки сказала:

– О сын Сумитры, под маской привязанности ты безразличен к своему брату, потому что не спешишь ему на помощь по первому зову! Из-за меня Рама на краю смерти! Желая обладать мною, ты не хочешь спешить к Рагхаве! Ты радуешься его смерти и не любишь его. Вот почему его зов не трогает тебя! Если он в опасности, чего стоит моя жизнь? Только ради него я пришла в этот лес! Ваидехи горестно зарыдала, и Лакшмана, дрожа, как испуганная лань, отвечал:

– О Ваидехи, змеи, демоны, небожители или боги, великаны или исполины не могут одолеть твоего господина. Поверь, о царевна, среди богов и киннеров, диких зверей и гоблинов никто не в силах противостоять Раме в битве. О прекрасная, он, равный Индре, непобедим. Не говори так! Я опасаясь оставлять тебя в лесу одну, без Рамы. Даже если три мира и боги во главе с самой Индрой встретятся с Рамой в сражении, он победит их, поэтому успокойся и отгони всякий страх. Твой господин скоро вернется, убив чудесного золотого оленя. Я уверен, это не его голос и не бога. Это иллюзия, подобно городу гандхарвов, созданная демоном. О Ваидехи, великодушный Рама оставил тебя моим заботам. О прекрасная, я боюсь оставить тебя здесь одну. Убив Кхару и разрушив Джанастхан, мы стали объектом ненависти демонов. Они могут подражать чужим голосами в великом лесу и рады делать это во имя беспокойства добродетельных людей. О Ваидехи, не волнуйся!

От этих слов глаза Ситы вспыхнули гневом, и она сказала:

– О жестокосердный негодяй, позор своего рода, ты радуешься несчастью Рамы! Удивительно, как злодей, подобный тебе, скрывая свои мотивы, говорит так сладко в час опасности, нависшей над Рамой? Вероломный, ты отправился в лес сопровождать Раму и, коварный, воцарился ко мне, притворяясь другом! Или может быть, ты шпион Бхараты? Твой замысел, так же как и Бхараты, не достигнет успеха, о Саумитри! Приняв лотосоокого Раму своим господином, смогу ли я служить другому? Уж лучше я расстанусь с жизнью у тебя на глазах, о Саумитри! Без Рамы я не желаю жить и мгновенья!

Эти жестокие слова заставили Лакшману содрогнуться. Владея собой, со сложенными ладонями он отвечал Сите:

– Не мое это дело возражать тебе, ты – богиня для меня. Неудивительно услышать слова обвинений из уст женщины. Небрежная в исполнении долга, непостоянная и капризная женщина становится причиной разногласий между отцом и сыном. Поистине, я не в силах стерпеть твоих слов, они разрывают мне уши, как пламенные стрелы, о дочь Джанаки! О Ваидехи, пусть все обитатели леса станут свидетелями моего почтительного отношения к тебе, на которое ты отвечала столь резкими словами! Этот день принесет тебе немало трудностей, потому что ты превратила меня в ничто, хотя я послушен и верен воле своего старшего брата! Пусть все божества покровительствуют тебе, о женщина с большими глазами! Я вижу зловещие предзнаменования! Дай Бог мне по возвращении увидеть тебя живой и невредимой!

Дочь Джанаки рыдала, горячие слезы бежали по ее лицу, когда она говорила:

– Если я разлучусь с Рамой, лучше мне броситься в реку Годавери! О Лакшмана, я повешусь или войду в огонь, но я не подойду ни к кому другому, кроме Рагхавы!

Так сокрушалась перед Лакшманой обезумевшая от горя Сита, заламывая руки и бия себя в грудь. Лакшмана пытался утешить ее, но она не желала отвечать брату ее господина, и тогда он низко ей поклонился и побежал в лес Раме, то и дело оглядываясь.

Глава 46 Появление Раваны

Уязвленный горькими словами Ситы, Лакшмана, всем сердцем желая встретиться с Рамой, немедля скрылся в лесу. Тогда Равана, воспользовавшись моментом, в облике нищенствующего монаха устремился к хижине, чтобы увидеть Видехи. С собранными волосами, в шафрановых одеждах, с посохом и лотой в руках, этот могущественный демон в облике аскета, зная, что в этот час Сита одна, стал разговаривать с нею в лесу, подобно сумеркам, покрывающим землю в отсутствие солнца или луны. Равана смотрел на Ситу, супругу Рамы, подобно Раху, взирающей на Рохини в отсутствие Шачи. При появлении этого чудовищного демона, листья на деревьях пришли в движение, подул ветер, бурное течение реки Годавери успокоилось. Десятиглавый Равана, пользуясь отсутствием Рамы, появился перед Ситой в одеждах почтенного монаха, когда она горевала о своем господине. Приближаясь к Ваидехи с маской почтения на лице, словно Сатурн, проходящий близ звезды Читра, Равана напоминал глубокий колодец, поросший травой. Он стоял, не сводя глаз с Ситы, супруги Рамы несравненной красоты, любуясь ее сияющими губами и зубами, ее лицом, прекрасным, как полная луна, которая в горе сидела на ковре из листьев и плакала. Увидев царевну Видехи одну, одетую в желтое шелковое сари, с большими, как лепестки лотоса, глазами, демон, сраженный стрелой Камадевы, с радостью заговорил с нею, подражая интонациям праведных брахманов. Прославляя красоту Ситы, которой не было равных в трех мирах и которая делала ее подобной Шри, богине удачи, он сказал:

– О дева, сияющая блеском золота и серебра, облаченная в желтое шелковое сари и, подобно пруду лилий, собравшая в гирлянды свежие цветы! Ты – Лакшми, лишившаяся своего лотоса, или Кирти, или может быть ты прекрасная нимфа? Ты Бхути с тонким станом или Рати, развлекающаяся в лесу? Какие ровные, острые и белые у тебя зубы, какие огромные глаза, слегка красноватые в уголках с темными зрачками, какие идеальные и округлые у тебя бедра и как прекрасны твои ноги, напоминающие суживающийся к концу хобот слона! Какие круглые и полные щеки, словно спелые фрукты дерева тала, какая чудесная грудь, украшенная жемчугом! О дева со сладостной улыбкой, прекрасными зубами и выразительными глазами, ты похитила мое сердце, подобно реке, своим быстрым течением подмывающей берега, о стройная красавица! Тонкий стан, блестящие волосы, твои груди, тесня друг друга, увеличивают твою красоту. Супруги богов, гандхарвов, якшей или киннеров не сравнятся с тобой. До этой минуты я еще не видел на земле такого со-

вершенства красоты. Твоя юность, красота и изящество не имеют равных в трех мирах! Увидев тебя здесь в полном одиночестве, я опечалился сердцем. Пойдем со мной! Недостойно тебя оставаться здесь. В эти места часто наведываются безжалостные демоны, которые по желанию меняют облик. Ты достойна роскошных и светлых дворцов в окрестностях красивых городов, окруженных рощами сладко пахнущих зеленых деревьев и зарослями кустарника, где ты могла бы гулять, облаченная в прекрасные одежды, украшенная ароматными гирляндами, с супругом достойным твоей красоты, о чарующее создание! О темноокая дева со сладкой улыбкой, ты супруга одного из Рудр, Марутов или Васу? Ты кажешься мне божественной, хотя здешних мест не посещают гандхарвы, девы или кинеры, но только демоны. Как ты пришла сюда? Тебе не страшно жить среди обезьян, львов, тигров, ланей, волков, медведей, гиен и леопардов? О прекрасная, ты не трепещешь перед ужасными слонами, опьяненной выступившей на висках сукровицей? Кто ты? Кому ты принадлежишь? Почему ты оказалась одна в лесу Дандака, который часто посещают ужасные великаны? С такими льстивыми речами обратился злобный Равана к Сите. Видя перед собой брахмана, она по традиции гостеприимно отнеслась к неожиданному гостю. Предложив ему сесть, Сита принесла воды омыть стопы и подала поесть: «Пожалуйста, прими это подношение!» Не узнавая в этом дваждырожденном с лотой в руке и шафрановой одежде демона, Сита приняла его за истинного брахмана и сказала:

– Садись, о брахман, возьми эту воду омыть стопы и насладись спелыми фруктами и поджаренным зерном, приготовленным для тебя. Не слушая гостеприимных слов Ситы, Равана не сводил глаз с царевны Митхилы и, направляясь в пасть смерти, был полон решимости похитить ее. Сита, с беспокойством ожидая возвращения своего господина вместе с царевичем Лакшманой, напряженно всматривалась в бескрайний темный лес, но напрасно.

Глава 47 Беседа Раваны и Ситы

Произнеся традиционные слова гостеприимства, Сита подумала: «Этот человек мой гость и брахман. Если я не стану ему отвечать, он проклянет меня!» – и сказала:

– Блага тебе! Я дочь великодушного Джанаки, царя Митхилы. Мое имя Сита, я возлюбленная супруга Рама. В течение двенадцати лет я жила во дворце Икшваку, где исполнялись все мои желания, и я наслаждалась роскошью. На тринадцатом году царь созвал своих министров и решил короновать Раму. Когда все было готово для этой церемонии, Кайкейи, одна из моих свекровей, потребовала, чтобы муж ее исполнил два некогда дарованных ей благословения. Удовлетворив моего свекра своим служением, она заручилась двумя его обещаниями и изгнала моего мужа в лес, а своего сына Бхарату возвела на трон, сказав: «Я не буду ни есть ни спать, если Рама примет корону, я расстанусь с жизнью!» Мой свекор, повелитель земли, услышав такие речи, предложил ей разнообразные дары, но Кайкейи отвергла их. Тогда моему господину было двадцать пять лет, а мне – восемнадцать. Щедрый, добродетельный, почтительный и преданный всеобщему благу, мой господин, Рама, у которого длинные руки и большие глаза, был известен на весь мир. Отец наш, царь Дашаратха, ослепленный страстью, чтобы удовлетворить Кайкейи, не стал возводить Раму на трон. Когда Рама предстал перед отцом, Кайкейи обратилась к нему с такими горькими словами: «О Рамачандра, услышь от меня приказ своего отца. Это великое царство отдано Бхарате, а ты должен отправиться в лес на четырнадцать лет. Уходи сейчас же и избавь отца от греха нарушенной клятвы». Рама невозмутимо ответил: «Да будет так!» – и поступил согласно данному слову. Мой господин, верный своим обетам, привыкший отдавать, а не получать приказы, неуклонно провозглашающий истину, молча выслушал эти слова и до конца исполнил свой долг. Его брат, доблестный Лакшмана, лев среди людей и спутник Рама в сражениях, повергающий своих врагов, с луком в руках последовал за Рамой в лес, так же как и я. Так Рагхава, твердый в своих обетах, собрав во-

лосы, удалился в чащу леса Дандака вместе со мной и своим младшим братом. Нас троих изгнала из царства Кайкейи, и мы, полагаясь на свои силы, странствуем по лесу. Подожди немного, о великий дваждырожденный, скоро мой господин вернется с фруктами и кореньями, поупражнявшись в стрельбе из лука во время охоты на диких животных. Теперь поведай мне, о брахман, кто ты, откуда, как твое имя, что у тебя за семья и род. Почему ты один бродишь по лесу Дандака? Могущественный демон резко отвечал Сите, супруге Рама:

– О Сит а, я – Равана, царь демонов, в страхе перед которым трепещет мир, боги и демоны. О источник радости, лишь только я увидел тебя, сияющую, как золото, облаченную в шелк, мои жены перестали привлекать меня. Стань первой царицей среди тех бесчисленных женщин, украденных мною в разных частях мира. Ланка, моя столица, что лежит посреди океана, выросла на вершине холма. Там, о Сита, гуляя со мной в рощах, ты забудешь этот лес. О прекрасная, если ты станешь моей женой, пять тысяч слуг в драгоценных украшениях будут служить тебе. Безупречная дочь Джанаки преисполнилась негодования и презрительно отвечала демону:

– Я завишу от моего господина, Рама, непоколебимого, как скала, спокойного, как океан и равного самому Махендре. Рама обладает всеми добродетелями и статью напоминает дерево Ньягродха. Я завишу от этого знаменитого и благородного воина, у которого длинные руки, широкая грудь, походка льва, который напоминает царя зверей. Я принадлежу ему, величайшему из людей, ему я отдала всю свою преданность. Я останусь верна Рама с лицом прекрасным, как полная луна, сыну царя, обуздавшему страсть, безгранично известному и могущественному. О шакал, ты жаждешь львицы, но тебе не овладеть мною, как не поймать луч солнца! О негодяй, ты пытаешься увести возлюбленную супругу Рагхавы! Воистину, ты воображаешь деревья перед собой золотыми (1.100), ты пытаешься вырвать зуб у голодного и мужественного льва, врага лани, или добыть клык ядовитой змеи. Ты хочешь голыми руками поднять гору Мандару или жить легко, выпив яд? Ты пытаешься растереть глаза иголкой или облизывать бритву! Ты мечтаешь пересечь океан с камнем на шее и достать солнце и луну? О демон, задумавший похитить возлюбленную супругу Рама, ты пытаешься унести в своей одежде огонь или ходить по железным шипам. Ты и Рама – это шакал и лев, ручей и океан, нектар богов и кислая ячменная каша! Это золото и железо, сандал и глина, слон и кот, орел и ворон, павлин и утка, лебедь и стервятник. Даже если ты украдешь меня, пока этот могущественный стрелок Рама, доблестью равный тысячеглазому богу, будет жив, ты сможешь насладиться мною не более чем муха – очищенным топленным маслом, в которое попала. Бросая эти слова жестокому ночному разбойнику, бесхитростная Сита дрожала, как лист на ветру. Видя ее страдания, Равана, ужасный, как смерть, стал хвастливо описывать свой род, могущество, имя и подвиги, дабы еще больше разжечь ее страх.

Глава 48 Сита отвергает Равану

Задетый гордыми словами Ситы, Равана, нахмурившись, сурово отвечал:

– О дева прекрасного облика, процветания тебе! Да будет тебе известно, что я – брат хранителя сокровищ, мое имя Равана. Я – могущественный Дашагрива, от которого в страхе разбегаются все твари – боги, гандхарвы, пишачи, патаги и наги. Я подчинил своей власти единокровного брата Куверу, вызывая его на бой и одержав над ним верх. Кувере пришлось бежать из своей роскошной обители и искать прибежища у Кайласа, повелителя гор. Благодаря своей доблести я лишил его чудесной колесницы Пушпака, управляемой лишь силой желаний, в которой я путешествую по небесам. Взгляни на мое устрашающее лицо, от которого боги с Индрой во главе разбегаются в ужасе, о Маитхили. Куда бы я ни отправился, ветер затихает, а лучи солнца уподобляются лунным. Где бы ни ступила моя нога, листва на деревьях замирает, а реки замедляют свой бег. За морем находится моя ве-

ликолепная столица Ланка, населенная могущественными великанами, не уступающая Амаравати, крепости Индры. Это прекрасный, окруженный сияющими защитными сооружениями город с золотым валом и изумрудными воротами. Это город мечты! Полный слонов, коней и колесниц, оглашенный звуками горнов, он украшен садами чудесных деревьев, плодоносящих фруктами на любой вкус. О Сита, о дочь царя, ты будешь жить со мной в этом городе, забыв обо всех смертных женщинах. Ты вкусишь небесных радостей! О дева с утонченным лицом, не думай больше о Раме, это не более чем человек, и конец его близок. Возведя на трон своего любимого сына, царь Дашаратха сослал лишнего доблести героя в лес. Что тебе до Рама, потерявшего свое царство и живущего в уединении, как аскет, о большеглазая красавица? Я, повелитель демонов, сам явился сюда, сраженный стрелой бога любви. Не достойно тебя пренебрегать мною. О робкая женщина, если ты пройдешь мимо меня, ты скоро расквасишься, подобно Урваши, ударившей ногой пураравов. Рама – обыкновенный смертный, он не стоит даже моего пальца в сражении. Великая удача, что я пришел к тебе, отдайся мне, о прекрасная женщина! Ваидехи, сверкая гневными глазами, твердо отвечала повелителю демонов:

– Ты выдаешь себя за брата Куверы, который держит в страхе всех небожителей, почему же ты позволяешь себе совершить столь бесславный поступок, о Равана? Несомненно, все демоны встретят свою смерть, имея такую жестокую, бесчувственную и сладострастную личность, как ты, своим государем. Похититель Шачи, супруги Индры, может выжить, но тот, кто унесет супругу Рама, не узнает покоя. О демон, если у похитителя супруги Индры есть надежда остаться в живых, то унесший меня не избежит смерти, даже если выпил напиток бессмертия!

Глава 49 Равана похищает Ситу

Могущественный Равана ударил руку об руку и явил свой истинный гигантский лик. Он красноречиво обратился к Сите:

– Мне кажется, ты утратила дар слуха, раз не слышишь о моей величайшей доблести и могуществе! Паря в просторах космоса, я могу поднять Землю! Я могу осушить океан и победить саму смерть в сражении. Своими стрелами я могу разбить на куски солнце и расколоть земной шар. Ты, поддавшаяся на хитрость и потакающая любому своему капризу, видела, как по собственной воле я могу менять облик. Равана говорил это, преисполненный гнева. С горящими, как угли, глазами, он напоминал пламя. Сбросив личину добродетели, младший брат Куверы, принял ужасающий лик, словно это была сама смерть. С горящими глазами, во власти гнева, сверкающий украшениями из чистого золота, этот подобный темному облаку повелитель ночи явил Сите свой истинный лик с десятью головами и двадцатью руками. В кроваво-красных одеждах он устремил на Маитхили, эту жемчужину среди женщин, свой взгляд и обратился к подобной солнцу, чарующей деве с темными волосами, в сари и драгоценностях:

– О прекрасная женщина, если ты жаждешь повелителя, прославленного на все три мира, то вручи себя мне. Я муж достойный тебя. Отныне служи мне! Я окружу тебя великим почетом и никогда не доставлю неудовольствия. Откажись от своей любви к человеку и отдай свое сердце мне. Что связывает тебя с Рамой, о глупая, но полагающая себя мудрой? Он изгнан из своего царства и слишком слаб, чтобы сотворить свою судьбу, дни его сочтены! Рама, по приказу женщины лишившийся царства, друзей и народа, теперь живет в лесу, полном диких зверей! Бросив эти слова Маитхили, достойной нежных и мягких речей, злобный великан, пылая страстью, схватил ее, как Будха хватает Рохини. Левою рукой он держал лотосоокою Ситу за волосы, а правою – за бедра. Видя Равану с его острыми, как верхушки гор, зубами, напоминающего смерть, небожители в страхе разбежались. В то же мгновение появилась громадная золотая колесница Раваны, запряженная мулами. Он поднял Ситу и, заключив в объятия, взошел на колесницу. Добродетельная и несчаст-

ная Сита, оказавшая во власти демона, стала рыдать и громко звать: «Рама! Рама!» Но он был далеко в лесной чаще. Сита не испытывала и тени любви, но Равана, охваченный страстью, вместе с нею поднялся высоко в небо, хотя она отбивалась изо всех сил, словно супруга повелителя Змей. Обнаружив себя высоко в небесах в колеснице царя демонов, измученная Сита пронзительно кричала:

– О Лакшмана, о длиннорукий воин, который всегда служит удовольствию старших, неужели ты не знаешь, что великан с изменчивым ликом уносит меня? О Рагхава, пожелавший отречься от жизни и счастья во имя долга, неужели ты не видишь, что меня уносит демон непревзойденной злобы? О повергающий врагов своих, разве ты не привык карать злодеяния? Почему ты еще не проучил этого ужасного демона за его надменность? Повернувшись к Раване, она продолжала:

– Воистину, злодеяния не сразу приносят плод, но время заставляет зерно созреть! За это грубое попрание закона, тебя, о Равана, лишённого судьбой разума и чувств, ожидает ужасное возмездие, с которым тебе придет конец. Увы! Замысел Кайкеи увенчался успехом, поскольку я, добродетельная супруга Рамы, разлучилась с моим героем. Я взываю к Джанастхану и цветущим деревьям Карникара, чтобы они поскорее рассказали Раме, что Равана унес Ситу! Я молю реку Годавери, чтобы перекликающиеся журавли и лебеди поведали Раме, что Равана украл Ситу! Почтительно приветствуя лесные божества, я взываю к ним рассказать моему господину о моем похищении! Я умоляю все созданыя, где бы они ни были, будь то зверь или птица, или житель леса, дайте Раме знать, что его нежную супругу, которой он дорожил больше жизни, насильно унес Равана. Ища защиты, сообщите могучерукому царевичу о моем несчастье, чтобы он своей великой силой освободил меня даже из плена Ямы, сын бога солнца! В безграничном горе большеглазая Сита, бросая эти слова скорби, увидела коршуна Джатаю, сидевшего на дереве. Уносимая Раваной, полным плотских желаний, прекрасная Сита жалобно крикнула:

– О благородный Джатаю, посмотри, как злобный царь демонов безжалостно уносит меня, словно женщину, оставшуюся без защиты! Ты не сможешь противостоять ему, потому что этот жестокий и злой ночной разбойник очень могуществен, надменен и вооружен. И все же, о птица, отнеси Раме и Лакшмане весть о моем похищении, расскажи им все, ничего не упустив!

Глава 50

Джатаю нападает на Равану

Крепко спавший Джатаю проснулся, услышав этот зов и увидел Равану и дочь Видехи. Царь птиц, своим острым клювом напоминавший вершину горы, усевшись на дерево, мягко обратился к Раване:

– О Дашагрива, я сведущ в Пуранах, тверд в своих обетах и следую путем дхармы. О брат, не пристало тебе совершать эту подлость у меня на глазах! Мое имя Джатаю, я царь коршунов. Знай, ты силой уносишь прекрасную Ситу, верную и знаменитую супругу защитника миров, повелителя людей Рамы, сына Дашаратхи, который равен Варуне и Махендре и всегда заботится о благе всего живого. Как царь, верный долгу, может засматриваться на чужую жену? О наделенный великой доблестью, ты должен защищать царских жен, поэтому обуздай низменные порывы своего сердца оскорбить чужую жену. Благородный человек избегает всего, за что его можно будет потом упрекнуть, и покровительствует чужим женам, как своим. О радость Поуласты, так или иначе это касается того, что приемлемо и приятно, в отсутствие авторитета писаний человек чести в вопросах долга следует примеру царя. Царь воплощает долг, царь воплощает желание и является высшим сокровищем своих подданных, он – корень добра и зла. О царь демонов, ты зол и изменчив по природе! Как обрел ты царство, словно грешник, завоевавший небесную обитель? Неправедному и похотливому человеку трудно изменить свою природу, порочные люди не помнят благородных советов. Могущественный и добродетельный Рама не чинил

зла ни твоему государству, ни столице, почему же ты бросаешь ему вызов? Разве можно упрекать безупречного Раму за то, что он из-за Шурпанакхи убил злобного Кхару в Джанастанхане? Почему ты пытаешься унести супругу этого повелителя людей? Отпусти Ваидехи немедленно, чтобы своим смертельным взглядом, напоминающим раскаленный очаг, он не уничтожил тебя, подобно Индре, своей молнией испепелившему Вритру. О Равана, ты осознаешь, что несешь в своей одежде страшно ядовитую змею, не заглядывая далеко вперед, ты надел смертельную петлю себе на шею. Человеку должно нести только по-сильное бремя и есть только то, что не вызовет в нем болезни. Кто посвятит себя недостойной деятельности, где нет ни справедливости, ни уважения и которая будет стоить жизни? О Равана, мне уже шестьдесят тысяч лет, я справедливо правил владениям своих предков. Я уже стар, а молод и вооружен луком, кольчугой и стрелами, ты возвышаешься на колеснице, и все же тебе не уйти целым и невредимым, если ты пытаешься унести Ваидехи. В моем присутствии тебе не удастся более совершать над ней насилие, как невозможно силой логики уничтожить мудрость Вед. Если ты не боишься, о Равана, тогда останись на мгновение и сражайся! Ты падешь на землю, подобно Кхаре! Рама в одеждах из древесной коры, не раз повергавший Даитьев и Данавов в сражении, скоро убьет тебя в сражении. Что же до меня, я знаю что делать! Двое царевичей далеко, и ты несомненно бежишь изо всех сил в страхе перед ними, негодяй! И все же, пока я жив, тебе не удастся украсть прекрасную Ситу, возлюбленную супругу Рамы, с глазами, подобными лепесткам лотоса. Даже если это будет стоить мне жизни, я совершу это служение великодушному Раме, как и самому царю Дашаратхе. Стой! Стой! О Дашагрива, задумайся на мгновение. О Равана, я сброшу тебя с твоей огромной колесницы, словно спелый фрукт с ветки! О ночной разбойник, я вызываю тебя на последний бой!

Глава 51 Битва Джатаю и Раваны

Пока Джатаю, царь птиц, говорил, Равана, этот индра среди людей в золотых серьгах, с глазами красными от гнева, напал на него, и в небе завязалась ужасная битва, когда оба напоминали облака, гонимые сильным ветром. В этом сражении Джатаю, царь стервятников, и Равана, повелитель демонов, казались двумя крылатыми горами. Равана стал осыпать могущественного царя птиц бесчисленными стрелами со стальным наконечником, но царь обладателей колесницей крыльев не поколебался и своими острыми длинными когтями нанес тирану множество ран. Тогда Дашагрива, в ярости пытаясь уничтожить своего противника, достал смертоносные стрелы, натянул к уху свой лук и выпустил их в Джатаю, который сразу стал для них мишенью и которого они пронзили своими стальными наконечниками. Видя дочь Джанаки, обливающуюся слезами в колеснице демона, Джатаю, не замечая тех стрел, набросился на своего врага и когтями тот доблестный правитель пернатого племени сломал его лук, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, и вместе с ним стрелы. Тогда Равана в гнев схватил другой лук и осыпал Джатаю градом сотен и тысяч стрел. Погребенный под теми стрелами, Джатаю был похож на птицу у своем гнезде, но, взмахнув своими крыльями, он разогнал этого облако стрел и своими острыми когтями сломал могущественный лук. Ударами своих крыльев он разбил сверкающий, как огонь, щит Раваны и разбросал плавающие стрелы, окружившие его. Джатаю в этой схватке убил быстрых мулов с головами демонов в золотой сбруе и разрушил колесницу Раваны, снабженную тройными бамбуковыми перекладинами, которая подчинялась велению мысли, сияющая как огонь, усыпанная драгоценными камнями. Одним движением своих крыльев Джатаю разбил полог, подобный полной луне вместе с опахалами и демонами, которые держали их. Со сломанным луком, лишившийся колесницы, коней и возничего, Равана прыгнул на землю, прижимая Ситу к груди. Видя, что Равана прекратил свой полет, а колесница его разрушена, все лесные твари издали возглас радости и стали вновь и вновь прославлять царя птиц, почтительно кланяясь ему. Однако Равана по-

нимал, что крылатый герой истощен и стар, и потому с великой силой взмыл в воздух с Ситой в руках. Потеряв в сражении свой лук и другое оружие, с одним мечом в руках он страстно прижимал Джанаки к груди. Царь птиц ринулся на него и сказал:

– О бесчувственный, ты уносишь возлюбленную супругу Рамы, сияющую, как молния. Ее похищение принесет тебе гибель. Как истомленный жаждой человек пьет воду, так ты выпиваешь яд вместе со своими друзьями, родственниками, министрами и всем народом. Те, кто несмотря на желанную дальновидность не сознают последствий своих деяний и скоро погибают, и ты тоже встретишь свой конец. Со смертельной петлей на шее куда тебе бежать? Ты подобен рыбе, проглотившей крючок или наживку. Несомненно те два непобедимых героя, потомки династии Рагху, не потерпят этого насилия. Преступление твое, совершенное безо всяких оснований, станет известно всему миру, как путь, опасный разбойниками, который четные люди обходят стороной. Если ты не трус, сражайся, о Равана, или остановись на мгновение и ты мертвым ляжешь на земле, подобно брату твоему Кхаре. Воистину, все, что ты делаешь сейчас, привет тебя к гибели, как неблагоприятные поступки приводят человека к смерти. Злодеяния недопустимы даже для создателя Вселенной, самого Сваямбху (Брахмы)! Произнеся столь резкие слова, Джатаю налетел на десятиглавого демона и, схватив его своими когтями, разорвал его плоть, словно погонщик – упрямого слона. Нанеся глубокие раны, он вонзил свой острый клюв ему в спину и когтями вырвал волосы. Под нападками доблестного царя, демон, дрожа от гнева и левой рукой прижимая к себе Ваидехи, ударил Джатаю ладонью, а могущественный коршун, повергающий своих врагов, бросался на Дашагриву и своим клювом рвал его десять левых рук. Но на месте оторванных мгновенно появлялись новые, словно змеи, выползающие из муравейника и брызжущие ядом. В гневе могущественный Дашагрива выпустил из рук Ситу, чтобы кулаками и ногами отбить атаки царя коршунов. Страшная битва разгорелась между теми двумя отважными противниками – царем демонов и лучшей среди птиц, пока Равана, достав свой меч, не отсек Джатаю крылья и ноги, пронзив бока этого верного защитника Рамы. Небесный скиталец разорвал два крыла царя птиц, и Джатаю упал наземь в преддверии смерти.

Рисунок 7 Равана отсекает крылья Джатаю

Увидев его истекающим кровью на земле, Ваидехи в великом горе стрелой метнулась к нему, словно к родному. Повелитель Ланки смотрел на птицу безграничной доблести с желтой грудью и опереньем, подобным темному облаку, распростертую на земле, словно погасший факел, и плачущую Ситу, дочь Джанаки, чье лицо было прекрасно, как полная луна, прижимающую у своей груди это крылатое создание, жертву похотливого Раваны.

Глава 52

Равана возобновляет свой полет

Видя, что Равана сразил Джатаю, царя птиц, Сита, чье лицо прекрасно как луна, разбитая горем, разразилась рыданиями. – Зрение, предзнаменования, сны и крики птиц – неизбежные предвестники добра или зла для людей, – кричала она. – О Какутстха, из-за меня дикие звери и птицы разбегаются, неужели ты не понимаешь, что величайшая беда обрушилась на меня? О Рама, эта птица из жалости ко мне пыталась освободить меня и теперь, умирая, лежит на земле, разделив со мной мою злую судьбу!

О Какутстха, о Лакшмана, поспешите помочь мне! Так взывала прекрасная женщина, словно братья могли услышать ее, а царь демонов Равана продолжал преследовать ее.

Вдали от своих покровителей, с увядшей гирляндой на шее она звала на помощь. Прижимаясь к деревьям, словно вьющаяся лиана, она кричала: «Спаси меня! Спаси!» и бежала, бежала куда-то, преследуемая царем демонов. Оторвавшись от Раваны, который, казалось, остался где-то далеко в лесу, она звала: «Рама, Рама!», когда вдруг Равана, словно сама смерть, на свою погибель схватил ее за волосы. От этого преступления вся вселенная с ее движущимися и неподвижными живыми существами задрожала, глубокая тьма окутала землю. Поднялся ветер, солнце погасло и сам Прародитель Мира, Сваямбху, божественным взором увидев поражение Ситы, воскликнул: «Свершилось!» Чувствуя, что насильник возложил на Ситу руки, знаменитые мудрецы, обитавшие в лесу Дандака, узрели неминуемую гибель Раваны и преисполнились радости! Однако повелитель демонов, крепко держа Ситу, которая плакала и кричала: «Рама! Рама! О Лакшмана!», взмыл с нею в небеса. Златокожая, облаченная в желтое сари, дочь царя напоминала вспышку молнии в облаках. Ее шелковые одежды, развевающиеся на ветру, делали Равану похожим на огнедышащий вулкан, цвета меди ароматные листья лотоса, слетавшие с Ваидехи несравненной красоты, осыпали его. Ее желтая шелковая одежда развевалась в небе, словно облако, освещенное заходящим солнцем, но чистое лицо утратило свой обычный блеск, словно лотос, сорванный со стебля. Подобная луне, взошедшей из сердца темного облака, Сита, с ее прекрасными бровями, обрамленными вьющимися волосами, казалась цветущим лотосом, утратившим свое сияние. С ее ослепительными зубами, великолепными глазами, точеным носом, сладкими коралловыми устами она напоминала луну, чарующую глаз. Она летела по воздуху в полах одежды Раваны и лицо ее, умытое слезами, едва мерцало, как небесное светило в предрассветный час. Златокожая Сита во власти темного демона казалась золотой подпругой, обхватившей слона. Словно желтый лотос, дочь Джанаки с ее сияющими украшениями, озаряла Равану, как молния освещает грозовое облако, сопровождаемый звоном ее драгоценностей царь демонов казался ворчащим облаком. Он увлекал Ситу все дальше в небеса, и лепестки с ее волос дождем осыпали землю. Этот дождь, вызванный быстрым полетом Раваны, покрыл и его, словно кольцо звезд, окружившее гору Меру. Неожиданно браслет с лодыжки Ситы, выложенный жемчугом, упал на землю, словно проблеск молнии. Уносимая младшим братом Вайшраваны, Сита, цветущая ветвь, озаряла темные члены царя демонов сиянием золотой подпруги слона и казалась громадным метеором, озарившим небосвод. Ее драгоценности, сверкающие, как огонь, со звоном упали на землю и рассыпались на части, словно метеор с небес. Нитка жемчуга, яркого как луна, слетела с груди, сверкая, как Ганга, сошедшая с райских планет. Ветер, поднятый полетом Раваны, бил по деревьям, прибежищу мириад птиц, трепля верхушки, но они, казалось, шептали: «Не бойтесь!» Озера, устланные ковром увядших лотосов, полные рыбы и водных тварей, казалось, оплакивают Маитхили, как своего друга. Разгневанные львы, тигры и другие дикие животные со всех сторон бросились за тенью Ситы, и горы с их водопадами, подобными слезам, и гребнями, напоминающими поднятые руки, казалось, оплакивают Ситу. Увидев Ваидехи, уносимую по воздуху, великолепное солнце, сраженное печалью, утратило свое сияние и превратилось в тусклый диск. «Нет справедливости, беспристрастности, нет истины, искренности и добра на земле, если Равана унес супругу Рама, царевну Видехи!» Так сокрушалась вся вселенная, пока детеныши злобных тварей, брошенные и ужасные, жалобно выли. Подняв глаза, полные страха, снова и снова божества леса, дрожа всем телом, наблюдали жестокое похищение Ваидехи, которая все время вглядывалась вниз, крича слабым голосом: «О Лакшмана, о Рама!» Бесхитростную Ваидехи, волосы которой растрепались, а тилака стерлась, уносил прочь Дашагрина себе на погибель. Маитхили, всегда сиявшая ослепительной улыбкой, лишилась своих друзей. Не видя Раму или Лакшмана, она побледнела и почувствовала себя погребенной под глыбой отчаяния.

Глава 53 Сита осуждает Равану

Оказавшись в небе, Маитхили, дочь Джанаки, преисполнилась великого страха и горя. В приступе страха глаза ее покраснели от слез и негодования, голос прерывали рыдания. Обращаясь к жестокому царю демонов, она жалобно сказала:

– О источник зла, не стыдно тебе творить такой грех? Зная, что я осталась одна, ты наложил на меня руки и унес прочь. О грешник, чтобы похитить меня, ты принял облик оленя и силой могущественной иллюзии заманил моего господина в чащу леса. Царь стервятников. Друг моего свекра, который пытался меня спасти, лежит убитый! Воистину, ты проявил великое мужество, о последний из демонов! К своему вечному стыду, ты не завоевал меня в справедливой битве, ты сделал это, не раскрывая своего имени! (1.112) И краска стыда за совершенное преступление не заливает твоего лица? Негодяй, ты унес беззащитную женщину, принадлежавшую другому! Весь мир узнает о твоём низком поступке. Будь ты проклят, о бесславный варвар, гордящийся своим героизмом! Будь проклята такая доблесть и мужество, о позор своего рода, будь проклят ты в этом мире за свое отвратительное поведение! Разве кто-нибудь остановит тебя, когда ты бежишь столь стремительно? Остановись хоть на мгновение и ты расстанешься с жизнью! Встретившись с теми царями людей, ты не проживешь и мгновения, даже при поддержке целой армии! Как птица не выносит горящего леса, ты не устоишь и перед самой маленькой их стрелой! Поэтому ради своего блага отпусти меня немедленно, о Равана! Разгневанный моим похищением мой господин с помощью брата сделают все, чтобы уничтожить тебя, если ты не позволишь мне уйти. Твое злое намеренье, заставившее тебя похитить меня, эта низкое желание никогда не исполнится, потому что если я никогда больше не увижу своего мудрого господина и паду жертвой врага, я не проживу долго. Ты пренебрегаешь собственным благом и напоминаешь того, кто в свой последний час выбирает то, что ускорит его смерть; все, кто желают его смерти, не будут пытаться его спасти. Я вижу смертельную петлю на твоей шее, потому что ты не трепещешь, о демон. Без сомнений, ты увидишь те золотые деревья с листьями, подобными острым мечам, смертельную реку Вайтарани, полную крови, и ужасный лес и дерево Шамали с золотыми цветами и изумрудными листьями, изобилующее железными шипами. (1.113) Нанеся это оскорбление великодушному Раме, ты не выживешь с ядом, который выпил, о немилосердный! Ты крепко пойман в смертельную петлю, куда тебе скрыться от моего господина? Сверкая глазами, он без помощи брата уничтожил в сражении четырнадцать тысяч демонов, разве этот герой, потомок династии Рагху, искусно владеющий оружием и доблестный, не поразит тебя своими острыми стрелами, если ты уносишь его возлюбленную супругу? Так Ваидехи, преисполненная горя и страха, жалобно зывала к Раване. Несмотря на ее печаль и скорбь, Равана продолжал свой полет, все дальше унося сладостную и нежную царевну, которая продолжала бороться.

Глава 54

Равана вместе с Ситой достигает Ланки

Не видя никого, кто мог бы защитить ее, Ваидехи неожиданно увидела пять могущественных обезьян, стоявших на вершине горы. Большеглазая царевна несравненной красоты бросила им свою шелковую накидку, сияющую как золото, и драгоценности с мыслью: «Пусть они отнесут весть Раме!» Красноглазый Дашагрива в порыве страсти не заметил ее жеста, зато превосходные обезьяны увидели большеглазую Ситу, которая широко открыв глаза, что-то громко кричала. (1.114) Повелитель демонов миновал озеро Пампа и, обратив лицо свое на Ланку, продолжил путь, крепко держа зывающую Маитхили. Охваченный радостью, Равана не понимал, что несет в своих руках собственную смерть, словно ядовитую, с острыми зубами змею. Он продолжал свой полет, оставляя за спиной леса, реки, горы и озера, словно выпущенная стрела. Достигнув океана, обитель гигантских тигриков и крокодилов, он полетел над нерушимыми владениями Варуны, прибежищем рек.

Увидев Ситу в руках демона, воды взволновались, великие змеи рыбы содрогнулись. В небесах послышались голоса чаранов и сиддхов: «Конец Дашагривы близок!» Однако Равана, олицетворение смерти, нес бьющуюся Ситу на Ланку. Достигнув столицы с широкими воротами и дорогами, полными людей, он вошел в свой дворец и сразу проследовал во внутренние покои. Здесь Равана выпустил из рук чернобровую Ситу, терзаемую горем и печалью, словно демон Майя, правитель Трипуры, сбросивший свою магическую мантию. Равана обратился к демонам ужасного вида:

– Без моего позволения никто не должен даже смотреть на Ситу! Я желаю, чтобы у нее были жемчуга, рубины, наряды и украшения, какие она пожелает! Кто скажет ей резкое слово – случайно или намеренно – расстанется с жизнью! Отдав распоряжения демоницам, Равана покинул внутренние покои и стал размышлять, что ему делать дальше. Отобрав восемь доблестных демонов, питающихся плотью, могущественный Равана, ослепленный полученным от Брахмы благословением, прославил их силу и героизм и сказал:

– Вооружившись всевозможным оружием немедленно отправляйтесь в Джанастхан, где прежде жил Кхара, и, собрав все свое мужество и изгнав страх, установите свою власть в тех лесах, опустевших из-за истребления демонов. В Джанастхане находилась великая и могущественная армия, которая погибла вместе с Кхарой и Душаной в сражении с Рамой. С тех пор небывалый гнев, который я не в силах сдержать, овладел мною, лишив всякого покоя. Я жажду отомстить заклятому врагу, и не буду спать, пока не убью его в битве. В смертный час убийцы Кхары и Душаны, я возрадуюсь подобно нищему, обретшему богатство. Обосновавшись в Джанастхане, держите меня в известности относительно Рамы и его перемещений. Не откладывая пусть герои ночи приступят к действию, всеми силами приближая конец Рамы. Зная вашу доблесть, свидетелем которой я не раз был в сражении, я выбрал вас, чтобы отправить в Джанастхан. Демоны выслушали льстивые и многозначительные речи Раваны, поклонились и покинули Ланку. Став невидимыми, они устремились к Джанастхану. Похитив дочь Митхилы и доставив ее во дворец, Равана, несмотря на то, что нажил теперь в лице Рамы смертельного врага, отдался порыву беспричинной радости.

Глава 55

Равана умоляет Ситу стать его женой

Отдав приказ восьми демонам, славным своей доблестью, Равана, пребывавший во власти иллюзии, решил, что готов к любой неожиданности. Грустно размышляя о Ваидехи, больно раненный стрелами бога любви, он поспешил в свои пышные покои, горя желанием увидеть ее. Равана, царь демонов, увидел Ситу в глубокой печали, окруженную демоницами, подобно кораблю в бурю или лани, отбившейся от стада и затравленной гончими. Равана приблизился к безутешной царевне, которая сидела с опущенной головой, и принудил ее осмотреть дворец, напоминающий обитель богов, со множеством этажей и просторными залами, полный женщин и богатый драгоценными камнями. Стаи птиц под высокими сводами пели свои веселые песни. Его украшали изящные колонны из золота, слоновой кости, хрусталя и серебра, инкрустированные изумрудами и алмазами, звучали небесные гонги. Равана вместе с Ситой поднялся на великолепную золотую лестницу. Все величественные постройки украшали превосходные окна из золота и слоновой кости с ажурными золотыми решетками, а мраморные полы были выложены драгоценными камнями, от которых во стороны разливался мягкий свет. Дашагрива показал Маитхили, охваченной горем, фонтаны и пруды, поросшие лотосами и другими цветами. Этот негодяй старался обратить внимание Ваидехи на великолепие дворца и, желая соблазнить ее, сказал:

– О Сита, кроме стариков и детей, десять тысяч демонов, славный своими подвигами, признают меня своим повелителем. Каждый из них предоставил в мое распоряжение по

тысяче верных слуг. Все это царство, так же как и моя жизнь – отныне твои, о большеглазая дева! Ты для меня дороже самой жизни! О Сита, стань царицей многочисленных и прекрасных женщин, которых я прежде называл своими женами. О возлюбленная, стань моей женой, тебе это выгодно. Взвесь все и дай свой ответ. Тебе надлежит с благосклонностью смотреть на меня, потому что я горю в огне желанья. Город Ланка, что лежит посреди океана, простирается на сто йоджан и не подвержен бурям, даже вызванным богами во главе с Индрой. Среди небожителей, якшей, гандхарвов и нагов я не знаю никого в этом мире, равного мне в могуществе. Лишившийся своего царства, нищий, посвятивший себя аскезам, пеший странник, чего ждешь ты от Рамы, обычного человека без средств? О Сита, я – муж, достойный тебя, прими меня! Молодость скоро проходит, о дорогая, наслались со мной ее радостями. О чарующая дева, не надейся вновь увидеть Рагхаву. Как он придет сюда даже мысленно? Кто удержать стремительный ветер в небе или схватить пламя в жаровне? Никто в трех мирах не сможет вырвать тебя из моих рук. Правь этим огромным государством Ланка и всеми его обитателями – движущимися и неподвижными. Даже я и все боги будем твоими слугами! Омываясь в кристальных водах, будь счастлива и живи в радости. Временем, проведенным в лесу, ты исчерпала свою злую судьбу. Здесь ты вкусишь плод своей добродетели. Рядом со мной, о Маитхили, наслались этими божественно благоухающими гирляндами и великолепными украшениями. Вместе со мной сядь в летающую колесницу Пушпака, сияющую как солнце, которая некогда принадлежала Вайшраване и которую я доблестно завоевал в сражении, взойди на эту великолепную колесницу, быстрюю, как мысль. Твое лицо, безупречное и прекрасное, чисто, как лотос, побледнело от горя и утратило свое сияние, о грациозная и чарующая дева. Пока он говорил, прекрасная Сита прикрыла сияющее, как луна лицо концом своей одежды и дала волю слезам. Тогда греховный Равана сказал Сите, погруженной в свои мысли и несчастной, бледной от горя:

– О Ваидехи, не бойся преступить дхарму, обряд, который освятит наш союз, описан в Ведах! Я возложу твои нежные стопы на мои головы; скорее внемли моей мольбе! Я твой раб, во всем послушный тебе! Пусть слова эти, вызванные муками любви, звучат не напрасно! Никогда еще Равана не склонял головы своей перед женщиной!

Сказав так Маитхили, дочери Джанаки, Дашагрива, пребывавший целиком во власти судьбы, подумал: «Она моя!»

Глава 56

Сита под стражей демониц

От слов Раваны Ваидехи несмотря на печаль перестала дрожать и положила меж ними стебель травы.

– У царя Дашаратхи, – заговорила она, – который был нерушимым оплотом справедливости, прославившегося своим благочестием, был сын Рагхава. Знаменитый на все три мира этот добродетельный герой с сильными руками и большими глазами – мой бог и господин. Этот герой из рода Икшваку, знаменитый, с могучими как у льва, плечами, вместе со своим братом Лакшманой лишит тебя жизни! В его присутствии ты совершил над мной насилие, он заставит тебя остановиться и убьет в сражении, как сделал это с Кхарой в Джанастхане. Демоны со свирепыми лицами, которых ты прославляешь, несмотря на всю свою доблесть, лишатся могущества перед Рагхавой, как змеи теряют свой яд перед Супарной. Золотые стрелы, выпущенные из лука Рамы, разорвут их, как Ганга сносит свои берега! Пусть асуры и боги не могли убить тебя, теперь ты навлек на себя гнев Рагхавы, и тебе не избежать смерти. Тебе недолго осталось жить! Рагхава положит тебе конец! Твоя жизнь, которую ты считаешь вечной, подобна животному, привязанному к жертвенному колу! Если Рама обрушит на тебя свой взгляд, полный гнева, ты мгновенно умрешь, о демон, подобно Маматхе, испепеленному Рудрой! Тот, кто может достать луну с небес и уничтожить ее или иссушить океан, несомненно, может освободить Ситу. Ты потеряешь

жизнь, богатства, дары. Опустевшая Ланка не принесет тебе ничего, кроме неудачи, о демон, в отсутствие моего господина унесший меня силой, не знать тебе более радости! Мой знаменитый господин вместе с братом, полагаясь лишь на собственные силы, не боялся жить в лесу Дандака. Твоя доблесть, сила, высокомерие и самонадеянность рухнут под дождем его стрел на поле сражения. Когда по воле судьбы наступает час гибели всего живого, они теряют рассудок, чувствуя его приближение. Мое похищение сулит смерть тебе, твоим воинам и обитателям твоего дворца. Как неприкасаемый во время жертвоприношения не может приблизиться к жертвенному алтарю, где лежат ковши и сосуды для поклонения, так и законный супруг, доблестный, верный слову, недостижим для грешника, подобного тебе, о последний из демонов! Как царственная лебедь, игравшая со своим супругом среди зарослей лотосов, вступит в связь с бакланом на берегу? Свяжи или уничтожь это бесчувственное тело (1, 119), у меня нет желания спасти его или мою жизнь, о демон, потому что я никогда не смирюсь с позором.

Ваидехи говорила с гневом, от которого кровь стыла в жилах. Лишь она замолчала, Равана отвечал с угрозой в голосе:

– Подумай хорошо, о прекрасная царевна. Если ты не уступишь мне в течение двенадцати месяцев, мои повара разрежут тебя на куски и подадут мне на завтрак! С этими словами разгневанный Равана повелел демоницам:

– Устрашающие и свирепые, питающиеся кровью и плотью, вы должны сломить гордыню этой женщины! Услышав приказ своего повелителя, ужасные чудовища, соединив руки, окружили Маитхили. Равана повелел демоницам, от поступи которых дрожала земля:

– Отведите Маитхили вглубь сада Ашока и там, окружив ее стеной стражи и храня в тайне место ее нахождения, угрозами или мягкими уговорами постарайтесь сломить ее волю, подобно человеку, приручающему дикую слоницу. Покорные воле Раваны демоницы подхватили Маитхили и потащили ее в цветущий сад Ашока, богатый фруктовыми деревьями, исполняющими любое желание, и полный всегда поющих любовные песни птиц. Словно лань среди тигриц Сита, дочь Джанаки в отчаянье сникла под давлением тех демонов. Как робкая антилопа, попавшая в ловушку, Маитхили, охваченная страхом и горем, ни в чем не находила утешения. Терзаемая ужасными чудовищами, царевна Митхили, не ведавшая отдыха, мысленно не расставаясь со своим господином и его дорогим братом, потеряла сознание от ужаса и печали.

Дополнительная глава⁸

Как только Сита оказалась на Ланке, Брахма, творец вселенной, призвал к себе Индру, правителя богов, который чрезвычайно обрадовался известию о похищении Ситы, сознавая, что судьба Раваны предрешена. Брахма сказал Индре:

– Ради блага трех миров и демонам на погибель злобный Равана унес Ситу на Ланку. Благословенная Сита, давшая обет служить своему господину и выросшая в роскоши, не может более видеть супруга и, пребывая под неусыпным оком ужасных демонов, постоянно мечтает о встрече с ним. Город Ланка лежит посреди океана, повелителя рек, как же Рама узнает, где искать безупречную деву? Понимая трудность своего положения, Сита подолгу и грустно размышляет о случившемся несчастье. Не желая поддерживать жизнь в теле, она отказалась от пищи и несомненно расстанется с жизнью. Этого нельзя допустить, иначе замысел наш не увенчается успехом. Поэтому поспеши на Ланку увидеть прекрасную Ситу и предложи ей молочный сладкий рис, который предлагают жертвенному огню. Получив распоряжение Брахмы, Индра, усмиривший демона Паку, правитель богов, вместе с богиней Нидрой, покровительницей сна, достиг города Ланка, который защищал Равана, и повелел Нидре:

– Иди и порази демонов, напустив на них сон! Индра, довольная полученным приказанием, сморила демонов сном, чтобы боги достигли желанной цели. Тем временем Индра, супруг Шачи, тысячеглазый бог приблизился к Сите в Ашоковом саду и сказал:

– О дева с сияющей улыбкой, я – Индра, правитель богов! Блага тебе! Я пришел помочь тебе, чтобы Рама высокой души исполнил свой долг. Молю не печалься, о дочь Джанаки! Благодаря моим благословениям он пересечет океан вместе со своей великой армией. О добродетельная, все демоны вокруг тебя окутаны иллюзией! Поэтому прими эту пищу, достойную богов, я сам принес ее тебе вместе с Нидрой, о Сита, царевна Видехи! Если ты примешь ее из моих рук, о добродетельная женщина, ни голод, ни жажда никогда не потревожат тебя, о прекрасная, даже в течение десяти тысяч лет! Полная недоверия и дурных предчувствий Сита отвечала:

– Откуда мне знать, что ты на самом деле правитель богов и господин Шачи? Я видела, что Рама и Лакшмана отмечены божественными знаками. Будь добр, яви их мне, о правитель богов, если ты сам Индра. Громовержец исполнил просьбу Ситы и предстал перед нею, не касаясь земли, с немигающим взглядом. На одеждах его не было пыли, и цветы на гирлянде были свежими и благоухающими несмотря на его долгое путешествие. Сита с радостью убедилась, что перед нею никто иной, как сам Индра, и, залившись слезами, сказала:

– Какое счастье, что звук имени могучерукого царевича Рамы и его младшего брата коснулся моего слуха! Сегодня я смотрю на тебя, как на своего свекра, последнего царя Айодхьи, или как на моего отца, правителя Митхилы. Ты покровительствуешь моему господину Шри Раме. По твоей воле я приму эту пищу, достойную богов, которая продлила род Рагху. Приняв из рук Индры сладкий молочный рис, знаменитая царевна Митхилы с сияющей улыбкой мысленно предложила его своему супругу и его брату Лакшмане:

– Если муж мой безграничного могущества и младший брат его еще живы, пусть эта пища, предложенная мною с любовью и преданностью, принесет им удовольствие. Вкусив той божественной пищи, прекрасная Сита освободилась от мук голода и преисполнилась радости, получив от Индры вести о Раме и Лакшмане. Простившись с Ситой, знаменитый и благородный Индра, сопровождаемый Нидрой, довольный, удалился на небеса, чтобы помочь Шри Раме и вернуться в свою обитель Амаравати.

Глава 57

Рама видит ужасные предзнаменования

Убив демона Маричу в облике золотого оленя, Рама поспешил в обратный путь по тропе, ведущей к его хижине. Он бежал, всем сердцем жажда увидеть Ситу, царевну Митхилы, когда в спину ему пронзительно завыл шакал. Рама отметил про себя, что этот страшный вой, от которого волосы встают дыбом, предвещает недоброе. Тревожные опасения закрались в его сердце, еще когда он услышал, как Маричи перед смертью его голосом позвал Ситу и Лакшмана. Рама задумался: «Дорога, на которой выл шакал, увы, сулит беду. Все ли благополучно с Ситой, царевной Митхилы? Не сожрали ли ее демоны? Что если Лакшмана услышал жалобный голос Маричи и тотчас покинул Ситу, чтобы помочь мне? Несомненно, демоны решили убить Ситу и ради этой цели Марича принял облик оленя и заманил меня подальше от хижины! Став жертвой моих стрел, он закричал моим голосом: «О Лакшмана, я умираю!» Все ли благополучно с ними без меня в лесу? Уничтожив демонов в Джанастхане, я стал их ненавистным врагом. Сколько смертельных предзнаменований я вижу вокруг!» Вспоминая холодящий кровь вой шакала, Рама спешил к хижине и размышлял над смыслом ловушки демонов, заманивших его подальше от его возлюбленной супруги. Когда он направлялся в Джанастхан, сердце его трепетало от дурных предчувствий, он замечал, что птицы и звери проходят слева от него, издавая страшные крики. Наблюдая смертельные признаки, Рагхава увидел вдруг бегущего навстречу Лакшмана, бледного и встревоженного. Охваченный беспокойством Рама рас-

строился еще больше, когда увидел брата своего в таком унынии. Понимая, что Лакшмана оставил Ситу одну в пустынном лесу, полном демонов, Рама взял его за левую руку и сказал с мягким упреком в голосе:

– Ах! Лакшмана, ты допустил ошибку, придя сюда и оставив Ситу без защиты. О друг мой, how can this prove auspicious? Несомненно, дочь Джанаки мертва или демоны, которые бродят по лесу, сожрали ее! Я вижу так много дурных предзнаменований, о Лакшмана, и потому спрашиваю, найдем ли мы Ситу, дочь Джанаки, живой, о лев среди людей! Множество зверей и шакалов устрашающе кричат и воют, так же как и птицы, что летят на юг, я боюсь, что не все благополучно с царевной, о доблестный герой! Этот демон, принявший облик оленя, обманул меня и завлек меня далеко от хижины. Убитый с большим трудом. Перед смертью он предстал предо мной в истинном облике. На сердце у меня тяжело и нет радости, левый глаз подергивается. Несомненно, о Лакшмана, мы потеряли Ситу, или ее похитили, или она мертва, или затерялась в лесу.

Глава 58 Скорбь Рама

Увидев унылого и подавленного Лакшмана, добродетельный сын Дашаратхи спросил его:

– О Лакшмана, где Ваидехи, которая последовала за мной в лес и которую ты оставил одну, чтобы прийти сюда? Где моя прекрасная спутница, разделившая со мной мою злую судьбу, когда я лишился царства и, удрученный, был обречен скитаться по лесу Данадака? Где Сита, без которой я не могу прожить и мгновенья, спутница моей жизни, прекрасная, как дочь богов? О герой, в разлуке с Ситой, чье тело сияет, как золото, мне не нужна власть над богами или землей. О Лакшмана, Сита для меня дороже жизни. О Саумитри, неужели мое изгнание оказалось бессмысленным? Если я умру из-за Ситы и ты вернешься в город один, разве возрадуется Кайкейи исполнению своего желания? Разве не станет Каушалья, навсегда потерявшая сына, жалкой рабой Кайкейи, которая, добившись своего, будет править страной вместе со своим сыном? Если Ваидехи еще жива, я вернусь в хижину, но если моя добродетельная супруга погибла, я расстанусь с жизнью, о Лакшмана! Если мы вернемся в ашрам и дочь Видехи с улыбкой не заговорит со мной, мне не нужна жизнь. Скажи мне, о Лакшмана, жива ли Ваидехи, или в твое отсутствие демоны сожрали ее, несчастную! Увы! Бедная Сита, такая нежная и хрупкая, никогда не ведавшая горя, без меня будет совсем одинока. Неужели ты преисполнился страха, услышав зов коварного и ловкого демона, который кричал: «О Лакшмана!»? Я предполагал, что Ваидехи, услышав якобы мой крик о помощи, станет молить тебя узнать, что случилось со мной, и ты поспешишь мне навстречу. Ты совершил неисправимую ошибку, оставив Ситу в лесу, предоставив жестоким демонам возможность отомстить нам. Питающиеся плотью демоны сокрушались о смерти Кхары и теперь, без сомнений, убили Ситу. Увы! Я тону в океане печали, о герой, повергающий врагов! Что мне теперь делать! Я трепещу перед тем, что ожидает меня! Поглощенный мыслями о Сите, которая была идеалом женщины, Рагхава что было сил спешил в Джанастхан, и Лакшмана бежал за ним. Упрекая младшего брата, подавленный горем, мучимый голодом, усталостью и жаждой, Рама, тяжело дыша, бледный, во власти отчаянья вбежал в свою хижину и увидел, что она пуста. Рама бросился в одну сторону, потом в другую, где обычно Сита предавалась забавам, вспоминая излюбленные места ее прогулок. Рама обезумел от горя, волосы у него встали дыбом.

Глава 59 Рама упрекает Лакшману

Выйдя из хижины, Рама, радость династии Рагху, продолжал расспрашивать Лакшману, и голос его едва звучал:

– Уходя, я доверил твоим заботам Маитхили, почему же ты покинул ее? Когда я увидел тебя одного, оставившего Маитхили без защиты, у меня все похолодело от волнения, предчувствуя великую опасность. О Лакшмана, увидев тебя без Ситы, я почувствовал, что мой левый глаз и рука подергиваются, и сердце у меня сильно забилося. От этих слов царственного сына Сумитры охватила печаль и он отвечал разбитому Рама:

– Не по своей воле я пришел сюда, оставив Ситу, и разыскал тебя, но уступив ее настойчивым мольбам. Зов «О Лакшмана, спаси меня!», так похожий на голос ее господинна, резанул слух Маитхили, и она, слыша этот отчаянный крик, преисполнилась ужаса. Из любви к тебе, плача она велела: «Иди! Иди!». Она гнала меня, повторяя: «Иди!» – но я возражал, пытаясь ее успокоить: «Я знаю, что нет на свете демона, который мог бы испугать Раму. Это не он, это чей-то другой зов, о Сита. Произнесет ли столь знаменитый воин, которого боятся сами боги, такие низкие и позорные слова как «Спаси меня!»? Кто подражает голосу моего брата и произносит эти трусливые слова, и для какой цели? Несомненно это демон на краю гибели кричал «Помоги!». О прекрасная, не пристало тебе трепетать, как низкороденная женщина! Будь мужественной, успокойся и отбрось волнение. Не родился еще в трех мирах герой, способный победить Рагхаву на поле боя в открытом сражении. Он непобедим даже для богов, возглавляемых Индрой». Но Ваидехи, в отчаянии, заливаясь слезами, произнесла такие жестокие слова: «О Лакшмана, ты так порочен, что мечтаешь завладеть мною после смерти своего брата, но этому никогда не бывать! По наущению Бхараты ты решил сопровождать Раму и потому ты не отзываешься на его крик о помощи. Скрывая свои истинные намерения, ты ради меня вероломно последовал за Рамой и теперь отказываешься помочь ему». Я не мог слышать эти слова Ваидехи, я покинул хижину, губы у меня дрожали и глаза пылали гневом. Лишь только Саумитри замолчал, Рама в великой тревоге сказал:

– О друг, ты совершил огромную ошибку, придя сюда без Ситы. Тебе хорошо известно, что я могу защитить себя перед демонами, но ты из-за вспыльчивости Ваидехи покинул ее. Я очень недоволен, что ты оставил Ситу и пришел сюда из-за упреков негодующей женщины. Подчинившись Сите и поддавшись порыву гнева, ты нарушил духовный закон и ослушался моей воли. Демон, который принял облик оленя, чтобы заманить меня подальше от хижины, теперь лежит сраженный моими стрелами. Натянув свой лук, я вложил в него стрелу, играючи выпустил ее и сразил его. Тогда вместо золотого оленя он принял свой истинный облик демона в сверкающих браслетах и издал свой предсмертный крик. Из всех сил он закричал на весь лес моим голосом, и услышав этот зловеющий крик, ты бросил Маитхили и прибежал ко мне.

Глава 60 Поиски Ситы

Рама поспешно возвращался в свою хижину, и его левый глаз подергивался снова и снова, он спотыкался, дрожь пробегала по всем его членам. Видя этих предвестников беды, он снова спросил Лакшману:

– Все ли благополучно с Ситой? Всем сердцем жажда видеть ее вновь, он ускорил свой шаг, но достигнув хижины, обнаружил ее пустой и, охваченный беспокойством, стал бегать повсюду в поисках Ситы. Без Ситы покрытая соломой хижина казалась потому что Рагху озером без лотосов, утратившему свою красоту к концу лета. Увидев пустую хижину, с как будто плачущими деревьями, поникшими цветами, грустными оленями и птицами, лишившуюся очарования, разоренную, покинутую лесными божествами, с разбросанными циновками и оленьими шкурами, вытоптаннами подстилками из высохшей травы, Рама стал плакать и кричать:

– Что случилось с этой робкой женщиной – ее украли, убили или сожрали, она утонула или скрылась в лесу? Может быть, она не вернулась еще, собирая фрукты и цветы, или она пошла набрать воды из прудов или реки? Теряя сознание в бесплодных поисках и

не видя в лесу следа своей возлюбленной, Рама бегал повсюду, забирался на холмы, осматривал реку и ручей. Плачущий, разбитый горем, он казался человеком, тонущим в болоте! – О дерево Кедумбра, – кричал он, – не видело ли ты моей возлюбленной, которая так нежно любила тебя? Если ты знаешь что-нибудь, скажи мне, где искать прекрасную Ситу? О дерево билва! Скажи, не видело ли ты ее, облаченную в желтый шелк, прекрасную, как молодые зеленые побеги, с грудью, напоминающей твои упругие, круглые плоды? О дерево арджуна, передай мне весточку о той, что любила тебя, дочери Джанаки, жива ли она, это хрупкое создание? Это дерево кадубха наверняка знает о Маитхили, чьи бедра напоминают его фрукты, а вот и прекрасное ванаспати, закутанное в цветущие лианы, покрытое бутонами и листьями, в тени которого жужжат пчелы, несомненно, это царь деревьев! Наверняка эта тилака, которую Сита так любила, знает, где она сейчас! О дерево ашока, что развеивает печаль, покажи свою силу и успокой боль, раздавившую мне сердце, раскрой скорее, где моя любимая! О дерево тала, сжался надо мной и, если ты видело ту прекрасную деву, чья грудь напоминает твои спелые плоды, поведай мне о ней! О дерево джамбу, если ты видело мою возлюбленную, чье сияние напоминает Джамбунаду, не бойся сказать мне истину о ней! И ты, лучшее среди деревьев карника с цветами необыкновенной красоты, о нежное, не видело ли ты моей возлюбленной? Знаменитый Рама спрашивал каждое дерево – гуту, нипу, гигантскую шалу, панасу, куравасу и валуку, паннагу, чандану и деревья кетака, бегая по лесу от одного к другому, как безумный. Он стал обращаться к диким зверям:

– О лани, не знаете ли вы, где искать Маитхили с глазами лани, которая приручила вас и призывала взглядом? О слон, должно быть, ты знаешь, где эта прекрасная дева с бедрами, напоминающими твой хобот, молю, скажи, ты видел ее? О тигр, если ты видел мою нежную супругу, чье лицо сияет, как луна, не бойся сказать мне правду Почему ты скрылась, о моя возлюбленная? Я вижу тебя, о лотосоокая! Стой! Остановись! О прекрасная царевна, тебе не жаль меня? Почему ты смеешься надо мной? Безрассудство не свойственно тебе, о дева с сияющим, как золото, телом, ты напрасно убегаешь от меня, твое желтое сари легко различить среди деревьев, я вижу тебя! Остановись, если ты хоть немного любишь меня! Увы! Это не она, моя Сита с чарующей улыбкой! Без сомнений, она погибла, поскольку мое горе не тревожит ее! Наверняка, эту юную деву сожрали в мое отсутствие. Прекрасная лицом, с сияющими зубами и губами, точеным носом и изящными серьгами в ушах Сита, чья кожа напоминает зимний жасмин, погибла, и красота ее погасла, словно полная луна во время затмения. Стройная шея моей возлюбленной цвета сандала, украшенная ожерельем, перерезана, словно у бедной и беспомощной женщины, не имеющая ни друзей, ни родных. О могучерукий, ты нигде не видел моей возлюбленной? О, куда же ты ушла, о Сита, о любимая! Рама плакал и звал, бегая от одной роши к другой, крутясь, как вихрь, и походя на безумца. В поисках возлюбленной он обошел весь лес, поднимался на гору, осматривал реку и водопады. Не чувствуя земли под ногами, он обежал все кругом. Рама бродил по лесу в надежде разыскать свою возлюбленную, пока окончательно не обессилел.

Глава 61 Плач Рамы

Увидев пустую обитель и хижину с разбросанными подстилками из травы, нигде не находя Ваидехи, Рама, сын Дашаратхи, поднял к небу прекрасные руки и печально воскликнул:

– О Лакшмана, где Ваидехи, куда она ушла? О Саумитри, кто похитил или сожрал мою возлюбленную? О Сита, если ты спряталась за деревом и шутишь со мной, то поскорее предстань перед моим взором, ты довольно насладились моим горем! О дорогая, молодая лань, с которой ты играла, тоскует без тебя, глаза ее полны слез. Без Ситы я не в силах жить, О Лакшмана, я раздавлен горем! Сегодня я удалюсь в иной мир и встречу с

великим монархом, моим отцом, который упрекнет меня: «Дав слово во искупление моего обета, как ты пришел сюда раньше положенного срока? О раб своих желаний, ты лишился чести и верности, горе тебе!» Без сомнений, такими словами встретит меня отец в ином мире! О жестокая! Разбитого, беспомощного, жалкого и охваченного горем ты покинула меня, словно доброе имя – мошеника! О прекрасная царевна, не покидай меня! О дева с тонким станом, ты повергла меня в бездну, где я расстанусь с жизнью! Несчастный Рама скорбел, всем сердцем желая вновь увидеть Ситу, но дочери Джанаки нигде не было. Во власти горя он походил на могучего слона, тонущего в болоте, на которое наступил. Лакшмана, искренне желая утешить брата, сказал:

– О герой, о источник мудрости, не горюй! Давай объединим усилия. Этот холм славится своими многочисленными пещерами, и Маитхили, часто гулявшая в тех зарослях и любовавшаяся красотой леса, без сомнений, отважилась углубиться в чащу или посетить озеро, поросшее лотосами. Возможно, она пошла на реку, полную рыбы и любимую птицами чудесного и яркого оперенья. Может быть, она скрылась в узком ущелье, чтобы испугать нас, и смотрит, будем ли мы искать ее. О лев среди людей, давай сейчас же поищем ее! О царевич, благословенный удачей, если ты думаешь, что она где в лесу, мы обойдем там каждый куст. Не горюй, о Какутстха! Эти слова Лакшманы, вызванные братской любовью, немного успокоили Раму, который вместе с Саумитри вновь принялся искать Ситу. Обезав все леса, холмы, реки и озера, со всех сторон обыскав плоскогорья, пещеры и вершину горы, два сына Дашаратхи нигде не увидели Ситы, и тогда Рама сказал Лакшмане:

– На этой горе я не видел и следа Ситы, о Саумитри! Лакшмана в великой печали обратился к брату, полному сил:

– В поисках Маитхили, дочери Джанаки, ты обошел весь лес Дандака, о дальновидный царевич, подобно Вишну, тремя шагами покрывшему всю землю и покорившему Ба-ли. Рагхава с тяжелым сердцем жалобно отвечал доблестному Лакшмане:

– Мы внимательно осмотрели весь лес и озера, поросшие ковром лотосов, эту гору с ее пещерами и водопады, о благоразумный царевич, но нигде нет и следа Ваидехи, которая дорога мне, как дыхание жизни. Плача, Рама пребывал в великом беспокойстве, сердце его сжималось от горя, в отчаянье он терял сознание. Трепеща всем телом, с помутившимся умом, ошеломленный и разбитый, этот несчастный царевич, глубоко и горячо вздыхая, подавляя рыдания, кричал:

– О Сита, о моя возлюбленная! Приложив все силы, чтобы найти супругу дорогого брата, Лакшмана, раздавленный горем, предстал перед ним со сложенными ладонями. Но Рама не обращал никакого внимания на слова, сходявшие с уст Лакшманы, и, не видя любимой Ситы, звал ее снова и снова.

Глава 62

Рама в отчаянье

В разлуке с Ситой лотосоокий, праведный и могущественный Рама обезумел от горя. Терзаемый любовью, не в силах увидеть ее он, горестно вздыхая, стал упрекать Ситу, словно она стояла перед ним:

– О дева, чья цветущая юность прекрасней побегов ашоки, не прячься от меня, умножая мою боль! Твои бедра похожи на молодые ветви дерева, что скрывают тебя, но не прячься от меня, о богиня! Смеясь, ты убежала в карниковую рощу, но довольно, этими шутками ты мучаешь меня! Неужели тебе недостаточно развлечений близ нашей хижины, хотя я знаю, какой веселый у тебя нрав, дорогая моя! Вернись, о большеглазая дева, хижина твоя опустела! Увы! Наверняка демоны сожрали мою Ситу или похитили ее, и поэтому она не появляется. Она никогда не смеялась над моей печалью, о Лакшмана! О Саумитри, взгляни на эту лань, из глаз которой катятся слезы! Похоже, она говорит, что Ситу съели ночные разбойники. О благородная женщина, где ты? О моя целомудренная,

моя любимая! Увы! Сегодня сбылось желание Кайкейи! Я ушел в изгнание с Ситой, но теперь вернусь один. Как войду я во дворец без нее? Наверняка люди скажут: «Это бессердечный негодяй!» Потеряв Ситу, я понесу печать малодушия и, когда изгнание мое завершится, Джанака, царь Митхилы, спросит меня о нашем благополучии. Что я отвечу ему? Государь Видехи, увидев меня, вернувшегося без Ситы, преисполнится горя, скорбя о ее смерти, и станет жертвой безумия! Нет, я никогда не вернусь в Айодхью, который правит Бхарата. Небеса кажутся пустынными без Ситы. Ты, о Лакшмана, оставишь меня в лесу и вернешься в процветающий город Айодхью. Я же не в силах жить без Ситы. Тепло обняв Бхарату, ты скажешь ему от моего имени: «Это воля Рамы, чтобы ты правил землей». Почтительно поклонившись нашим матерям – Кайкейи, Сумитре и Каушалье – защищай их, проявляя все свое могущество и прислушиваясь к мудрому совету. О повергающий врагов своих, тебе придется во всех подробностях поведать им о гибели Ситы и моей смерти. Так сокрушался Рама, безутешно блуждая по лесу вдали от Ситы с чудесными вьющимися волосами, а Лакшмана, бледный от ужаса, чувствовал, что теряет сознание от обрушившегося на них горя.

Глава 63

Рама продолжает сокрушаться

Царский сын, сраженный печалью, взволнованный, в разлуке со своей возлюбленной впадал во все более глубокое уныние, что причиняло его младшему брату невыразимую боль. Утопая в бездне горя, Рама, глубоко вздыхая и стеная, сказал взволнованному Лакшмане:

– Я думаю, в мире нет никого несчастнее меня, неудачи одна за другой непрерывно преследуют меня. Это разрывает мне сердце. Наверное, прежде я замыслил или совершал бесчисленные злодеяния, и теперь плоды их созрели и все большими и большими бедствиями обступили меня! Потеря царство, разлука с родными, разлука с матерью – воспоминания эти умножают глыбу моего горя. Все эти беды были забыты, так же как и лишения жизни в лесу, но нынешнее исчезновение Ситы возродило память о них, как почти погасшая жаровня неожиданно вспыхивает пламенем. Мою юную и робкую супругу демон унес в небо, в ужасе она непрерывно кричала, раздирая душу, хотя прежде обычно говорила так сладко. Несомненно, грудь моей возлюбленной, окропленная дорогим шафраном, теперь в крови и пыли, но я еще живу! Сита, с уст которой сходили лишь мягкие, ясные и сладкие речи, а лицо украшали вьющиеся темные волосы, побледнела, став жертвой демонов. Она утратила прежнее сияние, словно луна в пасти Раху. Моя возлюбленная и верная супруга, грудь которой украшена нитью жемчуга, сейчас лежит с разорванной демонами шеей где-то в пустынном месте, где они пили ее кровь. Оставшись без меня, окруженная демонами в лесу, в котором они жили, бедная большеглазая Сита, уносимая ими, жалобно кричала, словно раненная скопа. В этой долине прекрасная Сита сидела рядом со мной и говорила с тобой, обращая к тебе мягкие слова и сладкие улыбки, о Лакшмана. Быть может, она гуляет по берегам Годавери, самой живописной реки, которую она так любила, хотя никогда прежде она не ходила туда одна! Лицо ее подобно лотосу, а глаза – лепесткам лотоса, наверное, она пошла собрать водяных лилий, но возможно ли это, ведь никогда прежде она без меня не собирала цветов? Она скрылась в лесу, полном цветущих деревьев и любимом стаями всевозможных птиц? Увы, нет! Она так робка, чтобы рискнуть идти куда-нибудь одна, она умерла бы от страха! О солнце, ты видишь все, что происходит на земле, каждое деяние, будь оно злым или добродетельным! Моя возлюбленная ушла куда-то или ее похитили? О, скажи мне, чтобы я не умер от горя! О ветер, нет ничего неведомого в мире для тебя, скажи, Сита, цветок нашего рода, сбилась с пути, или ее похитили, или она мертва? Рама сокрушался, став жертвой отчаяния и горя, и доблестный Саумитри, верный своему долгу, обратился к нему с достойными словами:

– О герой, отбрось горе и соберись духом! Взгляни на исчезновение своей супруги отрешенно и приложи все силы, чтобы найти ее. Сильные духом не позволяют себе впасть в уныние, даже перед лицом величайшего бедствия. Так говорил безгранично могущественный Лакшмана, подавив печаль, но Рама, радость династии Рагху, не обратил внимания на его слова и целиком отдался своему великому горю.

Глава 64 Гнев Рамы

Разбитый горем Рама попросил Лакшману:

– О Лакшмана, поспеши на реку Годавери, может быть, Сита пошла собирать лотосы! Лакшмана тут же побежал к прекрасной Годавери и, обойдя все священные броды, вернулся и сказал Рама:

– Я обыскал все святые места, но Ситы нигде не было, она не отзывалась на мой зов. Куда пошла Ваидехи? Я не знаю, где эта дева с тонким станом, о Рама. Несчастный Рама в великом волнении бросился к берегам реки Годавери и стал взывать:

– Где Сита?! Но ни лесные духи, ни река Годавери не осмеливались поведать Рама, что супругу его унес повелитель демонов, достойный смерти. Годавери, вспоминая прежние подвиги злобного Раваны, боялась рассказать все, что ей было известно о судьбе Ваидехи. Молчание реки заставило Раму потерять всякую надежду вновь увидеть Ситу и, охваченный отчаяньем, он сказал Саумитри:

– Чудесная река Годавери не отвечает мне, о Лакшмана. Что скажу я царю Джанаке или матери Ваидехи, когда, вернувшись без нее, мы встретимся снова? Увидев меня без Ваидехи, они проникнутся отвращением и ненавистью ко мне. Царевна Ваидехи смягчила постигшую меня беду, когда я лишился царства и был изгнан в лес, питаться дикими фруктами. Где она теперь? Вдали от родных, не в силах найти Ваидехи, как проводить мне долгие бессонные ночи? В поисках Ситы я обошел все – реку Мандакини, был в Джанастхане и на горе Прасравана. О герой, взгляни на дикого оленя, полного сил, который непрерывно смотрит на меня и взглядом, похоже, пытается мне что-то сказать. Впившись в него взглядом, этот лев среди людей, Рагхава, закричал:

– Где Сита? Голос его прервали рыдания. Отвечая повелителю людей, олень поднялся и повернул голову на юг, устремив глаза свои к небу и тем самым показывая, куда и как была похищена Сита. Повернувшись к югу, тот олень несколько раз смотрел на Рагхаву, а потом в небо, жалобно крича и бегая перед двумя братьями, словно пытался привлечь к себе их внимание. Лакшмана, понимая движения оленя и его крик, сказал старшему брату:

– О мой господин, ты заговорил с этим оленем, спросив, где Сита, и он, прыгая, показывает на юг. Давай поэтому последуем этим путем, возможно, мы отыщем след той благородной девы или ее саму. – Да будет так! – отвечал Какутстха и направил шаги свои на юг, и благородный Лакшмана последовал за ним. Устремив взгляд свой на землю, он внимательно осматривал примятые цветы и чрезвычайно расстроенный сказал брату:

– О Лакшмана, я помню эти цветы, потому что сам собирал их в лесу и дал Ваидехи украсить волосы. Возможно, солнце, ветер и земля сохранили их мне на радость. Рама обратился к горе с ее бесчисленными потоками:

– О повелитель холмов, не видел ли ты прекрасную стройную царевну, которую я оставлял в этой чарующей роще? С мукой в голосе он закричал, угрожая горе, подобно льву перед ланью:

– О гора, покажи мне ту деву, чья кожа напоминает расплавленное золото, или я разобью твои гребни! Так расспрашивал Рама о Сите, царевне Митхилы, и гора уже готова была ответить, но смолчала из страха перед Раваной. Тогда сын Дашаратхи обратился к скалистой гряде:

– Мои яростные стрелы превратят тебя в пепел, ты лишишься своей пышной зелени, деревьев, лиан, все живое покинет тебя! О Лакшмана, я иссушу эту реку, если она не рас-

кроет где искать Ситу, сияющую как полная луна в небе! В гневе Рама готов был уничтожить гору взглядом, когда неожиданно увидел на земле следы демона и Ваидехи, которая, словно загнанная лань металась из стороны в сторону, пока он силой не унес ее в небо. Увидев следы Ситы и демона, разбитый лук, два колчана и обломки колесницы, Рама с сильно бьющимся сердцем сказал любимому брату:

– Взгляни, о Лакшмана, здесь повсюду валяются разорванные украшения Ваидехи и гирлянды, на земле видны капли крови, сияющие как расплавленное золото. Нет сомнений, о Лакшмана, что демоны, по желанию меняющие облик, разрубили Ситу на куски и сожрали ее. Здесь произошла ужасная битва из-за Ситы, о Саумитри. На земле валяются обломки огромного лука, инкрустированного жемчугом, кому он принадлежит, о друг? Какому демону или богу, о дитя мое, принадлежит это оружие, сияющее как восходящее солнце, украшенное изумрудами и жемчугами, обломки которого я вижу на земле? Чей это полог с разбитыми подпорками, украшенный сотнями заклепок и небесными гирляндами? И чьи это мулы ужасные на вид, в золотой сбруе с головами гоблинов, сраженные в жестокой схватке? Кому принадлежит эта воинская колесница, сияющая как огонь, перевернутая и разбитая? Эти ужасающие стрелы в сотню пальцев длиной с притупившимися золотыми наконечниками, сотни обломков которых разбросаны повсюду, и два колчана полные превосходных стрел – чьи они?

Взгляни на колесничего, что мертвым лежит на земле, зажав в руках ремень и вожжи – кто его хозяин? Без сомнений эти следы принадлежат могущественному демону, о Лакшмана. Посмотри, как, меняя тысячи личин, преисполненные лютой ненависти демоны, безжалостные оборотни, мстят нам! Увы, благословенную Ваидехи похитили, или же она мертва, или съедена! Если добродетель не спасла Ваидехи от горькой участи быть тайно похищенной в лесу, если ее сожрали, о Лакшмана, кто в этом мире, пусть даже великий человек, сможет хоть немного утешить меня? Мир не поймет и будет презирать верховного творца вселенной, который должен проявлять сострадание, а я по природе мягкий, обуздавший чувства и развивавший милосердие, ради всеобщего блага буду жаждать битвы с богами. О Лакшмана, сегодня ты узришь, как омрачатся мои добродетели, своим гневом я уничтожу демонов и все живое! Как восходящее солнце затмевает луну, так и мои великие добродетели сокроются и вырвется наружу ослепительный огонь. Никому в трех мирах не спастись от моего испепеляющего гнева – ни якшам, ни гандхарвам, ни пишачам, ни ракшасам, ни киннерам, ни людям, о Лакшмана. Скоро ты увидишь, как небо потемнеет от моих стрел, планеты остановятся, луна исчезнет из виду, огонь и ветер стихнут, сиянье солнца погаснет, горные хребты превратятся в песок, озера осушатся, лианы и деревья будут вырваны с корнем, а океан исчезнет с лица земли! Если боги не вернут мне Ситу, я обещаю три мира! О Саумитри, они вынуждены будут признать мою доблесть. Никто во вселенной не найдет себе прибежища, о Лакшмана! Сегодня ты увидишь вселенную, вышедшую из своих пределов! Ни одно живое существо не сможет уцелеть под напором стрел, выпущенных из моего натянутого до самого уха лука. Чтобы спасти Ситу, я избавлю мир от гоблинов и демонов, и боги узрят могущество моих стрел, выпущенных гневной рукой. Поток моих стрел уничтожит миры богов, исполинов, якшей и демонов. Своими стрелами я сломаю сопротивление трех миров, если боги не вернут мне Ваидехи живой и невредимой. Если они не приведут мою возлюбленную, я опустошу вселенную, уничтожив всех ее обитателей. Я буду выпускать свое разрушительное оружие, пока Ситы не будет со мной рядом! Рама говорил это, и глаза его пылали гневом, сжатые губы дрожали. Завязав покрепче древесную кору на бедрах и оленью шкуру и собрав волосы в узел, прозорливый герой походил на Рудру, поднявшего свой уничтожительный трезубец. Взяв из рук Лакшмана свой лук, он с силой натянул его, вытащив из колчана ужасную стрелу со стальным наконечником, подобную ядовитой змее. Лучезарный Рама, преисполненный гнева, сокрушитель врагов, подобный огню в час разрушения мира, воскликнул:

– Ничто живое не спасется от моего гнева, как от старости, болезней и смерти! О Лакшмана, если я сегодня же не найду Ситу в ее нетронутой красоте, я уничтожу вселенную с ее богами, гандхарвами, людьми, пуннагами и горами!

Глава 65

Лакшмана пытается успокоить Раму

Потеряв Ситу, Рама, охваченный горем, напоминал огонь, пожирающий вселенную в последний ее час, и жаждал разрушения миров. Горячо дыша, он пристально смотрел на свой натянутый лук, словно Хара, в положенный срок готовый истребить вселенную. Никогда еще Лакшмана не видел Раму в таком гневe. Он побледнел от ужаса и обратился к нему с почтительно сложенными ладонями:

– Всегда мягкий, уравновешенный и преданный всеобщему благу, не давай волю своему гневу и не грехи против своей природы. Твоей славе нет равных, она безгранична, подобно сиянию луны, блеску солнца, быстроте ветра и терпению земли. Почему же ты хочешь уничтожить миры из-за человеческого греха? Неизвестно, кому принадлежит эта разбитая колесница, из-за кого и меж кем произошла здесь битва, следы которой мы сейчас видим. Земля испещрена колеями колес, следами, залита кровью. Тут произошла отчаянная битва, о сын царя, но это была битва между равными противниками, о самый красноречивый из людей! Я не вижу, чтобы здесь прошла огромная армия, и не достойно тебя уничтожать миры из-за одной, пусть и прекрасной, души. Цари должны править с неизменной справедливостью, мягкостью и сдержанностью. Ты – спасение всего живого, их последнее пристанище. Кто смирится с похищением твоей супруги, о Рагхава? Реки, моря, горы, гандхарвы и данавы не имеют желания опечалить тебя, подобно священнослужителю, который не причинит вреда тому, кто проводит жертвоприношение, совершив все подготовительные обряды. О царевич, великие мудрецы и я с луком в руках готовы помочь тебе разыскать похитителя Ситу. Мы дойдем до океана, исследуем холмы, леса, глубокие пещеры и бесчисленные озера, полные лотосов. Мы будем повсюду расспрашивать богов и гандхарвов, пока не найдем похитителя твоей супруги. Если повелители богов не вернут тебе жену целой и невредимой, тогда, о царь Кошалы, ты вправе поступать как сочтешь нужным. Если несмотря на мягкость, смирение и благоразумие ты не обретишь вновь своей супруги, о Индра среди людей, тогда ты можешь выпустить свои бесчисленные стрелы с золотым оперением, подобные молниям Махендры.

Глава 66

Лакшмана взывает к мужеству Рамы

Охваченный горем Рама, рыдая, словно осиротевший ребенок, с истерзанным сердцем пребывал в глубокой печали, а Лакшмана, сын Сумитры, прижимая к груди его стопы, пытался утешить его:

– Царь Дашаратха стал твоим отцом ценой великих аскез и бесчисленных благочестивых деяний, подобно небожителям, обретшим нектар бессмертия. Всем сердцем любя тебя за твои добродетели, этот великий монарх, расставшись с тобой, удалился на небеса. Об этом поведал нам Бхарата. Если ты не в силах справиться с постигшей тебя бедой, тогда как это сделать обычному человеку? О повелитель людей, собери все свое мужество! Какое живое существо не подвержено несчастью, что подобно вспышке пламени, исчезнувшему через мгновение? Таков этот мир. Разве Яяти, сын Нахуши не пал с небес жертвой постигшей его неудачи? В один день великий мудрец Васиштха, духовный учитель нашего отца, лишился четырехсот своих сынов? Разве ты не знаешь, что мать мира, сама земля, почитаемая всеми, иногда дрожит, о повелитель Кошалы? Даже солнце и луна, глаза мира, воистину, символы добродетели, которые оказывают влияние на всю вселенную, страдают от затмений. Даже величайшие создания, сами боги, пребывают во власти судь-

бы, о лев среди людей. Насколько они могущественней человека? Говорят, даже Индра и боги испытывают превратности судьбы, и потому не достойно тебя предаваться скорби! Мертва ли Ваидехи, или похищена, о Рагхава, ты не должен отчаиваться, словно обычный человек. Подобные тебе не дрогнут даже перед лицом величайших опасностей, но на все будут взирать хладнокровно, о Какутстха! О лучший среди людей, подумай и оцени, где добро и где зло. Воистину мудрые признают это. Неуверенный в себе человек не в силах поступать целесообразно, но неспособные к действию не обретают желанной цели. Ты сам часто учил меня этому, о герой, и кто может учить тебя? Даже Брихаспати молчит в твоём присутствии. Боги бессильны перед твоей мудростью, о наделенный могучим разумом. Я взываю к твоей безграничной силе, погребенной под бременем печали! Вспомни о силе богов, людей и своей собственной, о лев в роду Икшваку, и приготовься сокрушить своих врагов! Что толку тебе разрушать мир, о лучший среди людей? Разыщи своего вероломного противника и лиши его жизни!

Глава 68 Смерть Джатаю

Увидев коршуна Джатаю, сраженного ужасным Раваной, преисполненный сострадания Рама сказал сыну Сумитры:

– Эта птица, сражаясь за меня, смертельно ранена в битве с демоном и теперь умирает. Она едва дышит, о Лакшмана, глаза ее мутны, она не в силах говорить.

– О Джатаю! – позвал он. – Если можешь, скажи, что случилось с Ситой, и как ты оказался в столь плачевном положении! Зачем Равана похитил мою возлюбленную? Как эта дева с чарующим, сияющим как луна лицом, очутилась здесь, о лучший среди дважды рожденных? О чем говорила Сита в этот момент? Какова сила, явление и судьба этого демона? Где он живет, о друг, ответь мне! Добродетельный Джатаю поднял на Раму, скорбящего как сирота, тусклый взор и едва слышно отвечал:

– Ситу украл повелитель демонов Равана, злобный негодяй, колдун, способный вызывать ветер и бурю. О дорогое дитя, я был совсем изнурен, и этот ночной разбойник отрубил два моих крыла и, подхватив Ситу, вознесся в небеса и полетел на юг. Мне теснит грудь, я не могу дышать и почти ничего не вижу, о Рагхава! Перед моим взором проступают очертания золотых деревьев с листьями, по форме напоминающими уширу (1.142). Равана унес Ситу в тот час, когда потерявший скоро находит свою потерю, и который называется виндья, о Какустха, но Равана не сознавал этого. Подобно рыбе, сглотившей наживку, он обречен! Поэтому не отчаивайся, разыскивая Джанаки! Скоро ты встретишься с нею, в сражении, убив Равану! Пока Джатаю отвечал Раме, кровь с кусочками плоти хлынула из его клюва, и на краю смерти, едва удерживая сознание, он добавил:

– Равана сын Вишравасу и брат Вишравана! И в это мгновение жизнь покинула его. – Говори! Говори дальше! – кричал Рама, взывая к Джатаю со сложенными ладонями, но жизненный воздух уже покинул тело великой птицы. Царь коршунов упал наземь, его ноги, тело и голова вытянулись. Видя, что эта птица с красноватыми глазами, подобная огромной горе, рассталась с жизнью, Рама, потрясенный еще одной потерей, горестно сказал Саумитри:

– Много лет счастливо прожив в лесу, обители демонов, эта птица рассталась с жизнью! Прожив необыкновенно долго, теперь Джатаю лежит неподвижно! Неведом промысел судьбы! Взгляни, о Лакшмана, Джатаю умер, служа мне и пытаясь спасти Ситу. Равана превосходящей силой убил его! Он отказался от всего завещанного ему предками и ради меня пожертвовал жизнью. Несомненно благотворно воспитание мужества, преданности и исполнение долга даже в царстве животных, о Саумитри! Я скорблю о смерти этой добродетельной птицы, отдавшей за меня жизнь, даже сильнее, чем о похищении Ситы, о сокрушитель врагов! Держа на руках этого царя птиц, я испытываю такое же благоговейное почтение, с каким держал знаменитого и процветающего монарха Дашаратху, о

Саумитри! Принеси хвороста, чтобы я мог развести погребальный костер для царя птиц, погибшего за меня. Я предаю огню тело покровителя царства крылатых созданий, повергнутого жестоким демоном. О царь коршунов, о великодушный, я сожгу и благословлю тебя, чтобы ты удалился в ту обитель, откуда не возвращаются, обитель тех, кто привык совершать жертвоприношения, героев, никогда не покидающих поле сражения и щедрой рукой раздающих милостыню. С такими словами добродетельный Рама возложил тело царя птиц на погребальный костер и, преисполненный горя, развел огонь, как если бы совершал этот ритуал для родного человека. Простившись с Джатаю, Рама вместе с Лакшманой углубились в лес и постреляли несколько оленей рохи, чтобы, разбросав их плоть по зеленой траве, воздать жертву той великой птице. Разделявая оленину и скатывая шары, он предлагал их коршуну на свежей траве посреди пышного леса. Чтобы Джатаю скорее достиг небесной обители, Рама читал священные мантры, которые обычно читают посвященные брахманы, а потом оба царевича спустились к реке Годавери в знак почтения воздать воды царственной птице. Исполняя традиционные ритуалы, два потомка Рагху омылись и совершили церемонию удака (1.144) по царю птиц, павшему на поле сражения во имя славного и трудного подвига и ныне по благословию Рамы достигшему уготованной ему святой обители. Завершив последние ритуалы в честь великой птицы, словно это был их родной отец, два царевича, подобные Вишну и Васаве, правителям богов, скрылись в лесу, посвятив все желания и мысли поиску Ситы.

Глава 69

Рама и Лакшмана встречаются Айомукхи и Кабандху

Рама и Лакшмана все дальше углублялись в бескрайний лес, направляясь на юго-запад. Вооруженные мечами, луками и стрелами, эти потомки Икшваку шли непроторенным путем, продираясь сквозь кусты и непроходимые деревья, окутанные разнообразными лианами и вьюнами, сквозь неприступно густые и зловещие заросли. Однако два могущественных воина бесстрашно преодолевали обширный и опасный лес. Миновав Джанастанхан и преодолев немалое расстояние, братья великой силы вступили в густой лес Краунча, который напоминал груды синих облаков и приветливо встретил их множеством ярких цветов, стадами диких ланей и стаями населявших его птиц. Они обошли весь лес в поисках Ситы, во время коротких остановок скорбя в разлуке с нею. Не ведая усталости, братья продолжали путь, пока не подошли к хижине Матанги, стоявшей в лесу, полном хищных зверей и птиц, диковинных деревьев и густых зарослей. Сыновья Дашаратхи увидели пещеру в горе, глубокую, как подземное царство, где царит вечная тьма. Рама и Лакшмана, львы среди людей, приблизились к этой пещере и увидели огромную демоницу отвратительного вида. Страшная, с ужасным лицом, огромным ртом, острыми зубами, высокая, с резким голосом она преследовала более слабые создания. Это чудовище с растрепанными волосами, пожирающее свирепых хищников, теперь предстало перед Рамой и Лакшманой и сказала:

– Идемте, давайте развлечемся! Демоница схватила Лакшмана за руку и добавила:

– Меня зовут Айомукхи, и я – твоя! Стань моим господином, о герой! Мы проживем долгую и счастливую жизнь среди горных вершин и на речных островах. От этих слов Лакшмана, повергающий своих врагов, выхватил из ножен свой острый меч и в одно мгновение отсек ей уши, нос и груди. Демоница бросилась бежать изо всех сил, и лишь только она скрылась из виду, бесстрашные Рама и Лакшмана поспешили исчезнуть в густом лесу. Могущественный Лакшмана, верный, очаровательный и благородный, со сложенными ладонями обратился к своему блистательному брату:

– Я чувствую, у меня дергается левая рука, и сердце полно дурных предчувствий, потому что со всех сторон я вижу неблагоприятные предзнаменования. Будь ко всему готов, о великий герой, внемли моему совету. Это предвестники нависшей опасности. Ты слышишь зловещий крик птицы ванчулака, который сулит нам скорую победу? Братья приня-

лись бесстрашно исследовать лес и вдруг услышали ужасный крик и увидели вырванные с корнем деревья, словно по лесу неожиданно пронесся могучий ураган. Рама с луком в руках, вооруженный мечом, вместе с братом стали искать источник разрушения и увидели перед собой невиданных размеров демона с огромными бедрами. У него не было головы, а рот находился на уровне желудка. Покрытый шерстью, величиной с гору, темный как туча, ужасный на вид демон вопил на весь лес, и голос его гремел, как раскаты грома. Он сиял, как пылающий факел и, казалось, сыпал искрами. Один его глаз с желтыми веками, открытый на груди, выглядел странным и отвратительным. Чудовище облизывалось, обнажая два ряда острых зубов в огромной пасти. Свирепое и безобразное, оно пожирало кабанов, львов и птиц, хватая их своими громадными ручищами с расстояния четырех миль. Одним движением оно загребало стаи птиц и стада оленей и отправляло их себе в рот. Еще за милю заметив двух царевичей, демон встал у них на пути и замер в ожидании. Гигантское, отвратительное и смертоносное создание зловещего вида с туловищем и длинными руками, страшное и опасное, он потянулся и с силой схватил двух добродетельных братьев. Хладнокровный и мужественный Рагхава остался непоколебим, но Лакшмана, молодой, несдержанного нрава, дрогнул и крикнул Рагхаве:

– О герой, взгляни, я оказался во власти этого чудовища! Оставь меня, жертву злых сил, и счастливо продолжай свой путь. Я твердо уверен, скоро ты вновь встретишься с Ваидехи! О Какутстха, когда ты вернешься в царство наших предков и взойдешь на трон Айодхьи, вспомни обо мне! Рама отвечал сыну Сумитры:

– Не бойся, о добродетельный Лакшмана! Доблестные герои, подобные тебе, никогда не падают духом! Между тем безглавый демон с огромными руками, самый отвратительный среди исполинов, сказал братьям:

– Кто вы, воины с плечами, как у буйволов, вооруженные сверкающими мечами и луками? Большая удача для меня, что судьба привела вас в мои владения. Говорите, зачем вы посетили этот опасный лес, где я, мучимый голодом, ожидаю свою добычу? Раз вы приблизились ко мне, вам не избежать смерти, о юноши с луками, стрелами и мечами в руках, подобные буйволам с острыми рогами! Слушая злобного Кабандху, Рама побледнел и сказал Лакшмане:

– Опасности, одна хуже другой, преследуют нас, герой! В этой нелепой ситуации мы можем лишиться жизни и никогда больше не увидим нашей возлюбленной Ситы. Неумолима власть судьбы над всеми живыми существами, о Лакшмана! Посмотри, о лев среди людей, как злая судьба толкает нас в пропасть. Даже храбрые, могучие, великие и искусные на поле сражения воины падают жертвами судьбы, словно песчаные берега, размываемые рекой. Эта мысль опечалила героического и знаменитого сына Дашаратхи. Устремив взор на Саумитри, он собирался силами, пока не почувствовал в душе полное самообладание.

Глава 70

Рама и Лакшмана отрубают Кабандхе руки

Глядя на братьев, попавших ему в руки, словно в ловушку, Кабандха сказал:

– О чем вы беспокоитесь, о лучшие среди воинов? Меня мучает голод, судьба уготовила вас мне в пищу и потому лишила разума. Слова эти пробудили в сердце Лакшманы желание несмотря на печаль явить свою доблесть, и он крикнул Раме:

– Скоро мы станем жертвами этого мерзкого демона, своими громадными и сильными ручищами уничтожающего все живое. Давай поскорее своими мечами отсечем ему руки, о повелитель, или он покончит с нами. Позорно воину погибнуть от руки беззащитного и лишенного свободы, подобно животному, предназначенному в жертву. Слова эти разгневали демона и он широко раскрыл свой ужасный рот, чтобы проглотить братьев. Тогда царевичи, улучив подходящий момент, играючи по плечу отсекли ему две руки – Рама правую, а Лакшмана одним ударом меча левую. Кабандха, лишившийся своих огромных рук, издал громкий, как раскаты грома, вопль, сотрясая землю и небо, и повалился наземь.

Глядя на свои отсеченные руки и истекая потоками крови, несчастный демон спросил слабым голосом:

– Кто вы?

Безгранично мужественный Лакшмана стал прославлять добродетели Какутстхи:

– Это Рама, потомок Икшваку, известный на весь мир, а я – его младший брат Лакшмана. Изгнанный из царства царицей Кайкеи, Рагхава вместе со мной и с женой жил в дремучем лесу. Пока этот герой, могущественный как бог, жил в своей простой обители, демон похитил его супругу, в поисках которой мы оказались здесь. Скажи теперь, кто ты, бродящий в этих лесах и извергающий языки пламени, и почему бедра твои слились с телом?

Слушая рассказ Лакшманы, Кабандха вспомнил слова Индры и радостно отвечал:

– Приветствую вас, о тигры среди людей! Встреча с вами сулит мне спасение! Мне на благо вы лишили меня рук! Послушайте, как из-за своей надменности я обрел это чудовищное тело. О знаменитые царевичи, я поведаю вам истину.

Глава 71

Кабандха рассказывает свою историю

– О длиннорукий Рама, прежде я был наделен невообразимой силой и мужеством. Слава о моей красоте разнеслась по всем трем мирам, в красоте я не уступал солнцу, луне и самому Индре. Приняв безобразный облик, я сеял ужас в сердцах аскетов, живших в этом лесу. О Рама, случилось так, что я навлек на себя гнев великого риши Стхулашира, которого мучил в этом отвратительном облике, когда он собирал дикие фрукты. Устремив на меня взор, он изрек страшное проклятие: «Навсегда оставайся в этом ужасном облике, который ты принял, чтобы пугать других!» Я стал молить аскета снять проклятие, и он, проникшись состраданием, сказал: «Когда Рама, отрубив две твоих руки, сожжет тебя в безлюдном лесу, ты вновь обретешь свой великолепный облик!» О Лакшмана, знай, что в действительности я сын Дану прекрасный ликом. Нынешнее тело я обрел в результате проклятия Индры, которое он изрек на поле сражения. Совершая суровые аскезы, я снискал благосклонность Брахмы, и он благословил меня долгой жизнью. Это преисполнило меня гордости. Я подумал: «Теперь Индра не властен надо мной!» – и вызвал его на бой. Индра метнул в меня свою булаву, усеянную сотней шипов, и силой удара мои бедра и голова вдавило внутрь. Я взмолился Индре лишить меня жизни, но он сказал: «Слово Брахмы нерушимо». Тогда я спросил Махендру: «Но как буду я жить без пищи, ведь ты вдавил мне в тело голову и бедра?» И тогда волею Индры руки мои вытянулись на четыре мили, а на месте желудка появился рот с острыми зубами. С тех пор, вытянув руки, я стал бродить по лесу, хватая львов, тигров и оленей и отправляя их себе в рот. Еще Индра сказал мне: «Когда Рама и Лакшмана отрежут тебе руки, ты вернешься на небеса». О великий герой, так я жил, без разбору хватая всех, кого только находил в лесу, и ожидая Раму, который лишит меня рук. Я ждал этого часа, как ждут самой смерти. Теперь, о повелитель, ты пришел! Будь же благословен! Никто кроме тебя не положит конец моей жизни. Слова великого риши сбылись, о великий герой! Когда я приму посвящение огнем, я окажу тебе услугу и в знак дружбы дам один совет. Рама отвечал Дану в присутствии Лакшманы:

– Равана похитил мою знаменитую супругу Ситу, когда мы с братом оказались вдали от нашей хижины. Я узнал имя этого демона, но о его облике, силе и царстве мне ничего не известно. Беспомощные и подавленные, мы бродим повсюду, проходя дремучие леса. Будь сострадателен к нам! Мы соберем все сухие ветки и стволы, поваленные слонами, и выроем большую яму, чтобы в указанный тобой час предать огню твое тело. Поведай нам, кто унес Ситу и где она теперь. Сослужи нам эту великую службу, если ты если истина эта открыта тебе. Дану красноречиво отвечал Рагхаве:

– Я не обладаю божественным даром предвидения и не знаю царевны Ситы. Но, сожженный тобой, я приму свой изначальный облик и укажу тебе того, кто знает о ней. Пока

это тело не превратится в пепел, я не смогу поведать тебе, кто знает демона, укравшего Ситу. Согласно проклятию я лишился божественного виденья, о Рагхава, и по собственной глупости навлек на себя отвращение и ненависть всего мира. Прежде чем солнце на своих усталых конях сокроется за западным горизонтом, опусти меня в яму, о Рама, и предай огню согласно традиции. И тогда, о радость династии Рагху, я раскрою тебе, кто знает этого демона. Тебе следует заключить с ним дружественный союз. О Рагхава, этот быстроногий герой поможет тебе. С той или иной целью он странствует по всем трем мирам, и нет во вселенной ничего неведомого ему.

Глава 72

Кабандха рассказывает Раме, как найти Ситу

Лишь только Кабандха закончил говорить, два воина Рама и Лакшмана, лучшие среди людей, отыскивали подходящую яму на склоне горы и развели огонь. Лакшмана собрал сухие ветки и стволы, и скоро погребальный костер вспыхнул ярким пламенем. Огромное тело Кабандхи стало таять в огне, словно кусок масла, и через некоторое время могущественный Кабандха, развеивая пепел, предстал из погребального костра в безупречных одеждах и с небесной гирляндой на шее. Прекрасный демон в сверкающих украшениях взошел на удивительной красоты колесницу, запряженную лебедями, своим сиянием озарив десять сторон света. Остановившись в небесах, он обратился к Раме:

– Узнай, о Рагхава, как тебе найти Ситу. Есть шесть возможностей (1.151) подняться над неудачей, и с этой точки зрения следует смотреть на все происходящее. Тому, кто оказался в беде и ищет утешения, нужно найти спутника, который разделит его участь, но ты и Лакшмана лишены такой поддержки в несчастье, обрушившимся на вас с похищением Ситы. О Рама, ты, лучший из друзей, нуждаешься в друге. Подумав, я не вижу для тебя иной возможности достичь успеха. Слушай, о Рама, что я скажу тебе. Живет на свете обезьяна по имени Сугрива. У Сугривы есть брат Бали, могучий сын Индры, который в гнев изгнал его. Дальновидный и доблестный Сугрива вместе с четырьмя своими спутниками живет на величественной горе Ришьямука у берегов озера Пампа. Этого Индру среди обезьян, полного сил и доблести, сияющего, щедрого, воздержанного, разумного и великодушного, искусного, мужественного, мудрого и могущественного, брат изгнал в борьбе за царство. Он наверняка станет тебе другом и поможет разыскать Ситу. О Рама, пусть это не волнует тебя, чему быть, того не миновать. О лев в роду Икшваку, судьба неумолима! Поторопись покинуть эти места, о доблестный Рагхава, и разыскать могущественного Сугриву. Сразу же заключи с ним дружественный союз и, у огня дав друг другу клятву верности, свяжи свою судьбу с этим благословенным существом. Не забывай, что Сугрива, благодарный царь обезьяньего племени, может по желанию менять свой облик и достоин твоей дружбы. Ты исполнишь задуманное, но он, независимо, используешь ты его или нет, поможет тебе. Сын Рикшараджи и Бхаскары, Сугрива без усталости бродит по берегам озера Пампа и воюет с Бали. Отложив в сторону свое оружие, постарайся немедля увести эту обезьяну на гору Ришьямука и заключи дружественный союз с этим обитателем леса. Лучший среди обезьян, он хорошо знает все пристанища демонов, питающихся плотью. На этом свете нет ничего неведомого ему, о Рагхава. Пока будет светить лучистое солнце, о повергающий своих врагов, Сугрива и его спутники не оставят поисков Ситы, исследуя реки, скалы, неприступные горы и пещеры. По всей земле он разошлет своих могучих обезьян искать Ситу, разлука с которой так ранит тебе сердце. Он будет искать прекрасную Маитхили даже в царстве Раваны. Где бы ни была твоя безупречная и возлюбленная Сита – на вершине горы Меру или в аду – этот лев в роду обезьян убьет демонов и вернет ее тебе.

Глава 73

Кабандха описывает путь к горе Ришьямука

Объяснив Раме, как найти Ситу, находчивый Кабандха дал Раме важный совет:

– Эта дорога с цветущими деревьями по обеим сторонам ведет на запад к горе Ришьямука, о Рама. Она утопает в деревьях джамбу, прияла, панаса, ньягродха, плакша, тиндука, ашваттха, карника, гута, нага, тилака, нактамала, нилашока, кадамба, карника, агнимукха, ашока, рактачанда, парибхадрака и многих других. На протяжении всего пути ты не узнаешь голода, забираясь на эти деревья или наклоняя ветви и собирая их сладкие плоды. Миновав эти цветущие земли, о Какутстха, ты вступишь в еще более прекрасные, напоминающие райские сады Нандана, где все деревья одновременно плодоносят круглый год и истекают медом, которым полны их дупла, как в лесу Чаитаратха. Огромные деревья там клонятся к земле под тяжестью плодов, напоминая облака на склоне горы. Лакшмане легко будет забираться на эти деревья или притягивать ветви и, собрав фрукты, вкусные, как нектар бессмертия, предлагать тебе. Странствуя по тем прекрасным горам, от одного холма к другому, переходя из одного леса в другой, о герой, ты достигнешь озера Пампа, поросшего лотосами, в котором нет ни камней, ни гравия, чьи ровные берега не имеют трещин и потому безопасны. О Рама, его ложе – это песок, а покрывало – цветущие лилии. Лебеди, утки и цапли сладостно перекликаются на водах этого озера. Они не боятся людей, о Рагхава, потому что никто и никогда не охотился на них. Тебе приятно будет кормить тех больших и жирных птиц и исключительную рыбу. Лакшмана соберет клубней на берегах озера Пампа, острием стрелы очистит их от кожуры, не оставив ни единой колбаски, поджарит на железном трезубце и с преданностью предложит тебе. Из озера он наберет вкусной прохладной воды, благоухающей ароматом лотосов. Зачерпнув в лист лотоса сверкающей, как серебро или хрусталь, воды, он подаст тебе напиток, пока ты будешь кормить рыбу, играющую в зарослях лотосов. Прогуливаясь вечером, Лакшмана покажет тебе огромных лесных обезьян необыкновенной красоты, которые живут в горных пещерах и спускаются на берег озера Пампа утолить жажду, мыча, как буйволы. Цветущие деревья и благословенные воды озера в сумеречный час принесут облегчение твоему истерзанному горем сердцу. Ты с удовольствием окинешь взором цветущие тилаку и нактамалу, красные и белые лотосы, которые развеют твою печаль. Ни один человек еще не срывал этих цветов и не собирал в гирлянды, обрекая на постепенное увядание, о Рагхава. Ученики великого и опытного аскета Матанги, жившего здесь, обремененные дикими фруктами, собранными для гуру, окропили землю своим потом, из которого и появились эти цветы. Благодаря их аскезам бутоны эти никогда не умирают. Сейчас все аскеты покинули эти места, кроме монахини Шабари, служившей им. О Какутстха, эта верная своему долгу женщина уже очень стара и, увидев тебя, почитаемого всем миром, она со спокойным сердцем удалится на небеса. О Рама, достигнув западного берега озера Пампа, ты увидишь прекрасное, уединенное и тихое место. Это хижина Матанги. Слоны, которых очень много в тех землях, трепещут перед его божественным могуществом и не смеют ступить в нее ногой. Это знаменитый лес Матанги, о Рагхава. В той обители, о радость династии Рагху, оглашенной пением птиц и подобной саду Нандана или небесной роще, ты сможешь отдохнуть. Гора Ришьямука в благоухающем наряде из цветущих деревьев, оживленная щебетом птиц, возвышается напротив озера Пампа. Из-за молодых слонов, преграждающих путь, она трудно проходима. Эту величественную гору создал некогда Брахма, и добродетельный человек, который спит на ее вершине и грезит о сокровище, очнувшись ото сна, найдет богатства, а злобный, пытающийся взобраться на нее, спящим окажется в лапах демонов. С озера Пампа доносятся трубные призывы молодых слонов. О Рама, отведенная Матангой часть обители стала прибежищем диких слонов огромных размеров, по вискам которых струится багровый иخور. Они несутся к озеру, полные пыла, словно пушистые облака, чтобы утолить жажду прохладной водой, прозрачной, приятной, сладко пахнущей и очень благоприятной для тех, кто омывается в ней. Поразвлекшись, слоны удаляются в чащу леса вместе с медведями, пантерами и волками. Глядя на них, а также на благородных ланей цвета сапфира, безобидных и не боящихся человека, ты избе-

вишься от печали. О Какутстха, на этой горе вырублены огромные и недоступные пещеры, со всех сторон увитые фруктовыми деревьями, а у подножья ее лежит великое озеро прохладной воды, полное разнообразных пресмыкающихся. То поднимаясь на вершину холма, то спускаясь к озеру, в тех благословенных местах живет добродетельный Сугрива и его спутники. Наставляя двух царевичей, Кабандха, сияющий как солнце, украшенный гирляндами, озарял небеса. – Иди с миром! – крикнули ему Рама и Лакшмана, лишь только он закончил говорить. И тогда Кабандха отвечал:

– Вы непременно достигнете желанной цели! Устремив на Раму взор, прекрасный сияющий Кабандха на прощанье проговорил с небес:

– Заключи союз с Сугривой! И исчез.

Глава 74

Рама встречается с Шабари

Двое царевичей, следуя наставлениям Кабандхи, направились на запад по дороге, ведущей к озеру Пампа. Продолжая путь в поисках Ситы, они проходили мимо деревьев на склонах горы, обремененных цветами и фруктами, наслаждаясь их нектарным вкусом. Ночь Рама и Лакшмана провели на плоскогорье, а на следующий день достигли западного берега озера Пампа, изобилующего лотосами, где увидели чудесную обитель Шабари. Братья приблизились к утопающей в тени густых деревьев живописной хижине, где навстречу им поднялась достигшая совершенства старая женщина, которая с почтительно сложенными ладонями коснулась стоп Рамы и благоразумного Лакшманы и по традиции подала воды ополоснуть уста и омыть с дороги стопы. Рама обратился к йогини, верной своим духовным обетам:

– Ты преодолела все трудности аскетизма, о сладкоречивая? Аскезы твои с каждым днем растут? Ты превзошла гнев и потребность в пище? О ищущая уединения, соблюдаешь ли ты свои обеты и обрела ли внутренний покой? Принесло ли плод твое служение гуру? Добродетельная Шабари, глубокая старушка, почитаемая богами, стоя выразила ему почтение и отвечала:

– Ты благословил меня своим появлением, жизнь моя обрела совершенство, а аскезы и стремление к благочестию принесли желанный плод. Сегодня жизнь моя преисполнилась смысла, а служение гуру – уважения. О лучший среди людей, величайший среди небожителей, поклоняясь тебе, я войду в небесное царство. О великий, о повергающий врагов, о вознаграждающий людей, благодаря твоему состраданию я очистилась и теперь по твоей милости достигну нетленных миров! Лишь только стопа твоя коснулась горы Читракутта, аскеты, которым я служила, взошли на небесные колесницы несравненного сияния и отправились в рай. Те великие добродетельные мудрецы сказали мне: «Рама посетит твою святую обитель, прими его и Лакшману с традиционным гостеприимством. Увидев его, ты уйдешь в высшую духовную обитель, откуда уже никто не возвращается». О лучший из людей, с такими словами обратились ко мне те благословенные аскеты. Я собрала для тебя различные дикие фрукты, что растут на берегах озера Пампа. Рагхава отвечал Шабаре, которой духовные учителя раскрыли прошлое и будущее:

– Я слышал от Дану о величии твоих гуру, и теперь, глядя на тебя, я убедился в этом собственными глазами.

Шабари, слушая Раму, вела братьев по обширному лесу.

– О Рагхунанда, – сказала она, – взгляни на этот лес, похожий на темное облако. Он полон птиц и зверей и известен как лес Матанги. Здесь мои гуру чистой души разводили жертвенный огонь, освященный очистительными мантрами, благодаря которому они освятили весь лес и превратили его в святое место. На восточной стороне здесь стоит алтарь, где мои почитаемые наставники дрожащими от усталости руками предлагали богам цветы. О лучший в роду Рагху, узри этот алтарь несравненной красоты, который силой их аскез до сих пор своим сиянием освещает четыре стороны света. Узри также семь морей,

созданных силой их мысли, поскольку из-за постов и под бременем лет они не могли уже двигаться. Их одежды из древесной коры, которые они повесили на деревья, чтобы совершить омовение, еще мокры, и лазурные лотосы, которые они предлагали богам, еще не увяли. Теперь ты осмотрел лес и услышал все, что ты желал. Теперь я покину это тело, чтобы как награду вновь обрести встречу с теми чистосердечными аскетами, которым принадлежит эта обитель. Я вечная их слуга. Внимая столь благочестивым речам, Рама, сопровождаемый Лакшманой, с великой радостью воскликнул:

– Это прекрасно! О святая женщина, ты оказала мне все знаки почтения. Теперь отправляйся назначенным путем и будь счастлива. С позволения Рама Шабари в одеждах из древесной коры и шкуры черной антилопы, с собранными как у всех аскетов в узел волосами, вошла в огонь и затем, словно яркая вспышка пламени, вознеслась в небо. В небесных украшениях, благоухая божественно красивыми и ароматными гирляндами, умощенная сандаловой пастой и облаченная в небесной красоты одеяния, она казалась необыкновенно прекрасной и озаряла небеса, словно вспышка молнии. Благодаря медитации Шабари удалилась в священную обитель своих духовных наставников, великодушных аскетов.

Глава 75 Рама на озере Пампа

Став свидетелями ухода Шабари на небеса, Рама и Лакшмана задумались над благотворным влиянием великих аскетов. Размышляя над божественным величием святых людей, Рагхава сказал брату:

– О друг, я посетил обитель знаменитых мудрецов чудесных деяний, где бродят лани и тигры, щебечут птицы. О Лакшмана, в священных водах семи морей мы совершили подношения нашим предкам. Таким образом, мы избавились от своей злой судьбы и обрели процветание. Сердце мое преисполнилось мира и покоя. Я думаю, о лев среди людей, скоро удача улыбнется нам. Пойдем, поспешим к чарующему озеру Пампа! Вдали виднеется гора Ришьямука, где в постоянно страхе перед Бали вместе с Сугривой и его сыном живут четыре великих обезьяны. Мне не терпится увидеть Сугриву, льва в племени обезьян, потому что только он может выяснить, где искать Ситу. Саумитри отвечал героическому Рама:

– Давай отправимся немедленно, сердце мое рвется туда! Покинув обитель Матанги, могущественный Рама вместе с Лакшманой пошли к озеру Пампа. Повсюду они видели деревья в цветах и пруды с гнездами маленьких белых журавлей в тростниках, павлинов, чибисов и дятлов. В лесу кипела жизнь, он был полон звуков и птичьего пения. Наслаждаясь ароматом цветущих деревьев и красотой озер, Рама с радостным сердцем подошел к одному из них, чьи сладкие воды пришли из озера Матанги. Два потомка Рагху стояли, предаваясь мирным воспоминаниям. Горе с новой силой завладело сердцем Рагхавы, сыном Дашаратхи и он вошел в чудесное озеро, поросшее лотосами. Со всех сторон украшенное деревьями тилака, ашока, пуннага, вакула и уддалака, вскормленными его водами, это озеро находилось среди чарующих рощ. На его чистых как кристалл волнах плавали цветы гибискуса, а дно было устлано мелким песком. Озеро стало обителью многочисленных черепах и рыб, а берега его украшали деревья обвитые цветущими лианами. Кинеры, ураги, гандхарвы, якши и ракшасы часто посещали это живописное место, находя прибежище в тени разнообразных деревьев и кустов. Поистине, озеро, полное рыбы и искристых вод, было драгоценным камнем среди озер. Розовые лотосы и белые водяные лилии на поверхности придавали ему медный оттенок, заросли кувшинок отсвечивали серебром, а остальные цветы добавляли сияние голубого сапфира. Вокруг озера, покрытого ковром лотосов, в изобилии росли цветы аравинда и утпала, цветущие манговые рощи давали прохладную тень и были полны криками павлинов. Рама, могущественный сын Дашаратхи, вместе с Лакшманой глядя на озеро Пампа, словно невеста, украшенное деревьями тилака, биджапура, вата, лодхра, сукладрума, каравира, пуннага, зарослями малами и

кунда, бандира, ничула, ашока, саптапарна, кетака, атимукта и другими благоухающими кустарниками и деревьями, Рама грустно сказал младшему брату:

– На правом берегу этого озера стоит гора Ришьямука, богатая драгоценными металлами и славная многообразием цветов и деревьев, о которой говорил нам Кабандха. Здесь живет сын великодушного Рикшараджи, доблестный Сугрива. «О лучший среди людей, найди царя обезьян!» – сказал Кабандха. Помолчав, Рама горестно добавил:

– О Лакшмана, как Сита будет жить без меня? С этой мыслью Рагхава, терзаемый любовью, не в силах более думать ни о чем ином, вступил на берега озера Пампа, огласившиеся голосом его печали. Рама медленно брел по тропе, любуясь лесом и с каждым шагом приближаясь к озеру Пампа, со всех сторон окруженному чарующими рощами, полными птиц.

Конец третьей книги АРАНЬЯ КАНДА

Книга IV. Кишкиндха

Кишкиндха Канда

Глава 1

Рама описывает весну и чувства, пробудившиеся в его сердце

Направляясь к озеру Пампа, покрытому ковром разноцветных лотосов, взволнованный Рама стонал. Глядя на озеро с сердцем, полным восторга, он пребывал во власти любви и сказал сыну Сумитры:

– О Лакшмана, как прекрасно озеро Пампа с его чистыми искристыми водами, лотосами и водяными лилиями, с разнообразными благоухающими деревьями по берегам! О! Какое наслаждение! О Саумитри, взгляни на леса Пампы чарующей красоты с великолепными деревьями, напоминающими гребни гор. Я разбит горем, вспоминая скорбь Бхараты и похищение Ситы. Несмотря на тяжесть у меня на сердце озеро Пампа чарует меня своими восхитительными пышными лесами, полными цветов, и свежими и вкусными водами. Месяц цветущих лотосов (1.163) придает ему особую красоту. Змеи и дикие животные часто посещают его, здесь много ланей и птиц. Густая трава глубокого изумрудного оттенка, усеянная цветами, осыпавшими с деревьев, напоминает яркий ковер. Верхушки деревьев, сгибающихся под тяжестью цветов, скрылись под покровом цветущих лиан. О Лакшмана, это время благословенных ветров и нежной любви, ароматный весенний месяц, когда на деревьях зарождаются цветы и плоды. Взгляни, как прекрасны эти цветущие леса, о Саумитри, словно облака, проливающие на траву дожди лепестков. В очаровательных долинах с крутых откосов волнующие ветром деревья осыпают землю цветами. О Лакшмана, посмотри, как ветер играет с цветущими ветвями, срывая или оставляя их нежный ароматный наряд. Бог ветра проказничает под жужжание шмелей и любовные песни соловьев, принуждая деревья танцевать. Этот ветер, пришедший из горных пещер, создает удивительную музыку, неистово раскачивая деревья из стороны в сторону, устраивая любовные встречи верхушкам ветвей и заставляя их обняться. Западный ветер, благоухающий сандалом, своим ласковым дыханием разгоняет усталость.

Волнующие ветром деревья, кажется, подпевают жужжанию пчел, что кружат в мягких ароматных рощах. На очаровательных плоскогорьях острые скалы, украшенные огромными цветущими деревьями, сверкают красотой. Деревья, покрытые цветами и окруженные пчелами, поют, подбрасываемые и волнующие потоками воздуха. Посмотри, со всех сторон чудесные цветут золотые деревья карника, словно человек в шелковых одеяниях! Это весна, о Лакшмана, с ее хором птиц, обнажающая боль разлуки с Ситой! В этом всепоглощающем горе любви терзает меня. Веселая трель кукушки мучает мое сердце, а радостная птица датьяхака, голос которой доносится с лесных водопадов, увеличивает мою боль, о Лакшмана! Моя возлюбленная, слыша их голоса в нашей хижине, охваченная счастьем любви, звала меня. Взгляни, как птицы всех видов и цветов заливаются на все голоса, ища прибежища в листве деревьев, кустов и лиан! Супруги не расстаются, опьяненные ликующими криками бхрингараджи, и мелодично щебечут. В хижине Ситы птицы заключали брачные союзы под радостное пение датьяхаки, которая откликнулась на зов кукушки. Шелест листвы разжигает огонь моей любви, а цветущие ветви ашоки, словно сухие дрова, поддерживают его, жужжание пчел – это его треск, а почки – золотые языки пламени. Этот огонь весны сжигает меня! Я не в силах жить вдали от девы с прекрасными очами и тонким станом, с нежными речами, о Саумитри! Она так любила это время года, наполняющее леса радостью. Ее очаровывал лес, со всех сторон оглашенный зовом кукушки, о безупречный герой! Нежные чувства, которые я испытываю к моей возлюбленной, в сотни раз усиленные восторгом весны, жгут меня таким огнем, что скоро

превратят в пепел. Я не проживу долго в разлуке с моей возлюбленной. Красота этих деревьев умножает боль моей любви. Невозможно увидеть Ситу, и это усиливает муку в сердце, весна пробуждает сладкую истому. Я думаю об этой деве с глазами лани, и становлюсь рабом горя. Жестокий весенний ветер из леса терзает меня, о Саумитри! Повсюду танцуют павлины, расправив на ветру свои яркие крылья, их пышные хвосты, украшенные сине-зелеными глазками, напоминают хрустальные решетки. Их окружают самки, опьяненные любовью, и картина эта еще более переполняет меня неизъяснимой тоской. Посмотри, о Лакшмана, как танцует на плоскогорье павлин и как пава с радостным сердцем следует за ним! Он расправляет свои сияющие крылья, и его счастливые крики кажутся мне насмешкой над моей болью, потому что его возлюбленную не украл демон из лесу, и он, охваченный нежной любовью, может танцевать с нею в этих чарующих рощах. Мне нестерпимо оставаться здесь в месяц цветов без Ситы! О Лакшмана, даже низшие животные не чужды любви! Пава с пылом следует за каждым шагом своего супруга. Точно так же и большеглазая дочь Джанаки в порыве любви ни на миг не отходила бы от меня, если бы демон не похитил ее. О Лакшмана, мне кажется, цветы, по осени покрывающие в лесу ветви деревьев, не принесут плодов и несмотря на всю свою красоту гнилыми осыплются на землю вместе роями пчел. Птицы, щебечущие в радостном полете любви, кажется, зовут друг друга, пробуждают во мне глубокое волнение. Если весна вступила в свои владения и там, где находится сейчас моя возлюбленная Сита, сраженная натиском другого, она, подобно мне, охвачена истомой. Даже если весна еще не достигла Ситы, как эта темноглазая дева сможет жить в разлуке со мной? Если весна еще не пришла туда, где находится моя нежная возлюбленная, что будет делать эта стройная дева во власти могущественного противника? Моя юная и любимая супруга с большими как лепестки лотоса глазами и сладостными речами при первом же дыхании весны наверняка расстанется с жизнью. Сердцем я чувствую, что нежная Сита не вынесет разлуки со мной. Преданность Ваидехи овладела мной, и любовь моя принадлежит ей одной. Я вспоминаю о своей возлюбленной, и этот ласковый ветер, такой свежий и прохладный, несущий аромат цветов, жжет меня огнем. Бог ветра, такой приветливый в присутствии Ситы, сегодня причиняет мне боль. В разлуке с ней птица кричит на лету так же как и радостная ворона, сидящая на ветке (1.166). Эти крылатые создания станут моими посланниками и принесут память обо мне большеглазой Ваидехи. Послушай, о Лакшмана, опьяняющий птичий хор среди цветущих деревьев, поющий сладкую песнь любви. Шмель неожиданно подлетел к обдуваемым ветром молодым зеленым побегам дерева тилака, словно любовник, трепещущий от любви. Дерево ашока, усиливающее муки влюбленных и размахивающее на ветру своими цветущими ветвями, похожими на яркие перья, терзает меня. Взгляни, о Лакшмана, на цветущее манго, кажется, будто оно тоже охвачено болью любви! О Саумитри, о лев среди людей! Посмотри, как среди великолепных деревьев, растущих на берегах озера Пампа, гуляют киннеры! Цветы малины с изысканным ароматом, о Лакшмана, отражаются в воде, словно восходящее солнце. Взгляни на спокойную гладь озера Пампа, благоухающего лотосами и голубыми лилиями, любимое лебедями и утками, на тычинки лотосов, яркие, как утренняя заря, разбросанные шмелями по воде. Как сверкает озеро Пампа! Водоплавающие птицы не покидают его целый год. Как прекрасны его лесные поляны! Оно чарует своими стадами слонов и ланей, которые так любят приходить и купаться в его водах. Водяные лилии покачиваются на груди прозрачных вод, волнуемых стремительным ветерком и сверкающих на солнце, о Лакшмана. Жизнь более не привлекает меня вдали от Ваидехи с большими, как лепестки лотоса, глазами, которая так любила водяные лилии. О вероломный Кама, не в моих силах быть рядом с ней, но ты пробуждаешь во мне память о сладкой деве, речи которой в тысячу раз слаще. Я мог бы вынести любовь, которую испытываю к ней, если бы весна с ее цветами и деревьями не увеличивала мои муки! Все, что очаровывало меня, когда мы были вместе, теперь в разлуке более не привлекают меня. Глядя на лепестки чашечки лотоса, я говорю себе: «Они напоминают глаза Ситы», – О Лакшмана. Ароматный ветерок, играющий с тычинками лотосов и деревьями, напоминает

ее дыхание. О Саумитри, посмотри, как чудесно цветущее дерево карника на склоне горы справа от озера Пампа. Эти восхитительные деревья с их яркими цветами и опавшими листьями, кажется, поместили горный кряж в огонь. Украшая собой берег озера, которое питает их корни, они наполняют воздух тонким ароматом. Малати, маллика, каравира и падма в цвету, деревья кетаки, синдувара и васанти, кругом заросли матулинга, пурна и кунды; ширибилва, мандхука, ванджула, балука, чампака, тилака, нагаврикша, падмака, ашока с их лазурными цветами, повсюду видны деревья лодхра, симхакесара, пинджара. Анкола, куранта, шурнака, парибхадрака, кута, патали, ковидара, мучукунда и арджуна расцвели на склонах горы. Рактакурава, кетака, уддалака, шириша, шингшапа, дхава, шалмали, кингшука, курубача с красными цветами, тиниша, нактамала, чандака, съяндана, хинтала, тилака и нагаврикша – все эти цветущие деревья увиты такими же цветущими лианами. Взгляни, о Саумитри, как они теснятся на берегах озера Пампа, их ветви волнует ветер. Кажется, будто лианы преследуют друг друга, словно прекрасные резвящиеся девы. Ветер гуляет меж деревьев от скалы к скале, из леса в лес. Одни из них утопают в цветах и издают мягкий аромат, а другие, покрытые почками и бутонами, наполняют воздух свежестью. Какая сладость! Как приятно! Какие цветы! На берегах озера Пампа пчелы, кажется, отдыхают в чашечках цветов, но через мгновение они уже перелетают на следующий, жадно собирая нектар. Благословенная земля устлана цветами, осыпавшимися с деревьев, напоминая убранную постель. На склонах горы расстелен яркий ковер золотых и красных цветов всех видов, о Саумитри. Еще не кончилась зима, а все эти деревья уже все в цвету, о Лакшмана. Цветущей весной ожили все растения, соперничая меж собой, и деревья, оглашенные жужжанием шестиногих насекомых, кажется, бросают друг другу вызов, представая во всем своем великолепии с ветвями, усеянными цветами. Птица карандава ныряет в искристых волнах, резвясь со своим супругом. Как и река Мандакини, озеро Пампа чарует своей красотой. Оно славится на весь мир, но вблизи восхищает сердце. Если найду мою нежную возлюбленную, мы устроим здесь свою обитель, мне не нужна даже столица Индры или Айодхья. Я бы гулял с нею по этим чарующим склонам, и никакая мысль или желание не заставили меня покинуть эти места. Но в разлуке с Ситой цветущие деревья в этих лесах только лишают меня рассудка. Взгляни на это озеро с сверкающими водами, о Саумитри, поросшее лотосами, часто посещаемое птицами чакравака. Это обитель карандавов, изобилующая пеликанами, цаплями и дикими зверями, оглашенная трелями птиц. Поистине, озеро Пампа – райский уголок! Мириады птиц с их очаровательными повадками и воспоминания о той юной женщине, мой возлюбленной, чье лицо сияет как луна, а глаза напоминают лотосы, жгут меня огнем желания. В разлуке с Ситой с глазами лани я смотрю на окружающую красоту и сердце мое трепещет от волнения.

Я буду счастлив, увидев на склонах холма, полных птичьих стай, опьяненных любовью, мою возлюбленную. О Саумитри, несомненно жизнь вернется ко мне, если Сита с тонким станом вместе со мной вдохнет благословенный аромат озера Пампа. Счастлив тот, о Лакшмана, кто пьет этот приятных воздух лесов на озере Пампа, напоенный ароматом лотосов и развеивающий печаль. Как эта молодая женщина с глазами как лепестки лотоса, любимая дочь Джанаки вынесет жизнь рабыни? Что скажу я добродетельному царю, праведному Джанаке, когда в присутствии народа он спросит меня, все ли благополучно с Ситой? Верная своему долгу Сита последовала за мной в тоскливый лес, когда отец изгнал меня, где теперь моя возлюбленная? Как мне, терзаемому горем, жить в разлуке в нею, о Лакшмана? Я теряю рассудок! Когда я услышу несравненный голос Ваидехи? Хотя лес не сулил ей ничего кроме бед, эта молодая нежная женщина сладостно говорила со мной, словно у нее не было причин для печали и она полна радости. Что отвечу я Каушалье, о царевич, когда почтенная царица спросит меня: «Где моя невестка, какая участь постигла ее?» О Лакшмана, возвращайся в Айодхью и разыщи Бхарату, нашего преданного брата. Я же не в силах больше жить без дочери Джанаки. Так сокрушался великодушный Рама, словно не имел поддержки, и брат его Лакшмана рассудительно отвечал:

– О Рама, собери все свое мужество и взбодрись духом, не грусти, о лучший среди людей! В твоём положении нет смысла корить себя и давать волю отчаянию. Страдая в разлуке с теми, кто дорог тебе, изгони из сердца чрезмерную привязанность. Вблизи сильного огня вспыхнет даже сырая сеть. В аду или еще ниже у Раваны нет надежды сохранить жизнь, о возлюбленный Рама. Давай сначала отыщем этого злобного демона, или он вернет Ситу или потеряет. Даже если Равана унесет Ситу во чрево Дити (1.170), я убью его, если он не вернет ее тебе. Приди в себя, мой благородный друг, и отбрось эти мрачные мысли. Несомненно, не видать успеха тому, кто, не приложив усилий, пренебрегает своими обязанностями. Усилие – могущественное оружие, о повелитель, нет силы превосходящей его. Ничего невозможно достичь в этом мире, не прилагая усилий. Решительный человек не оставляет попыток. Мы найдем Джанаки, просто продолжая прилагать усилия. Не позволяй горю или любви завладеть тобой, отбрось эти чувства. Быть может, ты забыл о величии своей души, о твердости своего характера и верности цели? Приободренный словами Лакшманы, Рама, допустивший в сердце печаль, изгнал горе и собрался с силами. Как никогда спокойный и бесстрашный, Рама переправился через прекрасное озеро Пампа, окруженное цветущими деревьями, раскачиваемыми ветром. Исследуя лес с его водопадами и оврагами, великодушный Рама был взволнован и охвачен горем. Отважный и великодушный Лакшмана шел рядом радостной походкой опьяненного соком мада слона, поддерживая Раму своей чистой преданностью и доблестью. Пока герои бродили в окрестностях Ришьямуки, за ними наблюдал царь обезьян, отметив про себя необычайное могущество этих двух воинов, и несмотря на все свое мужество затрепетал, не решаясь появиться им на глаза. Эта великодушная обезьяна с походкой слона смотрела на братьев с опаской и страхом. Вместе со своими спутниками Сугрива укрылся в уединенной обители древесных ланей (2.170).

Глава 2

Сугрива посылает Ханумана познакомиться с Рамой

Увидев знаменитых Раму и Лакшману с огромными луками в руках, Сугрива обеспокоился и с сильно бьющимся сердцем стал озираться по сторонам, не находя себе места. Наблюдая за двумя героями, он без усталости ходил из стороны в сторону и от ужаса чувствовал себя на грани обморока. В великом волнении добродетельный Сугрива и его спутники стали обдумывать сложившуюся ситуацию. Царь обезьян сказал своим министрам:

– Без сомнения, Бали послал двух доблестных героев в этот недоступный для него лес, и они, облачившись в одежду из древесной коры, проникли в наш лагерь. Советники Сугривы, не спуская глаз с искусных стрелков, быстро взобрались на более высокую вершину, поспешно и ловко карабкаясь за своим вожаком. Лишь только царь обитателей леса остановился, они окружили его. Не отставая друг от друга, они прыгали с одной скалы на другую, и горы дрожали у них под ногами. Прыгая с необыкновенной силой, они крушили цветущие деревья, которые росли на склонах гор. Удивительные обезьяны за несколько минут обежавшие почти всю гору, сеяли ужас в сердцах ланей, диких кошек и тигров. Советники Сугривы, собрались на горе Ришьямука вокруг своего государя, и красноречивый Хануман с почтительно сложенными ладонями обратился к Сугриве, который со страхом пытался разгадать коварный замысел своего брата. – Избавься от страха перед Бали! – сказал Хануман. – На самой высокой в мире горе тебе ничего не грозит. Я ни в чем не вижу злого умысла жестокого Бали, у тебя нет причин для опасений и бегства, о тур среди обезьян. О друг, здесь нет этого коварного создания, твоего злобного старшего брата, которого ты так боишься. Тебе не о чем беспокоиться. Очевидно, о Плавамгама, в силу своей обезьяньей природы ты пребываешь во власти праздного ума и утратил ясность мысли. Ты разумен, опытен, прозорлив и всегда ко всему готов, но царевич, поддавшийся волнению,

не способен оценить ситуацию и поступать правильно. Сугрива с величайшим спокойствием отвечал разумному Хануману:

– Взгляни на тех длинноруких воинов с большими глазами, вооруженных луками и мечами, подобных потомкам богов, кто не почувствует страха перед ними? Я думаю, эти два могущественных героя – посланцы Бали. У царей много друзей, и я не в силах доверять им. Предусмотрительный человек неизменно найдет слабое место в том, кто слишком самоуверен. Бали искусен во всех своих замыслах. Хорошо осведомленные монархи могут превзойти своих врагов и потому должны с помощью своих слуг разведывать и предвосхищать действия противников. Иди, о Плавамгама, и приняв облик обычного человека, выясни намерения тех двух чужеземцев. Изучи их жесты, манеры и речь, пронаблюдай их поведение и наклонности. Похвалой и неизменной учтивостью войди к ним в доверие, расспроси тех лучников от моего имени, о тур среди обезьян, и узнай зачем они пришли в эти леса. Выясни чисты ли их намерения, о Плавамгама. Своими речами и поведением они выдадут себя. Покорный воле Сугривы, сын Маруты приготовился к встрече с Рамой и Лакшманой. Его повелитель несмотря на свой страх, держался как неприступная скала, и благородный Хануман, с почтением вняв его приказу, отвечал:

– Да будет так! – и вышел навстречу могущественному Раме и Лакшмане, который сопровождал его.

Глава 3 Хануман встречается с Рамой

По приказу великодушного Сугривы Хануман одним прыжком покинул гору Ришьямуку и оказался на пути двух потомков Рагху. Благодаря своему мистическому могуществу, Хануман, сын Маруты, сокрыл свой облик обезьяны и предстал странствующим монахам. Приветливо и мягко обратился он к двум братьям, смиренно и почтительно поклонившись им. Приблизившись к двум героям, эта прекрасная обезьяна заслуженно прославила их, выразила почтение и во исполнение желания Сугривы красноречиво сказала:

– О великие аскеты, благословенные верой и доблестью, подобные риши и богам, зачем вы пришли сюда, сея страх среди оленьих стад и других обитателей леса, внимательно осматривая деревья, что растут по берегам Пампы, этого озера с искрящимися волнами, озаренными вашим сияньем, о отважные герои? О доблестные странники, кто вы? Кожа ваша сияет как золото, на вас одежды из древесной коры, у вас сильные руки, глубокое дыхание, взгляд вселяет страх во все живое. Вы обладаете силой львов и похожи на мужественных и героических воинов, вооруженных могучими как у Индры луками, о повергающие своих врагов. Величественные и красивые вы сильны, как великие туры. Ваши руки напоминают хоботы слонов, о лучшие среди людей, юные и сияющие, вы озарили царя гор. Достойные править миром и подобные богам, что привело вас сюда? О герои с большими как лепестки лотоса глазами и словно венец собранными на голове волосами, похожие друг на друга, вы пришли сюда из небесной обители? Воистину солнце и луна по своей доброй воле низошли на землю. О могучие воины, вы люди или божественные создания? У вас львиные плечи, огромная сила, вы напоминаете двух туров опьяненных страстью, ваши могучие крепкие руки подобны булавам, сверкающим украшениями. Непревзойденные, вы достойны править всей землей, украшенной горами Виндхья и Меру, озерами и лесами. Как прекрасны ваши сияющие луки, благоухающие пастой, отделанные золотом и сверкающие как булава Индры; два ваших колчана, полные острых стрел, от которых нет спасения и которые напоминают шипящих змей; два ваших огромных меча, инкрустированных золотом и поблескивающих, словно змеи, только что покинувшие свою топь! Но почему вы не отвечаете мне? Добродетельного царя обезьян зовут Сугрива. Этот герой, изгнан своим братом, в великой печали скитается по земле. По приказу этого великодушного царя обезьян я пришел сюда. Знаменитый Сугрива ищет вашей дружбы. Знайте, что я – его советник, обезьяна, сын Паваны, вольный отправиться куда

пожелаю. Я спустился с горы Ришьямука в облике странствующего монаха, чтобы исполнить желание моего государя. Поприветствовав Раму и Лакшмана столь вежливыми и осторожными речами, Хануман замолчал, и благословенный Рама, просияв от радости, сказал Лакшману:

– Это министр царя обезьян, великодушного Сугривы, которого я ищу! О Саумитри, ответь советнику Сугривы, красноречивому и добросердечному, своими учтивыми речами покоряющего врагов. Говорить так может лишь сведущий в Риг-веде, постигший Яджур и Сама Веды. В совершенстве изучив грамматику, он не допустил ни одной ошибки в своих долгих и изысканных речах. Я не вижу ничего оскорбительного ни в его устах, ни в глазах, ни в бровях, ни в членах, ни в одежде. Его речь полна, глубока, уверенна и ясна, а глубокий голос чист. Он выражается с восхитительной меткостью и вдохновенно, его мелодичный голос звучит из самого сердца. Враг, обнаживший свой меч, будет обезоружен красотой этого голоса, который с таким совершенством произносит каждый слог. О безупречный царевич, государь, чьи посланцы наделены такими талантами, несомненно достигнет успеха во всех своих начинаниях, потому что своим красноречием они приблизят его к желанной цели. Тогда Саумитри в изысканных выражениях обратился к красноречивому министру Сугривы:

– О мудрец, мы говорили о великих достоинствах Сугривы и теперь разыскиваем этого царя обезьян. Мы готовы исполнить его волю, о превосходный Хануман. Услышав столь учтивые речи, Хануман, сын Паваны, всем сердцем желавший победы Сугриве, решил содействовать дружественному союзу Рамы и своего государя.

Глава 4

Хануман приводит Раму и Лакшмана к Сугриве

Хануман почувствовал в Раме союзника своего государя, с радостью отметив, что такой союз принесет Сугриве несомненную удачу: «Наверняка великодушный Сугрива с помощью этого великого воина вернет себе царство». Радостный и вдохновленный Хануман, лучший среди обезьян, сказал Раме:

– Что привело тебя и твоего младшего брата в этот опасный и непроходимый лес? Лакшмана с позволения брата поведал ему всю историю Рамы, сына Дашаратхи:

– Жил на свете царь по имени Дашаратха, знаменитый, верный долгу, законный защитник людей. У него не было врагов, и сам он ни к кому не испытывал ненависти. Для всех живых существ он был вторым Брахмой. Первый сын Дашаратхи, наделенный всеми исключительными достоинствами, прибежище всего живого, отмеченный царскими добродетелями и безграничным величием, был изгнан из своих владений. Послушный воле отца, он удалился в лес. Его супруга Сита последовала за ним, подобно лучам заходящего солнца. Мое имя Лакшмана. Я его брат, во всем покорный ему и сопровождающий его в качестве слуги. Этот верный долгу царевич очень образован, это герой, посвятивший свою жизнь всеобщему благу, достоин счастья и уважения. Но он лишился власти и проводит дни свои в лесу. Демон, по желанию меняющий свой облик, похитил его супругу, когда она осталась одна, и похититель этот неизвестен нам. Дану, сын Дити, проклятый принять облик демона, назвал нам имя Сугривы, царя обезьян. Итак, я искренне ответил на твои вопросы. Рама и я ищем помощи Сугривы. Рама, раздававший богатства, достигший вершины славы и прежде покровительствовавший миру, пришел искать помощи Сугривы. Сын царя, наставника людей, преданный долгу Рама надеется на Сугриву. Могущественный защитник вселенной, мой гуру Рама, которого ты видишь здесь, пришел искать прибежища Сугривы. Рама, чье сострадание поддерживает всех живых существ, взывает к доброй воле царя обезьян. Это старший сын царя Дашаратхи, увенчанный добродетелями и почитаемый монархами всей земли, Рама, известный на все три мира, с надеждой взирает на Сугриву, повелителя обезьян. Рама, охваченный горем, пришел сюда, как проситель! И Сугрива вместе с другими вожакими обезьян должен явить ему свою милость. Лакшма-

на произносил эту просьбу, и слезы катились у него по щека. Выслушав его, Хануман мягко отвечал:

– Проситель, наделенный мудростью, обуздавший гнев и страсти, которому повезло прийти сюда, достоин быть представленным царю обезьян. Он тоже изгнан из своего царства и враждует со своим братом, который забрал его супругу и, жестоко надругавшись, заставил его, бежать в лес, трепеща от страха. Сугрива, потомок Сурьи, заключит с тобой дружественный союз, и я буду служить ему в поисках Ситы. Затем Хануман по-дружески сказал Раме:

– Пойдемте поищем Сугриву! Праведный Лакшмана вежливо поклонился ему и сказал добродетельному Рагхаве:

– Все, что с радостью сообщила нам эта обезьяна, рожденная богом ветра, ее повелитель исполнит. О Рама, теперь ты достигнешь своей цели. У него доброе лицо, он говорит весело и слова его истинны. Хануман, разумный сын Маруты, отправился в путь, взяв с собой двух героев, потомков Рагху. Он принял свой облик огромной обезьяны и посадил двух воинов себе на плечи. Сын Паваны, знаменитый среди обезьян и обладавший великой силой, радуясь исполнению порученного дела, гигантскими прыжками взобрался на гору, неся на плечах Раму и Лакшману.

Глава 5 Союз Рамы и Сугривы

С горы Ришьямука Хануман перепрыгнул на гору Малаю и предстал перед Сугривой вместе с двумя потомками Рагху. – О великий и мудрый царь, – заговорил Хануман, – это Рама и его брат Лакшмана. Это истинный герой, родившийся в династии Икшваку, сын царя Дашаратхи. Верный долгу, он исполнял заветы своего отца, великого царя, который удовлетворил божество огня, Агни, проведя жертвоприношения Раджасуя и Ашвамедха и раздал сотни и тысячи коров. Из-за женщины его сын Рама, которого ты сейчас видишь, был изгнан в лес и, пока великодушный герой жил в лесу, совершая аскезы, Равана похитил его супругу. Теперь он ищет твоей защиты. Рама и Лакшмана надеются на дружбу с тобой, прими с честью этих героев, достойных уважения! Сугрива, царь обезьян, отвечал Раме:

– Великая удача для меня, что ты ищешь дружбы со мной, обезьяной. Если ты нуждаешься в этой дружбе, то вот моя рука, возьми ее, и давай дадим твердый обет верности. Рама с радостным сердцем сжал руку Сугривы и, радуясь заключенному союзу, тепло его обнял. Хануман, покоряющий врагов, развел огонь, потеряв друг о друга два куска дерева. Огонь разгорелся, в него бросили цветы, и когда все было готово, он, полный радости и преданности пригласил их по обе стороны костра. Сугрива и Рама обошли вокруг костра и совершили поклонение огню, поклявшись таким образом друг другу в верной дружбе. Рама и Сугрива были полны радости и, глядя друг другу в глаза, не в силах были выразить своих чувств. – Теперь ты друг моего сердца, как в радости так и в горе! Мы – одно целое! – так говорил счастливый Сугрива, и Рама с такой же любовью отвечал ему. Отломив цветущую ветку дерева шала, Сугрива положил ее, словно ковер, и сел вместе с Рамой. А радостный Хануман, сын Маруты, в свою очередь предложил Лакшмане цветущую ветвь сандала. Счастливый Сугрива с широко раскрытыми от радости глазами мягко обратился к Раме:

– Жестоко преследуемый, о Рама, я в великом страхе пришел сюда, лишившись своей супруги. В глубокой печали я укрылся в этой непроходимой чаще, где теперь живу в постоянном ужасе. Мой брат угнетает меня, это мой враг, о Рама, о великий герой. Освободи меня от страха перед Бали! О Какутстха, помоги вернуть мне мужество!

Знаменитый и добродетельный Рама, страж справедливости, с улыбкой отвечал Сугриве:

– Я знаю, что взаимная помощь – это плод истинной дружбы, о великая обезьяна! Я убью Бали, похитившего твою супругу! Острые стрелы, которые ты видишь, сверкающие, как солнце, летят прямо в цель. С оперением цапли, напоминающие молнию Индры, выпущенные умелой рукой, своими острыми наконечниками, словно разгневанные змеи, они разорвут на куски этого негодяя. Сегодня же ты увидишь Бали распростертым на земле, словно скалу, расколотую теми острыми стрелами, подобными ядовитым змеям. Приободренный словами Рама, Сугрива с надеждой сказал:

– По твоей милости, о доблестный лев среди людей, я вновь обрету свою супругу и царство. О царь, победи моего злобного старшего брата от дальнейших обид! В тот момент, когда Сугрива и Рама заключали союз, у Ситы стал дергаться подобный лотосу левый глаз (1.179), так же как подобный золоту левый глаз у правителя обезьян и у демона Раваны, подобный пламени.

Глава 6

Сугрива показывает Рама накидку и драгоценности Ситы

Радостный Сугрива вновь обратился к Рагхаве, потомку Рагху:

– Я знаю твою историю от моего слуги, лучшего советника Ханумана и почему вы вместе с Лакшманой пришли в эти уединенные леса. Супруга твоя Маитхили, уносимая демоном дочь Джанаки, сильно горевала вдали от тебя и дальновидного Лакшманы. Этот демон воспользовался возможностью причинить тебе зло и, убив коршуна Джатаю, похитил твою жену, сделав тебя самым несчастным на свете. Скоро ты освободишься от печали, которую причинило тебе исчезновение твоей возлюбленной. Где бы она не находилась – в аду или в раю – я найду эту деву и приведу ее тебе, о повергающий своих врагов! Знай, что я говорю тебе истину, о Рагхава. Сита не предназначена в пищу богам или демонам, супруга твоя станет для них ядом! Избавься от горя, я верну тебе твою любимую жену. Как я и догадывался, несомненно это была Сита, я видел, как жестокий демон уносил ее. Она жалобно кричала: «О Рама! О Лакшмана!» – и билась в руках Раваны, как супруга царя змей. Заметив мен с пятью моими спутниками на вершине горы, она бросила свою накидку и великолепные украшения, которые мы подобрали и сохранили, о Рама. Я принесу их тебе, и возможно они напомнят тебе о ней. – Скорее, принеси их мне сейчас же, о друг! – взволнованно воскликнул Рама. Желая доставить Рама удовольствие, Сугрива поспешно бросился вглубь горной пещеры и, захватив шарф и драгоценности, принес их Рама. – Вот они, о Рагхава! Рама взял в руки одежду и драгоценности Ситы, и слезы затмили ему глаза как облака сокрывшие луну. В тоске по Сите слезы потоками хлынули из его глаз и, теряя самообладание, он упал наземь в рыданиях: «О дорогая моя!» Прижимая к груди драгоценные камни, он глубоко дышал, словно разъяренная шипящая змея в своей норе. Весь мокрый от слез, он, заметив рядом Лакшману, стал горестно сокрушаться:

– О Лакшмана, взгляни на накидку Ваидехи и драгоценности, которые она бросила на землю, уносимая демоном. Несомненно, они пролетали над этим склоном, поросшим травой, внешний вид украшений подтверждает это. Слушая Рама, Лакшмана сказал:

– Я не узнаю браслетов и серег, но я вижу ножные браслеты, потому что я поклонялся ее стопам! (1.181) Тогда Рама сказал Сугриве:

– Ты здесь видел Ваидехи, мою целомудренную супругу, которой я дорожу больше собственной жизни? Что за отвратительный демон похитил ее? Где живет это чудовище, и кто причинил мне такое горе? Похитив Ситу и вызвав мой гнев, он заплатит жизнью, открыв врата смерти. Скажи, кто этот демон, кто, подкравшись в лесу, хитростью украл мою нежную супругу? О царь обезьян, я сегодня же отправлю его в обитель смерти!

Глава 7

Сугрива утешает Рама

Сугрива плакал, видя отчаяние Рамы. Со сложенными ладонями и скорбным трепетом в голосе он отвечал:

– Конечно же я не знаю, где живет тот злобный демон, как неведома мне его сила или доблесть, род, которому принадлежит подлый демон, но, я искренне прошу тебя, обуздай свое горе! Я приложу все силы, чтобы вернуть тебе Маитхили! Убив Равану и весь его род, я явлю свое мужество и сделаю тебя как прежде счастливым. Довольно тебе предаваться печали, яви, наконец, свою решимость! Люди подобные тебе не поддаются унынию! Я тоже очень страдаю в разлуке со своей женой, но я не впадаю в отчаяние подобно тебе, и не теряю мужества. Хотя я обычная обезьяна, я не потворствую тоске. Сколько же ты будешь предаваться горю, о великодушный герой, мудрый, доблестный, знаменитый? Решительно вытри слезы, не теряй терпение, это качество воистину благородных людей. Мужественный человек прибегает к помощи разума и не поддается несчастью, разлучаясь с родными или теряя имущество, или расставаясь с жизнью в момент смерти. Но малодушный неизбежно поддается горю и погибает, словно перегруженный корабль в море. Склонившись пред тобой со сложенными ладонями, я молю тебя собраться духом и не поддаваться печали. Иначе тебе не достичь успеха, малодушные теряют свою силу. Поэтому держи себя в руках. Опасно положение человека одержимого горем. Изгони печаль, о Индра среди людей и яви все свое мужество! Я говорю ради твоего блага, как друг. У меня нет желания наставлять тебя. Ради нашей дружбы освободись от печали. Вняв теплым речам Сугривы, Рама уголком одежды вытер лицо, мокрое от слез. Успокоившись, он обнял своего друга и сказал:

– О Сугрива, ты ведешь себя как истинный преданный друг, который достойно исполняет свой долг. О друг, взгляни, как благодаря твоему доброму совету, я пришел в себя. Не так просто найти товарища по несчастью. Поэтому посвяти себя поискам Маитхили и жестокого демона, ненавистного Раваны, и скажи откровенно что мне делать. Ты – плодородное поле, орошенное дождями. С тобой мы достигнем цели. Кроме того, слово, которое я уверенно дал тебе (1.183), о тигр среди обезьян, я непременно исполню. Я никогда еще не произносил лжи и не сделаю этого. Клянусь истиной, я не нарушаю данного слова! Слушая Раму, царя людей, мудрый вожак доблестных обезьян, почувствовал в сердце, что достиг желанной цели.

Глава 8

Сугрива умоляет Раму помочь ему в битве с Бали

Счастливым Сугрива обратился к старшему брату Лакшмане:

– Несомненно боги благословили меня, я обрел добродетельного друга, исполненно-го величайших достоинств! С твоей помощью, о безупречный герой, я смогу завоевать даже небеса, а не только мое царство, о повелитель! Я достоин любви и уважения друзей и родственников, о Рама, потому что у священного огня заключил дружбу с тобой! О потомок династии Рагху, скоро ты увидишь, что я достоин твоей дружбы, но это еще не говорит о моих добродетелях. Лишь такие великие герои как ты, владеющие собой, остаются по-настоящему мужественными, о лучший среди благородных! Серебро, золото и драгоценные камни друзья делят между собой; богатый или бедный. Счастливый или несчастный, одаренный или обделенный – друг всегда остается другом. Удача, процветание или страна, о безупречный герой, – всем можно пожертвовать ради друга. Главное здесь – это преданность. – Это истина, – согласился благословенный Рама с прекрасным Сугривой в присутствии Лакшманы, мудростью равного Васаве. На следующий день Сугрива, глядя на Раму, который стоял рядом с доблестным Лакшманой беглым взглядом окинул лес и, заметив неподалеку дерево шала, покрытое цветами и яркой листвой, среди которой жужжали пчелы, отломал пышную ветку и, устлав ею землю, уселся вместе с Рамой. Тогда Хануман сорвал другую ветку дерева шала и пригласил Лакшману занять свое место. Глядя на Раму, который непринужденно сидел на этой величественной горе, поросшей

цветущими деревьями шала, безмятежный словно спокойное озеро, счастливый Сугрива с дрожью в голосе мягко обратился к своему другу, сиявшему от радости:

– Мой брат, о Рама, мой заклятый враг, постоянно изводит меня, и страх перед Бали целиком завладел мной. Ты даруешь прибежище всему миру. У меня нет защитника, поэтому даруй мне свою поддержку! Знаменитый и добродетельный Рама, верный своему долгу, с улыбкой отвечал:

– Истинная дружба выражается в поддержке и помощи в борьбе с врагами! С этого дня знай, я убью похитителя твоей супруги. Мои крылатые яростные стрелы, о благословенный, инкрустированные золотом, напоминают молнию Махендры. Они родились в лесу Картикеи и украшены оперением цапли. Их гладкие соединения и формы наконечников делают их похожими на рассерженных змей. Ты увидишь своего врага, своего брата Бали, запятнавшего себя злодеяниями сраженным этими стрелами, словно гора, раскрошившаяся в песок. Слова эти необыкновенно обрадовали Сугриву, вожака обезьян. – Превосходно! Превосходно! – закричал он. – О Рама, я пребывал в глубокой печали, но ты избавил меня от страданий. Зная, что ты теперь мой друг, я излил тебе мою печаль. Сжав мне руку над священным огнем, ты стал для меня самым дорогим другом. Клянусь, это правда! Я принимаю тебя своим другом и раскрываю сердце. Неудача, постоянно преследующая меня, гложет мою душу! Сугрива говорил с глазами полными слез, его душили рыдания, он не в силах был продолжать. Остановив поток слез, хлынувших из глаз, Сугрива тут же взял себя в руки и, подавив рыдания, вытер свои прекрасные глаза. Наконец знаменитая обезьяна вновь обратилась к Рагхаве:

– О Рама, Бали, осыпав меня оскорблениями, изгнал из царства. Захватив мою супругу, которой я дорожил больше жизни, он заковал друзей моих в цепи. Законченный негодяй, Бали пытался уничтожить меня, о Рама. Он часто подсылал ко мне подкупленных обезьян, но я убил их. Желая увидеть тебя, о Рама, я не решался искать встречи с тобой, потому что пребывал в величайшем страхе. Эти обезьяны во главе с Хануманом – мои единственные спутники. Лишь благодаря им я еще жив, несмотря на серьезность ситуации. Эти великодушные обезьяны окружают и защищают меня, не покидая меня во всех моих странствиях, куда бы я ни отправился. О Рама, что толку говорить? Мой старший брат Бали, известный своей жестокостью, мой враг. Лишь только он будет мертв, как всем моим бедам придет конец. Мое счастье, и даже сама жизнь зависят от смерти Бали. Это единственное лекарство для моей скорби. Я говорю тебе об этом, пребывая во власти горя. Счастливый или несчастный, но друг всегда дает прибежище другу! Рама спросил Сугриву:

– Я хочу знать, что послужило причиной вашей взаимной вражды. Уяснив источник твоей ненависти, о обезьяна, я сделаю все, чтобы помочь тебе. Я глубоко поразмыслил на эту тему, взвешу ее сильные и слабые стороны. Я страстно желаю узнать это, чтобы помочь тебе. Сердце мое бьется от волнения, подобно реке, вышедшей из берегов во время дождей. Не бойся быть откровенным, говори, пока я натягиваю свой лук, и знай, что как только я выпущу стрелу в твоего противника, он будет мертв! Сугрива и его спутники с великим удовольствием внимали речам великодушного Какустхи. Сияя радостью, Сугрива стал рассказывать старшему брату Лакшманы истинную причину вражды с Бали.

Глава 9 История Бали и Маяви

Моего старшего брата, повергающего своих врагов, зовут Бали. Он пользовался великим уважением моего отца и матери, и я тоже любил его. Когда отец умер, советники высоко ценившие моего старшего брата, возвели его на трон Кишкиндхи, и Бали стал царем обезьян. Пока он правил обширным царством своих предков, я жил в полной покорности ему и был одним из его слуг. Из-за женщины разгорелась великая ссора между Бали и Маяви, знаменитым старшим сыном Дундубхи. Однажды ночью, когда все спали, Маяви

приблизился к воротам Кишкиндхи и, гневно рыча, вызвал Бали на бой. Этот страшный рев разбудил моего брата, и вне себя от ярости он тут же вышел к могущественному демону, готовый его убить. Жены его и я пытались остановить Бали. Я бросился к его ногам, но он оттолкнул всех нас и вышел к вратам города, преисполненный доблести. Целиком преданный ему, я последовал за ним. Увидев моего брата и меня, в нескольких шагах следовавшего за ним, демон в страхе бросился бежать, но мы почти нагнали его. Восходящая луна осветила дорогу, и мы заметили в земле большую дыру, поросшую травой, в которой Маяви скрылся. Мы с Бали добежали до входа в нору и остановились. Бали был охвачен гневом и сильно возбужден. – О Сугрива, – сказал он мне, – оставайся здесь у пещеры, пока я не убью своего врага! Я стал умолять Бали не входить в пещеру, но он, угрожая проклятьем, велел мне не сходить с места, а сам исчез в пещере. С того момента прошел год, но я не покидал своего поста. Я думал, что Бали уже мертв и из любви к нему глубоко печалился и терзался дурными предчувствиями. «Я никогда больше не увижу моего брата», – думал я. Спустя долгое время из пещеры хлынула кровь с пеной и ушей моих достиг рев демона. Но я не слышал победных криков моего старшего брата. Я продолжал ждать, и по различным признакам я подумал, что брат мой мертв и решил уйти, но прежде огромным как гора куском скалы я завалил вход в пещеру. О друг мой, полный печали, я по традиции предложил воду душе моего брата и вернулся в Кишкиндху. Всеми силами я старался сохранить случившееся втайне, но советники узнали обо всем и решили возвести меня на трон. Я правил государством справедливо, о Рама. Тем временем Бали убил своего врага-демона и неожиданно появился в Кишкиндхе. Когда он увидел меня, отмеченного высшей властью, глаза его покраснели от гнева. Осыпая меня упреками, он заковал моих советников в цепи. Сразив своего противника, брат мой вернулся в город. Я почтительно поклонился великому воину и оказал ему традиционное гостеприимство, но он не ответил на мой сердечный прием. Лбом я коснулся его стоп, о повелитель, но Бали, пылая гневом, не пожелал прощать меня.

Глава 10 Истоки ненависти Бали к Сугриве

Всем сердцем жажда мира, я пытался успокоить моего брата, который по возвращении негодовал на меня. Я сказал: «По милости богов ты одержал победу и враг твой пал, не выдержав силы твоих ударов. Потеряв тебя, я лишился поддержки, ты мой единственный защитник, о мой покровитель, о моя радость! Взойди теперь под этот царский полог, прекрасный как полная луна взошедшая на небе. Прими также эти опахала из моих рук! О царь! Целый год я ждал, охваченный печалью, у входа в пещеру, и когда я увидел потекшую оттуда кровь, сердце мое наполнилось мукой, и ум помутился от горя. Я завалил вход огромной скалой и в глубокой печали вернулся в Кишкиндху. Увидев меня, жители города и министры возвели меня на трон вопреки моей воле. Поэтому прости меня, ты наш государь. Я принял царские знаки отличия в твое отсутствие и защитил город от разорения. Я принял это царство на время, и теперь я возвращаю его тебе, о друг. Не гневайся на меня, о повергающий врагов! Склонив голову к твоим стопам, о царь, я со сложенными ладонями взываю к тебе, лишь по настоянию министров и народа я взошел на трон, они думали, что страна, лишившаяся государя, станет беззащитной перед врагами». Но Бали не тронули эти смиренные речи.

– Будь ты проклят! – повторял он снова и снова.

Собрав своих подданных и советников, он стал поносить меня, и в присутствии моих друзей упрекать горькими словами: «Знайте все, что великий демон Маяви однажды ночью в великом гневе вызвал меня на долгожданный бой. Услышав этот зов, я покинул свои царские покои, но мой бессовестный брат, которого вы видите сейчас перед собой тут же последовал за мной. В ту ночь, увидев, что меня преследует кто-то, великий демон в ужасе бежал, и мы бросились за ним по пятам. Неожиданно он скрылся в огромной пе-

щере, и я увидев эту огромную страшную пещеру, сказал моему лживому брату: «Я не могу вернуться в город пока не убью своего противника. Подожди меня у входа в пещеру». Уверенный, что он не предаст меня, я вступил в непроходимую пещеру. Пока я преследовал своего врага, который был воистину отважен, прошел год. В конце концов я нашел и убил его вместе со всей его семьей. Демон, умирая, громко кричал, потоки его крови залили всю пещеру, и из нее невозможно было выйти. Радуюсь победе над моим жестоким врагом, я не мог найти выхода из пещеры, потому что он был закрыт. Снова и снова я звал Сугриву, но мне никто не отвечал и положение мое становилось очень опасным. Одним пинком я опрокинул скалу и оказался на свободе. После этого я вернулся в город. Вот почему я сердит на злобного Сугриву, чья жажда власти затмила его братскую любовь». С этими словами обезьяна Бали безо всякого стыда нищим выгнал меня из царства, оскорбил, опозорил и забрал мою жену, о Рама. Несчастный и одинокий я нашел прибежище на этой величественной горе Ришьямука, на которую Бали в силу определенных причин не посмеет прийти. Это целая история, с чего началась наша вражда. Я не достоин быть великого смирения, которое низошло на меня как ты видишь сейчас, о Рагхава. О герой, разгоняющий страх, избавь меня от боязни перед братом и накажи его за меня! Добродетельный царевич, выслушав рассказ праведного Сугривы, улыбнулся и ответил:

– Мои стрелы яркие как солнце, никогда не пролетают мимо цели. Своими острыми наконечниками они поразят злобного Бали. Пока я не видел похитителя твоей супруги, этот злобный негодяй будет жить, но ни мгновенья дольше. Я вижу, ты тонешь в океане горя, также как и я, я помогу тебе преодолеть его. Ты непременно обретешь былое счастье и процветание. С радостью и всевозрастающим мужеством в сердце выслушал Сугрива Раму и произнес памятные слова.

Глава 11

Сугрива рассказывает Раме о подвигах Бали

Поддержка Рамы вдохнула в Сугриву радость и придала мужество. В благодарность он почтительно поклонился ему и сказал:

– Несомненно, в гневе ты можешь испепелить миры своими острыми стрелами, словно огонь в час уничтожения вселенной. Но все же, подумай о безграничном мужестве Бали и, внимательно выслушав меня, прими решение как поступать дальше. Прежде чем взойдет солнце неутомимый Бали обходит океан с запада на восток и с севера на юг. Он так могуществен, что может сорвать вершину горы, подбросить ее в воздухе и поймать. Чтобы показать свою силу, он ломал на двое бесчисленные деревья в лесу. Жил некогда великан по имени Дундубхи в облике буйвола, огромного как гора Кайласа и сильного как тысяча слонов. Опьяненный сознанием своего могущества, он самодовольно гордился благословениями, которые получил. Великан этот пришел на берег моря, повелителя рек, шумящего волнами и богатого жемчугом, и сказал:

– Давай сразимся! Но праведный повелитель вод, представ перед Дундубхи во всем своем величии, отвечал демону, влекомому судьбой:

– О искусный воин, я не могу принять твой вызов, но я укажу тебе достойного тебя противника. На широкой равнине, обители аскетов, живет повелитель гор по имени Химават, славный тесть Шивы. Он владеет множеством рек, оврагов и водопадов и может удовлетворить охватившее тебя желание сразаться. Демон подумал: «Океан пытается запугать меня!» – и побежал в лес Химаваты с быстротой выпущенной из лука стрелы. Сломав огромную белую скалу, Дундубхи с громким воплем швырнул ее оземь. И тогда, словно груда белых облаков, мягкий и добрый Химават появился на вершине горы и обратился к демону? – Не мучай меня, о Дундубхи, ищущий радость в справедливости! Я не имею никакого отношения к воинским подвигам, наоборот, я – обитель аскетов. С красными от гнева глазами Дундубхи отвечал праведному правителю гор:

– Если у тебя нет сил сражаться и страх сковал твои члены, тогда скажи мне, кто равен мне в могуществе, потому что жажду сразиться с таким достойным противником. Искусно ведя беседу, Химават отвечал великому демону:

– Это герой величайшего разума по имени Бали. Это знаменитый сын Шакры и живет он в Кишкиндхе. Это искусный и достойный тебя воин, не уступающий тебе в силе и могуществе. Он может вступить с тобой в битву, подобно Васаве с Намучи. Поспешి скорее разыскать его, поскольку ты жаждешь сражения. Он нетерпелив и полон воинского пыла. Выслушав Химавата, Дундубхи в гневе направился в Кишкиндху, город Бали. Приняв облик ужасного быка с острыми рогами, могущественный демон встал у ворот города, напоминая грозное облако в небе, готовое пролить на землю потоки дождя. Своим воинским кличем сотрясая землю, он вырывал с корнями деревья и ломал их надвое. Затем, словно слон, он стал ломиться в городские ворота. Мой брат в этот час находился во внутренних покоях дворца. Услышав шум, он вышел, окруженный своими женами, словно луна в обрамлении звезд. Правитель обезьян Бали, стора от нетерпения, ясно и значительно сказал Дундубхи:

– О Дундубхи, зачем ты заградил городские ворота и мычишь? Я знаю, кто ты. Побереги свою жизнь, о воин! Дундубхи с красными от гнева глазами отвечал дальновидному царю обезьян:

– Не говори со мной так в присутствии женщин, о воин! Прими мой вызов и сегодня же встретимся на поле сражения! Я хотел бы увидеть твою силу, хотя, о обезьяна, я готов на одну ночь сдерживать свой гнев, позволив тебе поразвлечь любовью, как ты этого хочешь. Но знай, время у тебя до восхода солнца. Раздай милостыню своим обезьянам и обними их в последний раз. Ты царь обезьян, окруженный многочисленными друзьями и верноподданными. Взгляни последний раз на Кишкиндху, насладись обществом своих жен, потому что я накажу тебя за оскорбительное высокомерие, с которым ты говоришь со мной. Убить пьяного или сумасшедшего, слабого или безоружного, незащитного, или подобно тебе охваченного страстью, приравнивается к детоубийству. Простившись со своими женами, Тарой и другими, брат мой, еле сдерживая гнев, с улыбкой отвечал демону:

– Не думай, что я пьян, если ты не боишься вступить со мной в сражение! Но предстоящее сражение с тобой кружит мне голову, как вино! С этими словами он сорвал с себя золотую цепь, подаренную ему его отцом Махендрой, и начал биться. Схватив Дундубхи, подобного горе, за рога, этот слон среди обезьян взревел и стал награждать его ударами. Затем Бали с громким криком швырнул его оземь, и раненый демон стал истекать кровью. Бали и Дундубхи, обезумев от гнева, продолжали сражаться, стяжая победу, меж ними разгорелась ужасная битва. Мой брат сражался с беспримерным мужеством, словно Индра, пуская в ход кулаки, колени, ноги, ломая деревья и круша скалы. Битва между обезьяной и демоном на мгновение затихла, пока противники восстанавливали силы. Наконец Бали поднял Дундукхи в воздух и со всей силой швырнул его оземь. В этой смертельной схватке великан нашел свою смерть. Он лежал в крови, которая рекой лилась из его вен. Громадный он распростерся на земле. Подняв двумя руками бездыханное тело демона, Бали одним броском отшвырнул его на четыре мили. Из пасти демона, разбившейся при падении, хлынула кровь, капли которой ветер принес к обители Матанги. Увидев кровавый дождь, мудрец недовольно подумал: «Что за негодяй посмел брызгать в меня кровью? Что это за злобное, вероломное и мерзкое создание, кто этот безумец?» С этой мыслью великий муни вышел из своей обители и увидел быка, огромного как гора, который мертвым лежал на земле. Силой свершенных аскез он знал, что обезьяна повинна в этом злодеянии, и изрек ужасное проклятие на голову того, кто бросил ему этот труп: «Пусть ноги этого нечестивца не будут в моей обители! Если обезьяна, пролившая кровь и осквернившая лес, где я поставил свою хижину, придет сюда, ее постигнет неминуемая смерть! Пусть этот злобный негодяй, забросивший сюда тело этого демона и сломавший мои деревья, обходит мою обитель за четыре мили, а иначе ему не выжить, также как и его при-

спешникам. Кто бы то ни был, ища прибежища в моем лесу, они не смогут остаться здесь и мгновенья согласно моего проклятью. Пусть идут, куда пожелают, и портят листву, молодые побеги, собирать фрукты и корни в любом другом месте, но не в этих лесах, которые я защищаю как собственных детей. С этого дня всякая обезьяна, которую я увижу здесь превратится в камень на тысячу лет! Услышав слова проклятия мудреца Матанги, все обезьяны покинули этот лес. Увидев их, Бали спросил: «Почему вы пришли сюда, покинув обитель Матанги? Вы счастливо жили в тех лесах!». Обезьяны рассказали Бали, который носил на шее золотую цепь, о причине их изгнания и проклятии, наложенном на весь обезьяний род. Брат мой тут же бросился искать великого риши и со сложенными ладонями попытался умиловить его, но Матанга не пожелал слушать и скрылся в своей хижине. Трепеща под бременем проклятия, Бали стал бесцельно бродить по лесу, но, оберегая свою жизнь, он не осмеливался приблизиться к великой горе Ришьямука или даже взглянуть в ее сторону, о царевич. Зная, что он никогда не отважится появиться здесь, о Рама, я смело поселился в этих лесах вместе с моими спутниками. Кости Дундубхи, жертвы надменности, до сих пор горой лежат здесь, напоминая вершину огромной горы. Бали, являя свое могущество, содрал всю листву с этих семи гигантских деревьев шала вместе с их могучими ветвями. Его сила неизмерима, о Рама, и я сейчас покажу тебе это. Иначе я сомневаюсь, сможешь ли ты одолеть его в битве, о царь. Лишь только Сугрива замолчал, Лакшмана с улыбкой спросил его:

– Как Рама убедить тебя в том, что он способен превзойти твоего врага? Сугрива отвечал:

– Если Рама одной стрелой сможет пронзить эти семь деревьев шала, неоднократно сломанных Бали, значит, он сможет победить и Бали. Пусть он также одним пинком отшвырнет труп быка на расстояние ста луков. Сугрива, с глазами слегка покрасневшими в уголках, задумался на мгновенье, и добавил, обращаясь к Рама потомку Какутстхи:

– Мужественный и дерзкий, славный своей силой и воинским духом, великий Бали еще не знал поражения в бою. Он славен своими подвигами. Даже боги не способны на подобные деяния. Одно лишь упоминание о подвигах Бали вызывает страх, и потому я решил укрыться на горе Ришьямука. Этот Индра среди обезьян непобедим, неотразим и безжалостен. Полный горя и печали, я скитаюсь по этим лесам вместе с моими верными спутниками – Хануманом и другими. Теперь у меня есть такой друг как ты – славный лев среди людей, дорогой своим друзьям! Я ищу у тебя прибежища, как у второго Химавата. Я хорошо знаю силу моего злобного брата и его подавляющий нрав, но я еще не видел твоего воинского искусства, о Рагхава. Конечно, это не значит, что я хочу проверить тебя, усмирить или утешить, перечисляя великие подвиги Бали. Мне хорошо известна собственная трусость! О Рама, твоя манера говорить, уверенность, опрометчивость и сама стать воистину являют твое безграничное могущество, подобное огню, сокрывшемуся под слоем пепла. Рама улыбался, слушая великодушного Сугриву, потом ответил:

– Если ты не веришь в наше мужество, о обезьяна, мне придется в войне убедить тебя в нем. С этими словами Рама легко пнул высохший труп демона Дундубхи. Глядя на летящие по воздуху кости, Сугрива вновь обратился к Рама, сиявшему как солнце:

– О друг мой, прежде брат мой, уставший и опьяненный, заставлял этот труп летать по воздуху, хотя тогда это не были высохшие кости. Теперь с костей Дундубхи сошло мясо, и они высоли и стали белыми как солома, поэтому ты играючи расшвырял их. Мне трудно рассудить кто из вас более могуществен, ты или Бали. Есть большая разница между трупом и костями, о Рагхава. Поэтому я до сих пор не уверен, мой друг, кто же из вас сильнее. Но если ты сможешь разбить на куски даже одно дерево шала, я окончательно буду убежден в превосходстве одного из вас. Поэтому натяни свой лук, напоминающий хобот слона, и натянув к уху тетиву, выпусти свою великую стрелу, которая я уверен пронзит дерево шала. Я счастлив буду увидеть этот знак. Я умоляю тебя, о царевич, доставь мне эту радость. Как солнце царит среди планет, а Гималаи – среди гор, как лев царствует в мире четвероногих, так нет равных тебе в доблести среди людей

Глава 12

Битва Сугривы и Бали

Желая завоевать доверие Сугривы, Рама поднял свой лук и, прицелившись, разбил на куски деревья шала, и небосвод задрожал от силы его удара. В мгновение ока стрела этого могущественного воина, сверкая золотом, со скоростью света пронзила семь деревьев, вошла в гору и зарылась в земле, а потом вернулась в колчан Рама. Сугрива, тур среди обезьян глядя на семь деревьев, разбитых стремительной стрелой Рама, пришел в изумление и, преисполненный радости, сверкая украшениями, распростерся перед Рагхавой со сложенными ладонями, преклонив голову к земле. Восхищаясь могуществом Рама, он обратился к этому великому воину, сведущему в духовных традициях, владеющим любым оружием:

– О лев среди людей, своими стрелами ты уничтожишь богов вместе с царем в открытом сражении, как же Бали устоит перед тобой? О Какутстха, кто может противостоять тебе в битве, когда ты одной стрелой пронзил семь деревьев шала, гору и землю! Я окончательно избавился от сомнений и страха и обрел полное удовлетворение. Где бы я еще нашел такого друга, равного Махендре и Варуне? Ради меня одержи верх над моим врагов в лице брата, я умоляю тебя! Рама обнял прекрасного Сугриву, как всегда обнимал Лакшману и с великой мудростью ответил:

– Давай безотлагательно отправимся в Кишкиндху. Ты поведешь нас. У ворот города, о Сугрива, ты вызовешь Бали, брата по названию. И друзья тут же поспешили в Кишкиндху, столицу Бали. Спрятавшись за деревьями, они остановились в дремучем лесу, и Сугрива, бросая вызов Бали, издал могучий рев. Одежды его плотно облегли его крепкое тело, он кричал изо всех сил, нарушая молчание небес. Могущественный Бали услышал устрашающий зов своего брата и, смертельно побледнев от гнева, бросился ему навстречу, словно восходящее солнце – на вершину горы. Через мгновение между Бали и Сугривой завязалась жестокая битва, подобная столкновению Марса и Юпитера в просторах космоса. Награждая друг друга звонкими, как раскаты грома, ударами ладоней, рамахивая тяжелыми как булава кулаками, братья полные ярости нападали друг на друга, а Рама с луком в руках наблюдал бой двух противников, подобных Ашвини-кумарам. Не в силах отличить Бали от Сугривы, Рама не решался выпустить свою смертоносную стрелу. Сугрива, видя что Рама не спешит прийти к нему на помощь, под напором Бали побежал к горе Ришьямука. Измученный, весь в крови, раздавленный яростными ударами брата, он укрылся в бескрайнем лесу. Могучий Бали, провожая взглядом Сугриву, крикнул вслед:

– Иди! Я дарую тебе жизнь! Он не решался преследовать Сугриву в страхе перед проклятием Маданги. Рама вместе со своим братом и Хануманом разыскали в лесу Сугриву. Увидев их, царь обезьян опустил от стыда голову, взглядом упершись в землю, и со слезами в голосе сказал:

– Явив свою силу, ты повелел: «Брось вызов своему врагу!» И после этого ты позволил ему одержать надо мной верх. Почему ты сделал это? О Рагхава, лучше скажи мне откровенно: «Я не желаю убивать Бали», – и тогда я не покину этого леса. Рама отвечал на горестные упреки великодушного Сугривы:

– О Сугрива, мой дорогой друг, не досадуй, но послушай, почему я не выпустил свою стрелу. Своими украшениями, одеждами, внешним обликом и жестами ты очень похож на Бали, вас невозможно различить! У тебя такой же голос, цвет, внешность, доблесть и речь, как и у Бали, о обезьяна. Смущенный вашей схожестью, о лучший среди обезьян, я не решился выпустить свою быструю и смертоносную стрелу. «Как бы не убить их обоих», – подумал я. По правде сказать, если бы по невежеству или беспечности я убил тебя, о царь обезьян, я обнаружил бы свою глупость и безответственность. Убить союзника – это великий отвратительный грех. Кроме того, я Лакшмана и прекрасная Сита целиком зависим от тебя, в лесу у нас нет иного прибежища. Еще раз вступи в битву с Бали, о обезьяна, и не

ведай страха. В мгновение ока ты увидишь как мои стрелы поразят Бали. Ты увидишь его в смертельной агонии на поле битвы. Но прежде, о царь обезьян, надень на себя отличительный знак, по которому я смогу узнать тебя в горячей схватке. О Лакшмана, одень великодушному Сугриве на шею эти прекрасные цветы гаджапушпи. Нарвав цветов гаджапушпи, Лакшмана украсил ими шею Сугривы. Лиана Сугривы сияла как солнце и напоминала косяк журавлей, осветивший облако. Блистая красотой, Сугрива, ободренный словами Рама, вместе с ним вышел на дорогу, которая вела к Кишкиндхе.

Глава 13 Обитель Шаптаджанов

Добротельный Рама, старший брат Лакшманы, вместе с Сугривой покинул гору Ришьямуку и направился в Кишкиндху, которую защищал доблестный Бали. Рама нес свой золотой лук и стрелы, которые сияли у него в руках словно солнце. Сугрива с гирляндой цветов на шее, полный отваги, шагал перед великодушным Рагхавой и Лакшманой, вслед за которыми шли Хануман с Налой, доблестный Нила и знаменитый генерал Тара, известный среди обезьян. Они любовались деревьями, которые клонились к земле под тяжестью цветов и плодов, и реками, которые несли свои мирные воды к морю. Их взору являли свою красоту овраги и ущелья, пропасти, пещеры, вершины и чарующие долины, озера искристых изумрудных вод, украшенные цветущими лотосами. Раздавались крики уток, журавлей, лебедей, вальдшнепов и других водоплавающих птиц, в лесных просеках мелькали лани, щипавшие мягкую траву и молодые побеги, не боящиеся рыскавших в этих местах диких животных. Дикая свирепые слоны с могучими бивнями вытаптывали живописные берега озер. Опьяненные соком мада, они бродили повсюду, бия головами о скалы и напоминая собой движущиеся горы. Спутники Сугривы, продолжая путь, видели огромных как слоны обезьян, покрытых пылью, и разнообразных диких животных и птиц. Поспешно продвигаясь вперед, радость династии Рагху, Рама, спросил Сугриву, скользая взглядом по цветущим рощам:

– Что это за деревья, напоминающие облако в небе? Они кажутся грядой облаков, окруженных цветущими рощами! Мне очень любопытно услышать о них, о друг мой. Сугрива на ходу стал рассказывать историю великого леса:

– О Рама, это просторная обитель, разгоняющая усталость, окруженная множеством чарующих садов и рощ. Там много вкуснейших корней, фруктов и воды. В этой святой обители живут семь муни суровых аскез, известных под именем Шаптаджанов. Они все время лежат в воде, лишь голову держа на поверхности. Каждые семь дней они принимают пищу, которой служит им ветер с горы, ставшей им домом. По прошествии семисот лет они вознеслись на райскую обитель, не покидая своих тел. Благодаря их аскетизму, эта обитель, окруженная зарослями деревьев, остается недоступной даже богам и асурам, также как и их правителям. Птицы обходят его стороной также как и все лесные звери. Тот, кто даже невольно вступит в обитель Шаптаджанов, никогда не возвращается. Оттуда часто раздается сладостная мелодия и пение под музыкальные инструменты, иногда можно уловить божественный аромат, доносящийся из этого загадочного места, о Рагхава, и увидеть вдали три костра. Отсюда можно увидеть лишь дым, стелящийся над лесом. Верхушки деревьев окружают ее, словно золотое облако, напоминая оперение голубя. Великолепные верхушки деревьев увенчаны дымом, словно изумрудные горы с дождевыми облаками на вершинах. Со сложенными ладонями предложи почтительные поклоны этой святой обители, о доблестный Рагхава, вместе с Лакшманой. Приветствуя тех риши чистой души, ты избавишься от печали. Рагхава вместе с братом Лакшманой выразили почтение знаменитым аскетам, и вместе с Сугривой и другими обезьянами счастливо продолжили путь. Оставив далеко за спиной обитель Шаптаджанов, они увидели неприступную Кишкиндху, которой правил Бали. Рама, и его младший брат Лакшмана и обезьяны,

славные своей доблестью, крепче сжали в руках свое оружие, готовые убить врага, отважно защищавшего город.

Глава 14 Сугрива вновь вызывает брата на бой

Вернувшись в Кишкиндху, город Бали, они спрятались за деревья в густом лесу. Оглянувшись по сторонам, Сугрива, друг лесов, стал проявлять признаки гнева и, окруженный родственниками, издал громкий рев, вызывая брата на бой. Небеса содрогнулись от его воинского клича, подобного раскатам грома в облаках, гонимых сильным ветром. Эта обезьяна с походкой льва напоминала восходящее солнце. Посмотрев на Раму, искусного воина, Сугрива сказал:

– Взгляни на Кишкиндху, окруженную золотыми стенами и крепостным валом обезьян с защитными сооружениями, над которым развиваются многочисленные знамена. Эта крепость Бали. Настало время исполнить тебе данное мне слово и убить его, о герой, как благословенная весна настигает лианы. Добродетельный Рама, повергающий врагов, отвечал Сугриве:

– На шее твоей гирлянда из цветов гаджи, которую Лакшмана одел тебе, и теперь я смогу узнать тебя в схватке! С этой гирляндой на шее, о герой, ты сияешь, как полная луна в обрамлении звезд на ночном небе. Сегодня, о обезьяна, я освобожу тебя от страха и враждебности, которую Бали разжег в твоём сердце. Предстань перед своим противником в лице брата, о Сугрива! Сраженный мной Бали покатится в пыли. Встав у меня на пути, ему не уйти живым. В противном случае ты вправе справедливо упрекнуть меня в нарушении данного слова. У тебя на глазах я одной стрелой пронзил семь деревьев шала. Будь уверен, что сегодня же Бали падет на поле сражения под ударами моих стрел. Ни слова лжи еще не сходило с моих уст даже в беде, и не сойдет впредь, как бы не стремился я к желанной цели, поэтому отгони прочь все сомнения. Брось вызов Бали, увенчанному золотой короной, подобно Индре, который насылает дожди на плодородные поля. О Сугрива, издай клич, который вызвал бы обезьяну, гордую своими победами, воинственную и не знавшую еще поражений. Те, кто считают себя храбрыми, не выносят воинского клича врагов, особенно в присутствии женщин. Вняв совету Рамы, золотистый Сугрива издал оглушительный рев, сотрясая небеса. Перепуганные шумом коровы бросились в разные стороны, подобно благородным женщинам, оказавшимся в опасности из-за небрежности возлюбленных. Дикие лани бежали, словно обезумевшие кони, раненные в бою, а птицы попадали на землю, словно с планеты, исчерпавшие свою добродетель. Сын Сурьи издал рев подобный грому, уверенный в своей силе и сияющий мужеством, словно океан, волнующий бурей.

Глава 15 Тара дает Бали совет

В этот час Бали сидел среди своих жен во внутренних покоях. Услышав клич великодушного Сугривы, он преисполнился гнева. Лишь только звук этот, холодящий кровь, коснулся его слуха, его страсть сменилась неистовым гневом, а члены затрепетали от ярости. Прежде сияющий как золото, он неожиданно утратил блеск, подобно солнцу в час затмения. Сжав зубы и словно огнем сверкая глазами, он походил на озеро, из которого выдернули все лотосы. Нестерпимый клич Сугривы заставил эту обезьяну с великой поспешностью выйти к воротам. Он тяжело ступал по земле, словно желал раздавить ее. Тара, супруга Бали, нежно обняла его, еще раз выражая свою преданность, и робко, с дрожью в голосе, дала ему совет, мудрость которого подтвердило будущее. – О храбрый воин, – сказала Тара, – гнев, овладевший тобой, подобен бешеному потоку. Отбрось его, словно увядшую гирлянду на рассвете. Вступи в битву с Сугривой завтра на восходе

солнца, о доблестный герой, потому что ты еще не знаешь силы или слабости своего врага. Мне не нравится, что ты готов выйти к нему немедленно. Послушай почему я пытаюсь остановить тебя! Сугрива уже в великом гневе приходил и вызывал тебя на бой, но побежденный, он бежал. Однажды уничтоженный, он вернулся, чтобы вновь бросить тебе вызов и это вызывает у меня подозрение. Столь самоуверенный высокомерный и гневный рев не бывает без причины. По-моему, Сугрива вернулся не один, но с соратниками, готовыми броситься ему на защиту. Его зов полон пренебрежения. По природе Сугрива умен и дальновиден, он не станет союзничать, не убедившись в доблести своих друзей. О воин, я слышала от юного царевича Ангады, слушай внимательно, это тебе на пользу! Он рассказал мне все, что слышал от своих шпионов относительно Сугривы, странствующего в лесу. У царя Айодхьи есть два сына, мужественные и непобедимые в сражении. Это знаменитые потомки Икшваку, Рама и Лакшмана. Неукротимые герои заключили дружественный союз с Сугривой. Теперь твоему брату помогает Рама, славный своими воинскими подвигами, побеждающий сонмы врагов и в бою подобный огню в час уничтожения вселенной. Он живет в лесу и дарует высшее прибежище всем добродетельным душам, которые ищут его защиты. Это опора всех угнетенных, обитель славы, Рама сведущ как в мирском так и в духовном знании. Он счастлив, исполнять заветы своего отца. Как царь гор является сокровищницей драгоценных металлов, Рама – источник всей добродетели. Не войны, а мира ты должен искать с этим великодушным героем, непобедимым Рамой, чья доблесть не знает границ на поле сражения. О герой, у меня нет желания возражать тебе, но я говорю лишь для твоего блага. Внемли моему совету! Не ищи ссоры со своим младшим братом, о доблестный монарх. Я уверена, дружба с Рамой принесет тебе пользу. Помирись с Сугривой и гони прочь все мысли о вражде.

Где бы он ни жил – на горе Ришьямука или в Кишкиндхе – это твой нерадивый друг, я не видела еще равного ему друга на земле. Окажи ему все знаки внимания, уважение, поднеси дары и приблизь к себе. Забудь о вражде и позволь Сугриве впредь жить близ тебя. Сугрива могущественный, ценный союзник, твой близкий родственник. Завоюй любовь брата, у тебя нет иного пути обрести счастье. Если ты хочешь доставить мне удовольствие и признаешь мою преданность тебе, тогда, о мой друг, я заклинаю тебя своей любовью, внемли моему совету. Слова мои тебе на благо, поверь мне и обуздай свой гнев. Живи в мире с сыном царя Кошалы, не ссорься с ним, доблестью он равен Индре. Такими мудрыми словами вразумляла Тара своего мужа Бали, но он не пожелал ее слушать и, влекомый судьбой, пошел навстречу смерти.

Глава 16

Рама наносит смертельную рану Бали

Лишь только прекрасная Тара, с сияющим как луна лицом, замолчала, Бали с упреком ответил ей:

– Разве могу я вынести, когда мой брат самый большой мой враг бросает мне гневный вызов, о красивая женщина? Воистину храбрый воин, не привыкший сносить оскорбления, и никогда не показывавший спины в сражении, о робкая, предпочтет смерть бесчестью. Я не могу пренебречь малодушным Сугривой, который в своей решимости сражаться бросил мне наглый вызов. Не бойся за меня относительно Рагхавы, потому что он постиг законы дхармы и благочестив по природе. Разве он допустит ошибку? Возвращайся домой со своими спутницами! Зачем дальше провожать меня? Ты достаточно проявила свою нежную преданность мне! Я должен отправиться на битву с Сугривой, держи себя в руках. Я накажу его наглость, но пощажу жизнь. Я вступлю с ним в схватку, раз он этого хочет, и он бежит от моих кулаков и древесных стволов, которые я обрушу на него. Этот трус не устоит перед моей силой и доблестью. О Тара, ты слишком далеко проводила меня и выразила свою любовь, теперь довольно, возвращайся. Встреча с братом на поле сражения сулит мне удовлетворение. Я вернусь к тебе с победой, клянусь своей жизнью и

родом! Добродетельная Тара обняла Бали и с нежными словами, плача, справа обошла вокруг него. Прощаясь с ним, она по традиции прочла священные мантры, чтоб он вернулся с победой и удалилась в свои покои разбитая горем. Лишь только Тара с другими женщинами скрылась во дворце, Бали, охваченный гневом, покинул город, шипя как великий змей. Полный ярости, тяжело дыша, он бежал со всех сил, жадно оглядываясь по сторонам в поисках противника. Наконец он увидел могущественную обезьяну, золотистого Сугриву в превосходных доспехах, уверенного в себе, сияющего как огонь. Глядя на брата, распираемого гордостью, Бали потуже затянул пояс, вспыхнув невиданным гневом. Сжав кулаки, полный сил, он вышел навстречу Сугриве, готовый к битве. Сугрива тоже с удвоенной от гнева силой пошел на брата, увенчанного золотой короной. Бали обратился к Сугриве, чьи глаза покраснели от гнева, искусному воину. Готовому наброситься на него:

– Этими сжатыми кулаками я награжу тебя ударами, от которых ты расстанешься с жизнью! Сугрива побледнел от гнева и ответил:

– Это я вскрою тебе череп, чтобы дыхание жизни покинуло тебя! Отражая атаку Бали, он яростно набросился на него, весь истекая кровью словно гора – весенними потоками. Невозмутимый Сугрива вырвал с корнем дерево шала и обрушил его на своего противника, как молния вонзается в горную вершину. Удар этот лишил Бали присутствия духа, он походил на перегруженный корабль, тонущий в волнах. Оба сильные и проворные как Супарна, братья сражались как два огромных великана, напоминая солнце и луну в небе. Каждый из них искал в противнике слабое место. Бали обладал огромной силой и доблестью, тогда как сын Сурьи, Сугрива, несмотря на всю свою силу, был слабее, и мужество его стало спадать, он перестал хвастать и разгневанный братом, дал знак Рама. Они вырывали деревья, и непрерывно награждали друг друга крепкими ударами кулаков, коленей и ног. Эта ожесточенная битва напоминал сражение Вритры с Индрой. Обе обезьяны, жители леса, истекали кровью в этом сражении и напоминали два грозных облака, с великим грохотом сталкивающиеся друг с другом в небесах. Рама наблюдал за изнуренным Сугривой, царем обезьян, который пристально вглядывался в горизонт, не прекращая боя, и, видя, что он уже на грани поражения, извлек свою стрелу, чтобы убить Бали. Великий герой натянул свой лук, вложил в него стрелу, напоминающую ядовитую змею, и замер готовый выпустить ее, словно бог смерти, поднявший колесо времени. Звон его тетивы навлек ужас на птиц и диких зверей и они бросились бежать, словно вселенной пришел конец. Огромная и сияющая стрела Рама, громом огласившая небеса, пронзила грудь Бали. От этого смертельно удара могущественный и доблестный царь обезьян повалился наземь, словно безжалостно брошенный в полнолуние стяг Индры. Разбитый и обессиленный Бали распростерся на земле, его душили рыдания. Могущественный Рама выпустил огромную яростную, смертоносную стрелу, которая сияла как золото и казалась самым временем в миг уничтожения мира и в своем полете напоминала дым, исходящий из огнедышащих уст Хары. Истекая кровью, словно цветущее дерево ашока на склоне горы, Бали, сын Васавы, без чувств лежал на поле сражения, словно сломленный стяг Индры.

Глава 17

Бали упрекает Раму

Сраженный стрелой Рама, отважный герой в украшениях из чистого золота неподвижно лежал на земле, словно дерево срубленное топором. Скорбя о падении царя обезьян, земля погрузилась во тьму, казалось небеса лишились луны. Раненный Бали на краю смерти не утратил своей красоты и дыхание жизни, мужество не изменило ему, потому что золотое ожерелье Индры хранило жизнь, служило источником силы и красоты повелителя обезьян. С золотым ожерельем на шее героический царь выглядел как вечернее облако, слегка порозовевшее в сумерки! В ожерелье, со стрелой, пронзившей сердце, даже поверженный он сиял тройной славой. Стрела, выпущенная доблестным Рамой, который своей добродетелью открывает путь на небеса, даровала Бали высшее освобождение. Рас-

простершись на поле сражения, словно загасающий огонь, он напоминал Яяти, низвергнутого с божественной обители, когда истек запас его благочестия. Сын могущественного царя лежал, словно солнце, по воле времени падающее на землю в конце творения, неприступный как Махендра, недостижимый как Упендра, с золотым ожерельем на шее, широкой грудью, огромными руками, воспаленным ртом и диким взглядом. Рама и Лакшмана, устремив на Бали взор приблизились к этому воину, лежащему на земле, словно гаснущее пламя. Полные почтения к этому герою два доблестных брата Рама и Лакшмана медленно приближались к нему. Заметив их, мужественный Бали заговорил резко, но с виду сдержанно и справедливо. Утративший свое сияние, смертельно раненный, неподвижный, он гордо обратился к этому воину с исполненными глубокого смысла речами:

– Какое благо надеялся ты обрести, стреляя мне в спину? Ты нанес мне смертельную рану, когда я сражался с другим противником! Добродетельный Рама славится своим благородством, щедростью и доблестью. Он сострадателен, предан благу всего живого, верен долгу, милостивый, всемогущий, сведущий в правилах поведения и аскетизме – весь мир поет тебе славу за твои заслуги! Невозмутимость, снисходительность, щедрость, целеустремленность, доброжелательность и героизм отличают праведных царей, о Рама, они избегают совершать злодеяния. Помня об этих добродетелях и веря, что ты обладаешь ими, я вышел сражаться с Сугривой. Даже не зная тебя, я был убежден: «Пока я, полный гнева, сражаюсь с другим противником, он не нападет на меня». Теперь я вижу, что ты злобное создание с личиной благочестия, как колодец, поросший травой, у тебя нет ни капли веры, ты творишь зло. С виду добродетельный и честный ты в действительности негодяй, как огонь, сокрытый пеплом, но я узнал тебя под маской добродетели. Я никогда не разорял твоих земель, города, не наносил тебе оскорбления. Почему же ты убил меня, невинного, питающегося лишь фруктами и кореньями, обезьяну, живущую в лесу, которая никогда не искала битвы с тобой, но сражалась с другим противником? Ты – сын царя, с виду добрый, вызывающий доверие, но что еще страшнее – ты носишь личину святости! Кто среди воинского сословия, познав добро и зло, облачившись в одежды праведного человека, совершит такое злодеяние? Ты родился в династии Рагху и все прославляют твои добродетели, как же ты в одеждах аскета оказался здесь? Хладнокровие, великодушие, воздержанность, справедливость, щедрость, верность и мужественность отличают царя, о Рама, а также отпущение заслуженного наказания. Мы живем в лесу, о Рама, мы – дикие животные, которые питаются кореньями и фруктами, но ты человек, о царевич! Земля, золото и красота вызывают распри, но здесь в лесу кто будет завидовать нашим фруктам и кореньям? В мирских или духовных вопросах, вознаграждая или наказывая, царь должен целиком быть предан интересам государства, не идя на поводу своих желаний, но ты пребываешь во власти страстей. Раздражительный, беспокойный, поправший царский долг, твой единственный и излюбленный ответ – это лук! Тебе неведом путь долга, как безразличны нужды людей. Раб страсти, ты позволил чувствам овладеть тобой, о царь людей. По приказу ты убил меня, хотя я никогда не причинял тебе зла! Что ответишь ты добродетельному собранию, совершив столь предосудительный поступок? Убийца царя, брахмана, коровы, вор, человек, наслаждающийся чужими страданиями, безбожник, человек, женившийся раньше старшего брата – все эти грешники идут в ад. Доносчик, скупец, убийца друга или осквернитель постели гуру несомненно низойдет в обитель злодеев!

Непозволительно благородным облачаться в мою шкуру или есть мое мясо, если они следуют традициям. Только пять видов животных, у которых по пять когтей на каждой лапе дозволены в пищу брахманам или воинам, которые питаются мясом, о Рама. Это дикобраз, еж, черепаха, заяц и игуана. О Рама, достойный человек не притронется к моей шкуре, костям или мясу! Увы! Я не послушался Тару дальновидную и благоразумную, которая дала мне добрый совет, безрассудный, во власти судьбы, я пренебрег ее словами. О Какутстха, подобно добродетельной женщине, вышедшей замуж за безбожника, земля осталась без защитника, имея тебя своим царем. Как мог ты родиться у великодушного Дашаратхи, лживый, вредный, с злым сердцем, вероломный? Выйдя из себя, поправ закон

добродетели и справедливости, могучий как слон Рама, сразил меня. Опустившийся до такой подлости, осуждаемый мудрыми, что ты скажешь, представ перед ними? Я не вижу, чтобы ты проявлял такую же доблесть в борьбе со злом, какую явил сейчас, сражаясь с теми, кто никогда не был тебе врагом. Если бы ты сразился со мной в открытом бою, о царевич, ты бы встретил свою смерть. Ты сразил меня, еще не ведавшего поражения, когда я не знал о твоём присутствии, как змея укусившая спящего человека. Ты орудие зла. Ты убил меня, чтобы доставить удовольствие Сугриве. Если бы ты раскрыл мне свою цель, в тот же день я бы вернул тебе Ситу, и более того, повергнув Равану в сражении, я бы отдал твоей власти этого злобного похитителя. Я бы привел тебе Ситу даже со дна моря или из ада, подобно Вишну, который вырвал Веды из рук похитившего их Хаягривы. Сугрива мог законно занять трон после моей смерти, но сейчас он добыл его превратным путем, поскольку ты выпустил стрелу мне в спину. Смерть неизбежна в этом мире, чтобы я скорбел о ней, но как ты объяснишь свое поведение по отношению ко мне? Так говорил царь обезьян с пронзенной грудью и искажившимися чертами, глядя на сияющего как солнце Раму.

Глава 18 Рама отвечает Бали

С осуждением и резкостью в голосе говорил с Рамой смертельно раненный Бали, и речи его были продиктованы чувством долга и несбывшимися надеждами. Словно погасшее солнце, иссякшее облако или истлевший огонь, знаменитый царь обезьян, справедливый и рассудительный сурово поносил Раму, который обратился к нему с такими словами:

– О Бали, почему ты ругаешь меня как ребенок, тебе неведомы исполнение долга, польза и общественные нормы? (1.210) Не посоветовавшись со старшими, которых испытывают уважение к брахманам, в своем обезьяньем безрассудстве, ты осмелился обратиться ко мне подобным образом, хотя я благожелательно расположен к тебе. Эти земли принадлежат роду Икшваку вместе с горами, лесами и реками вместе с населяющими их животными, птицами, людьми. Ими правит добродетельный Бхарата, верный долгу и постигший закон, праведными способами добывающий богатства и по праву наслаждающийся властью, всегда наказывающий злодеев и вознаграждающий добродетельных. Царь призван совершенствоваться в управлении государством, он должен утвердиться в добродетели, быть доблестным и правильно оценивать время, место и сложившиеся обстоятельства. Мы, другие царевичи, исполняем его праведные приказы и обходим всю землю, желая поддержать закон. Кто осмелится сотворить несправедливость, когда миром правит всегда беспристрастный Бхарата, лев среди людей? Исполняя свой высший долг и послушные воле Бхараты, мы законно положили конец греху. Ты попрал справедливость, и вел себя предосудительно, страсть вела тебя, и ты сошел с пути праведных царей. Человек, идущий путем добродетели, относится к старшему брату, отцу или учителю, наставляющему в мудрости, одинаково почтительно. Праведность требует, чтобы к младшему брату, сыну или добродетельному ученику относились как к родным детям. Даже для добродетельных долг – это святое, ему не легко следовать, и лишь душа, пребывающая в сердце, знает что истинно. О беспечная обезьяна, тебя окружают безответственные советники, не владеющие собой. Чему ты мог научиться у них, когда один слепец ведет другого? Я говорю с тобой откровенно. Ты не имеешь право упрекать меня за мой гнев. Узнай теперь, почему я сразил тебя. Ты вел себя вопреки духовного закона. При живом Сугриве вступил в супружеские отношения с Румой, твоей невесткой. О негодяй, в угоду своей страсти, ты попрал закон праведности и, поскольку ты был непочтителен с женою брата, возмездие настигло тебя. Я не вижу иного пути остановить того, кто поступает вопреки интересам своих подданных, не следует закону, но нарушает его, о царь обезьян! Будучи воином знаменитого рода, я не в силах терпеть твоих злодеяний. Человек, охваченный похотью к дочери, сестре или невестке, карается смертью. Это закон! Поскольку Бхарата яв-

ляется верховным монархом, мы исполняем его волю. Можешь ли ты, преступив закон, избежать наказания? Царь справедливо наказывает преступника. Бхарата пытается пресечь распущенность, и мы, исполняя его волю, призваны установить справедливость среди тех, кто подобно тебе преступил закон, о царь обезьян. Сугрива, мой друг, такой же как и Лакшмана. Он заключил со мной дружественный союз, чтобы вернуть свою жену и царство. Я дал слово в присутствии его советников. Как человек, подобный мне, откажется от принятых обязательств? По всем этим законным причинам ты сам можешь оценить, заслуженно ли ты наказан. Это полностью справедливо, ты вынужден будешь признать, и более того, человек должен помочь другу, который верен долгу. Ты бы поступил также, если бы следовал закону. Два стиха Ману целиком посвящены этим правилам поведения, и, постигшие закон, хорошо знают их. Я верен им. «Люди, совершившие ошибку и подвергшиеся наказанию, наложенному царем, полностью смывают с себя это пятно и возносятся на небеса, подобно добродетельным людям, совершавшим благожелательные поступки. Вор может быть наказан или прощен, но царь, не пресекший порок, принимает на себя его вину». Мой достойный предок Мандхата вынужден был пострадать за грех монаха, подобный твоему, который он простил. Другие монархи тоже по глупости совершали ошибки, но они подвергали себя суровой аскезе. Только таким путем можно обуздать страсть. Но довольно взаимных обвинений! Духовный закон приговорил тебя к смерти, о лев среди обезьян, мы действуем не из личных порывов. Услышь еще одну причину, о доблестный тур среди обезьян. Осознав ее глубокий смысл, ты больше не будешь упрекать меня. Я действовал не из прихоти, поспешности или в гневе. В ловушки, сети и петли всех видов, открытые взору или спрятанные, попадают бесчисленные дикие животные, когда разбегаются в страхе или безбоязненно наступают в них. Охотники, питающиеся плотью, безжалостно преследуют свою обезумевшую от страха жертву, целясь ей в спину, и можно ли их осуждать за это? В этом мире даже царственные риши, верные своему долгу, развлекаются охотой. Вот почему одной стрелой я убил тебя, когда ты сражался со своим братом, о обезьяна. Неважно, вступил бы ты со мной в сражение или нет, поскольку ты не более чем обезьяна. Несомненно есть цари, которые живут по неписанным законам и счастливы в жизни, о лучший из обезьян! Не следует их упрекать, непочтительно к ним обращаться или пренебрегать ими. Это боги, принявшие человеческий облик и живущие на земле. Но ты, нарушая закон, одержимый гневом, оскорбил меня, твердо устанавливающего традиции моих предков. С глубокой скорбью слушал Бали Раму, не пытаюсь более ослабить сына Рагху, он уяснил себе преподанный Рамой урок исполнения долга. С почтительно сложенными ладонями царь обезьян отвечал:

– Конечно же, о лучший среди людей, ты изрек истину! Обычному смертному непозволительно возражать выдающейся личности. В силу невежества я был непочтителен с тобой. Не держи зла против меня, о Рагхава, ты постиг суть вещей и предан всеобщему благу. В чистоте своей не потревоженной мысли ты ясно видишь связь причины и следствия. О Рама справедливых речей, верный долгу, даруй мне освобождение, падшему, преступившему закон. Бали душили рыдания, он стонал, с трудом выговаривая слова, глаза его были прикованы к Раме, он напоминал слона, тонущего в болоте. – Я не беспокоюсь о себе, Таре или моих родственниках, но меня волнует судьба моего добродетельного сына Ангады, украшенного золотыми браслетами. Потеряв меня, несчастный мальчик, с детства взлелеянный в любви и радости, будет изнывать от горя, словно высохшее озеро. Он еще совсем юн и не зрел. Это мой единственный сын, он очень дорог мне. Его мать Тара, о Рама. Прошу, покровительствуй могущественному Ангаде. Яви свою безграничную доброту Сугриве и Ангаде, стань их защитником и наставником, о постигший законы праведности. Заботься о Сугриве и Ангаде, как о Бхарате и Лакшмане. Смотри, чтобы Сугрива не вымещал на дальновидной Таре обиды за совершенные мною грехи, или был неуважителен к ней. Пусть он правит царством под твоей защитой, прислушиваясь к твоим советам, он будет счастлив, как на земле так и на небесах. Я же не внял совету Тары и, желая принять смерть от твоей руки, вступил в сражение с моим братом Сугривой. Усми-

ривший свой, дух царь обезьян замолчал. Рама стал утешать Бали, который еще пребывал в полном сознании и разговаривал с ним слабым голосом. Объясняя суть духовной и мирской мудрости, он сказал:

– Не беспокойся о нас или о себе, о лучший из обезьян. Нам известен наш долг, особенно в том, что так заботит тебя. Тот, кто наказывает виновника, и несущий наказание, связаны законом причины и следствия, и потому избегают греха. Преисполненные благодарности за наказание, которое освобождает от всех пороков, они такой ценой возрождают былую безукоризненную чистоту. Отбрось горе, смущение и страх, которыми полно твое сердце. Тебе не избежать судьбы, о царь обезьян. Ангада будет для меня или для Сугривы таким же родным сыном, каким был для тебя. Не сомневайся! Великодушный Рама, бесстрашный в бою говорил мягко и милостиво, слова его были праведны, и Бали, житель лесов, смиренно отвечал:

– Мой разум помутился, когда ты сразил меня стрелой, я оскорбил тебя, не ведая. Что творю, о повелитель, доблестью равный Махендре! Будь доволен и прости меня, о истинный правитель обезьян!

Глава 19 Горе Тары

Могущественный царь обезьян, лежащий на земле с пронзенной грудью, больше не отвечал на рассудительные слова Рамы. Раздавленный скалами, разбитый деревьями, которые Сугрива обрушивал на него, пронзенный стрелой Рамы, в преддверии смерти потерял сознание. Тара, услышав горестную весть, что Бали сражен стрелой Рамы в битве и умирает, с тяжелым сердцем поспешила выйти из пещеры в скале вместе со своим сыном. Однако обезьяны, сопровождавшие Ангаду, в страхе бросились бежать, увидев Раму с луком в руках. Глядя на разбегающихся в ужасе обезьян, словно Рама уже выпустил в них свои стрелы, и напоминающих ланей, которые потеряли своего вожака, Тара собрала их, подавив в сердце горе, и сказала:

– О обезьяны, вы слуги великого монарха, почему же вы бежите, забыв обо всем на свете? Разве не из-за трона пал Бали, сраженный своим злобным братом? Рама издали выпустил свою разящую стрелу! Обезьяны, которые могли по своей воле менять облик, в один голос достойно отвечали супруге Бали:

– О Тара, мать живого сына, возвращайся домой и защити Ангаду! Смерть в облике Рамы сразила Бали и унесла его прочь. Бали пал под градом деревьев и скал, стрелы, подобные молнии, сразили его. Увидев поверженным этого льва среди обезьян, могуществом не уступающего Индре, вся армия обезьян обратилась в бегство. Пусть воины защитят город и возведут Ангаду на трон! Обезьяны будут послушны сыну Бали, который займет его место. Если это не встретит твоего одобрения, о прекрасная женщина, тогда обезьянам придется искать другую неприступную обитель. У одних жителей леса нет жен, а другие женаты, но мы боимся тех, кто подобно Сугриве, лишился своих жен, но продолжает жаждать их. Тара с достоинством отвечала:

– Поскольку муж мой, лев среди обезьян, умирает, к чему мне сын или все царство? Я буду искать прибежища у стоп великодушного героя, которого Рама убил одной стрелой! С этими словами, охваченная горем, обеими руками била себя в грудь и по голове, она бросилась к Бали и скоро увидела своего господина, распростертого на земле, лучшего воина среди обезьян, который никогда не показывал спины в бою. Срывавший огромные горы, подобно Индре, насылающему яростные молнии в бурю, ревевший, словно великая гряда грозных облаков, доблестью равный Индре, теперь этот герой с пронзенной грудью лежал на земле, подобно вожаку антилоп, ставшему жертвой тигра, или тайному жертвеннику, который Супарна забросил вместе со стягами и алтарями из-за змеи. Неожиданно Тара увидела могущественного Раму, который, опираясь на свой лук, стоял вместе со своим младшим братом и братом ее господина. Вне себя от горя она приблизилась к мужу,

который лежал на поле боя, и упала наземь. Через мгновение она поднялась, словно очнувшись от сна. Увидев своего господина со смертельной петлей на шее, Тара с рыданиями в голосе закричала:

– О царь! Ее сиротский душераздирающий вопль и появление Ангады глубоко тронули Сугриву.

Глава 20 Плач Тары

Верная супруга Бали, с прекрасным как луна лицом, склонилась над своим господином, который лежал на земле с пронзенной грудью и обняла его. Глядя на Бали, который походил на раненного слона, могучего как огромная гора или вырванное с корнем дерево, Тара дала волю своей скорби и запричитала:

– О доблестный воин! О герой! О лучший среди обезьян! Из-за моей недавней назойливости сейчас ты не хочешь говорить со мной! Поднимись, о лев среди обезьян, и взойди на мягкое ложе! Великие монархи, подобные тебе не спят на голой земле. Или земля тебе стала дороже всех, если даже умирая, ты не покидаешь ее и пренебрегаешь мной? Нет сомнений, о воин, что благодаря своим великим подвигам, ты создашь в раю другую, еще более славную Кишкиндху! Счастью, которое мы однажды вкусили в лесах и ароматных беседках, теперь пришел конец. Я лишилась всех радостей и надежд и погрузилась в океан печали, потому что ты, о царь царей, навеки покинул меня. Мое сердце, должно быть, сделано из камня, если, видя тебя распростертым на земле, оно не разорвалось еще на тысячи кусков от горя. Ты похитил супругу Сугривы, а его изгнал в лес. Сейчас ты искупаешь вину за этот двойной грех, о царь обезьян! Желая тебе блага, я обращала к тебе бесполезные упреки. Стремясь служить тебе, я дала мудрый совет, о Индра среди обезьян! Теперь, о горделивый повелитель, обманутый юной и соблазнительной красотой небесных апсар, ты волнуешь их сердца. Неумолимая судьба положила сегодня конец твоей жизни. Недостигаемый и непобедимый для Сугривы, сегодня ты покоришься его власти! Без причины сразив Бали, занятого в другом сражении, Какутстха не испытывает раскаяния, хотя поступок его достоин порицания. Отныне мне, лишившейся поддержки, не ведающей ничего кроме печали, несчастной, выпала вдовья доля. Что ждет Ангаду, которому я отдала всю свою нежность, доблестному юному царевичу, привыкшему к роскоши? Теперь он будет жить на милости своего дяди, который пылает гневом против нас! О мой возлюбленный сын, взгляни еще раз на своего добродетельного отца! Скоро ты навеки простишься с ним! И ты, о радость нашего сына, дай ему совет, обними напоследок, прежде чем ты отправишься в свой последний путь! Несомненно, Рама совершил великий подвиг, сразив тебя, но он не понесет наказания, потому что исполнял волю Сугривы. О Сугрива, ликуй, без помех наслаждайся со своей женой Румой, правь царством, твой брат, твой неизменный противник, умирает от смертельной раны. Но ты, о мой возлюбленный, почему ты не отвечаешь на мои стенания? Взгляни, многочисленные прекрасные жены окружают тебя, о царь обезьян. Слушая причитания Тары, те несчастные женщины, прижимая к себе Ангаду, жалобно плакали, оглашая своими воплями лес. Тара вновь заговорила:

– О герой с могучими руками, униженными браслетами, как можешь ты покинуть Ангаду, не уступающего тебе в добродетели, целеустремленного и прекрасного, и отправиться в свой последний путь? Если я случайно оскорбила тебя, о длиннорукий герой, прости меня! О глава обезьяньего рода, я кладу голову к твоим стопам! Тара и другие царицы горестно оплакивали своего мужа. Необычайной красоты женщина решила умереть голодной смертью, лежа на земле, близ Бали.

Глава 21 Речь Ханумана

Хануман попытался мягко утешить Тару, которая лежала на земле, словно звезда, упавшая с небес:

– После смерти мы пожинаем плоды своих деяний, совершенных под влиянием добродетели или порока, неважно хорошие они или нет. О несчастная, о ком ты плачешь? О ком скорбишь? О чьей жизни, что подобна пузырьку после дождя, должно горевать? Отныне юный Ангада станет предметом твоих забот, потому что у тебя никого больше не осталось, ты должна посвятить себя ему и служить его благу. Ты знаешь, как изменчива удача всех живых существ, ты призвана совершать благородные деяния, зная в чем твой долг, чуждая обыденности! Судьба Бали, под началом которого жили сотни и тысячи обезьян, решена. Поскольку он следовал закону и славился своей беспристрастностью, великодушием и терпением, теперь он будет жить среди добродетельных победителей. Зачем тебе оплакивать его? О безупречная, теперь ты будешь покровительствовать всем вожакам обезьян, своему сыну и этому царству обезьян и медведей. Постепенно утешь Сугриву и Ангаду, пребывающих в горе, опекай их, о прекрасная женщина, пусть Ангада правит землей. Царевич должен жить будущим и помнить о прошлом, это воля судьбы. Ангада должен стать царем обезьян и принять помазание. Увидев своего сына на троне, ты вновь обретешь умиротворение в сердце. Тара, сердце которой разрывалось от горя, отвечала Хануману, стоявшему рядом:

– Сотням таких сыновей как Ангада я предпочла бы лечь рядом с этим героем. Я не способна управлять обезьянами или своим сыном. Эта обязанность ложится на его дядю Сугриву. О Хануман, не в моей власти даровать царство Ангаде. Истинно родным и близким сыну по линии отца становится дядя, который относится к нему как второй отец, а не мать, о лучший из обезьян. В этом мире или в следующем для меня лучше принять прибежище у моего господина, царя обезьян. Мне достаточно разделить ложе этого героя, который пал перед лицом врага.

Глава 22 Последние слова Бали

Бали, едва дыша и слабо вздыхая, обвел кругом мутнеющим взором и узнал своего младшего брата Сугриву, стоявшего над ним. Ясно и с любовью он обратился к нему, своей победой завоевавшему власть над обезьянами:

– О Сугрива, не держи на меня зла, роковое безрассудство влекло меня. Мне кажется, о друг мой, нам не суждено было жить в мире. Хотя дружба обычно связывает братьев, у нас все сложилось иначе. Отныне ты будешь править царством обезьян, а я со спокойной душой покину этот мир и отправлюсь в обитель смерти. В один миг я оставляю не только жизнь, царство и великое процветание, но и не запятнанное имя. В этот особый час я взываю к тебе, и как бы не было тебе трудно, ты должен простить меня, о доблестный царевич. Взгляни на Ангаду, распростертого на земле с лицом, умытым слезами! Он достоин счастья и возвращен в роскоши, это ребенок, у которого нет ничего кроме радостей детства. Защищай его от всех опасностей, это мой сын, которым я дорожил больше жизни. Я родил его и теперь покидаю, хотя он не заслужил такой участи. Стань ему отцом, покровителем и защитником при всех обстоятельствах, в любой опасности будь ему прибежищем, словно родной отец, о царь обезьян! Сын Тары, удачливый царевич, Ангада, равный тебе в доблести, превзойдет тебя в борьбе с демонами. Юный и отважный Ангада явит подвиги доблести, достойные моего сына. Далее, когда Тара, дочь Шушены, провидица, которой открыто будущее, скажет тебе: «Делай это, это истинно», – безотлагательно исполни ее волю. Дело не в предчувствиях Тары, а в неизбежности судьбы. Что бы не предложил тебе Рагхава, решительно исполни. Тебе нельзя ослушаться его, он накажет тебя за это. Возьми эту золотую цепь, о Сугрива. Славная Шри, которая живет в ней, покинет ее с моей смертью (1.221). Полные братской любви, слова Бали лишили Сугриву радости победы, он преисполнился печали, словно луна во время затмения. Примеренный с Бали и озабочен-

ный будущим, он уступил просьбе брата и взял золотую цепь. Передав знак царской власти, Бали перед смертью взглянул на своего сына Ангаду, который стоял над ним, и сказал с нежностью:

– Поступай согласно времени и месту. Хладнокровно встречай как радость, так и боль. В счастье или в печали – всегда будь послушен Сугриве. Несомненно, о длиннорукий воин, я нежно любил тебя, но ты не должен жить, ожидая уважения со стороны Сугривы. Не дружи с его недругами, о повергающий своих врагов! Будь верен Сугриве, своему господину, и, всегда владея собой, служи его интересам. Ни к кому не привязывайся излишне и не испытывай презрения, крайности чреваты большими ошибками, и потому всегда придерживайся золотой середины. С этими словами, невыносимо страдая от стрелы, с широко раскрытыми глазами и стиснутыми зубы Бали скончался. С уходом царя великий шум поднялся среди обезьян, жители леса, они дали волю своей скорби:

– Теперь Кишкиндха превратилась в пустыню, царь обезьян удалился на небеса! Его сады стали такими же дикими, как горы и леса. Ушел лев среди обезьян, жители леса лишись былой славы! В течение десяти лет без перерыва, а потом еще пять лет, он жестоко сражался со знаменитым и длинноруким гандхарвой Голабой. Эта страшная битва не прекращалась ни днем ни ночью. На шестнадцатый год глупый Голаба пал под ударами Бали. Но теперь пал и тот, кто защищал нас от всех опасностей! Возможно ли это? Со смертью доблестного царя обезьян лесные жители не найдут спасительного прибежища, подобно коровам в лесу, кишасщем львами! От этих стенаний Тара, охваченная горем, взглянула в лицо своего почившего господина и упала наземь, обнимая Бали, как лиана, прильнувшая к вырванному с корнем дереву.

Глава 23

Тара оплакивает тело Бали

С любовью обняв родное лицо Бали, Тара, известная на весь мир, заговорила со своим умершим супругом:

– Не вняв моему совету, о воин, ты распростерся на грубой, твердой, каменной земле. Неужели ты отдал свою любовь земле вместо меня, раз теперь обнимаешь ее, а со мной не говоришь ни слова? Увы! Судьба улыбнулась доблестному Сугриве, чьи благородные подвиги стяжали ему славу героя. Вожаки медведей и обезьян отдавали дань почтения твоей доблести! Пробудись ото сна, разве ты не слышишь горестных воплей своего народа, несчастного Ангады и мои? Убитый в бою, ты спишь на твердой земле, как прежде спали твои враги, не выдержавшие силы твоих ударов. О мой возлюбленный, ты потомок известного и героического рода. Развлекавшийся войной, сейчас ты ушел, оставив меня одну, без защиты, о горделивый монарх! Мудрый человек никогда не отдаст свою дочь в жены воину. Будучи женой кшатрия, я на краю смерти стала вдовой. Гордыня моя сломлена, с этого часа путь спокойной, обеспеченной жизни закрыт для меня. Я утонула в океане горя, без дна и берегов! У меня камень вместо сердца, если оно не разорвалось на тысячи кусков, когда я увидел моего господина мертвым! Мой друг, мой повелитель, бесконечно дорогой мне, этот герой, павший на поле чести под ударами более сильного противника, покинул меня! Женщина, потерявшая мужа, даже имя сына или богатства, остается вдовой, так говорят мудрые. О герой! Ты лежишь в крови, которая течет из твоих разбитый членов, как прежде лежал на алом шелке своего мягкого ложа. Пыль и запекшаяся кровь покрывают тебя, и я не могу прикоснуться к тебе, о тер среди плавагов. Сегодня Сугрива добился желанной цели, ради которой вызвал тебя на этот роковой бой. Одна стрела, выпущенная Рамачандрой, освободила его от страха. Стрела, разорвавшая тебе грудь, теперь мешает мне обнять тебя, и мне остается только смотреть на твое тело. В этот момент генерал Нала вытащил из трупа стрелу, которая напоминала рассерженную змею, выползшую из пещеры, и поблескивала, как солнце, озарившее горную вершину. Тут же потоки крови с новой силой хлынули из раны, словно воды реки, окрашенные песчани-

ком, вымытыми из горы. Тара, вытирая пыль сражения, который был испачкан Бали, омыла своими слезами тело своего храброго господина, с любовью глядя на него, растерзанного стрелой Рамы и истекающего кровью. Затем она обратилась к сыну Ангаде, который стоял рядом с покрасневшими глазами:

– Взгляни на горестную конец своего отца, о сын мой! Как он трагичен! Это плод враждебности, порожденной вероломством! Это тело, сиявшее, как восходящее солнце, отныне принадлежит царству смерти. Обними гордого монарха, о сын мой! Поднявшись, Ангада сжал в круглых ладонях стопы своего отца и сказал:

– Это я, Ангада! Прежде, когда я обнимал тебя, ты говорил: «Живи долго, о сын мой», – почему же теперь ты молчишь? – Я стою у твоего безжизненного тела, как корова с теленком, лишившаяся быка, убитого львом! Я не вижу на тебе прославленной золотой цепи, подаренной тебе царем богов, довольным победой над асурами, почему? Ты не должен был снимать знаки царской власти даже после смерти, о гордый монарх, потому что царь гор продолжает сиять даже после захода солнца. Ты внял моему мудрому совету, и не в моих силах было остановить тебя. Твоя смерть на поле боя приблизила нашу с сыном смерть. Богиня процветания покинула нас обоих, тебя и меня! (1.224)

Глава 24 Печаль Сугривы

С глубокой скорбью взирал младший брат Бали на Тару, погруженную в бездонный океан горя. Трагический конец брата потряс Сугриву, лицо его было мокрым от слез. К ним медленно приблизился Рама, окруженный своими спутниками. Рагхава, отмеченный всеми знаками царственности, полный достоинства и величия, держал в руках лук и стрелы, напоминавшие змей. Сугрива обратился к нему:

– Ты исполнил данное слово, о царь людей! Посреди моего триумфа, о царевич, перед лицом смерти дух мой трепещет. Царица так жалобно оплакивает смерть монарха, город погружен в скорбь, и Ангада пребывает во власти горя. Из-за всего этого царские одеяния не радуют меня. Сначала в силу гнева, негодования и досады я страстно желал смерти брата, но, увидев царя обезьян мертвым, великая печаль охватила меня, о Рама. Теперь ясно, что мне следовало продолжать жить на величественной горе Ришьямука, а не убивать брата. «У меня нет желания лишать тебя жизни! Убирайся прочь!» – такие слова бросил мне великодушный воин. Слова эти достойны его, о Рама, и я, убив его, совершил низкий поступок. Даже лишившийся добродетели не одобрит смерти брата или счастья царствования ценой его смерти и страданий, которые она несет. Несомненно, у не было желания убивать меня, это была великая душа, но я по своей порочности лишил его жизни. В бою, когда я отступил под ударами деревьев, которые он обрушил на меня, он еще раз уверил меня: «Не повторяй своего бесстыдства, уходи отсюда!» Он был полон братской любви, благородства и справедливости, тогда как мною двигали лишь гнев, зависть и обезьянья природа. Я проявил все нежелательные чувства, желания и поведение, которые нужно гнать из своей головы, убив своего брата, это преступление, подобное тому, когда Индра убил Вишварупу. Но вину Индры разделили земля, деревья, воды и все женщины. Однако кто разделит мою вину? Кто захочет нести бремя сына лесного племени? Я не достоин ни уважения народа, ни царства, совершив столь бесславный поступок, повлекший за собой гибель моего сородича. Я совершил низкий и позорный шаг, осуждаемый всем миром. Всепоглощающая печаль наполняет меня, как проливные дожди заливают равнину. Я раздавлен, словно берег реки, растоптанный бешеным слоном, спина и хвост которого – это убийство моего единокровного брата, а туловище, глаза, бивни и голова – угрызения совести, овладевшие мною. Бремя этого греха нестерпимо, о царевич, о сын династии Рагху, он разрушил все лучшее, что было в моем сердце, как огонь уничтожает золото, оставляя только окал. Общество великих вожаков обезьян, о царевич, наполовину мертво из-за моей ошибки, а также из-за неистового горя Ангады. Сына легко обрести, но

редко встретишь такого покорного, как Ангада. Однако где в мире найдешь родного брата, о герой? Если Ангада, лучший среди воинов, и мать его выживут сегодня, Тара, превозмогая горе, обязательно позаботится о нем, потому что без сына просто погибнет. Я же войду пылающий погребальный костер, чтобы вернуть любовь своего брата и его сына. Вожаки обезьян отправятся на поиски Ситы, как только ты повелишь им. О сын правителя земли, я, разрушитель своего рода, не достойный жизни из-за совершенного греха, просит у тебя прощения, о Рама! От этих слов несчастного Сугривы, брата Бали, Рама, благородный потомок Рагху, заплакал. Повергавший вражеские армии Рама был глубоко взволнован. Озираясь по сторонам, Рама, покровитель мира, опора земли, увидел Тару, стонущую под бременем горя. Царица правителя обезьян с прекрасными глазами лежала рядом со своим господином, положив на него руки. Потом советники подняли доблестную супругу Бали, и она, трепеща в разлуке со своим господином, увидела Раму, сиявшего как солнце, который стоял с луком и стрелами в руках. Тара с глазами лани узнала этого царственно-го, большеглазого царевича, которого никогда прежде не видела, и подумала: «Это Какутстха!» Благородная и несчастная женщина неуверенной походкой приблизилась к герою, равному Индре, неприступному и всемогущему. Почтенная и прекрасная Тара, изнуренная горем, обратилась к чистосердечному Раме, своей доблестью сразившему ее мужа:

– Ты наделен неизмеримым мужеством, неприступен, уравновешен и исполнен веры. Слава твоя вечна, ты мудр, ты поддерживаешь землю! Глаза твои красноваты в уголках, ты носишь в руках лук и стрелы. Ты обладаешь величайшей силой и крепкими членами. Ты отрекся от всего, что дает наслаждение телу ради высших божественных благ. Стрелой, которой ты убил моего господина, убей теперь меня! Со смертью я вновь встречу с ним. Без меня Бали никогда не будет счастлив, о герой. Вдали от меня, даже в раю, среди красноволосых апсар с уложенными и заплетенными локонами, пышно одетых, он не будет счастлив, о герой с глазами, напоминающими чистые лепестки лотоса. Ты известно горе разлуки с любимым! Поэтому убей меня, чтобы Бали не страдал без меня. Если из великодушия ты подумаешь: «Я не возьму на себя грех убийства женщины», то лучше скажи себе: «Она – часть Бали», – и срази меня. В этом не будет греха, о сын правителя земли! Различные ведические писания гласят, что женщина является частью мужа, поэтому мудрые говорят, что женщина, несомненно, является величайшим из даров. Позволь же мне вернуться к моему возлюбленному, чтобы я могла исполнить свой долг перед ним, о воин. Это станет твоим подношением, а не греховным убийством. Полную печали, лишившуюся поддержки, покинутую и опустошенную, ты не должен щадить мою жизнь. Вдали от прозорливого правителя обезьян с радостной походкой слона, с его золотой цепью на шее, символом царского величия, мне не долго жить, о царевич! Великодушный Рамачандра сказал в утешение Таре мудрые слова:

– О супруга героя, не горюй! У вселенной есть творец, и по его воле люди встречают радость и печаль. Все три мира не смеют преступить закона творца, потому что находятся под его властью. Ты еще вкусишь высшего счастья, и сын твой станет законным наследником царства. Все случившееся произошло по воле Провидения, о Тара. Супруги героев не жалуются! Вняв мудрому совету великодушного и могущественного Рамы, жена доблестного Бали, пышно одетая Тара перестала причитать.

Глава 25 Погребальные обряды по Бали

Из сострадания к печали Сугривы, скорби Тары и Ангады Какутстха, сопровождаемый Лакшманой, сказал им в утешение:

– Слезами не вернуть ушедшего счастья! Немедля возвращайтесь к повседневным делам! Своими слезами вы отдали дань обычаю, но судьбы еще никому не удавалось избежать. Верховный Господь в форме Времени (1.228) приводит в движение мир. В действительности, никто не совершает действий и никого не побуждает к действию. Время в

ответе за все происходящее. Мир твердо стоит на ногах благодаря тому, что живет в согласии со своим внутренним бытием. Время – его источник, опора и цель. Время не преступает своих границ и не уменьшает в мире страданий. Время независимо, для него не существует родства, дружбы, оно неудержимо и беспричинно. Никто иной как Бог является причиной всего, Он контролирует индивидуальные души. Воистину мудрые во всем видят влияние Времени. Долг, процветание и удовольствия находятся во власти Времени, и только благодаря ему Бали достиг своего положения. Царь обезьян обрел плоды своей деятельности благодаря заслугам, честности и щедрости. Он достиг рая, исполнив свой долг и пожертвовав жизнь, и возвысился. Довольно оплакивать его, приступайте к последним ритуалам! Как только Рама закончил говорить, Лакшмана обратился к расстроенному Сугриве:

– О Сугрива, немедленно начни погребение с помощью Тары и Ангады. Распорядись собрать побольше сухих дров и священного сандала для костра. Побори нерешительность, этот город зависит от тебя. Пусть Ангада принесет гирлянды и всевозможные одежды, а также топленое масло, растительное масло, благовония и все, что необходимо. О Тара, сейчас же разыщи паланкин, проворность всегда достойна похвалы, а в такой час особенно. Пусть умелые и сильные носильщики приготовятся нести Бали. Сказав это Сугриве, Лакшмана, повергающий своих врагов, занял свое место близ брата. Послушная воле Лакшманы, Тара с бьющимся сердцем поспешила в пещеру в поисках носилок и скоро вернулась в сопровождении сильных обезьян, которые несли пышный паланкин. Это был великолепный, мягкий, напоминающий колесницу паланкин, чудесно украшенный со всех сторон и отделанный резными деревянными фигурами. На крепких резных подпорках, великолепный, словно дворец сиддхов, паланкин украшали просторные окна и резные балконы искусной работы. Большой и прочный, сделанный из хорошего леса, что растет на склоне горы. Паланкин был отделан бесценным орнаментом, нитками жемчуга и цветами, он был обмазан глиной и расписан ароматной красной сандаловой пастой. Весь в венках из лотосов и гирляндах, сияя как восходящее солнце, паланкин этот был усыпан цветами. Увидев его, Рама сказал Лакшмане:

– Пусть они поскорее положат тело Бали на этот паланкин и начнут погребальную церемонию! Сугрива, плача, с помощью Ангады поднял тело Бали, положил его на паланкин с венками, украшениями и одеждой. После этого царь обезьян распорядился, чтобы его благородного брата отнесли на берег реки для последних ритуалов. Перед паланкином шли великие вожаки обезьяньего племени, щедро сыпя драгоценностями. В тот день варнары чествовали своего повелителя, как царя мира. Тут же начались погребальные ритуалы, Ангада, Тара и другие окружили тело погибшего монарха. Женщины, всегда почитавшие царя и теперь смущенные его смертью, плакали: «О герой, о герой». Жалобно стонали все овдовевшие жены Бали во главе с Тарой, ни на шаг не отходя от своего почившего государя. Их крики гулко отдавались в лесной чаще и разносились эхом среди скал и лесов. Затем на пустынном песчаном берегу реки, текущей с гор, многочисленные обезьяны, жители леса, соорудили погребальный костер. Могучие носильщики почтительно сняли со своих плеч паланкин, и все окружили его со скорбными лицами. Глядя на своего господина, Тара уронила голову на колени и принялась горестно причитать:

– О знаменитый могущественный царевич, о мой дорогой, взгляни на меня! Почему ты не бросишь ни единого взгляда на всех нас, объятых печалью? Ты улыбаешься даже после смерти, о благородный герой, лицо твое напоминает лучи восходящего солнца! Смерть в облике Рамы сразила тебя, о обезьяна! Одна стрела, выпущенная им на поле сражения, всех нас сделала вдовами. Все твои жены собрались вокруг тебя. Они больше не прыгают и не скачут, о царь царей, шаг за шагом бредут по этой скорбной дороге, ты знаешь об этом? Неужели ты больше не любишь этих женщин и сияющими как луна взглядами, почему ты не смотришь на Сугриву, царя обезьян? Здесь твои советники, о повелитель, Тара, почтенные жители нашего города, все стоят вокруг тебя, сломленные горем. Распусти своих министров, как ты хотел, о победитель своих врагов, и уведи нас в

леса, счастливо шутя и играя. Наконец женщины, преодолевая боль утраты, подняли Тару. С помощью Сугривы Ангада, рыдая, возложил тело Бали на погребальный костер. По традиции он развел огонь и справа обошел его, печально наблюдая последнее путешествие своего отца. Закончив ритуал в честь Бали, Ангада, тур среди обезьян, вместе с Сугривой и Тарой совершил омовение. Сочувствуя утрате Сугривы, могущественный Какутстха разделил с ним горе и исполнил необходимые ритуалы. Тело Бали, лучшего среди героев, исполненного славы и сраженного чудесной стрелой потомка Икшваку, предали огню, и Сугрива, сиявший, как чистое пламя, приблизился к Раме и Лакшмане.

Глава 26 Сугрива становится царем

Министры окружили Сугриву, стоявшего в мокрых от слез одеждах и охваченного горем. Приблизившись к знаменитому Рама вечных подвигов, они встали перед ним со сложенными ладонями, подобно мудрецам, представшим перед Прародителем мира. Хануман, сын Маруты, подобный золотой горе, с сиявшим как восходящее солнце лицом, почтительно обратился к Рама:

– К своему удовольствию, о Какутстха, возведи Сугриву на трон обширного и неприступного царства его могущественных предков. Будь милостив к нему, повелитель и позволь ему вернуться в свою великолепную столицу. Пусть он с помощью своих многочисленных друзей уладит государственные дела. После очищающего омовения с ароматными маслами и разнообразными травами он выразит тебе почтение и наградит дарами, гирляндами, драгоценными камнями, благовониями и травами. Ты войдешь в его великолепную пещеру, вырезанную в скале, и дашь этим обезьянам их повелителя, снова сделав их счастливыми! Доблестный Рама красноречиво и мудро отвечал Хануману:

– Дорогой Хануман, согласно наказу моего отца, я не могу входить в деревню или город в течение четырнадцати лет. Пусть Сугрива, тур среди обезьян, возвращается в процветающий и славный город и станет царем, пройдя необходимые традиционные ритуалы! Затем Рама сказал Сугриве:

– Зная, в чем твой истинный долг, ты должен провозгласить благородного и доблестного героя Ангаду законным наследником царства. Это старший сын твоего старшего брата, такой же мужественный как и его отец. У Ангады храброе сердце, он достоин быть твоим преемником. Наступил месяц шравана, положивший начало сезону дождей, несущих наводнение. Сейчас не время для воинских подвигов и поэтому возвращайся в свою столицу. Я же вместе с Лакшманой проведу это время в горах. В этой просторной горной пещере, полной свежего воздуха, есть даже озеро с кристально чистой водой и разноцветными лотосами. Когда наступит месяц Картика (2.232), будь готов сразить Равану, таков наш договор. А пока, о друг, возвращайся домой и прими царское помазанье, это доставит удовольствие твоим друзьям. С благословения Рама Сугрива торжественно вступил в прекрасный город Кишкиндха, которым некогда правил Бали. Приветствуя своего государя, тысячи обезьян распростерлись в пыли, преклонив до земли головы, и доблестный Сугрива, с любовью обращаясь к своим подданным, поднимал их. Сугрива, могущественный воин, вошел в личные покои своего брата и там друзья провозгласили его царем, словно тысячеглазого бога. Они принесли ему белый полог, украшенный золотом, и два великолепных опахала из хвоста белого яка со сверкающими золотом рукоятками, а также разнообразные драгоценности, зерно и траву вместе с цветущими ветками, цветами, богатыми тканями, белыми мазями, священным сандалом, многочисленными благовониями, жареным зерном, золотом, просом, медом, малом, творогом, тигровой шкурой и превосходным сандалом. Радостно вошли шесть прекрасных юных дев, неся благовония, топленое сало для свечей и красные и желтые красители (1.233) и стали раздавать драгоценности, одежду и пищу среди дваждырожденных. Брахманы, сведущие в мантрах, приготовили горы травы куша и, разведя огонь, вылили в него сому, очищенную чтением традицион-

ных молитв. Затем Сугрива с лицом, устремленным на восток, принял пышный с золотым основанием трон, покрытый богатыми тканями с трижды завязанным балдахин, с великолепными гирляндами. Самые могучие среди лесных обезьян обошли множество рек и горных потоков, широких и длинных, а также священные места и моря, чтобы набрать и доставить в Кишкиндху золотые сосуды с чистой водой. Гаджа, Гавакша, Гавая, Шарабха, Гандхамадана, Маинда, Двивида, Хануман и Джамбаван по традиции, описанной в священных писаниях, и согласно наставлениям мудрецов из золотых сосудов, а также из блестящих и гладких бычьих рожков омыли Сугриву чистой ароматной водой, как некогда Васу омывали тысячеглазого Индру. Завершение церемонии коронации знаменитые вожаки обезьян приветствовали радостным криком. Исполняя волю Рамы, Сугрива, царь обезьян, обнял Ангаду и провозгласил его своим наследником. Ангада получил облачение, и великодушные плаваги вновь шумно приветствовали его: «Превосходно! Превосходно!» Все прославляли Сугриву и щедрой души Раму и Лакшману. Народ ликовал, огромная, веселая толпа, размахивая знаменами и флагами, заполнила улицы Кишкиндхи, города, вырезанного в горе. Известив Раму о пышной церемонии коронации и вновь обретя свою супругу Руму, героический царь армии обезьян стал править своим царством, словно Индра.

Глава 27

Рама описывает Прасравану

Сугрива, приняв царскую корону, стал править Кишкиндхой, а Рама удалился на гору Прасравану. День и ночь гору эту оглашали крики ланей и рычание тигров и львов, часто посещавших это место. Она поросла кустами, разнообразными лианами и бесчисленными деревьями. Гору населяли медведи, рыси и обезьяны всех видов, она напоминала прекрасную грудку облаков, озаренных солнцем. На вершине ее находилась большая и просторная пещера, которую Рама и Лакшмана избрали себе для жилища. Заключив дружественный союз с Сугривой, Рама, безупречный потомок Рагху, порадовал Лакшману достойными и исполненными глубокого смысла словами:

– О Саумитри, повергающий своих врагов! На время дождей мы поселимся в этой приятной горной пещере. Как прекрасна вершина этой самой величественной из гор, о царевич! Ее украшают белые, черные и серовато-коричневые скалы, она изобилует всевозможными металлами, а ее реки кишат лягушками. Сколько здесь деревьев и чарующих лиан, поют свои трели многочисленные птицы, кричат павлины. Стоят в цвету пышные деревья малати, синдувара, ширишака, кадамба, арджуна и сардижа. Рядом с нашей пещерой есть красивое озеро, украшенной гирляндами цветущих лотосов, о царевич. Скала выдолблена на северо-востоке, и это очень благоприятно для нас, потому что на западе она выше, и это защитит нас от ветров. У входа, о Саумитри, лежит гладкий черный камень, словно кусок сурьмы, омытой маслом. С севера, о друг, великолепный горный склон кажется грудой блестящей черной сурьмы или неподвижным облаком. С юга он тянется, как белое покрывало, напоминая гору Кайласа, сияющую и богатую ценными металлами. Посмотри на эту реку с прозрачными водами, похожую на Джахнави на горе Трикута! Берега ее украшают чандана, тилака, шала, тамала, атимуктака, падмака, шарала и ашока, а также ванура, тимиди, бакула, кетака, хинтала, тиниша, нипа, ветаса и критамалака, словно это женщина в дорогих одеждах и драгоценных камнях. Река на все лады звучит голосами многочисленных птиц, что стаями посещают ее. Живописные острова полны лебедей и журавлей, которые оживляют реку своими супружескими играми. Эта приветливая улыбающаяся река вызывает в памяти образ прекрасной женщины в драгоценных украшениях. Она укрыта ярким ковром голубых и красных лотосов, среди которых белеют лилии. Сотни уток играют в ее водах, а берега полны павлинов и кроншнепов. Эту чарующую и полную красок реку, оглашенную птичьими криками, любят мудрецы и аскеты. Какая разумная рука так красиво посадила в один куст по пять деревьев сандала и кадубхи? Ах! Какое

чарующее место! О Саумитри, ты повергаешь своих врагов, давай устроим здесь обитель и во всей полноте насладимся этой красотой. Недалеко отсюда Кишкиндха, великолепный город Сугривы, откуда раздаются звуки песен и музыкальных инструментов! Это обезьяны-воины стучат в свои барабаны. Отвоевав свою супругу и царство, царь обезьян Сугрива, окруженный своими верными спутниками, наверняка пышно празднует свое возвращение. Любуясь красотой природы, Рама и Лакшмана поселились на лесистой горе Прасравана, изобилующей пещерами. Однако, несмотря на красоту природы и изобилие фруктов, Рама не чувствовал покоя и радости. Когда над вершиной горы вставала луна, он с особой болью и тоской вспоминал деву, похищенную у него, которой он дорожил как дыханием жизни. Он не мог спать и взволнованный, вздыхал, не ложась всю ночь и пребывая во власти горя. Не в силах видеть муки Рама, Лакшмана, разделяя его печаль, с любовью сказал:

– Перестань горевать, о герой, ты не должен так скорбеть. Ты же знаешь, что одержимые горем не добиваются успеха. В этом мире человек, сохраняя веру в Бога, должен следовать путем добродетели и трудиться, о Рагхава! Обеспокоенный, ты не сможешь одолеть этого демона в бою, потому что это искусный, ловкий противник. Изгони из сердца печаль и с упорством продолжай свои попытки. Это принесет тебе победу над демоном и его родом. О Рама, ты можешь перевернуть землю с ее океанами, лесами и горами, how much more Ravana! Подожди до осени, потому что сейчас идут дожди. Наступит время и ты уничтожишь его вместе с его царством и родственниками. Воистину, я хочу пробудить дремлющую в тебе доблесть, подобно огню жертвоприношения, вспыхнувшего от вливаемого масла. Рама почтительно внял полезному и своевременному совету Лакшмана и отвечал по-дружески нежно:

– О Лакшмана, слова твои, вызванные преданностью мне, полны мудрости и отваги. Значит я непременно проявлю такую доблесть, несмотря ни на какую опасность. Я подожду до осени, как ты говоришь, пока вода не спадет в реках и Сугрива не будет готов выступить в поход. Услуга за услугу. Неблагодарность и отказ от принятых обязательств сулят дурную славу. Со сложенными ладонями слушал Лакшмана одобрительные и здравые слова Рама, к которому вернулась прежняя радость, а потом сказал:

– Ты говоришь истину, о лучший среди людей. Несомненно эта обезьяна исполнит все, что ты пожелаешь. Потерпи, пока не кончатся дожди, потом ты сразишь своего противника. До поры до времени сдержи свой гнев, давай проведем четыре осенних месяца на этой горе, посещаемой львами, а потом будь готов уничтожить своего врага.

Глава 28

Рама описывает период дождей

Сразив Бали и отдав Сугриве трон Кишкиндхи, Рама поселился на плоскогорье Мальяват, или Прасравана. Наблюдая наступление дождей, он говорил Лакшмане:

– Начинаются дожди, посмотри, какими тяжелыми кажутся небеса, затянутые огромными как холмы облаками. За девять месяцев небо с помощью солнечных лучей набрало из океана воды и теперь обрушит на землю ливневые дожди. Поднявшись на небеса по лестнице облаков, можно украсить солнце гирляндами кутаджи и арджуны. Небо в лохмотьях тяжелых облаков кажется раненным от ярких, почти красных бликов заходящего солнца. С нежным дыханием ветра, в подаренном сумерками шафране, украшенное желтыми облаками небо, кажется, тоскует от любви. Измученная солнечными лучами земля, проливает слезы, подобно Сите, истерзанной горем. Исходящий из самого сердца облаков, прохладный как камфара, благоухающий ароматом цветов кетака, ветер можно пить маленькими глотками из сложенных ладоней. Эта гора в цветущих деревьях арджуна и кетака, гудящая ливнями дождей, напоминает Сугриву, избавившегося от врагов. Горы в одеждах из темных, словно шкуры антилопы, облаков, ловят капли дождя, как будто это брахманский шнур. С их заговорившими благодаря ветрам пещерами, они напоминают

прилежных учащихся брахманов, декламирующих свякую Веду. Небо, исхлестанное молниями, словно золотыми плетьюми, кажется, плачет от боли. Посмотри, вспышки света разрывают грудь этого темного облака будто Сита бьющаяся в руках Раваны. Столь дорогое влюбленным небо с луной и звездами сокрылось за густым облаком. На склонах горы цветущие деревья кутаджа, словно утопая в слезах, вздыхают по дождю, пробуждая в моем сердце любовь посреди неистового горя. Дождь прибил пыль, подул холодный ветер, спала летняя жара. Цари отложили на время свои военные походы, а путешественники вернулись в родные края. Журавли, гуси и утки спешат к озеру Манаса, покинув дорогих прежде друзей. На размытых продолжительными дождями дорогах не встретить ни колесницы, ни повозки, осмелившейся пуститься в путь. То появляясь, то вновь исчезая за облаками, затянутое небо кажется океаном, окруженным холмами. Быстрые потоки, под крики павлинов несущие цветы сарджа и кадамбы, приобрели желтоватый оттенок от горных пород. Золотистые, как пчела, приятные на вкус плоды джамбу и всех оттенков спелые манго, сорванные ветром, усыпали землю. Высокие горы облаков с своими знаменами молний и гирляндами журавлиных косяков оглашают небеса трубными звуками, словно великие слоны, опьяненные соком мада, накануне сражения. Поросшие травой лесистые склоны, на которых танцуют восхищенные павлины, ожили под дождем и ярко сверкают под луной. Негромко ворчат украшенные стаями журавлей тяжелые облака, в своем вечном беге они иногда отдыхают на вершинах гор. Радостные косяки журавлей в своей любви к облакам напоминают чарующие гирлянды из лотосов, сплетенные в воздухе милостивым ветром. Земля с ее свежей травой, усыпанной крошечными божьими коровками, напоминает женщину в ярко-зеленых с красными пятнами одеждах. К Господу Вишну медленно подкрадывается сон (1.238); реки изо всех сил спешат к океану; журавли счастливы встретиться с облаками; красивый юноша с радостью спешит к своей возлюбленной. Посмотри, как радуются рощи танцу павлинов, и как деревья кадамба покрылись цветами. Быки с пылом бегут за коровами, и земля с ее лесами и полями, полными зерна, кажется прекрасной. Реки все дальше несут свои воды, облака проливают дожди, трубят бешенные слоны, леса становятся все пышнее, возлюбленные томятся любовью друг к другу, павлины танцуют, а обезьяны вновь обретают вкус к жизни. Опьяненные ароматом цветущих деревьев кетак среди грохочущих водопадов трубят слоны и их любовные призывы сливаются с криками павлинов. Цветы, омытые дождем, источают нектар, и черные пчелы весело жужжат над цветущими ветвями кадамбы, собирая его капля за каплей. Рои пчел привлекает и дерево джамбу, словно пеплом, усыпанное вкусными фруктами. Идя лесной тропой посреди холмов, слоновый вожак, услышав за спиной раскаты грома, останавливается, жажда боя и, думая, что это вызов, полный ярости поворачивает навстречу врагу. Леса полны гудящих пчел, танцующих павлинов с синими шеями и огромных опьяневших от любви слонов. Земля в лесу, поросшем деревьями кадамба, сарджа, арджуна и кандала, пропитана влагой, словно вином, и опьяневшие павлины кричат и танцуют как на пиру. Капли дождя, словно жемчужины счастливо покоятся в складках листьев, и бесчисленные разноцветные птицы пьют их, восхищаясь даром царя богов. Мягкое жужжание пчел, радостное кваканье лягушек сливается с раскатами грома, которые напоминают бой барабанов, словно в лесу звучит настоящий оркестр. Крики павлинов, раскрывших свои великолепные хвосты сливаются в единый хор. Одни танцуют, другие призывно кричат, сидя на деревьях. Разбуженные раскатами грома, лягушки всех форм и цветов очнулись от зимней спячки и громко квакают под дождем. Реки, изобилующие журавлями, гусями и утками, сносят песчаные берега, гордые своей неукротимым бегом и, радуясь своей полноте, спешат к океану, своему повелителю. Темные облака, готовые пролить свои дожди, тают друг в друге, словно скалы, опаленные лесным пожаром и сросшиеся с другими такими же голыми скалами. Слоны бродят среди чарующих рощ нипа и арджуны, оглашенных криками опьяневших павлинов в траве, усыпанной божьими коровками. Пылко обнимая лотосы, чьи стебли выровнялись под недавними дождями, шмели жадно пьют нектар из них и из цветов кадамбы. Возбужденные слоны и быки резвятся в лесу; цари зверей являют свое

великое могущество, лучшие среди гор – свою красоту, а правители людей в восхищении забывают о своих заботах и беспокойствах, пока Индра, глава богов, развлекается в облаках. Небеса проливают потоки дождя, вспенивая моря и реки, переполняя ручьи, озера и пруды. Под потоками дождя и сильными порывами ветра берега рек обрушились и вода затопила дороги. Как цари омываются с помощью слуг, величественные горы стоят под ливнями, пролитыми облаками. Эти верные слуги Индры напоминают кувшины, опустошенные царем небес с помощью бога ветра и теперь представшие во всем своем великолепии. Беззвездное небо затянуто облаками. Недавние дожди напоили землю, и четыре стороны света окутаны тьмой. Вершины гор омыты сверкающим дождем, а их величественные водопады напоминают нитки жемчуга. Преодолевая вставшие на их пути скалы, эти могучие водопады обрушиваются с вершин на равнины, словно разорвавшиеся и рассыпавшиеся жемчужные ожерелья. Эти бурные потоки, омыв последний скалистый уступ, падают в глубокие бездны и разбиваются вдребезги, оказавшись в заключении и напоминающая нитки жемчуга, в порыве чувств разорванные небесными нимфами и во все стороны разлетевшиеся несравненным веером брызг. Только когда птицы находят прибежище в листве деревьев, когда закрываются лотосы и распускается вечерний жасмин, можно понять, что солнце скрылось за горой Астачала. Цари откладывают свои военные походы, и готовые армии делают привалы; непроходимые дороги залиты водой, и потому меж людьми на время прекращается вражда. Это месяц Праустхапада (1.241), когда брахманы, читающие Веду, певцы Сама-веды начинают свое обучение. Несомненно Бхарата, царь Кошалы, подвел годовой доход и заготовил запасы продовольствия, и теперь занят лишь проведением праздников в месяце Ашада (2.241). Река Сараю, должно быть, вышла из берегов и течет все быстрее и быстрее, подобно крикам приветствия, которыми Айодхья встретит мое возвращение. Сугрива с радостью услышит шум дождя, поскольку он одолел своего противника, и вернул супругу и обширное царство. Но я, о Лакшмана, в разлуке с Ситой, изгнанный из моих бескрайних владений, похож на берег реки, унесенный быстрым потоком и низвергнутый в бездну. Горе мое не знает границ, Дожди перекрыли все дороги, и Равана видится мне страшным непобедимым врагом. Не в силах странствовать по этим непроходимым дорогам, я отпустил Сугриву несмотря на его преданность, который после долгих страданий вновь встретился со своей супругой. Я не ищу с ним скорой встречи, зная, чем он сейчас живет. В должный срок Сугрива сам вспомнит о своем обещании помочь мне, в этом нет сомнений. Поэтому я с надеждой жду, когда реки и Сугрива будут благоволить ко мне, о Лакшмана, отмеченный благоприятными царственными знаками! Расположение обязывает человека к благодарности; неблагодарность, выраженная в нарушении обязательств, ранит сердце почтенного человека. Лакшмана, стоя со сложенными ладонями, полностью согласился с этими словами, которым он почтительно внимал. Затем он с радостью обратился к великодушному Рама:

– О царевич, царь обезьян не замедлит исполнить твоё желание! Подожди, пока пройдет время дождей и укрепись в своем намерении сразить противника.

Глава 29

Хануман побуждает Сугриву исполнить свое слово

Хануман увидел, что небеса посветлели, очистились от облаков и молний, и оглашенные криками журавлей, чудесно сияют, озаренные луной. Однако Сугрива, достигнув желанной цели, охладел к исполнению долга, увлекшись более низкими занятиями. Все его желания исполнились, он забросил дела и целиком отдался развлечениям с женщинами, наслаждаясь любым своим капризом. Свободный от страхов, со сбывшимися надеждами, он день и ночь проводил со своей любимой супругой Румой, а также Тарой, которой дорожил не меньше, и походил на бога богов, окруженного нимфами и музыкантами. Переложив управление государством на своих министров, и предоставив им полную свободу, несколько не опасаясь за свое царство, он стал рабом чувственных утех. Видя это, наход-

чивый Хануман, красноречивый и верный долгу сын Маруты, зная, что приближается время исполнить данное Рама слово, приблизился к царю обезьян. Хануман понимал, кто стоит перед ним, и заговорил с царем уверенно, подбирая слова, почтительно и с любовью. Слова его были приятны, полны добрых чувств, практичны, истинны, благородны, пребывали в согласии с законом и долгом, своевременны и дипломатичны. С такой речью обратился Хануман к царю обезьян. – Ты вернул себе трон, славу, преумножил процветание своего рода. Тебе осталось только исполнить свой долг перед друзьями! В должный момент посвятив себя друзьям, можно увеличить свою славу и могущество. Тот, кто с равным уважением относится к богатству, власти, друзьям и самой жизни, о царевич, обретает обширное царство. Прими же это для себя за правило и утвердись на пути чести. Это то, что и ты должен сделать для своих друзей согласно данному тобой обету. Тот, кто не откладывает все свои дела во имя интересов друзей, обречен на неудачу, независимо от своих целей, вдохновения или начинаний. Точно также, тот, кто позволяет случайности прийти на помощь его друзьям, теряет всякое уважение и достоинство, несмотря на достигнутое величие. Мы теряем возможность послужить интересам нашего друга Рагхавы, о победитель своих врагов. Позволь нам заняться поисками Ваидехи. Рама не напоминает тебе о данном слове, хотя прекрасно знает, что настал срок его исполнить. Несмотря на тяжелое горе, этот дальновидный царевич деликатно не напоминает о себе, о царь! Ты обязан Рагхаве своим процветанием, он обладает огромным влиянием, могущество его неизмеримо, а достоинства несравненны. Воздай ему за все, что он сделал для тебя, о царь обезьян, созови вожаков своего народа! Медлить нельзя, ожидая, пока Рама позовет тебя исполнить обещание. Если ты вынудишь его применить силу, будет уже поздно. Даже, если б он ничего для тебя не сделал, твой долг помочь ему в его поисках, о царь обезьян! Насколько же ты обязан ему за то, что он возвел тебя на трон и убил Бали. Твое могущество и мужество беспредельны, о правитель обезьян и медведей, на тебе лежит величайший долг помочь Рама. Нет сомнений, что сын Дашаратхи своими стрелами может подчинить богов, демонов и великих змеев, он просто ждет, когда ты исполнишь слово. Не без риска для жизни он осчастливил тебя. Давай обойдем всю землю, и если нужно, небо – и найдем Ситу. Ни девы, ни данавы, ни гандхарвы или асуры, сопровождаемые сонмами марутов или якшей – никто не заставит его трепетать, тем более демоны. О царевич с рыжевато-коричневой шкурой, всей душой ты должен стараться удовлетворить могущественного Рама, который некогда помог тебе.

Мы не замедлим спуститься в подземное царство, под воду или подняться в небеса, если ты прикажешь, о царь обезьян! Распорядись, кому приступить, как и что делать. Более десяти миллионов обезьян неукротимой силы готовы служить тебе, о безупречный царевич! Выслушав эти разумные слова, Сугрива в своей прямоте тут же принял нужное решение. Он призвал к себе генерала Нилу неисчерпаемой доблести и повелел собрать обезьян со всех концов света:

– Ты управляешь моей армией с ее вожаками и генералами, никто не может сопротивляться тебе, и потому немедленно всех собери. Быстроногие энергичные обезьяны, живущие на границах, искусные и храбрые воины, должны поскорее прийти сюда, послушные моей воле. И ты лично должен проследить за этим. Те, кто не придут в течение пятнадцати дней, начиная с сегодняшнего, будут беспощадно наказаны. Вместе с Ангадой разыщи бывалых опытных воинов, и со всем тщанием исполни мои приказы. Сделав все необходимые распоряжения, царь обезьян удалился во внутренние покои дворца.

Глава 30 Описание осени

Небо расчистилось от облаков, и Рама, все долгие месяцы дождей пребывавший в глубокой печали, пристально смотрел на чистую спокойную луну в небе. Ясными осенними ночами он думал о своих потерях, о том, что время идет, а Сугрива ведет праздную

жизнь, и это повергало его в безграничную тоску. Стараясь не давать воли чувствам, мудрый Рагхава тем не менее был постоянно поглощен мыслями о Сите, его возлюбленной супруге. Глядя в безоблачное осеннее небо, оглашенное криками журавлей, он сидел на выступе горы, богатой золотом, и размышлял: «Чему радуется теперь моя юная жена, так любившая журавлиные крики в лесу и подражавшая им? В разлуке со мной букеты цветов, сияющих как чистое золото, не принесут счастья этой нежной деве, просыпавшейся от криков лебедей. Чему радоваться теперь сладкоречивой и нежной Сите? Что будет с этой царевной, с огромными как лотосы глазами, когда она услышит крик диких гусей, пролетающих в небе? Я не чувствую счастья без Ситы с глазами лани, блуждая вдоль рек, озер или в лесу, и моя нежная возлюбленная тоже будет жестоко страдать в разлуке со мной, несмотря на красоту осени». Царский сын скорбел подобно птице шаранге, вымаливающей у Индры воду. В этот момент вернулся Лакшмана, собирая фрукты на склонах горы, и, увидев брата в глубокой печали, расстроенного и одинокого. Дальновидный Саумитри, глубоко сострадавший горю несчастного брата, сказал:

– Почему, о благородный царевич, ты стал рабом любви? Откуда снова эта тоска? Она мешает твоим спокойным размышлениям. Спокойствие ума – это главное в исполнении любого замысла. После зрелых рассуждений воспользуйся подходящим моментом и силой, заключенного с Сугривой союза, чтобы безотлагательно исполнить свой замысел, о друг! Более того, ты поддерживаешь дочь Джанаки и потому она не столь доступна для врага, о покровитель человеческого рода. Никто не может приблизиться к пылающему огню, не обжегшись, о доблестный воин! Рама достойно отвечал неукротимому Лакшмане:

– Слова твои практичны и мудры, полны доброго чувства и согласны с долгом и законом. Нам нужно подумать, что делать дальше; поиск должен продолжаться. У непобедимого, могущественного, молодого и доблестного человека не должно быть сомнений в успехе. Вспоминая Ситу с большими как лепестки лотоса глазами, удрученный Рама, снова заговорил с Лакшманой:

– Тысячеглазый бог напоил землю водой и дал зерну силу взойти, он исполнил свой долг и теперь отдыхает. Сплошные облака, сотрясаемые продолжительными раскатами грома, простираются над горами, лесами и городами, источая потоки воды, о царевич. Стихли неистовствовавшие грозные облака, напоминавшие опьяненных слонов и окутавшие землю тьмой, черные, словно листья голубого лотоса. Тяжелые набухшие облака, с дождем и ветром нависшие над благоухающими рощами кутаджи и арджуна, рассеялись, о мой друг, продолжая свои небесные странствия. Не слышно больше трубных призывов слоновьих стад, криков павлинов и шума дождя, о безупречный Лакшмана. Под ясным светом луны сияют чистотой пологие горные склоны, щедро омытые дождями. Осень являет свою красоту в ветвях деревьев шаптачада, в сиянии солнца, луны и звезд, в походке величественных слонов, во всем чувствуется дыхание осени. Заросли лотосов, открывающихся первым солнечным лучам, и ароматные цветы шаптачада звучат музыкой пчелиных роев и по-осеннему великолепны. Размахивая большими красивыми крыльями, прилетели покрытые пылью лотосов дикие гуси, друзья бога любви, вместе с лебедями важно прогуливаясь взад вперед по песчаным берегам рек. Осень являет свои бесконечно прекрасные лики в опьяненных слонах, буйволах, в спокойно несущих свои воды реках., Павлины в лесах, сбросившие свои прекрасные хвосты, не привлекают более своей избранностью и ослепительной яркостью красок, от их восторгов и радости не осталось следа. С грустью глядя в безоблачное небо, они поглощены никому не ведомыми размышлениями. Высокие, сладко пахнущие деревья, полные цветов, клонятся к земле и сияют как золото, чаруя глаз и освещая густой и темный лес. Огромные слоны, окруженные слонихами, с удовольствием приходят на лесные озера, поросшие лотосами. Они медленно бредут среди моря цветов, опьяненные любовью и поглощенные супружескими играми. Небо расчистилось и сияет, как обнаженный меч; реки замедлили свой бег, дует ветер, освежая белые водяные лилии, все сияет, избавившись от тьмы. Под теплыми лучами солнца грязь превращается в толстый слой пыли, которую далеко разносит игривый ветер. В это время

враждующие цари начинают свои военные походы. По-осеннему прекрасные быки, возбужденные и покрытые пылью, обезумевшие и жаждущие боя, мычат среди коров. Благородная слониха, полная страсти и нежности, медленно обошла быков, опьяненных любовью, и, разделяя эти чувства, побрела за ними по лесу. Лишившиеся своих великолепных хвостов одинокие и несчастные павлины, словно презираемые журавлями, собираются в стаи и прогуливаются по берегам рек. Слоновый вожак, стоя в пруду, поросшем лотосами, своими громкими криками сеет ужас среди уток и гусей. Прежде чем напиться, он снова и снова поливает себя водой. Стада коров часто приходят на песчаные берега очистившихся от глины рек. Над их спокойной рябью звучат громкие крики журавлей и весело резвящихся цапель. Все стихло. Не слышно больше шума рек, грохота облаков, водопадов, воя ветров, криков павлинов и кваканья лягушек. После долгого заключения из нор вылезли разноцветные ядовитые змеи. Истощенные, измученные голодом, они не видели пищи в течение всего сезона дождей. Вечер, обласканный лучами трепещущей луны, отбросившей свою вуаль, с восторженной радостью являет ее светлый лик в обрамлении звезд. Ночь с нежным лицом полной луны напоминает юную женщину с чарующей улыбкой россыпей звезд, одетую в белую мантию лунного света. Наевшиеся спелого зерна, чудесные стаи журавлей в быстром полете радостно пересекают небеса. Гонимые ветром, они напоминают искусно собранную гирлянду цветов. Гладь великих озер с одиноким лебедем, уснувшим посреди бесчисленных лилий, напоминает небеса, очистившиеся от облаков и освещенные полной луной и мириадами звезд. С кольцом лебедей на воде и гирляндами голубых и белых лотосов великие озера своей необыкновенной красотой напоминают женщину в драгоценных камнях. На рассвете переговариваются меж собой ветер, словно флейта, дующий с тростников, глухой вой пещер, усиленный ветром, и рев быков. Берега реки нарядились в цветущие травы, колышимые мягким ветром, и напоминают красочные ткани, с которых смыли все темные пятна. Шмели, вольные лесные странники, опьяневшие от нектара, отяжелели от пыльцы лотосов, даровавших им отдых. В бурной радости не расставаясь со своими возлюбленными, они летают по лесу вслед за богом ветра. Спокойные воды, цветущие луга, крики кроншнепов, вызревшие рисовые поля, мягкий ветер, безукоризненная луна – вся природа празднует окончание дождей. Теперь реки, поблескивающие серебряными кольцами прыгающей рыбы, текут медленно, подобно прекрасным и полным истомы женщинам после ночи любви. Гуси, водоросли и тростники, словно вязанные шали, окутали реки, которые сияют днем и ночью, словно чарующие лица женщин. В лесу, украшенном цветочными арками и радостно гудящем роями пчел, бог любви с нетерпением сжимает в руках свой свирепый лук. Щедро напоив землю дождями, до краев наполнив реки и озера, и подготовив почву для хорошего урожая, облака покинули небо. Осенью реки постепенно обнажают свои берега, словно целомудренные невесты, раскрывающие лица. О друг мой, вода спала, реки оглашены криками птиц, а пруды изобилуют стаями гусей. Это время, о возлюбленный царевич, когда цари объявляют друг другу войну и, стяжая победу, отправляются в походы. Меж монархами разгорается вражда, о царевич, но я не вижу Сугривы, готового выступить в такой поход. Склоны горы благоухают цветущими деревьями асана, саптапарна, кавидара, а также бандхуджива и тамала. О Лакшмана! Взгляни на песчаные берега рек, изобилующие лебедями, журавлями, гусями и другими птицами. Прошедшие четыре месяца дождей кажутся мне сотней лет, такое горе причиняет мне разлука с Ситой. Словно птица чакравака, она последовала со мной в лес, устрашающее одиночество в диких чащах Дандаки этой юной женщине казалось восхитительным садом. Лишившийся царства, изгнанный, я тоскую в разлуке с моей возлюбленной, но Сугрива не выражает жалости ко мне, о Лакшмана! «Без поддержки, без царства, враждуя с Раваной, несчастный, изгнанный этот влюбленный царевич просит у меня прибежища», – так скажет Сугрива, о друг мой. Упрямый царь обезьян презирает меня, повергающего врагов. Назначив срок поисков Ситы и согласившись помочь, этот лжец, достигнув своего, забыл о данном обещании. Иди в Кишкиндху и от моего имени скажи нечестивому Сугриве, рабу семейного счастья: «Тот, кто возрождает

надежду в страждущих, но, приняв служение, не исполняет обещанного, является самым падшим среди людей этого мира. Однако доблестный воин, во имя добра или зла верный данному слову, считается героем. Даже хищники не станут есть мясо неблагодарной твари, которая, достигнув своих целей, не желает помочь друзьям. Наверное, ты жаждешь увидеть сияние моего крепкого золотого лука, подобного яркой вспышке света, который уже натянут, готовый к бою. Потом ты услышишь смертельный звон натянутой тетивы, напоминающий удар грома. Знай, что это я в гневе стою на поле битвы». Напомни ему о моей славной доблести, о знаменитый царевич, мой верный спутник, будет странно, если он не одумается. О воин, низвергающий вражеские города, царь плавагов, добившись исполнения своих желаний, больше не помнит о назначенном сроке и пребывает во власти чувственных утех, не сознавая, что прошло четыре месяца. Наслаждаясь вином и развлекаясь со своими министрами и супругой, Сугриве нет дела до нас, охваченных беспокойством. Иди и обратись к нему, о доблестный герой, сообщи о нашем недовольстве. Дай ему понять, что я разгневан, и скажи: «Врата смерти, принявшие Бали, еще открыты! О Сугрива, сдержи свое слово, а иначе ты последуешь за своим братом! Твой брат умер один, сраженный моей стрелой, но тебя вероломного я уничтожу вместе со всем твоим родом!» О величайший среди людей, передай ему мою волю, нам нужно спешить, о царевич

Скажи ему: «исполни обещание, которое ты дал мне, о царь обезьян. Помни, что добродетель вечна, а иначе, сегодня же расставшись с жизнью, ты окажешься в пасти смерти, куда тебя отправят в поисках Бали мои стрелы!» Лакшмана смотрел на измученного горем старшего брата в приступе ярости. Отважный потомок славной династии Ману был глубоко расстроен и возмущен поведением царя обезьян.

Глава 31

Лакшмана отправляется в Кишкиндху

Царский сын обратился к своему старшему брату, нежному, ласковому, но глубоко печальному несмотря на веселый нрав:

– Эта обезьяна – нецивилизованное создание. Он не усматривает связи между заключенным с тобой дружественным союзом и обретенными с твоей помощью благами. Ясно, что он не сможет долго наслаждаться счастьем царя обезьян. Он не спешит исполнить долг перед другом и по глупости превратился в раба семейного счастья. Поэтому пусть он умрет, отправляясь вслед за Бали. Трон нельзя доверять тому, кто лишен добродетели. Я не в силах сдержать неистового гнева! Я немедленно убью вероломного Сугриву! С этого дня сын Бали вместе с вожаками обезьян поможет нам в поисках царевны! Рама благодарно остановил Лакшману, который с луком в руках уже готов был исполнить свои слова и жаждал боя:

– Герои. Подобны тебе в этом мире не совершают такого греха (1.251)! Воин, благородно сдержавший порыв гнева, считается величайшим из героев. Не порочь своей чистой души, о Лакшмана! Возроди в своем сердце былую радость союза с Сугривой. Говори с ним сдержанно, избегая резких выражений и принимая во внимание его проволочку. Вняв совету старшего брата, доблестный Лакшмана отправился в город Кишкиндху. Мудрый и добродетельный, он всем сердцем желал сделать брату приятное. Полный негодования вошел Лакшмана в город обезьян, сжимая в руках свой могучий как у Индры лук, огромный, словно высокая гора Мандара. Преданный интересам Рамы, Лакшмана равный Брихаспати, размышлял, как он обратится и ответит Сугриве. Полный гнева за брата, Лакшмана стремительно приближался к цели, подобно надвигающейся буре, с корнем вырывая шалу, талу, ашвакарну и другие деревья, встречавшиеся ему на пути, словно огромный слон, под ногами которого крушатся горы и скалы. Наконец этот тигр в роду Икшваку увидел великолепный город царя обезьян, неприступную Кишкиндху, раскинувшуюся в недрах скалы и полную доблестных воинов. С дрожащими от гнева губами Лакшмана

увидел огромных с виду обезьян, обходивших город. Заметив этого героя, обезьяны, подобные слонам, стали готовиться к бою, срывая верхушки скал, поднимая валуны, выламывая деревья. Гнев Лакшманы вспыхнул с новой силой, подобно пылающей жаровне, и сотни обезьян разбежались во все стороны от разъяренного воина, подобного богу смерти в час разрушения мира. Вожаки пришли во дворец Сугривы сообщить ему о появлении Лакшманы и его гнев, но царь обезьян, в это время развлекаясь с Тарой, не придавал значения словам тех львов среди обезьян. По приказу министров обезьяны с шерстью, ставшей дыбом, огромные, как горы, слоны или облака, высыпали из города. Наводящие ужас своими ногтями и зубами, тигриными пастями, они заняли свои места. Многие из них обладали силой десяти слонов, другие были в десять раз сильнее, а третьи обладали силой тысячи слонов. Разгневанный Лакшмана увидел, что Кишкиндха полна могучих и доблестных обезьян, вооруженных стволами деревьев, и неприступна. Перелезая через стены и рвы, те обезьяны мужественно выходили в открытое поле навстречу врагу. Безразличная развращенность Сугривы и вызывающее поведение обезьян, вызвали в доблестном Лакшмане, отстаивающем интересы своего старшего брата, новую волну гнева. Тяжело дыша и горячо вздыхая, этот лев среди людей метал неистовые взгляды, напоминая жаровню, извергающую клубы дыма. Его острые стрелы были подобны трепещущим змеиным языкам, воинские доспехи – яду, а лук – кольцам. Лакшмана казался пятиглавым змеем или пылающим огнем накануне уничтожения мира, или разгневанным царем змей. Ангада, вышедший ему навстречу, пребывал в ужасе и крайнем смущении. Знаменитый воин Лакшмана с красными от гнева глазами приказал ему:

– О дитя, сообщи Сугриве о моем приходе! Скажи, что здесь младший брат Рамы. О повергающий врагов, измученный горем брата Лакшмана ожидает у твоих ворот. Дорогое дитя, оповести своего государя и немедля вернись и передай мне его ответ. Ангада, трепеща всей душой, побежал искать дядю, который теперь жил во дворце его отца и сказал:

– Саумитри пришел! Ангада, глубоко потрясенный резким тоном Лакшманы, сначала почтительно поклонился царю, затем Руме. Доблестный царевич, прикоснувшись к стопам дяди и, поклонившись своей матери, наконец, припал к стопам Румы, после чего сообщил Сугриве о случившемся. Однако Сугрива, сморенный тяжелым сном и усталостью, продолжал лежать в пьяном оцепенении, потворство похоти притупило его разум. Тем временем обезьяны, с сильно бьющимися сердцами глядя на Лакшману, стали громко приветствовать его в надежде на милость. Увидев его вблизи обезьяны подняли страшный шум, подобный ворчанью грома, рычанью львов или шуму огромных волн. Их крики разбудили красноглазую обезьяну, украшенную гирляндой цветов, охмелевшую от вина. Узнав голос Сугривы, два министра царя обезьян вместе с Ангадой приблизились к нему. Это были благородные и почтенные Якша и Прабхава. Не ожидая благодарности за свою прямоту, и сидя около царя, напоминавшего Индру, повелителя Марутов, они сказали ему:

– Два благородных и могущественных брата Рама и Лакшмана в облике людей достойны править, но они предоставляют делать это другим. Один из них с луком в руках стоит у твоих ворот. Увидев его, перепуганные обезьяны подняли страшный шум. Это брат Рагхавы Лакшмана, его представитель, призванный передать тебе его волю. Лакшмана немедля послал к тебе сына Тары, возлюбленного Ангаду, о царь. Доблестный воин стоит у ворот, глаза его пылают гневом, он испепеляет обезьян своими взглядами, о царь. Иди скорей, сложи голову к его стопам, отдав ему все, что имеешь, о великий монарх, и тогда может быть его гнев пройдет. Тщательно исполни желание добродетельного Рамы, смягчи его гнев. Приложи все силы, о царь, чтобы сдержать данное тобой слово!

Глава 32 Речь Ханумана

Эти слова Ангады и министров заставили Сугриву, который хорошо знал гнев Лакшманы, прийти в себя и подняться со своего ложа. Обдумав сложившуюся ситуацию, он обратился к своим советникам, наравне с Сугривой владевшим священными мантрами:

– Я никогда не произносил и не совершал ничего предосудительного. Я спрашиваю себя, почему же Лакшмана, брат Рагхавы, так разгневан на меня? Враги только ищут случая обвинить меня в воображаемых грехах, они настроили против меня младшего брата Рагхавы. Это означает, что все вы должны глубоко подумать над случившимся, чтобы понять причину его гнева. Конечно же я не боюсь Лакшману, также как и Рагхаву, но друг, гневающийся без причины, неизменно причиняет беспокойство. Легко заключить дружбу, но крайне трудно поддерживать ее. Непостоянство ума может разрушить дружбу, найдя самый нелепый повод. Я озабочен отношениями с великодушным Рамой, потому что не в силах отплатить ему за все, что он для меня сделал. Лишь только Сугрива замолчал, Хануман представил ему ход своих мыслей:

– Неудивительно, о царь обезьян, что ты не можешь забыть великую и неожиданную услугу, оказанную тебе Рамой. Несомненно этот герой, ради твоего блага бесстрашно сразивший Бали, своим могуществом не уступает Индре. Совершенно ясно, чувства Рамадеты, иначе бы он не послал к тебе своего брата Лакшману, заботящегося о его счастье. О повелитель, ты так искусно различаешь времена года, взгляни, осень явила всю свою славу, деревья шаптачада и шьяма все в цвету, но ты, отдавшись чувственным утехам, не видишь этого. Небо, очистившись от облаков, усыпано сверкающими звездами, озера и реки успокоились. Настало время искать Ситу, и тебе нет в этом равных, о тур среди обезьян. Видя, что ты в забытии, Лакшмана пришел сообщить, что час пробил. Скорбя о похищенной супруге, великодушный Рама резко заговорит с тобой через уста своего героического брата, но что удивительного в этом? Поступив с ним недостойно, я думаю тебе не остается ничего, как только пожертвовать своим благом, предложить поклоны Лакшмане и настойчиво молить его о прощении. Долг советника – открыто провозгласить истину перед царем, и потому после зрелых размышлений, я изрек эти слова. С луком в руках разгневанный Рама может подчинить своей власти мир с его богами, асурами и гандхарвами. Неблаго разумно бросать вызов тому, у кого потом придется просить прощения, тем более если это твой благожелатель, перед которым ты в долгу. Вместе с сыном и свитой склони голову перед этим человеком, о царь, будь верен своему слову, как женщина – воле мужа. Даже в мыслях не противься воле Рама, потому что тебе хорошо известно его могущество и доблесть, которой он не уступает Индре и всем богам.

Глава 33

Тара успокаивает Лакшману

По приглашению Ангады и во исполнение желания Рама, Лакшмана, сокрушающий сонмы врагов, вступил в прекрасный город Кишкиндху, раскинувшийся в пещерах. Увидев приближающегося Лакшману, который тяжело дышал от гнева, огромного роста, могучие обезьяны, охранявшие ворота, почтительно сложили ладони и не осмелились преградить ему путь. Великий воин стал осматривать славный город, украшенный драгоценными камнями и цветочными гирляндами, сверкающий грудями драгоценностей. Просторные дома и храмы были полны народа, прилавки торговцев ломились от всех видов драгоценных камней, а воздух благоухал ароматом цветущих деревьев, полных сладчайших фруктов. Потомки богов и гандхарвов, обезьяны, населявшие этот удивительный город, и способные по желанию менять свой облик, носили божественные гирлянды и одежды, своей красотой умножая великолепие Кишкиндхи. Широкие дорогие благоухали ароматом сандала, алоэ и лотоса, к которым примешивался пьянящий запах маиреи и мадху (1.256). Лакшмана увидел величественные дворцы, высокие, как горы Виндхя и Меру, потоки чистой воды, протекавшие через город. Он осматривал обитель Ангады, Маинды, Двивиды, Гаваи, Гавакши, Гаджи, Шарабхи, Видхумати, Сампати, Сурьякши, Ханумана,

вирабаху, Субаху и великодушных Налы, Кумуды, Сушены, Тары, Джамбавана, Дадхибактры, Нилы, Сунетры и Супаталы, которые жили там, словно на белых облаках, украшенных ароматными гирляндами, полных драгоценностей, зерна и красивых женщин. Великолепная и неприступная обитель царя обезьян, как дворец Махендры, стоял на белой скале и сверкал вознесшимися к небесам куполами, напоминавшими вершины горы Кайласа. Цветущие деревья, дарившие все богатство фруктов изысканного аромата и вкуса, напоминали голубые облака и манили прохладной тенью, небесными цветами и золотистыми фруктами. Доблестные обезьяны с оружием в руках охраняли великолепные ворота, золотые арки которых украшали пышные гирлянды. Могущественный Лакшмана без промедления вошел во дворец Сугривы, как солнце входит в огромное облако, и миновал семь внутренних дворов, полных удобных скамеек и повозок. Он увидел внутренние покои царя обезьян, изобилующие отделанными золотом и серебром лежанками с богатыми покрывалами и прекрасными сидениями. Сын Дашаратхи услышал сладкую мелодию и ритмичное пение под сопровождение струнных инструментов. В личных покоях Сугривы великодушных Лакшмана увидел множество благородных женщин, отличавшихся юностью и красотой, пышно одетых, с цветами в волосах, которые плели гирлянды. Он заметил также, что среди царских слуг не было плохо одетых. Счастливые и сытые, они всегда были готовы оказать служение своему повелителю. Звон женских браслетов и бряцанье поясов так смутил и разгневал доблестного Лакшману, что герой этот натянул свой лук, и дворец огласился звоном его тетивы. Доблестный Лакшмана, полный негодования за брата, отошел в угол и остановился в молчании, размышляя о том, что привело его во внутренние покои Сугривы. Услышав звук натянутой тетивы, Сугрива, царь обезьян, понял, что Лакшмана уже во дворце, и затрепетал всем телом, сидя на своем сверкающем троне. Он подумал: «Как говорил мне Ангада, наверняка, это Саумитри пришел сюда, заботясь о брате!» Нисколько не сомневаясь, Сугрива весь побледнел, сердце его было полно дурных предчувствий. Подбирая слова, царь обезьян обратился к прекрасной Таре:

– О женщина с чарующим лицом, что вызвало неудовольствие младшего брата Рамы, мягкого по природе? Почему он ведет себя, как безумный? Несомненно, этот лев среди людей не станет гневаться без причины. Подумай, может быть, мы невольно оскорбили его, и сейчас же выйди к нему. О прекрасная, своими сладкими речами успокой его. Увидев тебя, он перестанет гневаться, потому что великие воины не позволяют себе резкого обхождения с женщинами. Твои нежные речи утешат его, он справится со своим умом и чувствами, и тогда я предстану перед этим царевичем с огромными, как лепестки лотоса глазами, повергающего своих врагов. Слегка покачиваясь, с блестящими от выпитого вина глазами и распутившимся на поясе золотым шнурком, царственная Тара, скромно потупив взор, предстала перед Лакшманой. При виде супруги царя обезьян великий воин сдержал гнев в присутствии женщины и опустил голову, как подобает аскету. Чувствуя доброе расположение духа этого царевича и под воздействием вина Тара отбросила всякую застенчивость и обратилась к нему в качестве посредника, стараясь завоевать доверие:

– Чем вызван такой гнев, о сын царя? Кто ослушался твоего приказа? Какой безумец посмел приблизиться к сухому лесу, объятому пожаром? Мягкие речи Тары успокоили Лакшмана, и он отвечал с подчеркнутой вежливостью:

– Почему, отдавшись вожделению, супруг твой пренебрегает своим долгом и собственным благом? Ты, преданная ему, почему не придаешь этому значения? Он безразличен к делам царства, к нам и нашему недовольству. Окруженный бездельниками, о Тара, он всецело пребывает во власти чувственных утех. Четыре месяца ожидания прошли, но царь обезьян, проводя время в наслаждениях, не сознает этого. Несомненно, беспутство – не лучший способ исполнить свой долг и обязанности. Невоздержанность и пристрастие к спиртному приводят к потере богатства, добродетели и самой способности наслаждаться. Неблагодарность за оказанную услугу означает неисполнение долга, а потеря хорошего друга крайне вредит достижению высоких целей. С точки зрения процветания дружба, ос-

нованная на верности и справедливости, является величайшей добродетелью. Тот, кто предаёт её, попирает закон чести. О постигшая путь долга, возможно ли так поступать? Выслушав эти справедливые и благоразумные слова, сказанные учтиво и мягко, Тара за-верила царевича в непременно осуществлении задуманного дела и добавила:

– О сын царя, сейчас не время для взаимных обвинений. Не гневайся на моего господина. В сердце он предан тебе, прости его безрассудство, о воин! О царевич, как добродетельный человек может негодовать на того, кто лишен добродетели? Кто из равных тебе давал волю гневу несмотря на свой добрый нрав? Мне известна причина неудовольствия доблестного союзника Сугривы, я знаю также, как много вы оба сделали для нас, и что мы в долгу перед вами. О лучший среди людей, конечно же человеку должно обуздать свои страсти. Я понимаю, в каком обществе Сугрива стал жертвой вожделения, послужившего причиной нынешней проволочки, которая вызвала твой гнев. Во власти желаний человек забывает о времени и месте, так же как и своем долге и праведности. Прости царя обезьян, который на мой взгляд без стыда отдался чувственным утехам и стал рабом страсти. Даже великие риши, преданные пути аскетизма, под влиянием страсти теряли контроль над собой. Стоит ли ждать, чтобы обезьяна, легкомысленная по природе, даже будучи царем, не стала рабом наслаждений? Мягкосердечная Ванари с озабоченным видом продолжала оправдывать мужа в глазах безгранично мужественного Лакшманы:

– О лучший среди людей, даже во власти страстей Сугрива тщательно готовился к предстоящему походу. Здесь собрались уже сотни, тысячи и миллионы доблестных обезьян, способных по желанию менять облик и обитающих на всех видах деревьев. Поэтому, пожалуйста, входи, о длиннорукий воин! Целомудренное поведение искреннего друга позволяет ему смотреть на чужих жен. По приглашению Тары и во исполнение поручения брата знаменитый герой, повергающий своих врагов, вступил во внутренние покои дворца царя обезьян. Там на золотом троне, покрытом богатой тканью он увидел Сугриву, сиявшего как солнце, украшенного божественными драгоценностями, прекрасного и величественного, как бог. В роскошных одеждах и гирляндах он выглядел, как Махендра. Со всех сторон его окружали женщины в коронах и драгоценностях, словно богини. Его красноватые глаза придавали ему сходство с Антакой. Золотистый Сугрива, крепко держа в объятьях жену свою Руму, сидел на великолепном троне, когда перед ним появился могущественный Саумитри с большими, как лепестки лотоса, глазами.

Глава 34

Лакшмана упрекает Сугриву

Увидев разгневанного Лакшману, этого неукротимого льва среди людей, Сугрива обеспокоился. Сын Дашаратхи тяжело дышал и пылал негодованием за брата. Царь обезьян поднялся и, покинув свой великолепный, как у Индры, золотой трон, с горящими глазами приблизился к царевичу Лакшмане и встал перед ним, как могучее дерево кальпа (1.261). Женщины во главе с Румой, словно сияющие звезды, окружили его. Лакшмана, полный гнева, обратился к Сугриве:

– Воистину великий благородный государь, сострадательный, обуздавший чувства, благодарный и верный обретает всемирную славу. Но монарх, чуждый праведности и справедливости, достоин презрения. Ложь в отношении коня приводит к смерти сотни коней, в отношении коровы – губит тысячу коров, но ложь по отношению к человеку губит лжеца и весь его род. Неблагодарный негодяй, приближая свой конец, не желает воздать за оказанную услугу и становится повинен в гибели всего живого, о царь плавагов. Это изрек Брахма, видя неблагодарность. Весь мир знает эту истину, о Плавамгама. Убийца коровы, пьяница, вор или неверный своему обету могут искупить свой грех, но нет прощенья неблагодарному. В нет капли благородства, ты – лживый и неблагодарный негодяй, о Сугрива, потому что, получив от Рама желаемое, ты ничем не отплатил ему. Разве ты не должен теперь сделать все, что в твоих силах, чтобы найти Ситу? Рама не знал, что ты,

отдавшийся радостям семейной жизни и неверный своему слову, змея, квакающая как лягушка (1.262). Из сострадания к тебе, о злобный негодяй, великодушный Рама дал тебе возможность править царством обезьян. Ты не хочешь признавать блага, дарованные тебе великодушным Рамой, и поэтому пронзенный моей острой стрелой отправишься вслед за Бали. Путь смерти, которым отправился твой брат, еще открыт! Почитай свое слово, о Сугрива, а иначе ты последуешь за Бали! Ты безмятежен и счастлив, не понимая нависшей над твоей головой опасности, потому что еще не видел, как царевич Икшваку выпускает свои разящие стрелы!

Глава 35 Тара защищает Сугриву

Тара с прекрасным, как луна, лицом отвечала на гневные слова Лакшманы:

– О Лакшмана, царь обезьян не достоин слушать такие резкие слова, особенно из твоих уст. Сугрива чужд неблагодарности или лжи, его не за что осуждать, о герой, он никогда не произносил лжи и не был обманщиком! Доблестная обезьяна Сугрива не забыл о поддержке, оказанной ему Рамой на поле битвы, тем более что никто иной не смог бы этого сделать. С помощью великодушного Рамы Сугрива возродил свою славу, вернул себе прочную власть над царством обезьян, а также Руму и меня, о сокрушитель врагов! После жестоких бедствий он вкусил величайших наслаждений и не заметил, что настало время исполнить свое обещание, как это было со старым Вишвамитрой. В течение десяти лет этот добродетельный мудрец был привязан к нимфе Гхритачи и не заметил, как пролетело время (1.263). Сугрива долгое время не знал наслаждений и отдыха, был изнурен лишениями, о Лакшмана, и потому Рама должен простить его. И ты, о Лакшмана, не разобравшись, не должен давать волю своему гневу, подобно низкому человеку. Такие добродетельные люди, как ты, о лев среди людей, сдерживают порыв беспричинного гнева. Я смиренно молю тебя за Сугриву, не поддавайся горю, породившему в тебе этот гнев. Я твердо убеждена, что Сугрива готов отречься от Румы, Ангады, меня, царства, богатства, зерна и стад во имя Рамы. Сразив мерзкого демона Равану, Сугрива вернет Раме его супругу Ситу, как луна встречается со звездой Рохини. На Ланке живут сони, тысячи и миллионы непобедимых демонов, по желанию меняющих облик. Не уничтожив этих отвратительных созданий, невозможно победить Равану, который похитил Маитхили. Без поддержки своей армии Сугрива не сможет одолеть тех демонов ужасных злодеяний, о Лакшмана. Это было мнение Бали, находчивого и опытного царя обезьян. Не зная, о чем идет речь, я слышала это из его уст. Чтобы помочь тебе, Сугрива со всей земли созвал самых лучших обезьян. Ожидая этих доблестных и могущественных воинов, избранных обеспечить успех походу Рамы, наш царь до сего дня не покинул своего города. О Лакшмана, не так давно Сугрива мудро приказал этим обезьянам явиться в Кишкиндху. Тысячи и миллионы медведей, сотни голангулов (2.263) и бесчисленные коты (3.263) обезьян, полных сил, сегодня предстанут перед тобой. Поэтому, о победитель своих врагов, обуздай свой гнев. Видя твое лицо, искаженное от гнева, и пылающие глаза, жены тех доблестных обезьян, лишившись покоя, трепещут от страха, как это было в час гибели Бали.

Глава 36 Лакшмана мирится с Сугривой

Мягкосердечный Лакшмана с почтением внимал справедливым и возвышенным словам Тары. Видя благосклонность Лакшманы, царь обезьян отбросил всякий страх, как скидывают мокрую одежду, сорвал с шеи яркую гирлянду и швырнул ее прочь, от его опьянения не осталось и следа. Желая снискать милость храброго воина Лакшманы, царь обезьян смиренно сказал:

– О Саумитри, я лишился выпавшей на мою долю удачи, славы и царства обезьян, которые Рама даровал мне! Кто может даже отчасти воздать божественному Раме, славному своими подвигами, о царевич? Добродетельный Рагхава отыщет Ситу и сам сразит Равану. Что же касается меня, то я буду просто сопровождать его. В какой помощи нуждается тот, кто одной стрелой пронзил семь огромных деревьев, гору и землю? Звук его натянутого лука вызывает трепет у земли с ее горами, чем можно помочь ему? Я просто буду следовать за этим индрой среди людей, о Лакшмана, когда он выступит в поход против Раваны и его рода. Если я в малейшей мере предал его дружбу или доверие, пусть он простит меня; кто из нас безгрешен? Довольный великодушным Сугривой, Лакшмана с любовью сказал ему:

– Несомненно, брат мой не нуждается в поддержке, о царь обезьян, особенно, о Сугрива, в союзе с тобой, полном смирения. Ты так искренен и храбр, что достоин наслаждаться несравненным процветающим царством обезьян. С твоей помощью, о Сугрива, знаменитый Рама скоро повергнет в битве своих врагов. Добродетельный и заботливый, отважный в бою, ты произнес благородные слова, достойные тебя, о друг. Кто еще, пребывая на вершине власти, признает свою ошибку и скажет такое, о тур среди обезьян? Храбростью и силой ты равен Раме! Боги послали тебя в союзники Раме, о царь обезьян! К чему медлить, о герой, отправимся сейчас же, чтобы принести утешение твоему другу, который страдает в разлуке со своей супругой. О Сугрива, прости мне упреки, которые я бросал тебе, не в силах видеть безбрежный океан печали Рамы.

Глава 37 Сугрива собирает свою армию

Выслушав Лакшману, Сугрива тут же повелел Хануману, стоявшему рядом:

– Сзови всех, кто живет на вершинах гор Махендра, Химават, Виндхья, Кайласа и Мандара, а также с вершин горы Панду и пяти холмов; всех, кто живет в горах, сияющих, как утренняя заря, на самых дальних берегах моря на западе и в горах на востоке, которые являются обителью бога солнца; огромных обезьян, нашедших прибежище в лесах Падмачалу; обезьян, напоминающих облака и обладающих силой повелителя слонов, которые живут на холме Анджана; сияющих золотом обитателей пещер в горах Махашаила и тех, кто часто посещает склоны горы Меру и Дхумра; подобных восходящему солнцу и совершающих огромные прыжки обезьян, которые на горе Махаруна пьют вино маирея; обитателей обширных, пышных, цветущих лесов с их чарующими просеками, где стоят хижины аскетов. С помощью быстроногих обезьян дарами и уговорами собери мой народ со всего света. Я разослал уже посланников, известных своим проворством, и все же чтобы ускорить дело, пошли новых гонцов. Пригласи даже тех вожаков обезьяньего племени, кто ленив и погряз в наслаждениях. Если они в течение десяти дней не отзовутся на мой призыв, они заплатят жизнью за нарушение царского приказа. Я желаю собрать свою армию в сотни, тысячи и миллионы самых сильных и доблестных среди обезьян, послушных моей воле. Пусть те великие обезьяны, подобные туману, покрывшему небеса, устрашающие на вид, придут по моему зову. Пусть обезьяны, знающие все пути и дороги, обойдут землю; поскорее сзови их по моему приказу! Исполняя волю царя, сын ветра разослал разумных гонцов во все части света. Послушные своему государю гонцы немедленно отправились в путь, подобно Вишну, в облике карлика-брахмана тремя шагами отмерившему Землю, избрав дорогу птиц и звезд. Обойдя моря, горы, леса и озера, они созвали всех обезьян на помощь Раме. Как только те доблестные обезьяны услышали грозный зов Сугривы, они тут же в страхе отправились в Кишкиндху. Три коти черных, как смоль, и полных сил воинов Плавамгамы спустились с горы Анджана, чтобы помочь Раме. Резвившиеся на высоких холмах, где садится солнце, сияющие как золото явились числом в десять коти. Тысячи обезьян с рыжей, как львиная грива, шестью спустились с вершин горы Кайласа, так же как десять миллионов питающихся фруктами и кореньями жителей Хима-

вата. Миллионы и миллионы страшных с виду и славных своими деяниями, напоминающих горящий уголь плавангов поспешно спустились с горы Виндхья. Тех, кто жил на берегах белого моря, обитателей лесов тамала, и всех, кто питался кокосами, невозможно перечислить. Собралась великая армия обезьян, созданных из лесов, пещер и рек, способных испить солнечный свет. Могущественные гонцы, поспешно оповестившие всех своих собратьев, обнаружили на вершине горы Химават огромное дерево. В древние времена на этой божественной и священной вершине проходило великое жертвоприношение Махадеве, который исполняет все желания богов. Из священного зерна и семян (1.267), разбросанных во время жертвоприношения там выросло множество фруктов и корней, вкусом подобных амрите, и те, кто ел их, не нуждались в пище в течение месяца. Обезьяны собрали те небесные корни и фрукты вместе с лекарственными травами, выросшими на месте жертвоприношения и вместе с ароматными цветами принесли Сугриве. Обойдя весь мир, быстроногие и вдохновленные гонцы Сугривы поспешно вернулись в Кишкиндху и, положив к стопам государя фрукты, корни и травы, сказали:

– Мы обошли все горы, реки и леса. Обезьяны со всей земли откликнулись на твой зов! Слова эти доставили удовольствие Сугриве, царю обезьяньего племени, и он принял принесенные ему дары.

Глава 38

Сугрива отправляется на встречу с Рамой

Сугрива поблагодарил своих верных гонцов, успешно справившихся со своей задачей, и распустил их, а сам принялся размышлять о миссии, возложенной на него могущественным Рагхавой. Тут доблестный царь обезьян услышал почтительный голос Лакшманы:

– О друг, нам пора покидать Кишкиндху! – Да будет так! Я твой слуга! – с радостью в сердце отозвался Сугрива. Сугрива простился с Тарой и другими женщинами и, собирая вожakov обезьян, зычно кликнул:

– Идите сюда! На его зов немедленно пришли все, кому позволялось смотреть на женщин и входить во внутренние покои. Почтительно сложив ладони, обезьяны предстали перед царем, сиявшим как солнце. – Скорее приготовьте носилки, о обезьяны! – повелел он. Они тут же бросить исполнить приказ, и как только все было готово, верховный государь обезьян сказал Саумитри:

– Пожалуйста, поднимись на паланкин, о Лакшмана! С этими словами Сугрива вместе с Лакшманой взошли на сияющий как солнце золотой паланкин, который держали на своих могучих плечах несколько обезьян. Белый полог раскинулся у Сугривы над головой и великолепные опахала из хвостов белого яка с обеих сторон обмахивали его. В сопровождении горнов и барабанов, под пение бардов царь обезьян отправился в путь. Окруженный сотнями воинов– обезьян с оружием в руках, он скоро достиг уединенной лесной обители Рамы. Сугрива сошел с паланкина и предстал перед сыном Дашаратхи, почтительно сложив ладони, и обезьяны ровными отрядами выстроились у него за спиной. Увидев огромную армию обезьян, напоминающую озеро, покрытое ковром цветущих лотосов, Рамы остался доволен Сугривой. Доблестный Рама поднял царя обезьян, распростершегося у его стоп, и обнял, являя свою любовь и уважение, и предложил сесть. Глядя на него, сидящего на земле, Рама сказал:

– Тот, кто благоразумно отводит время долгу, наслаждению, законно приобретает богатства и почитает свои обязанности, является истинным царем, о лучший среди обезьян; но тот, кто пренебрегает долгом, истинным благом и дозволенными удовольствиями подобен человеку, уснувшему на верхушке дерева, который не проснется пока не упадет. Монарх, всегда готовый уничтожить своих врагов и доставить радость друзьям, кто срывает плод тройной пищи (1.269), – воистину исполняет свой долг. Настало время действовать, о сокрушитель своих врагов, поэтому держи совет со своими министрами, о царь

обезьян! – Я потерял свою славу и удачу вместе с царством обезьян, о длиннорукий воин, но вы с Лакшманой милостиво вновь вернули их мне, о величайший их победителей! – отвечал Сугрива. – Достоин презрения тот, кто не воздаст за оказанную услугу! Сотни могучих вожаков обошли землю, чтобы собрать обезьян со всего мира, о сокрушитель врагов. Доблестные обезьяны и медведи, устрашающего вида, знающие леса и непроходимые чащи, обезьяны, рожденные богами и гандхарвами, способные по желанию менять свой облик, построились в отряды и выступили в поход, о Рама. За обезьянами, которых ты видишь здесь, идут сотни и тысячи, миллионы и десятки миллионов (2.269). Эти обезьяны и их вожаки, доблестные как Махендра, могучие и статные как горы, спустились сюда с гор Меру и Виндхья. Они будут сражаться на твоей стороне в войне с Раваной и, повергнув его на поле сражения, вернут тебе Ситу. Знаменитый царевич сиял от радости, его прекрасное лицо напоминало цветущий голубой лотос, когда он слушал о столь желанных его сердцу приготовлениях доблестного царя обезьян.

Глава 39 Прибытие сил Сугривы

Рама, самый добродетельный из людей, взял Сугриву за руки, который со сложенными ладонями стоял перед ним, и, прижав к груди, сказал:

– Неудивительно, что Индра насылает дожди, а солнце тысячами лучей рассеивает тьму, неудивительно, что луна своим светом освящает ночь, а подобные тебе творят счастье своих друзей, о сокрушитель врагов! Я не удивляюсь благородству твоей души, я понял тебя, слушая твои речи. С твоей помощью, о друг, я уничтожу своих врагов на поле сражения. Ты – мой соратник, ты поможешь мне! Себе на погибель этот мерзкий демон унес Маитхили, как Анухлада (1.270), похитивший Сачи, впервые обманув ее отца (2.270). Скоро я убью Равану своими острыми стрелами, подобно Шатакрату, повергнувшему высокомерного отца Пауломи. Не успел Рама договорить, как тьма окутала землю, сокрыв свет могучего солнца. Облака пыли нависли над горами, лесами и долами, земля задрожала. Насколько хватало глаз, повсюду были обезьяны, величественные, как цари, с острыми зубами, наделенные огромной силой. В мгновение ока этих могучих обезьян окружили сотни коти войск невиданной силы, ревущих, как удары грома, собравшихся с рек, гор, лесов и морей. Обезьяны цвета восходящего солнца или белые, как луна, оттенка тычинки лотоса или тусклые, обитавшие на золотых горах, явились сотнями тысяч, чтобы служить знаменитому и доблестному Сугриве. Влиятельный отец Тары, словно золотой холм, возглавлял многие тысячи коти. Отец Румы, свекор Сугривы, сияющий, как восходящее солнце или прожилки лотоса, возглавлял еще тысячи обезьян. Великий Кешарин, знаменитый отец Ханумана, явился в сопровождении многих тысяч обезьян. Гавакша, царь голангулов, безграничной силы был окружен миллионами своих верных воинов; Дхумра, повергающий врагов, стремительно приближался во главе двух тысяч медведей; пришел беспримерной силы вожак Панаша, сопровождаемый тремя миллионами могущественных и страшных воинов, а за ним следовал громадный Нила, черный, как смоль, во главе десяти коти обезьян. Яркий, как золотая гора, героический Гавая прибыл с пятью коти надежных солдат, а храбрый вожак Даримукха, преданный Сугриве, привел тысячу коти. Ашвипутры, два могущественных сына Ашвини-кумаров, Маинда и Двивида привели сотни тысяч обезьян. Отважный воин Гаджа вел армию в три коти, а знаменитый царь медведей по имени Джамбаван привел десять коти и отдался на волю Сугривы. Спешил и славный Румана в сопровождении сотни коти бесстрашных обезьян. Сотни, тысячи и миллионы воинов следовали за Гандхамаданой, а также бесконечное число за царевичем Ангадой, мужественным, как и его отец. Сияя как звезда пришел исключительно доблестный Тара, издали ведя пять коти отважных воинов, а за ним следовал Индраджану, храбрый и опытный генерал, который вел одиннадцать коти. Здесь был также Рамбха с айутой (1.271) солдат и вожак Дурмукха, доблестный и неподражаемо отважный, который вел две

коти обезьян, напоминающих сверкающие вершины горы Кайласа. Ханумана сопровождали тысячи воинов, так же как и за храбрым Налой шли сотни тысяч лесных обезьян. Удачливый Даримукха, приведший десять коти воинов, с громкими криками занял свое место рядом с Сугривой. Шарабха, Кумуда, Вахни, Рамбха и многие тысячи обезьян, способных по желанию менять облик, вместе со своими бесчисленными войсками покрыли землю, горы и леса. Все обезьяны мира собрались вокруг Сугривы, крича и прыгая. Плаванги окружили своего царя, словно гряды облаков – солнце. Полные мужества и силы они издавали громкие возгласы одобрения и склоняли свои головы перед правителем обезьян. Вожаки, командовавшие армиями, по традиции приблизились к царю и встали рядом, сложив ладони. Тогда Сугрива с исключительной преданностью предстал перед Рамой и сообщил о прибытии огромной армии обезьян. Затем он обратился к своим генералам, полным воинского пыла:

– О вожаки обезьян! Как положено, расположите ваши армии на склонах горы, близ ручьев в лесах и выясните точное число своих воинов!

Глава 40

Сугрива посылает обезьян на восток на поиски Ситы

Отдав необходимые распоряжения, повелитель обезьян сказал Раме, льву среди людей, повергающему сонмы врагов:

– Здесь собрались лучшие обезьяны, населяющие мои владения. Все они равны Махендре и вольны перемещаться, куда пожелают. Эти свирепые воины подобно великанам и демонам обладают неизмеримым могуществом и славятся своими подвигами. Воинственные, доблестные, неутомимые и необычайно дальновидные в своих планах все они явились вместе со своими огромными силами. О Рама, неисчислимые миллионы, населяющие обширные горные пространства, преодолели землю и море, чтобы служить тебе. Все они желают блага своему господину и послушны твоим приказам. Они в твоём распоряжении, располагай ими, как пожелаешь. Хотя я целиком посвящен в твой замысел, поступай, как считаешь нужным. Рама, сын Дашаратхи, взяв Сугриву за руки, сказал:

– О дорогой и мудрый друг, позволь нам узнать сначала, жива ли еще Сита, и где находится Равана. Как только мы выясним, где искать дочь Видехи, обстоятельства сами подскажут, как нам действовать. О царь обезьян, ни мне, ни Лакшмане нет смысла руководить поисками; ты должен стать их лидером и направить их. О повелитель, возьми же на себя командование армией. Ты полностью посвящен в мой замысел, о герой. Ты – второй мой друг (1, 273), мужественный, мудрый, умеющий выбрать подходящий момент, преданный моим интересам, необычайно верный и совершенный. Приободренный Рамой Сугрива в присутствии двух потомков Икшваку сказал своему генералу Винате, похожему на великую гору, с громовым голосом:

– О лучший из вожаков, сопровождаемый обезьянами, яркими, как солнце и луна! Ты способен извлечь пользу из любых сложившихся обстоятельств, мудро используя время и место, ты опытен в управлении делами! Возьми сотни и тысячи обезьян и исследуй восточную часть земли с ее лесами, горами и реками, чтобы разыскать Ситу, царевну Видехи, и выяснить, где находится крепость Раваны. Среди нерушимых гор, в густых лесах и у быстрых рек ищи любимую супругу Рамы, невестку царя Дашаратхи. Осмотри прекрасную Бхагиратхи, Сараяу, Каушику и Калинди, чарующую Ямуну и великие холмы на берегах Сарасвати, Синдху и Шона с рубиновыми водами, Махи и Каламахи с их великолепными лесистыми холмами. Ищи их в Брахмамалах, Видехах, Малаване, Кашикошалах и Магадах, Пундрах и Ангах, в землях изобилующих шелковичным червем и серебряными рудниками, в горах и городах вдоль берегов моря. Посети дома Мандары, иди среди людей, чьи уши висят, как тряпка до нижней губы, со страшными черными лицами, одноногие, но быстро передвигающиеся, не ведающие старости; ищи среди тех, кто питается человеческой плотью, и киратов, златокожих охотников, приятных на вид с густыми воло-

сами, завязанными узлом, питающихся сырой рыбой и живущих на островах, а также среди ужасных созданий с телом людей и головой тигра.

О жители лесов! Ищите внимательно всюду, куда можно залезть или подплыть, на острове Ява семи царств, а также на золотых и серебряных островах Суварна и Рупаяка, изобилующих золотыми рудниками. Кроме того, в горах Шишира, вершины которых достигают небес и служат обителью богам и великанам. Ищите славную супругу Рамы среди нерушимых гор, водопадов и лесов! После этого вы достигнете красных и быстрых вод реки Шона. Оттуда спускайтесь к берегу моря, где живут сиддхи и чараны. В тех чарующих священных местах ищите Равану и Ситу, обойдите все леса, горы, бурлящие реки, джунгли и полные пещер вершины. Полезно будет также проверить ужасные острова в океане, где режут и бьются о скалы огромные волны, поднятые бурей. Там живет асура невиданных размеров, который с позволения Брахмы хватает тень пролетающих над морем птиц. Достигнув бескрайнего океана, который шумит, как облака в час уничтожения вселенной, часто посещаемого огромными змеями, будьте особенно внимательны. Переправьтесь через море Лохита с ужасно красными водами, и вы приблизитесь к могучему дереву шамали, покрытому наростами. Там находится воздвигнутая Вишвакармой обитель Гаруды, сверкающая всеми драгоценными камнями и напоминающая Кайласу. Страшные демоны Мандехасы, словно холмы различной формы, лежат, замерев, на тамошних скалах. День за днем с восходом солнца те демоны падают в море, уступая силе Брахмы, а затем снова замирают на скалах. Продолжая путь, вы достигнете моря Кширода, которое напоминает белое облако с его волнами, сияющими, как жемчужное ожерелье. Посредине этого моря стоит гора Ришабха, поросшая ароматными цветущими деревьями. На ней есть озеро Сударшана, покрытое ослепительными серебряными лотосами с золотыми пестиками, на котором живут великолепные фламинго. Вибхуды, чараны, якши и киннеры вместе с апсарами резвятся на берегах того озера. Покинув море Кширода, о воины, вы придете на берег моря Джалада, которое наводит ужас на все живое во вселенной. Риши Аурва (1.275) силой своего гнева создал сияющий предмет, который Брахма превратил в голову коня. От нее исходит нестерпимый жар, а пищей ей служат все движущиеся и неподвижные твари во вселенной. Места те оглашены воплями несчастных морских созданий, которые не выносят силы того огня. На севере моря Сваду возвышается гора Джатарупашила, простирающаяся на тринадцать йоджан и сверкающая золотом. Там, обезьяны, вы увидите опору Земли, змея, напоминающего луну, с огромными как лепестки лотоса глазами, которому поклоняются боги. У него тысяча голов. Это темный божественный змей Ананта, который спит на вершине горы. Здесь же стоит золотая пальма с тремя ветвями, напоминающими флаги на алтаре. Это граница восточной части земли, установленная богами. Гора Удая в сто йоджан размером своими золотыми вершинами подпирает небеса. Ее украшают прекрасные деревья шала, тамала и цветущее карника, которые сияют как солнце. Вы увидите также вершину Сауманасу в четыре мили шириной и в сорок высотой. На этой горе в былые времена Верховный Господь Вишну, отмеривая тремя шагами Землю, сделал свой первый шаг. Второй шаг Он сделал на горе Меру, и покрыл всю Землю. Поскольку Господу некуда было сделать последний, третий шаг, царь Бали поставил собственную голову. Солнце движется с Джамбудвипы на север, достигает вершины Сауманасы и снова предстает взору жителей Джамбудвипы. Здесь великие риши Вайкханасы, сияющие как солнце, совершают свои аскезы. Это остров Сударшана, где встает солнце, даруя свет всему живому. Ищите Джанаки и Равану на этой нерушимой горе, в лесах. На горе Шайла, освещенной солнцем, можно увидеть розовый восход. Поскольку именно там восходит солнце, еще на заре творенья Брахма установил в этом месте врата мира, называемые Восток. Ищите Ситу и Равану на склонах той гор, в пещерах и среди водопадов. За пределами непроходимой восточной части, населенной богами, нет солнца и луны, там все покрыто тьмой. Ищите царевну среди всех скал, лесов и морей, о которых я рассказал вам, но, о великие обезьяны, дальше вы не сможете проникнуть. Далее лежит пространство, лишённое солнца, и границы его неведомы мне. Ищите Ваидехи

и обитель Раваны вплоть до горы Удая, а потом возвращайтесь по истечении месяца. Не задерживайтесь дольше назначенного срока, а иначе вы будете наказаны смертью. Достигнете цели своего путешествия, разыщите Маитхили и, исследовав любимую обитель Махендры, поросшую густыми лесами, со спокойной душой возвращайтесь.

Глава 41

Сугрива отсылает других обезьян на юг

Отослав могучий отряд обезьян на восток, Сугрива собрал другую хорошо подготовленную армию на юг. Избрав Ангаду вожаком тех героических обезьян, царь обезьян, зная, какие земли нужно обойти в поисках Ситы, послал на юг быстроногих и доблестных Нилу, сына Анги, обезьяну Ханумана, необычайного сильного Джамбавана, Сухотру и Шарари, Шарагулму, Гаджу, Гавакшу, гаваю, Сушену, Вришабху, Маинду, Двивиду, Гандхамадану, Улкамукху и Анангу, двух сынов Хуташаны. Царь обезьян стал описывать вожакам труднодоступную южную часть земли:

– Сначала вы увидите просторы Виндхья с сотнями вершин, поросших деревьями и разнообразным кустарником, чарующую реку Нармаду, любимую могучими змеями, а также широкий и прекрасный поток Годавари с его темными тростниками и живописную Кришнавени. Вы пройдете земли Мехала и Уткала, город Дашарну, а также Абраванти и Аванти, Видарбху и Ништику, плодородную Махишаку. Вы увидите также земли матсьев, калингов и каушиков. Ищите царевну и леву Дандака с его горами, реками и пещерами, на реке Годавери, исследуйте провинции андхров, паундров и чаласов, падьев и кералов. Затем отправляйтесь на гору Айомукха, богатую рудой с великолепными вершинами, покрытую цветущими лесами. Внимательно осмотрите эту гору с ее прекрасными сандаловыми лесами. Вы увидите божественную реку Кавери с чистыми водами, где любят резвиться апсары. На вершине огромной горы Малая, сияющей как солнце, вы увидите Агастью, величайшего из мудрецов. С позволения этого великодушного риши вы переправитесь через великую реку Тамрапарни, кишашую крокодилами. Восхитительные сандаловые леса покрывают острова той реки, стремительно несущей свои воды к океану, как юная невеста спешит на встречу со своим возлюбленным. Продолжая путь, о обезьяны, вы увидите золотые с жемчугом ворота города пандьев. В надежде на успех вы приблизитесь к морю и поймете, что способны переправиться через него. Посреди океана Агастья Муни поместил величайшую среди гор – Махендру – с лесистыми склонами. Вся из золота, она уходит далеко и глубоко под воду. Это удивительной красоты обитель богов, риши, якшей и апсар, бесчисленных сиддхов и чаранов, которую каждое новолуние посещает тысячеглазый бог.

На другой стороне моря есть остров в четыреста миль длинной, недоступный для людей и сверкающий. Осмотрите его особенно внимательно, потому что это обитель злобно-го Раваны, достойного смерти повелителя демонов, сияющего, как сам Индра. Посреди океана живет демоница по имени Ангарака, которая ловит своих жертв, пролетающих над морем, хватая их тень. Отбросив всякие сомнения, ищите там супругу этого царя людей безграничной славы. За этим островом среди моря стоит прекрасный холм, на котором живут небожители Пушпитаки. Сияющие, как лучи солнца или луны, омываемые океанскими волнами, они, кажется, своими вершинами достают небес. Среди них есть одна вершина, на которой покоится солнце, а другая – на которой покоится луна. Неблагодарные и безбожные не могут увидеть их. Поклонившись этим вершинам, поприветствуйте их и продолжайте поиск. Вы достигнете другой трудно проходимой горы Сурьяван, которая тянется более чем на четырнадцать йоджан, а также зеленую гору Вайдьюта, поросшую удивительными деревьями, плодоносящими любыми фруктами круглый год. отведайте тех вкусных фруктов и корней и выпейте меда, что течет из их дупел, и отправляйтесь дальше, о обезьяны. Вы увидите гору Кунджара, восхищающую взор и душу, на которой Вишвакарма возвел обитель Агастьи. Простираясь на четыре мили это величе-

ственное золотое сооружение, украшенное многочисленными драгоценными камнями, поднимается в небо на десять йоджан. Там также есть город Бхогавати, неприступная обитель змей с просторными улицами, которую охраняют огромные змеи с острыми и страшно ядовитыми зубами. Здесь живет смертоносный царь змей по имени Васуки. Тщательно осмотрите этот город, насколько возможно, загляните в каждый потаенный уголок. Отправившись дальше, вы увидите прекрасную гору Ришабха, которая имеет форму быка, полную драгоценных камней. На ней растут необыкновенные деревья гоширака, падмака и харишьяма, сияющие, как огонь. Можете не входить в сандаловый лес, потому что гандхарва по имени Рохита защищает его вместе пятью другими небожителями, сияющими как солнце, – Шаилуша, Грамани, Шикша, Шука и рабхру. Затем вы увидите обитель аскетов, сияющих как солнце, луна и огонь. Это край земли, где живут те, кто завел небеса. За его пределами лежит непреодолимая смертельная обитель питриев. Это город Смерти, окруженный глубоким мраком, о туры среди обезьян. Продолжайте свои поиски не дальше этого места. Те, кто вступают за запретную черту, не возвращаются. Обойдите все, что доступно для вас, ища след царевны, и тот, кто вернется спустя месяц и скажет: «Я видел Ситу», – проведет оставшуюся жизнь в полном счастье, наслаждаясь процветанием наравне со мной, во всевозможных удовольствиях. Не будет для меня никого дороже этого героя, я буду обласкивать его, как родного, и, сколько бы ошибок он ни совершал, он навсегда останется мне другом. Ваша сила и могущество неизмеримы, вы родились в славных и добродетельных семьях, поэтому мужественно ищите царевну Ситу. Приступайте к этой величайшей миссии и явите свой героизм!

Глава 42

Обезьяны отправляются на запад

Отослав армию обезьян на юг, Сугрива со склоненной головой и сложенными ладонями обратился к вожаку Шушене, подобному облаку почтенному отцу его супруги Тары, обладавшего огромным могуществом. Он отдал приказы Мариче, сыну Махарши, и могучей обезьяне Арчисмату, окруженному самыми сильными обезьянами, сияющему, как Махендра и Ваинатея, а также к потомкам Маричи, могущественным Арчирмалаям:

– О вожаки обезьян, пусть двести тысяч обезьян во главе с Шушеной отправятся на запад искать Ваидехи! Обойдите многие страны – Саураштра, Бахилака и Чандрачитра, богатые сурьмой, и другие области и населенные места, прекрасные города, Куکشу, лесные чащи, полные деревьев пуннага, бакула и уддалака, а также пространства, поросшие кетакой, по которым текут благословенные потоки, неся свои прохладные воды на запад. Исследуйте лес, в котором живут аскеты, и горы, покрытые лесами. Осмотрев земли, напоминающие пустыню, высокие скалы и непреодолимые горные кряжи, идите дальше и вы увидите море, полное китов и крокодилов, о обезьяны. Отдохните в густых рощах кетаки и тамалы, где много кокосовых пальм. Идите там Ситу и крепость Раваны, среди холмов и лесов, на берегах моря и в городах Мурачипаттана, Джатапура, Аванти и Ангалапа, а также в лесу Алакшита и во всех тех обширных царствах. Там, где река Синдху впадает в океан есть высокая гора Сомгири с сотней вершин, поросших высоким лесом. На ее склонах живут синдхи (1.280), которые носят в свои гнезда китов и слонов. Это страна горных хребтов и обширных плоскогорий, где бродят дикие слоны, не ведая голода, их трубные крики напоминают раскаты грома. Обезьяны, по желанию меняющие облик, обыщите эту золотую вершину, уходящую в небо и покрытую чудесными деревьями. Посреди моря возвышается золотая гора Париятра, занимающая пространство более чем в сто йоджан. На ней живут тысячи могущественных гандхарвов, сияющих, как огонь, огромных и злых. О доблестные обезьяны, не приближайтесь к ним и не пытайтесь сорвать там фрукты. Те могущественные гандхарвы чрезвычайно бдительно охраняют свои фруктовые деревья. Но непременно поищите там Джанаки, вам нечего бояться, если вы остаетесь в облике обезьян. Там же есть огромный изумрудный холм Ваджра, сияющий

как алмаз, покрытый деревьями и лианами, в сто йоджан высотой и длинной. Внимательно обойдите все пещеры на этом холме. Посреди океана стоит гора Чарават, где Вишвакарма выковал диск с тысячей спиц, который вместе с раковиной забрал себе Шри Вишну, Верховный Господь, убив Панчаджану и данаву Хаягриву. Ищите Равану и дочь Видехи в тех глубоких пещерах и на чарующих склонах. Далее, поднимаясь из глубин моря стоит величественная гора Вараха с ее золотыми вершинами, простирающаяся на шестьдесят четыре йоджаны. На ней стоит золотой город Прагджйотиша, в котором живет великан Нарака. Среди прекрасных плоскогорий и огромных пещер ищите Равану и Ваидехи. Миновав те огромные горы, в недрах которых хранится золото, вы достигнете горы Сарвасауварна со множеством водопадов. На ее склонах много слонов, диких кабанов, львов и тигров, рев которых эхо разносит день и ночь, создавая невероятный шум. Рядом стоит гора Мегха, где боги короновали удачливого Махендру, усмирившего демона Паку и славящегося своим зеленым конем. Миновав эту гору, которой покровительствует Махендра, вам предстоит пройти шестьдесят тысяч золотых холмов, сверкающих, как восходящее солнце, повсюду распространяющих свое сияние и поросших цветущими золотыми деревьями. Посреди этих дивных холмов стоит величайший царь гор Меру, благословленный в былые времена довольным богом солнца: «По моей милости все горы, которые днем и ночью будут искать у тебя прибежище, станут золотыми. Более того, боги, гандхарвы и демоны, поселившись на твоих склонах, станут моими преданными будут сиять, как золото». В сумерки вишвадевы, васу, маруты и небожители собираются, чтобы выразить свою любовь богу солнца. Приняв их поклонение, солнце заходит за горизонт, проходя сорок тысяч миль в час и скрываясь за горными кряжами. На вершине той горы возвышается дворец, сияя как солнце, украшенный бесчисленными башнями, который возвел Вишвакарма. Кругом растут разные деревья, на ветвях которых живут птицы. Это обитель великодушного бога воды Варуны с петлей в руках. Между горой Меру и хребтом Астачала на чудесном основании стоит великое дерево Тала из чистого золота с десятью основными ветвями, сияя удивительным светом. Обойдите все непроходимые места на этой горе в поисках Раваны и Ваидехи, все озера и реки. Там живет добродетельный Мерусаварни, святой своими аскезами и равный самому Брахме. Поклонившись, спросите подобного солнцу Махариши Мерусаварни о дочери Митхилы. Обойдите все земли, освещаемые солнцем, пока оно не сокроется за горами Астачала, о туры среди обезьян, но дальше все окутано тьмой и не имеет границ, мы ничего не знаем о тех пространствах! Ищите Ситу и Равану до гор Астачала и по истечении месяца возвращайтесь. Те, кто не придут в назначенный срок, умрут. Мой длиннорукий свекор наделен великой силой, он будет вашим вожаком. Твердо следуйте его приказам и слушайте все, что он скажет. Это мой духовный наставник. Доблестные и знающие путь, все же вы должны принять его своим вожаком и исследовать западную часть земли. Отплатив добром за содеянное добро, мы достигнем желанной цели. Вы должны знать, что доставит удовольствие Раме, и согласно времени и месту исполнить его волю. Огромная армия обезьян во главе с Шушеной, выслушав мудрый совет Сугривы, приветствовала его и отправилась в западные земли, которым покровительствует Варуна.

Глава 43

Искатели отправляются на север

Сугрива, повелитель обезьян, во исполнение желаний Рамы обратился к героическому Шатавали:

– Вместе со ста тысячами лесных обезьян, сыновьями Вайвасваты и своими советниками проверь северные земли, о герой, увенчанные заснеженными вершинами Гималаев. Повсюду ищи знаменитую супругу Рамы. О самый осмотрительный среди обезьян, свершив порученное дело и доставив удовольствие сыну Дашаратхи, мы исполним свой долг и достигнем успеха. Великодушный Рагхава оказал нам огромную услугу, и мы должны

сделать что-нибудь ему в благодарность. Жизнь наша будет бесплодной, если хоть один из наших подданных до конца не исполнит своего долга. Нужно приложить все силы, чтобы воздать своему благодетелю. С этой мыслью все, кто дорожат нашим расположением и счастьем, должны приложить все силы, чтобы найти Джанаки. Рама, лучший среди людей, почитаемый всей вселенной, сокрушивший множество врагов, заключил с нами дружеский союз. Мужественные и дальновидные, исследуйте бескрайние и опасные северные земли, реки и горы. О Шатавали, обойди земли млеччхов, пулиндов, шурасенов, прастхалов, бхаратов, куру, мадраков, камбходжев и яванов. Посети города шаков и варадов, а после этого посетите Химават. На просторах лодхров и падмаков, в лесах девадаров ищи Равану и Ваидехи. Дойди до обители Сома, любимой девами и гандхарвами, иди до горы Кала с обширным плоскогорьем. Посреди тех горных пространств, в долинах и пещерах ищи знаменитую деву, безупречную супругу Рамы. Преодолев златогрудую гору, ты выйдешь на открытое пространство в четыреста миль, лишненное гор, рек и деревьев, нет там ни одного живого существа. Поскорее преодолев эту пустыню, ты достигнешь безупречной горы Кайласа, которая приведет тебя в восхищение. Там ты увидишь чарующую обитель Куверы, сверкающую золотом и напоминающую облако, которую возвел Вишвакарма. В той удивительной обители ты увидишь огромное озеро, любимое место игр апсар, покрытое цветущими лотосами и лилиями, где много лебедей и уток. Царь Вайшравана, прославляемый всем миром и щедро раздающий богатства, развлекается там с гухьяками (1, 283). Среди тех гор, сияющих как луна, в их глубоких пещерах, ищи Равану и Ситу. Дойдя до горы Краунча с особой осторожностью войди в ее непроходимые пещеры, в которые, как известно, очень трудно проникнуть. Там живут великие и знаменитые риши, сияющие как солнце, прославляемые богами, облик которых они принимают. Осмотри и другие пещеры, плоскогорья и вершины горы Краунча. Затем ты увидишь лишенную деревьев вершину Манаса, которая исполняет все желания и которая недостижима даже для птиц. Гора та не привлекает ни богов, ни демонов, никакой живой твари, но ты осмотри ее. Далее лежит гора Маинака, на которой воздвиг себе обитель великий демон Майя. Осмотри это место с его плоскогорьями и лесами, где живут женщины с головами лошади. Покинув эти земли, ты достигнешь обитель сиддхов, где живут аскеты валакхильи и ваикханасы. Вырази почтение тем возвышенным созданьям, своими аскезами очистившимся от грехов и смиренно расспроси их о Сите. Там есть озеро Вайкханаса, покрытое золотыми лотосами, обитель прекрасных лебедей, сияющих, как рассвет. Слоны Куверы по имени Сарвабхаума бродят в тех местах вместе со своей слонихой. За пределами этого озера простирается небо без луны, солнца, звезд и облаков, но оно сияет благодаря живущим там богоподобным мудрецам, увенчанным аскетизмом. Покинув эту обитель, ты придешь к реке Шаилода с тростником кичака по берегам, которым пользуются сиддхи, переправляясь с берега на берег. Там находятся земли Уттара Куру, дарующие прибежище тем, кто обрел духовные заслуги, и озеро, поросшее золотыми лотосами. В дивных местах текут бесчисленные реки в темно-зеленых, как изумруд, листьях лотосов, и озера цвета восходящего солнца, украшенные зарослями малиновых лотосов. Жемчуга и редкие драгоценные камни, заросли голубых цветов с золотыми пестиками ковром устилают тех земли. Ты увидишь там реки со множеством островков, изобилующих золотом, и высокими берегами, усыпанными драгоценными камнями. Деревья, полные птиц, весь год дают цветы и сочные и ароматные фрукты и исполняют все желания. Другие удивительные деревья дают богатые одежды всех видов и украшения из жемчуга, изумрудов и других драгоценных камней, столь желанные людьми. Одни деревья дают фрукты, которые можно есть в течение года, другие – драгоценные кушетки, украшенные пышными и разнообразными покрывалами, а третьи – чудесные гирлянды, дорогие напитки и всевозможные яства. Необычайной красоты юные женщины резвятся там с гандхарвами, киннерами, сиддхами, нагами и сияющими видьядхарами. Праведные и благочестивые души встречаются там со своими женами. Чарующая слух музыка сливается со сладостным смехом, даруя радость всему живому. Нет в той обители несчастных или недовольных, с каждым днем

очарование этого дивного места растет. За пределами той земли лежит северное море. Из самых его недр встает огромная гора Сомагири. Хотя там нет солнца, земля там освещена сиянием горы Сома, как если сам Вивасват согревал ее своими яркими лучами. Здесь, пребывая в своем космическом облике одиннадцати Рудр, живет Шаумбхуинин, душа вселенной, окруженный брахмаришами.

О лучший среди обезьян, не рискуй отправляться за пределы Уттара Куру, куда нет пути ни одному живому существу. На гору Сома никому невозможно подняться, даже богам. Осмотрев эту гору, незамедлительно поворачивай обратно. Ты можешь следовать дальше, о лучший среди обезьян, но за пределами той горы протирается бесконечная ночь, неведомая нам. Обыщи все земли, о которых я поведал тебе, а также те, о которых забыл упомянуть. О герой, равный ветру и огню, узнав, где укрылась дочь Видехи, ты доставишь величайшую радость сыну Дашаратхи и мне! Достигнув желанной цели, ты и все твои родные навсегда завоюешь мое уважение и почет. Ты обойдешь землю, победишь всех своих врагов и обретешь поддержку всего живого, о обезьяна!

Глава 44

Рама отдает Хануману свое кольцо

Сугрива, уверенный, что Хануман, лучший среди обезьян, непременно добьется своей цели, решил подробно раскрыть ему свой замысел. Повелитель обезьян, очень довольный, обратился к сыну бога ветра, несравненному Хануману:

– На земле, в воздухе или на небесах, в раю или морских глубинах я не знаю препятствия, которое могло бы встать у тебя на пути, о лучший среди обезьян! Тебе известны все миры, населенные асурами, гандхарвами, нагами, людьми и богами, с их горами и морями! Ты силен, быстр, подвижен и опытен, как и твой отец, о доблестный герой! Нет на земле создания, равного тебе в силе, о бесконечно находчивый Хануман! Подумай же, как найти Ситу! Ты, о Хануман, обладаешь силой, остроумием, мужеством и дипломатией, ты учишься время и место! Понимая, что успех во многом зависит от Ханумана, славного своими подвигами, Рама подумал: «Царь обезьян безгранично доверяет Хануману, и Хануман верит в успех. Своими славными деяниями он показал себя, повелитель его высоко ценит его и верит, что он достигнет цели!» Рама, могучий воин, преисполненный надежды, величайшая радость охватила его. Со счастливым сердцем Рама, повергающий врагов, отдал Хануману кольцо со своим именем на камне и сказал:

– О лучший среди обезьян, по этому кольцу дочь Джанаки узнает в тебе моего посланника. О воин, твоя решимость, мужество и опыт, а также слова Сугривы, вселили в меня надежду на успех! Взяв из рук Рамы кольцо и приложив его ко лбу, Хануман почтительно поклонился стопам Рамы. Вместе с большим отрядом обезьян, этот герой, сын Павачи, подобный луне на безоблачном небе, окруженный звездами, приготовился в путь. На прощание Рама сказал могучему воину:

– О наделенный силой льва, я полагаюсь на твою доблесть! Приложи всю свою находчивость, сделай все, что в твоих силах, о сын ветра, о Хануман, чтобы вернуть дочь Джанаки!

Глава 45

Обезьяны отправляются в путь

Собрав всех своих воинов, повелитель обезьян Сугрива сказал им об успехе предприятия Рамы:

– О вожаки обезьян, послушные моему приказу отправляйтесь и исследуйте все описанные мною земли! И великая армия, словно саранча, покрыла землю. Весь месяц поисков Ситы Рама и Лакшмана провели на горе Прасравана. Доблестный Шатавали немедленно отправился на север, в чудесные земли, где находится царь гор (1.287). Вината, вожак дру-

гого отряда обезьян, повел своих воинов на восток. Тара (2.287), Ангада и другие вместе с сыном Паваны отправились на юг, во владения Агастьи. Шушена, лев среди обезьян ушел на запад, в ужасные земли, которым покровительствует Варуна. Разослав своих генералов во главе сонмов обезьян во все части света, Сугрива почувствовал удовлетворение в сердце. Послушные воле своего государя, вожаки поспешно вели свои отряды в указанном направлении, и их доблестные обезьяны кричали, веселились, выли и болтали, с великим шумом продвигаясь все дальше и дальше. Верные наставлениям своего монарха вожаки обезьян кричали: «Мы вернем Ситу и убьем Равану!» Некоторые говорили: «Я один одолею Равану в открытом сражении и, освобожу дочь Джанаки! Я скажу ей, все еще трепещущей от страха: «Отдохни немного, ты утомилась!» Находились и те, кто говорили: «Я один освобожу Джанаки даже из глубин ада! Я вырву деревья, расколю горы, проникну в недра земли и вспеню океан!» Один кричал: «Без сомнений, одним шагом я преодолеваю четыре мили!» – а другой: «Я – сто миль!» – третий: «Я могу прыгнуть более чем на сто миль. Ни на земле, ни на небе, ни в море, ни в горах, ни в лесах – ничто на земле не может воспрепятствовать мне!» Так хвастали перед своим царем обезьяны, гордые своей силой.

Глава 46

Сугрива рассказывает о своих странствиях по миру

Лишь только вожаки вместе со своими отрядами отправились в путь, Рама спросил Сугриву:

– Откуда тебе известны все части земли? Сугрива поклонился и отвечал Рама:

– Послушай, и я все расскажу тебе. Бали, преследуя великана Дундубхи в облике быка, направлялся к горе Малая. Махиша (1.288) вошел в пещеру на этой горе и Бали, желая убить асуру, последовал за ним. Я послушно остался у входа в пещеру, но спустя год Бали не возвращался. Неожиданно пещера наполнилась кровавой пеной, которая хлынула наружу. Увидев это, я ужаснулся и преисполнился горя относительно судьбы моего брата. Я подумал: «Мой старший брат, наверное, мертв!» – завалил вход в пещеру огромной скалой. «Бык не сможет выйти наружу и погибнет!» – подумал я и вернулся в Кишкиндху, потеряв всякую надежду увидеть Бали живым. Я вновь обрел могущественное царство, Тару и Руму и, окруженный друзьями, стал проводить свои дни в мире и счастье. Но Бали, тур среди обезьян, убил Дундубхи и вернулся. Дрожа от страха и полные смирения я передал ему корону. Однако этот злобный негодяй, вне себя от гнева жажда моей смерти, стал преследовать меня и мне пришлось бежать вместе с моими советниками. Именно тогда, неустанно гонимый братом, я прошел многие реки, леса и города. Земля показалась мне отражением вертящейся головешки в зеркале или в луже (1.289). На востоке я увидел множество разных деревьев, прекрасный гор, чарующих пещер и озер. Я увидел гору Удая, богатую золотом и белое море, обитель апсар. Преследуемый Бали, я продолжал свой полет, направившись на юг, поросшим лесами горам Виндхья, украшенным сандалом. Но увидев Бали в лесах и посреди гор, я бросился на запад. Так я побывал во всех частях света, пока наконец не достиг гор Астачала. У этих прекрасных и высоких гор я повернул на север и увидел Химават, Меру и Северное море. Нигде не находя прибежища от Бали, дальновидный Хануман сказал мне: «О царь, я вспоминаю, что царь обезьян был проклят мудрецом Матангой. Если он войдет в его обитель, голова его разлетится на сотню кусков. Поэтому мы можем смело укрыться там!» О сын царя, так я пришел на гору Ришьямука, и Бали не осмеливался появиться там из страха перед мудрецом Матангой. Вот как, о царь, я обошел весь мир и нашел прибежище в этой пещере.

Глава 47

Возвращение обезьян

В поисках Ваидехи вожаки обезьян, послушные приказу своего государя, поспешно исследовали каждый свое направление, обойдя все озера, реки, равнины, города и непроходимые потоки. Они побывали во всех лесах, горах и морях, о которых говорил Сугрива. Весь день занятые поисками Ситы, с наступлением ночи они располагались на голой земле под фруктовыми деревьями и засыпали. По истечении назначенного месячного срока они, потеряв всякую надежду, вернулись к своему царю на гору Прасравана. Могущественный Винита вместе со своим отрядом исследовал в восток, вернулся, не увидев Ситу. Затем с севера ни с чем пришел и великий Шатабали. Шушена, безуспешно обойдя весь запад, в конце месяца предстал перед Сугривой вместе со своими спутниками. Поднявшись на вершину горы Прасравана, где сидел Сугрива рядом с Рамой, Шушена почтительно поклонился и сказал:

– Мы обошли все горы, долины, леса, овраги и страны по берегам моря. Мы побывали всюду, где ты говорил, обошли джунгли, увитые лианами, непроходимые чащи и холмы. Мы встречали огромных животных и убивали их, снова и снова мы исследовали те густые леса, о повелитель обезьян. Хануман, могущественный и благородный, найдет Маитхили. Сын Ветра непременно придет туда, где находится Сита.

Глава 48 Ангада убивает асуру

Хануман, сопровождаемый генералом Тарой и Ангадой, быстро продвигался в указанном Сугривой южном направлении. Вместе с вожаками обезьян он преодолел большой путь и обыскал леса и пещеры гор Виндхья. Обезьяны осматривали суровые скалы, непроходимые реки, озера, бескрайние джунгли, рощи, бесчисленные лесистые холмы, но Маитхили, дочери Джанаки, нигде не было. Питаясь различными кореньями и фруктами, измученные усталостью они оказались в необитаемой и безводной части света, среди страшных оврагов и пустыней. Исследуя эту обширную и труднопроходимую местность с густыми лесами и пещерами, обезьяны вошли в другие, столь же неприветливые земли, где деревья не давали фруктов, цветов или листьев, где ручьи пересохли и не было кореньев. В лесу не встречалось ни одного животного – ни ланей, ни буйволов, ни слонов, ни тигров, ни птиц. Там не было деревьев, растений или лекарственных трав, не было здесь озер с цветущими ароматными лотосами и шмелей. Жил в этих местах благословенный мудрец Канду правдивых речей, сокровищница аскетизма. Силой аскезы он стал непобедимым и очень раздражительным, особенно после того, как потерял в лесу своего десятилетнего сына. Полный гнева из-за гибели мальчика, великодушный мудрец наложил проклятие на весь обширный лес, сделав его непригодным для жизни. В этих непроходимых и безжизненных землях, где не встретишь ни зверя, ни птицы, было много пустынных лесов, горных пещер и извилистых рек. Обезьяны внимательно осмотрели их все во исполнение наказа Сугривы, но не увидели ни дочери Джанаки, ни похитителя ее, Равану. Углубившись в лес, заросший лианами и шиповником, они увидели ужасного демона, не ведающего страха даже перед богами. Глядя на этого огромного демона, который, словно гора, предстал перед ними, обезьяны встали плечом к плечу, потуже затянув пояса. Могущественный Асура сказал:

– Вам конец! И, сжав кулаки, яростно бросился на них. Но Ангада, сын Бали, приняв этого демона за Равану, ударил его ладонью с такой силой, что тот, словно разбитая гора, повалился наземь, истекая кровью. Как только он перестал дышать, торжествующие обезьяны проникли в горную пещеру. Надеясь, что они на верном пути, довольные собой лесные жители вошли в другую страшную пещеру, но после бесплодных поисков вышли наружу и, измученные и удрученные, сели у подножья одинокого дерева.

Глава 49 Обезьяны тщетно осматривают юг

Исключительно мудрый Ангада обратился ко всем обезьянам и, несмотря на собственную усталость, призвал их проявить мужество:

– Мы внимательно обыскали леса, горы, реки и непроходимые чащи, долины и пещеры, но не нашли Ситы, дочери Джанаки, и злобного демона Раваны, который похитил ее. Прошла большая часть времени, отведенная нам Сугривой, чья воля непреклонна. Поэтому, отбросив апатию, уныние и усталость, еще раз проверим эти земли. Ищите всюду, где только можно найти Ситу. Настойчивость, рвение и смекалка приводят к успеху, поэтому я обращаюсь к вам! О жители лесов, не жалея сил обойдите сегодня весь этот непроходимый лес, успех зависит от ваших усилий. Недопустимо поддаваться усталости или позволить себе спать. Сугрива раздражен и назначит суровое наказание. Он очень страшен, так же как и великодушный Рама. Я говорю ради вашего блага, и, если вы согласны, поступайте соответственно или предложите что-нибудь еще, что всем нам принесет пользу, о обезьяны! Выслушав Ангаду, Гандхамадана, ослабевший от жажды и усталости, ясно проговорил:

– Слова Ангады достойны его и своевременны! Давайте же последуем его совету! Верные приказу Сугривы, обобщем все холмы, пещеры, скалы, пустыни и водопады. Все вместе обойдем леса и горные кряжи! Обезьяны поднялись, полные доблести, и снова отправились на юг, прочесывая леса Виндхья. Взбираясь на горы, напоминающие осенние облака, богатые серебром, с бесчисленными вершинами и долинами, славные обезьяны, всем сердцем желая отыскать Ситу, обошли чарующие леса, полные деревьев лодхра и шаптапарна. Из последних сил поднялись они на вершину горы, и все же не увидели Ваидехи, возлюбленной супруги Рамы. Насколько хватало глаз осмотрев гору с ее многочисленными оврагами, измученные, вне себя от усталости обезьяны спустились к подножью и на мгновение остановились под деревом. Совсем обессиленные, они мужественно решили еще раз обойти все южные земли. Вожаки во главе с Хануманом отправились в горы Виндхья.

Глава 50

Хануман и его спутники входят в пещеру Рикшабила

Хануман вместе с генералом Тарой и Ангадой снова углубились в дремучие леса и овраги Виндхьев. Бесстрашные обезьяны проникали в пещеры, оглашенные ревом львов и тигров, переходили через непроходимые бурные потоки. Наконец, они вышли на юго-западную вершину горы и остановились немного передохнуть. Из-за обширных лесов, пещер и опасных оврагов это были очень трудные для поиска земли. Тем не менее сын ветра тщательно исследовал их. На небольшом расстоянии друг от друга Гаджа, Гавакша, Гавая, Шарабха, Гандхамадана, Маинда, Дживида, Хануман и Джамбаван, юный царевич Ангада и Тара принялись обыскивать те южные горы. Во время своих поисков они увидели вход в пещеру Рикшабила, охраняемый великаном. Измученные голодом и жаждой, истощенные, они неожиданно обнаружили эту пещеру, заросшую деревьями, кустами и лианами, из которой выходили цапли, лебеди, гуси с каплями воды на крыльях, покрытые пылью лотосов. Обезьяны изумились этой пещере и пожелали несмотря ни на что войти в нее. Радуюсь тому, что нашли воду, они спустились в подземную обитель, изобилующую всякой живностью, напоминающую царство Индры, непроходимую и страшную. Хануман, сын бога ветра, подобный горной вершине, сказал мужественным обезьянам:

– Мы обошли все южные земли, покрытые цепью гор. Измученные усталостью, мы не смогли найти Маитхили. Из той пещеры выходят лебеди, цапли, журавли, мокрые от воды. Без сомнения, там есть колодец или озеро; деревья у входа в пещеру зеленые! Хануман сказал это, и обезьяны вошли в темную пещеру, где не было света солнца и луны, и шерсть на них встала дыбом. Они услышали левиный рев, крики ланей и птиц, и мужество покинуло их. Двигаясь с быстротой ветра несмотря на тьму, почти ослепшие, они все

дальше углублялись в пещеру и увидели вдруг вдалеке светлую, прекрасную обитель, полную разных ароматных деревьев. Прижимаясь друг к другу, они прошли еще четыре мили вглубь. Уставшие, сбившиеся с пути в поисках воды, они продолжали погружаться во тьму. Они совсем отчаялись, когда увидели наконец свет. Счастливые и измученные, они бросились к тому месту и увидели сияющие как золото деревья тала, тапала, пуннага, ванджула, вхава, чампака, нагаврикша и карника, полные цветов, золотистых и малиновых бутонов. Их ветви сплелись с лианами, сверкающими, как восходящее солнце, у них были изумрудные стволы и сияющая кора. Там были озера с голубыми лотосами, изобилующие лебедями, журавлями и цаплями. Огромные золотые деревья окружали это место, сиявшее, как предрассветные лучи солнца, в прозрачных озерах плавала золотая рыба и громадные лотосы. Там стояли золотые и серебряные дворцы с маленькими окнами, отделанными золотом и украшенные нитками жемчуга. Полы в них были выложены золотом и серебром, и отделаны жемчугом и алмазами. Обезьяны увидели сверкающие дворцы и деревья, полные фруктов и цветов, сиявшие, как кораллы и драгоценные камни, золотистых шмелей и мед, щедро текущий по стволам. Из взор манили лежанки и чудесные сиденья невиданных размеров, украшенные золотом и алмазами, золотые и серебряные сосуды, горы алоэ и сандала, чистой пищи, фруктов и корней, дорогие повозки, изысканные напитки, бесценные наряды и великие горы шерстяных одежд и прекрасных шкур. Гуляя по этому чудесному подземному царству, храбрые обезьяны увидели вдруг женщину-аскета в одеждах из древесной коры, в шкуре черной антилопы, которая воздерживалась от пищи и сияла. Изумленные обезьяны остановились, и Хануман спросил:

– Кто ты? Кому принадлежит эта пещера? Не получив ответа, Хануман, подобный горе, поклонился и сложенными ладонями снова спросил:

– Кто ты? Чья это обитель, пещера и драгоценные камни?

Глава 51 Рассказ йогини

Смирненно обратившись к благословенной йогини, предававшейся суровой аскезе, Хануман добавил:

– Измученные голодом, жаждой и усталостью мы вошли в эту пещеру, окутанную тьмой. В поисках воды и пищи мы проникли вглубь и увидели все эти чудеса, чуть не лишившие нас чувств. Кому принадлежат эти золотые деревья, сияющие как восходящее солнце, эта чистая пища, корни и фрукты? Чьи это дворцы из золота и серебра с золотыми окнами и жемчужными сетками? Кто создал эти золотые деревья, покрытые чудесными цветами и ароматными фруктами, золотые лотосы, что плавают в чистых водах озера, золотую рыбу и черепах? Они появились силой твоего могущества или кому-то другому обязаны своим существованием? Пожалуйста, поведай нам, несведущим, об этом! Добродетельная йогини, радеющая о благе всего живого, отвечала Хануману:

– О лучший среди обезьян, безгранично могущественного волшебника, создавшего эту золотую рощу, зовут Майя. Создатель этой чарующего райского места прежде был зодчим великанов (1.296). Тысячу лет совершая аскезу в диком лесу, он обрел благословение Брахмы, прародителя мира, благодаря которому достиг совершенства в своем искусстве и полностью овладел материалами, необходимыми в его деле. Достигнув желаемого, это удивительное создание счастливо живо в могучем лесу. Но потом он проникся великой страстью к нимфе Хеме, и Пурандара метнул в него свою молнию и убил. Господь Брахма подарил этот чудесный лес с его золотыми дворцами Хеме, во исполнение всех ее желаний. Меня зовут Сваямпрабха, я дочь Мерусварани. Я охраняю эту обитель Хемы, искусной певицы и танцовщицы, моей дорогой подруги, о лучший среди обезьян! По ее милости этот обширный лес оказался в моих руках. Теперь расскажите мне, с какой целью вы пришли сюда? Почему вы бродите по непроходимым диким лесам? Ели ли вы эти фрукты и корни, пили ли чистую воду, поведайте мне обо всем.

Глава 52

Свампрабха освобождает обезьян из пещеры

Добродетельная йогини, величайшая среди мистиков, обратилась к вожакам обезьян:

– О обезьяны, если вы утолили голод фруктами и отдохнули, я рада буду услышать вашу историю, если она достойна моего слуха. Хануман, сын Маруты начал свой искренний рассказ:

– Государь всего мира, Рама, равный Махендре и Варуне, знаменитый сын Дашаратхи, удалился в лес Дандака вместе со своим братом Лакшманой и верной супругой Вайдехи. Но Равана похитил Ситу. Царь обезьян, добродетельный Сугрива, друг Рамы. По воле этого великого монарха мы оказались здесь, чтобы во главе с Ангадой исследовать южные земли, обитель Агастьи, которым покровительствует Яма. Нас послали найти Ситу, дочь Вайдехи, и демона Равану изменчивого лика. Обойдя все южные леса и моря, измученные голодом, мы сели под деревом. С истощенными лицами, поглощенные грустными мыслями, мы тонули в океане беспокойства, который не в силах были преодолеть. Осмотревшись вокруг, мы заметили огромную пещеру, скрытую за деревьями и лианами, окутанную мраком. Гуси, лебеди и журавли вылетали из той пещеры, и крылья их были мокрыми от воды. Тогда я сказал обезьянам: «Давайте войдем туда!» И все согласились. Всем сердце желая достичь цели, мы взяли за руки и вошли в темную пещеру. Вот как мы оказались здесь. По традициям гостеприимства мы, голодные и измученные, поели твоих фруктов и кореньев. Ты спасла нас, ослабших и страждущих, от голодной смерти. Теперь скажи, чем обезьяны могут отплатить тебе? – Я довольна такими замечательными обезьянами, – отвечала знаменитая Сваямпрабха. – Я просто исполнила свой долг и не нуждаюсь ни в чем! Слова ее были исполнены благородства и добродетели. Тогда Хануман сказал безупречной деве:

– Мы нашли у тебя прибежище, о добродетельная йогини, но время, отпущенное Сугривой на поиски Ситы, истекает! Поэтому помоги нам покинуть эту пещеру. Если мы не исполним приказ Сугривы, нам грозит смерть. Пожалуйста, освободи нас! Страх перед Сугривой мучает нас. Великая миссия возложена на нас, и, оставаясь здесь, мы не исполним ее! – Трудно живому существу живым выйти из этой пещеры, – отвечала Хануману йогини, – но силой моих аскез я освобожу всех обезьян из этого подземного царства. Закройте глаза, потому что еще никому не удавалось выйти отсюда с открытыми глазами! Желай скорейшего освобождения, знаменитые обезьяны тут же руками закрыли глаза и в мгновение ока по милости йогини оказались за пределами пещеры, вне всякой опасности. – Это благословенные горы Виндхья, – приободрила их йогини, поросшие деревьями и травами. Там гора Прасравана и великий океан. Пусть удача сопутствует вам! Я возвращаюсь в свою обитель, о доблестные обезьяны! С этими словами Сваямпрабха скрылась в темной пещере.

Глава 53

Ангада и его спутники размышляют, что делать дальше

Обезьяны увидели внушающий невольное благоговение великий океан, обитель Варуны, безбрежный и шумный, по которому гуляли огромные волны. Месяц, отпущенный царем на поиски, прошел, пока обезьяны находились под землей, в чудесном творении Майи. Сидя у подножья горы Виндхья среди цветущих деревьев, великодушные обезьяны принялись с беспокойством размышлять.

С растущим волнением, предчувствуя недоброе, смотрели они на весенние деревья, согнувшиеся под тяжестью цветов, увитые сотнями лиан. Наступившая весна говорила о том, что назначенный Сугривой срок прошел, и обезьяны уныло сидели на земле, не зная, как поступить. Тогда заговорил юный царевич Ангада. Это была мудрая обезьяна с могу-

чими как у льва плечами и сильными длинными руками, пользовавшая уважением среди старших и прочих обитателей леса. – По приказу царя обезьяны мы выступили в этот поход, – сказал Ангада, – и, пока мы были в пещере, прошел месяц, о обезьяны! Нам нельзя было задерживаться дольше месяца Ашваюджа (1.299), вам это известно! Что же нам теперь делать? Получив приказ нашего повелителя, вы, верные ему, преданные его благу, умелые во всех делах, несравненные в исполнении долга и славные, сидите теперь в растерянности вместе со мной, вашим вожаком. Не исполнив поставленной цели мы несомненно погибнем, в этом нет и тени сомнений. Возможно ли жить, послушавшись приказа царя обезьян? Время, отпущенное Сугривой, прошло, и нам, жителям леса, осталось только умереть голодной смертью. Неумолимого нрава, ревностно хранящий силу своего слова, он не простит нас, если мы вернемся, нарушив его волю. Он сочтет это за преступление, если мы предстанем перед ним без каких-либо известий о Сите. Поэтому лучше уж умереть здесь от голода, чем лишиться наших сынов и жен всякой надежды увидеть нас, оставить их без богатств и жилья. Лучше умрем здесь, чем от руки Сугривы. Кроме того, законным наследником сделал меня не Сугрива, а Рама, этот царь людей бессмертных подвигов. В силу давней ко мне вражды царь воспользуется случаем и жестоко лишит меня жизни. Зачем встречать смерть на глаза у друзей, которые станут свидетелями последних минут моей жизни? Нет, я останусь здесь, на священном берегу моря, предавшись последнему посту. Обезьяны с одобрением слушали речи царственного Ангады:

– Сугрива жесток по природе, – говорили они, – а Рагхава предан своей нежной супруге! Царь, видя, что время прошло, а мы добились успеха и не нашли Ваидехи, непременно приговорит нас к смерти, чтобы сделать Раме приятное. Лучше не показываться царю на глаза, не исполнив его приказа. Мы пришли в эти края слугами Сугривы, и должны найти Ситу или какие-то сведения о ней, а иначе нам остается лишь вступить в обитель Ямы, о герой. Слушая речи охваченных ужасом обезьян, генерал Тара сказал:

– Что толку предаваться скорби? Давайте вернемся в подземную обитель и останемся там! Это чудесное место, где много цветов, пищи и воды. Созданное силой иллюзии, оно неприступно. Там нам нечего бояться даже самого Пурандару или царя обезьян! Ангада согласился с Тарой, и все обезьяны с надеждой закричали:

– Немедля давайте приложим все силы, чтобы избежать смерти!

Глава 54

Хануман пытается отговорить Ангаду

Хануман слушал генерала Тару, сиявшего, как луна, и думал, что Ангада предал царя. Он знал, что сын Бали наделен восемью проявлениями разума, четырьмя видами могущества и четырнадцатью качествами (1.301), что он доблестен, энергичен, воинственен, исполнен славы, как полная луна, в мудрости равен Брихаспати, храбростью напоминает отца и послушен советам Тары, как Пурандара – наставлениям Шукры (2.301). Хануман, овладевший всеми видами знания, решил превзойти Ангаду, утратившего желание служить своего государю, и вернуть его на путь истины. Из четырех способов вновь обрести мир он избрал второй и тонким советом попытался вызвать разногласия среди обезьян. Среди всеобщего неудовлетворения он попытался внушить страх в сердце Ангады и намеренно сурово заговорил с ним:

– О сын Бали, несомненно, ты еще более искусный воин, чем твой отец и способен править царством обезьян, но о лучший среди обезьян, подданные твои непостоянны по своей природе. Без своих жен и сыновей они не выдержат твоего правления. Я говорю тебе это в присутствии всех! Ни уговорами, ни дарами или наказанием не перетянешь ты на свою сторону Джамбавана, Нилу, могущественного Сухотру или меня. Сильный может превзойти слабого и упразднить его власть, поэтому слабый ради собственного спасения не должен становиться сильным врагом. Пещеру, в которой ты надеешься обрести спасительное прибежище, которая кажется тебе неприступной, Лакшмана уничтожит одной

своей стрелой. Эту крошечную расселину сделал Индра в былые времена, метнув свою молнию, но Лакшмана своими острыми стрелами разорвет ее, словно лист. У него множество стрел, сильных, как удар молнии, сокрушающих горы. О сокрушитель врагов, лишь только ты расположишься в том месте, обезьяны, вспоминая о своих женах и сыновьях, решат покинуть тебя. Тоскуя по домашнему очагу, безутешные, обеспокоенные и измученные своим жалким обещанием, они отвергнут тебя. Лишенный друзей, родных и доброжелателей, ты будешь бояться даже шелеста травы. Непобедимые стрелы Лакшманы, острые, огромные и быстрые, настигнут тебя, где бы ты ни скрывался. Но если ты со смирением в лице с нами вместе предстанешь перед Сугривой, он восстановит тебя в правах наследника. Добродетельный монарх, твердых своих обетах, почтенный и верный, он желает тебе блага. Несомненно, он не станет тебя убивать. Твой дядя по отцу предан твоей матери и не причинит ей боли. Это смысл его жизни. У нее нет другого сына, кроме тебя, о Ангада, поэтому вместе вернемся в Кишкиндху.

Глава 55

Обезьяны решают умереть от голода

Ангада выслушал смиренную речь Ханумана, полную мудрости и справедливую, и, размышляя о честности Сугривы, отвечал:

– Постоянство, чистота ума и расположение, сострадание, прямота, отвага и упорство неведомы Сугриве. Если он при живом сыне живет с любимой царицей своего старшего брата, на которую должен смотреть как на мать, он достоин осуждения. О какой морали можно говорить, если он завалил вход в пещеру, когда брат его сражался с асурой? Можно ли надеяться на благодарность того, кто, протянув руку в знак дружбы, забыл о благах, полученных от Рагхавы, героя нетленных деяний? Откуда взяться праведности в том, кто послал нас на поиски Ситы не из боязни нарушить данное слово, а из страха перед Лакшманой? Кто будет доверять такому непостоянному, нечестивому и неблагодарному негодяю, тем более если он происходит из нашего рода? Неважно, обладает ли он какими-то хорошими качествами или нет, разве он оставит в покое сына своего врага? Как вернуться я в Кишкиндху, разоблаченный, обвиненный, несправедливый, бедный и слабый, как я выживу? В борьбе за трон Сугрива, хитрый, ловкий и жестокий, наверняка закует меня в цепи. Уж лучше мне умереть голодной смертью, чем пребывать в муках заточенья. Пусть обезьяны оставят меня здесь и возвращаются домой. Я клянусь, что никогда не вернусь в город, но останусь здесь, постясь, пока не умру. Смерть для меня желанней всего! Поклонившись царю и могущественному Рагхаве, сообщите моей приемной матери Руме о моем благополучии и здравии. Передайте от меня поклон Таре, моей родной матери, сострадательной и благочестивой, которая по-настоящему любит своего сына. Узнав о моей смерти, она наверняка расстанется с жизнью. С этими словами Ангада поклонился старшим. Удрученный, плача, он расстелил на земле траву куша и сел. Глядя на него, обезьяны тяжело вздыхали, жгучие слезы текли из их глаз. Они окружили Ангаду и, ругая Сугриву и прославляя Бали, решили умереть голодной смертью. На берегу моря они разложили траву дарбха кончиками на юг и сели лицом на восток. Маленькими глотками прихлебывая воды, те славные обезьяны решили умереть: «Для нас это лучше!» Со страхом в сердце обсуждали они меж собой изгнание Рамы, смерть царя Дашаратхи, кровопролитие в Джанастхане, гибель Джатаю, похищение Ваидехи, убийство Бали и гнев Рагхавы. Словно горные вершины сидели многочисленные обезьяны на берегу моря, и все ручьи и пещеры в округе гудели от их скорбных голосов, как небеса в раскатах грома.

Глава 56

Нападение Сампати

Пока обезьяны сидели на плоскогорье, совершая свой последний великий пост, туда пришел царь коршунов Сампати. Этот долгожитель, удачливый брат Джатаю, славился своей силой и доблестью. Выбравшись из пещеры на могучую гору Виндхья, он заметил сидящих там обезьян и, очень довольный, сказал:

– Каждый пожинает плоды свершенных деяний! Поэтому долгожданная пища сама пришла ко мне! Я съем этих обезьян одну за другой, лишь только они будут умирать. Услышав слова голодной птицы, Ангада со скорбью в голосе сказал Хануману:

– Посмотри, из-за Ситы Смерть, потомок Вивасвата, пришла сюда, чтобы уничтожить обезьян. Мы не исполнили наказа Сугривы и не помогли Раме достичь цели! Великое бедствие неожиданно настигло обезьян. Ты хорошо знаешь, что Джатаю, доблестный царь коршунов, сделал для Ситы. Все живое – будь то зверь или птица, – отдают жизнь за Раму, подобно нам. Благодаря любви и состраданию Рамы люди испытывают друг к другу любовь и жалость. Благословенный Джатаю добровольно отдал свою жизнь за Раму. Измученные, на краю гибели мы тоже пришли в этот лес, служа сыну Рагху. В поисках Маитхили мы обошли все леса. Счастлив этот царь коршунов, погибший в сражении с Раваной, потому что он свободен от страха перед Сугривой и достиг высшей обители. Из-за гибели Джатаю, смерти царя Дашаратхи и похищения Ситы обезьяны оказались в опасном положении. Пребывание Рамы, Лакшманы и Ситы в лесу, победа Рагхавы над Бали, уничтожение бесчисленных демонов – все это плод благословений Кайкеи. Великодушного царя коршунов глубоко тронули жалобные речи обезьян. Птица с острым клювом крикнула:

– Кто это, заставляя сердце мое трепетать, говорит о смерти моего брата, который мне дороже жизни? Как случилось демону и коршуну вступить в битву в Джанастхане? Спустя много лет я слышу имя моего брата. Я желаю спуститься с этой величественной горной вершины. Я так рад услышать о моем младшем и доблестном брате, славном своими подвигами. Я хочу узнать о смерти моего брата Джатаю, о великие обезьяны, и как царь Дашаратха, имя старшим сыном Раму, почитающего старших, стал его другом? Я не могу летать, потому что крылья мои обожжены солнцем. Помогите мне сойти с этой горы, о сокрушители своих врагов!

Глава 57

Рассказ Ангады

Голос Сампати дрожал от горя, однако вожак обезьян не поверил ему, сомневаясь в искренности его намерений. Постясь в преддверии смерти, обезьяны посмотрели на коршуна и решили:

– Мы поможем ему сойти к подножью горы и пусть он потом сожрет нас всех. Если он сделает это в период нашего поста, мы все скорее достигнем желанной цели! Они помогли Сампати спуститься с вершины горы, и Ангада стал рассказывать:

– Жил на свете великий царь обезьян по имени Рикшараджа, основатель нашей династии. Это был мой дедушка, о птица. У него было два доблестных сына – Бали и Сугрива – оба необычайно могущественные. Отец мой Бали на весь мир славился своими подвигами. Так случилось, что правитель всей земли, потомок Икшваку, великий и знаменитый воин на колеснице Рама, сын царя Дашаратхи, послушный воле своего отца, верный пути праведности, удалился в лес Дандака вместе со своим братом Лакшманой и супругой Ваидехи. Супругу его силой унес из Джанастхана Равана, и друг отца Рамы, царь коршунов Джатаю заметил, как Ситу, дочь Видехи, демон уносит по небу. Этот коршун разбил колесницу Раваны и освободил Маитхили, но старый, он пал под ударами Раваны. Его, сраженного могущественным Раваной, похоронил Рама, и Джатаю достиг небесной обители. Затем Рагхава заключил дружественный союз с моим дядей по отцу Сугривой и убил моего отца, который изгнал Сугриву из царства вместе с его советниками. После смерти моего отца Рама возвел Сугриву на трон и сделал его царем обезьян. Во исполнение желания

рамы он разослал нас по всей земле, чтобы найти Ситу, но мы не смогли этого сделать, как ночью никому не дано увидеть сияние солнца. Мы прошли весь лес Дандака и по невежеству вошли в пещеру через расселину в земле. Пещера эта была создана мистической силой Майи и мы провели там месяц, отпущенный нам царем обезьян на поиски царевны. Исполняя волю Сугривы, мы задержались и из страха решили остаться здесь, чтобы умереть голодной смертью. Если мы вернемся и предстанем перед разгневанными лицами Какутстхи, Сугривы и Лакшманы, нам не избежать смерти!

Глава 58

Сампати рассказывает обезьянам, где скрывается Сита

Коршун Сампати прискорбно внимал печальному рассказу обезьян, решивших расстаться с жизнью, и со слезами на глазах отвечал:

– О обезьяны, вы сказали мне, что Джатаю, мой младший брат, погиб в сражении с Раваной, который превосходил его силой. Старый и лишенный крыльев, я могу только мириться с этими известиями, потому что у меня нет более силы отомстить за смерть моего брата. В давние времена, когда Индра убил демона Вритру, брат мой и я, желая узнать, кто из нас сильнее, взмыли высоко в небо. Мы поднимались все выше и выше, все ближе к солнцу в ореоле лучей. Поймав поток воздуха, мы стремительно поднимались ввысь, но солнце уже было в зените, и Джатаю стал терять сознание. Видя, что брат мой измучен солнечными лучами, я с любовью прикрыл его своими крыльями, чтобы избавить от величайших страданий. Но солнце опалило мне крылья, и я упал на гору Виндхья, о славные обезьяны, где и остался, не зная, какая участь постигла моего младшего брата. Дальновидный Ангада спросил Сампати, брата Джатаю:

– Если ты действительно брат Джатаю и слышал мой рассказ, скажи, может быть тебе что-нибудь известно об обители этого демона? Скажи, не знаешь ли ты, где находится этот отвратительный и глупый демон Равана, далеко отсюда или близко? Знаменитый старший брат Джатаю отвечал достойными его словами, вселяя радость слушавших его обезьян:

– О обезьяны, крылья мои обожжены, я коршун, лишившийся своей силы, и все же хотя бы словом я послужу Раме. Я знаю царство Варуны и все земли, которые Вишну покрыл тремя шагами. Я также знаю о войне между богами и асурами, о пахтанье океана, из которого появилась амрита. Хотя старость лишила меня силы, миссия Рамы имеет ко мне непосредственное отношение. Я видел юную и прекрасную женщину в чудесных одеждах. Злобный Равана уносил это нежное создание, и она кричала: «О Рама! О Рама! О Лакшмана!» Срывая с себя украшения, она бросала их на землю. Ее шелковая накидка, словно луч солнца, задела горную вершину, сияя в темных руках демона, как вспышка молнии на облачном небе. Поскольку она звала «Рама! Рама!», я понял, что это Сита. Теперь слушайте, я расскажу вам, где находится обитель этого демона.

Сын Вишравасу и брат Куверы, этот демон по имени Равана живет в городе Ланка, возведенном Вишвакармой. Остров Ланка лежит в ста йоджанах отсюда посреди океана. Он окружен золотыми стенами, воротами и валами из золота канчана, величественные дворцы с золотом хема украшают его. Огромные стены, сияющие, как солнце, окружают его. Там находится несчастная Ваидехи, облаченная в шелковые одежды. Равана заточил ее в своих покоях под охраной демониц. Там вы найдете Ситу. В четырехстах милях отсюда на южном берегу моря живет Равана. О обезьяны, скорее поспешите туда и явите вашу доблесть! Неведомое чувство подсказывает мне, что, увидев это место, вы вернетесь. Первыми путь туда преодолели сорокопуты с раздвоенным хвостом и все, питающиеся зерном. Вторыми были те, кто питаются насекомыми и фруктами; третьими были петухи, а четвертыми – цапли, ястребы и хищники; пятыми стали стервятники, шестыми – сильные, молодые и красивые лебеди, а последними – ястребы. Все мы происходим от Ваина-теи (1.309), о превосходные обезьяны. Я отомщу этому отвратительному пожирателю

плоти, Раване, который был так жесток к моему брату (2.309). Даже отсюда я видел Равану и Джанаки, потому что все мы унаследовали от Супарны (3.309) необычайно острое зрение. Благодаря своей природе и пище мы можем видеть ясно видеть на расстоянии четырехсот миль. Природа заставляет нас искать добычу на большом расстоянии, тогда как другие птицы когтями наскребают ее под деревьями, на которых живут, потому что у них слабое зрение. Подумайте, как вам перебраться через соленый океан. Разыскав Ваидехи, возвращайтесь, цель ваша будет достигнута. Теперь я хочу, чтобы вы отвели меня на берег океана, в обитель Варуны. Я предложу, как это положено традицией, воду духу моего великодушного брата, удалившегося в небесную обитель. Могучие обезьяны отнесли Сампати, у которого были обожженные крылья, на берег океана, а потом вновь перенесли царь птиц на гору Виндхья. Узнав, где находится Сита, они испытали величайшую радость.

Глава 59

Сампати вдохновляет их продолжать поиски

Вожаки обезьян слушали сладкий как нектар рассказ Сампати, царя коршунов, с великим облегчением на сердце. Джамбаван, вместе с другими обезьянами поднявшись с земли, сказал царю коршунов:

– Где Сита? Кто видел ее? Кто похитил дочь Митхилы? Расскажи нам все, и этим ты спасешь лесных обитателей. Кто забудет могущество стрел Дашаратхи, которые летят со скоростью молнии, или стрелы, выпущенные Лакшманой? Тогда Сампати еще раз успокоил обезьян, прервавших свой пост и внимательно слушавших о Сите:

– Слушайте, как я узнал о похищении Ситы и кто рассказал мне, где находится большеглазая дева! Много лет лежал я на этой непреодолимой горе, простирающейся на много миль. Я стал стар, члены мои ослабели, и сын мой Супаршва всегда приносил мне пищу. Если гандхарвы всегда веселы и довольны, змеи злы, а лани робки, то мы, стервятники, прожорливы. Однажды, мучимый голодом, я требовал пищи, и сын мой на рассвете улетел за добычей, но вернулся поздней ночью ни с чем. Изо всех сил пытался он раздобыть мне пищи и, чтобы умиловить меня, искренне сказал:

– Дорогой отец, желая принести тебе обычное количество пищи, я летел по небу и остановился близ горы Махендра, чтобы преградить путь тысячам тварей, направляющимся к морю. Я всматривался вниз, охраняя путь, и неожиданно увидел кого-то похожего на груды черной сурьмы, несшего прекрасную как рассвет женщину. Я решил схватить их, своих жертв, но вдруг он стал смиренно молить меня дать им дорогу. Как мало на земле подобных мне созданий даже среди злобных пожирателей мирных тварей! Он быстро пронесся мимо, продолжая свой полет. Потом ко мне приблизились небожители. Почти полностью поклонившись, великие риши сказали мне: «Благодаря великой удаче Сита еще жива! Хорошо, что ты пропустил его с этой женщиной!» Затем славные сиддхи сообщили мне, что это был Равана, царь демонов, с дочерью Джанаки, супругой Рамы, сына Дашаратхи. В шелковых одеждах, охваченная горем, с распустившимися волосами она звала: «Рама! Лакшмана!» Так, о отец мой, прошел этот день. Все это поведал мне Супаршва, но что я, птица, мог сделать, не имея крыльев? Но послушайте, как я могу помочь вам своим словом и знанием, чтобы вы проявили свою доблесть! Дело сына Дашаратхи имеет ко мне непосредственное отношение, в этом нет сомнений. Разумных, сильных и мудрых, вас послал сюда царь обезьян. Стрелы Рамы и Лакшманы с оперением цапли могут разрушить все три мира! Хотя десятиглавый Равана очень силен, несомненно, никто не устоит перед вашими объединенными усилиями! Не стоит медлить, скорей исполните свой долг. Мудрецы, подобные вам, не откладывают осуществление своих высоких замыслов!

Глава 60

История аскета Нишакары

Сампати по традиции предложил воду духу почившего брата, и после этого обезьяны вместе с царем коршунов вернулись на чудесную гору и расселись вокруг него. Желая вселить в обезьян уверенность, Сампати приободрил Ангаду, который сидел в кругу своих спутников:

– Слушайте меня внимательно и молча, о обезьяны, и я расскажу вам, как я узнал, где находится Маитхили. Давным-давно я упал на вершину горы Виндхья, о безупречный царевич, потому что крылья мои были обожжены жарким солнцем. Я не приходил в себя в течение шести дней. Потом слабый, лишенный сил я стал озираться вокруг, не в силах ничего различить. Я продолжал пристально вглядываться в озера, скалы, реки, леса и страны, и память стала возвращаться ко мне. Я подумал: «Эта гора на берегах южного моря полна радостных птиц, на ее склонах много глубоких пещер». Здесь была почитаемая богами обитель мудреца Нишакары, совершавшего суровые аскезы. В этот час великий святой уходил на небеса. Я провел на этой горе восемь тысяч лет, и очень хотел увидеть аскета. Медленно, несмотря на сильную боль, я полз с высокой вершины вниз по острой, как нож траве. Прежде мы с Джатаю не раз посещали этого мудреца. По его чудесной обители гулял мягкий ароматный ветерок, там не было деревьев без цветов и фруктов. Я приблизился к святой хижине, жажда увидеть благословенного Нишакару, и стал ждать под деревом. Наконец вдалеке я увидел сиявшего как огонь риши, который, повернувшись на север, совершал в море омовение. Как все живые существа следуют за дающим, так и его окружали медведи, олени шримары, тигры, львы и змеи всех видов. Увидев, что святой вошел в свою хижину, они ушли, подобно министрам, покинувшему царя, когда он пожелал уединиться. Мудрец рад был увидеть меня. Он ненадолго зашел в свою хижину, потом вышел и спросил меня о благополучии. «О друг мой, – сказал он, – я не узнал тебя из-за твоего пестрого оперенья. Твои два крыла опалены огнем, ты совсем исхудал и ослаб, ты весь дорожишь. В прежние времена я знавал двух стервятников, быстрых, как ветер. Это были два брата, по желанию способные менять свой облик. Ты, я знаю, старший из них, Сампати, а Джатаю – твой младший брат. Принимая человеческий облик, вы посещали мою обитель и растирали мне стопы. Что за болезнь мучает тебя? Откуда ты пришел, потеряв свои крылья? Кто наложил на тебя это наказание? Расскажи мне все!

Глава 61

Сампати рассказывает свою историю мудрецу Нишакаре

Сампати поведал аскету о своем страшном, трудном и необдуманном полете к солнцу:

– О благословенный, полученные мной раны, стыд, который я испытываю, и истощенность не позволяют мне быть многословным. Гордые своим могучим полетом, мы с Джатаю, хотели проверить свои силы и дали обет в присутствии мудрецов на горе Кайласа, что будем продолжать свой полет, преследуя солнце, пока оно не скроется за горой Астачала. Набрав огромную высоту, мы посмотрели на землю с ее многочисленными городами, которые показались нам не больше колеса колесницы. Иногда до нас долетал звук музыкальных инструментов, а иногда звон украшений. В некоторых местах мы видели поющих женщин в красных одеждах. Стремительно летя по воздуху, мы следовали дорогой солнца и наблюдали леса, казавшиеся нам зеленым островками. Горы выглядели галькой, а реки – нитями, опутавшими землю. Химават, Виндхья и другие величайшие горы, Меру напоминали нам слонов, стоящих в пруду. И все же мы оба обливались потом, были встревожены и утомлены. В полном замешательстве, теряя сознание, мы уже не в силах были различить, где юг, покровительствуемый Ямой, богом смерти, где юго-восток, покровительствуемый богом огня, где запад, покровительствуемый Варуной, богом воды. Нам казалось, земля объята пламенем, как в час уничтожения мира. Глаза мои и ум ослабели, с большим трудом я смотрел на солнце. Огненная планета казалась нам во много раз

больше земли. Неожиданно Джатаю, не сказав мне ни слова, начал падать. Видя это, я стал спускаться и прикрыл его своими крыльями, благодаря чему брат мой не сгорел, но я в своей надменности опалил крылья и был отброшен потоком ветра. Я полагаю, Джатаю упал в Джанастхане. Мои крылья безвозвратно погибли, и лишившись силы, я упал на гору Виндхья. Я потерял все, что имел – брата, крылья и могущество. Из последних сил я сполз с вершины этой горы и теперь пребываю на краю смерти.

Глава 62

Мудрец Нишакара раскрывает Сампати, где находится Сита

Рассказывая знаменитому мудрецу все, что со мной случилось, я плакал от горя, и благословенный риши, подумав мгновенье, сказал мне:

– У тебя вновь вырастут крылья, ты обретешь прежнее зрение, силу и могущество. Из Пуран и силой предвиденья я знаю, что грядет великое событие. У царя Дашаратхи из рода Икшваку родится доблестный сын по имени Рама. По указанию отца он удалится в лес вместе со своим братом Лакшманой. Равана, сын Наиррити, царь демонов, непобедимый для богов и данавов, похитит из леса Джанастхан супругу Рамы. Благородная и славная, в горе она отвергнет все соблазны и искушения – восхитительные на вкус яства и прочие наслаждения. Узнав об этом, Васавя предложит ей «паяшу», подобную амрите, которую богам нелегко добыть. Зная, что пищу эту принес ей Индра, Маитхили примет ее и часть прольет на землю, мысленно предлагая Раме с такими словами: «Жив ли мой муж и его младший брат или они уже достигли небесной обители, пусть они примут эту пищу!» Когда сюда придут посланцы Рамы, ты должен будешь сообщить им все, что тебе известно о Сите, о небесный странник! Для чего еще ты оказался в таком положении? Жди своего часа, ты еще обретешь крылья. Я предвижу день этот день, но ожидая здесь, ты окажешь служением Раме своим словом. Так исполнишь свой долг перед двумя царевичами, брахманами, духовными наставниками, мудрецами и Индрой. Я тоже жажду увидеть двух братьев Раму и Лакшману, после чего смогу со спокойным сердцем расстаться с жизнью. Так сказал мне великий риши, постигший природу бытия.

Глава 63

У Сампати вновь вырастают крылья

Утешив меня этими и многими другими словами, красноречивый аскет покинул меня и вернулся в свою хижину. Я медленно пополз в пещеру, карабкаясь по горе Виндхья, и стал ждать вас. Прошло сто лет, но я хранил в сердце слова отшельника, и продолжал ждать положенного часа. Мудрец Нишакара ушел на небеса, а я, терзаемый разными мыслями, предавался горю. Ко мне приходила мысль о смерти, но я гнал ее, памятуя слова великого аскета. Решимость, которую он вдохнул в меня, сохраняла мне жизнь и рассеивала печаль, как пламя в жаровне разгоняет тьму. Я знал о могуществе злобного Раваны, и все же сказал своему сыну: «Почему ты не спас Ситу, хотя слышал ее скорбный зов? Ты же знал, что царевичи потеряли ее!» Из любви к царю Дашаратхе я был недоволен своим сыном. Пока Сампати говорил с обезьянами, у него на глазах тех обитателей лесов неожиданно начали расти крылья. Видя, что тело его покрылось рыжевато-коричневыми перьями, Сампати в безграничной радости сказал обезьянам:

– По милости Нишакары, этого мудреца безграничного могущества, мои крылья, опаленные солнцем, выросли снова, и я обрел могущество, как в юности! Сегодня я обрел былую силу. Продолжайте искать Ситу, и мои выросшие крылья станут залогом вашего успеха! С этими словами Сампати, лучшая среди птиц, желая убедиться в силе своих крыльев, взлетел на вершину горы. Могучие обезьяны поверили в успех своих поисков и, преисполненные радости, приготовились явить свою доблесть. С быстротой ветра те

славные обезьяны, твердо намереваясь найти Ситу, дочь Джанаки, отправились на юг, в ту часть света, которой покровительствовал Абхиджит (1.316).

Глава 64

Обезьяны смущены величию океана

Сильные, как львы, обезьяны, стали прыгать и кричать от радости, узнав от Сампати, что Равана будет убит. Счастливые, они спустились к океану, всем сердцем желая найти Ситу. Доблестные воины, они увидели бескрайние просторы этого зеркала целого мира. На северном берегу Индийского океана могущественные и героические обезьяны остановились. Они смотрели на океан, который, казалось, то спал, то играл, то покрывался огромными волнами, являя великое множество морских животных. У славных обезьян шерсть стала дыбом от изумления и страха перед великим океаном, они почувствовали себя подавленными. Видя, что океан непреодолим, как и небо, они стали сокрушаться и плакать:

– Что нам теперь делать? Тогда могучий Ангада попытался развеять печаль своих доблестных воинов, растерявшихся перед океаном:

– Никогда не следует впадать в уныние, это самое плохое, что может случиться: волнение уничтожает человека, словно потревоженная змея – ребенка. Тот, кто впадает в волнение, когда пришло время явить свою доблесть, становится слабым и не достигает цели. Наступила ночь, которую Ангада провел, совещаясь со старшими обезьянами. Они расселись вокруг него подобно Марутам, окружившим Васаву. Кроме Ангады, сына Бали, и Ханумана, кто еще мог удержать армию обезьян? Созвав старших вместе со всей армией, удачливый Ангада, покоритель своих врагов, поприветствовал их и обратился со словами, исполненными добрых чувств:

– Кто из вас достаточно силен, чтобы пересечь океан? Кто способен исполнить приказ Сугривы, повергающего врагов? Какая обезьяна может прыгнуть на четыреста миль и освободить вожakov от великого волнения? По чьей милости мы, увенчанные успехом, довольные, вернемся домой, к нашим женам и сыновьям? Кто даст нам возможность с просветленным сердцем встретиться с Рамой, могущественным Лакшманой и Сугривой, царем обезьян? Если кто-то из нас может прыгнуть через океан, так пусть он, благословенный, предстанет перед нами и освободит всех нас от страха! Но никто не отозвался на слова Ангады, обезьяны, казалось, были ошеломлены. Тогда этот вожак вновь обратился к своей великой армии:

– О выдающиеся среди воинов! Беспримерной доблести, выходцы из безупречных семей, вы достойны уважения! Скажите, как далеко может прыгнуть каждый из вас, чтобы беспрепятственно пересечь море?

Глава 65

Вожак обезьян являют свою доблесть

В ответ на слова Ангады, обезьяны стали показывать свои возможности – Гая, Гавакша, Гавая, Шарабха, Гандхамадана, Маинда, Двивида и Джамбаван. Гая первым крикнул: «Я могу прыгнуть на сто миль!» Гавакша отвечал: «Я прыгну на двести миль!» Тогда Шарабха и его спутники сказали: «Я могу прыгнуть на триста миль, о обезьяны!» Ришабха крикнул: «Я наверняка смогу преодолеть четыреста миль до Ланки!» И могущественный Гандхамадана сказал: «Я могу прыгнуть на пятьсот миль!» Маинда в свою очередь сказал: «А я – на шестьсот миль», так же как знаменитый Двивида: «Я без труда прыгну на семьсот миль!» Тогда Шушена, полный сил, лучший среди обезьян, провозгласил: «Знайте все, что я одним прыжком могу преодолеть восемьсот миль!» Выслушав их всех, поднялся старейший среди них Джамбаван и после слов приветствия мудро сказал:

– В былые времена я тоже мог отправиться, куда угодно, но теперь я стал совсем стар. Однако в нынешней ситуации, похоже, ничто больше не принесет успеха миссии Рамы и царя обезьян, и поэтому я прыгну на триста миль. В этом нет сомнений. Сделав паузу, Джамбаван добавил:

– Увы, у меня нет на это сил! Некогда я обошел вокруг вечного Вишну, когда он тремя шагами отмерил землю во время жертвоприношения сына Вирочаны. Но теперь я стал и быстро устаю. В молодости я был неподражаемо силен, но сейчас я могу прыгнуть только на триста миль, но этого недостаточно, чтобы все мы достигли успеха в нашем деле. Дальновидный Ангада поклонился Джамбавану и сказал:

– Я легко прыгну на четыреста миль, но смогу ли я вернуться? Нет, конечно! Тогда Джамбаван отвечал вожаку обезьян:

– О лучший среди обезьян, всем известна сила и быстрота твоего прыжка, но сможешь ли ты преодолеть восемьсот миль? (1.318) Я не уверен, что ты сделаешь это. Дорогой сын, слуги не должны повелевать своим господином; ты должен возглавлять этот поход. Ты наш вожак и наше единственное благо. Ты глава армии, и тебя, как жену, надо постоянно защищать. Это твоя роль, о дорогое дитя. Прежде всего нужно позаботиться о главном, так поступают самые опытные люди. Если корень крепок, соки, питающие плоды надежно защищены. Ты возглавляешь наш поход и, о мудрый и доблестный герой, должен согласиться с этим правилом. Ты – наш покровитель и сын нашего покровителя, о превосходный Ангада. При твоей поддержке мы исполним возложенную на нас миссию. Ангада, сын Бали, отвечал мудрому и могущественному Джамбавану:

– Если я не совершу этого прыжка, и другие обезьяны не сделают этого, то нам несомненно придется снова начать великий пост, потому что если мы вернемся, не исполнив воли царя обезьян, у нас по-моему, нет надежды сохранить жизнь. Явит ли он милосердие или гнев, это царь обезьян и нарушение его воли влечет смерть. В таком случае у нас никакого иного выхода. И ты, о светлая голова, подумай об этом! Неожиданно Джамбаван просиял от счастливой догадки, посетившей его:

– О воин, миссия беспрепятственно будет исполнена! Я назову того, кто свершит ее! И послал героического Ангаду за Хануманом, лучшей среди обезьян, который спокойно сидел поодаль.

Глава 66

Джамбаван взывает к Хануману пожертвовать собой ради всеобщего блага

Джамбаван видел упадок духа многотысячной армии обезьян и сказал Хануману:

– О воин, один среди многих, постигший суть писаний, почему ты молча сидишь в стороне? Мужеством и силой ты равен Раме и Лакшмане, и даже самому царю обезьян, о Хануман! Сын Ариштанеми (1.320), могущественный и знаменитый Гаруда – лучший среди всех крылатых созданий. Много раз я видел, как эта всемогущая птица с огромными крыльями с не иссякающей силой носила змей из океана. Сила его крыльев напоминает могуществом силу твоих рук. Никто не сможет противостоять тебе. Среди остальных ты отличаешься силой, разумом, мужеством и верностью, поэтому приготовься пересечь океан. Пунджика-Тхала, наиболее благороднейшая среди апсар, под именем Анджаны стала женой обезьяны Кесарин. Известная на всю Вселенную, она была несравненно прекрасна. По проклятию одного мудреца, о друг, она родилась в роду обезьян, по желанию меняющих облик. Однажды эта дочь Кунджары, царя обезьян, приняла облик прекрасной и юной девы, облаченной в шелка, с пышными гирляндами на шее, и отправилась гулять на вершину горы, напоминая грудь облаков во время дождей. Случилось богу ветра украсть желтые с красной каймой одежды большеглазой девы, которая стояла на вершине горы. Марута увидел ее красивые округлые бедра и высокую грудь, ее добродушное милое лицо. Ослепительной красоты изящная дева с тонкой талией очаровала сердце бога ветра и

он порывисто заключил ее в объятия. Потрясенная Анджана, верная супружескому обету, закричала:

– Кто жаждет опорочить женщину, преданную ее господину? Бог отвечал:

– Я не желаю тебе зла, о прекрасная дева, пусть сердце твое будет спокойным. По моей милости ты родишь благородного сына, сильного и разумного, доблестного и мужественного, проворством и быстротой равного мне.

Слова эти порадовали твою мать, и в пещере она родила тебя, о лучший среди обезьян. Еще ребенком ты увидел, как над бескрайним лесом встает солнце, и, приняв его за фрукт, попытался схватить. Подпрыгнув в воздух, ты поднялся на тысячу йоджан, о великая обезьяна, и хотя солнечные лучи обрушились на тебя, ты не дрогнул. Индра, увидев, как ты мчишься по воздуху, в гневе метнул в тебя молнию. Падая, ты о скалу ранил себе левую щеку, и потому тебя стали звать Хануманом (1.321). Когда разрушитель Ваю, повсюду несущий ароматы земли, увидел тебя в таком состоянии, он пришел в гнев и перестал дуть в трех мирах. Боги вселенной, обеспокоенные бедствием, обрушившимся на миры, попытались успокоить разгневанного Павану, бога ветра, и Брахма даровал тебе благословение, согласно которому ты будешь неуязвим в любом бою. Индра был очень доволен, увидев, как ты выстоял под ударом молнии, и тоже даровал тебе замечательное благословение: «Ты не умрешь, пока сам не пожелаешь смерти! Безгранично мужественный сын ветра, силой и быстротой ты подобен отцу». О друг, мы потеряны, но ты, опытный и мужественный, для нас второй повелитель обезьян. В те времена, когда Вишну тремя шагами покрыл вселенную, я, о дитя, двадцать один раз обошел всю землю с ее горами, лесами и долинами. Посланные богами, мы собрали все травы, которые потом использовали, извлекая из океана нектар бессмертия. Тогда сила наша была очень велика. Теперь я стар, доблесть покинула меня, но ты самый достойный среди нас. Яви свою доблесть, о герой, тебе нет равных. Страхнись, о доблестная обезьяна, и преодолей бескрайний океан. Вся армия обезьян жаждет увидеть твою доблесть. Поднимись и одним прыжком преодолей могущественную водную стихию, потому что среди всех земных тварей ты самый быстрый. Неужели тебя не тронет печаль обезьян? Яви свою силу подобно Вишну, тремя шагами завоевавшему всю вселенную, о лев среди обезьян!

Рисунок 8 Хануман

Сопровождаемый славными обезьянами могущественный Хануман, сын ветра, принял облик, позволивший ему пересечь океан, и сердца обезьян преисполнились радости.

Глава 67

Хануман готовится к полету на Ланку

С восхищением взирали обезьяны на своего необычайно проворного вожака, который готовился преодолеть четыреста миль над океаном. Забыв о своем унынии, они принялись кричать и прославлять героизм Ханумана. Все три мира вместе с ними испытывали изумление и радость, подобно той, когда сам Господь явил свое могущество, тремя шагами завоевав всю вселенную. Под шумные приветствия обезьян могущественный Хануман стал увеличиваться в размерах и, от удовольствия размахивая хвостом, являть свою силу. Прославляемый старшими обезьянами и полный сил, он принял несравненный облик, подобно льву, растянувшемуся у входа в горную пещеру. Сын Маруты стал зевать, и рот этой разумной обезьяны походил на пылающую жаровню или огонь без дыма. Он возвышался среди обезьян, и шерсть на нем стояла дыбом от радости. Почтительно поклонившись старшим, он сказал:

– Я сын Ваю, который крушит горные вершины и дружит с огнем. Могущественный и бесконечный, он гуляет по всей вселенной. Великая душа, он стремителен и быстр. Тысячу раз я, не останавливаясь, могу обойти огромную гору Меру, достигающую небес. Своими сильными руками, расплескивая море, я могу затопить мир с его горами, реками, озерами, а могучими бедрами и ногами я заставлю океан, обитель Варуны с ее гигантскими обитателями, выйти из берегов. Пока почитаемый всеми Гаруда, питающийся змеями, один раз пересечет вселенную, я могу тысячу раз обежать вокруг него. Более того, одним прыжком я могу достать славное солнце, появляющееся на небосводе в ореоле лучей, прежде чем оно скроется на западе. Я могу прыгнуть выше звезд и планет, иссушить океан и расколоть землю. Горы разрушатся, не выдержав тяжести моих шагов, безграничной силой своего прыжка я заставлю море выйти из берегов. Я вознесусь в небеса, увлекая за собой бесчисленные цветы с кустов и деревьев, и мой полет со шлейфом цветов, напомнит всем Млечный путь. О обезьяны, все живое, затаив дыхание, будет следить за моим полетом, как я оторвусь от земли и буду парить в небесах, а потом приземлюсь на другом берегу. Вы увидите, как я, огромный, словно великая гора Меру, покорю небеса. Своим продолжительным прыжком я раскидаю облака, горы, иссушу океан. Могуществом я равен орлу или ветру. Я не знаю никого, кто превзошел бы царя птиц, бога ветра или меня. В мгновение ока я вознесусь в небо, словно молния в облако. Я преодолею море подобно Вишну, тремя шагами покорившего вселенную. Сердце подсказывает мне, что я встречу с Ваидехи, и это наполняет меня радостью. Подвижный как Марута, и быстрый как Гаруда, я преодолею десять тысяч миль, я убежден в этом. Я могу вырвать амриту из рук Индры, вооруженного молнией или у Брахмы. Будьте уверены, перевернув Ланку вверх дном, я вернусь! Голос безгранично мужественного Ханумана гремел словно раскаты грома, и изумленные обезьяны радостно взирали на него. Слова его развеяли печаль в их сердцах, И Джамбаван восторженно сказал:

– О герой! О сын ветра! Ты избавил своих собратьев от великих беспокойств, и теперь славные обезьяны, собравшиеся здесь, свершат деяния, сулящие тебе благо. По милости мудрецов, с одобрения наших старейшин и благословений наших духовных наставников ты преодолеешь океан. А мы до твоего возвращения будем стоять на одной ноге. От тебя одного зависит жизнь всех лесных обитателей! Хануман, тигр среди обезьян, обратился ко всей армии:

– Никто не сможет превзойти меня в этом прыжке. Я прыгну с вершины скалистой и крутой горы Махендра. Поросшая ароматными деревьями, она устоит под моей тяжестью, когда я буду готовиться прыгнуть на четыреста миль. С этими словами Хануман, сокру-

шающий врагов сын ветра, равный Богу, забрался на величайшую среди гор, устланную ковром цветов и зеленой травы, по которой бродили лани, поросшую цветущими лианами и деревьями, склонившимися под тяжестью фруктов и цветов, которую любили посещать львы, тигры и стада опьяненных супружескими играми слонов; кругом шумели водопады и пели птицы. Поднявшись на гору, Хануман, могуществом не уступающий Махендре, стал переходить с одной вершины на другую и давить на них своими могучими руками, так что великая гора загудела, подобно слону, на которого напал лев. Из ее треснувших скал хлынули воды, слоны и лани были охвачены страхом, а огромные деревья дрожали. Гандхарвы, развлекавшиеся на этой горе, поскорее покинули ее, птицы разлетелись, сонмы видьятхаров бежали с высокого плоскогорья; огромные змеи в страхе укрылись в расщелинах скал, летели вырванные с корнем деревья и камни. Риши в страхе бежали с этой горы, которая казалась путником в бескрайнем лесу, лишившимся своих друзей. Проворный и доблестный Хануман, быстрый как ветер, неизменно повергающий во прах своих врагов, устремленный к высокой благородной цели, мысленно уже достиг Ланки.

Конец четвертой книги КИШКИНДХА КАНДА

Книга V. Прекрасная

Сундара Канда

Глава 1 Полет Ханумана

Чтобы найти Ситу, похищенную Раваной, Хануман, сокрушающий своих врагов, приготовился вступить на путь чаранов (1.327). Ему не терпелось поскорее свершить великий подвиг, невиданный доселе во вселенной. Могущественнейшая из обезьян, он, словно буйвол, втянул голову и шею, и, словно лев полный сил, стал радостно прыгать по бескрайним как море зеленым склонам горы, вспугивая птиц, грудью вырывая деревья и уничтожая тысячи тварей. Подобно Нагу в озере, великий Хануман стоял на обширном плоскогорье, которое было излюбленным местом повелителей змей, украшенном голубыми, красными, желтыми, розовыми и другими разноцветными минералами, привлекающем сонмы небожителей, якшей, киннеров и гандхарвов, способных менять свой облик. Хануман почтительно приветствовал бога Солнца, Махендру, Павану, Сваямбху и других и приготовился к путешествию. Повернувшись на восток и поприветствовав своего отца, доблестный Хануман во исполнение воли Рамы решил пересечь океан. Чтобы достичь южной части земли, он на глазах у вожаков-обезьян стал увеличиваться в размерах, словно морской прилив в полнолуние. Он превратился в огромного великана и, готовясь к прыжку, придавил гору своими руками и ногами, так что незыблемая вершина задрожала. Покрытые цветами деревья на верхушке горы осыпали землю цветочным дождем. Под тяжестью шагов Ханумана из горных трещин хлынула вода, словно сукровица на висках у слона во время гона, а вместе с нею потоки золота и серебра. От скал стали отрываться громадные валуны с красным мышьяком, напоминая жаровню в клубах дыма. Обитатели горных пещер, искалеченные и задохнувшиеся, с криком выскакивали наружу, поднятый ими невероятный шум заполнил вселенную. Великие змеи, раскрыв свои капюшоны, извергали пламя и кусали скалы своими клыками. Огромные скалы трескались от этого яда и, падая в огонь разлетались на тысячи кусков. Лечебные травы на склонах горы, залитые ядом, утратили свою силу. Аскеты и видьядхары со своими девами бежали в ужасе, думая, что какие-то великаны раскалывают гору. Они покинули свои золотые кушетки, побросали бокалы и изящные золотые сосуды, позабыв о бесценных винах, изысканных соусах и всевозможных яствах, шкурах и мечях с рукоятками из золота канака. Охмелевшие от вина, с золотыми цепями на шеях, украшенные драгоценностями, гирляндами и красным сандалом, с глазами прекрасными, как голубые лотосы, небожители вознеслись в воздух. Сверкая нитками жемчуга, кольцами и браслетами, они изумленно улыбались, паря в небесах рядом со своими возлюбленными. Махариши и видьядхары застыли, глядя на великое чудо. Они слышали, как чистосердечные аскеты сказали:

– Это Хануман, сын ветра безграничной силы, во исполнение приказа Рамы готовится пересечь океан, обитель Варуны. Эта обезьяна жаждет достичь другого берега моря, свершив удивительный подвиг. Тогда видьядхары заметили на горе трепещущего, как огонь, славного Ханумана со вздыбленной шерстью, который рычал, словно в небе раздавались раскаты грома. Подняв свой судорожно подергивающийся хвост, который напоминал змея в когтях у коршуна, он размахивал им в разные стороны и прижимал к спине, подобно Гаруде, несущему великого змея. Он напряг шею и руки, напоминающие две огромных булавы, и крепче затянул пояс, собирая всю свою силу и мужество. Пристально всматриваясь вдаль и представляя себе длинный путь, который ему предстояло преодолеть, Хануман затаил дыхание, твердо упиревшись ногами в землю. Прижав уши и

сделав небольшой прыжок, этот слон среди обезьян, полный сил, обратился к своим братьям:

– Я достигну Ланки, охраняемой Раваной, с быстротой ветра, подобно стреле Рагхавы. Если я не найду там дочь Джанаки, я тут же отправлюсь в обитель богов, но если не смотря на все усилия, и там не будет Ситы, я приведу царя демонов, закованного в цепи. В случае успеха я вернусь и принесу с собой всю Ланку, отделив ее от земли, вместе с ее злобным царем Раваной!

Не переводя духа и чувствуя себя вторым Супарной, Хануман, лучший среди обезьян, взмыл в воздух. От силы его прыжка деревья, росшие на горе, разлетелись во все стороны. Вихрь, вызванный быстрым полетом Хануман, унес те цветущие деревья, полные опьяненных любовью чибисов, в небеса. Они летели вслед за ним, словно родственники, провожающие своего сына в дальнюю чужую страну. Лесные деревья шала, тала и другие, с корнем вырванные сильным толчком Ханумана, летели за ним, словно армия за своим военачальником. Полные жизненного сока, огромные деревья падали в море, словно горы, в страхе перед Индрой сокрывшиеся в обители Варуны. В ореоле цветущих деревьев Хануман казался славной и вызывающей восхищение горой. Весь в цветах, молодых побегах и бутонах он сиял, как облако или холм, охваченный огнем. Сыпля цветами, деревья падали в море, напоминая друзей, возвращающихся после проводов товарища. Поднятый стремительным полетом обезьяны ветер срывал тысячи цветов, осыпая море цветочным дождем. Хануман с ярким цветочным плащом на плечах в полете был похож на груды облаков украшенных молнией. Роса, скатившаяся с этих цветов, сверкала в небесах, словно звезды. Его руки, протянутые к небу казались двумя пятиглавыми змеями, прыгнувшими в небо с вершины горы. Казалось, что могущественная обезьяна может иссушить океан, покрытый многочисленными волнами, и проглотить небеса. Он летел в потоке ветра, и глаза его сверкали огнем, словно две молнии, обрушившиеся на гору. Глаза этого рыжего героя напоминали солнце и луну, одновременно взошедшие на небосводе, его нос придавал всему лицу медный оттенок, и оно сияло как солнце в сумеречные часы. Задранный хвост этого потомка ветра казался поднятым знаменем Индры. С хвостом, свернутым кольцом, и белыми зубами, прозорливый сын Анилы, Хануман, сверкал, как звезда среди дня в ореоле лучей. Плотного телосложения, с рыжей шерстью, он походил на гору, из которой добывают красную охру. Он летел над водой, и воздух под мышками этой могучей, как лев, обезьяны, гудел, как раскаты грома. Хануман, слон среди обезьян, казался метеором, или великой птицей, парящей в небе, или могучим слоном в плотной подпруге, а его тень плыла по поверхности океана, словно корабль, тонущий в бушующем море. Где бы ни пролетала эта великая обезьяна, океан вздымал шумные волны, потрясенный силой ее прыжка. Стремительно продвигаясь вперед и грудью, напоминающей нос огромного корабля, рассекая воздух, Хануман поднимал в соленом океане огромные, как горы, волны. Настоящий лев среди обезьян, он разбрасывал перед собой высокие и тяжелые волны, словно отделял землю от небес. Морские волны напоминали горы Меру и Мандару, и, разбитые быстрым полетом Ханумана, разлетались по небу, словно осенние облака. Из глубины вод появились киты, крокодилы, гигантские рыбы тимингилы и огромные черепахи, словно кто-то разбросал свою одежду. Морские змеи, видя этого льва среди обезьян, путешествующего по небу, принимали его за самого Супарну. Тень великой обезьяны сорока миль в длину и тридцати в ширину росла с быстротой его полета. Напоминая груды белых облаков, она падала на соленые воды и казалась особенно прекрасной. Знаменитый и безгранично могущественный Хануман невероятно огромных размеров, не останавливаясь ни на мгновение, продолжал свой путь по небу и казался крылатой горой. Где бы ни появился этот слон среди обезьян, море тут же вздымалось и фонтаном било в небо. Следуя дорогой птиц, словно царь пернатых, Хануман разгонял груды облаков, подобно богу ветра. Огромные облака, – красные, голубые, темные и белые – расступающиеся перед стремительной летящей обезьяной, выглядели особенно красивыми. И Хануман то скрывался среди них, то вновь появлялся в небе, словно полная луна. Видя плавагу (1.331), не-

сущегося по небу, боги, гандхарвы и данавы осыпали его цветочным дожем. Солнце не мучило его палящими лучами, и ветер преданно служил ему ради блага Рамы. Великие риши принялись прославлять славного обитателя леса, гандхарвы и боги пели в его честь песни. Наги, якши и ракшасы всех племен прославляли превосходную обезьяну. Океан в своей заботе о славе династии Икшваку, подумал: «Если я не окажу поддержки этому повелителю обезьян, все, наделенные даром речи, осудят меня. Разве царь Сагара, лучший в династии Икшваку, не прославлял меня? Эта обезьяна – его советник, и поэтому я не могу позволить ему погибнуть в волнах. Я должен сделать все, чтобы он немного отдохнул, и с моей помощью он счастливо преодолеет остаток пути». С такими великодушными мыслями бог океана обратился к самой прекрасной среди гор, золотистой Маинаке, сокрытой волнами:

– Поместив тебя сюда, царь небес создал вал против асуров, населяющих адские планеты. Их могущество всем известно, и ты стоишь на страже, чтобы эти великаны не поднялись вновь из ада. Тем не менее ты можешь двигаться вверх, вниз и из стороны в сторону. Я повелеваю тебе, о лучшая среди гор, подняться из глубины вод! Хануман, величайшая обезьяна могущественных и героических деяний, служа Раме, уставший, пролетает над тобой. Ты видишь его напряжение, так поднимись же! Вняв повелению Океана, златогрудая гора Маинака мгновенно поднялась со своего мягкого водного ложа вместе с высокими деревьями и лианами, росшими на ее склонах. Как солнце, лучами разгоняющее облака, эта великая гора, сокрытая водой, по просьбе Сагары явила свои золотые вершины, населенные киннерами и великими змеями, мерцая, как восходящее солнце, ласкающее небо. Вершины этой высокой золотой горы сверкали, как мечи; ее золотистые кряжи сверкали, словно тысячи солнц. Увидев гору, неожиданно выросшую перед ним посреди океана, Хануман подумал: «Это препятствие», – и грудью снес каменную гору, как ветер – облака. Лучшая среди гор узнала могущественного Ханумана и закричала от радости. В облике человека гора поднялась на собственную вершину и с радостным сердцем обратилась к Хануману:

– О лучший среди обезьян, обитателей леса, ты принял на себя трудную задачу, так отдохни же у меня на груди, а потом с новыми силами продолжай свой путь. Царь океана принадлежит роду Икшваку и видя, как ты служишь Раме, кланяется тебе. Услуга за услугу – это закон праведности. Он желает быть полезным роду Рагху, и потому достоин твоего внимания. Из уважения к тебе бог моря молил меня: «Преодолев по воздуху сто йоджан, эта обезьяна устала от напряжения. Позволь же ей передохнуть на твоих вершинах, а потом продолжить свой путь». Поэтому остановись здесь, о лучшая среди обезьян, и отдохни. Подкрепившись сладкими ароматными фруктами и кореньями, ты, как пожелаешь, снова отправишься в путь. О Славный Хануман все три мира знают о твоей добродетели О сын ветра, из всех плавагов, наделенных огромной силой, тебя я почитаю за вожака, о лев среди обезьян! Верные долгу даже обычному человеку оказывают гостеприимство, насколько же тогда ты достоин почтения? Ты сын Маруты, лучший среди небожителей, ты не уступаешь ему быстрой полета, о славный Хануман! Оказывая почтение тебе, добродетельному, можно выразить почтение твоему отцу, поэтому ты вполне достоин такого моего отношения. Послушай, есть ещё одна причина В давние времена, о дорогое дитя, горы, у которых были крылья, разлетелись на четыре стороны света с быстротой Гаруды, путешествуя вместе небожителями, аскетами и другими живыми существами, которые трепетали от страха, боясь падения. И тогда разгневанный повелитель небес Индра провел сто жертвоприношений и своей молнией лишил крыльев сотни и тысячи гор. Полный гнева бог небес приблизился ко мне, размахивая своей булавой, но великодушный бог ветра неожиданно унес меня прочь. О славный Хануман, твой предок спас меня, бросив в соленые волны, и я сохранил свои крылья. Поэтому ты очень дорог мне, прочные узы связывают нас, о вожак обезьян! Пришло время воздать за содеянное благо, ты должен доставить такую радость океану и мне, о знаменитый герой! Отдохни немного, прими знаки

нашего внимания, мы достойны твоего уважения, о почтенный Хануман! Как я счастлив видеть тебя! Хануман отвечал превосходной горе Маинаке:

– Я благодарю тебя за приглашение, но время подгоняет меня, и кроме того, я дал обет не дать остановок во время пути. День уже на закате, позволь мне ничем не беспокоить тебя! Коснувшись горы рукой, этот лев среди обезьян с улыбкой пронесся мимо, и гора вместе с океаном выразили ему почтение и благословили. Поднявшись высоко в небо, Хануман бросил прощальный взгляд на гору и бескрайний океан, и полетел дальше дорогой ветра. Небожители и аскеты пели Хануману славу, с восхищением наблюдая его удивительный подвиг. Собравшиеся боги приветствовали также золотую гору с ее чудесными склонами. Индра, правитель небес, тоже был очень доволен Маинакой. Супруга его Сачи выразила ей почтение и сказала:

– О повелительница гор, я очень довольна тобой! Тебе более ничто не грозит, поэтому отправляйся, куда пожелаешь! Ты наш друг! Несмотря на риск, ты бесстрашно предложила помощь Хануману, измотанному долгим перелетом над морем. Ради Рама, сына царя Дашаратхи, эта обезьяна предприняла столь трудное путешествие, и ты предложила ему лучшее, что у тебя было. Поэтому я очень довольна тобой! Славная гора Маинака с радостью взидала на удовлетворенного царя богов Шатакрату, и, приняв его милостивое благословение, вернулась в прежнюю обитель. А Хануман, сбавив высоту, продолжал свой полет над морем. Боги, гандхарвы и сиддхи вместе с аскетами призвали Сурасу, мать змеев, подобную солнцу, и сказали:

– Лучезарный сын ветра пересекает великий океан, и ты должна задержать его, приняв облик ужасной ракшасы. Стань огромной, как гора, с чудовищными пастьми и медными глазами, пусть твои косматые волосы достигают небес. Мы хотим проверить могущество Ханумана и его силу духа: превзойдет ли он тебя или в смущении уйдет восвояси. Послушная желанию богов почтенная Сураса поднялась из глубин океана, приняв облик демоницы, безобразной и свирепой, облик которой ужаснул всех обитателей моря и суши. Заставив Ханумана остановить свой полет, она сказала:

– О славная обезьяна, боги вселенной даровали тебя мне в пищу, и потому я сожру тебя, иди ко мне в рот! Дхатар в былые времена дал мне такое благословение. С этими словами она широко раскрыла свой огромный рот, преградив Маруте путь. Хануман с улыбкой отвечал Сурасе:

– Рама, сын Дашаратхи, удалился в лес Дандака вместе с братом Лакшманой и супругой Ваидехи. В лесу Рама совершил много подвигов и стал врагом демонов. И тогда Равана, царь демонов, силой похитил его возлюбленную супругу, знаменитую Ситу. Я послан к ней от имени Рама, которому ты должна предложить помощь, о властительница этих мест. Отыскав Маитхили и встретившись с Рамой незабываемых деяний, я вернусь и войду в твою пасть, я обещаю тебе это! Сураса, которая по желанию могла менять свой облик, отвечала:

– Никто ещё не уходил от меня живым – такова сила полученного мною благословения! Видя, что Хануман несмотря ни на что продолжает свой полет, мать змеев добавила:

– Я получила это благословение от Брахмы! Сначала войди в мой рот, а потом отправляйся дальше! Раскрыв свои огромные пасти, она преградила Хануману путь. Слова Сурасы рассердили Марути и он сказал:

– Раскрой пошире рот, чтобы ты смогла проглотить меня! Сураса распахнула пасть на сорок миль, и Хануман ровно настолько же увеличился в размерах. Тогда Сураса раскрыла рот на пятьдесят миль, и Хануман, глядя в эту ужасную, с длинным языком, напоминающим горный хребет, стал ещё больше. Сураса раскрыла рот на шестьдесят миль, а героический Хануман увеличился до семидесяти, Сураса раскрыла рот на восемьдесят миль, а Хануман, подобный богу огня (1.335), увеличился на девяносто. Сураса распахнула пасть на сто миль, а Хануман, неожиданно уменьшился до ширины большого пальца и вошел в эту раскрытую пасть, а потом беспрепятственно вышел наружу и, паря в небе, сказал:

– О Дакшяни, приветствую тебя! Я вошел в твой рот, а теперь должен отправляться искать Ваидехи. Благословение твое исполнилось! Видя, как Хануман вышел из ее рта, словно луна – из рта Раху, богиня приняла изначальный облик и сказала:

– Иди, о герой среди обезьян! Исполни возложенную на тебя миссию! Ты истинно поступил, о друг! Верни Ситу великодушному Рапе! Всё живое стало прославлять Ханумана, увидев его третий необычайный подвиг, и кричать: «Превосходно! Превосходно!», и почтительно кланяясь ему. А он, с быстротой Гаруды пролетая над морем, обителью Варуны, рассекал полные облаков небеса, где было много птиц, видьядхаров и сияющих, быстрых колесниц небожителей, запряженных львами, слонами, тиграми и летучими змеями, которыми управляли блаженные души, достигшие небес своим благочестием. Марути, словно ветер разгоняя облака, плыл по небу, освещенному вспышками молний, которые напоминали пылающий огонь. Небеса, обитель бога огня, щедро воздающего подношения другим богам, были богато украшены звездами, луной и солнцем; там были сонмы махариши, гандхарвов, нагов и якшей чистых, безупречных и огромных, а также Вишва-васу, глава небесных певцов. Множество слонов Индры, помимо Айраваты, ступали по дороге солнца и луны, пологу мира, который развернул над землей Брахма и который посещали бесчисленные герои, возносясь в рай, и видьядхары. Могучие облака разных оттенков калагуру (1.336) – красные, желтые и черные – ярко сияли, когда Хануман разогнал их. Проникая сквозь стену облаков, он то исчезал в них, то появлялся, подобно луне во время дождей. Повсюду Марута рассекал воздух, словно царь гор, обретший крылья. Летящего в небесах Ханумана увидела невероятных размеров демоница Сингхика, способная менять свой облик, и подумала: «Наконец-то спустя столько времени я утолю голод! Это огромное создание появилось здесь по моему желанию!» С этой мыслью она поймала тень Ханумана, и он, чувствуя, что кто-то крепко его держит, подумал: «Неожиданно я утратил своё могущество, словно большая ладья, замедлившая свой ход из-за враждебного ветра!» Оглянувшись по сторонам, Хануман заметил огромное существо, поднявшееся из соленых волн. Глядя на это чудовище, сын ветра подумал: «Без сомнений, это создание удивительного облика и могущества, ловит своих жертв, хватая их тень. О нем рассказывал мне царь обезьян!» Заключив, что это Сингхика, мудрый и дальновидный Хануман увеличился до гигантских размеров, напоминая груды облаков в период дождей. Тогда демоница ещё больше разверзла свою пасть, напоминающую небо и ад, и, ревя, как раскаты грома, с силой набросилась на него. Но разумный Хануман, твёрдый, как алмаз, отметил форму ее рта и уязвимые части тела и, сжавшись, бросился ей в пасть. Сиддхи и чараны увидели, что Хануман нырнул демонице в рот и исчез, как луна, проглоченная Раху во время затмения. Острыми когтями остроумный Хануман разорвал внутренности демоницы и с быстротой мысли вышел наружу. Он убил Сингхику благодаря своей проницательности, выносливости и опыту, и, бросив ее тело в море, стал снова увеличиваться в размерах. Герой среди обезьян обрел прежнее могущество, а мертвая Сингхика, разорванная на части, тонула в волнах, словно Сваямбху для этого их и создал. Все обитатели небес, видя, как быстро расправился Хануман с демоницей Сингхикой, обратились к нему:

– Сегодня ты свершил величайший подвиг! Как велико было могущество этого чудовища, которое ты убил! О знаменитая обезьяна, теперь без помех продолжай путь, приближаясь к желанной цели! Тот, кто подобно тебе обладает четырьмя достоинствами – твёрдостью в достижении цели, осмотрительностью, мудростью и способностями – достигнет успеха в начатом деле, о индра среди обезьян! Заслуженно почитаемый теми, кто достиг исполнения всех своих желаний, Хануман летел по небу, как Гаруда, пожирающий змей. Наконец, он достиг берега и, осмотревшись со всех сторон, увидел многочисленные густые леса на сотню миль. Углубившись, он увидел остров, украшенный разнообразными цветущими деревьями и рощами, которые росли на горе Малая. С любопытством осматривал Хануман море, берег, деревья у побережья и рукава рек, жен океана. Взглянув на своё тело, напоминавшее огромное облако, закрывшее небо, Хануман подумал: «Мои огромные размеры и быстрота полета привлечет ко мне внимание демонов». С этой мыс-

люю благоразумный и осторожный Хануман с размеров горы принял обычный облик, подобно тому, кто целиком владеет собой и чужд самолюбованию, постигнув свою божественную и полную блаженства природу. Подобно Вишну, который тремя шагами покори землю и лишил силы царя демонов Бали, Хануман принял прежний свой вид. Постоянно сосредоточенный на своей миссии, сын ветра, способный принимать различные прекрасные облики, завершил свой неподражаемый перелет через море. Осмотревшись, великодушный герой, словно шатер из облаков, приземлился на вершине славной горы Самва со множеством великолепных скал, поросших деревьями кетака, уддалака и нарикела. Достигнув берега моря, Хануман увидел Ланку, раскинувшуюся на вершине прекрасной горы. Он сошел с небес на землю и принял обычный облик, вспугнув ланей и птиц. Доблестный Хануман преодолел океан, покрытый глыбами волн и кишащий демонами и змеями, и приземлился на другом берегу, где увидел Ланку, напоминающую город Амарава-ти.

Глава 2 Хануман прибывает на Ланку

Преодолев бескрайнее море, могущественная обезьяна остановилась на вершине горы Трикута и стала осматривать Ланку. Величайшей доблести герой оказался под дождем цветов, которым деревья со всех сторон осыпали его. Удачливая обезьяна, только что преодолевшая сотни миль над океаном, не сделал ни одной остановки, не чувствовала ни малейшей усталости. «Я могу преодолеть сотни миль, почему этот океан оказался всего на четыреста миль?» – так думал Хануман наделенный огромной силой. Не теряя времени, он повернул в сторону Ланки и пошел меж зелеными полями и густыми рощами, благоухающими ароматным медом. Хануман шел по горной местности, поросшей деревьями и цветущими лесами. Здесь сын бога ветра решил остановиться и стал осматривать леса, рощи и саму Ланку, расположившуюся на вершине горы. Кругом стояли все в цвету шарала, карника, кхарджура, ароматные прияла, мучулинда, кутаджа, кетака и приянгу, нипа, саптачада, асана, ковидара и каравира, полные бутонов и распустившихся цветов, на верхушках которых, колышимых ветром, обитали тысячи птиц. Хануман увидел пруды, полные лебедей и уток, устланных ковром белых и голубых лотосов; цветущие сады с фонтанами и чудесные парки со всевозможными деревьями, круглый год дарующих цветы и плоды. Осматривая окрестности Ланки, защищаемой Раваной, которую окружал глубокий ров, украшенный голубыми и белыми лотосами, благословенный Хануман заметил могучих воинов на крепостном валу, которые стояли здесь с того самого времени, как Равана похитил Ситу. Свирепые демоны с огромными луками в руках ходили взад-вперед, охраняя город. Большую и удивительно красивую столицу Раваны окружала золотая стена, а ее высокие, как горы, дворцы, напоминали осенние облака. Вдоль главных дорог стояли высокие дома с сотнями башенок, украшенные вымпелами и знаменами, которыми играл ветер. Великолепный, с золотыми арками, увитыми цветами город Ланка показался Хануману городом богов. Выросший на вершине горы, с его сияющими белизной дворцами, он напоминал город небожителей. Хануману казалось, что отстроенный Вишвакармой и находящийся под властью повелителя демонов город замер в небесах. Ланка с ее валами, круглыми, как бедра, в одеждах озер и лесов казалась женщиной, созданной мыслью Вишвакармы; метательное оружие и копья были ее волосами, а террасы – диадемой. У северных ворот, напоминающих гору Кайласа и величественными башнями раскалывающих и подпирающих небосвод, Хануман увидел, что город полон свирепых демонов, словно пещера ядовитых змей, защищенная океаном. Размышляя о Раване, ужасном враге Рамы, он подумал: «Даже если могучерукий Рагхава и достигнет этого неприступного и сулящего смерть города, что дальше? С этими демонами невозможно ни сговориться, ни подкупить, ни вызвать среди них разногласий, ни победить их в открытом сражении. Среди обезьян только четверо смогут достичь Ланки – сын Бали, Нила, прозорливый Сугрива и я.

Но прежде мне нужно удостовериться, что Ваидехи ещё здесь. Сначала я найду дочь Джанаки, а потом подумаю, как поступать дальше». Слон среди обезьян, Хануман задумался, как ему отыскать на Ланке Ситу, отраду Рамы. «В таком облике я не смогу войти в город, который охраняют доблестные и свирепые демоны, – размышлял Хануман, – я не смогу перехитрить этих мужественных воинов, сильных и бесстрашных. Чтобы найти Джанаки, мне нужно проникнуть на Ланку ночью, в подходящий момент и таком облике, чтобы не привлечь к себе внимания. Тогда только я совершить порученное дело». Наблюдая за городом, недоступном даже для богов и асуров, Хануман глубоко вздохнул и продолжил свои рассуждения: «Как найду я Маитхили, дочь Джанаки, оставаясь сокрытыми от глаз вероломного Раваны, повелителя демонов? Как не погубить дела Рамы, познавшего своё «я»? Как мне увидеть дочь Джанаки одну и в укромном месте? Неожиданно возникшее препятствие или ошибка неопытного посланника могут погубить всё дело, как первые лучи рассеивают тьму. Иногда приходится решать, как поступить и чего избежать. Из-за небрежности посланника самые лучшие замыслы могут ни к чему не привести или не осуществиться во всей своей полноте и блеске. Самонадеянный посланник может всё погубить! Как мне поступить, не допустив ошибки? Мой перелет через океан не должен стать бесплодным! Если демоны обнаружат меня, замысел прозорливого Рамы, жаждущего погубить Равану, провалится. Даже если я приму облик демона, я не смогу долго оставаться неузнанным, также как в и любом другом облике. Я думаю, даже ветер не смог бы гулять здесь неузнанным. Ничто не промелькнет мимо бдительного ока тех огромных демонов. Если я останусь в своем обычном облике, я навлеку бедствие на свою голову, и воля моего повелителя останется неисполненной, поэтому я должен уменьшиться и войти в город, как этого хотел Рама. Я войду в этот неприступный город ночью и осмотрю все жилища, чтобы найти дочь Джанаки!» К такому выводу пришел Хануман, жаждавший отыскать Ваидехи, и принялся ожидать заката. Когда дневное светило сокрылось за горой Аста, Марути уменьшился до размеров необычайной на вид кошки. В сумерки могущественный Хануман, прыгая, вступил в великолепный город, который пересекали множество широких улиц с рядами домов, украшенных золотыми колоннами и балконами, что делало его схожим с городом гандхарвов. Со смешанным чувством радости и грусти осматривал Хануман столицу, в которой было семь или восемь сверкающих зданий с мраморными полами, выложенных золотой мозаикой, с золотыми арками. Ища Ваидехи, он с любопытством взирал на невообразимо пышную Ланку. Украшенные гирляндами дворцы соперничали друг с другом белизной стен и красотой арок, отделанных бесценным золотом. Этот великолепный город, охраняемый Раваной, со всех сторон окружали бесстрашные воины величайшей силы. Полная луна на усеянном звездами небе, казалось, решила оказать услугу Хануману, и осветила мир своими прохладными серебристыми лучами. Герой среди обезьян пристально посмотрел на луну, сиявшую как раковина и белую как молоко или стебель лотоса, которая проплывала по светлому небу, подобно лебедю, скользющему по озерной глади.

Глава 3 Хануман входит в город

Хануман, сын Маруты, лев среди обезьян, провел день на величественной горе Самва, напоминавшей огромное облако, а лишь только спустилась ночь, отправился в город Ланка, украшенный восхитительными рощами и озерами, который охранял Равана. Чудесный город, полный сверкающих дворцов, напоминал осенние облака. Днем и ночью там слышен был шум прибоя, с моря веяло свежестью и прохладой. Процветающая и тщательно охраняемая Ланка своими белыми воротами и позолоченными арками напоминала Витавати. Защищенная могучими слонами, сияющая как полная огромных змеев Бхогавати, она была подобна городу Индры. Сверкающий россыпями звезд и открытый для вольных морских ветров, город окружал золотой вал. Хануман с восторгом взирал на город, огла-

шенный звоном бесчисленных колоколов и украшенный знаменами, его красота и пышность привели сына ветра в полное изумление. Хануман увидел золотые ворота, изумрудные перекладины на окнах и дверях и тротуары, выложенные жемчугом, хрусталем и драгоценными камнями; ступеньки, сверкающие драгоценными камнями и лазурные полы, решетки из чистого золота и серебряные парапеты; хрустальные лестницы с изумрудными ступенями, на которых никогда не было пыли. Комнаты в домах были так изящно и со вкусом отделаны, что казалось, были сотканы из воздуха. В ночи раздавались крики кроншнепов и павлинов, по глади озер, на которых любили отдыхать перелетные гуси, величественно плавали лебеди. Повсюду был слышен стук барабанов и звон украшений. Хануман с восхищением осматривал Ланку, которая напоминала город (?) Вишвакару. Казалось, она чудом возникла в просторах вселенной. Великолепный город правителя демонов, которому не было равных в богатстве и роскоши, произвел на дальновидного Ханумана такое сильное впечатление, что он засомневался: «Эту столицу, охраняемую воинами Раваны, не взять силой. Это сделают только Кумуда, Ангада, такие могущественные обезьяны, как Шушена, Маинда и Дживида, потомок Вивасваты, обезьяна Кушапарва, Рикшья или я сам». Но, вспомнив доблесть длиннорукого Рагхавы и могучего Лакшманы, Хануман вновь почувствовал уверенность. Он продолжал осматривать Ланку, столицу повелителя демонов, со всех сторон омытую морем, словно одетую в пышные одежды. Коровники и конюшни казались ее кулонами, а сверкающие доспехи воинов – грудью, как у женщины, украшенной драгоценностями. Ночной город освещали ярко горящие факелы и мерцающие на небе звезды. Как только сын ветра, тигр среди обезьян, вошел в город, ему преградила дорогу чудовищная с виду богиня Ланки, покровительствовавшая столице Раваны. Со страшным ревом она бросила вызов сыну Ваю:

– О лесная обезьяна, кто ты и зачем пришла сюда? Говори начистоту, если ты дорожишь своей жизнью! Ни под каким предлогом ты не мог достичь этого города, неприступного со всех сторон, который охраняют воинские силы Раваны. Доблестный Хануман отвечал чудовищу, представшему перед ним:

– Я отвечу на все твои вопросы, но прежде скажи, кто ты, о раздраженное создание, принявшее столь отвратительный облик, и почему обращаешься ко мне в таком гневе? Разгневанная богиня Ланки, по желанию меняющая свой облик, сурово отвечала сыну ветра:

– Послушная приказу великодушного Раваны, царя демонов, я охраняю город. Никто не может пройти мимо меня, но если кому-то удастся войти в город, он скоро бездыханным падет, не выдержав моих ударов. Я – олицетворенный город Ланка, и чтобы ни случилось, я останусь верна всему, что сказала! Хануман, рожденный Марутой, лучший среди обезьян, замер и слушал ее неподвижный, как скала. Разумный и мужественный, лев среди обезьян, он отвечал богине, принявшей облик женщины:

– Я хочу осмотреть этот город с его башнями, стенами, арками, и потому прибыл на этот остров. Я испытываю огромное желание увидеть его величественные дворцы, леса, рощи и сады. Богиня Ланки рассердилась ещё больше и гневно отвечала:

– О глупая тварь, о последняя из обезьян! Не победив меня, тебе не удастся осмотреть город, которым правит царь демонов. – Осмотрев город, о благословенная, я вернусь туда, откуда пришел, – заверил Хануман ночную разбойницу. Ланка издала страшный вопль и ладонью нанесла льву среди обезьян сокрушительный удар. Доблестный сын Маруты с ревом сжал левый кулак и толкнул ее в грудь, но подумав: «Это женщина», – он сдержал свой гнев. Однако от его толчка демоница тут же упала на землю с искаженным лицом. Глядя на нее, мужественный и благородный Хануман проникся к ней состраданием как к женщине. Взволнованная и подавленная Ланка обратилась к нему с дрожью в голосе:

– О могучерукий, сжался надо мной! Спаси меня, о лучшая среди обезьян! Доблестные и сильные могут удержать занесенную руку! О могущественный, ты превзошел меня своей доблестью! Услышь от меня истину, пророчески провозглашенную Сваямбху: «В

тот час, когда обезьяна превзойдет тебя силой, демоны утратят своё могущество». Сегодня ты показал, что час назначенный Сваямбху настал! Истина, провозглашенная само-рожденным Брахмой, неизменна. Грешный царь Равана, вместе со всеми демонами запла-тит жизнью за похищение Ситы. О лучший среди обезьян, входи в этот город Раваны и сверши задуманное. Великолепный город повелителя демонов, над которым нависла дес-ница судьбы, открыт перед тобой. Не ведая преград, ступай куда пожелаешь и найди це-ломудренную дочь Джанаки.

Глава 4 Хануман осматривает город и его жителей

Могущественный и доблестный Хануман, одержав победу над великолепной Ланкой, способной менять свой облик, не стал входить в городские ворота, а легко перепрыгнул через высокую стену и направился в центр ночной столицы. Хануман, верный интересам царя обезьян, избрал одну из городских дорог, левой ногой победно поправ головы врагов (1.345). Превосходный сын Маруты шел по главной дороге города, устланной цветами, и осматривал прекрасную столицу, слыша повсюду раздававшуюся музыку и веселый смех. Красивый и многолюдный город с гербом булавы и стрекала, со сверкающими алмазами окнами, напоминал небо, украшенное облаками. Ланка с ее богатыми и пышными домами, напоминавшими белые облака, принадлежала демонам. Во имя Рамы и Сугривы Хануман радостно шел по улицам города, украшенного лотосами и знаками свастики, гирляндами и знаменами. Знаменитый сын ветра шел от одного дома к другому, наблюдая за их много-численными обитателями различных обликов, со всех сторон слыша мелодичное пение и видя женщин, одержимых любовью, прекрасных как небесные нимфы. Он слышал звон их поясов и браслетов, когда они поднимались по лестницам дворцов, принадлежавших их великим повелителям, звонкие удары в ладоши и щелканье кастаньетов. Из домов демо-нов доносились нараспев читаемые священные мантры и молитвы, возносимые знатоками Вед. Хануман увидел толпы демонов, стоявших на главной дороге и громко певших хвалу Раване. В центре города он увидел многочисленных шпионов Раваны, переодетых домо-хозяевами, только что получившими посвящение в практику йоги, отшельниками со спу-танными волосами, затворниками с обритыми головами и другими аскетами в оленьих и коровьих шкурах или совершенно нагих. Они держали в руках пучки травы дурбха, жар-ровни, в которых разводили огонь и вызывали злых духов, оружие, чтобы защищаться от врагов, или молоты, булавы и шесты. Он увидел одноглазых шпионов, разноцветных, пу-затых, с обвислыми грудями, отвратительных и свирепых карликов с кривыми лицами. Там были лучники, воины, вооруженные мечами, булавами, железными ломami, в свер-кающих странных доспехах. Хануман не увидел среди них ни толстых, ни худых, ни вы-соких, ни низких, ни светлых, ни темных, ни горбунов, ни карликов. Одни из них были безобразными, другие красивыми, одни сияли, а другие несли в руках знамена, флаги или разнообразное оружие. Хануман увидел, что демоны вооружены копьями, дротиками, гарпунами, стрелами, рогатинами и другим оружием, многие гуляли с гирляндами на шее, благоухая пастой и духами, облаченные в богатые одежды и украшенные великолепными драгоценностями. Некоторые из этих могучих воинов были вооружены копьями и булава-ми. Сотнями и тысячами собрались они перед царским дворцом, послушные приказу Ра-ваны. Хануман увидел знаменитый райский дворец повелителя демонов, который воз-вышался на вершине горы, украшенный золотыми арочными воротами, окруженный рвом с бледными лотосами и валом. Удивительный дворец был полон жизни: ржали породи-стые кони, кричали откормленные животные, шумели колесницы и слоны; там были сло-ны с четырьмя бивнями, похожие на огромные облака, и большие стада оленей. Хануман проник во дворец царя демонов, который охраняли тысячи могучих ятудханов. Порталы дворца были богато украшены барельефами животных и птиц, а внутренние покои, окру-

женные стенами из золота хема и джамбунада, сверкали жемчугами и редкими драгоценными камнями на потолках и благоухали ароматом алоэ и сандала.

Глава 5

Хануман бродит по городу, не находя Ситы

Благословенный Хануман увидел сияющую в ночи луну посреди звезд, озарявшую всё живое своим сиянием, подобно возбужденному быку в стаде коров. Герой среди обезьян пристально смотрел на луну, проплывавшую в небе, белую как раковина или стебель лотоса, прохладные лучи которой рассеивают печаль мира, вызывают морской прилив и озаряют своим светом всё живое. Ночная планета проливала свой свет на вершины горы Мандары, сумеречными бликами поблескивало море и украшенные лотосами озера. Сияющая в небесах луна казалась лебедем в серебряном гнезде, львом в пещере горы Мандара или воином на гордом слоне. Полная луна с напоминающими рога пятнами на лице казалась прекрасной, как горбатый бык с острыми рогами, величественная гора Швета с высокими вершинами или слон с золотыми бивнями. Как великое солнце превращает лед и снег в грязные лужи, так и свет благословенной луны, символом которой считается заяц, рассеивает тьму, потому что даже самое темное пятно на ее лице излучает сияние. Луна сияла в небе во всем великолепии, подобно царю зверей, вышедшим из своей пещеры, вожаку слонов, вступившему в глубокие леса, или царю людей, который обходит свои владения. Ее яркий свет разогнал ночную тьму, подчеркнул черноту кожи демонов, питающихся плотью и горечь неразделенной любви в сердцах молодых женщин и их возлюбленных сменил на блаженство. Раздались звуки лютни, радующей слух. Целомудренные женщины спали в объятиях своих повелителей, а неистовые ночные разбойники отправились творить свои злодеяния. Дальновидный Хануман увидел дома, в которых царили безрассудство и хмель. Воинственные герои развлекались и веселились среди разбросанных золотых кресел, колесниц и коней. Хануман увидел демонов, увлеченных неистовым спором. Подняв огромные кулаки, они награждали друг друга язвительными ругательствами. Одни били себя в грудь и размахивали огромными луками, а другие приводили в порядок свои одежды или обнимали дорогих сердцу жен. Перед взором Ханумана промелькнули блудницы, умащавшие себя сандаловой пастой или сладко спавшие в своих постелях. Несравненно прекрасные женщины весело смеялись или гневно хмурили брови. Где-то трубили огромные слоны, где-то совершалось поклонение, могучие воины произносили слова угроз – и весь город напоминал озеро, кишашее шипящими змеями. Хануман увидел людей, отмеченных разумом, способных к философским дискуссиям, благочестивых, строго следующих ритуалам. Он с восторгом смотрел на этих выдающихся людей, которых природа одарила всеми талантами. От них исходило такое сияние, что даже самые безобразные казались прекрасными. Их благородные и прекрасные супруги, сиявшие как звезды в достойных одеждах и украшениях, чистосердечные и величественные, исключительного нрава, были опьянены любовью к своим мужьям, словно вином, и бросали нежные взгляды, обменивались подарками и пригубливали вкусные напитки. Под покровом ночи прекрасные женщины пребывали в объятиях своих любовников, перебарывая скромность или отдаваясь страсти, как птицы, играющие со своими супругами. Другие, не покидая своих домов, полные нежности, мирно спали на груди своих повелителей, оставаясь верными супружескому долгу. Хануман увидел обнаженных женщин на ложах, покинутых возлюбленными и сиявших как золото. У них была необыкновенно красивая, золотистая кожа, изящные члены и лица нежные как свет луны. Иные предавались радостям со своими мужьями, на лицах их был восторг. Украшенные цветами, своей красотой они очаровывали сердца мужей. Эти женщины с сияющими как луна лицами и чудесными глазами, большими ресницами и красивым разрезом глаз, усыпанные драгоценностями, показались Хануману вспышками молний. Однако он нигде не видел и следа благородной Ситы из царской династии, верной пути добродетели, подобной нежной,

цветущей лиане или хрупкому цветку сатхуджата, родившемуся из ума Брахмы. Целомудренная Сита, с устремленным на Раму взглядом, целиком поглощенная мыслями о нем, его ум и сердце, самая возвышенная из женщин, была жертвой жгучего горя; с мокрой от слез грудью, лишившаяся прежних бесценных украшений, большеглазая, с пушистыми ресницами и красивой шеей Сита, напоминала с голубой шеей паву в лесу, темный контур луны, слиток золота, покрытый грязью, шрам, оставшийся после раны или золотую стрелу, сломанную ветром. После долгих поисков, не найдя Ситы, супруги Рамы, повелителя людей, самого искусного среди ораторов, Хануман преисполнился горя и утратил всё своё мужество.

Глава 6 Хануман исследует дворец Раваны

Словно вольный ветер путешествуя по крышам домов, Хануман, по желанию менявший облик, обошел всю Ланку и приблизился ко дворцу повелителя демонов, окруженному сияющей стеной, сверкавшему как солнце, который, охраняли ужасные демоны, словно львы – могучий лес. Сын ветра увидел чудесный дворец с украшенными сводами, отделанный серебром и золотом, сияющие дворы и ворота, в которых толпились погонщики слонов и неукротимые воины, колесницы, запряженные быстрыми конями, странные телеги, покрытые львиными и тигровыми шкурами, отделанные чеканным золотом и серебром, на которых висели звонкие колокольчики. Усыпанный драгоценными камнями, со множеством богатых кресел, дворец этот был излюбленным местом встреч великих воинов, махаратх. Здесь было множество редких видов оленей и птиц, которые охранял обученный караул. Повсюду мелькали благородные и знаменитые женщины, дворец звенел от их мелодичных колокольчиков и украшений. Здесь жили лучшие из демонов, всё было отмечено символами царской власти и благоухало сандалом. Полный великих демонов, словно лес. Изобилующий львами, оглашенный ударами гонгов, тамбуринов и трубных звуков раковин, этот дворец был также местом поклонения демонов, где они совершали свои подношения богам во время смены фаз луны. Иногда замолкавшие в страхе перед Раваной, как море, а иногда гудящая как волны, эта обширная обитель, усеянная драгоценными камнями, принадлежала могущественному Раване. Великий Хануман внимательно осматривал сверкающий дворец, полный слонов, коней и колесниц. «Это жемчужина Ланки», – подумал знаменитый герой, путешествуя по крыше дворца, и принялся осматривать жилища демонов и их сады. Он мужественно прыгнул в обитель Прахасты, а затем – во дворец Махапаршвы; могущественная обезьяна посетила обитель Кумбхакарны, напоминавшую груды облаков, а также Вибхишаны. Одно за другим Хануман побывал в домах Маходары, Витрупакши, Видьюджибхи и Видьюнмалы. Одним прыжком он оказался в домах Вахуданштры, Шуки и разумного Сараны. Он исследовал дворцы Индраджита, Джамбумалы и Сумалы, а затем посетил Рашмукету, Сурьясачу и Виджракаю. Потомок бога ветра осмотрел каждый угол в домах Дхумракши, Сампати, жестоких Видьюдруны, Пханы, Викханы и Суканабхи, Шакры, Шатхи, Капатхи, Храсвакарны, Данштры и демона Ломасы, Юдхьонматты, Матты и всадника Дхваджагривы, Садина, Видьюджитхи и Виджибхи, а также Хастимукхи и Каралы, Вишалы и Сонитакши. Знаменитый сын Маруты один за другим посетил процветающие дома и других знаменитых и влиятельных демонов. Тщательно исследовав все обители демонов, удачливый Хануман вновь приблизился к царскому дворцу. Он увидел демониц с грозными лицами, которые не слышно бродили а стенами покоев, где спал Равана, с дротиками и булавами в руках, вооруженные копьями, топорами. Он увидел в обители царя демонов гигантских воинов, вооруженных до зубов. Превосходные быстроногие кони, красные, белые и черные, откормленные слоны, неизменно одерживавшие победы над противником, обученные для любой ситуации и в бою равные самому Айравате. Эти слоны, уничтожающие вражеские армии, напоминали бегущие в небе облака или движущиеся холмы, а их трубные призывы казались раскатами

грома. Сын бога ветра увидел в этом дворце тысячи демонов в сверкающих доспехах и золотые колесницы, сияющие как восходящее солнце, множество носилок различной формы, беседки, картинные галереи, залы для упражнений, горы дров, беседки и залы для развлечений. Во дворце Раваны было удивительное здание, прекрасное как гора Мандара, площадки для павлинов, украшенные знаменами на флагштоках. Дворец был полон драгоценных камней и других сокровищ, принесенных сюда доблестными демонами, и напоминал обитель Куверы. От блеска тех драгоценностей и великолепия самого Раваны дворец сиял подобно солнцу в ореоле лучей. Вожак обезьян увидел золотые лежа и кресла, сосуды, отделанные жемчугом и полные вина (1.351). Размерами и величием этот дворец напоминал обитель Камы или обитель Куверы. Мелодичный звон браслетов и поясов стоял в воздухе, звучали барабаны, цимбалы и другие музыкальные инструменты. Повсюду можно было увидеть красивых как жемчуга женщин, которых защищали высокие стены.

Глава 7 Описание небесной колесницы Пушпака

Могучий Хануман продолжал осматривать дворцовые палаты с золотыми окнами, усеянные изумрудами, напоминавшие груды облаков в период дождей, разрываемых молнией, мимо которых пролетают стаи журавлей. Он увидел различные залы и склады раковин, луков, оружия и воинских доспехов, украшенные высокими, как холмы башнями. Эти особняки, полные всевозможных сокровищ, перед которыми благоговели боги и демоны, выглядели безупречными, созданные силой могущества Раваны.

Хануман обыскал все особняки повелителя Ланки, полные предметов роскоши, в которых были предусмотрены малейшие желания их хозяина, словно это было творение Майи. Наконец он проник во дворец самого царя ракшасов, самый прекрасный среди остальных, похожий на груды высоких облаков. Он поражал своей красотой и казалось, будто он низошел с небес на землю. Дворец изобилует драгоценными камнями и разнообразными цветущими деревьями, и напоминал заснеженную вершину горы. Его украшали необычайной красоты женщины, и он сиял, словно облако, озаренное молнией. Он был великолепен, словно чудесная колесница в небесах, запряженная лебедями. Дворец Раваны сверкал бесчисленными драгоценностями, подобно вершине горы, богатой рудой, небосводу, украшенному луной и звездами или разноцветным облакам. Вылепленные из глины скалы, напоминавшие горные кряжи, были засажены искусственными деревьями, покрытыми цветами, с молодыми стеблями и листьями, среди которых стояли наскоро сооруженные ослепительно белые хижины. В глубине рощ были пруды, покрытые цветущими лотосами с золотыми стеблями, были восхитительные фонтаны. Хануман увидел огромную небесную колесницу Пушпака, которая сияла как жемчуг и парила над высокими дворцовыми башнями. Ее украшали птицы из изумрудов, серебра и кораллов и змеи из различных металлов, кони в натуральную величину и птицы с красивыми клювами, удивительными подвижными крыльями и опереньем, как у самого Камы, которые стояли на золотых и коралловых цветах. Там были слоны, в восковых хоботах держащие цветы лотосов и поливавшие водой богиню Лакшми, которая сидела в пруду с лотосами в прекрасных руках. Колесница Пушпака изумила Ханумана, она напоминала гору с чудесными пещерами или дерево, из дупел которого разносился изысканный весенний аромат. Хотя Хануман обыскал весь город десятиглавого Раваны, он не нашел дочери Джанаки, достойной внимания, пребывавшей в глубокой печали, покоренной добродетелью и доблестью ее повелителя. Нигде не видя дочери Джанаки несмотря на отчаянные и тщательные поиски, знаменитый Хануман, добродетельной и добродушной души, почувствовал как жгучая тоска завладела его сердцем.

Глава 8

Дальнейшее описание небесной колесницы Пушпака

Разумный Хануман, рожденный Паваной, остановился, чтобы внимательно рассмотреть великолепную колесницу, инкрустированную золотом и драгоценностями. Отделанная золотом и украшенная несравненными произведениями искусства, созданными самим Вишвакармой, летящая в просторах космоса, подобно лучу солнца, колесница Пушпака ослепительно сверкала. Каждая деталь в ней была сделана с величайшим искусством, также как и орнамент, выложенный редчайшими драгоценными камнями. Колесницы богов уступали Пушпаке, каждая часть ее была исключительной работы. Совершая аскезы и медитируя, Равана обрел эту колесницу, которая управлялась силой мысли ее хозяина. Неотразимая и быстрая как ветер, дарующая счастье великодушным и благочестивым душам, достигшим вершины процветания и славы, несущаяся по небесам, просторная, с многочисленными комнатами, украшенная великолепными произведениями искусства, чарующая сердце, безупречная как осенняя луна, она напоминала гору со сверкающими вершинами. Она могла выдержать тысячи прожорливых демонов с ниспадающими серьгами, огромными немигающими глазами, которые с необычайной скоростью носились по небесам днем и ночью. Великолепная летающая колесница Пушпака, убранная цветами, которая была прекраснее самой весны, приковала к себе взгляд Ханумана.

Глава 9

Хануман разыскивает гарем

Внимание Ханумана, сына Маруты, привлек просторный и великолепный особняк внутри колесницы двумя милями в ширину и четыремя в длину, который принадлежал самому царю демонов. Хануман, повергавший во прах своих врагов, повсюду искал царевну Видехи, большеглазую Ситу и увидел это пышное здание, обитель демонов. Он приблизился к царскому дворцу, окруженному могучими слонами, вдоль которого стояли воины с оружием в руках. Здесь жили демоницы, супруги Раваны, а также похищенные им царские дочери, и потому дворец напоминал океан, кишачий крокодилами, акулами, китами, громадными рыбами и змеями, вспененный бурей. Дворец Раваны напоминал великолепную обитель Ваишраваны, Чандры и Хариваханы, несравненного сияния, неизменный, богатством соперничавший с дворцами Куверы, Ямы и Варуны, и даже превосходивший их. Посреди дворца потомок ветра увидел ещё одно добротное здание с многочисленными решетками. Некогда сотворенная Вишвакармой по воле Брахмы, эта благородная колесница, украшенная драгоценными камнями, называлась Пушпака. Кувера приобрел ее ценой продолжительных аскез, но царь демонов превзошел его в могуществе и завладел чудесной колесницей. Славный Хануман спустился в великолепную Пушпаку, украшенную фигурами волков, отлитыми из золота картасвара и хиранья, изящными и ослепительно сверкающими колонами, в которой было множество внутренних комнат и полутемных беседок. Она напоминала горы Меру и Мандару, своими высокими башнями касалась небес и сияла как солнце. Шедевр Вишвакармы был снабжен множеством золотых лестниц и роскошным потолком; там были балконы и галереи из глубокого голубого сапфира и других драгоценных камней; полы были выложены редкими жемчугами, придававшими им ослепительную красоту. Построенная из красного сандала и сверкающая чистым золотом, Пушпака напоминала восходящее солнце и благоухала тонким ароматом. Хануман остановился и вдохнул густой аромат вин и яств, стоявший в воздухе. Божественный всепроникающий аромат показался ему самой Анилой, он вдыхал его снова и снова, словно он исходил от его близкого друга. Этот аромат казалось говорил Хануману: «Иди туда, где Равана». Сын ветра пошел дальше и увидел обширную пышную залу. Эта просторная зала была очень дорога Раване, который относился к ней, словно к нежно любимой женщине. Лестницы там были выложены драгоценными камнями, а отлитые из чистого золота галереи, ослепительно сияли, хрустальные полы были выложены слоновой

костью, жемчугом, алмазами, кораллами, серебром и золотом. Эту залу украшали множество драгоценных, симметрично расположенных пилястров, прямых, изящных и искусно инкрустированных. Их поддерживали высокие колонны одинаковых размеров, похожих на крылья, отчего всё строение казалось летящим в воздухе. Полы были устланы ковром, широким и четырехугольным, как земля (1.355), на котором были вытканы различные страны, царства и обитатели, повсюду слышалось пение птиц, в воздухе стоял божественный аромат. С богатыми гобеленами на стенах, темные от густого дыма благовоний, безупречно чистые, словно лебедь, убранные листьями и цветами, напоминавшими Камадхену, дарующие радость сердцу, придающие цвет щекам, несущие процветание и разгоняющие всякую печаль, покои царя демонов дарили утешение всем чувствам, словно мать. Проникнув в эту обитель Раваны, Хануман спросил себя: «Это рай, обитель богов, столица Индры или кладезь высшего блаженства?» Он прикоснулся к золотым светильникам, которые напоминали игроков, увлеченных игрой в кости и глубоко озабоченных нанесенным поражением. Хануман внимательно посмотрел на эти сверкающие светильники, люстры Раваны и великолепные украшения, освещавшие покои. Он увидел здесь множество женщин, которые лежали на коврах в разнообразных пышных одеждах, с венками на головах. Они крепко спали под воздействием игривого вина, оставив свои развлечения, в которых провели половину ночи. В царившей тишине эти девы, украшенные драгоценностями, звона которых больше не было слышно, напоминали большое озеро, полное лотосов, на котором смолкли крики лебедей и жужжанье пчел. Марути заглянул в лица тех прекрасных женщин, глаза и уста которых были крепко сомкнуты и источали аромат цветов. Они напомнили ему лотосы, на закате сомкнувшие свои лепестки и ожидающие рассвета, чтобы открыть их снова, или водяные лилии, которые не покидают опьяненные любовью шмели. Благородный и могущественный Хануман справедливо сравнил этих дев с нимфами, потому что гарем был озарен их сияющей красотой, словно усеянные звездами небеса в безмятежную осеннюю ночь. Среди них вспышкой пламени пылал царь демонов, казавшийся прекрасной луной в окружении звезд. Хануман сказал себе: «Это планеты, упавшие с небес, когда иссяк запас их благочестия». Найдя покой, эти милосердные, великолепные женщины сияли, как ослепительные метеоры. Сон настиг их в танце и во время пиршества, венцы слетели с их голов, волосы растрепались, а украшения разорвались и рассыпались по ковру. Они растеряли свои браслеты, тилака на лбах стерлась, смятые гирлянды валялись в стороне, нитки жемчуга разорвались, одежды пришли в беспорядок, пояса расстегнулись и упали, что делало их похожими на распряженных мулов; без серег, с разорванными и мятыми гирляндами они казались цветущими лианами, растоптанными огромными слонами в лесу. Рассыпанный жемчуг, словно мерцающий свет луны, лежал на упругой груди этих дев, напоминающей уснувших лебедей, украшавшие их нитки изумрудов казались селезнями, а золотые цепи – птицами чакравата. Эти пышнобедрые женщины напоминали реки с крутыми берегами, любимые лебедями, гусями и другими птицами; во сне они ходили могучие потоки, и золотые колокольчики на их поясах были рябью, их лица – лотосами, жажда любви – крокодилами, а изящество – берегами. На их нежных членах следы от украшений казались пчелами, а волнуемая дыханием вуаль на лицах – яркими лентами из разноцветных нитей, гулявший ветерок мягко играл их серьгами. Их едва уловимое дыхание наполняло воздух ароматом сладких вин, которые они выпили в угоду Раване. Во сне жены Раваны жадно ловили уста своих соперниц, принимая их за уста своего страстно любимого господина. Всем сердцем преданные своему повелителю, эти прекрасные женщины, не в силах обуздать страсть, невольно оказывали знаки внимания своим соперницам. В богатых одеждах они спали, подложив под голову руки, унизанные браслетами, кто-то уснул на груди подруги, на коленях, на бедрах, на спинах. Под воздействием вина, они страстно льнули друг к другу; девы с тонким станом, они спали, положив друг на друга руки. Жены Раваны в объятьях друг друга напоминали цветочные гирлянды, окруженные опьяненными от любви шмелями, лианы, отдавшие ласкам весеннего ветра, который игриво сплел их в гирлянды цветов, или переплетающи-

еся ветви огромных лесных деревьев, вокруг которых гудят рои пчел. Они спали в столь тесных объятиях, что невозможно было различить, кому принадлежат драгоценные украшения, покрывала и гирлянды, прикрывавшие их полуобнаженные тела. Равана спал, и красота, окружавших его женщин казалась золотыми светильниками, освещавшими его. Среди жен Раваны были дочери раджариши, исполинов и небожителей, которых он завоевал, покорив их родственников. Были среди них и те, кто добровольно последовал за ним, проникшись любовью к повелителю демонов. Но ни одну из низ Равана не похитил против ее воли, всех влекла его доблесть и другие достоинства. Сердца этих женщин никогда не принадлежали никому другому, но с дочерью Джанаки, чье сердце было отдано Раме, всё произошло по-другому. Среди жен Раваны не было лишенных благородства, красоты, разума и милосердия, каждая пробуждала страсть в возлюбленном господине. Хануман, достойный вожак обезьян, подумал: «Если бы супруга Рагхавы была в этом гареме, то царь демонов сегодня был бы особенно счастлив. Но Сита во много раз превосходит их своими несомненными добродетелями, иначе могучий монарх Ланки не совершил бы ради нее столь великое злодеяние».

Глава 10

Хануман видит Равану, окруженного женами

Оглядевшись вокруг, Хануман увидел достойный богов великолепный хрустальный помост, инкрустированный жемчугом, на котором стояли изумрудные кушетки, отделанные слоновой костью и золотом, устланные богатыми коврами. Он увидел белый полог, украшенный небесными гирляндами, который сверкал, как луна. Посредине стояло великолепное ложе, отделанное золотом и пылающее как огонь. Его украшали гирлянды из цветов ашока, а по сторонам стояли две фигуры с опахалами в руках, создавая прохладный ветерок. Кругом курились изысканного аромата благовония. Устланное мягкими шерстяным покрывалами и украшенное гирляндами цветов, ложе это было убрано со всех сторон. Словно грозное облако, на нем возлежал сам правитель демонов с яркими пылающими серьгами в ушах, красноватыми глазами, золотистыми одеждами. Тело его было умощено шафраном и ароматным сандалом, словно урчащее в сумерки облако, разорванное молнией. В небесных украшениях, великолепный с виду, вольный менять свой облик, во сне он напоминал гору Мандару с ее деревьями, рощами и зарослями кустарника. Пресытившийся любовными играми, сияющий бесценными украшениями, радость демонов и возжеленная мечта демониц, он после пира спал на золотом ложе, глубоко дыша, как змея. Хануман невольно проникся благоговением. Съежившись от страха, он остановился на лестнице, прижимаясь спиной к стене. Собравшись с духом, он решил всё же взглянуть на этого льва среди демонов, лежавшего в беспмятстве от выпитого вина. В этот час великолепное ложе царя демонов напоминало величественную гору Прасравану, на которой, отдыхая, лежал могучий слон, своим запахом отгоняющий соперников. Хануман взглянул на две раскинутые руки гигантского монарха в золотых браслетах, которые напоминали знамена Индры, некогда пронзенные острыми бивнями Айраваты в сражении, разорванные диском Вишну, а также на его могучие плечи, выдержавшие удары булавы Индры. Эти две огромные руки, с красивыми и сильными мускулами и крепкими пальцами и ногтями были отмечены благоприятными знаками, пальцы унизаны кольцами. Эти руки, мощные как палицы и круглые как хобот слона, покоившиеся на богатом ложе, словно две пятиглавые змеи, благоухали сандалом цвета заячьей крови и свежестью. царственной красоты женщины растирали их редчайшими ароматными маслами. Руки, вызывавшие невольный крик ужаса у якшей, паннагов, гандхарвов, девов и данавов, сейчас покоились на золотом ложе, словно две огромных и злых пресмыкающихся тварей, спящих в пещере горы Мандари. Повелитель демонов с такими огромными руками напоминал гору Мандару с двумя вершинами. В воздухе стоял крепкий запах манго или дерева пуннага, насыщенный ароматом бакула, смешавшегося с ароматом яств и вина, который исходил во сне

из огромного раскрытого рта повелителя демонов. Венец его украшали рубины и драгоценные камни в золотой оправе, в ушах сверкали серьги; он благоухал красным сандалом, на его могучей груди покоилась нить жемчуга; сбившиеся на сторону белые шелковые одежды обнажили шрамы на теле. Царь демонов спал под дорогим желтым покрывалом, напоминая сноп света и шипя, как змея. Казалось будто слон спит в глубоких водах Ганги. Четыре светильника на золотых колонах со всех сторон освещали его, подобно молнии, высветившей массивное облако. Славный Хануман увидел жен великого монарха демонов, которые спали в ногах своего господина. Лица их сияли, как луна, они носили драгоценные серьги и свежие гирлянды. Искусные музыканты и танцовщицы, они лежали на руках или груди повелителя демонов, облаченные в прекрасные одежды. Хануман пристально всматривался в этих женщин в золотых браслетах и серьгах, алмазах и изумрудах. Их прекрасные, как луна лица, освещенные блеском их серег, озаряли залу, словно звезды – небосвод. Сон неожиданно настиг стройных жен царя демонов, опьяненных вином и любовными играми; изящная танцовщица спала, изможденная неистовым танцем; дева, обнявшая вину, казалась лотосом, зацепившимся за проплывавший плот и упавшим в воду. Темноглазая красавица уснула с маленьким барабаном манкука на коленях, словно молодая женщина с ребенком; изящная красавица с высокой грудью спала, прижав к сердцу свой тамбурин, словно дорогого возлюбленного после долгой разлуки. Ещё одна с глазами, подобными лотосу, уснула с виной в руках, словно чарующая девушка, страстно обнимающая своего возлюбленного. Другая прекрасная в танце дева уснула рядом со своей лютней, обняв ее руками, словно любовница со своим избранником; с сияющими, как золото канада, членами, с ямочками на щеках красавица, чьи веки отяжелели от вина, не смотря на неодолимый сон, постиала в свой барабан. С тонким станом безупречно красивая дева, уставшая на пиру, уснула с цимбалами на коленях, подруга ее держала два барабана диндима на коленях и на спине, напоминая молодую мать с мужем и ребенком. Ещё одна, с большими как лепестки лотоса глазами, крепко прижала к груди свою адамбару и уснула под воздействием вина; а другая, с опрокинутым кувшином воды, напоминала венок из цветов, окропленный водой для свежести; их подруга уснула, руками прикрывая грудь, похожую на две золотых чаши, а ещё одна дева, с глазами как лотосы, прекрасная, как луна, спала, обнимая свою спутницу с пышными бедрами. Женщины несравненной красоты прижимали к груди свои музыкальные инструменты, словно это были их возлюбленные. Хануман увидел в отдалении великолепное ложе, на котором лежала одна из тех красивых дев в богатых одеждах, жемчугах и драгоценностях, своим сиянием, казалось, озарявшая великолепные покои. Это была облаченная в яркий, как золото канака, шелк, любимая царица Раваны по имени Мандодари. Стройная, с красивыми чертами лица, в сверкающих украшениях, она была погружена в глубокий сон. Увидев ее, потомок бога ветра сказал себе: «Возможно эта дева, наделенная богатством юности и красоты, и есть Сита», – и необычайно обрадовался. Полный восторга, он стал прыгать, размахивая хвостом, словно шут, выражая свою радость. Он резвился, пел, забирался на колоны и оттуда камнем падал на пол, являя свою обезьянью природу.

Глава 11

Описание зала пиршеств

Однако потом могучий Хануман стал сомневаться в своей догадке: «В разлуке с Рамой эта прекрасная дева не в силах сомкнуть очей, принять пищи или надеть украшения и отдать себя во власть другого, будь это даже сам царь небес, потому что Раме нет равных даже среди богов! Очевидно, это была не Сита». Придя к такому выводу, вожак обезьян принялся снова осматривать зал пиршеств, всем сердцем жажда найти Ситу. Опираясь на свои тамбурины, барабаны и селики, или растянувшись на великолепных ложах, жены Раваны беззвучно спали утомившись от игр, пения, танцев и вина. Герой среди обезьян увидел тысячи прекрасно одетых женщин, которые уснули, обсуждая красоту друг друга или

искусство пения; всему зная время, они вели уместные беседы и предавались веселью. Он увидел красивых и молодых женщин, которые уснули, беседуя о красоте или принимая дальновидные решения. Среди них повелитель демонов казался быком в просторном хлеву, окруженный коровами, или могучим слоном среди слоних в лесу. Хануман продолжал исследовать залу во дворце могущественного царя демонов, полную предметов роскоши. Он увидел на блюдах мясо буйвола, лани и кабана, стояли золотые тарелки с нетронутой домашней птицей и павлинами, приправленные творогом. Хануман увидел мясо кабанов, носорогов, дикобразов, ланей и павлинов с острыми подливами, а также мясо птицы крикала, козлятину всех видов, зайчатину и наполовину съеденную рыбу с соком винограда и соусами. Здесь были вина из лучших сортов винограда и изысканные блюда с солеными паштетами, приправленными уксусом, различными аппетитными сладостями. Повсюду были разбросаны дорогие браслеты и ножные колокольчики, кувшины из под вина и фрукты на маленьких подносах. Весь пол был устлан цветами, предложенными богам, отчего зала казалась особенно великолепной. Изысканные ложа и кушетки, украшенные золотом и драгоценными камнями, казалось пылают без огня. Мясные блюда всех видов и вкусов с различными подливами, красиво оформленные искусными поварами, горами были расставлены вокруг. Хануман увидел изысканные напитки, сделанные из сахара, очищенных фруктов, цветов или ароматных порошков. Зеркальный пол отражал бесчисленные гирлянды, золотые кувшины, хрустальные вазы и чаши, валявшиеся повсюду. Хануман увидел золотые кувшины для вина, усеянные драгоценными камнями. Одни из них стояли полными до краев, другие были опорожнены наполовину, а третьи и вовсе пусты. Там было множество нетронутых вин и разнообразных блюд. Множество кушеток остались свободными, несравненной красоты женщины спали, положив руки друг на друга. Одна из этих юных дев натянула на себя чужое одеяло и, завернувшись, уснула. Нежное дыхание этих женщин едва касалось их одежд или гирлянд и ласкало их, словно нежный ветерок, напоенный ароматом сандала и сладковатого на вкус сидху. По всей небесной колеснице Пушпака можно было увидеть различные цветочные венки, цветы, ароматную кору, приготовленную для омовения и благовония. В обители демона было множество женщин несравненной красоты – темнокожих и цвета золота канчана. Победенные сном и уставшие от веселья, они напоминали спящие лотосы. Могущественный Хануман внимательно осмотрел каждый угол внутренних покоев Раваны, но нигде не увидел Джанаки. Внимательно всматриваясь в лица этих женщин, он преисполнился беспокойства, что не достигнет желанной цели. Потом он подумал: «Смотреть на чужую спящую жену несомненно грех перед законом. Поистине, это не входило в мои намерения, но я нахожусь в покоях того, кто полон вождения к чужим женам». Затем дальновидной обезьяне, стремящейся к своей цели, пришла на ум другая мысль: «Я смотрю на всех этих жен Раваны, не зная их, но я не чувствую и тени волнения в уме. Ум управляет чувствами, будь они добрые или злые, и мой ум остался не потревоженным. Более того, как мне ещё искать Ситу? Женщину нужно искать среди женщин; каждое живое существо нужно искать среди ему подобных, никто бы не стал искать женщину среди ланей. Поэтому с чистым сердцем я осмотрел внутренние покои Равны, но не увидел дочери Джанаки». Хануман пристально вглядывался в лица дочерей дево, данавов и нагов. Не найдя Ситы, он покинул зал пиршеств, чтобы продолжить поиски.

Глава 12 Унынье Ханумана

Не покидая дворца, Хануман осмотрел беседки, галереи и спальни, но он нигде не видел Ситы, прекрасной супруги Рамы с тонким станом. Не находя возлюбленной потомка Рагху, могущественный сын ветра подумал: «Несомненно Ситы больше нет в живых, если несмотря на мои напряженные поиски, я нигде не видел дочери Митхилы. Юная, добродетельная женщина, она отстаивала свою честь и была убита злобным повелителем демо-

нов, поскольку осталась верной своему супружескому долгу. Может быть дочь царя Джанаки погибла от страха при виде жен повелителя демонов, уродливых, желтокожих, бесформенных, с огромными головами, чудовищного облика. Какой смысл в моей доблести, если я не смог найти Ситу, большая часть времени, отведенная обезьянам на поиски прошла. Я не отважусь скрываться от могущественного Сугривы, который вынесет мне суровое наказание. Я обыскал все внутренние покои Раваны, но не нашел там нежной Ситы, и потому все мои усилия оказались напрасны. Кроме того, когда я вернусь, все обезьяны спросят меня: «О доблестный Хануман, расскажи нам, что ты делал, достигнув другого берега?» Что я отвечу, не увидев дочери Джанаки? Назначенный срок прошел, несомненно мне остается только поститься до самой смерти. Что скажут престарелый Джамбаван и Ангада вместе со всеми обезьянами, если мой перелет через океан оказался бессмысленным? И всё же настойчивость остается залогом успеха и процветания, настойчивость приносит высшую радость, поэтому я должен осмотреть все места, где ещё не был. Более того, я должен приложить ещё больше усилий и побывать всюду, где я ещё не был: в залах собраний, садах, беседках, дворах, домах, дорогах, аллеях и колесницах. Даже если я уже искал там, я должен осмотреть их снова. Приняв решение, Хануман принялся снова осматривать подвалы, храмы, многоэтажные дома. Он двигался вверх и вниз, то в одну сторону, то в другую, открывая одни двери, закрывая другие, посещая одно место и покидая другое, не оставив неисследованным даже пространство в четыре пальца. Он побывал в проходах, вырытых внутри валов, на террасах, поддерживаемых колоннами, в рощах, на прудах, полных лотосов; он увидел отвратительных огромных демониц всех форм и обликов, но только не дочь Джанаки; знаменитые супруги видьядхаров предстали его взору, но не возлюбленная Рагхавы. Хануман увидел также прекрасных дочерей нагов, чьи лица сияли, как полная луна, которые были силой похищены повелителем демонов, но не видя среди тех прекрасных женщин дочери Джанаки, Марути пребывал в печали. Размышляя о великих усилиях, приложенных вожаками обезьян, и его полетом через океан, который теперь казался ему бесплодным, сын Анилы впал в глубокое уныние и покинул небесную колесницу. Хануман, рожденный Марутой, снова принялся рассуждать, на душе у него было грустно.

Глава 13

Затруднительное положение Ханумана

Проворный Хануман, доблестный вожак обезьян, спускаясь с летающей колесницы на вал, напоминал вспышку молнии в облаках. Не найдя Ситы, дочери Видехи, в покоях Раваны, он сказал себе: «В поисках возлюбленной Рамы я вновь и вновь обошел всю Ланку, но нигде не увидел безупречной дочери Джанаки! Я много раз осмотрел все болота, пруды, озера, ручьи, реки, берега, леса и неприступные горы, но не нашел и следа Ситы! Сампати, царь коршунов, с уверенностью говорил, что Сита находится во дворце Раваны, но я не видел ее там, возможно ли это? Или дочь Видехи, Маитхили, рожденная Джанакой и похищенная против воли, в своей беспомощности предалась Раване? Возможно, опасаясь быстрых стрел Рамы, демон позволил Сите выскользнуть из его рук, или она, уносящая демонов по пути сиддхов, увидела под собой океан, и рассталась с жизнью? Кто знает, может, благородная большеглазая дева не выдержала огромной скорости полета Раваны и его давящих рук? Могло случиться и так, что во время их полета над морем дочь Джанаки, пытаясь освободиться, упала в волны, или, увы, низкий Равана просто сожрал ее, когда она пыталась отстоять свою честь вдали от своего господина. Может быть, невинная темноглазая дева послужила пищей нечистым женам повелителя демонов? Поглощенная мыслями о Раме, чей лик прекрасен, как луна, она вздохнула в последний раз и горестно крикнула: «О Рама! О Лакшмана! О Айодхья!» Или, брошенная в подземелья дворца Раваны, эта юная дева предается горю, словно птица в клетке? Может ли супруга Рамы с тонким станом, в жилах которой течет кровь Джанаки, с глазами, напоминающими ле-

пестки лотоса, покориться Раване? Погибла ли она, заточена или убита – я не посмею сказать об этом Раме. Это означает нанести ему оскорбление, но плохо будет сокрыть от него истину. Что же мне делать? Я растерян! Как мне поступить в столь затруднительном положении?» Хануман продолжал рассуждать: «Если я вернусь в город повелителя обезьян, не найдя Ситы, чего стоит мое мужество? Мой перелет через океан кажется бессмысленным, также как появление на Ланке или разведывание сил демонов. Что скажут мне Сугрива, собравшиеся обезьяны или два сына Дашаратхи, когда я вернусь в Кишкиндху? Если я приближусь к Какухтстхе с роковой вестью: «Я не нашел Ситу», – он расстанется с жизнью. Услышав эти жестокие, ужасные, душераздирающие и грубые слова, он не выживет, и тогда дальновидный Лакшмана, глубоко преданный Раме, тоже расстанется с жизнью! Бхарата не вынесет известия о гибели этих двух героев, и Шатругна тоже не захочет жить. Узнав о смерти сыновей, их матери – Каушалья, Сумитра и Кайкеи – несомненно умрут; и великодушный и верный Сугрива, видя положение Рамы, тоже расстанется с жизнью. Тогда, разбитая горем Рума, последует за своим господином; Тара, безутешно скорбящая о смерти Бали, истерзанная страданиями, тоже не сможет жить. Потеря родителей заставит юного Ангаду пойти на смерть, и, потрясенные потерей своих вожаков, лесные обезьяны, привыкшие к мягкости, подаркам и вниманию со стороны своего славного монарха, в горе станут бить себя кулаками по голове и умрут. Не увидеть будет в лесах, среди скал и пещер резвящихся обезьян! Вместе со своими сыновьями, женами и слугами они, скорбя о смерти своего повелителя, бросятся с высоких скал в бездну. Или они примут яд, повесятся, войдут в огонь, станут поститься, или упадут на собственное оружие. Несомненно мое возвращение навлечет на всех величайшее бедствие. Династия Икшваку и весь обезьяний род погибнут. Но если я не вернусь, два добродетельных славных воина, также как и быстроногие обезьяны, будут жить в надежде получить известие о Сите, а я, не найдя царевны Видехи, покорюсь постигшей меня участи и до конца своих буду жить в нужде, поддерживая себя лишь фруктами и кореньями в лесу. На берегу моря, там, где много кореньев, фруктов и воды, я разведу погребальный костер и войду в него, или просто умру от голода и отдам своё истощенное тело на растерзание птицам и диким зверям. На мой взгляд такая смерть достойна прозорливых мудрецов. Я должен найти Джанаки или броситься в море! Искусно сплетенная и рожденная мужеством яркая гирлянда славы, что покоится на моей груди, увянет, потому что я не смог найти Ситу. Поэтому мне остается стать аскетом и жить под деревом, я не вернусь, не увидев темноокой девы. Если я вернусь без Ситы, ни Ангада, ни другие обезьяны не выживут. Бесчисленные беды обрушатся на того, кто лишает себя жизни; но если я сохраню свою жизнь, у меня остается надежда достичь успеха, и поэтому я непременно должен жить! Пока я живой, встреча Рамы и Ситы ещё возможна! Блуждая в потоке скорбных размышлений, Хануман, лев среди обезьян, пытался совладать со своей печалью. Собрав всё своё мужество, могущественный герой сказал себе: «Я убью Дашагриву, ужасного Равану, и отомщу за похищение Ситы или, преодолев море, я брошу его к ногам Рамы, словно животное, предложенное Пашупати!» Продолжая рассуждать, Хануман подумал: «Не в силах найти знаменитую супругу Рамы, я неустанно продолжал поиски по всей Ланке. Если, как говорит Сампати, я приведу сюда Раму, Рагхава, не увидев своей жены, испепелит всех обезьян огнем своего гнева. Поэтому я останусь здесь, посвятив жизнь обузданию чувств, чтобы моя ошибка не погубила всех людей и обезьян. Я не был ещё в ашоковой роще, где растут огромные деревья. Выразив почтение Васу, Рудрам, Адитьям, Ашвинам и Марутам, я войду в нее демонам на погибель. Уничтожив демонов, я верну божественную Ситу, радость Икшваку, Раме, подобно аскету, обретающему плод своих аскез». Поразмыслив немного, могучий потомок бога ветра неожиданно поднялся и изрек:

– Я приветствую Раму, сопровождаемого Лакшманой и Анилой! Я приветствую Чандру, Агни и Марутов! Выразив почтение богам и Сугриве, повелителю обезьян, потомок бога ветра представил себе путь к великолепной роще и принялся размышлять как поступать дальше. Он думал: «Должно быть, эта священная ашоковая роща с ее густыми за-

росями, полна демонов. Наверняка ее охраняют стражники, и даже благословенный Вишватам не осмеливается насылать на нее сильные ветры. Во имя Рамы я уменьшусь в размерах, чтобы Равана не обнаружил меня. Пусть все боги, сонмы мудрецов, даруют мне удачу! Пусть Сваямбху, небожители, аскеты, бог огня, бог ветра, повелитель небес, Варуна, солнце и луна, благородные Ашвины и все Маруты, благословят меня удачей! Пусть всё живое и господь всего живого, пусть все, кто повстречаются мне на пути, пожелают мне удачи! Когда я увижу благородную и безупречную царевну с красивым носом, жемчужными зубами, сладкой улыбкой и глазами, напоминающими лепестки лотоса, сияющую, как царица звезд, о когда? О когда хрупкая и добродетельная дева, безжалостно похищенная злобным и отвратительным негодяем, несущим зло всему живому, скрывающим свою свирепость под личиной очарования, когда она явится моему взору?

Глава 14 Ашоковая роща

Подумав ещё немного и мысленно ища встречи с Ситой, Хануман с вала перепрыгнул через высокую стену, окружавшую сад ашока и, трепеща от восторга, замер, увидев цветущие деревья и цветы, словно ранней весной. Он увидел покрытые цветами деревья шала, ашока, бхавья, чампака, уддалака, нагаврикша, манго и капимукха, заросли амры, увитой лианами. Словно стрела, выпущенная из лука, Хануман одним прыжком оказался в чарующем саду, сияющем, как восходящее солнце и оглашенном пением птиц, в котором росли золотые и серебряные молодые деревца, жили стаи птиц, бродили стада оленей. Полный благоухающих деревьев, сад Ашока изумил доблестного сына ветра. Кругом цвели деревья всех видов, ветви их клонились под тяжестью фруктов, иступленно кричали кукушки, жужжали шмели и радостно резвились все божьи твари, кричали павлины, журавли и гуси, вызывая в сердце восторг. Хануман, разыскивая прекрасную царевну безупречного облика, разбудил птиц, сладко спавших на ветвях деревьев. Ветер, поднятый крыльями тех птиц, осыпал Ханумана, сына ветра, пестрым цветочным дождем, отчего он стал напоминать холм, покрытый цветами. Все обитатели сада, видя Ханумана, стрелой разбегались во все стороны, принимая его за самого бога весны. Земля под ковром цветов выглядела невестой в драгоценных камнях. Деревья, дрожа под ногами стремительной обезьяны, проливали разноцветные дожди лепестков и цветов. С лишившимися листьями верхушками, потерявшие и цветы и фрукты, они выглядели как игроки, поставившие на заклад свою одежду и всю собственность и проигравшие все. Хануман прыгал по тем прекрасным деревьям, и они щедро устилали землю своими цветами, листьями и фруктами. Птицы покинули их, не находя более прибежища среди голых ветвей, сотрясаемых Марутой. Ашоковая роща, истоптанная сильными ногами и хвостом Ханумана, напоминала юную женщину с растрепанными волосами, потускневшими губами и зубами, стершейся тилакой, избитыми руками и ногами. В спешке сын ветра вырывал гроздь лиан, как ветер разгоняет облака во время дождей. Направляясь то в одну сторону, то в другую, Хануман увидел золотые и серебряные пруды, полные прозрачной воды со ступеньками, выложенными драгоценными камнями, жемчугом и кораллами, хрустальным дном и ослепительно сверкавшими деревьями из золота канчана по берегам. Пруды украшали заросли лотосов и лилий, шумели лебеди, журавли и красные гуси, звучали голоса птиц чакравака; красивые широкие ручьи с деревьями по берегам манили их своими чистыми водами, напоминали амриту и бежали под различными кустами, украшенными тысячами лиан; земля была устлана ковром рододендронов и олеандров. Взору славного героя предстал высокий холм, сияющий, как облако на величественной вершине, поросший разнообразными деревьями и полный удивительных гротов – это было чудо света! Он увидел реку, падающую с его вершин, словно молодая дева, вырывающаяся из рук возлюбленного, чтобы скрыться от него; ветви деревьев, уносимые стремительным потоком, казались подружками той девы, которые изо всех сил пытаются остановить ее. Далее Хануман увидел, как этот поток, по-

ворачивая, находит свой путь, словно девушка, которая успокоилась и помирилась со своим возлюбленным. Внимание Ханумана, рожденного Марутой, привлек пруд в некотором отдалении от реки, полный лотосов и разнообразных птиц; он увидел фонтаны свежей воды с чарующими ступеньками из драгоценных камней и жемчужным дном, со всех сторон украшенные стадами оленей; восхитительные рощи и дворцы, возведенные самим Вишвакармой и украшенные искусственными деревьями, полными цветов и плодов. Их ветви, словно зонты, давали тень, а земля под ними была устлана золотом и серебром. Великий Хануман увидел одинокое золотое дерево шингшапа, окруженное золотым помостом, множество цветочных лож и деревьев, сияющих, как огонь и своим блеском соперничающих с горой Меру, и подумал, что они сделаны из золота. Он с изумлением взирал на прекрасные золотые деревья с цветущими кронами, почками и молодыми побегами, которыми нежно играл ветер, заставляя звенеть, словно множество украшений на груди девушки. Быстро забравшись на густое дерево шингшапа, Хануман подумал: «Отсюда я быть может увижу Ваидехи, это несчастное создание, тоскующее по Раме. Полная горя, она бесцельно бродит то в одну сторону, то в другую. Несомненно, эта ашоковая роща, украшенная деревьями чандана, чампака и вакула, принадлежит злобному Раване. Сита непременно посетит этот прекрасный пруд, любимый птицами. Супруга Рагхавы, привыкшая гулять по лесу, в тоске по Раме обязательно придет сюда. Эта дева с глазами лани, истерзанная горем разлуки, посетит эту рощу. Целомудренная и добродетельная дочь Джанаки, любящая всё живое в лесу и страстно желающая выразить мужу свою преданность, с этой целью придет на берег прозрачной реки. Поистине, эта прекрасная роща была бы достойной обителью целомудренной супруги Рамы, царя людей. Если богиня с прекрасным, как луна, ликом ещё жива, она непременно посетит реку, дарующую прохладу». Так размышлял Хануман, ожидая появления супруги повелителя людей. Он укрылся в густой листве дерева шингшипа, откуда ему открывался прекрасный вид на окрестности.

Глава 15 Хануман видит Ситу

С верхушки этого дерева Хануман мог видеть всю рощу, полную деревьев, увитых лианами и благоухающих небесными ароматами. Сияющую и живописную, как райские сады Нандана, ее населяли разнообразные животные и птицы, украшали дворцы и храмы, повсюду слышалось пение кукушки. С прудами, полными золотых лотосов и серебряных лилий, близ которых стояли кушетки с подушками, с дворцами и дворами, восхитительными деревьями, весь год обремененными плодами и цветами, и цветущими деревьями ашока, роща эта сияла как восходящее солнце. Не покидая своего дерева, Марути без устали любовался чудесными лесами, в густой листве которых скрывались тысячи птиц. Красота ашоковых деревьев, согнувшихся под тяжестью цветов, так что их цветы, казалось, достают корней, разгоняла печаль. Всё вокруг пылало от сияющих деревьев карника и кимшука, покрытых цветами; с гигантскими корнями пуннага, шаптапарна, чампака и удалака благоухали цветами; там были тысячи деревьев ашока – золотых, горящих, как огонь, или темных, как сурьма, отчего роща напоминала райский сад Нандана или чарующие владения Куверы и даже превосходила их великолепием. Украшенное тысячами сверкающих цветов, это небесное и невообразимо прекрасное место было вторым раем и поражало воображение, как пятый океан (сноска: помимо четырех океанов на земле, согласно древним представлениям); разбросанные повсюду цветы в действительности были жемчугом и драгоценными камнями. Деревья, растущие там, цвели круглый год и благоухали медом, сад был полон птичьего крика, повсюду бродили лани и другие животные. Всё кругом благоухало изысканными ароматами. Это восхитительное место, равное царю гор, было второй Гандхамаданой. Недалеко от того дерева, на котором сидел Хануман, он увидел сияющий, белый, как гора Кайласа, безупречный храм. Его украшали тысяча колон, ступени были коралловыми, а пол – из чистого золота. Он ослеплял своей красотой и

был таким высоким, что казалось, целовал небеса. Неожиданно он заметил женщину в грязных одеждах, которую окружали демоницы. Она выглядела изнуренной долгим постом, печальной, и тяжело вздыхала, и в то же время казалась безупречной, как нарождающаяся луна, и сияющей, хотя сияние это сейчас было тусклым, как пламя, сокрытое дымом. Облаченная в грязный желтый шелк, безо всяких украшений она напоминала лотос в пруду, с которого сорвали все цветы. Подавленная, измученная горем, она походила на Рохини, преследуемую Кету. Лицо было умыто слезами, печальное, истерзанное нужной и волнением, вдали от друзей и родных, она не видела вокруг себя никого кроме демонов и казалась затравленной ланью. Ее длинные волосы черной змеей сбегали по спине, она казалась землей, покрытой темно-голубыми лесами и залитой дождями. Большеглазая дева, достойная счастья и никогда прежде не ведавшая горя, пребывала в глубокой печали. Глядя на нее, Хануман по многим причинам решил, что перед ним Сита, и подумал: «Похоже, что это Сита, похищенная демоном изменчивого лика!» Лицо ее сияло, как полная луна, у нее были изогнутые дугой брови и красивая округлая грудь; сияние, исходившее от нее, разгоняло тьму миров; у нее была шея голубоватого оттенка, губы напоминали спелые плоды бимба. Дева с тонким станом и царственной осанкой, с большими, как лепестки лотоса глазами, она была подобна Рати, супруге бога любви, любимая всем миром, как свет полной луны. Теперь эта хрупкая юная дева сидела на голой земле, предаваясь аскезе, словно женщина-аскет, и тяжело вздыхала, словно супруга царя змей. Окутанная плотной вуалью печали, красота ее исчезла, как пламя в дыму или сомнительно растолкованный ведический текст, растраченное богатство или ослабевшая вера, загасшая надежда или в силу обстоятельств не достигнутое совершенство, затуманенный разум или оклеветанная слава. Измученная разлукой с Рамой и постоянным присутствием демонов, эта дева, словно молодая лань, в отчаянье бросала беспомощные взгляды, словно кого-то искала глазами. Слезы ручьями текли из ее глаз с изогнутыми бровями и темными ресницами, черты ее исказились, то и дело из груди вырывался глубокий вздох. Достоянная всех радостей, но несчастная, лишившаяся всего, покрытая пятнами грязи, она напоминала царицу звезд, сокрытую большим облаком. Увидев Ситу в столь жалком положении, Хануман растерялся, подобно человеку, который без поддержки забыл все, что знал. Он с трудом узнал ее, лишившуюся всяких украшений, словно неверно истолкованный текст. Глядя на большеглазую, безупречную деву, Хануман не сомневался, что это была Сита. Хануман заметил на ней потемневшие и поблекшие украшения, о которых говорил ему Рама накануне его отбытия из Кишкиндхи – свадангстрасы и драгоценные браслеты – и подумал: «Украшений, которые Сита выбросила по дороге, конечно, нет, но остальные несомненно на ней. Обезьяны нашли на дереве богатый шелковый шарф, сияющий, как золото канака, и брошенные ею драгоценности, со звоном рассыпавшиеся по земле. Одежды на ней совсем износились, но цвет их сохранился и напоминает ее собственное сияние. Это о ней страдал Рама, терзаемый переживаниями, сожалением, горем и любовью: он переживал за то, что его возлюбленную супругу похитили; сожалел, что не может защитить душу, во всем зависевшую от него; горевал о ее потере и томился любовью в разлуке с ней. Поистине, своим изяществом и красотой эта темноокая дева напоминает его, должно быть, это и есть его супруга. Она целиком сосредоточена на нем, также как и он – на ней, и только потому они ещё живы. Несомненно, Рама совершил величайший подвиг, в разлуке с нею не расставшись с жизнью от горя». Увидев Ситу, Хануман позволил своей мысли унести к божественным стопам Рамы, которому он молча выразил почтение, так же как и его достойной супруге.

Глава 17 Размышления Ханумана

Отдав заслуженную дань почтения Сите и мягкосердечному Раме, Хануман, тур среди обезьян, снова погрузился в глубокие размышления. Глаза его при этом наполнились сле-

зами скорби о судьбе Ситу, и дальновидный герой выразил свою печаль такими словами: «Никто не может противостоять судьбе, если даже Ситу, супругу знаменитого Рамы, всегда послушного воле духовных наставников, настигла такая участь! Зная о доблести Рамы и дальновидного Лакшманы, эта божественная дева обеспокоена не более Ганги накануне дождей. Нравом, возрастом, поведением и происхождением они не уступают друг другу. Рагхава достоин темноглазой Ваидехи, которая принадлежит ему». Глядя на Ситу, сияющую, как только что отчеканенное золото и напоминавшую Лакшми, любимую всем миром, Хануман мысленно приблизился к Раме и сказал:

– Из-за этой большеглазой девы были убиты Бали и Кабандха, равный ему по силе; ради нее могущественный демон Вирадха, славившийся своим мужеством, не выдержал ударов доблестного Рамы, подобно Шамбаре, не устоявшем под ударами Махендры. Ради нее Рама своими неумолимыми, как языки пламени стрелами сразил в Джанастхане четырнадцать тысяч демонов невиданных подвигов. От руки праведного Рагхавы пал Кхара на поле битвы, погиб Триширас, также как и могущественный Душана. И только ради нее великое и неприступное царство обезьян, принадлежавшее Бали, перешло в руки Сугривы, известного на все три мира; ради этой большеглазой девы я преодолел океан, сверкающего повелителя вод. Мне кажется, даже если Рама ради нее перевернет вверх дном всю землю, она достойна этого! Пусть владения трех миров будут на одной чаше весов, а Сита, рожденная Джанакой, – на другой, все они не стоят и волоска с головы Ситу, так добродетельна дочь великодушного царя Митхилы, целиком преданная своему господину. Она явилась в поле из вспаханной плугом борозды и была покрыта грязью, которая сверкала как пыльца лотосов. Это старшая сноха царя Дашаратхи, мужественного и благородного, не ведавшего поражения на поле битвы. Возлюбленная супруга праведного и верного долгу Рамы, постигшего своё истинное «я», теперь находится во власти демонов. Отрекшись от всех удовольствий, она живет лишь любовью к своему господину и не придает значения неизбежным лишениям. Вместе с ним она удалилась в прекрасный лес, чтобы жить лишь фруктами и кореньями и, продолжая служить своему супругу, считала себя на вершине блаженства, словно жила во дворце. Эта дева, чьи члены сияют, как золото канака, всегда улыбающаяся во время беседы, теперь страдает под бременем невообразимого горя, и Рагхава, словно измученный жаждой человек, стосковавшийся по ручью, вздыхает, мечтая увидеть эту благородную женщину, терзаемую Раваной. Встретившись с ней, Рагхава вновь обретет радость, как царь, однажды лишившийся трона, но потом обретший его. Не ведающая удовольствий и удобств, вдали от близких, она живет надеждой увидеть Раму и вновь оказаться рядом с ним. Забыв о демонах и деревьях, покрытых фруктами и цветами, она целиком поглощена мыслями о Раме. Лучшим украшением женщины остается ее повелитель, и Сита несмотря на свою несравненную красоту, не сияет, как прежде, в разлуке с Рамой. Только благодаря своему героизму Рама выжил в разлуке со своей супругой и устоял перед обрушившимся на него горем. Эта темноглазая дева, прекрасная как свет луны, достойна счастья, но сейчас она в беде, и сердце мое трепещет, видя это. Терпеливая, как земля, эта дева с лотосными глазами, всегда пребывавшая под защитой Рамы и Лакшманы, лежит у подножья дерева под стражей свирепых дэмониц. Словно лия, схваченная морозом, дочь Джанаки утратила свою красоту и ослабела под потоком бед; словно лань, отбившаяся от стада, она пребывает в печали. Деревья ашока, ветви которых сгибаются под тяжестью цветов, похоже, только умножают ее тоску, словно проливающая чистый свет луна, взошедшая на весеннем небе». Размышляя таким образом, доблестный Хануман, сидя на дереве шингшапа, нисколько не сомневался в том, что нашел Ситу.

Глава 17 Дэмоницы, охранявшие Ситу

На безупречном небосводе появилась и поплыла, словно лебедь по голубой глади озера чистая, как лилия, луна. Словно желая поддержать Ханумана своим светом, чистая и ясная луна озарила сына Паваны своими прохладными лучами. Доблестный герой продолжал наблюдать за Ситой с прекрасным, как луна, лицом, раздавленной горем, подобной грузенному кораблю, тонущему в волнах. На некотором расстоянии от нее Марути увидел свирепого вида демониц. Одни из них были с одним ухом или глазом, а у других лиц было не разглядеть из-за огромных ушей; одни были без ушей, другие – с носами на лбу; у одних было несоразмерно огромные головы и длинные шеи, а у других – растрепанные волосы; некоторые чем-то шерстяным покрыли головы, их уши и брови, казалось, очень низко располагались на лице, животы и груди нелепо торчали; одни были вывернутыми коленями или чахлые, горбатые или скрюченные, карлики, нечесанные, скошенными набок ртами пылающими глазами и устрашающими лицами. Отвратительные, раздраженные, вздорные, они были вооружены копьями, дротиками, молотами и деревянными колотушками; у одних были морды медведей или ланей, тигров, верблюдов, буйволов, коз и шакалов, а у других – ноги слонов, верблюдов, коней; ещё у кого-то голова была посажена на грудь. У одних была одна нога или рука, а у других уши ослов, коней, коров и слонов или обезьян. У одних были огромные или кривые носы, а у других их вовсе не было, у одних были носы, напоминающие хоботы слонов, а у других носы располагались на лбу, и они шумно дышали, как животные. У них были ноги слонов или коров, некоторые были покрыты шерстью; у кого-то были огромные головы, невероятных размеров лица и длинные языки; там были демоницы с головами коз, слонов, коров, свиней, коней, верблюдов и ослов. Отвратительные на вид, они держали в руках копья и булавы; они были сварливыми и злорадными в своих расправах. С черными как сажа или серыми как пепел волосами они выглядели отталкивающе и постоянно ели мясо, запивая вином. С головы до пят они были обрызганы кровью пожираемой плоти. У доблестного Ханумана шесть встала дыбом, пока он разглядывал демониц, окружавших Ситу. Он продолжал сидеть в густых ветвях своего дерева, под которым стояла божественная и безупречная Джанаки. Великодушный Хануман с состраданием смотрел на дочь Джанаки, утратившую своё сияние, убитую горем, со сбитыми, испачканными волосами. Как звезда, упавшая с небес на землю и погасшая, Сита, на весь мир славящаяся верностью мужу, хранила остатки надежды вновь встретиться со своим повелителем. Сняв с себя драгоценности и украшенная непоколебимой преданностью мужу Сита в плену у Раваны казалась слонихой, отбившейся от стада, на которую напал лев, или лунным светом, пробившимся сквозь облако на исходе дождей. Красота ее потускнела, она напоминала затихший и отложенный в сторону струнный инструмент. Вдали от своего повелителя знаменитая дева упала под натиском демонов, ничем не заслужив такой судьбы. Утопая в океане горя, окруженная демоницами в ашоковом саду, она казалась Хануману звездой Рохини, проглоченной зловещим Раху, или лианой, лишившейся цветов. Погасшая, покрытая грязью, утратившая было изящество, она напоминала лотос, обрызганный глиной. Хануман смотрел на юную деву с глазами лани, в грязных и изношенных одеждах и думал, что несмотря на утраченную красоту эта благородная душа не утратила своего духовного величия, питаемая размышлениями о славе и Рама и хранимая добродетелью. С широко открытыми от страха глазами Сита бросала беспомощные взгляды, словно молодая лань. Своими тяжелыми вздохами она иссушала деревья и листву, словно это были огромные как гора волны, поднимающиеся из океана страданий. Увидев несравненно прекрасную супругу Рама, хрупкую и изящную, без украшений, Марути почувствовал величайшую радость; Хануман заплакал от счастья и молча вознес молитвы Рамае.

Поклонившись Рамае и Лакшмане, доблестный Хануман, преисполненный радости от встречи с Ситой, остался в своем надежном укрытии.

Глава 18

Равана посещает ашоковую рощу

Хануман оглядывал цветущий лес, стараясь поближе рассмотреть Ситу. Ночь была на исходе, когда он услышал, как из домов постигших святыне писания демонов раздаётся чтение Веды и шести дополнительных источников знаний (1. 380). Зазвучала благоприятная музыка, радующая слух, и пробудился ото сна могучий десятиглавый повелитель демонов. Великий и могущественный царь в смятых гирляндах и одеждах открыл глаза и подумал о Ваидехи. Страстно любивший ее демон, полный гордыни, не в силах был сдерживать своих чувств. Облачившись в украшения и пышные одежды, он вступил в ашоковую рощу, заросшую деревьями, согнувшимися от тяжести цветов и плодов, где было множество прудов, украшенных лотосами и лилиями, полную щебета птиц редкой красоты, опьяненных любовью и удивительных изваяний хищных зверей. Дашагрива внимательно посмотрел на аллею с золотыми арками и драгоценными камнями, по которой бродили лани всех видов, устланную ковром цветов и фруктов, упавших с деревьев. Сотня дев, дочерей богов и гандхарвов следовала по стопам сына Поуласты, словно нимфы за Махендрой. Одни из них несли в руках золотые светильники, другие – чамары и опахала. Одни на головах несли золотые кувшины, другие шли с золотыми сидениями и круглыми подушками. По правую руку своего повелителя они несли чашу, инкрустированную драгоценными камнями и полную вина, а по левую – прекрасный, как белый лебедь, полог с золотым остовом и рукоятками, напоминающий луну. Многочисленные жены Раваны с припухшими от сна и выпитого вечером вина глазами следовали за своим царственным повелителем, как вспышка молнии за облаком. Браслеты их и жемчужные ожерелья покачивались с каждым их шагом, сандаловая паста стерлась, а волосы распустились. Капельки пота выступили над бровями тех женщин с чарующим ликом, спотыкающихся на ходу. От пота цветы, украшавшие их, увяли, а в волосах запутались обрывки их гирлянд. Нежные девы, преисполненные гордости и любви к своему господину, следовали за царем демонов. Могущественный повелитель, раб своих желаний, всем сердцем стремясь к Сите, медленно и величаво шел по аллее. Хануман услышал звон колокольчиков у женщин на поясах и лодыжках, и радостный Марута увидел невероятно сильного и доблестного Равану, входящего в ворота; со всех сторон его освящали тысячи светильников на ароматных маслах, которые несли его спутницы. Опьяненный гордыней, страстью и вином, с медно-красными глазами, он казался самим Кандарпой, лишившимся своего лука. Он поправил свою великолепную мантию на застежке, украшенную цветами и безупречно белую, словно пена взбитой амриты. Хануман, сокрытый густыми ветвями, пристально наблюдал за приближающимся могучим царем демонов, окруженным прекрасными юными девами. Размашистым царственным шагом вошел он в рощу, оглашенную ланей и птиц. Слегка охмелевший от вина, украшенный бесчисленными драгоценностями, с заостренными кверху, словно дротики, ушами, полный сил повелитель демонов, сын Вайшравасы, появился в окружении прекрасных женщин, как луна среди звезд, и, увидев его, знаменитый Хануман подумал: «Это длиннорукий Равана, которого я видел спящим в своих великолепных покоях в центре города». Доблестный Хануман, рожденный Марутой, несмотря на своё безграничное мужество и ослепительную красоту, затрепетал перед славным Раваной и лучше укрылся в листве. Но Равана, жажда поскорее увидеть темноокою Ситу безупречного лика, с высокой грудью и черными косами, прошел мимо.

Глава 19 Горе Ситы

Целомудренная царевна увидела Равану, повелителя демонов, наделенного молодостью и красотой, облаченного в пышные одежды и украшения, и затрепетала, как пальма на ветру. Закрывая руками грудь и живот, она вся сжалась, пытаясь как-то защитить себя. Дашагрива взглянул на Ваидехи, охраняемую демоницами; несчастная, разбитая горем, она напоминала тонущий в море корабль. Верная и добродетельная Сита, сидевшая на го-

лой земле, походила на срубленную ветвь. В изношенных одеждах, без украшений, но достойная царской роскоши, она казалась стеблем лотоса, испачканным грязью, ее сияющая красота поблекла. Мысленно она искала прибежища у Рамы, льва среди людей, колесницу ее ума несли кони решимости. Очаровательная царевна, преданная Раме, истощенная, со слезами на глазах, разлучившаяся со своими родными, была жертвой волнения и горя, казалось, нет конца ее бедам. Раскачиваясь из стороны в сторону, она напоминала супругу царя змей, зачарованную словами заклинания, планету Рохини, которую преследует Дхумакету, или святую и добродетельную женщину из благородной семьи, после замужества обнаружившую себя в семье низкороджденных. Она казалась олицетворением поруганной чести, попранной веры, затмившегося ума или разрушенной надежды, разбитого будущего, неверно истолкованного приказа, обитель, уничтоженную во время разрушения мира или подношение, отвергнутое богами, ночное небо, затянутое облаками, сокрывшими полную луну, разоренную заводь с лотосами, армию без воинов, луну в час затмения, высохшую реку, оскверненный алтарь или погасшее пламя, пруд с лотосами, лишившийся цветов, когда живущие на нем птицы напуганы трубными призывами слонов. В разлуке со своим господином, разбитая горем, она казалась высохшей рекой; не совершавшая омовений, она напоминала убывающую луну. Прекрасная дева, привыкшая жить в дворце, полном драгоценных камней, а ныне измученная лишениями и горем, она казалась сорванным стеблем лотоса и увядшим на солнце. Это была плененная слониха, цепью прикованная к столбу, тоскующая о своем супруге и вздыхающая снова и снова. Ее длинные темные косы, за которыми она давно уже не ухаживала, лежали у нее на спине, что делало ее подобной земле, покрытой темными лесами в конце дождей. Терзаемая голодом, печалью, волнением и страхом, истощенная, одинокая, ослабевшая от поста и совершаемых аскез, разбитая горем, подобно богине, она сложила ладони, молча молясь Раме об уничтожении Раваны. Увидев безупречную Маитхили с прекрасными темными глазами и густыми ресницами, Равана, приближая свою гибель, попытался ее обольстить.

Глава 20

Равана предлагает Сите стать его женой

Равана приблизился к беспомощной Сите, окруженной демоницами и посвятившей свою жизнь аскезе, и, сопровождая свои сладкие слова вежливыми жестами, сказал:

– О дева с бедрами, напоминающими хобот слона, при виде меня ты хочешь закрываешь свою грудь и тело, словно боишься меня, о большеглазая красавица, но я люблю тебя! Сжался надо мной, о дева с чарующими очами, почитаемая всем миром! Здесь нет ни людей, ни демонов изменчивого лика, поэтому отбрось страх, при виде меня охвативший твое сердце, о Сита. Демоны пользуются неоспоримым и особым правом сочетаться любовными узами с чужими женами, похищая их им в угоду или силой. Несмотря на это, о Маитхили, я не прикасаюсь к тебе, потому что ты не любишь меня. Однако я полностью пребываю в твоей власти. Доверься же мне и ответь на мою любовь. О богиня, не бойся меня, возымей мужество, о дорогая, и не поддавайся испепеляющему горю. Не пристало тебе носить одну косу, лежать на голой земле в грязных одеждах и поститься без нужды. Вместе со мной, о Маитхили, насладись гирляндами, благовониями, сандалом, украшениями, вином, богатым ложем и кушетками, пением, танцами и музыкой. Ты – жемчужина среди женщин, не достойно тебя оставаться в нынешнем положении, укрась себя, как прежде. В союзе со мной, о прекрасная дева, что не будет твоим? Твоя чарующая юность проходит, как вода в реке, однажды покинув тебя, она уже не вернется. О дева с прекрасными очами, Вишвакрита, создатель твоей красоты, сотворив тебя, остановился, потому что я не вижу никого, равного тебе в красоте и изяществе! Кто, раз увидев твою ослепительную красоту, устоит перед тобой, о Ваидехи? Даже Брахма дрогнет, что говорить тогда о других? О дева с прекрасным, как луна лицом, на какую часть тела я ни обратил взор, глаза мои обретают покой, я не в силах отвести взор. О Маитхили, стань моей женой

и оставь своё безрассудство. Стань первой из цариц, повелевая бесчисленными прекрасными женщинами, принадлежащими мне. О робкая, все сокровища, завоеванные мною по всему миру, я кладу к твоим стопам, так же как своё царство. О игривая дева, ради тебя, покорив землю с ее многочисленными городами, я дарую их царю Джанаки. Никто на земле не устоит перед моей доблестью; узри мою непомерную доблесть в сражении! Разве небожители и демоны не признали меня непобедимым на поле боя, когда я разбил их ряды и на куски разломал стяги? Исполни же мое желание и надень сияющие одежды, укрась себя сверкающими бриллиантами. О робкая, по желанию насладись роскошью, предавшись развлечениям и раздавая земли и сокровища. Живи счастливо, полагаясь на мою поддержку и исполняя мою верховную волю. Благодаря моему расположению, все твои родные разделят с тобой твою радость. Узри мое богатство и славу, о нежная дева, чего ждать тебе от Рама, облаченного в древесную кору? О удачливая, Рама лишился своего царства и могущества и предается аскезам, ложем ему стала голая земля, я сомневаюсь, жив ли он еще. О Ваидехи, Рама никогда не найдет тебя, ты подобна звезде, скрытой темными облаками, плывущими вслед за стаяй журавлей. Рагхава никогда не вырвет тебя из моих рук, как Хираньякашипу не в силах был отыскать свою супругу Кирти, похищенную Индрой. О дева со сладостной улыбкой, красивыми зубами и чарующими очами, ты завладела моим сердцем, как Супарна, уносящий змею. Хотя одежды твои превратились в грязные отрепья, ты сняла с себя украшения, когда я смотрю на тебя, ум отворачивается от всех моих жен. О дочь Джанаки, ты превосходишь всех женщин в моем гареме, обладающих всеми достоинствами. О черноволосая царевна, самые красивые в мире женщины станут твоими рабынями и будут служить тебе, как апсары – Шри. О стройная царевна, вместе со мной вкуси радостей жизни, насладись миром и богатствами Куверы, исполняя любую свою прихоть. О богиня, ни аскетизмом, ни силой, ни доблестью, ни богатством, ни славой Рама неровня мне. Поэтому пей, ешь, наслаждайся, не отказывая себе в удовольствиях. Я одарю тебя несметными богатствами, более того, всем миром. Вместе со мной исполни свои желания, о робкая дева, пусть твои родственники разделят с тобой эту радость. Надень ослепительно сверкающие браслеты, о прекрасная, и давай погуляем среди цветущих рощ на берегу моря, где жужжат черные шмели.

Глава 21

Сита с презрением отвергает Равану

Охваченная горем, несчастная Сита трепетала и волновалась. Храня верность своему повелителю и добродетель, с сердцем сосредоточенным на Раме, она положила солому меж собой и Раваной и со сладкой улыбкой на устах слабым голосом отвечала ужасному демону:

– Забери обратно своё сердце и отдай его своим супругам. Как грешник не может возвыситься до небес, так и ты никогда не одержишь надо мной победы. Я никогда не сделаю то, чего не должна делать, что порочно для женщины, верной своему повелителю. Благородного происхождения, я вошла в благочестивую семью. С этими словами добродетельная Сита повернулась к Раване спиной и продолжала:

– Я не могу стать твоей женой, потому что принадлежу другому. Исполни свой долг и живи по законам честных людей, Чужие жены, так же как и собственные достойны защиты, о ночной разбойник. Подай хороший пример и наслаждайся супружеским счастьем со своими женами Легкомысленный, ветреный негодяй никогда не довольствуется своими женами и становится источником страданий для женщин. Здесь нет благочестивых людей, или ты никогда не следовал их примеру, раз у тебя столь порочный ум, уводящий тебя с пути добродетели, или мудрецы дали тебе совет, но ты, демонам на погибель, не внял их словам. Процветание, царство и город – всё гибнет в руках порочного монарха, который не владеет своими чувствами. Имея тебя царем, тонущая в роскоши Ланка разрушится. О Равана, злобное создание, доведшее себя до падения, гибнет всем на радость. Когда тебе

придет конец, из-за содеянных тобой злодеяний все угнетенные тобой скажут: «Какое счастье, что пал столь великий тиран!» Тебе не удастся соблазнить меня богатством и роскошью; как дневной свет невозможно отделить от солнца, так и я останусь верна Рагхаве. Однажды найдя покой на руке этого повелителя людей, могу ли отдаться другому? Как духовные истины открыты брахманам, верным своим обетам, так и я принадлежу одному повелителю мира, я его законная жена. Ради собственного блага верни меня Раме, пусть в таком жалком виде, какой ты видишь меня, подобную слонихе, с волнением ожидающей в лесу своего супруга. Я советую тебе искать дружбы с Рамой, львом среди людей, если ты хочешь уберечь Ланку и не ищешь собственной гибели. Он мудр, верен долгу и готов помочь тем, кто ищет его покровительства; заключи с ним союз, если тебе дорога жизнь. Ищи доверия Рамы, целиком преданного тем, кто просит у него прибежища, и смиренно проводи меня к нему. Если ты вернешь меня величайшему в роду Рагху, твое благополучие не поколеблется, в противном случае ты обречен. Ты ускользнул от молнии Индры или даже от самой смерти, но тебе не спастись от гнева Рагхавы, повелителя людей, когда ты услышишь ужасный звук натянутого лука Рамы, напоминающий удар молнии Индры. Скоро стрелы Рамы и Лакшманы, украшенные оперением цапли, словно змеи с пылающими пастями, достигнут Ланки, и весь город будет покрыт трупами тысяч демонов. Подобно Вайнатее, уносящему великих змеев, стремительный, словно коршун, Рама, расправится с демонами. Подобно Вишну, который вырвал сияющую Шри из рук асуров, тремя шагами завоевав все миры, мой господин, повергающий во прах своих врагов, избавит меня от твоего плена. Столь малодушным поступком ты отомстил за гибель сонмов демонов в Джанастхане. В отсутствие двух братьев, увлекшихся охотой, ты похитил меня, о подлый негодяй; но собака, подобная тебе, не осмелится встать на пути у таких тигров, как Рама и Лакшмана! Дружья и богатства не принесут тебе блага, если ты будешь враждовать с ними, ты погибнешь подобно однорукому Вритре, вступившему в сражение с двуруким Индрой. Скоро мой покровитель Рама, сопровождаемый Саумитри, лишат тебя дыхания жизни, как солнце своими лучами иссушает мелководье. Где бы ты ни искал прибежища – будь то обитель Куверы или царство Варуны – ты падешь от руки сына Дашаратхи, подобно могучему дереву, сваленному ударом молнии!

Глава 22 Угрозы Раваны

На непреклонные речи Ситы царь демонов резко ответил:

– Говорят, чем нежнее относишься к женщине, тем отзывчивей она становится, но чем добрее я с тобой, тем упорней ты отвергаешь меня. Поистине, только из любви к тебе я сдерживаю гнев, подобно искусному вознице, управляющему конями, норовящими свернуть с дороги. Велика сила любви, если человек испытывает жалость и нежность к той, что вызывает его гнев. Только поэтому, о дева с прекрасным ликом, без нужды посвятившая себя аскезам, я не убиваю тебя, хотя ты заслуживаешь смерти и позора. За каждое резкое слово, брошенное мне, ты достойна смерти, о Маитхили. Негодуя на Ситу, Равана, повелитель демонов, добавил:

– Я даю тебе два месяца на раздумья, по истечении этого срока ты должна разделить со мной ложе. Если ты вновь откажешься, мои повара приготовят тебя мне на завтрак. Слова повелителя демонов вызвали тревогу среди дочерей богов и гандхарвов; губами, глазами и жестами они пытались ободрить Ситу, которой он угрожал. Глядя на них, Сита утвердилась в своей добродетели и гордости за Раму и сказала Раване на благо:

– Похоже, в этом городе нет никого, кто желал бы тебе добра и попытался удержать от этого презренного поступка. Кто в трех мирах осмелится обладать целомудренной супругой великодушного героя, подобной Шачи, жене Индры? О подлый демон, как избежать тебе расплаты за это оскорбление, нанесенное супруге безгранично могущественного Рамы? Как разъяренный слон встречает в лесу зайца, так и ты, нечестивый заяц, встре-

тишься с Рамой, слоном. Ты не боишься стоять на пути главы рода Икшваку, пока ты не увидел его. Как глаза твои жестокие, ужасные, красно-медные, не вылезут из орбит, когда ты с такой страстью смотришь на меня, о низкое создание? О Презренный негодяй, почему язык твой не отсох, когда ты угрожал супруге великодушного Рамы, снохе царя Дашаратхи? О десятиглавый, силой своих аскез я в одно мгновение могла бы обратить тебя в пепел, имея на то волю Рамы. Благодаря моей добродетели и совершаемым аскезам, я бы никогда не рассталась с Рамой, если бы это злодеянием не сулило тебе гибель, о Дашагрива! С помощью брата Куверы, гордый своим героизмом, ты заманил Раму в лес подальше от его хижины и хитростью похитил меня. Равана, царь демонов, слушал Ситу, свирепо сверкая глазами. В этот час он напоминал груды черных облаков. С громадными руками и шеей, пылающим взором и подобным пламени языком, походкой льва, он казался огромного роста. От гнева перо на его короне дрожало. В пышных гирляндах из красных цветов и в красных одеждах, благоухающий дорогой сандаловой пастой, он сверкал браслетами и роскошным темно-синим поясом из драгоценных сапфиров и напоминал гору Мандару в объятиях змея Васуки во время пахтанья молочного океана. Повелитель демонов с огромными руками, ходил на гору с двумя вершинами. В ушах его, словно восходящее солнце, сверкали серьги, он напоминал холм меж двумя деревьями ашока в малиновых цветах и бутонах, древо желаний, или воплощение весны и выглядел устрашающе, как погребальное изваяние или огромный столб с пеплом умерших в месте погребения. Глаза Раваны были налиты кровью, он бросал на царевну Видехи яростные взгляды и, шипя, как змея, сказал:

– О дева, привязанная к жалкому человеку без средств и совести, я уничтожу тебя сегодня, и ты погаснешь, как солнечный свет, исчезающий с наступлением сумерек. Отвернувшись от Маитхили, Равана, тиранящий своих врагов, посмотрел на демониц, отвратительного облика с одним глазом или ухом, огромными ушами коров или слонов. У одних уши свисали, а у других – стояли торчком. Среди них были с ногами слонов, коней, коров. Одни были покрыты шерстью, другие – одноглазые или одноногие, а третьи имели чудовищные ноги или вовсе были без них. У них были необычайных размеров головы и шеи, ужасные груди и животы, огромные рты и глаза, длинные языки и ногти, львиные пасти, бычьи рты или свиные рыла, некоторые были безносы. Равана пронзил демониц взглядом и повелел:

– Добром или злом, угрозами или уговорами, лестью или подарками, но попытайтесь склонить Ситу относиться ко мне с благосклонностью. Неоднократно повторив свой приказ, повелитель демонов, одержимый страстью и гневом, стал поносить Джанаки, и тогда демоница Дханьямалини приблизилась к Дашагриве и, обняв его, сказала:

– О великий царь, насладись мной, что тебе за нужда в этой жалкой земной женщине с бледным лицом? О царь демонов, не с нею боги предназначили вкусить тебе высшего счастья в награду за силу твоих рук. Тот, кто проливает свою любовь, не получая ответа, обрекает себя на муки, тогда как взаимная любовь возносит на вершину счастья. И демоница хотела увлечь Равану за собой, но он, подобный темному облаку, отвернулся от нее и презрительно захохотал. Размашистой походкой он зашагал прочь, так что земля задрожала, и повернул к своему дворцу, сиявшему, как солнечный свет. За Дашагривой в его роскошную обитель, словно шлейф, поспешили дочери богов, гандхарвов и нагов. Так Равана, одержимый страстью, покинул безупречно добродетельную и трепещущую царевну Митхилу и скрылся в великолепном дворце.

Глава 23

Демоницы уговаривают Ситу уступить Раване

Повелитель демонов удалился в свои покои, а отвратительные демоницы, послушные его воле, набросились на Ситу и, пылая гневом, резко сказали:

– Ты вовсе не достойна союза с потомком Поуласти, знаменитым Раваной, великодушным Дашагривой, о Сита!

Одна из них по имени Экджата, принялась раздраженно объяснять:

– Предание гласит, что Поуластья был четвертым из шести праджапати, прародителей человечества, сыном Брахмы, родившимся из его ума и знаменитым на весь мир, о Сита. Великий аскет Вайшраваса, отец Раваны, изошел из ума того великого риши, и слава его не уступает славе праджапати. О большеглазая царевна, его сыном стал Равана, сокрушающий своих врагов; ты должна стать женой царя демонов. Почему ты не соглашаешься, о прекрасная?

К ней присоединилась Хариджата и, вращая кошачьими глазами, свирепо сказала:

– Стань женой победителя тридцати трех небожителей во главе с царем на поле сражения; Неужели ты не хочешь оказаться рядом с этим героем неукротимой доблести, никогда показывавшего спины врагу? Могущественный царь Равана ради тебя отверг нежно любимую царицу Мандодари, он будет твоим, и в ослепительных внутренних покоях, украшенных тысячами женщин в драгоценных камнях, он будет поклоняться тебе!

– Не раз одержавший победу над гандхарвами, нагами и данавами, – заговорила Виката, – безгранично доблестный в сражении, царь Равана всем сердцем тянется к тебе, почему же ты не желаешь стать женой знаменитого повелителя демонов, владеющего несметными богатствами? – О дева, с чудесными ресницами, – обратилась к Сите Дурмулхи, – почему бы тебе не уступить ему? В страхе перед ним солнце светит и дует ветер, деревья, покорные его воле, расцветают, а облака проливают потоки дождя. О прекрасная дева, почему ты не соглашаешься стать женой царя царей, Раваны? Мы говорим ради твоего блага; уступи нашим просьбам, о богиня со сладкой улыбкой, или тебя ждет неминуемая гибель!

Глава 24 Их угрозы

Отвратительные демоницы все вместе принялись упрекать Ситу в резких неприятных выражениях:

– Почему ты не хочешь жить во внутренних покоях, изобилующих пышными ложами? О дева, ты достойна союза с обычным человеком; выброси Раму из своей головы, наверняка ты не увидишь его больше. Живи счастливо с Раваной, повелителем демонов, стань женой обладателя сокровищами трех миров. Ты женщина, о безупречная красавица, и потому скорбишь о человеке, изгнанном из своего царства, который ведет полную лишения жизнь. Лotosные глаза Ситы наполнились слезами, и она отвечала демоницам:

– Вы говорите о том, что временно и достойно осуждения, я никогда не приму ваших слов. Целомудренная женщина не может стать женой демона. Сожрите меня, если хотите, но я никогда не уступлю вашим просьбам. Бедный или лишившийся царства, но мой муж – мой духовный учитель, и я должна следовать за ним, как Суварчала следует за солнцем, благословенная Сачи не покидает Индру, Арундхати – Васиштху, Рохини – Шашина, Лопамудра – Агастью, Суканья – Сьявану, Савитри – Сатьявата, Шримати – Капила, Мадаянти – Сандасу, Кешини – Сагару, а Дамоянти, дочь царя Бхимы – своего повелителя Нишаду. Слова Ситы разъярили демониц, посланных Раваной, и они осыпали ее горькими упреками. Хануман, прижавшись к дереву шингшипа, молча слушал демониц, угрожавших Сите. Со всех сторон окружив Ситу, снова и снова облизывая свои пылающие губы, вооруженные копьями, в приступе гнева они грозили:

– Ты думаешь великий повелитель демонов Равана не достоин быть твоим господином? Терзаемая ужасными демоницами, большеглазая Сита, вытирая слезы, нашла прибежище под деревом шингшипа и села, охваченная печалью. Отвратительные демоницы продолжали поливать ее упреками, а прекрасная царевна, облаченная в грязное сари,

окончательно измученная и бледная целиком пребывала во власти своего горя. Зловещая с виду демоница Вината с ужасными зубами и торчащим животом, сердито крикнула:

– О Сита, ты достаточно проявила преданность своему повелителю, но любые излишества приводят к страданию! Добра тебе! Мы довольны, ты проявила верность обычаям людей, но теперь послушай, что я скажу тебе на благо! Прими Равану своим господином; повелитель сонмам демонов, он, словно Васав, побеждает своих врагов, он храбр, щедр и милостив ко всему живому. Оставь это нечестивое создание, Рамачандру, и прими Равану своим мужем! Окропленная божественными ароматными духами и украшенная восхитительными драгоценностями, ты, о Ваидехи, словно Сваха, супруга Агни, или богиня Сачи, жена Индры, с этого дня станешь царицей миров! Что тебе до жалкого Рамы, дни которого сочтены? Если ты не прислушаешься к нашим словам, мы сейчас же сожрем тебя. Вината с обвислой грудью, сердито сжимая кулаки, обратилась к Сите:

– О глупая дочь царя Митхилы, из сострадания мы снисходительно выносим твои резкие речи, и всё же ты не внемлешь нашему мудрому и уместному совету. Ты находишься на другом берегу океана, который никто не может преодолеть; Равана заточил тебя в своих внутренних покоях и велел нам тебя охранять, о Маитхили, так что сам Индра не сможет освободить тебя. Хватит плакать и сокрушаться, отдайся радостям и удовольствиям, о Сита; уступи повелителю демонов. О робкая дева, разве ты не знаешь, как быстротечна молодость женщины? Прежде чем она увянет, проведи свои дни в счастье. Вместе с повелителем демонов гуляй в прекрасных лесах, рощах, среди холмов, о дева с искрящимися глазами! Тысячи женщин будут служить тебе, если ты покоришься повелителю демонов, но если ты не внемлешь моему совету, я разорву твое сердце на части и съем, о Маитхили. Свирепая Чандари, размахивая огромным копьем, сказала:

– Глядя на эту юную деву с глазами молодой лани, которую Равана похитил и принес сюда, чья душа трепещет от страха, я чувствую неодолимое желание полакомиться ее печенью, селезенкой, грудью, сердцем, членами и головой. Демоница Пракхаса добавила:

– Что толку уговаривать ее? Давайте оборвем дыхание в горле этой бессердечной женщины и сообщим Раване о ее смерти. Несомненно он скажет: «Сожрите ее». – Давайте разделим ее поровну, – предложила Аджамукхи, – спор мне не по душе; пусть нам поскорее принесут любимые вина и ароматные гирлянды! В этот момент вмешалась Шурпанакха:

– Я целиком согласна с Аджамукхи, пусть скорей нам принесут вина, которое разгоняет всякую печаль. Досыта наевшись человеческой плоти, мы будем танцевать в роще Никумбхила. Слушая чудовищные угрозы демониц, Сита, подобная дочери богов, будучи на исходе сил, разразилась слезами.

Глава 25 Горе Ситы

Грубые угрозы демониц повергли дочь Джанаки в слезы. Благородная Ваидехи, охваченная ужасом, отвечала им с грустью в голосе:

– Целомудренная женщина не может стать женою демона; Если желаете, разорвите меня на куски, но я никогда не приму ваших советов. Окруженная демоницами Сита, подобная дочери богов, нигде не находила прибежища. Дрожа всем телом, она бросилась бежать, словно молодая лань в лесу, отбившаяся от стада и окруженная волками. Цепляясь за ветви дерева ашока, измученная горем Сита, думала только о своем господине. Потoki слез, катившиеся из ее глаз, омывали прекрасную грудь, ей казалось, нет конца ее несчастьям. Она лежала, словно дерево, бурей вырванное с корнем, от страха перед демоницами щеки ее побледнели; плечи ее содрогались от рыданий, и длинная толстая коса качалась из стороны в сторону, словно ползущая змея. Тяжело вздыхая от горя, в полном негодовании, плачущая Маитхили сокрушалась, печально взывая: «О Рама!», – и снова: «О Лакшмана!», «О мать моя Каушалья!», «О Сумитра!». – Правду говорят мудрецы:

«Никто из людей не может умереть, прежде чем пробьет его час!», – говорила она. – Измученная свирепыми демонами, в разлуке с Рамой я ещё живу. Увы! Несчастливая женщина, я оказалась на краю гибели вдали от своего господина, как тяжелый сосуд посреди волн, бросаемый бурей. В разлуке со своим господином я погибаю под бременем горя, как речные берега, размытые течением. Счастливы те, кто могут видеть моего повелителя с прекрасными глазами, напоминающими лепестки цветущих деревьев, и львиной походкой, благодарного и сладкоречивого. Вдали от Рамы, покоряющего душу, мне трудно дышать, подобно человеку, проглотившему смертельный яд, отныне моя жизнь на исходе. Какой ужасный грех совершила я в прошлом, что вынуждена теперь так жестоко страдать? Горе мое так велико, что я страстно желаю умереть, но увы! Я окружена демоницами и не могу встретиться с Рамой. Будь проклята человеческая жизнь, будь проклята зависимость от других, потому что человек не волен расстаться с жизнью!

Глава 26

Сита предрекает гибель демонов

Обливаясь слезами, уронив голову на руки, дочь Джанаки сокрушалась всё больше и больше, разбитая горем. Вне себя она каталась по земле, как обычно это делает усталый жеребенок. Не владея собой, она кричала:

– Я, супруга Рагхавы, позволила демону изменчивого лица обмануть себя, и безжалостный Равана унес меня прочь. В плену у демонов я стала объектом угроз и оскорблений и, пребывая в постоянном волнении и горе, я не в силах жить. Какой смысл жить в богатстве и роскоши среди демонов вдали от Рамы, великого воина? Несомненно сердце мое сделано из железа, оно нерушимо и не стареет, поскольку до сих пор не разорвалось под бременем страданий, о горе мне, подлому и злобному созданию, раз я ещё живу в разлуке с моим господином. Даже левой ногой я не прикоснусь к демону Раване, я не испытываю и тени любви к этому презренному созданию. Развращенный, он пытается соблазнить меня, не ведая о моем нраве, происхождении и отвращении, которое вызывает во мне. Разорвут ли они меня на куски, разнесут на части, или бросят в огонь, я никогда не покорюсь Раване, какой смысл говорить об этом? Всем известно, что Рагхава праведен, сострадателен и исполнен благодарности; он стал таким жестоким только из-за моей злой судьбы. Неужели он меня не спасет, в одиночку сразивший четырнадцать тысяч демонов в Джанастахане? Пусть неприступная Ланка лежит посреди океана, стрелы Рагхавы разрушат все препятствия. Что может помешать доблестному Раме вновь встретиться со своей любимой женой, похищенной демоном? Я боюсь, что старший брат Лакшманы не знает, где я, а иначе он не стерпел бы этого оскорбления. Царь коршунов, сообщивший Раме о моем похищении, погиб в сражении с Раваной. Джатаю, конечно, проявил величайшее мужество, бросившись мне на помощь; несмотря на старость, он пытался убить Равану. Если бы Рагхава знал, где я, в тот же час своими пламенными стрелами он освободил бы мир от демонов. Он предал бы Ланку огню, иссушил океан и уничтожил могущественного Равану. Каждая семья демонов будет стонать, оплакивая своих погибших мужей и отцов, как я сейчас и даже больше, и Рама вместе с Лакшманой будут ходить по городу, смело глядя в лица врагов, постоянно посягавших на его жизнь, и убивая демонов. Все улицы Ланки будут в дыму погребальных костров, в небе будут кружить коршуны, она превратится в склеп! Скоро он отомстит за меня! Тебе это дорого обойдется, я вижу на Ланке много неблагоприятных предзнаменований, скоро она утратит своё сиянье. Когда повелитель демонов, злобный Равана будет убит, Ланка, ныне процветающая и счастливая, будет похожа на вдову. Несомненно, скоро из каждого дома я услышу скорбный плач дочерей демонов. Погруженная во тьму и лишившаяся былой славы Ланка погибнет, доблестные демоны, защищающие ее падут под стрелами Рамы, когда этот герой с красноватыми в уголках глазами узнает, что я томлюсь в плену в обители демонов. Приближается срок, когда жестокий злобный Равана решил убить меня. Лишь низкие демоны пренебрегают

запретами. Это беззаконие повлечет за собой ужасное бедствие; демоны, питающиеся плотью, попирают добродетель. Несомненно, этот демон приготовит меня себе на завтрак; я беспомощна, что мне делать без моего возлюбленного? Вдали от моего господина, разбитая горем, не видя Раму с красноватыми в уголках глазами, я скорее увижу бога Ваивасвату! Старший брат Бхараты не знает, что я ещё жива, вместе с Лакшманой он разыскивает меня по всей земле. Наверняка под натиском моих врагов этот воин, старший брат Лакшманы, покинул тело и удалился на небеса. Счастливы боги, гандхарвы, сиддхи и великие риши, которые могут видеть героического Раму. Возможно, прозорливый и царственный мудрец Рама погрузился в размышления об Абсолюте и не нуждается более в супруге, рядом с которой он чувствовал вдохновение и радость, но, расставшись, забыл. Может, я совершила ошибку и потеряла право на счастье, я, прекрасная Сита, разлучившаяся со знаменитым Рамой. В разлуке с благородным Рамой, великим героем бессмертных подвигов, сокрушающим своих врагов, смерть для меня желанней жизни! Возможно два брата, повелители людей, с оружием в руках, питающиеся кореньями и лесными фруктами, живут в лесу или погибли из-за вероломства злобного Раваны, последнего из демонов. Если это так, то всем сердцем я призываю смерть, в своем горе я имею на это право. Благословенны великодушные просветленные аскеты, обуздавшие чувства, потому что они ничего не жаждут и ни к чему не испытывают отвращения, потому что любовь и ненависть не приносит им ни радости, ни боли. Они свободны! Да будут славны эти великие души! Покинутая возлюбленным Рамой, постигшим науку о душе, оказавшись в руках злобного Раваны, я расстанусь с жизнью!

Глава 27 Сон Триджаты

Слова Ситы привели демониц в великую ярость, и некоторые побежали передать их Раване, подлому созданию. Отвратительные чудовища, как прежде, угрожающе надвинулись на Ситу:

– О презренная Сита, сегодня демоны, которым ты пророчишь гибель, с удовольствием полакомятся твоим мясом! Видя, как мерзкие демоницы издеваются над Ситой, престарелая Триджата благоразумно сказала им:

– Негодяи, сожрите меня, но не прикасайтесь к Сите, дочери Джанаки, любимой снохе царя Дашаратхи. Прошлой ночью я видела ужасный сон, от которого волосы у меня встали дыбом. Он предрекает гибель демонов и победу супруга этой женщины. Разъяренные демоницы в ужасе потребовали, чтобы Триджата объяснилась. – Расскажи, что это был за сон, что ты видела прошлой ночью? – Я увидела небесную колесницу из слоновой кости, – начала рассказывать Триджата сон, который пришел к ней на рассвете, – запряженную сотней лебедей, которая летела по небу, неся Рагхаву и Лакшману, облаченных в сверкающие одежды и гирлянды. Я увидела Ситу в белом, стоящую на белой, как снег, горе посреди моря; она встретилась с Рамой, как свет – с солнцем. Я вновь увидела Рагхаву, который также как и Лакшмана, сидел на могучем слоне с четырьмя бивнями, похожем на холм. Эти ослепительно сияющие львы среди героев приблизились к Джанаки в сверкающих одеждах, украшенной гирляндами. Она взошла на спину слона ее господина, который появился в небе у вершины той горы! Потом лотосоокая дева выскользнула из объятий своего супруга и поднялась в небо, и я увидела, как она вытирает своей рукой солнце и луну. Возвышаясь на великолепных слонах, двое царевичей вместе с большеглазой Ситой покинули Ланку. И снова во сне я увидела Раму в сверкающих одеждах и гирляндах, сопровождаемого Лакшманой в колеснице, запряженной восьмью белыми буйволами. Я увидела добродетельного Раму, героя среди людей, который вместе с братом Лакшманой и Ситой поднялся на небесную цветочную колесницу, сияющую, как солнце, и отправился на север. Затем я увидела Равану, лежащего на земле и покрытого маслом, обритого, в красных одеждах, с гирляндой из цветов олеандра, пьяного и всё ещё пьющего. Я увидела,

как он упал с цветочной колесницы Пушпака на землю, обритого, в черных одеждах женщины таскали его из стороны в сторону. Потом я увидела его сидящим в колеснице, запряженной ослиами, в красных одеждах. Тело его было в грязных пятнах, словно он залпом выпил сезамовое масло. Он смеялся и танцевал, ум у него помутился, чувства притупились, он стремительно мчался на юг. Я увидела Равану, повелителя демонов, разбитого страхом, который упал на землю головой вперед, а потом неожиданно подпрыгнул от ужаса. Раздетый, словно безумец, шатающийся от выпитого вина, он не в силах был вымолвить ни слова, и всё же что-то постоянно бормотал. От него исходило смердящее зловоние и грязь, он казался олицетворением ада. Направляясь на юг, он вошел в озеро, в котором высохла даже глина, и темная женщина в красном, обмазанная глиной, накинула Дашагриве на шею веревку и потащила его в обитель смерти. Я увидела могущественного Кумбхакарну и всех сыновей Раваны с обритыми головами, испачканными маслом. Дашагрива был верхом на борове, Индраджит – на морской свинье, а Кумбхакарна – на верблюде; только Вибхишана явился мне стоящим в небесах, под белым пологом, окруженный четырьмя министрами. Множество демонов в красных гирляндах и одеждах шли друг за другом, играя на струнных инструментах, танцуя и выпивая. Я увидела прекрасный город Ланку, полный слонов, колесниц и коней. Разбитые ворота и арки падали в море. В объётой пламенем Ланке демоницы хохотали и творили ужасные бедствия, залпом заглатывая масло. Я увидела Кумбхакарну и всех остальных темных, как тучи, демонов в ярко красных одеждах, которые вниз головой летели в выгребную яму. Уходите подальше, потому что Рагхава скоро встретится с Ситой и в страшном гневе истребит всех вас вместе с остальными демонами. Если вы будете угрожать и мучить любимую, почтенную супруга Рамы, которая ради него последовала в лес, Рагхава не стерпит подобного оскорбления. Поэтому довольно отвратительных угроз, лучше попытайтесь утешить ее и молитесь о прощении; вы можете лишь попытаться убедить Ваидехи. Несчастливая, о которой я видела столь значительный сон, скоро освободится от страданий и снова встретится со своим возлюбленным и знаменитым господином. Даже после произнесенных угроз, давайте оставим грубости и попросим у нее прощения. Поистине, страшное бедствие грозит демонам со стороны Рагхавы. Припав к ее стопам, постарайтесь умиловить Маитхили, дочь Джанаки, которая может спасти вас от величайших страданий. Кроме того, я не вижу в этой большеглазой деве ни единого недостатка, красота ее не имеет малейшего изъяна. Я думаю, несчастье, постигшее эту богиню, не достойную испытывать превратности судьбы, не более тени.

Я предвижу, что очень скоро исполнятся все желания Ваидехи, повелитель демонов погибнет, а Рагхава обретет победу. Узрите признаки великой радости, скрываемые этой девой! Ее левый глаз, огромный, как лепесток лотоса, подергивается безо всякой видимой причины, левая рука добродетельной дочери Видехи слегка дрожит, а ее левое бедро, напоминающее хобот слона, трепещет, словно сам Рагхава стоит перед ней; крылатые твари, выющие гнезда на ветвях деревьев над ее головой, поют свои песни, словно предвещают грядущий благословенный час. Сита, скромная юная женщина, восхищенная скорой победой ее супруга, сказала демоницам:

– Если эти предсказания сбудутся, я защищу вас.

Глава 28 Скорбь Ситы

Вспоминая страшные слова Раваны, повелителя демонов, несчастная Сита дрожала, словно слониха, на которую напал лев на краю леса. Напуганная Раваной и окруженная демоницами, робкая дева дала волю своему горю, девушка, брошенная в лесу. Она думала: «Мудрецы правы, говоря, что смерть не приходит раньше назначенного судьбой срока, если я, никчемное созданье, всё ещё живу после всех оскорблений. Чуждое счастьем и полное страданий, сердце мое должно быть стало каменным, если сегодня не разорвалось

на сотню кусков, подобно гребню горы, в который ударила молния. Кроме того, я не виновата в этом – страшный демон может убить меня, но я не могу отдать ему свою любовь, как брахман не может передать наставления Вед низкорожденному. Если повелитель миров не явится в должный срок, злобный царь демонов разрубит меня на куски своим острым оружием, словно доктор, извлекающий из чрева женщины мертвого ребенка. Два месяца пролетят очень быстро, и я, несчастное создание, окажусь на пороге смерти, подобно вору, провинившемуся перед своим государем, связанному и наутро приговоренному к казни. О Рама, о Лакшмана, о Сумитра! О мать Рамы! О мои матери! Я умираю от горя, подобно тонущему кораблю, разбитому штормом. Наверное, два доблестных царевича пали под ударами того создания в облике золотого оленя, словно тур или лев от удара молнии. Несомненно, это сама судьба в облике оленя обманула меня, несчастную, и я по глупости послала двух царевичей Раму и Лакшману поймать ее. Увы! О Рама, ты верен своим обетам, у тебя длинные руки! О повелитель, чей лик сияет, как полная луна! О жизнь моя, ты благожелатель и друг всего живого, но ты не знаешь, что демоны грозят мне верной смертью. У меня нет иного покровителя, кто тебя; мое терпение, ночи на голой земле, верность долгу, преданность мужу – всё это оказалось напрасным, словно служение, оказанное недостойному. Напрасно я исполняла свой долг и была предана тебе одному, раз я не вижу тебя; вдали от тебя я теряю последние силы, бледнею и слабею, у меня не осталось искры надежды когда-нибудь увидеть тебя. Мужественно исполнив заветы отца, оставшись верным своему обету, ты вернешься из леса и будешь мирно развлекаться с большеглазыми дева. О Рама, я познала вкус любви к тебе, и на свою погибель всем сердцем привязалась к тебе; совершая аскезы и следуя данным обетам, я на краю смерти, о горе мне, о как я несчастна! Я бы с радостью выпила яд или пронзила себя острым мечом, но никто не принесет мне их в этом городе демонов. В глубокой печали, предаваясь долгим измышлениям, Сита сняла с волос шелковый шнурок и сказала:

– Я повешусь на этом шнурке и уйду в обитель смерти! Прекрасная Сита, каждое движение которой было исполнено изящества, крепко ухватилась за ветку дерева, под которым стояла, и погрузилась о мысли о Раме, Лакшмане и своих родственниках; неожиданно она заметила множество благоприятных признаков, сулящих грядущую удачу, к ней стало возвращаться мужество и печаль рассеялась.

Глава 29

Сита видит благоприятные предзнаменования

Безупречная прекрасная царевна, чуждая радости и охваченная волнением, увидела со всех сторон благоприятные предзнаменования, которые напоминали желанных слуг богатого человека. Левый глаз прекрасной девы с темным зрачком стал подергиваться, словно лотос, потревоженный рыбой. Ее округлая рука, как прежде окропленная сандалом и алоэ, которая служила ее повелителю подушкой, задрожала. Левое бедро, напоминающее хобот слона, судорожно подергивалось, предрекая, что скоро она увидит Раму. Золотистое сари большеглазой Маитхили, зубы которой напоминали зерна граната, ныне покрытое грязью, соскользнуло с ее прекрасных плеч. Успокоенная этими и другими предвестниками счастливого исхода событий, Сита, словно растение, высохшее на ветру под солнцем и вновь ожившее под запоздалым дождем, испытывала величайшую радость. Ее лицо, алые, как плод бимба, губы, прекрасные глаза с изогнутыми ресницами и красивые ровные зубы расцвели прежней красотой, как луна, появившаяся из пасти Раху. Ее печаль и усталость развеялись, лихорадочное возбуждение стихло, горе исчезло, а сердце преисполнилось радости. Благородная дева казалась прекрасной, как прибывающая луна, озаряющая землю прохладными лучами.

Глава 30

Размышления Ханумана

Доблестный Хануман, слышавший все, о чем говорили Сита, Триджата и демоницы, пристально наблюдал за знаменитой девой, которая напоминала небожительницу из садов Нандана, и множество мыслей пронеслось в его голове. «Я вижу ту, что по всему миру ищут тысячи и миллионы обезьян, – думал он, – и я нашел ее! Действуя как опытный разведчик в стане врага, я проник в город и узнал всё о могуществе Раваны, возможностях демонов и их столицы. Я должен утешить супругу безгранично славного царевича, страдающего ко всему живому, которая томится в разлуке со своим господином. Я должен придать уверенность этой деве, чье лицо напоминает полную луну. Никогда прежде не ведавшая страданий, сейчас она не видит конца своим бедам. Если я вернусь, не утешив эту добродетельную деву, охваченную горем, путешествие мое будет напрасным. Воистину, я отправлюсь обратно, а знаменитая царевна Джанаки, утратив всякую надежду, расстанется с жизнью, и длиннорукий герой, с лицом сияющим, как полная луна, жаждущий увидеть Ситу, будет безутешен. Говорить с нею в присутствии демониц невозможно, что же мне делать? Я оказался в затруднительном положении. Если я не скажу ей несколько слов в утешение накануне ночи, она наверняка расстанется с жизнью, и если Рама спросит меня: «Что говорит Сита с тонким станом?» – что я отвечу ему, если не говорил с ней? Если я вернусь, не исполнив поручения к Сите, Какутстха уничтожит меня своим гневным взглядом, и тогда мой повелитель Сугрива не станет помогать Рама, возглавив свою огромную армию. При первой же возможности я постараюсь утешить измученную деву. Но я такой маленький и ещё обезьяна, а если я заговорю человеческим голосом, на санскрите, как это делают мудрецы, Сита примет меня за Равану и придет в ужас! Однако я непременно должен говорить по-человечески, а иначе как я могу поддержать безупречную деву? Джанаки, терзаемая демонами, испугается моего облика и речи. Знаменитая большеглазая Сита станет кричать, приняв меня за Равану изменчивого лика. На ее крик сбегутся полчища вооруженных демонов, словно сама смерть. Отвратительные и неукротимые, они со всех сторон набросятся на меня, пытаясь уничтожить или пленить. Увидев, как я прыгаю с ветки на ветку и забираюсь на верхушки самых высоких деревьев, они поднимут тревогу, и лес огласится их дикими воплями. Они призовут на помощь демонов, охраняющих царский дворец; в великом возбуждении, хватаясь за оружие – копья, дротики и мечи – они поспешат броситься в драку. Они окружают меня со всех сторон, и, убив сонмы этих демонов, я буду истощен и не смогу перелететь через океан, или же они, превосходя меня числом, возьмут меня в плен. И тогда все мои усилия не принесут этой деве желанного плода. Или же из любви к злодеяниям они могут убить дочь Джанаки, и это полностью провалит великий замысел Рама и Сугривы. Джанаки находится на неприступном, затерявшемся в море острове, который со всех сторон охраняют демоны; к нему не подступишься. Если демоны убьют меня в бою или возьмут в плен, я не знаю, кто из обезьян сможет преодолеть четыреста миль над морем. Если я истреблю тысячи демонов, я не в силах буду достичь другого берега великого океана. Вступать в сражение рискованно, и я не люблю попадать в сомнительные истории; должен ли мудрый человек рисковать во имя долга? Будет величайшей ошибкой, если я испугаю Ваидехи, обратившись к ней. Но если я вовсе этого не сделаю, она наверняка погибнет. Часто великие замыслы проваливаются из-за посланника, не сумевшего воспользоваться временем и обстоятельствами, словно тьма, разогнанная восходящим солнцем. В таких случаях, касается ли это выполнения задания или уклонения от него, даже самые широкомасштабные предприятия не знают успеха. Несомненно самонадеянный посланник может всё погубить! Как же тогда мне поступить, чтобы исполнить возложенную миссию? Как же мне выдержать это испытание? Как поступить, чтобы мой перелет через океан не оказался напрасным? Как убедить Ситу слушать меня, не вызвав страха в ее сердце?» Задавшись всеми этими вопросами, Хануман пришел к такому заключению: «Я поведаю о бессмертных подвигах Рама, и тогда его дорогая супруга не испугается меня, поскольку она целиком поглощена мыслями о своем господине. Я нежным голосом буду произносить имя Рама, покоряющего ду-

шу величайшего потомка Икшваку, в сладостных словах я прослаблю его благочестие и славу, и Сита невольно станет слушать меня. Никак иначе мне не завоевать ее доверия». Могущественный Хануман, из-за скрывавших его ветвей глядя на супругу повелителя мира, искренне обратился к ней, и голос его звучал мягко и мелодично.

Глава 31 Хануман прославляет Раму

Всё тщательно обдумав, разумный Хануман стал лить в уши Ваидехи сладостный нектар прославлений Рамы:

Рисунок 9 Хануман и Рама

– Жил на свете царь по имени Дашаратха, владевший колесницами, конями и слонами. Преданный богу и знаменитый, он был славой рода Икшваку. Чуждый злу, возвышенный и сострадательный, он был истинным героем в своей династии, преумножившим ее славу и процветание. Отмеченный всеми символами власти, величественный, это лев среди царей, известный во всех частях света, более всего любил проливать милость на своих подданных, делая их счастливыми. Его любимого старшего сына с сияющим как полная луна ликом, звали Рама. Самый искусный из лучников, он отличался необычайно сильным разумом. Верный своим обетам, защитник людей, покровитель всего живого, опора справедливости, он всегда побеждал своих врагов. По повелению своего престарелого отца, слово которого было для него законом, этот герой, сопровождаемый супругом и младшим братом, изгнанником удалился в лес. В бескрайнем диком лесу он убил множество доблестных демонов изменчивого лика. Когда Равана узнал, что Рама разорил Джанастхан и убил Кхару и Душану, он пришел в ярость и похитил Джанаки, с помощью Маричи в облике золотого оленя, заманив ее господина далеко в самую чащу леса. Повсюду разыскивая божественную и безупречную Ситу, Рама подружился в лесу с обезьяной Сугривой. Разрушающий вражеские города доблестный сын Дашаратхи, сразил Бали, царя обезьян, и даровал трон великодушному Сугриве. Послушные воле своего государя, тысячи обезьян изменчивого лика отправились на поиски богини во все стороны света. Я, один из них, по совету Сампати преодолел четыреста миль над океаном ради этой большеглазой красавицы. Благодаря Раме, который описал мне ее изящество, миловидность и другие удивительные черты, я наконец сумел найти ее. Пропев последнюю фразу, тур среди обезьян замолчал. Джанаки с величайшим изумлением слушала речь Ханумана и, откинув прекрасные спутанные волосы, скрывавшие ее лицо, она взглянула на дерево шингшапа. С неммым вопросом в глазах Сита озиралась по сторонам, чувствуя, как величайшая радость

переполняет всю ее душу при воспоминаниях о Раме. Наконец она подняла голову и увидела сына Ваты, подобного восходящему солнцу, необыкновенно мудрого советника царя обезьян.

Глава 32 Сита видит Ханумана

Среди густых ветвей шингшапа, присев на корточки, пряталась обезьяна. Сладостные прославления Рамы исходили из уст этого удивительного создания в белых одеждах, напоминавшего вспышку молнии, яркого, как соцветие ашоки или золото, очищенное в тигле. Сита увидела обезьяну и сильно разволновалась.

Смирение лучшего среди обезьян изумило Маитхили и она подумала: «Ах! Какая ужасная обезьяна, неприятная и отвратительная на вид!» Мысль эта преумножила ее страх, и она снова впала в отчаянье и скорбь. «О Рама, о Рама, о Лакшмана!» – кричала в ужасе прекрасная Сита, и голос ее звучал всё слабее и слабее, пока наконец она не осмелилась ещё раз взглянуть на удивительную обезьяну, которая почтительно склонилась перед ней. Маитхили подумала: «Должно быть, это сон!» Вглядываясь в покрытое шрамами лицо Ханумана, прославленного сына ветра, величайшего из мудрецов, Сита потеряла сознание, казалось жизнь покинула ее. Медленно придя в себя, она подумала: «Писания запрещают смотреть на обезьяну, это неблагоприятный сон! Всё ли благополучно с Рамой, сопровождаемым Лакшманой и моим отцом Джанакоей? Может это был не сон, потому что со дня наступившего меня горя и несчастья я ещё не смыкала глаз. Вдали от Рамы, чей лик прекрасен, как полная луна, радость неведома мне. Постоянно думая и взывая к Рама, я воображаю, слышу и вижу только то, что связано с ним. Терзаемая любовью, я всем сердцем стремлюсь к нему, поглощенная воспоминаниями о нем, я вижу и слышу его одного. Это мираж? Это тревожит меня и смущает. Мне кажется, это не более чем моя фантазия, но тем не менее я вижу его. Плод воображения не имеет формы, но этого нельзя сказать о том, кто обратился ко мне. Да прославится Вачаспати с молнией в руках, сопровождаемый богами! Да прославится Сваямбху и боги, принимающие жертвенные дары! Пусть они благословят создание, обратившееся ко мне, и оно станет реальным!»

Глава 33 Хануман беседует с царевной Ситой

Спрыгнув с дерева, Хануман с лицом цвета коралла смиренно приблизился к Сите. Сложив ладони, могущественный сын ветра, мягко обратился к ней:

– Кто ты, о дева, с большими, как лепестки лотоса глазами, в запятнанных шелковых одеждах? Почему ты стоишь, опираясь на ветвь дерева? О безупречная, почему слезы страдания катятся из твоих глаз, напоминающих лотосы, словно струя воды из разбитого кувшина? О прекрасная, кто ты среди небожителей, демонов, нагов, гандхарвов, ракшей, якшей и киннеров? Или ты дочь Рудр, богов ветра, или Васу, о дева изысканной красоты? Мне кажется, ты божественного происхождения. Ты Рохини, самая яркая из звезд, которая, разлучившись с луной, упала из обители бессмертных? Или ты прекрасная темноокая Арундхати, в гневе ли гордыне убежавшая от своего повелителя Шри Васишти, чей уход из этого мира ты оплакиваешь, о дева с тонким станом, – сына, отца, брата или мужа? Обливаясь слезами, глубоко вздыхая, ты лежишь на земле, снова и снова ты взывая к имени царя, и мне кажется, что ты не богиня. Судя по знакам, которыми отмечено твое тело, я думаю, ты дочь или супруга монарха. Не ты ли Сита, безжалостно похищенная Раваной из Джанастхана? Счастья тебе! Твое жалкое положение, непревзойденная красота и одежды аскета наводят меня на мысль, что ты – супруга Рамы. Слова Ханумана, который стоял под деревом, и звук имени Рамы радостно взволновали Ваидехи, и она отвечала ему:

– Я сноха Дашаратхи, познавшего истину, величайшего повелителя мира, повергающего во прах вражеские армии. Я дочь царя Джанаки, великодушного правителя Видехи. Мое имя Сита. Я супруга необычайно разумного и мудрого Рамы. Двенадцать лет я прожила во дворце Рагхавы, вкушая все земные радости, исполняя все свои желания. На тринадцатый год царь с согласия своих министров решил возвести Раму, радость династии Икшваку, на трон. Пока они готовились провозгласить Раму законным наследником престола, царица Кайкеи обратилась к своему повелителю: «Я откажусь от еды и питья, которые приносят мне каждый день и расстанусь с жизнью, если Рама взойдет на трон. Исполни два благословения, которые ты некогда даровал мне и изгони Рагхаву в лес!» Царь, верный своему слову, вспомнил о двух обещаниях, которые он дал царице. Ее жестокие слова повергли его в величайшее горе. Престарелый монарх, твёрдый в своих обетах, со слезами на глазах стал молить старшего сына отречься от трона. Знаменитый царевич, для которого слова отца были дороже трона, в душе согласился с ним и пообещал повиниться. Рама, всегда бескорыстно раздающий дары, правдивый и не изрекающий лжи даже во имя спасения собственной жизни, наделен несгибаемым мужеством, сняв с себя роскошные одежды, славный Рама всем сердцем отрекся от царства, а меня передал заботам своей матери. Но я облачилась в одежды аскета и тут же собралась сопровождать его в лес, потому что в разлуке с ним я не в силах жить даже в раю. Тогда удачливый Саумитри, радость своих друзей надел древесную кору и взял траву куша, готовый следовать за своим старшим братом. Почитая волю нашего государя, верные своим обетам, мы вошли в темный неведомый лес. Пока лучезарный Рама жил в лесу Дандака, демон Равана, превратной души, похитил меня, его супругу. Он назначил мне срок, и теперь мне осталось жить лишь два месяца.

Глава 34 Сомнения Ситы

Пытаясь успокоить Ситу, разбитую горем, Хануман, лучший из обезьян, сказал:

– О божественная Ваидехи, я посланник Рамы, прибывший сюда по его указу; Рама в безопасности и спрашивает о твоём благополучии. Сын Дашаратхи, постигший Веду, владеющий брахмастрой, наделенный безграничными познаниями, приветствует тебя, о царица! Великолепный Лакшмана, могущественный и заботливый спутник твоего повелителя, снедаемый беспокойством, склоняется перед тобой, желая тебе блага.

Сита трепетала от радости, услышав добрые вести о двух блистательных царевичах и сказала Хануману:

– Воистину, мудрые говорят, что счастье приходит к человеку даже по истечении ста лет.

Сита с Хануманом продолжали радостно беседовать в полном доверии друг к другу. Услышав изреченную Ситой мудрость, Хануман, сын Маруты, подсел поближе к ней, охваченной горем, и лишь он сделал это, сердце ее охватила тревога и она подумала: «Увы! Зачем я стала беседовать с ним? Это Равана в другом обличье!» Маитхили выпустила из рук ветвь ашоки и измученная страданиями, опустилась на землю. Длиннорукий Хануман поклонился дочери Джанаки, преисполненной ужаса, которая не смела поднять на него глаз. Увидев его смиренный поклон, луноликая Сита глубоко вздохнула и мягко сказала:

– Если ты Равана, вероломно изменивший свой лик, чтобы причинить мне ещё большую боль, то это подло. Это ты, о ночной разбойник, монахом представший предо мной в Джанастхане и сокрывший свой истинный ужасный лик. Не следует тебе издеваться надо мной, разбитой горем и измученной постом, о Равана. И всё же похоже ты – не он, которого я так боюсь, потому что сердце мое радуется, глядя на тебя. Если ты на самом деле посланник Рамы, то всех благ тебе! Приветствую тебя, о лучший среди обезьян, как сладостно мне было услышать о Раме! Прославь добродетели Рамы, о добрая обезьяна, и по-

радуй мне душу, как река, размывающая свои берега. Какой чудесный сон принес мне, похищенной и истомленной долгим заточением, этот житель лесов! Если бы мне ещё раз увидеть доблестного Рагхаву с Лакшманой, но даже сон лишает меня этой радости. Сон ли это? Увидеть обезьяну во сне – не сулит блага, но я так счастлива сейчас! Может быть у меня помутился рассудок, или это мираж из-за долгого изнурительного поста? Но нет, это невозможно, потому что я полностью владею собой и вижу эту обезьяну ясно, как день. Эти мысли, преследуемые Ситу разделяли и окружавшие ее демоницы изменчивого лица, принявшие Ханумана за своего повелителя. Придя к такому заключению, стройная дочь Джанаки перестала говорить с обезьянами, но Хануман, разгадав ее мысли, утешил ее сладостными словами, возрождая радость в ее сердце:

– Лучезарный, как солнце и луна, любимый всеми, этот повелитель мира щедр, как Кувера. Доблестью он подобен славному Вишну, приятными и правдивыми речами – Вачаспати, красотой, славой и удачливостью – богу любви. Справедливо воздающий за злодеяния, он лучший в мире воин на колеснице. Героя, у которого нашел прибежище весь мир, великодушного Рагхаву, Марича в облике оленя заманил в лес подальше от хижины, что позволило Раване похитить тебя. Скоро этот могущественный герой, гневно выпуская свои острые, как жало змеи, стрелы, уничтожит Равану в сражении. Он послал меня к тебе с этими вестями. Страдая в разлуке с тобой, он спрашивает, всё ли у тебя благополучно. И сияющий Лакшмана, радость Сумитры, также приветствует тебя. Повелитель бесчисленных обезьян по имени Сугрива, друг Рама, выражает почтение тебе; Рама, Лакшмана и Сугрива постоянно думают о тебе; оказавшись в руках демонов, к счастью, ты ещё жива, о Ваидехи. Рано или поздно ты увидишь Раму и Лакшмана на колеснице вместе с безгранично доблестным Сугривой. Я – министр Сугривы, обезьяна Хануман. Я проник в город Ланку, преодолев океан, тем самым поправ голову порочного Раваны. Проявив мужество, я пришел сюда увидеть тебя, я не тот за кого ты меня принимаешь. Отбрось сомненья и поверь моему слову.

Глава 35 Хануман раскрывает себя Сите

С удовольствием слушая слова Ханумана о Рамае, Ваидехи мягко спросила:

– Где ты встретился с Рамой и как познакомился с Лакшманой? Как люди и обезьяны заключили союз меж собою? О обезьяна, ещё раз опиши замечательные качества Рама и Лакшмана и развеяй мою печаль. Поведай мне о добродетели Рама, о том как он выглядит, какие у него руки и бедра, а также о Лакшмане. В ответ на просьбу Ваидехи, Хануман, рожденный Марутой, стал подробно описывать Раму:

– К счастью, ты узнала во мне посланца Рама, о Ваидехи с большими, как лепестки лотоса глазами, и теперь просишь описать облик и качество своего повелителя и его младшего брата Лакшмана. О большеглазая дева, слушай же, я поведаю тебе о царственных чертах, которые я увидел в Рама и Лакшмане. О дочь Джанаки, глаза Рама напоминают лепестки лотоса, а лик сияет, как луна. Он наделен необычайной красотой и добродетелью. Сиянием он подобен солнцу, терпением – земле, мудростью – Брихаспати, а славой – Васаве. Он защитник всего живого, оплот своего рода, страж закона и традиций, сокрушитель своих врагов. О прекрасная, Рама – хранитель людей и четырех каст, он установил истинный социальный порядок; ему поклоняются все, как солнцу; он верен обетам благочестия, знает благоприятный час почитания святых и путь праведности. С рождения пользующийся царскими привилегиями, слуга брахманов, образованный, благородный, смиренный, он повергает во прах своих врагов. Сведущий в Яджур-веде, почитаемый искусными знатоками Вед, это искусный стрелок, познавший Веды и Веданги. Широкоплечий, длиннорукий, мускулистый, с красноватыми в уголках глазами и шеей, по форме напоминающей раковину, он очень красив. Таков Рама, прославленный среди людей. Его глубокий голос напоминает удары литавр, кожа гладкая, бедра, пальцы и запястья креп-

кие, а руки и брови длинные; у него красивой формы глубокие пупок, живот и грудь. Уголки его глаз, ногти, ладони и стопы красноватые, а голос и походка выдают в нем безграничное мужество; на шее и на животе у него по три складки кожи; линии на подошвах и груди глубокие; у него мускулистые шея, спина и бедра; волосы собраны и тремя кольцами уложены на голове; большие пальцы рук у основания отмечены четырьмя линиями, которые свидетельствуют о глубоком знании Вед; четыре линии на лбу говорят о долголетию; он четырех локтей ростом. У него округлые руки, бедра и щеки, пропорциональные запястья, колени, бедра, руки и ноги; четыре передних зуба отмечены благоприятными знаками. Иногда своей походкой он напоминает льва, тигра, слона или буйвола; у него чарующие уста, красивый нос и прохладная нежная кожа; блестящие волосы, глаза, зубы, кожа и стопы; изящные руки бедра и ноги, маленькие пальцы; его лицо, глаза, уста, язык, грудь, ногти и стопы напоминают лотосы; у него большой лоб, шея, руки, пупок, стопы, спина и уши. Изящество, слава и сиянье украшают его; у него безупречная родословная по отцу и по матери; подмышки, живот, грудь, нос, плечи и лоб высокие; пальцы, волосы, ногти, кожа, зрение и разум ясные и острые. Рагхава черпает радость во всем, что справедливо и истинно, он полон сил и всегда знает как поступить в любых обстоятельствах; он благожелателен ко всем. Безгранично прославленный Лакшмана, младший брат Рагхавы и сын Сумитры, второй среди цариц, также как и брат красив, предан и добродетелен. У него золотистый цвет кожи, тогда как у Рама темноватый, словно грозовое облако. Эти два тигра среди людей всем сердцем жаждут увидеть тебя снова. В поисках тебя они обошли всю землю и в лесу повстречались с нами. У подножья горы Ришьямука, поросшей деревьями, они увидели царя обезьян, изгнанного старшим братом. Мы были слугами прекрасного Сугривы, повелителя обезьян, который, увидев двух героев, одетых в древесную кору, с великолепными луками в руках, в ужасе убежал на вершину горы. Затем он послал меня поскорее встретиться с ними, и я, покорный его воле, со сложенными ладонями приблизился к двум царевичам, львам среди людей. Два героя были довольны нашим знакомством, и я, посадив их себе на плечи, перенес их на вершину горы к великодушному Сугриве. Я рассказал всё Сугриве, они стали беседовать. Великая дружба стала связывать знаменитых повелителей людей и царя обезьян. Они утешили друг друга, поделившись своими бедами. Старший брат Лакшмана успокоил Сугриву, из-за любви к женщине изгнанного могущественным Бали. Потом Лакшмана поведал Сугриве о страданиях и потерях, обрушившихся на Раму, и царь обезьян, слушая его рассказ, помрачнел, как солнце в час затмения. Собрав все украшения, которые ты выбросила на землю, когда демон нес тебя по небу, обезьяны с радостью принесли их Рама, но где искать тебя, им было неизвестно. Я собрал все твои украшения, которые со звоном упали на землю, и передал их Рама, который вне себя от горя, прижал их к груди. Горе огнем жгло божественно прекрасного сына Дашаратхи, Непрестанно вздыхая, он оплакивал свою потерю. Долгое время великодушный герой лежал, раздавленный несчастьем, и я, пытаясь утешить его, уговаривал подняться. Рама и Саумитри ещё раз взглянув на драгоценные украшения, вернули их Сугриве. В разлуке с тобой, о благородная дева, Рагхава страдает от горя подобно постоянно извергающему пламя вулкану. Бессонница, печаль и забота мучают великодушного Раму, подобно жертвенным кострам, испепеляющим храм. Боль разлуки с тобой терзает его, как сильное землетрясение раскалывает гору. О дочь царя, он бродит среди чарующих лесов, по берегам рек, у водопадов, но ничего не радует его. О дочь Джанаки, рано или поздно Рамачандра непременно уничтожит Равану со всеми его друзьями и родственниками, скоро этот величайший герой освободит тебя. При таких обстоятельствах Рама и Сугрива заключили дружественный союз, чтобы одержать победу над Бали и разыскать тебя. Вернувшись в Кишкиндху вместе с двумя героическими царевичами, повелитель обезьян убил Бали в сражении, и Рама провозгласил Сугриву царем всех обезьян и медведей. Я поведал тебе о союзе Рама и Сугривы, о богиня, а я, Хануман, – их представитель. Отвоевав своё царство, Сугрива собрал всех великих могущественных обезьян и разослал их по всей земле в поисках тебя. Послушные воле своего царя Сугривы, могу-

щественные обезьяны обошли всю землю. В страхе перед Сугривой они исследовали все горы, реки и леса; и я – один из них. Знаменитый сын Бали по имени Ангада возглавил третью группу поиска. Много дней и ночей провели мы в глубокой печали, потеряв дорогу на величайшей горе Виндхе. Срок, отпущенный нам Сугривой давно прошел, мы были в отчаянии, не в силах исполнить порученного дела. Страшась повелителя обезьян, мы решили расстаться с жизнью. Мы обошли все горы и неприступные скалы, реки и водопады, но нигде не найдя твоего следа, мы стали готовиться к смерти. На вершине горы мы приготовились начать свой последний пост. Преисполненный горя Ангада, непрестанно сокрушался, размышляя о твоём похищении, о Ваидехи, о гибели Бали, о нашем намерении умереть голодной смертью и о подвиге Джатаю. Пока мы постились в ожидании смерти, потеряв всякую надежду исполнить волю твоего господина, удача улыбнулась нам, и перед нами появился брат Джатаю, могучий коршун по имени Сампати. Услышав о смерти брата, он гневно закричал: «Кто убил моего младшего брата, где этот негодяй? Я жажду услышать это, о славные обезьяны!» Ангада подробно рассказал ему, как ужасный демон убил из-за тебя Джатаю в Джанастане. Сокрушаясь о смерти Джатаю, сын Аруны поведал, что ты находишься в обители Раваны, о прелестная дева! Слова Сампати вернули нас к жизни, радость наша была беспредельной. В след за ним мы покинули гору Виндхья и пришли на берег океана. Сильнейшее волнение вновь охватило обезьян, искренне жаждавших найти тебя, когда они увидели открытое море. Но я сумел развеять печаль растерянной армии обезьян. От их страха не осталось и следа, когда я одним прыжком преодолел четыреста миль над морем и ночью вступил на Ланку, обитель демонов. Здесь я увидел Равану и тебя, преисполненную горем, о безупречная дева! Я рассказал тебе все, о богиня, теперь настал твой черед говорить! Я посланник сына Дашаратхи и пришел к тебе во исполнение воли Рамы. Знай, что я министр Сугривы, сын бога ветра! С твоим повелителем Какутстхой, величайшим среди героев, носящих оружие, всё благополучно, также как и с Лакшманой, чье тело отмечено благоприятными знаками. Младший брат Рагхавы оказывает почтение старшим и заботится о благе своего повелителя. Я пришел сюда по приказу Сугривы, и совершил это путешествие один. Изменив свой облик, я исследовал южные земли. Всем сердцем желая найти тебя, я искал тебя повсюду. С вестями о тебе я по милости бога смогу развеять печаль сонмов обезьян, скорбящих о тебе; мой перелет через океан не будет напрасным. Я завоюю славу, найдя тебя, о богиня, и могущественный Рагхава немедля встретится с тобой, убив Равану, царя демонов, его сыновей и родственников. На горе Мальяват, самой высокой среди гор, о Ваидехи, живет мой отец Кесарин. Послушный воле божественных мудрецов, однажды он удалился в Гокарну, принадлежавшую повелителю рек, и в том божественном месте убил демона Самвасадану. Меня родила супруга Кесарина, о Маитхили, имя мое Хануман. Весь мир знает о моих подвигах. Чтобы вызвать у тебя доверие, я описал тебе добродетели твоего господина. Рано или поздно, о богиня, Рагхава непременно заберет тебя отсюда. Речи Ханумана вполне убедили Ситу. Лицо ее засияло от радости, она узнала в Ханумане посланца Рамы и позволила, чтобы слезы потоком покатались из ее глаз с густыми темными ресницами. Нежное лицо большеглазой девы с красноватыми глазами сияло, как луна, освободившаяся из плена Раху. Поверив, что обезьяна, которую она видит, – вовсе не сон, она подумала: «Разве могло быть иначе?» Хануман снова обратился к прекрасной деве:

– Я рассказал тебе все, чтобы ты поверила мне, о Маитхили! Что я ещё могу сделать для тебя, чем порадовать тебя, прежде чем я покину Ланку? Я родился у Ваю, о Маитхили, когда в битве с могущественными обезьянами, состоявшейся по воле небесных мудрецов, погиб демон Самвасадана; и хотя я обезьяна, я не уступаю ему в доблести!

Глава 36

Сита спрашивает Ханумана

Могущественный сын Паваны, Хануман, желая укрепить доверие Ситы, вновь обратился к ней с уверениями:

– О удачливая царевна, я, обезьяна, посланец дальновидного Рама; взгляни на это драгоценное кольцо, на котором выгравировано твое имя! О богиня, его дал мне великодушный герой, чтобы ты поверила моим словам. Мужайся, пусть удача сопутствует тебе! Близок конец твоим страданиям! Джанаки, взяв драгоценное кольцо, украшавшее руку ее повелителя, преисполнилась радости, словно увидела его самого. Ее нежное лицо с большими глазами сияло, словно луна, вырвавшаяся из плена Раху. Зардевшись от счастья, она с благодарностью посмотрела на великую обезьяну и сказала:

– О лучший среди обезьян, мужественный, доблестный и ловкий, ты один проник в этот город Раваны. С замечательным упорством ты преодолел четыреста миль над океаном, обителью громадных чудовищ, словно это лужица размером с телячье копытце. Ты необычная обезьяна, о лев среди лесного народа, потому что не трепещешь от страха и не благоговеешь перед Раваной. О лучший среди обезьян, ты достоин общения со мной, потому что Рама, познавший себя, избрал тебя своим посланником. Несомненно, непобедимый Рама послал тебя ко мне, прежде убедившись в твоей доблести. К счастью, с добродетельным и правдивым Рамой, так же как и со знаменитым Лакшманой, радостью Сумитры, все благополучно, но если Какутстха не ведает болезни, как он ещё не испепелил землю огнем своего гнева, который подобен огню в час уничтожения мира? Эти два героя способны укротить богов, однако они бездействуют; поэтому, я думаю, страданиям моим нет конца! Неужели Рама не обеспокоен, неужели положение мое не терзает ему сердце? Собирается ли царский сын освободить меня? Печален ли он и озабочен? Не утратил ли он видения конечной цели? С прежней ли стойкостью и силой духа он исполняет свой долг? Я думаю, Шри Рама придерживается политики примирения и даров по отношению к союзникам и, жажда победы, дарит подарки, наказывает и сеет семена раздора среди врагов. Выказывает ли он расположение к друзьям и пользуется ли их доверием? Скажи, союзники его пользуются доброй славой и почитают его? Пытается ли царский сын умиловить богов, в молитвах ли черпает он своё могущество и удачу? Не разлюбил ли меня Рама в разлуке со мной? Освободит ли он меня из этого опасного положения? Не сломила ли беда этого героя, привыкшего к радости и счастью, прежде не ведавшего горя? Получал ли он хорошие вести о Каушалье, Сумитре и Бхарате? Или Рагхава, достойный почитания, сокрушается в горестной разлуке со мной? Думает ли он, как спасти меня? Может быть, Бхарата, преданный своему брату, пошлет за мной великую армию во главе с опытными генералами? О славная обезьяна, собирается ли удачливый царь Сугрива придти мне на помощь, ведя за собой сонмы доблестных обезьян, готовых пустить в ход свои острые зубы и когти? Героический Лакшмана, радость Сумитры, искусный воин, уничтожит демонов своими стрелами? Увижу ли я, как Рама оружием Рудры сразит Равану на поле битвы вместе с его друзьями и родственниками? Золотистый лик Рагхавы, благоухающий ароматом лотоса, не утратил сияния под бременем несчастья, подобно лотосу, выброшенному из воды на палящее солнце? Остается ли верен своей цели этот герой, во имя праведности без сожаления отрекшийся от трона и вместе со мной пешим удалившийся в лес? Ни к отцу, ни к матери, ни к кому бы то ни было не испытывал он такой любви, как ко мне. Я живу, лишь пока слышу о нем. В надежде услышать о возлюбленном господине, чарующая дева замолкла. Выслушав сладостные и исполненные глубокого смысла слова Ситы, безгранично доблестный Марути почтительно сложил перед нею ладони и отвечал:

– О знаменитая царевна, лотосоокий Рама не знает, что ты здесь, и потому до сих пор не освободил тебя подобно Пурандаре, освободившему Сачи. Услышав от меня, где найти тебя, он не замедлит явиться сюда вместе со своей великой армией обезьян и медведей. Своими ужасными стрелами покорив бескрайний океан, обитель Варуны, Какутстха избавит город Ланку от всех демонов. Если сама смерть, боги или могущественные демоны попытаются преградить ему путь, он уничтожит их. О царевна, в разлуке с тобой Рама разбит горем, он не знает покоя, словно слон во власти льва. О богиня, я клянусь тебе го-

рами Мандарой, Малвой, Виндхья, Меру и Дардура, всеми фруктами и кореньями, что скоро ты увидишь прекрасное лицо Рамы, его чарующие глаза, губы, подобные плодам бимба, и сверкающие, как восходящая луна, серьги. Скоро ты увидишь Раму на горе Прасравана, о Ваидехи, который подобен Шатакрату, восседающему на слоне Айравате. Воздерживаясь от плоти и медового вина, Рама поддерживает свою жизнь лесными фруктами, кореньями и диким рисом, с любовью приготовленным Лакшманой, вкушая, как это обычно делают аскеты, вечерами, в пятый период дня (* день делится на пять периодов: утро, до полуденные часы, полдень, часы от полудня до заката и вечер). Поглощенный мыслями о тебе, он не замечает садящихся на него мух, насекомых и червей. Погруженный в воспоминания, потерянный от горя, он целиком занят размышлениями о тебе. Рама, лучший из людей, не ведает сна, но стоит ему в изнеможении сомкнуть глаза, как он начинает звать нежным голосом: «О Сита!» Где бы он ни увидел фрукты, цветы или что-то, дорогое женскому сердцу, он вздыхает: «О моя дорогая любовь!» О богиня, этот царевич непрестанно зовет тебя со слезами на глазах: «О Сита!» Что он только ни делал, пытаясь найти тебя! Сита счастлива была слушать о славе Рамы, но страдания его причиняли ей боль, и потому лицо ее напоминало осеннюю луну, которая то скрывалась за темным облаком, то вновь сияла на небосводе.

Глава 37

Сита отказывается идти с Хануманом

Луноликая Сита обратилась к Хануману со словами, исполненными благочестия и рассудительности:

– О славная обезьяна, ты говоришь, что Рама поглощен воспоминаниями обо мне и пребывает во власти горя, подобном нектару с ядом. Находясь в зените славы и могущества или в бездне печали, человек остается узником смерти с ее веревкой на шее. Никому из живущих не дано избежать судьбы, о чудесная обезьяна, посмотри, как я, Рама и Самитри утонули в печали! Как обломки корабля, плавающие в воде, тщетно пытаются приблизиться к берегу, так и Рагхава пытается положить конец своим несчастьям. Уничтожив демонов, сразив Равану и разорив Ланку, неужели мой повелитель увидит меня снова? Поспешить сообщить ему, что до конца этого года я приговорена к смерти. Сейчас уже десятый месяц, и осталось ещё два – это срок, назначенный мне злобным негодяем Раваной. Брат его Вибхишана настойчиво просил его освободить меня, но он не удостоил внимания его мудрые слова. Равана не хочет слышать о моем освобождении, потому что смерть ожидает его, и он, влекомый судьбой, идет ей навстречу. О воин, Кала, старшая дочь Вибхишаны по просьбе своей матери сообщила мне об этом. Есть старый и надежный демон по имени Виндха, мудрый, добродетельный, разумный и благородный, которого Равана очень почитает. Он предрекает неминуемую гибель демонов от руки Рамы, однако порочный негодяй пренебрегает его добрыми советами. О лучший среди обезьян, я надеюсь на скорую встречу с Рамой, потому что сердце мое чисто, а добродетель Рамы безгранична. Он терпелив, мужествен, сострадателен, благодарен, энергичен и силен, о Хануман. Какой враг не затрепещет перед ним, без помощи брата сразившем четырнадцать тысяч демонов в Джанастхане? Демоны не смогут одолеть этого льва среди людей, я знаю о его силе, как Сачи знает о могуществе Индры. О Хануман, Рама, выпуская бесчисленные стрелы, словно солнце в ореоле лучей, иссушит озеро враждебных демонов! Преисполненная горя Сита обливалась слезами, вспоминая о Раме, и Хануман сказал ей:

– Как только я встречу с Рагхавой, он сразу же поспешит сюда во главе могущественной армии медведей и обезьян! Или может быть мне сейчас же освободить тебя из рук демонов и избавить от всех несчастий? Забирайся мне на плечи, о безупречная дева, и я перелечу через океан. Поистине, я могу унести весь город Ланку вместе с Раваной. Я доставлю тебя Рагхаве прямо на гору Прасравану, о Маитхили! Сегодня же ты увидишь Раму, неразлучного с Лакшманой, готовящегося сразить врагов, подобного Вишну, уничто-

жающему Даитьев. На той одинокой горе ты увидишь могущественного героя, всем сердцем жаждущего встречи с тобой, подобного Пурандаре на голове царя змеев. О прекрасная богиня, взойди мне на плечи, не медли, навеки воссоединись с Рамой, подобно Рохини, неразлучной с Шашнакой, Сачи – с Индрой или Саваршале – с Солнцем. По воздуху я преодолею океан! О прекрасная, позволь мне унести тебя отсюда, никто на Ланке не сможет угнаться за мной. Я вернусь так же, как прилетел сюда, по небу неся тебя на своих плечах. Маитхили затрепетала от радости и сказала Хануману:

– Ты действительно надеешься пронести меня столь великое расстояние, о Хануман? Это выдает в тебе обезьянью натуру! Ты такой маленький, но надеешься перенести меня к моему господину, повелителю людей, о обезьяна? Слова эти задели Ханумана, и он подумал: «Это первое оскорбление, причинившее мне боль! Ваидехи не знает о моей доблести и силе. Она должна увидеть, что я могу по желанию принимать любое обличье!» И знаменитый герой, сокрушающий своих врагов Хануман, предстал перед Ситой в своем истинном облике. Желая завоевать доверие Ситы, он спрыгнул с дерева и стал увеличиваться в размерах. Хануман стал огромен, как гора Меру или Мандара, шерсть его напоминала пылающую жаровню. С медно-красным лицом, твёрдыми как алмазы когтями и зубами, громадный как гора этот лев среди обезьян стоял перед царевной Видехи. – Я могу с корнем вырвать Ланку со всеми ее горами, лесами, полями, дворцами, валами и воротами, и уж тем более вместе с ее монархом! – прогремел он. – Поэтому соберись духом, о царевна, и не медли, о Ваидехи! Иди и развеи скорбь Рагхавы и Лакшмана! Дочь Джанаки, чьи глаза напоминали лепестки лотоса, глядя на сына ветра, который в один миг превратился огромного как гора великана, сказала:

– О могущественная обезьяна, теперь я вижу твою силу, быстроту полета, которой ты равен ветру, и сияние, ослепительное, как огонь. Разве могла обычная обезьяна достичь этой земли, затерявшейся в бескрайних просторах океана? Я знаю, что ты можешь забрать меня отсюда и унести прочь, но, о лучший среди обезьян, я должна подумать, благоразумно ли это. Кроме того, надлежит ли мне идти с тобой? Ты летишь с головокружительной быстротой ветра, и я могу упасть с твоих плеч, когда ты будешь лететь высоко над океаном. Я упаду в океан, полный акул, крокодилов и гигантских рыб и тут же жертвой этих чудовищ. Я не могу идти с тобой, о покоритель врагов, и тебе тоже грозит большая опасность. Когда демоны увидят, как ты уносишь меня, они начнут преследовать тебя, послушные приказу Раваны, и, окруженный теми воинами, вооруженными копьями и булавами, ты, неся женщину, подвергнешься величайшему риску, о герой! Хорошо вооруженные, тучи демонов погонятся за тобой, невооруженным. Как ты остановишь их и защитишь меня? Ты будешь сражаться с теми ужасными демонами, о славный Хануман, а я, охваченная страхом, невольно соскользну с твоей спины. Ужасные, огромные и могущественные демоны одержат над тобой верх, о превосходная обезьяна. Повернув голову, пока ты будешь сражаться, я упаду и злобные демоны унесут меня прочь и доставят обратно, или вырвав меня из твоих рук они растерзают меня. Неизвестен исход сражения, окончится он победой или поражением! Если я умру от угроз демонов, о лучший среди обезьян, все твои усилия освободить меня окажутся напрасными. Ты умелый воин и храбро расправляешься с демонами, но слава Рамы омрачится или демоны вновь похитят меня и уже ни обезьяны, ни Рама не смогут меня отыскать. И тогда все твои попытки спасти меня окажутся напрасными, но если ты приведешь Раму, это принесет величайший успех. О могучерукий воин, от меня зависят жизни Рагхавы, его двух братьев и царя Сугривы. Потеряв надежду разыскать меня, два брата, измученные горем и волнением, вместе со всеми медведями и обезьянами расстанутся с жизнью. О славная обезьяна, более того, всецело преданная своему господину, я не смогу прикоснуться ни к кому, кроме Рамы. Я была беспомощна, когда Равана схватил меня, безо всякой защиты, и более не владела собой. Если Рама придет убить Равану и всех демонов и заберет меня отсюда, это будет подвиг, достойный его! Я слышала о великих подвигах этого героя и сама была их свидетелем – нет Раме равных на поле брани ни среди богов, ни среди нагов, ни среди демонов! Кто

осмелится предстать перед Рамой, сопровождаемом Лакшманой, подобно огню на ветру, прежде увидев его в сражении с чудесным луком в руках, словно Индра, увенчанного доблестью и силой? О лучший среди обезьян, кто сможет противостоять Раме и Лакшману, которые напоминают слонов, опьяненных соком Мада и выпускают стрелы, словно лучи солнца в час уничтожения миров? О лучший среди героев, поскорее приведи сюда моего единственного возлюбленного и Лакшмана вместе с повелителем обезьян! В разлуке с Рамой я истерзана горем, о доблестный Хануман, осчастливь же меня вновь!

Глава 38

Сита отдает Хануману свой драгоценный камень

Удовлетворенный словами Ситы лев среди обезьян отвечал:

– О прекрасная дева, речи твои созвучны твоей женской природе, так говорит скромная женщина, преданная своему господину! Будучи женщиной, ты не сможешь преодолеть четыреста миль над океаном у меня на спине. Слова твои: «Я никого не могу коснуться, кроме Рамы», – достойны тебя, о богиня, супруга великодушного героя. Кто кроме тебя произнес бы такие слова, о Джанаки? Воистину, Какутстха от начала до конца услышит всё сказанное и содеянное тобой у меня на глазах, о царевна. По многим причинам я предложил тебе это, о дева, волнуемый состраданием к Раме, сердце мое трепещет от любви к нему. С величайшими трудностями проник я на Ланку, преодолел океан и, как поступить после встречи с тобой, я предложил тебе это. Я жаждал отнести и передать тебя тому, кто по сей день остается радостью династии Рагху! В этом выразилась моя преданность ему и тебе – потому я произнес такие слова. Но поскольку не можешь отправиться со мной, о безупречная дева, дай мне какой-нибудь знак, который позволит Раме поверить, что я видел и говорил с тобой. Сита, подобная дочери богов, отвечала ему слабым голосом, прерываемая рыданиями:

– Знак – это лучшее, что ты можешь сделать для моего господина! Скажи ему: «О Рама, мы жили у подножья восточного склона горы Читракута, недалеко от обители аскетов, где было много кореньев, фруктов и воды, близ реки Мандакини. Гуляя среди цветущих благоухающих рощ, ты искупался в озере, а потом отдыхал на моей груди. В этот момент ко мне приблизился ворон и попытался клюнуть меня, я бросила в него камень. Однако свирепый пожиратель подношений решил ранить меня, не желая оставлять своей жертвы. Я сняла пояс, чтобы ударить птицу, и одежды мои соскользнули с меня. Картина эта рассмешила тебя, а я залилась краской стыда и негодования. Измученная вороном, одуревшим от голода, я бросилась к тебе. Я всё ещё была взволнована и сердита, и ты со смехом успокаивал меня. Лицо мое было мокрым от слез, и ты мягко вытирал мне глаза. Ты с любовью смотрел на меня, разгневанную вороной, о повелитель. Уставшая, о Рама, я уснула на твоей груди, а ты спал на моей, о старший брат Бхараты. Когда я проснулась, ворон вновь приблизился ко мне и, когда я поднялась с твоей руки, клювом ранил мне грудь, о Рагхава. Почувствовав кровь, ты поднялся и увидел мою растерзанную грудь, о длиннорукий герой. Разгневанный, шипя как змея, ты сказал:

– О дева с бедрами, подобными хоботу слона, кто ранил тебя? Кто хочет стать жертвой пятиглавой змеи? Оглядевшись вокруг, ты заметил ворона с острыми окровавленными когтями, стоявшего передо мной. Эта птица, царственный поток крылатых созданий, сын Индры, с быстротой ветра сокрылся в земле. С глазами круглыми от ярости ты, о длиннорукий воин, решил уничтожить ворона. Сорвав стебель травы куша прямо там, где лежал, ты превратил его в стрелу Брахмы, которая извергала пламя, подобное пламени смерти. Огненная стрела отшвырнула птицу от меня и стала преследовать ее высоко в небе. Ворон облетел все три мира, отвергнутый своим отцом и мудрецами. Наконец, он попытался найти у тебя прибежище, упав на землю и моля о милости. Хотя он был достоин смерти, ты, о Какутстха, покровитель всего живого, из сострадания пожалел его. Обращаясь к нему, истерзанному и печальному, ты сказал: «Это оружие не может не поразить врага,

поэтому, скажи, как быть?» Ворон отвечал: «Я отдаю свой правый глаз», – и Рамачандра лишил его правого глаза. Почтительно поклонившись Раме, а также царю Дашаратхе, ворон, спасенный этим воином, удалился в свою обитель. О герой, ради меня воспользовавшийся оружием Брахмы даже против ворона, почему ты позволил демону безнаказанно похитить меня? О лучший из людей, будь сострадателен ко мне и возроди в моем сердце надежду. Я знаю о твоей великой энергии, безграничной стойкости, о твоей удивительной силе, неотразимом могуществе вне пределов времени и пространства. Непобедимый и глубокий, как океан, ты, повелитель земли, величием равен самому Васаве! Ты величайший среди лучников, пылкий и мужественный, неужели ты не отправишь своего оружия против демонов? Наги, гандхарвы, боги или маруты – никто не в силах противостоять тебе в битве. Если этот герой сохранил ещё какое-то чувство ко мне, почему до сих пор он не истребил всех демонов своими острыми стрелами? Почему сильный Лакшмана, сокрушающий своих врагов, ещё не освободил меня, покорный воле брата? Если те два тигра среди людей, равные Ваю и Индре, непобедимы для небожителей, почему они равнодушны ко мне? Увы! Должно быть, я повинна в каком-то отвратительном грехе, раз эти герои, повергающие во прах врагов своих, медлят спасти меня несмотря на всё своё могущество! Ваидехи говорила с глазами полными слез. Могучий Хануман отвечал на ее жалобы:

– О возвышенная дева, я клянусь, Рама изменился в лице, печалюсь о тебе. Видя брата, охваченного горем, Лакшмана тоже полон печали, это правда, о богиня. Наконец, я нашел тебя, и потому нет более причин для скорби, скоро ты увидишь гибель своих врагов, о прекрасная. Те два тигра среди людей, два царевича безграничной силы, всем сердцем ища встречи с тобой, обратят миры в пепел. Убив отвратительного Равану и всех его родственников, Рагхава вместе с тобой вернется во дворец. Теперь скажи мне, что я должен сообщить Раме и Лакшману, исполненным доблести, а также знаменитому Сугриве и всем собравшимся обезьянам? – Низко поклонись повелителю мира, – отвечала Сита, – спроси о благополучии этого покровителя людей, сына Каушалы, и пожелай ему от меня процветания. Передай слова приветствия сыну Сумитры, счастливой матери, который отрекся от гирлянд, драгоценных камней, своей возлюбленной супруги, обширных владений, отца и матери, и нежно простившись с ними, последовал за Рамой. Этот добродетельный царевич, в своей преданности пожертвовавший всеми радостями жизни, последовал за братом Какутстхой в лес, присматривая за ним. Великий, мудрый и красивый, широкоплечий, относившийся к Раме как отцу, а ко мне – как к матери, доблестный Лакшмана не знал, что я похищена. Почитающий старших, возвышенный и храбрый, немногословный, самый дорогой сердцу старшего брата и достойный своего тестя, берущийся даже за непосильные дела, чья близость скрасила Раме разлуку с отцом – Лакшмана дороже Раме, чем я. Передай ему поклоны от меня и передай мои слова. Пусть благородный и добродетельный царевич, любимый Рамой, кроткий и чистый, положит конец моим страданиям, о лучший среди обезьян! О вожак обезьян, ты должен приблизить день победы! Пусть Рама, вдохновленный тобой, свершит ради меня невозможное. Вновь и вновь повтори ему от меня такие слова: «Мне осталось жить не более месяца, о сын Дашаратхи! По истечении этого срока я буду мертва. Клянусь, я говорю истину! Освободи меня из рук жестокого и злобного Раваны, о герой, подобно Каушики, освободившемуся из ада! С этими словами Сита сняла жемчужину, некогда украшавшую ей лоб, которая сияла небесным светом, и передала ее Хануману. – Отдай это Рагхаве! – попросила она. Доблестный Хануман взял жемчужину и на его руке она показалась совсем маленькой. Он поклонился Сите и справа налево обошел вокруг нее. Радуюсь, что нашел царевну, Хануман мысленно уже вернулся к Раме и Лакшману. Взяв дорогое и великолепной работы украшение дочери Джанаки, которое она заботливо хранила в своем сари, Хануман, словно ураган, взлетел на вершину горы. Готовый отправиться в обратный путь, он был безмятежен.

Глава 39

Хануман рассеивает страхи Ситы

Отдавая жемчужину Хануману, Сита сказала:

– Рагхава хорошо знает ее. Жемчужина эта сразу напомнит добродетельному Раме троих людей – мою мать, меня и царя Дашаратху. О лучший среди обезьян, порученное дело умножит твой героизм, будь внимателен, прилагая необходимые усилия. Ты способен осуществить его, поэтому думай, какой Раме избрать путь, чтобы положить конец моим страданиям. О Хануман, приложи все свои силы, чтобы спасти меня! – Быть посему! – отвечал безгранично могущественный сын ветра, и, поклонившись Ваидехи, приготовился в путь. Но увидев, что он отправляется, дочь Видехи, задыхаясь от рыданий, сказала:

– О Хануман, передай мои пожелания счастья Раме, Лакшмане, Сугриве, его министрам и всем обезьянам! Чистосердечно поведай им о моем благополучии, о драгоценный камень среди обезьян, – Сугриве, его министрам и всем старейшинам обезьяньего рода. Сделай всё что в твоих силах, помогая Раме вызволить меня из океана бед, поглотившего меня. О Хануман, скажи, чтобы знаменитый Рама освободил меня отсюда, пока я ещё жива, и таким образом вкусил плоды добродетели. Слушая твой рассказ обо мне и мысленно встретившись со мной, сын Дашаратхи, преисполненный доблести, почувствует, что решимость и отвага его возрастут в сотни раз. Героический Рама, услышав от тебя мою мольбу освободить меня, воодушевится явить свою безграничную доблесть. Хануман, сын Маруты, со сложенными ладонями отвечал Сите:

– Скоро Какутстха придет, ведя за собой могучую армию обезьян и медведей, и, одержав верх над врагами в сражении, развеет твою печаль. Я не знаю никого среди смертных, демонов или богов, кто смог устоять перед его стрелами. Он бросит вызов даже богу солнца, Индре или самому Яме в бою, готовый покорить всю землю, омытую океанами, о радость Джанаки! Правдивые, приятные слуху и выразительные слова Ханумана были полны преданности к его повелителю, и Джанаки прониклась ещё большим уважением к этому герою. Он уже готов был покинуть ее, и, глядя на него вновь и вновь, она почтительно обратилась к нему, движимая преданностью своему супругу:

– Если возможно, помедли ещё день, о покоритель врагов! Отдохни в каком-нибудь укромном месте, а завтра отправись в путь! Пока ты здесь, я забываю о своем несчастье, о обезьяна, ты принес мне искру счастья. Но завтра ты уйдешь, о лев среди обезьян, и жизнь моя будет в опасности, пока ты не вернешься, в этом нет сомнений. Одиночество умножит мои муки и под бременем горя, о герой, меня будут терзать сомнения: «Как могущественный царь со всей огромной армией обезьян и медведей, а также как два царевича преодолели бескрайний океан?» Во всех мирах есть только три создания, способные пересечь океан – это Гаруда, ты и Марута! Перед лицом этого непреодолимого препятствия у тебя есть надежды на успех, о самый умелый герой? Конечно, для тебя это не помеха, о разрушитель врагов, но ты один завоеешь славу. Если же Рама вместе со своей армией уничтожит Равану и, освободив меня, вернется в свою столицу, это будет достойный его подвиг. Я уверена, Какутстха преодолет океан, осадит Ланку и освободит меня. Сделай все, чтобы славный воин явил свою безграничную доблесть! Хануман мягко отвечал взволнованной Сите:

– О царевна, повелитель лесных медведей и обезьян, могучий Сугрива твёрдо намерен освободить тебя. Немедля этот покоритель демонов явится сюда во главе миллионов обезьян. Доблестные, сильные и исключительно храбрые обезьяны, быстрые, как мысль, ни на шаг не свернут с пути. Никогда не теряющие мужества, наделенные необычайной силой, они всегда верны зову и воле Сугривы. Выносливые и стойкие, они ни единожды обошли землю со всеми ее горами и морями, идя дорогами ветра. Среди них некоторые равны мне, некоторые превосходят, но во всем обширном окружении Сугривы нет никого, кто уступал бы мне в достоинствах. Если я достиг Ланки, то нет никаких сомнений в том, что и остальные доблестные обезьяны сделают это! С поручениями посылают не самых лучших, а подчиненных. О царевна, у тебя нет причин для беспокойства, довольно горевать. Одним прыжком славные обезьяны достигнут Ланки, а братья, подобные восходя-

щим солнцу и луне, достигнут тебя, сидя на моих плечах. Убив Равану и его орду, Рагхава, радость династии Рагху, заберет тебя, о прекрасная дева, чтобы вместе вернуться в свой столичный город. Поэтому наберись мужества и счастья, верь, придет тот час. Рано или поздно ты увидишь Раму, сияющего, как огонь. Повелитель демонов будет убит вместе с сыновьями, советниками и родственниками, ты вновь встретишься с Рамой, подобно Рохини с богом луны. Скоро ты увидишь конец своих страданий, о божественная Маитхили! У тебя на глазах Равана падет под ударами Рамы! Утешив дочь Видехи, Хануман, сын Маруты, приготовился в путь. – Скоро у ворот Ланки ты увидишь Рагхаву, покорителя врагов, – добавил он, – а также Лакшмана, с луками в руках. Рано или поздно ты увидишь доблестных обезьян, мужественных, как львы и тигры, подобных повелителю слонов, в сражении пускающих в ход острые когти и зубы. О благородная, ты увидишь огромную армию обезьян, похожую на холмы или облака, ревущую на плоскогорьях Малаи и Ланки. Словно слон во власти льва, Рама глубоко ранен острой стрелой бога любви! О богиня, не плачь больше, изгони страх и печаль из сердца. Ты встретишься со своим супругом, о прекрасная, как Сачи встречается с Индрой. Кто может превзойти Раму? Кто равен Саумитри? Эти два брата, подобные ветру и огню, – твоя поддержка. О богиня, недолго тебе осталось жить в этой обители отвратительных демонов. Твой возлюбленный не замедлит явиться сюда, потерпи до моего возвращения!

Глава 40 Хануман покидает Ситу

Сита, подобная дочери богов, многозначительно отвечала великодушному сыну Ваю:

– Как дождь дает созреть зерну, ты оживил мое сердце, о Хануман, своими сладостными словами о моем возлюбленном. Из сострадания ко мне, изнуренной страданиями, сделай все, чтобы я поскорее встретила с тем тигром среди людей. О славная обезьяна, напхни ему, как в гневе травинкой он лишил глаза ворона и как нарисовал тилаку мне на щеке, когда она стерлась у меня на лбу, наверняка он помнит об этом. Скажи: «О доблестный герой, подобный Индре, ты допускаешь похищение Ситы и ее пребывание в плену у демонов? Я сохранила эту небесной красоты жемчужину, украшавшую мой лоб. В глубокой печали я часто смотрела на нее, как если бы это было твое лицо, о безупречный герой! Отдав этот камень, я не проживу долго, находясь во власти горя. Ради тебя, о Рама, я вынесла тяжкие страдания и подверглась опасности со стороны демонов, разрывавших мне сердце! О покоритель врагов, мне осталось жить лишь месяц, по истечении этого срока я расстанусь с жизнью вдали от тебя. Если я узнаю, что ты медлишь придти мне на помощь, я сразу же умру». Видя слезы и скорбь Ваидехи, могущественный Хануман отвечал:

– О богиня, к несчастью, ты недооцениваешь достоинств Рамы, я клянусь, это правда. Я видел Раму, охваченного печалью, и подавленного Лакшмана. Теперь, когда я нашел тебя, более нет причин для скорби! Скоро, скоро ты увидишь гибель своих врагов, о прекрасная царевна! Безгрешные царевичи, лучшие среди людей, стремясь увидеть тебя, обратят Ланку в пепел. Убив Равану в сражении, эти потомки Рагху заберут тебя в свой город, о большеглазая дева! О безупречная дева, теперь ты должна дать мне что-нибудь знаковое Раме, что порадует его душу. – Я уже дала тебе замечательный знак. Увидев этот камень, Рама сразу же поверит каждому твоему слову. Взяв превосходную жемчужину, царевич обезьян склонил голову перед Ситой и решил отправляться в обратный путь. Сита увидела, как могущественный Хануман увеличился в размерах и, полный сил, приготовился к прыжку. Лицо ее тут же стало мокрым от слез, подавляя рыдания, она сказала:

– О Хануман, не забудь передать мои добрые пожелания Раме и Лакшману, которые напоминают двух львов, а также Сугриве и его окружению. Постарайся, чтобы длиннорукый Рагхава освободил меня из океана страданий, пленившего меня. Вернувшись, поведай ему о моей жестокой горестной печали и угрозах демонов! Процветания тебе, о вожак

обезьян! Получив последние наставления Ситы, Хануман, исполнивший поручение и всем сердцем ликующий от радости, мысленно уже достиг северных земель.

Глава 41

Хануман разрушает ашоковую рощу

Хануман расстался с Ситой и подумал о том, что ему ещё осталось сделать, раз он уже нашел темнооковую царевну. Он перебрал в уме три пути достижения успеха – переговоры с врагом, дары и возможность посеять раздоры – и остановился на наказании, что показалось ему наиболее подходящим: «Переговоры с демонами не приведут ни к чему хорошему, – размышлял он, – дары богатым тоже не принесут плода. Опьяненных властью не покорить раздорами. Поэтому мне остается только открыто явить свою доблесть. В сложившихся обстоятельствах никак иначе я не смогу окончательно выяснить силы демонов. Позиции их ослабнут в предстоящем сражении, только если сейчас убить их лучших воинов. Искусный посланник достигает главной цели и осуществляет множество других обязанностей, не подвергая риску основное дело. Неразумно тратить все силы на исполнение не столь важного поручения, но мудр тот, кто малыми усилиями достигает многого. Хотя миссия моя исполнена, всё же, возвращаясь в страну обезьян, я должен узнать силы врага в сражении и тем самым до конца исполнить волю Сугривы. Как же мне поступить, чтобы достичь желаемого? Как вызвать столкновение с демонами и заставить десятиглавого Дашагриву явить свою силу? Встретившись лицом к лицу с Дашагривой в сражении, увидев его советников, армию и колесничего, я без труда разгадаю его намерения и затем покинул Ланку. Я разорю эту прекрасную рощу, напоминающую райские сады Нандана и чарующую взор, полную удивительных деревьев и лиан. Я уничтожу ее, как лесной пожар истребляет сухие деревья, и это приведет Равану в ярость. Царь демонов созовет свою огромную армию, вооруженную трезубцами и железными копьями, вместе с конницей, колесницами и слонами, и завяжется сражение. Всей своей силой я обрушусь на демонов и, разбив воинов Раваны, благополучно вернусь к царю обезьян». С этим намерением Марути, словно свирепая буря, с невероятной силой принялся выкорчевывать лианы и деревья, разламывая их о свои крепкие округлые бедра, под трубные крики обезумевших слонов. Вырванные деревья, разбитые основания, разворочанные верхушки холмов – всё прекрасное пришло в запустение. Деревья и лианы с красноватыми почками засохли, казалось, огонь истребил всю рощу. С разбросанными повсюду цветущими побегами и ветками она напоминала женщину, чьи одежды пришли в беспорядок. Поросшие травой лощины и чарующие беседки превратились в руины, тигры, лани и птицы кричали от страха, величественные строения разрушились, прекрасный сад лишился былой красоты. Хануман разорил рощу, принадлежавшую женщинам из личных покоев монарха, где они обычно предавались развлечениям. Украшенная тенистыми аллеями из деревьев ашока, увитых лианами, она превратилась к груды руин. Желая вызвать гнев могущественного повелителя земли и в одиночку сразиться с многочисленными доблестными демонами, Хануман встал в воротах, пылая, как огонь.

Глава 42

Смерть Кинкаров

Крик птиц и грохот падающих деревьев вызвал ужас среди жителей Ланки. Повсюду бегали обезумевшие звери, летали птицы, появились дурные предзнаменования. Проснулись свирепые на вид демоницы и увидели рощу, разоренную могучей и героической обезьяной. Чтобы испугать их, длиннорукий Хануман, полный энергии, стал увеличиваться в размерах, и демоницы, глядя на него, огромного, как гора, и наделенного невообразимой силой, спросили дочь Джанаки:

– Что это за создание? Откуда оно появилось здесь? Почему он говорил с тобой? Скажи нам, о большеглазая дева, не бойся, о темноокая прекрасная дева. – Демоны могут по желанию менять обличье, как же я распознаю их? – отвечала добродетельная Сита безупречной красоты. – Вам должно быть известно, кто это и откуда! Без сомнений, змеям открыты тайны змеиного хвоста! Я в ужасе, мне неведомо это чудовище. Наверное, это демон изменчивого лика, посетивший Ланку! Демоницы со всех ног бросились бежать, кто-то из них остался, а кто-то поспешил сообщить Раване о том, что огромная обезьяна razорила сад Ашока. – О царь, в саду появилась невероятных размеров и силы обезьяна, которая говорила с Ситой. Мы просили дочь Джанаки с глазами лани сообщить нам, что это за обезьяна, но она ничего не сказала. Возможно, это шпион Индры, Куверы или самого Рамы, который разыскивает Ситу. Эта обезьяна странного облика полностью разрушила твой прекрасный сад, обитель диковинных птиц и животных. Не сохранилось ни клочка земли, уцелело лишь то место, где находилась божественная Джанаки. Может быть, чудовище это оберегало ее или почувствовало усталость. Но оно неутомимо, и потому мы думаем, что оно появилось здесь из-за этой женщины. Великан не тронул дерева ашока, покрытое цветами и прекрасной листвой, в тени которого нашла прибежище Сита. Ты должен сурово воздать этой гигантской твари, беседовавшей с Ситой и razорившей сад Ашока. О повелитель демонов, кто смеет говорить с нею, не боясь твоего отмщения?

Глаза Раваны, повелителя демонов, округлились от ярости, когда слушал демониц, он пылал, как погребальный огонь, слезы гнева покатались из его глаз, словно капли горячего масла из горящего светильника. Могущественный монарх приказал демонам Кинкарам, не уступавшим ему силой, схватить Ханумана, восемь тысяч слуг тут же покинули дворец с кривыми железными ножами и булавами в руках. С огромными животами, точащими зубами, отвратительные с виду, доблестные и полные воинского пыла, все они горели желанием одолеть обезьяну. Приблизившись к Хануману, который стоял в воротах, готовый сражаться, могущественные демоны ринулись на него, словно мотыльки на огонь. Вооруженные палицами всех видов, со стрелами, сияющими как солнце, гарпунами, топорами, копьями, дротиками и пиками они окружили Ханумана и пошли в атаку. Сын Маруты, сильный и мужественный, подобный холму, стал бить и размахивать хвостом, реветь и увеличиваться в размерах. Рев его гремел по всей Ланке. От шума со свистом размахивающегося хвоста и рева Ханумана птицы падали в полете. – Победа могущественному Раме и доблестному Лакшману! – громко провозгласил он. – Победа Сугриве, которому покровительствует Рагхава! Я слуга Рамы, повелителя Кошалы бессмертных подвигов! Я – Хануман, громящий вражеские армии, сын Маруты. Тысяч таких, как Равана, не могут устоять передо мной в сражении, когда я давлю их тысячами деревьев и глыбами скал! У демонов на глазах я разрушу город Ланку и, выразив почтение Маитхили, достигну желанной цели! Грохочущий голос Ханумана привел демонов в ужас, они смотрели на него, возвышавшегося над ними до самых небес, как огромное вечернее облако. Поняв, что обезьяна эта послана своим хозяином, они, послушные приказу повелителя демонов и хорошо вооруженные, со всех сторон напали на него. Оказавшись во вражеском кольце, могущественный Хануман схватил железный брус, стоявший у ворот, и размахнувшись, обрушил его на демонов, напоминая потомка Виниты, несущего бьющуюся змею. Покрепче схватив своё оружие, доблестный герой принялся крушить демонов, легко двигаясь из стороны в сторону, словно тысячеглазый Индра, своей неотразимой молнией разящий Даитьев. Убив всех демонов, героический и могущественный сын Маруты, жажда сражения вновь встал в воротах. Несколько уцелевших демонов сообщили Раване о гибели всех его слуг. Услышав о гибели сонмов демонов, царь с вращающимися от гнева глазами призвал сына Прахасты безмерного мужества, непобедимого в бою.

Глава 43 Хануман сжигает храм

Убив Кинкаров, Хануман подумал: «Я разорил рошу, но не заметил священного храма. Сейчас я разрушу это святилище!» Одним прыжком доблестный сын Маруты достиг храма, высокого как гора Меру, и забрался на его величественную верхушку. Подобный горе вожак обезьян, ослепительно сияя, словно солнце, принялся крушить храм, овеянный славной, словно гора Париятра. Гигантских размеров знаменитый и бесстрашный сын Маруты своим ревом поверг всю Ланку в трепет. Испуганные и оглушенные шумом птицы и стражники храма без чувств попадали наземь. – Победа Раме, искусно владеющему оружием, и мужественному Лакшману! – закричал Хануман. – Победа царю Сугриве, союзнику Рамы! Я Хануман, сокрушитель вражеских армий, сын Маруты и слуга Рамы, царя Кошалы, свершившего бессмертные подвиги! Когда я расшвыриваю деревья и скалы, даже тысяча демонов, подобных Раване не устоят передо мной в сражении. Разрушив город Ланку и выразив почтение дочери царя Митхилы, я исполню свою миссию и отправлюсь в обратный путь.

Громадный вожак обезьян произнес эти слова, возвышаясь на крыше величественного храма. Его рев и производимый шум вселяли ужас в сердца демонов. На шум из храма вышли сотни храмовых стражников с оружием на перевес, дротиками, кривыми турецкими саблями, стрелами и топорами. Окружив Марути, они обрушились на него, размахивая палицами, отделанными золотом. Сонмы демонов, налетевшие на великую обезьяну тысячами сверкающих как солнце стрел, походили на водоворот в Ганге. Сын Маруты, могущественный Хануман, приняв устрашающий облик, вырвав из храма огромную колонну, отделанную золотом, которая сияла сотней лучей, стал с величайшей силой вращать ею, извлекая из нее огонь, который охватил весь храм. Увидев, что храм горит, вожак обезьян быстро разделался с сотнями демонов, словно Индра, молнией разящий демонов. Застыв в небесах, он торжественно прокричал:

– Тысячи вожаков обезьян, подобные мне, доблестные и сильные, по приказу Сугривы обошли всю землю. Среди них одни обладают силой слонов, другие в десять раз сильнее, а третьи – в тысячу. Одни сильны, как стадо слонов, другие – как ветер, а некоторые наделены неизмеримой силой. Такие обезьян, вооруженные зубами и острыми когтями, сотнями, тысячами и миллионами придут вместе с Сугривой истребить всех вас. Ни город Ланка, никто из вас, ни Равана не смогут уцелеть, поскольку вы навлекли на себя гнев героя в династии Икшваку!

Глава 44 Гибель Джамбумалина

По приказу царя демонов с луком в руках вперед выступил Джамбумалин, доблестный сын Прахасты с огромными зубами. С гирляндой на шее, в красных одеждах, с короной на голове и алмазными кольцами в ушах, непобедимый воин огромного роста, свирепо вращая глазами, нес свой громадный лук и сияющие стрелы. Каждый шаг этого воина, равного Индре, сопровождался грохотом, напоминающим раскаты грома. Небеса и четыре стороны света в один миг огласились звуком тетивы, которую он натянул на своем луке. Видя, как он приближается на колеснице, запряженной ослими, Хануман величайшей силы издал победный клич. Могущественный Джамбумалин пронзил врага своими острыми стрелами: лицо вожака обезьян он изранил серповидными стрелами, голову – одной стрелой с опереньем, а руки – десятью с железными наконечниками. Медно-красное израненное лицо Ханумана сияло как осеннее облако, озаренное лучами солнца. Покрытый ярко-красными пятнами крови он напоминал красный лотос в небе, окропленный каплями золота. Вражеские стрелы разгневали могущественную обезьяну и, увидев поблизости огромную скалу, Хануман поднял ее и с силой швырнул в своего противника, который в ответ выпустил десять стрел. Увидев тщетность своих усилий, Хануман в ярости вырвал могуче дерево шала и стал бешено вращать им в воздухе, и тогда могущественный Джамбумалин выпустил бесчисленные стрелы: четыремя он разнес на куски дерево шала, пя-

тью ранил руки великого героя, одной – живот и десятью – грудь. Весь пронзенный стрелами, во власти неистового гнева Хануман схватил булаву и с огромной силой швырнул ее в могучую грудь своего противника. Через мгновение уже невозможно было различить его голову, руки, бедра, лук, колесницу, коней или стрелы – Джамбумалин, могучий воин на колеснице, рухнул наземь, словно срубленный дуб, члены его и украшения были разбиты. Услышав о смерти Джамбумалина и могущественных Кинкаров, Равана воспылал неистовым гневом. Яростно вращая глазами, повелитель демонов отдал приказ идти в атаку сыновьям своих министров, отличавшихся необычайной доблестью и силой.

Глава 45

Хануман убивает сыновей царских министров

Семь храбрых сынов министров Раваны, послушные воле своего государя, величественные, как огонь, выступили из дворца. Сопровождаемые огромной армией, вооруженные луками, сильные и искусно владеющие оружием, это были лучшие воины Раваны, и каждый из них жаждал победы. Возвышаясь на огромных колесницах, запряженных конями, отделанных золотом и украшенных стягами, они мчались, грохоча, как раскаты грома. Несравненного мужества воины, они выступили вперед, натягивая свои луки, отделанные золотом, напоминая вспышки молнии среди облаков. Их матери, зная о смерти кинкаров, пребывали в беспокойстве, также как их друзья и родственники. Вдохновляя друг друга, облаченные в золотые доспехи, они ринулись на Ханумана, который стоял прямо у ворот. Из своих грохочущих колесниц они выпускали бесчисленные стрелы, словно облака в период дождей. Ханумана не было видно за этим потоком стрел, как царя гор, сокрытого дождем. Хануман искусно уклонялся от их стрел и быстро двигавшихся колесниц, извиваясь в воздухе и напоминая Индру, развлекающегося с облаками, своими лучниками. Издав могучий клич, ужаснувший сонмы демонов, доблестный герой прыгнул на них. Сокрушая врагов, Хануман бил их ладонями и ногами. Одних награждал кулаками, других рвал зубами, третьих валил грудью и бедрами, а остальные падали наземь, сраженные силой его голоса. Вскоре воины мертвыми лежали на поле сражения, оставшая армия в ужасе разбежалась во все стороны. Слоны ревели, повсюду валялись убитые кони. Земля была покрыта обломками колесниц, знамен, седел и пологов. По улицам текли реки крови, Ланку оглашали устрашающие крики. Расправившись с могущественными демонами, героический и мужественный Хануман, горя желанием померяться силами с демонами, снова встал в воротах.

Глава 46

Гибель пяти генералов вражеской армии

Известие о смерти храбрых сыновей министров, павших под ударами великой обезьяны, потрясла Равану. С потемневшим лицом, скрывая обуявший его страх, он принял решение, которое считал окончательным. Дашагрива повелел генералам, возглавлявшим его многочисленные воинские силы – Вирупакше, Юпакше, Дурдхарше, Прагхасе и Басакарне – которые владели стратегией боя, были быстрыми, как ветер, храбрыми и искусными воинами, пленить Ханумана. – Доблестные генералы, – обратился к ним Равана, – возглавьте пять отрядов на быстрых конях, колесницах и слонах и возьмите эту обезьяну в плен. Приблизившись к ней, будьте осмотрительны, действуйте согласно времени и месту. Судя по ее поведению, это вовсе не обезьяна, потому что враг наш необычайно доблестен и силен. Я думаю, это какое-то божественное создание, не обезьяна. Возможно, он посланец, созданный аскезами Индры, чтобы погубить нас. Послушно исполняя мои приказы, вы одержали блестящие победы над нагами, якшами, гандхарвами, девами, асурами и великими риши. Несомненно, они задумали какой-то коварный план против нас, поэтому схватите этого посланца. О генералы, пусть каждый из вас выведет на поле сражение

огромные воинские силы на конях, колесницах и слонах, чтобы взять его в плен. Прежде я видел обезьян, наделенных непомерной силой, таких как Бали, Сугрива, необыкновенно могущественный Джамбаван, генерал Нила и другие, такие как Двивида, но ни походкой, ни силой, ни доблестью, ни разумом, ни поведением или способностью принимать любой облик они не внушают тревоги. Однако мы имеем дело с каким-то великим созданием, которое выдает себя за обезьяну. Хотя все три мира вместе с Индрой, богами, демонами и людьми не могут противостоять вам в сражении, потребуется немало сил, чтобы одолеть его. Тем не менее даже закаленный воин, стяжая победу на поле брани не спасет свою жизнь, не прилагая усилий, потому что исход сражения неизвестен. Послушные воле своего повелителя, доблестные демоны, сверкающие как огонь, поспешно выступили вперед, сопровождаемые хорошо вооруженными воинами на колесницах, запряженных быстрыми конями, и слонах, опьяненных соком мада. Наконец, эти воины увидели в воротах могущественную обезьяну, сиявшую как солнце, поднимающееся из-за горизонта в ореоле ослепительных лучей. Противник их обладал непомерной силой и быстротой движений, был очень разумен и храбр, у него были огромные руки и крупная фигура. Несмотря на страх, который его облик внушал им, демоны со всех сторон напали на него со своим смертоносным оружием. Дурдхарша выпустил Хануману в лоб пять острых железных белых и желтых стрел, сверкавших как лепестки лотоса. Раненный Хануман подпрыгнул в воздухе, огласив десять сторон света своим криком. Тогда Дурдхарша, стоя в своей колеснице, снова натянул лук и выпустил сразу сто стрел, но Хануман, словно ветер, гонящий облака, остановил их, затмивших небо, и избавился от нанесенной раны. Потомок ветра увеличился в размерах и с громким ревом одним прыжком внезапно напал на колесницу Дурдхарши, словно молния, ударившая в гору. Кони его упали искалеченными, столб и копьё сломались, а сам генерал мертвым лежал на земле. Увидев сраженного Дурдхаршу, Вирупакша и Юпакша в великом гневе набросились на Ханумана, нанося ему удары своими палицами, бия в грудь длиннорукого воина, возвышавшегося над ними. Встречая их удары и уклоняясь от стрел, могущественный Хануман, сын Анилы, внезапно ринулся вниз, подобно коршуну. Вырвав огромное дерево шала, он яростно напал тех двух демонов, осыпая их ударами. Потомок бога ветра убил двух могучий и героических генералов Раваны. Услышав о гибели трех демонов от руки обезьяны, необыкновенно быстрый и мужественный Прагхаса набросился на врага, презрительно хохоча. Отчаянно смелый и разъяренный Басакарна с копьем в руках напал на Ханумана с другой стороны. Прагхаса острым топором, а Басакарна копьем ранили в кровь этого льва среди обезьян, члены его были истерзаны их разящим оружием. Разгневанная героическая обезьяна походила в эти мгновенья на восходящее солнце. Сорвав вершину горы вместе с ее зверями, змеями и деревьями, великий Хануман обрушил ее на головы демонов и растер их в пыль. Расправившись с пятью генералами, он разметал остальные сонмы врагов. Подобно Индре, истреблявшему демонов, Хануман сталкивал коней с конями, слонов со слонами, колесницы с колесницами, и воинов с воинами, неся смерть каждому. Вся земля и дороги были запружены телами коней, слонов, демонов, огромными разбитыми колесницами со сломанными осями. Разбив героических генералов и все их силы, Хануман, словно само время, приостановив разрушение миров, занял своё[[Jd1](#)] место в воротах.

Глава 47 Смерть Акши

Узнав, что Хануман разбил пять генералов и все их силы, царь демонов с надеждой посмотрел на юного Акшу, полного воинского пыла, который сидел перед ним. Нетерпеливый воин, вооруженный луком, отделанным золотом, весь напрягся в ответ, словно вспыхнувшее на жертвоприношении пламя, когда великие мудрецы вливают в него топленое масло. Он взошел на колесницу, которую обрел в награду за совершенное жертвоприношение, отделанную чистым золотом, украшенную флагами, расшитыми жемчугом,

и запряженную восьмеркой быстрых, как мысль, коней. Непобедимая для богов и демонов, преодолевающая любые обстоятельства, пылающая как молния, великолепной работы, странствующая в просторах космоса, снабженная колчанами, стрелами, восемью мечами, копьями и дротиками, приготовленными в боевом порядке, обвязанная золотыми веревками, колесница Акши сверкала многочисленным оружием. Украшенная золотыми гирляндами, сиянием она соперничала с солнцем и луной. Топот коней, слонов и великих колесниц Акши заполнил небосвод, землю и горы. Во главе несметных сил демон ринулся на обезьяну, стоявшую в воротах. Представ перед врагом, Акша львиным взором, полным уважения и восторга, измерил Ханумана, готового истребить всё живое во вселенной, словно огонь в час уничтожения миров. Могучий сын Раваны, оценив исключительную доблесть обезьяны в битве с врагами и собственные силы, раздулся от гордости, напоминая солнце перед гибелью вселенной. Собрав всё своё мужество, разгневанный, он твёрдо занял свое положение на поле битвы и, сосредоточившись, бросил вызов невообразимо доблестному Хануману, непобедимому в сражении, выпустив в него три стрелы. Наблюдая за отчаянно смелой обезьяной, не ведающей усталости, Акша, привыкший побеждать врагов, гордый, поднял свой лук и приготовил стрелы. Сверкая золотым поясом и браслетами, в чудесных серьгах с великим воинским пылом Акша бросился на обезьяну. Завязалась ужасная битва, которой не видел еще мир, сковавшая ужасом сердца богов и демонов. Видя битву обезьяны и молодого демона, земля стонала, солнце более не согревало мир своими теплыми лучами, ветер стих, горы дрожали. Небосвод гудел, а океан содрогался. Юный герой, всегда достигавший желаемого, нацелился и выпустил обезьяне в лоб три острых крылатых стрелы, отделанных золотом и напоминающих ядовитых змей. Раненный вонзившимися смертоносными стрелами Хануман, чьи глаза ослепли от потока крови, хлынувшей из рассечённой брови, походил на восходящее солнце. Доблестный советник повелителя обезьян смотрел на потомка великого монарха, поднявшего великолепный сверкающий лук, и ликуя, со всей силы бросился вперед. Хануман напоминал солнце в ореоле лучей, восходящее над вершиной горы Мандара. Пылая гневом, полный сил, он испепелял свирепым взглядом юного Акшу и его воинские силы. Подняв лук, как у Индры, демон обрушил на врага могучий поток разящих стрел, словно облако, обильно поливающее дождями величественную гору. Хануман, не сводя глаз с юного Акши, полный гнева, доблести и силы, издал громкий клич и, словно слон, приблизившийся к яму, сокрытой в траве. Юный и неопытный Акша, гордый своей доблестью, еле сдерживая ярость приблизился к несравненному воину. Хануман, раненый стрелами, издал громкий рев, словно грозное облако, и, став огромный, как гора, полный сил и энергии стал размахивать руками и ногами, поднимая вихрь. Подпрыгнув в воздухе, доблестный демон, посылая потоки стрел, сам бросился на Ханумана. Лучший среди демонов, искусный в бою, величайший воин на колеснице, мужественный Акша, осыпал врага градом стрел. Ловко уклоняясь от этих стрел, героическая обезьяна с быстротой ветра и мысли стала удаляться, не касаясь земли. Бросая гордые взгляды на Акшу, вооруженного луком и стрелами, жаждущего сражения и заполонившего небо тучами стрел, потомок ветра задумался. Из его груди, растерзанной стрелами юного и могущественного героя, вырвался грозный крик. Узнав искусного Акшу и взвешивая его воинские достоинства, Хануман подумал: «Этот великий и могущественный воин, сияющий, как сын солнца, славен подвигами, которые не по силам юнцу. Мне не хочется убивать противника, не уступающего мне в воинском искусстве. Он благороден, полон отваги, сосредоточен и вынослив, он достоин уважения великих мудрецов, нагов и якшей. Его сила и мужество дают ему благородную твёрдость. Стоя передо мной, он честно и прямо смотрит мне в глаза. Поистине, героизм этого отчаянно смелого воина вызовет трепет даже в сердцах богов и самих демонов. Такой противник недостоин презрения, доблесть его растет в бою. Если я недооценю, он победит меня, и потому я должен убить его. Нельзя пренебрегать распространяющимся огнем». Мысленно взвесив силы врага и свои собственные, могущественный Хануман безмерной силы решил убить противника. Доблестная обезьяна, рожденная Пава-

ной, летая в небе, одной ладонью сразила восемь превосходных коней Акши, крупных и выносливых в бою. Громадная колесница перевернулась от удара советника царя обезьян, ось ее сломалась крепления порвались, убитые кони с небес упали наземь.

Сойдя с колесницы с луком и мечом в руках юный воин, сын Раваны, подпрыгнул в воздух, словно аскет, ценой своих аскез вознесшийся на небеса в момент смерти. Поднявшись в небеса, обитель царя птиц, ветра и небожителей, Хануман, одним прыжком схватил Акшу за ноги, словно Гаруда, несущий змею, и с силой, не уступающей силе ветра, его отца, раскрутил и швырнул наземь. С разбитыми руками, бедрами и грудью, они истекал кровью. Его кости и глаза разлетелись в разные стороны, кости расчленились, сухожилия разорвались. Сын Раваны был мертв, сраженный потомком Маруты. Затем могущественная обезьяна принялась топтать ногами своих противников, вызывая ужас в сердце повелителя демонов. Собрались все риши, чакрачары, бхуты, якши, паннаги и суры во главе с Индрой, пристально и с изумлением взирая на Ханумана, повергшего юного демона. Сын ветра, чьи глаза горели от потоков крови, пролитой на поле сражения, вновь вернулся к воротам и замер в ожидании, напоминая саму смерть во время уничтожения всего живого во вселенной.

Глава 48

Хануман позволяет демонам пленить себя

Скрывая волнение, разгневанный Равана, поряженный гибелью юного Акши, повелел Индражиту, подобному богам, выйти на поле сражения:

– Ты лучший среди носящих оружие, в битве разящий даже богов и демонов. Ты известен среди воинов, милостью Брахмы обретя божественное оружие. Ты непобедим даже в сражении с Марутами, возглавляемыми Индрой. Нет в трех мирах такого неутомимого воина, как ты. Тебя хранят сила твоих рук и доблесть. Умело использующий время и обстоятельство, искусный воин, для тебя нет ничего невозможного на поле боя, ты можешь предусмотреть каждую мелочь. Все три мира знают о твоём аскетизме, в котором ты не уступаешь мне, а также о твоей доблести и силе твоих рук в сражении. Полагаясь на тебя, я не беспокоюсь об исходе борьбы.

ПО правде говоря, я не возлагал больших надежд на тех, кто побежден, но в тебя я верю, о сокрушитель своих врагов. Я не особенно полагался на кинкаров или Джамбумалина, сына моего советника, на пять генералов, выступивших во главе пяти огромных армий на конях, слонах и колесницах, или на юного и дорогого моему сердцу Акшу, убитого обезьяной. О герой, ты несомненно превосходишь их всех, и поэтому, рассчитай силы и поскорее предприми что-то во избежание гибели всей нашей армии. О лучший среди носящих оружие, оцени свою доблесть и храбрость противника, который спокойно отдыхает после кровавого избиения сонмов врагов, и уничтожь его. Огромные воинские силы бежали от него, безоружного, и потому бесполезно брать с собой армию. Марути неудержим и быстр, как Агни, никакое оружие не берет его. Обдумай все это и, веря в божественную силу своего лука, всецело стремясь к успеху, постарайся превзойти своего врага, умело отражая его атаки. Я не намерен рисковать тобой, о лучший среди обладающих разумом, но воины приветствуют подобные решения царя, изреченные из чувства долга. На войне нужно хорошо знать традиции и воинскую науку, чтобы выйти из нее с победой. Вняв отцовской воле, доблестный, как сын Дакши, Индражит, обошел вокруг него и, полный воинского пыла, приготовился к бою. Окруженный любовью и уважением своих ближайших спутников, он выступил навстречу врагу. Сияющий сын царя демонов, чьи глаза напоминали лепестки лотоса, стремительно мчался вперед, словно океан в полнолуние. Необычайно доблестный Индражит, равный Индре, возвышался на своей колеснице, быстрой как птица или ветер, запряженной четырьмя львами, сверкавшими ослепительно белыми зубами. Искусный стрелок, владеющий любым оружием, лучший среди воинов, спешил туда, где ждал его Хануман. Услышав грохот колес и звон натягиваемой тетивы, великий

герой почувствовал прилив сил. Индраджит, в совершенстве владевший искусством ведения войны, бросился к Хануману, крепко сжимая в руках лук и со стальными наконечниками стрелы. С каждым мгновением, вооруженный и беспечный, он становился все ближе и ближе, и все стороны света погрузились во тьму, оглашенные ужасающим воем шакалов. В небесах собрались наги, якши, махариши, чакрачары и сиддхи, пронзительно кричали птицы. Глядя на несущуюся на него колесницу с развевающимся флагом Индры, Хануман издал громкий крик и стал увеличиваться в размерах. Индраджит, стоя в божественной колеснице, убрал за спину свой чудесный лук и тоже издал воинский клич, подобный раскатам грома. Через мгновение завязалась битва меж обезьяной и сыном царя демонов, двумя могущественными героями, словно бились Индра, царь небес, с Бали, повелителем демоном. Пренебрегая опасностью, они начали сражаться. Хануман отразил стремительный натиск армии доблестного стрелка, а превосходный воин, не покидая великолепной колесницы, с необычайной ловкостью выпускал в воздух мириады стрел. Затем героический Индраджит, сокрушитель врагов, одну за другой стал выпускать свои длинные, с чудесным оперением и острыми золотыми наконечниками стрелы, быстрые, как молния. Слыша грохот колесницы, удары барабанов, сливающиеся со звуком натягиваемого лука, Хануман стал прыгать то в одну сторону, то в другую. Могущественная и ловкая обезьяна искусно увертывалась от потока стрел целившегося в нее проворного лучника. Вытягивая руки, Хануман, сын Анилы, подпрыгивал в воздух, уклоняясь от выпущенного в него оружия. Сражение двух искусных и решительных воинов, необычайно подвижных и опытных в военном искусстве, изумляя все живое. Как демону не удавалось застать Ханумана врасплох, так и Марути не мог превзойти Индраджита, когда они с силой набрасывались друг на друга, являя мужество, достойное богов. Видя противника своего целым и невредимым, хотя стрелы его никогда не знали промаха, Индраджит, не теряя самообладания, глубоко задумался о Ханумане и понял, что его невозможно убить. Искусный воин, тогда он принялся размышлять о том, как крепко связать его, и с силой выпустил в знаменитую обезьяну могущественное оружие, дарованное ему Брахмой. Чувствуя, что не сможет убить Ханумана, опытный в стратегии Индраджит с помощью этого оружия связал потомка бога ветра. Хануман, сраженный оружием Брахмы, которое выпустил демон, без чувств упал на землю. Но зная, что держит его стрела Господа, он не почувствовал ни малейшей боли. Утратив свою силу, он размышлял о благословениях Брахмы. Героический Марути вспоминал о благословениях, дарованных ему Брахмой, и, размышляя о связавшем его оружии саморожденного, освященном мантрами, подумал: «Мне не следует искать освобождения от могущественного оружия гуру мира. Он предопределил мое поражение, и мне должно его стерпеть». Поразмыслив об этом оружии и явленном ему сострадании Праотца мира, а также о возможности освободиться, Хануман решил покориться воле Брахмы. « Даже крепко связанный этим оружием, – думал он, – я не испытываю страха. Прародитель мира, Махендра и Анила будут покровительствовать мне. В действительности я нахожу полезным отдать себя в руки демонов и таким образом лицом к лицу встретиться с их великим царем. И поэтому пусть враги мои пленят меня!» С таким намерением этот сокрушитель врагов, насторожившись, неподвижно лежал на земле. Безжалостно связанный демонами, он отвечал на их угрозы и оскорбления львиным рыком. Видя, что великий воин лежит без движения, демоны связали его кручеными веревками из пеньки и лыка, и Хануман с готовностью позволил им сделать это. Все оскорбления демонов он терпел, потому что ему любопытно было побеседовать с повелителем демонов. Лишь только веревки коснулись его тела, оружие Брахмы потеряло над ним свою власть. Видя связанного лыком Ханумана, доблестный Индраджит понял, что противник его освободился от могущественного оружия, и, размышляя, вслух проговорил:

– Увы, эти демоны, не ведая о силе мантр, без нужды обезвредили оружие Брахмы и превратили мой подвиг в ничто. Все мы оказались в очень затруднительном положении, потому что это оружие невозможно использовать дважды. Ни единым вздохом Хануман не выдавал своего освобождения от оружия Брахмы. Несмотря на страдания, причиняе-

мые теснившими его веревками, он по собственной воле стал предметом нападков и издевательств жестоких демонов, которые били его кулаками и тащили к Раване. Свободного от оружия Брахмы, но связанного пеньковыми веревками могущественного героя Индраджит у всех на глазах тащил представить Раване и его министрам. Демоны рассказали своему царю все, что могли, о славной обезьяне, которая напоминала связанного бешеного слона. Глядя на могучего пленника, демоны-воины изумлялись:

– Кто это? Кто послал его? Откуда он пришел и с какой целью? Кто поддерживает его?

А другие гневно кричали:

– Убить его! Сжечь! Разорвать его!

На некотором расстоянии Хануман увидел старших советников и слуг, которые сидели у ног своего государя. С восхищением осматривал он дворец, сверкавший драгоценными камнями. Могущественный Равана устремил пристальный взор на славного героя, которого отвратительные демоны таскали из стороны в сторону, и Хануман не сводил глаз с повелителя демонов, своим могуществом и славой подобного пылающему солнцу. Глядя на Ханумана, десятиглавый царь повелел своим высокородным главным министрам, которые почтительно стояли перед ним, допросить обезьяну. Отвечая, с какой целью он посетил Ланку, Хануман сказал:

– Я посланник царя Сугривы.

Глава 49

Изумление Ханумана при виде Раваны

Хануман размышлял о подвигах царя демонов беспримерной доблести, с изумлением взирая на его красные от гнева глаза. Редкое и ослепительное золото сверкало на нем, голову украшал роскошный венец, усыпанный жемчугом, на груди и руках были превосходные украшения из бриллиантов и драгоценных камней, созданные силой мысли. Облаченный в дорогой лен, расписанный красным сандалом и пестрыми эмблемами, он казался великолепным с его красноватыми глазами, свирепым взглядом, сверкающими острыми зубами и толстыми губами. Блистательный десятиглавый повелитель великой силы напомнил Хануману гору Мандару, вершины которой кишат многочисленными змеями, или грудю голубой сурьмы. Нити жемчуга слегка поблескивали у него на груди, лицо сияло, как полная луна, он казался облаком, озаренным первыми лучами солнца. Две его огромные руки, унизанные браслетами сверкающими кольцами, были умашены сандалом и напоминали двух пятиглавых змеев. Он восседал на великолепном и чудесно инкрустированном горным хрусталем троне, усыпанном драгоценными камнями и покрытом богатыми тканями. Его окружали молодые женщины в пышных одеждах с опахалами в руках. Гордому своим могуществом царю служили четыре советника из рода демонов, постигшие секрет хорошего совета, – Дурдхара, Прахаста, демон Махапаршва и советник Никумбха, которые сидели поодаль от своего царя, подобно четырем океанам, омывающим землю. Другие опытные министры, неизменные царские доброжелатели, также служили ему, словно боги – правителю своему Индре. Хануман пристально всматривался в повелителя демонов, утопавшего в роскоши, словно гора Меру, окутанная грозowymi облаками. Терпеливо снося все страдания от рук доблестных демонов, Хануман искренне изумлялся, глядя на лучезарного повелителя демонов. Слепленный его великолепием, размышлял: «Какая роскошь, какое могущество, слава и величие! Ни в чем нет недостатка! Если бы не пороки, этот могущественный царь демонов мог бы покровительствовать небесам и самому Индре. Но его жестокость у всех вызывает отвращение и становится наказанием миру, как для богов, так и для демонов. В гневе он может превратить океан в сушу!» Неизмеримая доблесть и сила царя демонов вызвала в голове дальновидной обезьяны самые разнообразные мысли.

Глава 50

Демоны допрашивают Ханумана

Увидев перед собой рыжевато-коричневую обезьяну, могучерукий Равана, внушающий ужас всему живому, почувствовал неистовый гнев. Однако ослепительное сияние, исходившее от его могучего пленника, вызвало в нем опасение. «Может быть, это благословенный Нанди пришел на Ланку, – подумал Равана, – который проклял меня на горе Кайласа, не вытерпев моих насмешек? Или, возможно, это Вана, сын Бали, принявший облик обезьяны». С красными от гнева глазами Равана своевременно и доверительно обратился к Прахасте, лучшему своему советнику:

– Допроси этого своенравного негодяя, откуда он пришел, с какой целью разорил ашоковую рощу и почему убил демонов? Для чего он проник в нашу неприступную крепость и почему напал на моих слуг? Пусть этот мерзавец ответит на наши вопросы! Повинуясь Раване, Прахаста сказал Хануману:

– О храбрый герой, тебе неведом страх! Скажи откровенно, может быть, Индра послал тебя в обитель Раваны? Не беспокойся, ты будешь свободен! Поведай нам, по приказу ли Ваишраваны, Ямы или Варуны ты проник в наш город, изменив свой истинный облик, или тебя послал Вишну, жаждущий победы? Твой облик говорит о том, что ты – обезьяна, но не твоя доблесть. Раскрой нам истину, о обезьяна, и ты вновь обретешь свободу, но за ложь ты заплатишь жизнью! Поведай же, для чего ты проник в обитель Раваны! Славный Хануман отвечал повелителю демонов:

– Я не от Шакры, Ямы или Варуны, я далек от Куверы. Не Вишну послал меня. Я действительно обезьяна и пришел сюда увидеть повелителя демонов. Ради этого я разорил рощу. Чтобы сохранить жизнь, я сразился с доблестными демонами, представшими предо мной. Меня не покорить ни оружием, ни цепями, будь то даже боги или демоны, потому что я обрел милость самого Праотца мира. Только чтобы увидеть царя, я поддался оружию Брахмы. Неподвластный этому оружию, я позволил демонам пленить себя во исполнения дальнейшего замысла Рамы, ради чего я и проник в царскую обитель. Знай, что я – посланец Рагхавы, чье могущество беспредельно, и услышь слова, которые я изреку тебе на благо, о повелитель.

Глава 51

Речь Ханумана

Видя могущество десятиглавого Раваны, Марути бесстрашно обратился к нему с мудрыми и прозорливыми словами:

– Я пришел сюда по приказу Сугривы, о повелитель демонов! Этот царь обезьян, как брат, приветствует тебя. Внемли совету брата, великодушного Сугривы, слова его в согласии с законом справедливости и полезны как в этом мире, так и в следующем. Царь Дашаратха, обладатель бесчисленных колесниц, слонов и коней, великолепием равный Индре, был другом всем и отцом для своих подданных. Его старший сын, которым отец дорожил более остальных, покорный его воле удалился в лес Дандака вместе с младшим братом Лакшманой и супругой Ситой. Имя его Рама, он необыкновенно храбр и вынослив, следуя пути добродетели. Сита, верная супруга Рамы, знаменитая дочь великодушного Джанаки, царя Видехи, исчезла в лесу Джанастан. В поисках царевны царский сын вместе со своим младшим братом пришел к горе Ришьямуке и повстречался с Сугривой. Царь обезьян обещал найти Ситу, и Рама согласился помочь ему отвоевать царство обезьян. Убив Бали в сражении, царский сын возвел на трон Сугриву, как повелителя всех медведей и обезьян. Бали, известный тебе тур среди обезьян, пал в бою, сраженный одной стрелой Рамы, после чего повелитель обезьян Сугрива, верный своим обетам, по всей земле разослал своих подданных на поиски Ситы. Сотни, тысячи и миллионы обезьян побывали во всех уголках земли, обыскали все вершины и низины, даже поднялись на небеса. Одни из них напоми-

нали Вайнатею, другие – ветер. Неутомимые обезьяны направлялись то в одну сторону, то в другую, и никакая сила не могла их остановить. Меня зовут Хануман, я – любимый сын Маруты. В поисках Ситы я преодолел четыреста миль над морем. Бродя по твоему дворцу, я обнаружил дочь Джанаки. Не пристало тебе, постигшему законы морали и славному своими аскезами, похищать чужую жену, о выдающийся и прозорливый повелитель. Разумные созданыя, подобные тебе, не преступают закона праведности, что сулит гибель! Кто среди богов или демонов устоит перед стрелами разгневанного Лакшмана или Рагхавы? Более того, в трех мирах не найти безнаказанного оскорбителя Рама. Если ты идешь путем долга и ищешь пользы, внемли моему совету, сулящему тебе благо в прошлом, настоящем и будущем, и верни Джанаки Рама, этому льву среди людей! Я видел Ситу и совершил невозможное, остальное же исполнит Рама. Я увидел ее в твоей обители, охваченную горем и страдающую. Ты, как видно, не сознаешь, что пригрел в своем доме пятиглавую змею. Она подобна отравленной пище, которую не переварят ни боги, ни демоны. Не достойно тебя превращать в прах то, что обретают ценой крайнего унижения, жертвуя долголетием и процветанием. Ты полагаешь, что благодаря совершенным аскезам обрел бессмертие, и не страшишься ни богов, ни демонов. Но Сугрива не бог, не бессмертный и не демон. Рагхава, о царь, смертен, так же как и Сугрива, повелитель обезьян, и поэтому как же ты спасешь свою жизнь? Плоды добродетели не сочетаются с пороком, так же как справедливость с беззаконием. До сегодняшнего дня ты срывал плоды своих заслуг, но скоро ты вкусишь плоды своих злодеяний. Услышь о разрушении Джанастанхана, смерти Бали и союзе Рама и Сугривы. Подумай об этом ради собственного блага. Несомненно я один могу разрушить всю Ланку вместе с ее конями, колесницами и слонами, но я еще не получил такого приказа. В присутствии тысяч обезьян и медведей Рама поклялся убить своих врагов, похитивших Ситу. Причинив вред Рама, даже Индра не может жить спокойно, не то что ты, ничтожное созданые. Известная тебе Сита, пребывающая в твоей обители – это ночь смерти, которая покончит с тобой и всей Ланкой. Остерегайся одевать на шею петлю смерти в форме Ситы. Подумай, как тебе спастись. Скоро ты увидишь, как этот чудесный город со всеми его дворцами и дорогами превратится в руины могуществом Ситы, гнев Рама испепелит его. Не обрекай друзей своих, министров, родственников, братьев, сыновей, слуг, жен и всю Ланку такой участи. О Индра среди демонов, внемли хорошему совету этой обезьяны, слуги и посланника Рама.

Уничтожив все миры с их движущимися и неподвижными обитателями, знаменитый Рагхава может вновь воссоздать их. Среди богов, демонов, якшей, данавов, нагов, видьядхаров, гандхарвов, диких зверей, сиддхов, киннеров или птиц никогда и нигде не найдет ты того, кто выстоял бы перед Рама, добродетелью равного Вишну. Поскольку ты оскорбил этого льва среди царей, Рама, ты заплатишь за это жизнью! Девы, даиты, гандхарвы, видьядхары, наги и якши не в силах противостоять в сражении Рама, покровителю трех миров, о царь демонов! Даже будь то четырехглавый Брахма, сам Сваямбху, или трехглазый Рудра, разрушитель Трипура, или могущественный Индра, царь богов – никто не устоит перед Рагхавой в бою. Слушая обидную, но великолепную речь дерзкой и бесстрашной обезьяны, десятиглавый монарх демонов с вращающимися от гнева глазами приказал предать ее смерти.

Глава 52 Вибхишана просит за Ханумана

Слова благородного посланника привели Равану в ярость и он по своей порочности повелел убить его. Однако приказ этот не встретил одобрения Вибишаны, брата Раваны. Зная, что повелитель демонов охвачен гневом и волнуется об исходе событий, этот царевич, верный закону справедливости, стал размышлять, как поступить в сложившейся ситуации и, приняв решение, обратился к своему царствующему старшему брату с поистине кроткими и правдивыми словами:

– О царь демонов, укроти свой гнев и спокойно выслушай меня, яви свою милость. Праведные монархи, зная о законе действий и их последствий, не лишают посланника жизни. О доблестный царь, приказ убить эту обезьяну претит справедливости, сложившимся обычаям и недостоин тебя. Ты сведущ в морали, верен долгу, видишь разницу меж достойным и низким, исполняешь возложенные на тебя царские обязанности и сознаешь конечную цель жизни. Если мудрец, подобный тебе, оказывается во власти гнева, то все его изучение писаний лишь терзает плоть. Успокойся же, о покоритель врагов, о непобедимый государь демонов, и подумай, как достойно и справедливо наказать врага. – О сокрушитель врагов, – в неистовом гневе отвечал Равана, – нет греха в том, чтобы убить зло творящего, и поэтому я покончу с этим источником беззакония. Вибхишана, мудрейший среди мудрых, со всей прямоотой и честностью отвечал на эти бессовестные, позорные и нечестивые слова:

– О повелитель ланки, царь всех демонов, будь милостив ко мне и внемли голосу добродетели и блага. Ни при каких обстоятельствах нельзя предавать посланника смерти, таков единогласный закон добродетели. Несомненно, перед тобой отвратительный враг, нанесший всем нам неизмеримый вред, но люди чести не станут убивать посланника, даже если это сулит им бесчисленные беды. Ты можешь изувечить его, высечь, обрить ему голову или заклеить – одно или все эти наказания можно наложить на посланника, но о смертной казни еще не слышал мир. Возможно ли герою, подобному тебе, поступающему из чувства долга, отличающему благородство от низости, поддаваться гневу? Добродетель не дает волю гневу! Тебе нет равных среди правителей, ты сознаешь важность писаний, ты превзошел демонов и богов. Непобедимы для богов и демонов, наделенных доблестью, воинским пылом и разумом, ты неоднократно поражал в бою царя небес и других монархов. Глупцы, мечтающие причинить вред тебе, великому и бесстрашному воину, сражавшемуся с даитами и девами, смелому и непобедимому герою, уже обречены. Я не вижу, почему эту обезьяну нужно предать смерти. Кара эта должна лечь на тех, кто послал его. Неважно, почтителен он или нет, ответственность лежит на его покровителях. Отстаивающий чужие интересы и зависимый посланник не заслуживает смерти. Более того, убив эту обезьяну, мы не спасемся от другого такого же небесного странника. Поэтому, о сокрушитель вражеских крепостей, не пытайся взять его жизнь. Направь свои усилия против богов и их предводителей. О поклонник войны, если мы убьем этого посланника, кто побудит тех двух надменных царевичей поднять оружие против тебя. Недостойно тебя, о радость демонов, неодолимого для богов и демонов, лишить свой народ возможности увидеть эту схватку! Они преданы твоему благу, мужественны; эти покорные воины отмечены великими достоинствами, разумом, славятся своим воинским пылом и прекрасным происхождением. Сегодня же повели кому-нибудь из них схватить тех двух царевичей и установи свое превосходство над врагами.

Глава 53

Хануман сжигает город

Слова великодушного брата были уместны и своевременны, и Дашагрива отвечал ему:

– Истинно говоришь ты, убийство посланника предосудительно, и поэтому нужно вынести ему какое-то другое наказание. У обезьян хвост является, бесспорно, самым большим украшением, и потому подожгите ему хвост и отпустите, чтобы друзья его, родственники и союзники, все кому он дорог, увидели его унижение и увечье.

Затем повелитель демонов отдал приказ:

– Подожгите ему хвост и проведите по всей Ланке! С дикой жестокостью принялись демоны обматывать Хануману хвост в хлопковый лоскут. Лишь только они закончили, громадная обезьяна увеличилась в размерах, словно лесной пожар, вскормленный сухим деревом. Смочив лоскут маслом, демоны подожгли Хануману хвост, и он, полный гнева и

негодования, с сияющим как восходящее солнце лицом, расшвырял их своим пылающим хвостом. Тогда демоны с большей чем прежде силой и бдением стали охранять этого льва среди обезьян. Вместе с женщинами, детьми и стариками собрались они насладиться представлением. Увидев их всех доблестный Хануман принялся размышлять: «Несомненно, даже связав меня, демоны не смогут помешать мне сбросить все их путы и, прыгая среди них, устроить еще одну бойню. Я предпринял это путешествие ради блага моего господина. Демоны по приказу царя связали меня, и я не буду сопротивляться им. Для меня достойным было бы вступить в битву с ними, но из любви к Рама я стерплю оскорбление. Я еще раз осмотрю всю Ланку, поскольку ночью я не разглядел все укрепления, разведать которые очень трудно. Ночь прошла, и теперь я увижу Ланку при свете дня. Пусть же они снова свяжут меня. Хоть они причинили мне боль, подпалив хвост, это не потревожило меня». Тем временем демоны крепко держали великую обезьяну огромных размеров, полную мужества, слона в роду обезьян, и, ликуя от радости, торжественно двинулись вперед, под звуки раковин и труб громко провозглашая о его злодеяниях. Жестокосердные демоны тащили Ханумана, повергающего своих врагов, через весь город, и он не противился им. Проходя по улицам столицы демонов, великий герой увидел чудесные дворцы, крытые дороги, прекрасные парки и широкие дороги с величественными домами по обеим сторонам, перекрестки, дорожки и аллеи, а также внутренние дворы. На террасах и улицах, вдоль царских дорог демоны кричали: «Это соглядатай!» Одна из отвратительных демониц безжалостно сообщила божественной Сите печальные вести:

– О Сита, краснолицей обезьяне, с которой ты говорила, подожгли хвост и теперь водят по всем улицам города.

Слова эти напомнили Ваидехи историю ее похищения и повергли в горе. Прочитав очистительные молитвы, она призвала бога огня, без которого не обходится ни одно жертвоприношение, и стала настойчиво молить его явить милость этой могущественной обезьяне. Мысленно стоя перед огнем, большеокая Сита сказала: «Если я действительно предана моему господину и аскетична, если я целомудренная жена, тогда в подтверждение ниспошли прохладу на эту обезьяну. Если дальновидный Рама еще имеет хоть каплю сострадания ко мне, если за мной еще остались какие-то заслуги, не сжигай Ханумана!» И тут же яростные языки пламени вокруг хвоста Ханумана, словно вняв словам прекрасной девы с глазами лани, стали смягчаться и переходить вправо, что было благоприятным знаком. И то же время отец Ханумана в угоду этой богине леденяще-холодным дыханием коснулся пылающего хвоста обезьяны, и Хануман с удивлением подумал: «Как возможно, чтобы пылающий огонь не жег меня? Я вижу огромное пламя, но не чувствую боли, словно снег лежит на моем хвосте. Поистине, это чудо, явленное могуществом Рама, в котором я уже убедился, преодолевая океан. Если океан и добродетельная Маинака вели себя по дружески из почтения к нему, почему бог огня станет исключением? Благодаря добродетели Ситы, могуществу Рагхавы и любви моего отца ко мне, огонь не истребил меня». Затем слон среди обезьян подумал: «Почему воин, подобный мне, позволил этим подлым демонам связать себя? Я должен явить свою доблесть и отомстить за себя!» Стремительная и могущественная обезьяна перекусила свои веревки и с громким криком подпрыгнула в воздух. В тот же миг сын ветра оказался на высоких, как горная вершина, городских воротах, где не было ни одного демона. Громадный, как холм, он уменьшился в размерах и, сбросив путы, освободился, а затем снова вырос. Оглядевшись, длиннорукий Марути заметил железный брус, валявшийся у ворот, и покрепче схватив это оружие, перебил стражников. Устремив на Ланку полный воинского пыла взор, этот герой исключительно мужества с горящим, словно ореол, хвостом, походил на славное сияющее солнце.

Глава 54 Ланка в огне

Глядя на Ланку, Хануман, достигший желанной цели, размышлял, что делать дальше. «Что еще я не сделал для поражения демонов? – думал он. – Роща разорена, подлые демоны убиты, часть армии уничтожена. Мне ничего не осталось, как только разрушить саму их крепость, и тогда миссия моя завершится. Еще немного, и они сполна ответят мне за все причиненные беспокойства. Я должен насытить бога огня, танцующего у меня на хвосте, и потому предам огню все эти превосходные дворцы!» Великая обезьяна с пылающим хвостом, словно облако, пронзенное молнией, стала прыгать с одной крыши на другую. Быстро озираясь по сторонам, он спокойно переходил от одного величественного сооружения к другому и предавал огню сады и рощи.

Стремительно прыгнув ко дворцу Прахасты, доблестный герой, силой подобный ветру, отдал его во власть всепожирающего пламени. Затем могущественный Хануман одним прыжком достиг дворца Махапаршвы, который в тот же миг вспыхнул огнем, словно в час уничтожения мира. Неутомимый Марути прыгнул на крышу Ваджрадансхтры, потом – Шуки и разумного Шараны. Подобным же образом вожак обезьян предал огню обители Индраджита, Джамбумалина и Сумали, а также демонов Рашмикету, Сурьяшатру, Храсвакараны, Дамштры, Ромашы, Юддхонматты, Матты, Дваджагривы, Видюджихвы и Хастимукхи; дома калары, Вишалы, Шонитакши, Кумбхакарны, Махаракши, Нарантаки, Кумбхи, Никумбхи и благородных Яджнасхатру и Брахмашатру. Могущественный тур среди обезьян сжег в огне все накопленные сокровища тех богатых демонов. Миновав множество других домов и пышных строений, могущественный и благословенный герой достиг обители царя демонов. Добродетельный Хануман издал громкий крик, напоминая облако на исходе бытия мира, и пылающим на кончике хвостом предал огню это превосходнейшее из сооружений, сверкающее разнообразными драгоценными камнями, словно гора Меру или Мандара, богатое пышными украшениями. Раздуваемое ветром пламя быстро распространялось повсюду, бросая багровые блики, словно Огонь Времени. Дворцы, богатые золотом, украшенные жемчугом и драгоценностями, рушились на землю и превращались в пыль, словно дома небожителей, истощивших запас своего благочестия и упавших с небес. Среди демонов поднялся страшный вопль, они бежали во все стороны, не в силах сохранить своих жилищ и сокровищ, и кричали:

– Поистине, это сам бог огня в облике обезьяны! Демоницы с младенцами нар уках пронзительно вопили из своих домов. Настигнутые пламенем, с растрепанными волосами они падали с высоких балконов, словно вспышки молнии на небе. Хануман увидел потоки расплавленных драгоценных металлов, смешанных с алмазами, кораллами, изумрудами, жемчугом и серебром, вытекавшие из дворцов. Как огонь без усталости истребляет сухое дерево и солому, так и Хануман неутомимо уничтожал всех вождей демонов, а земля принимала их трупы. Порывистая и могущественная обезьяна сожгла Ланку подобно Рудре, истребившему демона Трипуру. С вершины горы, на которой стояла Ланка, смертоносный пожар, устроенный бесстрашным Хануманом, выбрасывая языки пламени, стал распространяться дальше. Словно в час уничтожения вселенной, ветер поднимал огонь до самых небес, и, подобно жертвенным дарам, питали его жилища и тела демонов. Свирепым жаром миллиона солнц огонь этот истреблял всю Ланку, как нарастающая сила огня заставляет земной шар с треском, подобным удару грома, расколоться. Этот яростный огонь поднимался к небу, языки его напоминали цветы кумшика, облака дыма – голубые лотосы. Это было неопишимо прекрасное зрелище.

Рисунок 10 Хануман сжигает Ланку

– Наверное, это бог с молнией в руках, Махендра, возглавляющий тридцать богов, Яма, Варуна или Анила, – говорили демоны, собравшись на совет.

– Это не обезьяна, а сам бог смерти пришел на Ланку! Возможно, это проявление гнева Брахмы, четырехликого бога, который в облике обезьяны пришел уничтожить демонов, или безгранично могущественный Вишну, невообразимый, неопиcуемый, изначальный и неодолимый посредством своей иллюзорной энергии майи принял облик обезьяны?

Видя свой город, со всеми его жителями, конями, колесницами, стаями птиц, верей, деревьями истребленный безжалостным огнем, они горестно зарыдали:

– О мой отец! О возлюбленный сын!, О моя дорогая! О друг мой! О мой Господь, наши духовные заслуги иссякли! Так вопили демоны посреди ужасного бедствия, и пылающая Ланка, когда все ее герои были убиты, а воины истреблены вспышкой гнева Ханумана, казалось, пала под бременем проклятия. В этом шуме Хануман с гордостью наблюдал за Ланкой, исчезающей в неистовом пламени и охваченными ужасом демонами, подобно Сваямбху, вззирающему на гибель мира во время уничтожения вселенной. Разорив ашоковую рощу с ее редкими деревьями, убив в сражении могущественных демонов и предав огню город, полный великолепных дворцов, обезьяна, рожденная Паваной, успокоилась. Знаменитый Хануман разделался с великим числом демонов, уничтожил густые леса и сжег дома демонов, и теперь погрузился в размышления о Раме. Все небожители стали прославлять этого царственного героя среди воинов-обезьян, наделенного безмерной силой, быстротой равного Маруте, этого прозорливого и превосходного сына Ваю. Все боги, аскеты, гандхарвы, видьядхары, паннаги и бхуры пребывали в неопишуемой радости. Разорив лес, убив в бою демонов и истребив огнем великий город Ланку, могучая обезьяна сидела на крыше величественного дворца, озаренная сиянием, которое исходило от ее пылающего хвоста, и напоминая солнце в ореоле лучей. Уничтожив Ланку, великая обезьяна погасила в море огонь на кончике своего хвоста. Боги, гандхарвы, сиддхи и великие аскеты с изумлением взирали на Ланку, погибшую в огне.

Глава 55 Хануман беспокоится о Сите

Глядя на Ланку, озаренную огнем, полную шума и воплей охваченных ужасом демонов, Хануман задумался, великое беспокойство овладело им. «Несомненно, я сделал что-то недопустимое, испепелив всю Ланку! – думал он. – Благословенны великие души, своей мудростью побеждающие гнев в сердце, как вода гасит огонь. Какое только зло не творят те, кто дают волю своему гневу? В гневе можно убить даже своего духовного учителя или не удержаться от оскорбления добродетельного человека. Оказавшись во власти гнева, невозможно понять, когда следует говорить, а когда молчать. Гнев порождает любую несправедливость. Человек, владеющий собой, обуздывает вспышки гнева, как змея, сбрасывающая кожу. Горе мне, негодному бесстыдному, злобному негодяю, который, забыв о Сите, убил моего повелителя огнем. Наверняка благородная дочь Джанаки погибла в пожаре, истребившем весь город Ланку! Я расстроил планы моего господина! Сита сгорела, я испортил замысел моего повелителя! Сжечь Ланку – это пустяк, но в гневе я под корень подрубил свою миссию. Несомненно Джанаки погибла, потому что на Ланке не уцелело ни уголка, весь город погребен под пеплом. Поскольку я из-за недостатка разума пожертвовал всем, я немедленно расстанусь с жизнью! Я брошусь в огонь или в пасти Вадавы, или отдам свое тело на съедение обитателям вод. Продолжая жить, я не посмею взглянуть в лицо царю обезьян или двум тиграм среди людей, расстроив все их замыслы. Перед тремя мирами я обнаружил свою обезьянью натуру, поддавшись порочному гневу. Горе разнуданной страсти, несдержанности и необузданности чувств, во власти которых я забыл о Сите, хотя мог защитить ее. Раз она погибла, те два героя тоже умрут, и тогда Сугрива не захочет жить и расстанется с жизнью вместе со всеми родственниками. Услышав о гибели братьев, как добродетельный Бхарата, преданный Рама, или Шатругхна выживут? Погибнет вся знаменитая династия Икшваку, и подданные их преисполнятся горя. Несчастный, я лишился всех своих религиозных заслуг и земной добродетели, а значит, удача отвернулась от меня! В уме моем воцарилось зло, излившееся в гневе, несомненно я принес миру разрушение!» Поглощенный такими печальными думами, Хануман заметил предзнаменования, благотворное появление которых знал на собственном опыте, и подумал: «Может быть, чарующая дева счастливо избежала смерти благодаря своему благочестию и духовным качествам? Огонь не сожжет огонь! Более того, Павака не посмеет приблизиться к этой добродетельной деве, супруге героя непомерной славы, потому что чистота ее хранит

ее. Бог огня, несущий жертвенные подношения, не сжег меня благодаря могуществу Рамы и добродетели Ваидехи. Поэтому могла ли погибнуть она, дорогая сердцу Рамы и любимая и почитаемая всеми остальными братьями, родными и подданными? Природа огня – жечь, власть его неукротима, он царит на всем, но если он не сжег мне хвост, то почему он уничтожит возвышенную деву? Затем Хануман с удивлением вспомнил, как перед ним выросла из океана гора Маинака, и подумал: «Благодаря ее аскетизму, искренности и неуклонной преданности своему господину, она способна истребить любой огонь, а не наоборот!» Размышляя над величием духовных достоинств Ситы, Хануман услышал беседу великодушных чаранов:

– Несомненно, Хануман свершил величайший подвиг, предав свирепому огню жилища демонов. Бегут бесконечные толпы женщин, детей и стариков, кругом стоит гул, как в пещере! Ланка с ее башнями, стенами и воротами сгорела дотла, но Джанаки осталась жива, и это великое чудо!

Слова эти нектаром влились в уши Ханумана, возвращая душе его счастье и радость. Благоприятные предзнаменования, собственные выводы, заслуги Ситы и слова святых вызвали в нем безмерный восторг. Достигнув желанных целей и убедившись, что царевна жива, он решил увидеться с ней еще раз и покинуть Ланку.

Глава 56 Хануман прощается с Ситой

Поклонившись Джанаки, которая сидела под деревом шимшапа, Хануман сказал:

– По милости небес я вижу тебя целой и невредимой! Снова и снова глядя на отважного посланника Рамы, который уже готов был покинуть ее, Сита в порыве супружеской любви, попросила:

– О дитя, если возможно, о безупречный друг, сегодня побудь еще здесь и отдохни немного в каком-то укромном месте, а завтра ты отправишься в обратный путь. Пока ты рядом, о обезьяна, я забываю о сжигающем меня горе. Ты покинешь меня, о великая обезьяна, и неизвестно, буду ли я жива к твоему возвращению, или нет, о герой в роду обезьян! В твоё отсутствие страдания мои умножатся, и беды будут обрушиваться на меня одна за другой! Горе и печаль уничтожат меня. Кроме того, о герой, великий страх гнетет мне душу: как доблестный Сугрива или сонмы медведей и обезьян преодолели бескрайний океан? Как сделают это два человека даже при поддержке могущественных обезьян? Лишь три создания в мире способны прыгнуть через глубину – Вайнатея, ты и Марута. При столь сложных обстоятельствах ты, обладая богатым опытом, все же имеешь надежды на успех? О сокрушитель сонмов воинов, ты один можешь свершить такое нелегкое дело, доблесть твоя прославит тебя. Но если Какутстха, повергающий во прах своих врагов, вместе со своими воинскими силами опустошит Ланку и освободит меня, он свершит достойный его подвиг. Поэтому сделай все, чтобы великодушный Рамы явил свою доблесть согласно чести воина. Доблестный Хануман отвечал на слова Видехи, исполненных любовной заботы, веских доводов и глубокого смысла:

– О благородная дева, славный Сугрива, повелитель обезьян, обладающий огромным могуществом желает освободить тебя. Сопровождаемый миллионами могучих обезьян, он не замедлит явиться сюда, о Ваидехи. И цветы рода человеческого, Рама и Лакшмана, придут сокрушить Ланку своими стрелами. Расправившись с демонами и их приверженцами, о прекрасная, сын Рагху унесет тебя и вместе с тобой вернется в свой стольный город. Соберись с духом, о нежная дева, и дождись этого часа! Скоро ты увидишь Раму, который разобьет Равану на поле сражения. Повелитель демонов будет убит вместе с его сыновьями, министрами и верными слугами, и ты вновь встретишься с Рамой, словно звезда Рохини с луной. Какутстха явится, ведя за собой славных обезьян и медведей, и, одержав триумфальную победу в битве, избавит тебя от горя. Хануман, сын Маруты, приготовился в обратный путь. Он утешил и почтил Ситу, явил свою несравненную силу и

могущество, разрушив город, воспрепятствовал планам Раваны, и теперь, почтительно поклонившись Ваидехи, решил возвращаться, одним прыжком преодолев океан. Притеснитель врагов, могущественный герой жаждал скорее увидеть своего повелителя. Он поднялся на гору Аришту, лучшую среди гор, словно мантией, покрытую темными рощами деревьев падмака, с покоящимися на склонах облаках. Под солнечными лучами, казалось, она сияет радостью. В глаза бросались разбросанные повсюду драгоценные металлы, а торжественный шум сбегавших с горы потоков напоминал звучание Веды. Водопады пели свою песню, а из-за высоких деревьев девадару гора напоминала великана с поднятыми вверх руками, грохот бегущих потоков, эхом отдававшийся вокруг, казался ее голосом. Из-за волнуемых ветром осенних деревьев казалось, будто гора трепещет в камышах свистел ветер, будто кто-то играет на свирели, а великие ядовитые змеи делали вид, что гневно шипят. Ущелья, окутанные туманом, придавали ей серьезный вид, словно она была погружена в размышления. Вдоль склонов, словно прогуливаясь, проплывали облака. Острые вершины устремлялись в небо, и казалось, будто гора зевает. На ней было много крутых обрывов и глубоких пещер. Поросшая деревьями шала, тала, кхарджура, тамала, карна и ваниша, опутанными мириадами цветущих лиан, она изобиловала стадами ланей. Бесчисленные потоки, сбегавшие по склонам, богатые минералами скалы с бьющими чистыми ключами любили посещать махариши, якши, гандхарвы, киннеры и ураги. Сокрытые в непроходимых зарослях терния и шиповника пещеры были полны львов, тигров и других диких хищников. Повсюду росли фруктовые деревья и съедобные корнеплоды. Лучший среди обезьян, сын Анилы, взшел на гору, горя желанием вновь увидеть Раму, и там, где ступила его нога, скалы раскололись и с грохотом посыпались вниз. Забравшись на величайшую среди гор, могущественный Хануман собрался с силами, чтобы пересечь соленый океан с южного берега на северный. С вершины горы он взглянул на бескрайние просторы водной пустыни, кишасшие устрашающими чудовищами. Сын Маруты с быстротой дующего в небесах ветра взмыл в воздух, направляясь на север. От его толчка огромная гора, оглашаясь криками бесчисленных обитателей, ушла в недра земли, вершины ее рухнули, а деревья повалились. Сломанные удивительным прыжком Ханумана цветущие деревья валялись на земле, словно срубленные ударом молнии Индры. Смертельный рев великих львов, затаившихся в пещерах и раздавленных рухнувшей горой, разрывал небеса. Видьядхары в разорванных одеждах и украшениях в ужасе бежали от этого места. Огромные и могущественные ядовитые змеи с раздавленными головами и шеями, выбрасывая языки, сворачивались в кольца. Киннеры, ураги, гандхарвы, якши и видьядхары покидали гору и возвращались в небесную обитель. Огромная гора сорока миль в длину и тридцати в высоту со всеми своими вершинами и высокими деревьями сравнялась с землей. Желая пересечь соленое море, берегам которого грозили морские приливы и отливы, могучий Хануман взмыл ввысь.

Глава 57 Возвращение Ханумана

Устремившись в небо, Хануман, не ведавший устали и напоминавший летающую гору, поплыл по чарующему воздушному океану, который украшал лебедь созвездия Свами, а собравшиеся наги, якши гандхарвы были распустившимися лотосами и лилиями, солнце было его водной дичью, созвездия Пушья и Шравана – лебедями облака – прибрежным камышом и мхом, созвездие Пунарвасу – китом, а Лохитанга – крокодилком. Слон Айравата – громадным островом, ветра – большими волнами, а лунный свет – прохладными водами. Глотая пространство, цепляя луну, повелителя звезд, хватая небеса вместе с лунными дворцами и солнечным диском, разгоняя гряды облаков, Хануман неумоимо плыл по бескрайнему морю. Пролетая сквозь огромные и неописуемо прекрасные белые, розовые, голубые, пурпурные, желтые и черные облака, он бесстрашно входил в них и через некоторое время выходил, подобно луне, которая иногда скрывается из виду, а потом появля-

ется вновь. Преодолевая гряды облаков, этот герой в белых одеждах сиял в небе, как луна. Разгоняя облака, любимый сын ветра неуклонно продолжал свой путь и казался Гарудой, летящим в небе. Уничтожив сонмы демонов и снискав вечную славу, предав огню город Ланку и поколебав Равану, сразив могущественных воинов и выразив почтение Ваидехи, Хануман, чей глас напоминал раскаты грома, вновь достиг середины моря и издав великий крик. Доблестный герой почтительно прикоснулся к Маинаке, лучшей среди гор, и быстро полетел дальше, словно стрела, выпущенная из лука. Издали заметив высокую гору Махендру, похожую на великое облако, могучий сын ветра издал громкий глас, подобный удару грома, который заполнил все стороны света. Приближаясь к тому месту, где ожидали его друзья, и жажда снова увидеть их, Хануман стал размахивать хвостом и громко кричать. Он следовал дорогой Гаруды, и небосвод с солнечным диском разрывались от его непрерывного крика. Могущественные воины на северном берегу океана с волнением ожидая возвращения сына ветра, услышали удары ног Ханумана, летящего в небе, которые напоминали рокот огромного облака, гонимого ветром. Все обезьяны, обитатели леса, удрученные и беспокоящие о судьбе Ханумана, услышали его громоподобный рев. Шум, производимый Хануманом, взволновал их, жаждущих вновь увидеть своего друга. Джамбаван, старейший среди обезьян, с ликующим сердцем обратился ко всем:

– Несомненно, Хануман успешно исполнил порученное дело, а иначе он не поднял бы такого шума. Обезьяны, прислушиваясь к неистовым движениям великодушного героя и его реву, необычайно обрадовались и стали прыгать и скакать со скалы на скалу, с горы на гору. Чтобы увидеть Ханумана, они забирались на верхушки деревьев и размахивали своими чистыми одеждами. Рев могущественного Ханумана, рожденного Марутой, напоминал свист ветра в узком горном ущелье. Увидев великого героя, который, спускаясь, сиял, как груда облаков, обезьяны встали перед ним, почтительно сложив ладони. Доблестный Хануман, высокий как гора, приземлился на вершину Махендры, поросшую деревьями, словно летающий холм, упавший с небес с подрезанными крыльями. Толкая друг друга, обезьяны с радостным сердцем тут же собрались вокруг великодушного Ханумана, лица их сияли счастьем. Почтительно поклонившись ему, они принесли великой обезьяне, сыну Маруты, кореньев и фруктов. Одни кричали от радости, а другие нарвали мягкий ветвей и листьев, чтобы Хануман мог сесть.

Между тем великий Хануман выразил почтение старшим и старейшинам во главе с Джамбаваном, а также царевичу Ангаде. Окруженный заслуженным почетом и знаками внимания, он кратко сообщил:

– Я видел богиню! Взяв руку сына Бали, он сел в чудесной роще на горе Махендра и, отвечая на вопросы, радостно обратился к славным обезьянам:

– Посреди ашоковой рощи я увидел Джанаки. Безупречную деву охраняли страшные демоницы. Прекрасная Сита заплела одну косу и постоянно вздыхала о Раме. От голода она теряет сознание, истощена и вся в пыли, волосы ее собраны. Славные обезьяны, услышав слова Марути: «Я видел ее», – сладкие, как амрита, опьянели от радости и принялись кричать и издавать возгласы восторга. Одни размахивали хвостами, другие били, а третьи прыгали на вершину горы и, счастливые, прикасались к удачливому Хануману, вожаку обезьян. Лишь Хануман замолчал, Ангада в присутствии всех доблестных обезьян отдал дань почтения к Хануману такими словами:

– Тебе нет равных в доблести и мужестве, о герой, поскольку ты преодолел бескрайний океан и вернулся. Ты вернул нас к жизни, о великий. Благодаря тебе мы достигли своей цели и теперь можем встретиться с Рагхавой. О, какую преданность явил ты своему господину! Какая доблесть! Какая стойкость! По милости небес ты увидел божественную и славную супругу Рамы. По милости небес Какутстха избавится от горя, которое причина ему разлука с Ситой! Окружив Ангаду, Ханумана и Джамбавана, преисполненные радости обезьяны принесли огромные камни и, рассевшись на них, замерли, страстно желая услышать рассказ о том, как пересек Хануман море и увидел Ланку, Ситу и Равану. В ожидании они сложили ладони, устремив взоры свои на Марути. Юный Ангада в кругу обезьян

напоминал повелителя богов, занявшего небесный трон среди сонмов своих поданных. Величественная вершина Махендры сияла великолепием, когда на ней сидели славный Хануман и знаменитый Ангада, украшенный браслетами.

Глава 58 Рассказ Ханумана

Устремив радостные взоры на могущественного Ханумана, великодушные и счастливые обезьяны разместились на вершине горы, и Джамбаван, радуясь всем сердцем, спросил великого и удачливого потомка ветра:

– Как нашел ты благородную деву? Как она поживает? Как десятиглавый демон относится к ней? Правдиво поведай нам об этом, о могущественная обезьяна! Как отыскал ты божественную Ситу? Что она отвечала на твои вопросы? Узнав все, мы посоветуемся, как поступать дальше! Скажи нам также, что нам сказать и посоветовать по возвращении, о герой, неизменно владеющий собой! Великий посланник, у которого от этих слов шерсть встала дыбом, в знак почтения к Сите склонил голову и отвечал:

– У всех на глазах я поднялся на вершину Махендры и прыгнул в небо, сосредоточившись на том, чтобы непременно достичь южного берега моря. Пока я летел, великое препятствие предстало моему взору – великая гора с золотой вершиной, божественная и сверкающая, преградила мне путь. Я приближался к этой сияющей, как солнце, могучей горе с мыслью: «Я разобью ее!» Я ударил по ней хвостом, и вершина рассыпалась на тысячу кусков. Увидев это, великая гора, приняв облик человека, обратилась ко мне, сладостным голосом предлагая отдохнуть и восстановить силы:

– Знай, о сын мой, что я – брат твоего отца, известный под именем Маинака, и живу на глубине океана. В былые времена все огромные горы имели крылья и летали по всей земле, неся разоренье. Узнав об этом, благословенный Махендра, наказавший Паку, своей молнией отсек крылья тысячам гор, но меня спас твой знаменитый отец. Великодушный бог ветра бросил меня в море, в обитель Варуны. О покоритель врагов, я хочу сослужить службу Рагхаве, Рама – самый знаменитый среди добродетельных, он могуществен, как сам Махендра. Выслушав благородного Маинаку, я раскрыл ему свою цель, и он позволил мне продолжать путь. Простившись со мной, он вновь принял облик горы и стал погружаться в море. Долгое время я беспрепятственно продвигался вперед, пока посреди океана не увидел божественную Сурасу, мать змеев. Богиня обратилась ко мне:

– Небеса послали тебя мне в пищу, о лучшая среди обезьян! Сейчас я сожру тебя, ты предназначен мне! От этих слов я побледнел. Смирненно поклонившись ей со сложенными ладонями, я сказал:

– Рама, удачливый сын Дашаратхи, сокрушающий своих врагов, был изгнан в лес Данадака вместе со своим братом Лакшманой и супругой Ситой. Жену его похитил злобный демон Равана, и я лечу к ней по воле Рама. Ты должна помочь Рама. Увидев дочь Митхилы, а также ее повелителя нетленных подвигов, вернись и войду в твой рот, обещаю тебе! Сураса, по желанию меняющая облик, отвечала:

– Никому еще не дано было пройти мимо меня, таково благословение, которое я обрела! Тогда я увеличился размером до десяти йоджан, а потом еще на десять, но ее рот становился еще больше. Глядя в ее разверзнутую пасть, я мгновенно уменьшился до размеров большого пальца, быстро вошел к ней в рот и тут же вышел обратно. И тогда божественная Сураса, приняв свой обычный облик, сказала:

– О славная обезьяна, о дорогой герой, иди, исполни свою миссию и верни Ваидехи великодушному Рама. Будь благословен, о могущественный! Я до вольна тобой! Все живое стало прославлять меня: «Превосходно! Превосходно!», и я снова прыгнул в бескрайнее небо, словно Гаруда. Неожиданно и неведомо кто крепко схватил мою тень. Не в силах продолжать полет, я стал озираться по сторонам, но так и не нашел, кто пленил меня. Потом ко мне пришла мысль: «Что за препятствие встало на моем пути? Я не могу опре-

делить его природу!» В замешательстве оглядываясь по сторонам, я увидел страшную демоницу, которая лежала на волнах. Я не испугался, но замер на месте, и чудовище с презрительным смехом обратилось ко мне:

– Куда путь держишь, о великан? Ты – моя добыча, я давно не видела пищи и очень голодна! Наконец, я поддержу это тело! – Быть посему! – отвечал я и стал увеличиваться в размерах, так чтобы она не смогла меня проглотить, но ее устрашающие пасти также увеличились. Ей было невдомек, что я по желанию могу менять облик. В мгновение ока я уменьшился, вырвал ей сердце и взмыл в небо. Вскинув руки, жестокая демоница, словно гора, утонула в соленых волнах, и я услышал мелодичные голоса великодушных созданий, раздававшиеся с небес: «Как быстро убил Хануман страшную демоницу Синхику!» Расправившись с чудовищем, я вспомнил о своей не терпящей отлагательств миссии и невольно потерянном времени. Преодолев огромное расстояние, я увидел южный берег океана и гору, на которой раскинулась Ланка, царство Раваны. Солнце садилось, когда я незаметно проник в обитель демонов, но неожиданно предо мной выросла хохочущая женщина, подобная облакам в час гибели мира, пламя исходило от ее волос. Она поразила меня своим устрашающим обликом. Хотя она пыталась лишить меня жизни, левым кулаком я оттолкнул ее прочь, чтобы в сумерки войти в город. Испуганная, эта женщина обратилась ко мне:

– Я – город Ланка, о воин! Ты одержал надо мной верх, и значит, ты победишь всех демонов! Всю ночь я искал дочь Джанаки. Я побывал даже в личных покоях Раваны, но ее нигде не было. Ситы не было во дворце Раваны, и я пребывал в глубокой печали, когда заметил чудесную рощу, окруженную высокой золотой стеной, посреди которой стоял дворец. Я перепрыгнул через стену и увидел ашоковую рощу, в центре которой росло огромное дерево шимшапа. Забравшись на него, я увидел несколько золотых осин. Сокрытый густыми ветвями дерева шимшапа, я увидел необыкновенно прекрасное создание с большими, как лепестки лотоса, глазами. Один кусок ткани прикрывал ее стройное тело. Изнуренную постом, с испачканными в пыли волосами Ситу, всецело преданную своему повелителю, окружали словно тигрицы – лань, жестокие и отвратительные демоницы, питающиеся кровью и плотью. Собрав волосы в одну косу, она лежала на земле, поглощенная мыслями о своем господине. Совсем ослабевшая, она напоминала лотос в канун зимы. Поскольку Равана разлучил ее с возлюбленным, она решила умереть. Я продолжал сидеть в ветвях дерева шимшапа, наблюдая за этой девой с глазами лани, знаменитой супругой Рамы. Вскоре я услышал со стороны дворца Раваны звон многочисленных браслетов и бряцающих поясов. Взволнованный, я уменьшился в размерах и словно птица спрятался в густой листве дерева шимшапа. К Сите направлялся Равана, окруженный многочисленными женами. Увидев повелителя демонов, прекраснорядная Джанаки вся сжалась, руками прикрывая грудь. В ужасе и великом смущении она беспомощно блуждала взглядом в поисках прибежища. Несчастное создание, она трепетала всем телом. Дашагрива, склонил голову к стопам царевны, которая пребывала в неистовом горе, и сказал:

– О прекрасная, будь благосклонна ко мне! О Сита, если из гордости ты откажешься почтить меня, через два месяца я напьюсь твоей крови!

На эти слова злобного Раваны разгневанная Сита отвечала с достоинством:

– О подлый демон, почему язык у тебя не отвалился, когда ты произнес такие слова супруге безгранично доблестного Рамы, мне, снохе Дашаратхи, царю династии Икшваку? О злобный негодяй, велика же твоя доблесть, если ты похитил меня в отсутствие Рамы! Ты недостойн быть даже рабом Рагхавы, непобедимого, верного, мужественного и знаменитого воина! От этих резких слов Дашагрива вспыхнул гневом, как огонь, в который подбросили сухие дрова. Глаза его вращались от гнева. Он уже сжал правый кулак, готовый ударить дочь Митхилы. Все демоницы закричали:

– Держи! Держи! И из толпы жен Раваны к нему бросилась прекрасная Мандодари. Движимая любовью, нежными словами она хотела успокоить его. – Доблестью ты равен Махендре, что за нужда тебе в Сите? Пойдем со мной, who am in no way inferior to her, или

возьми любую из дочерей богов, гандхарвов или якшей. Зачем тебе Сита? Все эти женщины подняли могущественного ночного разбойника и повели обратно во дворец. Лишь только Равана удалился, отвратительные демоницы с жестокой руганью обрушились на Ситу, но Джанаки не обратила на них внимания, как на солому, их колкости не тронули ее. Демоницы, питающиеся плотью, оставили попытки переубедить Ситу и пошли сообщить Раване о ее непоколебимом решении. Остальные, устав ее мучить, уснули в изнеможении. Пока стражницы спали, Сита, преданная своему господину, горестно сокрушалась, изливая свою великую скорбь. Неожиданно к демоницам обратилась Триджата:

– Не медля сожрите меня, но не трогайте темноокою Ситу, дочь Джанаки, добродетельную сноху царя Дашаратхи. Я увидела страшный сон, от которого волосы встают дыбом. Он предвещает гибель демонов и победу ее господина. Нам следует искать милости Ваидехи, потому что никто больше, я думаю, не спасет нас от гнева Рагхавы. Давайте расскажем ей этот сон, потому что герой его избавит ее от печали и узнает великую радость. Низко склонившись перед Джанаки, мы должны снискать ее благосклонность. Только она спасет нас от великой опасности! Целомудренная молодая дева, услышав о грядущей беде своего господина, радостно сказала:

– Если Триджата говорит правду, то я непременно защищу вас! Чем больше я наблюдал за несчастной Ситой, тем больше мыслей приходило мне на ум, я был взволнован. Я обдумывал, как заговорить с Джанаки, и стал прославлять род Икшваку. Лишь только эта возвышенная дева, чьи глаза были полны слез, услышав красноречивые прославления тех Раджариши, она спросила:

– Кто ты? Как ты попал сюда и по чьему приказу? Что связывает тебя с Рамой? Тебе следует всем мне рассказать. Я ответил ей так:

– О богиня! Рама, твой супруг, нашел доблестного союзника в лице Сугривы, грозного и могущественного царя обезьян. Я – его слуга Хануман. Я пришел к тебе, посланный твоим господином нетленных подвигов. О знаменитая дева, лучезарный сын Дашаратхи, лучший из людей, передал тебе это кольцо. О царица, какова твоя воля? Я могу отнести тебя к Рама и Лакшмане на северный берег моря! Сита, радость Джанаки, подумала немного и ответила:

– Пусть Рагхава уничтожит Равану и сам заберет меня отсюда. Склонив голову перед этой благородной и безупречной девой, я попросил у нее какое-нибудь ее украшение Рама на радость, и Сита отвечала мне:

– Возьми этот превосходный камень, благодаря ему ты завоеешь особое расположение могучерукого героя. Прекрасная царица дала мне чудесный камень и, еле сдерживая рыдания, простилась со мной. Я с глубоким почтением поклонился царской дочери и, обходя вокруг нее, стал обдумывать возвращение домой. Но она, заглянув в глубину своего сердца, снова обратилась ко мне:

– О Хануман, поведай мою историю Рагхаве, так чтобы два героя Рама и Лакшмана не замедлили явиться сюда вместе с Сугривой, а иначе по истечении двух месяцев Какутста не увидит больше меня, оставшуюся без защиты. От этих страшных слов приступ гнева охватил меня и я тут же решил, что делать. Увеличившись до размеров горы, я жаждал битвы и разрушил рощу. Звери и птицы в страхе разбежались, свирепые демоницы проснулись и увидели вокруг разоренье. Увидев меня, они сразу побежали оповестить Равану:

– О доблестный государь, отвратительная обезьяна опустошила твою бесценную рощу, обратив во прах твою доблесть. Скорее убей мерзкую тварь, которая оскорбила тебя, не дай ей уйти! И царь демонов Равана послал в рощу многочисленных воинов кинкаров и восемь тысяч демонов, вооруженных копьями и булавами. Но я убил всех их железным брусом. Те, кто уцелел, побежали к Раване сообщить о гибели его армии. Я решил разрушить чудесный дворец со статуями и убил охранявших его стражников. В ярости я превратил в руины лучшее здание на ланке, и тогда на встречу мне Равана выслал Джамбумалина, сына Прахасты, в сопровождении жестоких и свирепых демонов. Своей огромной

булавой я убил того могучего и умелого воина вместе со всеми его воинами, и Равана, повелитель демонов, услышав об этом, послал могущественных сыновей своих министров, за которыми шел полк пехоты. Но я с помощью своего железного прута всех отправил в обитель смерти. Услышав, что я сразил на поле битвы доблестных сыновей его министров, Равана отдал приказ пяти героическим командующим вывести свои армии, но я убил их всех, и тогда Дашагрива послал своего могущественного сына Акшу с многочисленными демонами сразиться со мной. Юный сын Мандодари, искусный воин, подпрыгнул в воздух, и я схватил его за ноги, раскрутил и швырнул оземь. Десятиглавый Равана, полный ярости, услышав о падении Акши, послал своего второго сына Индраджита, пылкого и доблестного воина, и я с великой радостью отражал их нападки, и всех усилия их оказались бесплодны. Однако длиннорукий воин, пользовавшийся особым доверием Раваны, возбужденный вином, продолжал биться, ведя за собой своих воинов. Убедившись, что я непобедим и видя, что силы его разбиты, он пленил меня с помощью оружия Брахмы. Затем демоны связали меня веревками и привели к Раване. Порочной души правитель вступил со мной в беседу, расспрашивая, как я проник на ланку и почему убил демонов. – Все это я сделал из-за Ситы! – отвечал я ему. – Я нашел ее здесь! Я сын Маруты, обезьяна Хануман! Знай, что я посланник Рамы и министр Сугривы. Во исполнение замысла Рамы я стою сейчас перед тобой! Слушай же меня, о царь демонов! Царь обезьян приветствует тебя и желает тебе блага, о могучий герой! Он послал меня передать это послание в достойных выражениях, которые находятся в согласии с долгом и законом, а также полезны. На лесистой горе Ришьямука я повстречался и заключил дружественный союз с Рагхавой, великим воином, непобедимым на поле боя. Он сказал мне:

– О царь, демон похитил мою супругу, и ты должен помочь мне! У жертвенного огня Рагхава вместе с Лакшманой поклялись мне в дружбе. В то время Бали лишил меня всех царских привилегий. Рагхава одной стрелой сразил Бали в бою и сделал меня повелителем обезьян. Поэтому мы во всем будем помогать ему. На основании заключенного союза я послал к тебе Ханумана в качестве посланника. Поскорее верни Ситу раме, прежде чем доблестные обезьяны истребят твои воинские силы. Кому неведома доблесть обезьян, помощи которых настойчиво просят даже боги? Равана слушал, устремив на меня испепеляюще яростный взор, а потом отдал приказ предать меня смерти, не понимая моего могущества. Но его великодушный и прозорливый брат Вибхишана вступился за меня:

– О лучший меж демонов, откажись от своего решения, которое противоречит закону царей (?). Традиция не позволяет царю убивать посланника, о демон. Посланник лишь передает послание своего хозяина! О несравненно доблестный, нет причин убивать его, но если все же ты считаешь его виновным, ты можешь его наказать.

И тогда Равана приказал демонам:

– Подожгите этой обезьяне хвост!

Демоны обмотали мне хвост пенькой и хлопковыми тряпками. В пылу они били меня своими кулаками и палками, а потом подожгли хвост. Связанный веревками демонов, я покорился им, решив сжечь весь город. Связанного и окутанного пламенем, воины с криком пустили меня по царской дороге к воротам города. Весь сжавшись, я уменьшился в размерах и сбросил с себя все путы. Я схватил железный брус и напал на демонов, а потом одним прыжком перемахнул через ворота и в несколько мгновений поджег весь город с его воротами и башнями своим пылающим хвостом, который напоминал огонь в конце мира.

Увидев ланку в огне, я с беспокойством подумал, что Джанаки несомненно погибла, потому что во всем городе не было уголка, который не превратился бы в пепел. Пока я горестно размышлял об этом, я услышал слова чаранов:

– Джанаки не погибла в огне! И эти слова, произнесенные их чарующими голосами, вернули мне мужество. После этого я увидел множество благоприятных признаков, подтверждающих, что Джанаки спаслась, и подумал, что хотя хвост мой в огне, сам я цел! Сердце мое преисполнилось радости, а ветер принес благоуханный аромат. Благоприятные знамения, моя вера в доблесть Рамы и Ситу, а также в слова великих мудрецов, вер-

нули радость душе моей. Еще раз встретившись в Ваидехи, я покинул ее и, взобравшись на гору Аришту, прыгнул в небо и направился на север, чтобы увидеть всех вас. Следуя по пути ветра, солнца, луны, сиддхов и чаранов, я нашел вас. По милости Рамы и благодаря вашей доблести я целиком исполнил приказ Сугривы. Я подробно рассказал вам обо всем, и теперь вы должны решить, что еще осталось сделать.

Глава 59

Хануман призывает обезьян спасти Ситу

Закончив рассказ, Хануман, сын Маруты, обратился к обезьянам с такими словами, исполненными большого смысла:

– Усилия Рамы и Сугривы не прошли даром! Увидев верность Ситы, я возликовал всем сердцем! Силой аскез знаменитая Сита может поддерживать землю или уничтожить ее своим гневом, о обезьяны. Равана также обрел свое могущество силой аскезы. Оно велико и поэтому он не погиб, возложив руки на Ситу. Более того, сияние, которое исходит от него, внушает не столь великий страх, как гнев Ситы. Теперь все обезьяны и медведи во главе с Джамбаваном должны принять участие в этом походе. Цель его известна вам – увидеть Ваидехи рядом с теми двумя царевичами. Я один проник на Ланку, населенную демонами, и своей доблестью сокрушил этот город, а также Равану и его воинов. Насколько же больше смогу я сделать вместе с мужественными и могущественными плавагами, наделенными героизмом и воинской доблестью, сильными и жаждущими победы? Я уничтожу в сражении Равану и всю его армию, сыновей, братьев последователей. Я сокрушу всех демонов, ловко увертываясь от невидимого оружия и метательных снарядов, дарованных Индраджиту Брахмой, Рудрой, Ваю, Варуной, разбрасывая их и убивая демонов. С вашей поддержкой я буду доблестно теснить врага. Я буду вырывать деревья и горы и непрерывно швырять их, так что даже боги не смогут устоять передо мной, что говорить о ночных бродягах? Скорее море выйдет из берегов или гора мандара сойдет со своего места, но Джамбаван не дрогнет перед вражескими полчищами в сражении. И героический Ангада, сын Бали, один может разогнать сонмы ракшасов. Своими сильными бедрами Нила низвергнет саму гору Мандару, не то что демонов на поле боя. Среди небожителей, демонов, якшей, гандхарвов, змеев или птиц покажите мне, кто устоит перед Двिवидой? Я не знаю, кто устоит перед двумя славными обезьянами, сыновьями Ашвинов, наделенными огромной силой. Я один разорил всю Ланку, предал ее огню и превратил в пепел. На каждой улице я провозглашал: «Победа неукротимому Раме и Лакшмане! Процветания царю Сугриве, который поддерживает Рагхаву! Я слуга царя Кошалы, потомок Паваны! Я – Хануман!» Повсюду я провозглашал это. Посреди ашоковой рощи, принадлежавшей злосердному Раване, ждала безутешная добродетельная Сита, сидя под деревом шимшапа. Изнуренная тоской и страданиями, окруженная демоницами, она напоминала луну, едва заметную среди облаков. Отвергая гордого своим могуществом Равану, Ваидехи прекрасная дочь Джанаки, остается целиком преданной своему господину. Полностью преданная Раме, прекрасная Ваидехи думает лишь о нем одном, словно Поуломи, Пурандара (?). Всегда в одной и той же одежде, запачканную, я увидел ее в роще, окруженную демоницами, которые осыпали ее оскорблениями. Волосы ее собраны в одну косу. Несчастное создание, она поглощена мыслями о своем господине. Лежа на земле, бледная как лотос в преддверии зимы, из-за Раваны разлученная со своим возлюбленным, она готова расстаться с жизнью. С великим трудом удалось мне возродить в Сите надежду, когда я обратился к этой деве с глазами лани и все ей поведал. Услышав о союзе Рамы и Сугривы, она преисполнилась счастья, ее преданность и супружеская любовь достигли вершины. Благо, что она не уничтожила десятиглавого демона благодаря благословию, которое он получил от Брахмы. Убить это чудовище суждено Раме. Истощенная Джанаки в разлуке с Рамой слабеет день ото дня, словно молодой месяц в первый день новолуния. Сита измучена горем! Посоветуйтесь, что нам делать дальше.

Глава 60

Джамбаван отвергает план Ангады

На эти слова Ангада, сын Бали, ответил:

– Сыновья Ашвинов обладают необычайным могуществом и гордятся благословением, которое даровал им праотец мира. Из уважения к Ашвини он сделал их неуязвимыми для врага с любым оружием в руках. Это особое благословение преумножило их гордыню, и два могущественных воина повергли сонмы небожителей и испили нектар бессмертия. В ярости они могут уничтожить всю Ланку с ее конями, колесницами и слонами, что говорить тогда о других обезьянах? Я один могу разрушить город демонов и могущественного Равану! Во сколько же раз возрастут мои силы, если меня будут сопровождать славные воины, уравновешенные, хорошо вооруженные, искусные в бою и жаждущие победы? Мы слышали, что мужественный сын Ваю один предал Ланку огню. Он видел божественную Ситу, но не привел ее обратно. Я думаю, такому славному воину, как ты мало сообщить Раме эту весть. В силе прыжка и доблести, ловкости и храбрости тебе нет равных среди бессмертных или Даитьев, о лучший среди обезьян. Кто-то из демонов спасся от истребления, устроенного Хануманом, и поэтому нам осталось только убить Равану с оставшимися демонами и вернуть дочь Джанаки, поместив ее меж Рамой и Лакшманой! Зачем беспокоить остальных жителей Кишкиндхи? Мы должны проникнуть на Ланку и, убив всех демонов, вместе с Ситой вернуться к раме, Лакшману и Сугриве. Таков был план Ангады, и Джамбаван, самый мудрый среди обезьян, ласково отвечал ему:

– О великий герой, о разумный, мы получили от царя обезьян и добродетельного Рамы приказ исследовать южную часть земли до самой границы. Нам не было велено возвращать Ситу, и вряд ли Раме, этому льву среди монархов, доставит удовольствие, если сделаем это, потому что он во славу своим достойным предкам дал обет сам освободить ее. Может ли слово его не исполниться или быть забыто? Зачем гневать его? Мы проявим свою доблесть напрасно, о лучший среди обезьян! Поэтому давайте вернемся к Раме, Лакшмане и Сугриве и сообщим им о результатах нашего поиска. Нам нравится твое предложение, о царевич, и все же, исполняя замысел Рамы, ты обретешь удачу.

Глава 61

Разорение Мадхувана

Во главе с Ангадой и великим Хануманом героические обезьяны одобрили слова Джамбавана и вслед за сыном Ваю спрыгнули с вершины горы Махендры и понеслись вперед. Огромные как Меру и Мандара, они напоминали слонов, опьяненных мадом. Тень их легла на землю и небо. Глаза их устремлены на безгранично могущественного Ханумана, быстрого как ветер, владевшего своими чувствами и почитаемого сиддхами. Исполненные решимости принести успех замыслу Рамы, гордые своими достижениями и жаждущие скорее сообщить благоприятные вести, добродетельные лесные обитатели, искренние помощники Рамы, воздержавшиеся от сражения, резвясь и прыгая достигли Мадхувана. Они вошли в небесной красоты рощу Сугривы, полную чарующих деревьев, в которую прежде никто не осмеливался войти. Дядя Сугривы по матери, могучий Дадхимукха охранял этот большой и пышный сад повелителя обезьян. Рыжевато-коричневым обезьянам очень захотелось отведать спелых фруктов. С восторгом в глазах попросили они у царевича Ангады позволения вкусить меда, текущего из дупел деревьев, желтого, как они сами. И Ангада милостиво разрешил почтенным обезьянам во главе с Джамбаваном испить меда. С позволения юного сына Бали обезьяны забрались на деревья, вокруг которых роились пчелы, и с наслаждением принялись поглощать сочные фрукты и корни. Опьянев, они играли и резвились по всему саду. Они пели, смеялись, танцевали, кланялись друг другу, что-то с пафосом говорили, бегали, прыгали и хлопали в ладоши, поднимали друг

друга, ссорились или говорили со всеми подряд. Одни прыгали с дерева на дерево, легко слетая с верхних ветвей на более низкие, другие подпрыгивали в воздух, гоняясь друг за другом по деревьям, со скалы на скалу, окликаая друг друга в песнях, смеясь, сокрушаясь и вздыхая, награждая друг друга ударами. Невероятный хаос поднялся среди обезьян, все были пьяны или пребывали в крайнем возбуждении. Дадхимукха, увидев разоренный сад, ободранные деревья и помятые цветы, разгневался и попытался удержать их. Однако героический и почтенный страж в ответ услышал только упреки высокомерных непрошенных гостей и преисполнился еще большей решимости защитить от них сад, вверенный его заботе. Не выбирая выражений, он обратился к ним с резкими словами. Одних ударил своей тяжелой ладонью, на других грозно надвинулся, а третьих успокоил внушительными словами. Но возбужденные медовым напитком обезьяны нагло обругали его в ответ, не сознавая своего дурного поведения, стали царапать когтями, кусать, бить кулаками и ногами. Они били Дадхимукху, пока он не потерял сознание, а потом разорили весь Мадхуван.

Глава 62

Битва Дадхимукхи и самозванцев

Хануман сказал обезьянам:

– Спокойно собирайте мед! Я прогоню всякого, кто помешает вам! Ангада, царевич обезьян, весело подхватил эти слова:

– Все пейте мед! Мы покорны каждому слову Ханумана, который достиг желанной цели! Я во всем согласен с ним, даже если вы разрушите этот сад! Славные обезьяны закричали в ответ:

– Здорово! Превосходно! Без конца они прославляли юного царевича, а потом волной хлынули на лес Малин. Словно сметающий все на своем пути поток обрушились они на фруктовый сад и стали разгонять стражников. Счастливые от мысли, что Хануман отыскал Маитхили, что они принесли вести о ней, они с позволения Ангады пили мед и ели фрукты. С силой набросившись на стражников фруктового сада, которые сотнями преградили им путь, спутники Ханумана щедро награждали их ударами. Собирая руками соты весом с дрон (32 сира), обезьяны, желтые как мед, пили нектар и бросали соты. Веселясь, одни бросались воском, а другие, собрав веток, садились под деревья. Одни, отяжелев от выпитого меда, бес сил ложились на груды листьев, тогда как другие, возбужденные пьянящим напитком, покачиваясь, с кулаками набрасывались на друзей. Одни пели высокими голосами, другие подражали рычанию льва, или свистели как птицы, а другие, напившись меда, спали на земле. Одни ревели от смеха, а другие бросались в слезы. Одни бормотали что-то несвязное, тогда как другие спорили о смысле их речей. Лесные стражники, слуги Дадхимукхи, раздавленные меж коленями напавших на них ужасных обезьян, разбежались во все стороны. В ужасе они обратились к Дадхимукхе:

– С позволения Ханумана страшные обезьяны разорили Мадхуван несмотря на все наши попытки воспрепятствовать им. Зажатые меж их коленями, мы чуть не расстались с жизнью. Разъяренный Дадхимукха, увидев, что Мадхуван, порученный его заботам, уничтожен, повелел своим слугам:

– Отправляйтесь и низвергните высокомерных обезьян. Я приду вслед за вами и прогоню всех, кто пьет заветный мед. Послушные приказу доблестные обезьяны вернулись в Мадхуван. Вместе с ними с огромной скоростью неся Дадхимукха, вырвав на ходу огромное дерево. Вооружившись острыми глыбами, деревьями и камнями, разъяренные стражники Мадхувана бежали туда, где отдыхали и развлекались плавамгама. Кусая губы от гнева, они осыпали их ругательствами и пытались взять силой. Обезьяны во главе с Хануманом, увидев крайне разъяренного Дадхимукху, прогнали его. Увидев могучего Дадхимукху с огромным древесным стволом в руках, Ангада рассвирепел. Он перехватил его и вне себя спяну, безжалостный к достойному родственнику, с силой швырнул его

наземь. С перебитыми бедрами и руками, искалеченным лицом Дадхимукха, истекая кровью, на время потерял сознание. Придя в себя, он с трудом поднялся, отошел на некоторое расстояние и обратился к своим слугам:

– Поспешим к толстошеему Сугриве, пребывающему с Рамой. Я расскажу обо всех преступлениях царевича Ангады, и наш повелитель обрушит на этих обезьян свой справедливый гнев. Чарующий лес Мадху, даривший наслаждение предкам Сугривы, не осмеливались посещать даже боги. Сугрива очень любит этот лес, он вынесет суровое наказание этим негодьям, возжелавшим меда! Он убьет ослушавшихся своего государя вместе с их друзьями и родственниками. И тогда лишь гнев мой, который я не в силах сдержатъ, будет утолен. С этими словами Дадхимукха, вожак стражников Мадхувана, вместе со слугами покинул разоренный лес и в мгновение ока оказался перед Сугривой, потомком солнца.

Увидев Раму, Лакшману и Сугриву, великую героическую обезьяну, Дадхимукха сошел с небес на землю и с печалью в лице сложил ладони и с поклоном коснулся стоп Сугривы.

Глава 63

Дадхимукха рассказывает об опустошении Мадхувана

Сугрива был тронут, увидев почтенную обезьяну, которая распростерлась перед ним в поклоне, лбом касаясь земли. – Поднимись! Поднимись! – воскликнул он. – Почему ты распростерся у меня в ногах? Говори, не бойся! Что привело тебя? Ты должен раскрыть мне все. Все ли благополучно в Мадхуване? Я хочу все знать, о вожак! Приободренный великодушным Сугривой, прозорливый Дадхимукха поднялся и сказал:

– О повелитель, лес, в который ни ты, ни Бали не пускали обезьян, сейчас разрушен ими! Вместе со своими слугами я пытался прогнать их, но они, не обращая на меня никакого внимания, продолжали весело пировать. Мы со стражниками хотели сдержать их вторжение, но эти варвары, о царь, продолжали свои оргии. Они напали на моих слуг, прогнали из леса. Безгранично могущественные обезьяны, с гневно пылающими глазами, разбили им руки и ноги и, сдавив меж ног, швыряли их в воздух. Ты – повелитель воинов, подвергшихся нападению обезьян, которые и сейчас грабят Мадхуван и залпом пьют мед. Пока Сугрива слушал эти известия, к нему обратился дальновидный Лакшмана, спросил:

– О царь, что за обезьяна пришла к тебе и какая печаль заставила ее говорить? Красноречивый Сугрива отвечал великосердному Лакшмане:

– О благородный Лакшмана, ты видишь Дадхимукху и его героических обезьян, которые сообщили мне, что воинственного духа лесные жители во главе с Ангадой пьют мед и наслаждаются фруктами во фруктовом лесу Мадхуване. Столь смелой проделки не позволят себе те, кто потерпел неудачу в своей миссии. Несомненно они достигли успеха, раз опустошили мой лес. Поэтому они коленями побили тех, кто препятствовал их разгулу и не обратили внимания на доблестного Дадхимукху, которому я поручил охранять сад. Поистине, только Хануман и никто другой не нашел бы божественной Ситы. Хануман один свершил этот подвиг. Успех этого похода зависел от дальновидности этой славной обезьяны, мужественной, сильной и знающей. С такими вожаками как Джамбаван и Ангада, с таким советником, как Хануман, успех обеспечен. Я уверен, Мадхуван разорили эти героические обезьяны во главе с Ангадой. Исследовав южные земли, они вернулись и остановились в этом фруктовом лесу, одержимые жадностью. Они грабили его и пили мед, нападая на стражников, избивая и пиная их коленями. Эти вести принес мне мягкоголосый Дадхимукха, славный своей доблестью. О могущественный Саумитри, несомненно, Сита найдена, а иначе обезьяны никогда не разрушили бы сад, дарованный мне богами.

Услышав эти ласкающие слух слова, сошедшие с уст Сугривы, добродетельные Лакшмана и Рагхава преисполнились радости. Ликующий Сугрива, получив от Дадхимукхи хорошие вести, отвечал стражу леса:

– Я очень доволен воинами, которые одержав победу, ели мед и фрукты! Победителей встречают с честью. Немедля возвращайся в лес Мадху и пошли сюда этих обезьян во главе с Хануманом! Два потомка Рагху и я желаем сейчас же расспросить красно-коричневых потомков обезьяньего рода. Смелые как львы, они исполнили возложенный на них приказ, и мы хотим узнать, нашли ли они Ситу. Царь обезьян, увидев раскрывшиеся от радости глаза двух царевичей, с огромным удовлетворением почувствовал, что успех затеянного ими предприятия близок.

Глава 64 Сугрива утешает Раму

Обезьяна Дадхимукха весело поклонился Сугриве и поприветствовал Рагхаву и Лакшмана. Выразив почтение царю обезьян и могущественным сыновьям династии Рагху, он взмыл в воздух, сопровождаемый своими слугами. Отправившись с такой же скоростью, с какой явился, он сошел с небес на землю и вступил в лес Мадху. Он увидел славных обезьян, которые уже протрезвели и счастливо проводили время, расславленные медовым напитком. Приблизившись к ним, этот герой со сложенными ладонями обратился к Ангаде:

– О благородный царевич, не испытывай дурных чувств к стражникам, которые в гневе пытались прогнать тебя. Мир тебе! О наделенный великой силой, ты сполна отведал мед, который принадлежал тебе по праву, потому что ты наследник и хозяин сада. Прости нам гнев, поднявшийся по невежеству! Как прежде твой отец и Сугрива сейчас, ты – повелитель сонмов обезьян! О безупречный царевич, я обо всем поведал твоему дяде, который, услышав о твоём прибытии и разорении обезьянами леса Мадху, нисколько не разгневался, но наоборот был счастлив. Очень довольный, твой дядя по отцу, царь обезьян Сугрива сказал: «немедленно пошли всех их ко мне!»

Выслушав Дадхимукху, Ангада, красноречивый царевич обезьян, обратился к своим спутникам:

– О вожаки сонмов обезьян, несомненно, Рама уже догадался обо всем. Это следует из слов Дадхимукхи. Нам не стоит задерживаться здесь более, миссия наша исполнена, о победители своих врагов! Вы сполна напились меда, о герои, нам ничего не остается, как встретиться с Сугривой. О чем бы вы ни попросили меня, я приведу в исполнение. Я – ваш слуга и, даже будучи наследником престола, я не вправе приказывать вам. Вы исполнили возложенную на вас миссию. И потому не подобает мне обращаться с вами, как с вассалами. Такие слова Ангады вызвали среди обезьян радость и восхищение. – Кто, обладая царской властью, о лучший среди обезьян, скажет такое? – отвечали они. – Упиваясь властью, каждый сказал бы: «Я – повелитель!» никто кроме тебя не произнес бы столь радостных слов. Твое смирение всем нам сулит благо. Мы готовы безотлагательно вернуться к Сугриве, царю обезьян, но без твоего приказа мы не сделаем ни шага. Ангада сказал:

– Прекрасно, тогда отправляемся! И все обезьяны взмыли в небо, закрыв собою солнце, и казалось, словно кто-то выпустил из метательного оружия тысячи камней. Во главе с Ангадой, вслед за которым летел Хануман, Плавамгамы бурно, с шумом поднялись в воздух, напоминая облака, гонимые ветром. Как только Ангада опустился на землю около Сугривы, царь обезьян обратился к лотосоокому Раме, объятому горем:

– Соберись с духом! Удачи тебе! Божественная дева найдена, в этом нет сомнений. Иначе обезьяны не вернулись бы, потому что назначенный мною срок давно прошел. Я делаю такой вывод, видя радость Ангады! Длиннорукий Ангада, лучший из обезьян, не вернулся бы ко мне, не обретя удачу. Если не достигнув цели, они совершили смелый набег на Мадхуван, то юный царевич выглядел бы обеспокоенным и удрученным. Не увидев дочери Джанаки они не посмели бы разорить Мадхуван, который я получил от предков, или напасть на почтенных обезьян, которые охраняли его. О благородный сын Кау-

шалы, о верный своим обетам и долгу, поверь, лишь Хануман и никто другой не нашел бы Ситу. Никто больше не способен осуществить этой цели. О лучший среди добродетельных, к успеху ведут разум, доблесть и знание, и Хануман наделен всеми этими достоинствами. Имея таких вожаков как Джамбаван и Ангада, или такого советника как Хануман, иного исхода быть не может. О безгранично доблестный, не волнуйся! Лесные обезьяны, не исполнив миссии, не набрались бы такого высокомерия, чтобы разрушить Мадхуван и испить мед. Из этого я заключаю, что они достигли успеха. В этот момент в небе раздались крики «Килакила!». Гордые подвигом Ханумана лесные обезьяны стремительно приближались к Кишкиндхе, криками возвещая о своей победе. От этого сильного шума царь обезьян стал взволнованно закручивать и раскручивать хвост, пока обезьяны во главе с Ангадой и Хануманом, упиваясь радостью, садились на землю перед своим государем и Рагхавой. Затем могучерукий Хануман, склонив голову в приветствии, сообщил Раме о духовном и телесном благополучии Ситы. Сладкие как амрита слова Ханумана: «Я видел Ситу», – вызвали в Раме и Лакшмане безграничную радость. Лакшмана с огромным почтением смотрел на Сугриву, который поручил столь ответственное дело сыну Паваны. Рагхава, сокрушающий своих врагов, сияя от радости, с благоговением взирал на Ханумана.

Глава 65

Хануман рассказывает Раме о встрече с Ситой

Достигнув лесистой горы Прасраваны, Хануман почтительно поклонился Раме и Лакшману. Вслед за наследником Ангадой он поклонился Сугриве и остальным обезьянам и стал рассказывать историю Ситы и ее заточения в гареме Раваны, об угрозах демониц, ее непоколебимой преданности Раме и назначенном дне ее смерти. Обо всем этом поведал Раме Хануман. Услышав о благополучии Ваидехи, Рама спросил обезьян:

– Где находится знаменитая Сита и какие испытывает ко мне чувства? Расскажите мне обо всем!

В ответ обезьяны попросили Ханумана описать все подробно, и он, наделенный даром красноречия, молча согласился с их просьбой. В знак приветствия Ситы он склонил свою голову, и, повернувшись на юг, поведал о встрече с ней и передал Раме ослепительный сияющий драгоценный камень. Сын Маруты поклонился ему и сказал:

– Чтобы увидеть Ситу, я преодолел над океаном четыреста миль и через какое-то время достиг Ланки, города злобного Раваны, который лежит на южном берегу моря. Там во внутренних покоях Раваны я увидел Ситу. Она живет, о Рама, сосредоточив на тебе все свои мысли. Я наблюдал, ее поносили отвратительные демоницы, которые охраняют ее в роще. Благородная дева, с тобой не знавшая ничего кроме радости, в разлуке с тобой разбита горем, о герой. Она заточена во внутренних покоях Раваны и находится под строгим надзором демониц. Собрав волосы в одну косу, это несчастное жалкое создание целиком погружено в мысли о тебе! Истощенная, словно лотос в преддверии зимы, она лежит на земле. Презирая Равану, она решила расстаться с жизнью. О Какутстха, о бесхитростный царевич, с великими трудностями отыскал я эту царевну, для которой ты – сама жизнь и душа. Поведав о славе рода Икшваку, я завоевал ее доверие, а потом рассказал ей обо всем. Услышав о твоём союзе с Сугривой, она очень обрадовалась. Она остается верной тебе в преданности и любви. О лучший из людей, в таком состоянии нашел я ее, посвятившую себя суровым аскезам, сосредоточившую сердце свое на тебе одном. Передавая мне этот камень, она попросила меня напомнить тебе о случае с вороной на горе Читракуте, о прозорливый. Она сказала: «О сын Ваю, опиши Раме все, что ты видишь и передай ему этот драгоценный камень, который бережно хранила все это время. Напомни ему о знаке, красным порошком начерченном у меня на лице! Скажи: «О безгрешный, когда я смотрю на эту жемчужину, дар моря, мне кажется, я вижу тебя и радуюсь среди постигшего меня горя. О сын Дашаратхи, мне осталось жить не дольше месяца. Я нахожусь в

власти демонов, и по истечении назначенного срока, я умру!» Такие слова сказала мне измученная Сита с глазами лани, томящаяся во дворце Раваны. Я обо всем поведал тебе с верой и правдой, о Рагхава. Теперь надо обсудить, как построить мост через океан. Видя, что надежда возродилась в сердцах двух царевичей, сын Ваю передал Рагхаве жемчужину в подтверждение своего правдивого рассказа.

Глава 66 Горе Рамы

Рама, сын Дашаратхи, прижал камень к сердцу и заплакал. Глядя на чудесную жемчужину, разбитый горем Рагхава с глазами полными слез сказал Сугриве:

– Как молоко само бежит из вымени коровы, когда она видит своего теленка, так и сердце мое переполняется любовью при виде этого камня! Жемчужину эту подарил Сите мой тесть на свадьбу. Она носила ее на челе, и от этого казалась еще прекраснее. Добытый со дна моря и почитаемый богами, камень этот подарил Джанаке дальновидный Шакра, довольный его поклонением. Этот великолепный камень напоминает мне об отце и тесте, царе Видехи. Какой красивой казалась эта жемчужина на челе моей возлюбленной. Я смотрю на нее, и мне кажется, будто Сита сейчас стоит передо мной. Словно брызгая воду в лицо человеку, потерявшему сознание, снова и снова, о друг, рассказывай мне, что сказала Сита! Что может быть мучительней, о Саумитри, чем видеть эту жемчужину, добытую из вод, без Ваидехи? Если ей осталось жить еще месяц, значит она проживет долго, но мне трудно и мгновение прожить без Ситы! Веди меня туда, где ты видел мою возлюбленную. Получив такие вести, мне нестерпим и миг промедления. Как эта робкая прекраснотелая дева выживает среди жестоких и страшных демонов? Лицо Ситы утратило свое сияние, как осенняя луна, сокрытая облаками. О Хануман, поведай, что Сита говорила тебе. Слова эти возвращают меня к жизни, как лекарство. О Хануман, что моя нежная, сладкоречивая и прекрасная дева, разлученная со мной, говорила тебе? Как дочь Джанакки выносит ужасную беду, постигшую ее?

Глава 67 Хануман описывает свой разговор с Ситой

Хануман начал рассказывать все, о чем говорила ему Сита:

– О лев среди людей, чтобы ты поверил моему рассказу, божественная Сита описала мне случай на горе Читтракута. Однажды Джанакки, счастливо отдыхая рядом с тобой, проснулась первой. Неожиданно ворона клювом ранила ее в грудь. О рама, Ты спал у Ситы на коленях. Ворона снова жестоко напала на нее, и, истекая кровью и терпя боль, она разбудила тебя. О покоритель своих врагов, увидев израненную грудь возлюбленной, ты, словно разгневанная змея, спросил: «Кто, о робкая дева, ранил тебя когтями? Кто осмелился играть с пятиглавой змеей?» Оглядевшись по сторонам, ты увидел перед собой ворону с острыми окровавленными когтями. Эта могучая птица была сыном Индры. С быстротой ветра она исчезла в земле. Ты, о могучерукий, свирепо вращая глазами, решил убить ворону. Взяв пучок травы куша прямо там, где ты отдыхал, ты произнес Брахмамантру и с силой бросил ее в птицу. Трава вспыхнула огнем, словно наступил конец мира, и полетела вслед за птицей. Покинутая испуганными богами, ворона облетела всю Вселенную в поисках защитника и вернулась к тебе, о покоритель врагов. Моля о пощаде, она упала перед тобой на землю. Проникшись состраданием, ты простил ее, хотя она заслуживала смерти. Но поскольку ты никогда не пользуешься оружием напрасно, ты лишил ее правого глаза, о Рагхава. Выразив почтение тебе и царю Дашаратхе, эта птица вернулась в свою обитель. Сита спросила: «О Рагхава, ты самый искусный среди владеющих оружием, могущественный и честный, почему же ты не выпускаешь своих стрел в демонов? Ни боги, ни гандхарвы, ни асуры, ни Маруты не могут устоять перед тобой в сражении. Если ты

великодушен ко мне, то своими острыми стрелами скорее уничтожь Равану. Почему Лакшмана, сокрушающий своих врагов, лучший из людей, по приказу брата не спешит защитить меня? Почему два могущественный льва среди людей, доблестью равные Ваю и Агни, непревзойденные даже для богов, забыли обо мне? Несомненно, я совершила какой-то великий грех, если два героя, повергающих во прах своих врагов, не прилагают усилий, чтобы освободить меня, хотя могут это сделать!» На эти печальные слова Ваидехи я ответил: «О знаменитая дева, Рама мучительно страдает в разлуке с тобой. Видя брата во власти горя, Лакшмана тоже терзается, я клянусь тебе. Раз я наконец нашел тебя, то время скорби позади. Скоро ты увидишь гибель своих врагов, о прекрасная царевна. Два царских сына, лучшие из людей, жаждут снова увидеть тебя. Они превратят Ланку в пепел. Убив в сражении Равану вместе со всеми его родственниками, Рагхава заберет тебя в свою столицу, о чарующая дева! О безупречная, дай мне какую-нибудь свою вещь, хорошо известную Рамае, это принесет ему радость». Сита посмотрела вокруг, сняла с одежды превосходный камень, который держал ей волосы, и передала мне, могучерукий. Приветственно склонив голову, я взял из ее рук камень и готов был отправляться в обратный путь, о любимец династии Рагху! Увидев, как увеличился в размерах, чтобы взмыть в небо, Сита, прекрасная и несчастная дочь Джанаки опечалилась. С лицом мокрым от слез, она обратилась ко мне, подавляя рыдания: «Какой ты счастливый, что увидишь Раму, чьи глаза прекрасны, как лотосы, и Лакшману, его знаменитого брата!» Я ответил ей: «Скорее садись мне на спину, о благородная дева, и сегодня же я доставлю тебя к Сугриве, Лакшмане и супругу твоему Рамае, о удачливая темноокая царевна!» Но богиня отвечала мне: «Не пристало мне по доброй воле взбираться тебе на спину, великая обезьяна! Хотя демон прикоснулся ко мне, это случилось, потому что я оказалась беспомощной перед ним. Такова была моя судьба. Но ты отправляйся к двум царевичам!» Затем она добавила: «О Хануман, ты увидишь тех двух львов среди людей, а также Сугриву и всех его министров. Опиши безгранично доблестным Рамае и Лакшмане мое отчаянье и оскорбления, которыми демоны осыпают меня. Пусть путешествие твое будет удачным, о лучший из обезьян!» Так говорила со мной знаменитая царевна, охваченная горем. Обдумай мой рассказ и не теряй веры в чистоту добродетельной Ситы.

Глава 68

Он повторяет слова утешения, сказанные Сите

О лучший из людей, эта богиня, охваченная горем и любовью к тебе, обратилась ко мне заботливо сказала:

– Передай слова мои сыну Дашаратхи, чтобы он поскорее пришел, убил Равану в сражении и забрал меня отсюда. О герой, о сокрушитель своих врагов, если хочешь, останься здесь еще на день и отдохни в укромном месте, разгоняя мою печаль, а завтра ты отправишься в путь! О Хануман рядом с тобой я на время забываю о своих страданиях. О наделенный великой доблестью, я буду ждать твоего возвращения, но я сомневаюсь, буду ли я еще жива. Не видя тебя, я буду пребывать в страхе. Как я несчастна в своей скорби! Кроме того, я сомневаюсь, смогут ли твои спутники, медведи и обезьяны, а также два царевича, преодолеть бескрайний океан. О безупречный воин, только три создания во Вселенной могут летать над морем – Гаруда, Ваю и ты. Ты видишь надежды на успех при таких обстоятельствах, о красноречивый? Несомненно, ты один можешь справиться, о покоритель врагов, но такое проявление доблести принесет благо лишь тебе одному. Однако если Рама со своими воинскими силами убьет Равану в бою и с победой приведет меня в свою столицу, это умножит его славу. Недостойно Рагхавы взять меня хитростью, как сделал это Равана, который похитил меня в лесу, приняв облик монаха. Уничтожив Ланку и освободив меня, Какутстха подвигом докажет свое исключительное превосходство, достойное его. Сделай все, чтобы великодушный герой явил свою доблесть!

На эти добрые, разумные и полные любви слова я ответил:

– О богиня, Сугрива, доблестный повелитель обезьян и медведей, полон решимости освободить тебя. Под его началом тысячи бесконечно могущественных и мужественных обезьян, наделенных непомерной доблестью, быстрых как мысль, способных двигаться вверх, вниз, в любую сторону света. Никакие препятствия не испугают их, они справятся даже с самой тяжелой задачей. Эти великие и могущественные обезьяны огромной силы, летая по воздуху, несколько раз обогнули землю. У Сугривы много обезьян, равных мне и даже более великих. Нет никого, кто уступал бы мне в добродетелях. Если я пересек море, что же тогда говорить о тех героях? Великим не дают поручений, с ними отправляют лишь самых незначительных. О дева, довольно горевать. Одним прыжком вожаки сонмов обезьян достигнут Ланки, и те два льва среди людей, словно солнце и луна, предстанут пред тобой, о царевна. Скоро ты увидишь во вратах Ланки подобного льву Рагхаву и Лакшмана с луком в руке. Скоро ты увидишь войско обезьян, наделенных силой львов и тигров, чьи зубы и острые когти служат оружием. Могучие, как вожаки слоновьего стада, они не замедлят явиться сюда. Скоро ты услышишь рев вожаков обезьян на вершине горы Малая, который подобен раскатам грома. Скоро ты увидишь, как Рагхава, покорителя врагов, вернется из лесного изгнания, и вместе с тобой взойдет на трон Айодхьи. Эти благоприятные слова утешили дочь царя Митхилы, скорбящую в разлуке с тобой, и принесли мир ее душе.

Конец пятой книги СУНДАРА КАНДА

¹ Медленному, умеренному и быстрому.

² Глиняный, деревянный или сделанный из кокоса горшок, обычно используемый аскетами.

³ Саччхарум сара – лат.

⁴ Некоторые версии описывают, это было сидение из священного фигового дерева.

⁵ Каупина, или набедренная повязка, которую носят аскеты.

⁶ Или сказали «Свасти».

⁷ Это может быть любой звук врага, как например, в лесу.

⁸ Эта глава считается позднейшим вкраплением, потому что классические комментаторы не упоминают о ней. Однако мы включили ее в это издание, потому что она является интересным промежуточным эпизодом в основной истории.